

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

І Ю Л Ь.

1916 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ. А. С. Ляцинскаго.	3—21	тра Александровича Румянцева-Задунайскаго. П. М. Малкова.	59—63
II. За пятьдесятъ лѣтъ (воспом. Глѣбовой) Сообщ. Б. Скуратовъ.	22—32	VIII. Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству. В. С. Чеважевскаго.	64—95
III. Воспоминанія о Рыбаковѣ. Д. Проксурнина.	33—35	IX. Запѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны П. В.	96—143
IV. Свидѣтельство, данное Н. Ю. Акацатову дворянами Ольвиопольскаго уѣзда. М. М. Кирикова.	36—38	X. Воспоминанія о Н. А. Вышнеградскомъ. Н. Авенариуса.	144—145
V. Московскій Звенигородъ и Саввинъ Сторожевскій монастырь. Б. А. С.	39—47	XI. Александръ I въ Архангельскѣ. П. Едемскаго.	146—149
VI. Вѣнокъ на гробъ Пушкина. Н. Лернера.	48—58	XII. Дневникъ И. И. Шамшина.	150—157
VII. О портретѣ фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. П. М. Малкова.		XIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 2-го по 16-е декабря 1915 г.	158—160

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VII я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1916 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ
16-го по 31-е декабря 1915 года.

Балдинъ, А. В. Очерки по исторіи Россіи XVII вѣка. Вып. I. О причинахъ возникновенія перваго стрѣлецкаго бунта. (15-го мая 1682 г.). ПГ. 1915. Тип. А. Бенке (Новый пер., 2). 8° (15×21). 120 стр. Ц. 60 к. Вѣсь 15 л. 500 экз.

Варнеке, Б. В. Какъ составилось собраніе „Каменныхъ бабъ“ Музея Одесскаго общества исторіи и древностей. Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса (Херсонская, 5). 8° (21×27). 12 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

Гершензонъ, М. Русскіе процилен т. 3. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Писанія И. С. Тургенева не включенныя въ собранія его сочиненій. М. 1916. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Тип. т-ва И. Н. Кушнерова и К°. (Пименовская, с. д. 8° (18×25). VI+350 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 20 л. 3.000 экз.

Извѣстія Императорской Археологической комиссіи. Прибавленіе къ вып. 58-му. (Хроника и библиографія, вып. 28). ПГ. 1915 г. Тип. Главное управленіе Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20×29). 142 стр. Вѣсь 26 л. 900 экз.

Извѣстія Одесскаго библиографическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Томъ IV. Вып. 34. Одесса. 1915. Тип. Центральная (Херсонск., 21). 8° (17×25). 129—208 стр. Ц. 45 к. Вѣсь 9 л. 500 экз.

Извѣстія Совѣта Императорскаго Русскаго театральнаго общества Сентябрь—Октябрь 1915 г. Вып. №№ 17—18. ПГ. 1915 г. Тип. Тов. Печ. и изд. дѣла Трудъ (Кавалергардск., 40). 4° (24×32). 24 стр. Съ рис. Вѣсь 5 л. 2.400 экз.

Изъ архива рода Сониныхъ. (Отд. оттиски изъ II книги „Трудовъ Тульской губ. Ученой архив. комиссіи“) Тула. 1915. Тип. Е. И. Дружининой. 8° (17×24). 15 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Изъ прошлаго. Часть 2-я. (Отд. отъ изъ II книги Трудовъ Тульской губернской ученой архивной комиссіи). Тула 1915. Тип. Е. И. Дружининой. 8° (17×25). 45 стр. Вѣсь 5 л. 200 экз.

Каталогъ книгъ № 18 по исторіи, археологій, нумизматикѣ, искусству, исторіи литературы и критики, языкознанію, военнымъ вопросамъ, религіи и расколу. Антикварнаго магазина С. Н. Котова. ПГ. 1915. Тип. А. Аригольда (Литейный, 59). 8° (16×24). 34 стр. Вѣсь 4 л. 1.200 экз.

Красковскій, Александръ. Борьба противъ уни въ Западной Россіи и единство Русскаго народа въ 1648—1668 г.г. (Историческое изслѣдованіе). Витебскъ. 1914. Тип. Манковича и Сролювича. 8° (17×26). 245+2 нен. стр. Ц. 1 р. Вѣсь 27 л.

Лукомскій, Г. К. Памятники старинной архитектуры Россіи Часть I. Русская провинція. ПГ. 1916. Изд. Шишовникъ. Тип. Сенатская. 4° (24×31). 393 стр. съ рис. Ц. 7 р. 50 к. Вѣсь 4 ф. 27 л. 1.000 экз.

Историческое издание

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1916.

ЮЛЬ—АВГУСТЪ—СЕНТЯБРЬ.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ.

DK
1
7
7
1

**INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON**

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Императорскаго Училища Глухонѣмыхъ. Мойка, 54.
1916.

Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамъ ¹⁾.

(Окончаніе).

Возвращеніе въ Амстердамъ и вторичное пребываніе въ немъ.

Яхта съ Высокими гостями подошла къ торжественно убранному Амстердаму; каждый, кто не участвовалъ въ встрѣчѣ Императора въ Саардамъ, спѣшилъ теперь на берегъ чтобы увидѣть что-либо изъ того блистательнаго зрѣлища, подобнаго которому ничего не было съ самаго 1768 г. и о которомъ знали только изъ рассказовъ предковъ или художественныхъ произведеній нашихъ лучшихъ мастеровъ.

На громадномъ пространствѣ, которое могъ только обхватить глазъ, все—и набережныя и дома—кишѣло людьми, и море пестрѣло отъ безчисленныхъ парусныхъ судовъ.

Воздухъ задрожалъ отъ радостныхъ кликовъ, когда Императоръ, а за нимъ владѣтельный принцъ съ окружающими его лицами сошли на берегъ, въ самый центръ громадной народной толпы.

Высокіе гости направились въ экипажахъ сначала во дворецъ, а вскорѣ послѣ этого къ зданію Общества „Felix Meritis“.

Еще до прибытія монарха въ Амстердамъ городской администраціею было рѣшено въ случаѣ, если российский Императоръ осчастливитъ этотъ городъ своимъ посѣщеніемъ—предложить ему осмотрѣть названное выше зданіе, какъ одно изъ наиболѣе достопримѣчательныхъ городскихъ сооруженій, и потому заблаговременно были приняты мѣры, чтобы оказать здѣсь Императору Всероссійскому встрѣчу, достойную его высокаго званія. Тогда же у владѣтельнаго

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1915 г.

„Русская Старина“, т. CLXVII. Іюль 1916 г.

принца было испрошено разрѣшеніе вечеромъ 3-го іюля дать, въ помѣщеніи названнаго общества, большой концертъ.

Около 10 часовъ Монархъ и сопровождавшія его Высокія Особы прибыли къ зданію Общества „Felix Meritis“.

Они прослѣдовали въ небольшой аванзалъ и здѣсь Корнелій Ковенсъ (Covens) имѣлъ счастье привѣтствовать Монарха въ слѣдующихъ словахъ:

„Всемилоствѣйшіи Государь!

„Разрѣшите Предсѣдателю Общества выразить Вашему Величеству, отъ лица всѣхъ членовъ его, одушевляющія ихъ чувства благоговѣйной преданности. Удостоенные высокой чести лицезрѣть Освободителя Европы въ стѣнахъ этого учрежденія, они счастливы, что получаютъ возможность засвидѣтельствовать о томъ чувствѣ глубокой благодарности, какое они питаютъ къ особѣ Вашего Величества и Вашимъ Высокимъ Союзникамъ за освобожденіе отъ рабства, не только тяготѣвшаго на общемъ благосостояніи народа, но также сильно задерживавшаго цивилизацію и препятствовавшаго развитію тѣхъ самыхъ наукъ и искусствъ, которыя сосредоточены въ этомъ Обществѣ и которыя находятъ здѣсь почитателей и покровителей“.

Государь весьма милостиво отвѣтилъ на эту привѣтственную рѣчь, послѣ чего Его Величество былъ ознакомленъ болѣе детально съ характеромъ дѣятельности этого Общества. Затѣмъ разговоръ перешелъ на рѣдкій, отпечатанный по повелѣнію Петра Великаго, экземпляръ библіи, которымъ владѣетъ Общество и который былъ представле нъ для обозрѣнія, Его Величества.

Послѣ этого Высокіе Гости отправились въ концертный залъ, гдѣ уже собралось большое общество, состоявшее изъ членовъ названнаго ученаго института, ихъ женъ и другихъ лицъ. Оба Государя были почтительно встрѣчены и привѣтствованы, оркестръ же началъ не раньше, какъ они заняли роскошно отдѣланныя для нихъ особыя мѣста на балконѣ.

Мы не будемъ давать здѣсь отчета объ исполненіи музыкальныхъ пьесъ; мы ограничимся тѣмъ, что скажемъ, что лучшіе артисты употребили все свое искусство, чтобы заслужить похвалу, и что артистки Граве (Grave) и Аберлеви (Aberleven) своимъ пѣніемъ обратили на себя особое вниманіе Императора, вслѣдствіе чего, позже, когда Монархъ

вернулся въ маленькій аванзалъ, названнаго артистки были представлены Его Величеству и удостоились самаго лестнаго отзыва объ ихъ высокой талантливости. То же самое было по отношенію къ маленькому сыну Дахме (Dahme), который, имѣя отъ роду всего только 8 лѣтъ, уже приобрѣлъ славу замѣчательнаго игрока на флейтѣ. Онъ былъ также представленъ Императору, который сердечно расцѣловалъ малютку-артиста.

Затѣмъ Государю предложена была закуска, послѣ чего Его Величеству угодно было вступить въ бесѣду съ знаменитымъ профессоромъ ван-Свинденомъ (van Svinden). Послѣдній, по просьбѣ другихъ сочленовъ Общества „Felix Meritis“ представивъ Государю альбомъ, на первой страницѣ котораго были написаны извѣстные стихи ученаго Иеронима-де-Бошъ (Jeronimo de Bosch), посвященные названному Обществу,—почтительнѣйше просилъ Его Величество оказать этому Обществу особую милость: внести что-либо въ альбомъ своею рукою и этимъ освятить памятную книгу, предназначенную, чтобы свидѣтельствовать о благорасположеніи къ Обществу всѣхъ тѣхъ, которые въ будущемъ посѣтили бы это учрежденіе.

Его Величество не пожелалъ быть первымъ, внесшимъ въ эту книгу свой автографъ, и спросилъ: нѣтъ ли другой книги, въ которую всѣ члены Общества вписываютъ обычнымъ порядкомъ свои имена. На это отвѣтили утвердительно. Такою книгою могъ служить Уставъ названнаго Общества. Книга была немедленно принесена и представлена Государю чрезъ профессора ван-Свиндена. Монархъ соизволилъ, рядомъ съ именемъ младшаго члена, начертать:

„Le 3 juillet 1814.

Alexandre“.

Великъ былъ восторгъ окружающихъ, велика была всеобщая радость членовъ Общества, имѣвшихъ нынѣ въ обладаніи своемъ автографъ той руки, которая спасла Европу и которая здѣсь оставила свидѣтельство своего высокаго покровительства наукамъ и искусствамъ.

Почти до полуночи Общество имѣло счастье наслаждаться присутствіемъ Императора.

Высокихъ Гостей торжественно проводили до экипажа и, въ сопровожденіи почетнаго эскорта изъ національной гвардіи, повезли вдоль лучшихъ каналовъ городскихъ,

чтобы показать иллюминацію, которая была столь же блестяща, какъ и въ предыдущій вечеръ.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня Государь снова пожелалъ сдѣлать попытку — пройтись по городу не будучи узваннымъ.

Около 10 часѣвъ въ домъ ван-Винтера (v. Winter), славившійся своимъ богатымъ собраніемъ художественныхъ произведеній, послали узнать — могутъ ли два русскихъ офицера осмотрѣть это собраніе, и хотя самихъ владѣльцевъ его (ван-Винтеръ съ сестрами и совладѣлецъ-шуринъ его) не было дома, но разрѣшеніе немедля получилось, и Императоръ поспѣшилъ отправиться въ этотъ домъ.

Просматривая здѣсь картины и высказывая о нихъ тѣ или другія сужденія, Государь замѣтилъ, что онъ не знатокъ картинъ и судить о нихъ, какъ онѣ ему представляются; между тѣмъ всѣ сужденія его были настолько вѣрны, что не могли не удивить всѣхъ.

Инкогнито, однако, скоро было открыто; несмотря на это, Монархъ также привѣтливо обращался со всѣми присутствующими, въ особенности съ профессоромъ ван-Леннепъ (v. Lenner), шуриномъ и совладѣльцемъ ван-Винтера, который тотчасъ же поспѣшилъ лично явиться въ залъ, какъ только ему дали знать о Высокомъ Посѣтителѣ.

Изъ наиболѣе понравившагося Императоръ отобралъ для себя нѣсколько картинъ, изображавшихъ ландшафты, въ числѣ которыхъ были, особенно остановившіе на себѣ вниманіе Государя, два сельскихъ вида (van den Uithorn van den Amstel). Монархъ вписалъ также свое имя въ книгу, предназначавшуюся для посѣтителей и которая была уже украшена именемъ сестры Императора, Екатерины, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ также посѣтившей это хранилище искусствъ.

Къ тому времени, когда Государь окончилъ осмотръ и выборъ картинъ и намѣревался уже уходить, большая толпа лицъ, жаждавшая видѣть русскаго Монарха, собралась передъ домомъ. Желая избѣжать овацій, Государь вышелъ съ другой стороны бюро, выходящей на каналъ, и, благодаря этому, никѣмъ не узанный, къ 11 часамъ вернулся во дворецъ.

Старшій владѣлецъ художественнаго собранія картинъ, ванъ-Винтеръ, вернувшійся съ дачи въ свой домъ уже послѣ ухода Императора, узнавъ отъ своихъ совладѣльцевъ, сестеръ и шурина, о посѣщеніи его дома русскимъ царемъ

и о томъ, что они очень желали бы тѣ двѣ картины,—на которыхъ Государь остановилъ особое свое вниманіе,—предложить своему Высокому Посѣтителю въ даръ, сталъ прінскивать случай осуществить это желаніе. И это посчастливилось ему во время посѣщенія Монархомъ биржи (о каковомъ посѣщеніи будетъ разсказано позже). Сдѣланное здѣсь Государю ван-Винтеромъ предложеніе Его Величество изволилъ сначала отклонить, сказавъ, что картины ему понравились и потому онъ уже рѣшилъ ихъ купить, но затѣмъ Государь уступилъ и согласился принять картины на память о своемъ посѣщеніи ¹⁾.

По возвращеніи во дворецъ, Монархъ, въ сопровожденіи владѣтельнаго принца и его сыновей, осматривалъ дворцовый музей картинъ и другихъ художественныхъ предметовъ, находящихся здѣсь. Корнелій Апостооль (Apostool), членъ и директоръ Нидерландскаго Института, встрѣтилъ Императора въ музеѣ и давалъ всѣ необходимыя объясненія.

Императоръ освѣдомился у директора объ извѣстной ему большой картинѣ, написанной ван-дер-Гельстомъ (van der Helst') и когда она была показана Его Величеству, съ восхищеніемъ осматривалъ ее, отозвавшись съ тою высокою похвалою, какую заслужило это художественное произведеніе за свою экспрессию и правдивость: долго созерцалъ онъ безмолвно знаменитую картину „Со свѣчею“ (Kaarslicht) кисти ван-Доу (Douw), любовался картинами Рембрандта а также морскими этюдами ван-дер-Вельде и многими другими шедеврами голландскаго искусства.

Послѣ этого Высокія Особы осматривали кабинетъ съ медалями и особый отдѣлъ въ немъ—золотыя медали; пробывъ здѣсь довольно долго, онѣ отправились, затѣмъ осмотрѣть художественное собраніе, принадлежащее извѣстному Brentano (Brentano).

Здѣсь они проведены были въ большую залу, всю наполненную картинами современныхъ художниковъ. Это вызвало пріятное удивленіе Государя и онъ сказалъ:

„ я не представлялъ себѣ, чтобы въ вашей странѣ было такъ много и такихъ замѣчательныхъ художниковъ“.

и съ большою похвалою отозвался о привѣтливомъ хозяинѣ дома, какъ покровителѣ и поощрителѣ художниковъ. Потомъ,

¹⁾ Императоръ, въ свою очередь, отблагодарилъ за это любезное подношеніе драгоцѣннымъ брилліантовымъ кольцомъ.

будучи проведенъ въ другой залъ, гдѣ висѣли художественныя произведенія XIV и XV вѣковъ, Монархъ обратилъ особое вниманіе на различныя картины съ церковно-историческимъ сюжетомъ.

Съ неменьшимъ удовольствіемъ Императоръ осмотрѣлъ два зала съ произведеніями нидерландскихъ художниковъ изъ временъ наибольшаго расцвѣта искусствъ въ этой странѣ; въ особенности обратила на себя вниманіе Государя картина ван-Гальса (v. Hals), написанная имъ съ необыкновенною экспрессіею и искусствомъ. Въ залѣ, отведенномъ для картинъ итальянской школы, Монархъ былъ пораженъ не только картинами замѣчательнѣйшихъ мастеровъ, но также богатствомъ орнаментовъ у статуй и вазъ. Картины изъ древне-библейскихъ событій, изображеніе Мадоннъ и проч. осматривались Государемъ съ особымъ вниманіемъ и высказывавшіяся имъ сужденія о тѣхъ или другихъ картинахъ свидѣтельствовали о большомъ пониманіи искусства.

При отбытіи своемъ Высокія Особы въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ высказали свою благодарность просвѣщенному обладателю этого знаменитаго сокровища искусствъ, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, былъ не менѣе доволенъ крайне лестнымъ для него посѣщеніемъ Высокихъ Гостей.

Возвратясь во дворецъ половина 2-го часа, Его Величество, въ сопровожденіи принца Оранскаго и небольшой свиты, отправился пѣшкомъ къ новой церкви и посѣтилъ ее. Могила величайшаго морского героя, Михеля-де-Рейтера (de Ruyter) обратила здѣсь на себя особое вниманіе Его Величества. Съ чувствомъ глубокаго уваженія къ могилѣ Монархъ спросилъ: „разрѣшается ли ходить по ступенькамъ надгробнаго памятника“, а затѣмъ осмотрѣлъ все подробно съ необычайнымъ интересомъ.

Послѣ этого Государь сѣлъ въ экипажъ и отправился въ Hortus botanicus, гдѣ Монарха ожидали бургомистры города и профессоръ Г. Фроликъ (Vrolik); послѣдній долженъ былъ демонстрировать всѣ достопримѣчательности, имѣвшіяся въ названномъ саду.

Государю очень понравилось устройство этого учрежденія; онъ привялъ благосклонно *catalogus plantarum*, перелисталъ его бѣгло и показалъ себя если не специалистомъ ботаникомъ, то усерднымъ другомъ представителей царства растительнаго. Многія изъ растений обратили на себя вниманіе Его Величества, въ особенности *thamus elephantipes*,

отличающійся своею оригинальною формою и своеобразнымъ способомъ своего размноженія, а также одно растеніе, добытое знаменитымъ Тюнбергомъ (Thinberg) во время поѣздки его на мысъ Доброй Надежды, каковая поѣздка была предпринята названнымъ ученымъ на средства нѣкоторыхъ меценатовъ наукъ въ Амстердамѣ.

Послѣ этого Высокія Особы отправились въ одну изъ древнихъ городскихъ церквей, гдѣ съ большимъ интересомъ были осмотрѣны знаменитыя расписныя окна церковныя, а также надгробные памятники нѣкоторыхъ морскихъ героевъ Нидерландъ.

Затѣмъ еще разъ поѣхали въ Общество „Felix Meritis“.

Комиссары и члены Общества не могли даже мечтать о томъ, чтобы послѣ той чести, которая была имъ оказана наканунѣ вечеромъ, они были удостоены вторичнымъ посѣщеніемъ, а между тѣмъ дѣйствительность послала имъ это счастье.

Бургомистры еще рано утромъ оповѣстили комиссаровъ о желаніи Монарха подробно осмотрѣть все названное выше учрежденіе и поэтому спѣшно сдѣланы были необходимыя распоряженія.

Около 2 часовъ дня прибылъ Императоръ вмѣстѣ, съ владѣтельнымъ принцемъ и сопровождаемый большою свитою. Они были встрѣчены и проведены въ аванзалъ, который уже былъ украшенъ лучшими произведеніями членовъ Общества.

Затѣмъ Высокіе Посѣтители направились въ аудиторію или большой залъ аудіенцій, принадлежащій отдѣламъ торговли и изящныхъ наукъ; залъ этотъ былъ наполненъ многочисленнымъ обществомъ, состоявшимъ изъ членовъ названныхъ отдѣловъ съ ихъ женами; на обратномъ пути они зашли въ особый кабинетъ, гдѣ ими была осмотрѣна богатая коллекція по естествознанію и искусствамъ, собранная ван-Гемертомъ (Nemert).

Въ амфитеатрѣ для естествознанія собралось также много членовъ; Іоханнъ Буйсъ (Buys), лекторъ по естествознанію, уже находился здѣсь для демонстрированія нѣкоторыхъ научныхъ опытовъ. Онъ привѣтствовалъ Императора краткою рѣчью и просилъ разрѣшенія произвести опытъ, который показалъ бы, что холодъ, вызванный быстрымъ испареніемъ, напр. при помощи эира, настолько великъ, что вода, даже въ лѣтній періодъ года, замерзаетъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

Опытъ былъ произведенъ удачно. Его Величеству угодно было при этомъ замѣтить, что однажды, въ іюль мѣсяцѣ, въ Петербургѣ, выпалъ снѣгъ на цѣлыхъ два фута глубиною и оставался лежать въ продолженіе пяти дней,—одно изъ явленій природы, несомнѣнно подтверждающее демонстрированный опытъ.

Въ музеѣ, содержащемъ инструменты, употребляемые въ естествознаніи и въ наукахъ математическихъ и механическихъ, Императоръ обратилъ вниманіе на инструментъ Атвуда (Atwood), служащій для измѣренія ускоренія свободно падающаго тѣла. Присутствовавшей здѣсь профессоръ ван-Свинденъ (Swinden) далъ краткое описаніе этого остроумнаго изобрѣтенія, пояснивъ тутъ же произведеннымъ опытомъ.

Послѣ того были посѣщены залъ для художественнаго рисованія и скульптурная галлерей. Здѣсь членъ Института и инспекторъ кабинета рисованія, Диркъ Ферстеегъ (Versteeg), имѣлъ честь представить Его Величеству замѣчательную работу Людольфа Бакгейзена (Bakhuizen) и ван-Калля (Call), представляющую общую картину всего города Амстердама, съ изображеніемъ большого числа судовъ и въ числѣ ихъ яхты съ самимъ царемъ Петромъ Великимъ и бургомистромъ Витценомъ (Witsen).

Предложеніе посѣтить астрономическую обсерваторію, гдѣ было уже все приготовлено для встрѣчи Монарха, было мягко отклонено въ виду недостатка времени.

Выразивъ представителямъ общества „Felix Meritis“ свое полное удовольствіе, полученное отъ всего видѣннаго, и благодарность за оказанный имъ пріемъ, Высokie Гости отбыли изъ этого учрежденія. Двойное посѣщеніе Императоромъ Общества оставило надолго, среди нынѣшнихъ членовъ его, радостныя воспоминанія, а занесенное въ книги Общества имя великаго Государя сохранить память о посѣщеніи—и среди будущихъ его членовъ.

Въ 3½ часа Императоръ, въ сопровожденіи своей свиты, снова отправился на биржу, гдѣ къ этому времени собрано уже было все именитое купечество. Для встрѣчи Государя явились всѣ члены торговой камеры съ вице-президентомъ Северинымъ во главѣ. На лѣстницѣ Императоръ былъ встрѣченъ уже упоминавшимся выше ван-дер-Гоопомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ комиссаровъ. При входѣ въ самое помѣщеніе биржи Монархъ былъ привѣтствованъ радостными восклицаніями всѣхъ собравшихся здѣсь.

Когда Государь увидѣлъ, что представители купечества, изъ учтивости, стояли съ непокрытыми головами, Его Величество повторными знаками выразилъ свое желаніе, чтобы всѣ надѣли свои шляпы и чтобы никто не нарушалъ обычнаго порядка своихъ занятій. Государь пробылъ здѣсь съ четверть часа, разговаривалъ съ владѣтельнымъ принцемъ и время отъ времени обращался къ ван-дер-Гоопу и Северину за разъясненіями по тому или другому вопросу.

Государь былъ доволенъ, когда ему сообщили, что биржевыя цѣны на русскіе предметы съ каждымъ днемъ поднимаются съ того времени, какъ его войска стали одерживать побѣды, о чемъ свидѣлствуютъ даже французскіе политическіе комиссары.

Въ это время Северинъ, съ соизволенія владѣтельнаго принца, обратился къ Императору, прося его разрѣшенія увѣковѣчить настоящее, столь достопамятное для Голландіи, посѣщеніе Его Величествомъ биржи какою-либо надписью. Государь отвѣчалъ, что это имѣетъ очень небольшое значеніе и, безъ сомнѣнія, много уже иностранцевъ посѣтило это учрежденіе, однако же, когда владѣтельный принцъ, съ своей стороны, сталъ настаивать на этомъ, говоря, что посѣщеніе такго прославленнаго Монарха слишкомъ достопримѣчательно, чтобы не сохранить о немъ памяти на будущія времена, то Императоръ наклоненіемъ головы изъявилъ свое согласіе.

Съ крайнею привѣтливостію Императоръ и владѣтельный принцъ простились съ окружающими ихъ лицами и отбыли, сопровождаемые оживленными восклицаніями всѣхъ присутствовавшихъ.

Позже, въ соотвѣтствіи съ изъявленнымъ Императоромъ согласіемъ, на фризахъ верхней части одной изъ колоннъ биржевого зданія была водружена мраморная доска, на которой золотыми буквами были высѣчены слѣдующія строки, составленныя поэтомъ Корнелиемъ Лоотсомъ (Loots):

„Царь Александръ въ ножны побѣдный мечъ свой вложилъ.
И взоромъ мира биржу Амстеля озарилъ.

IV Іюля MDCCCXIV“.

Въ полдень во дворцѣ состоялся парадный обѣдъ, во время котораго модель домика Петра Великаго въ Саардамъ, наканунѣ поднесенная Императору, служила однимъ изъ украшеній обѣденнаго стола, будучи поставлена напротивъ

висѣвшей надъ столомъ художественно исполненной миниатюрной модели корабля. Эта любезность была, повидному, очень пріятна Монарху.

Въ 7^{1/2} часовъ Высокое Общество отправилось, въ церемоніальномъ шествіи, въ голландскій театръ, гдѣ назначенъ былъ спектакль gala. Здѣсь ихъ ожидало уже большое число зрителей, встрѣтившихъ Высокихъ Гостей съ большимъ энтузіазмомъ и громкими радостными восклицаніями.

Императоръ занялъ мѣсто между вдовствующими принцессами Оранскою и Бруншвейгскою. Была поставлена трагедія Шекспира „Гамлетъ“: чтобы спектакль не затянулся слишкомъ долго, дали только нѣсколько сценъ изъ 3-го и 4-го дѣйствій, въ которыхъ наиболѣе ярко могла бы развернуться художественная игра лучшихъ національныхъ артистовъ. Исполненіе ролей Офеліи—артисткою Ваттье-Сіесенисъ (Wattier Siesenis) и Гамлета—артистомъ Снукомъ (Spook) понравилось Императору и дало ему благопріятное представленіе о состояніи голландскаго театра.

За этимъ послѣдовалъ восточный дивертиссементъ. Роскошь костюмовъ и красота декорацій, которыми столь прославились голландскіе театральные живописцы, обратили на себя не меньшее вниманіе, чѣмъ и искусство первой танцовщицы ван-Полли-де-Гейсъ (v. Polly de Heus), которое она проявила здѣсь во всемъ своемъ блескѣ.

Всѣ артисты соревновали одинъ съ другимъ, чтобы доставить удовольствіе Высокимъ Посѣтителямъ, которые въ свою очередь, своимъ вниманіемъ къ игрѣ и внѣшними знаками одобренія выражали, что они дѣйствительно довольны исполненіемъ артистовъ. Пробывъ на спектаклѣ полтора часа, Высокія Особы отбыли изъ театра при громкихъ радостно-привѣтственныхъ восклицаніяхъ всѣхъ присутствовавшихъ здѣсь.

Во французскомъ театрѣ ихъ ожидала хотя менѣе многочисленная, но все-таки довольно значительная толпа зрителей. Роскошные костюмы дамъ, съ букетами цвѣтовъ въ рукахъ, оживляли еще болѣе общую картину. И здѣсь также Высокіе Гости были привѣтствованы громкими аплодисментами.

Затѣмъ была разыграна хорошо скомпонованная и сопровождавшаяся пѣніемъ аллегорическая пьеса въ честь Императора.

При открытіи сцены картина изображала моментъ пре-

кращенія, царствовавшей доселѣ на землѣ, кровавой распри: снова воздвигается людьми храмъ мира и на алтарь его приносятся дары; Аполлонъ и музы снова возвращаются на землю и воздаютъ почести миротворцамъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на зрителей заключительный куплетъ, пропѣтый Аполлономъ:

„D'un vainqueur l'on chante la gloire,
 „Mais que l'on aime le guerrier.
 „Qui dans le champ de la victoire,
 „Fait croître et fleurir l'olivier.
 „Si son bras étonnait la terre,
 „Sa main la couvre de bienfaits.
 „Honneur à qui fait bien la guerre,
 „Amour à qui fait bien la paix!“.

Переводъ:

„Достоинъ быть воспѣтымъ побѣдитель,
 „Но любовь отдають тому воителю,
 „Который на поляхъ побѣды
 „Взращаетъ древо оливы.
 „Если мечъ въ его рукѣ удивилъ весь міръ,
 „То та же рука осыпала челоуѣчество благодѣянїями.
 „Слава—искусному воителю,
 „Любовь—мудрому миротворцу“.

Громкіе аплодисменты усиливались всякій разъ, когда хоръ присоединялся къ кантатѣ, начинавшейся словами „vive, vive, vive à jamais les auteurs de la paix!“ („да здравствуютъ, да здравствуютъ, да здравствуютъ навсегда создатели мира“). Послѣ этого Императоръ былъ привѣтствованъ еще нѣсколькими кантатами.

Высокіе Гости отбыли изъ театра въ 11 часовъ весьма довольные спектаклемъ и въ то же время оставивъ зрителей очарованными своею привѣтливостью и задушевностью.

Ночной отдыхъ былъ очень коротокъ для Императора. Около трехъ часовъ Его Величество вышелъ изъ дворца и, отклонивъ всѣ церемонїи проводовъ, сѣлъ въ экипажъ, чтобы продолжать дальнѣйшїй свой путь.

У т р е х т ь .

На границѣ провинціи Люненъ Высокаго Путешественника ожидали губернаторъ баронъ ван-Тейль ван-Серооскеркенъ (v. Tuyl v. Serooskerken) и комендантъ ван-Зандикъ (v. Sandick). Были сдѣланы большія приготовленія къ торжественной встрѣчѣ Императора, но Его Величество спѣшилъ возвращеніемъ, поэтому принужденъ былъ отказаться отъ всякихъ торжествъ здѣсь и, не останавливаясь на границѣ названной провинціи, прослѣдовалъ далѣе.

Въ 7 часовъ Монархъ прибылъ въ Утрехтъ. Онъ охотно принялъ предложеніе бургомистра проѣхать во дворецъ, гдѣ уже былъ приготовленъ завтракъ. Необыкновенною привѣтливостью отличалось обращеніе Государя со всѣми лицами, встрѣтившими его во дворцѣ, среди которыхъ было много знатныхъ лицъ и въ особенности дамъ.

Генераль ван-Зандикъ представилъ здѣсь Императору В. А. А. Пульмана (Roelman), инспектора главнаго управленія монетнаго дѣла въ Голландіи.

Этотъ послѣдній высказалъ Государю свою надежду, что если Его Величество соблаговолитъ удѣлить нѣсколько времени осмотру достопримѣчательностей Утрехта, то онъ не откажетъ, въ семъ случаѣ, удостоить своимъ посѣщеніемъ и монетный дворъ.

Несомнѣнно, что чеканка золотыхъ дукатовъ, какъ самой распространенной въ Европѣ торговой монеты, не могла не интересоваться Императора.

Государь посѣтилъ монетный дворъ. Въ присутствіи Его Величества была произведена чеканка и, съ разрѣшенія владѣтельнаго принца, выбита особая медаль для увѣковѣченія памяти о столь почетномъ для названнаго учрежденія посѣщеніи російскимъ Монархомъ.

Одна такая отчеканенная золотая медаль была поднесена Монарху въ знакъ выраженія глубокой преданности и Его Величество милостиво соизволилъ принять это подношеніе.

Медаль имѣла на одной сторонѣ, посреди лавроваго вѣнка, слѣдующую надпись:

„Alexandro
Pacificatori
S.“

(„Александръ Миротворцу посвящается“).

На обратной сторонѣ было изображено сіяющее солнце, а подъ нимъ слова:

„Trajecti
ad
Rhenum
MDCCCXIV“

(„Перешель Рейнъ. 1814“).

Послѣ того Императоръ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ относительно положенія въ Голландіи монетнаго дѣла, а также относительно работающихъ въ этой спеціальности механиковъ.

Затѣмъ Императору представленъ былъ А. Калькунъ (Calkoen), какъ командиръ почетнаго коннаго эскорта, который долженъ былъ сопровождать Его Величество въ дальнѣйшемъ вояжѣ. Принимая этого офицера, Государь выразилъ свое непремѣнное желаніе ѣхать дальше безъ всякаго эскорта. Намѣреніе губернатора сопутствовать Монарху до границы—было также отклонено Государемъ, соизволившимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразить губернатору, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, свою благодарность. Было около 8 часовъ, когда Его Величество выѣхалъ изъ города.

Сейсть.

Безчисленныя толпы народа стекались въ Сейсть въ ожиданіи пріѣзда сюда Императора, такъ какъ было весьма вѣроятно, что Его Величество, подобно своей Августѣйшей сестрѣ, пріѣзжавшей сюда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, остановится въ Сейсть на нѣкоторое время и посѣтитъ находящійся здѣсь братскій домъ.

Дѣйствительно, нигдѣ не останавливаясь, Государь прямо проѣхалъ въ этотъ домъ. Обширная трапезная братства была уже приготовлена, чтобы принять Высокаго Гостя. Здѣсь собралось большое общество, поджидавшее Императора въ почтительномъ молчаніи. Монархъ шелъ съ непокрытою головою, ведомый почтеннымъ сѣдовласымъ пасторомъ Трешо (Treschow) и сопутствуемый бургомистромъ и реформатскими пасторами и другими лицами. Онъ шелъ увѣреннымъ шагомъ, съ достоинствомъ и простотою.

Императоръ отвѣдалъ съ удовольствіемъ предложенныхъ ему въ трапезной яствъ, продолжая, въ то же время, принимать участіе въ общемъ разговорѣ. Казалось, что онъ желаетъ, прежде всего, чтобы на него смотрѣли только какъ на желаннаго гостя и рѣшительно забыли, что онъ Монархъ.

Послѣ этого Государь принялъ предложеніе осмотрѣть всѣ мастерскія братства и, сопровождаемый почетнымъ гидомъ, обошелъ ихъ и осмотрѣлъ все со вниманіемъ и съ тѣмъ интересомъ, который обнаруживалъ въ немъ какъ попечительнаго Государя, заботливо слѣдящаго за успѣхами въ промышленности и искусствахъ, такъ и любезнаго гостя, умѣющаго уважать внимательность со стороны хозяина дома даже въ мелкихъ случаяхъ ея проявленія. Государь былъ очень доволенъ, что въ этой прогулкѣ онъ былъ избавленъ отъ назойливости любопытной толпы и обнаруженная его спутниками заботливость въ этомъ отношеніи вызвала особую признательность Монарха.

Во время посѣщенія братскихъ мастерскихъ громадная толпа народа стала направляться къ красивому зданію кирки, украшенному къ этому дню, съ большимъ вкусомъ зеленью.

Отъ братскаго дома до храма дорога была очищена отъ толпы. Въ самой церкви все было готово для встрѣчи. Пространство посреди храма оставалось свободнымъ, только галлерей, мѣста подъ ними и стулья на переднихъ мѣстахъ были заполнены зрителями. Въ нижней части храма, въ сторону галлерей, назначенной для дамъ, противъ самага органа, было поставлено, на небольшомъ коврѣ, кресло; по лѣвой и правой сторонѣ, немного подавшись назадъ, стояли обычныя скамьи.

Послѣ краткаго ожиданія раздался голосъ: „музыка“. Понеслись тихіе и проникающіе въ душу звуки органа и пѣнія извѣстнаго германскаго гимна: „Нынѣ возблагодарите всѣ Господа Бога“. Подъ пѣніе перваго стиха Императоръ вошелъ въ храмъ. Ему почтительно указали предназначенное для него мѣсто; но онъ не пожелалъ воспользоваться приготовленнымъ ему кресломъ и сѣлъ на одинъ изъ стульевъ, недалеко отъ престарѣлаго пастора, и съ благоговѣніемъ принялъ участіе въ трогательномъ пѣніи. На всѣхъ присутствующихъ это произвело глубочайшее впечатлѣніе. Видѣли слезы на глазахъ у людей, никогда

не плакавшихъ раньше при подобныхъ умилительныхъ сценахъ.

Когда пѣніе гимна было закончено, достопочтенный Трешо (Treschow) обратился къ Государю съ просьбою—разрѣшить исполнить кантату, сочиненную на данный случай. Малолѣтняя дочь ван-Лаара (v. Laar), одѣтая во все бѣлое, съ милою скромностью представила Государю копию этой кантаты, сочиненной на нѣмецкомъ языкѣ поэтомъ Толленсомъ (Tollens). Его Величество весьма привѣтливо принялъ поднесенное и со вниманіемъ прочиталъ текстъ кантаты.

Началось исполненіе. Пѣніе и сопровождавшая его музыка заслуживали не меньшаго одобренія, чѣмъ и слова кантаты.

По окончаніи пѣнія всѣ были глубоко растроганы—Императоръ, пасторъ и слушатели; и не было ли естественнымъ, что созерцаніе Государя, который отстраняетъ отъ себя всѣ внѣшнія отличія своего высокаго сана, вызвало у пастора мысль: „здѣсь сидитъ Монархъ, побѣдоносно возвращающійся съ войны, подобной которой не было доселѣ въ исторіи народовъ, и къ ногамъ его склоняется въ эти минуты благодарная и восхищенная Европа. Здѣсь сидитъ онъ вдали отъ милліоновъ своихъ подданныхъ, отъ своего двора, отъ своихъ приближенныхъ. Здѣсь сидитъ одинъ онъ въ храмѣ братской общины, чтобы, посреди братій ея, вознести хвалу Всемогущему Богу и преклониться предъ Нимъ“. Столь же естественнымъ послѣдствіемъ этой мысли явилось, что набожный Трешо, когда закончилось пѣніе кантаты, обратился къ Монарху со слѣдующею, экспромптомъ сказанною (на нѣмецкомъ языкѣ), рѣчью:

„Приготовляя торжественную встрѣчу, мы думали, что она будетъ отвѣчать мыслямъ Вашего Величества. Но Вы, Всемиловитѣйшій Государь, явили всему міру образъ Монарха, который послѣ блестящихъ успѣховъ своихъ предпріятій—не себѣ, но единому Богу воздаетъ хвалу и славу и предъ Нимъ самъ во смиреніи склоняется. И за то Онъ былъ съ Царемъ и пребудетъ съ нимъ на вѣки“.

Пожатіе руки, говорящее сильнѣе словъ, было отвѣтомъ Императора.

Общее глубокое впечатлѣніе сказалось въ почтительной торжественной тишинѣ среди присутствующихъ.

Послѣ того всѣ направились въ домъ для сестеръ общины, а изъ него во вдовій домъ, осмотрѣвъ всѣ эти помѣщенія,

Монархъ отправился въ дальнѣйшій путь, пробывъ, такимъ образомъ, въ Сейстѣ полтора часа. О, какъ благословляли всѣ его, какъ изъ глубины сердець неслись, въ слѣдъ ему, восклицанія: „да здравствуетъ Александръ Великодушный!“ и отъ тѣхъ же благодарныхъ сердець посыпались ему пожеланія: „чтобы ему сопутствовало счастье столь же великое, какъ велика слава о добродѣтеляхъ его“.

Поѣздка чрезъ Гельдерландъ въ Нимвегенъ (Nimwegen) и отъѣздъ.

Императоръ Александръ продолжалъ свое путешествіе изъ Сейста чрезъ Дрибергенъ и Доорнъ и прибылъ, въ часъ дня, въ Америкенъ, въ домъ, принадлежащій вдовствующей графинѣ ван-Реде ван-Атлонъ (van Rheede van Athlone). Ея сынъ, милордъ Атлонъ, принялъ Высокаго Путешественника въ замкъ, гдѣ уже былъ приготовленъ завтракъ. Послѣ двухъ-часовой остановки, во время которой Государь немного отдохнулъ, Его Величество отправился въ дальнѣйшій путь по направленію къ Нимвегену.

На Вильшскомъ (Wielsche) фарватерѣ былъ наведенъ особый мостъ, на который былъ насланъ коверъ и поставлена палатка; кромѣ того, на мосту были и другія украшенія. Когда Государь увидѣлъ все это, онъ съ замѣтнымъ волненіемъ, обращаясь къ окружающимъ, воскликнулъ:

„О, люди! Развѣ я не человекъ подобный имъ? Почему же они воздаютъ мнѣ столь много почестей!“.

Монархъ не пожелалъ воспользоваться приготовленнымъ спеціально для него сооруженіемъ и переѣхалъ по обыкновенному мосту, не выходя, по причинѣ дождя, изъ своего экипажа. Его Величество выразилъ также рѣшительное свое желаніе, чтобы изъ орудія, которое было доставлено сюда спеціально для даннаго случая, не производилось бы никакихъ салютовъ.

На другомъ берегу Монархъ былъ встрѣченъ барономъ ванъ-Линденъ, который, въ качествѣ губернатора провинціи Гельдерландъ, привѣтствовалъ Императора краткою рѣчью.

Здѣсь же находились также: комиссаръ округа—Дикмеестеръ (Dykmeester) и военный комендантъ—генераль Брюсъ (Bruse).

Всѣ эти лица были благосклонно приняты Императоромъ, выразившимъ здѣсь свое твердое намѣреніе путешествовать безъ всякой свиты и безъ воинскихъ эскортовъ, которые стояли уже въ разныхъ пунктахъ наготовѣ, чтобы сопровождать Высокаго Гостя.

Императоръ прослѣдовалъ чрезъ Геммень (Nemmen), гдѣ для встрѣчи его былъ собранъ ландштурмъ изъ Вагенингена (Wageningen) съ отрядомъ музыкантовъ. Государь, замѣтивъ, что командиръ ван-Даленъ (Dalen) имѣетъ намѣреніе привѣтствовать его здѣсь, изволилъ милостиво приказать опустить верхъ экипажа, послѣ чего и выслушалъ благосклонно произнесенную рѣчь.

Въ Лентѣ (Lent) собрались большія толпы народа изъ окрестныхъ мѣстностей; тутъ же находился значительный конный отрядъ, составленный изъ знатнѣйшихъ юношей Аригема (Arihem) и предназначавшійся служить почетнымъ конвоемъ на случай пріѣзда Государя.

При переѣздѣ къ Нимвегену Монархъ былъ встрѣченъ у летучаго моста, со вкусомъ убраннаго, комиссаромъ этого округа, а на другой сторонѣ рѣки былъ привѣтствованъ городскимъ управленіемъ.

Императоръ и здѣсь также просилъ освободить его отъ всякихъ торжественныхъ церемоній, также какъ и отъ эскортированія почетною стражею, отъ пушечныхъ салютовъ и проч.

При оглушительныхъ радостныхъ восклицаніяхъ безчисленной толпы народа проѣзжалъ Государь, сопровождаемый своимъ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Толстымъ, чрезъ Нимвегенъ, богато разукрашенный различными триумфальными арками. При проѣздѣ черезъ одну изъ такихъ арокъ, сооруженную на средства города, Монархъ былъ салютованъ войсковыми знаменами. Наконецъ онъ прибылъ къ отелю барона ван-Нейенкирхена, называемому Нивенгеймъ (Nivenheim); въ ожиданіи, что Государь сдѣлаетъ остановку въ Нимвегенѣ и проведетъ здѣсь ночь, названный отель былъ заблаговременно приготовленъ, съ большою роскошью, для пріема въ немъ Его Величества. Императоръ былъ встрѣченъ здѣсь губернаторомъ и 14 молодыми дочерьми знатнѣйшихъ фамилій, которыя изъ изящныхъ корзиночекъ усыпали цвѣтами путь Монарха, въ то время какъ нѣсколько юношей стояли въ ожиданіи быть призванными къ Императору, чтобы служить ему пажамъ.

Передъ тѣмъ, какъ Государь успѣлъ прослѣдовать въ отель, произошелъ трогательный эпизодъ.

Генераль Толстой, братъ гофмаршала Толстого,—человѣкъ, котораго Императоръ Александръ чтить какъ война и любилъ какъ друга,—возвращаясь изъ Гамбурга, остановился въ Нимвегенѣ, чтобы ожидать здѣсь приѣзда Государя. Они не видались другъ съ другомъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, и теперь, послѣ столь тяжелыхъ заботъ, послѣ столь важныхъ политическихъ событій и столь счастливаго исхода,—встрѣча ихъ была особенно радостна. Какъ только Императоръ узналъ Толстого, онъ дружески раскланялся съ нимъ и едва успѣлъ выйти изъ экипажа и подойти къ крыльцу, какъ оба они бросились навстрѣчу одинъ къ другому, и вновь найденный другъ былъ братски заключенъ въ объятія,—различіе между Монархомъ и подданнымъ—перестало существовать. Встрѣча обоихъ братьевъ была не менѣе сердечна.

Государь оставался только весьма короткое время въ отелѣ и, спѣша продолжать свой путь, отказался отъ приготовленнаго для Его Величества обѣда. Выразивъ губернатору свое желаніе, чтобы этотъ послѣдній не сопровождалъ его до границы, поблагодаривъ владѣльца дома, въ которомъ онъ останавливался, и сказавъ на перронѣ дружескій комплиментъ юнымъ его дочерямъ, Государь сѣлъ въ экипажъ, скоро выѣхалъ изъ предѣловъ Голландіи и вечеромъ того же дня проѣхалъ чрезъ Клефъ (Cleef) къ замку фон-Гунъ фон-Гунсбрюкъ (Heensbrück) у Гельдера, гдѣ Ея Императорское Высочество, вдовствующая герцогиня Ольденбургская, ожидала уже своего августѣйшаго брата.

На долю населенія Нимвегена выпало менѣе счастья лицезрѣть любимаго, обожаемаго Александра. Но къ приему его были сдѣланы жителями большія приготовленія, такъ какъ, ожидая Высокаго Гостя къ вечеру, рассчитывали устроить встрѣчу при блескѣ роскошныхъ иллюминаціонныхъ огней.

Всѣ жители соревновали одинъ съ другимъ въ устройствѣ разныхъ украшеній на домахъ, улицахъ и т. п., и вездѣ было обнаружено столько же вкуса, какъ и разнообразія.

Передъ зданіемъ общества „Согласіе“ по краямъ колоннады читалось слѣдующее латинское четверостишіе:

„Alter Alexander vincendo subjicit orbem,
Alter vincendo libera regna creat.“

Gentibus a domitis si Magnus dicitur alter,
 Pacatis merito Maximus alter erit.

(Одинъ Александръ завоевалъ міръ желѣзомъ, другой Александръ — желѣзомъ возвращаетъ народамъ свободу. Если одинъ Великимъ названъ за то, что покорилъ народы, другой—даровавшій имъ миръ — достоинъ быть названъ *Величайшимъ*).

Наверху карниза была нарисована аллегорическая картина, съ изображеніемъ Славы, испускающей хвалу Александру Величайшему. Вокругъ этой картины развѣвались флаги союзныхъ державъ.

На другомъ зданіи Общества, не менѣе отличавшемся своею изящною простотою, выдѣлялась слѣдующая надпись:

„Водворенный нынѣ среди народовъ миръ проистекаетъ изъ побѣдъ Александра и его союзниковъ. Онъ возвращается въ свое Царство, сопровождаемый любовью и благодарностью народовъ“.

Очень просто и въ то же время величаво былъ украшенъ отель, въ которомъ останавливался Императоръ. Надъ балкономъ свѣтящимися буквами были изображены слова:

*„Привѣтъ
 Александру Благословенному“.*

Сообщ. А. С. Лацинскій.

За пятьдесятъ лѣтъ.

(Воспоминанія г.г. Глѣбовыхъ).

ГЛАВА II).

Начальное обученіе и первое исполненіе роли охотничьей собани.

Дни текли за днями; незамѣтно прошло два года. Надумали меня учить. За это дѣло взялся самъ вотчимъ. Какой страхъ переживала я при одной мысли о такомъ просвѣтителѣ, даже теперь жутко вспомнить. Мать переживала то же, что и я. Нѣсколько разъ она предлагала взять учительницѹ, но получала слѣдующій отвѣтъ:

— Стоитъ на нихъ тратить деньги. Я самъ дамъ имъ домашнее образованіе.

Ну и дѣйствительно образоваль.

Какъ ни оттягивала мать рокового начала, но оно приближалось; приближалось безжалостно и наконецъ настало.

— Позвать ко мнѣ Машку, приказаль однажды мой будущій наставникъ.

Я сидѣла рядомъ въ комнатѣ и тихонько, боясь быть услышанной, грызла кедровые орѣхи. При упоминаніи моего имени я цѣликомъ проглотила орѣхъ и сильно закашлялась. Пришлось идти, идти, какъ на казнь. Вѣроятно я очень была блѣдна, потому что вотчимъ, какъ будто встревожась, спросилъ:

— Что у тебя, животъ что ли болитъ?

1) См. „Русск. Стар.“ июнь 1916 г.

— Нѣтъ, благодарю васъ, папаша, мнѣ очень хорошо. Отвѣтъ сопровождался книксеномъ.

— Ну не болитъ и хорошо. Садись.

Я вошла. Вотчимъ взялъ книгу. Это была азбука. Указывая пальцемъ на букву, онъ сказалъ:

— Это „а“ понимаешь?

— Понимаю, отвѣчала я.

— А это „б“, понимаешь?

— Понимаю, отвѣчала я.

— А это „в“, понимаешь?

— Понимаю.

— Ну вотъ помни.

Такъ онъ мнѣ разомъ показалъ всю азбуку и приказалъ запомнить.

— Учи, черезъ два дня я тебя спрошу.

— Хорошо-съ, отвѣчала я и хотѣла уходить.

— Сиди, урокъ не конченъ.

Я снова пригвоздилась къ мѣсту. Онъ позвалъ мать, та вошла.

— Я задалъ ей выучить азбуку; сроку назначилъ два дня, не вадумай ей помогать, репетиторъ издишенъ; надо, чтобы приучалась къ самостоятельной работѣ. Ступай. Мать вышла.

— Ну, теперь ариѳметику, цифры выучишь потомъ, а теперь примемся за таблицу умноженія. Она ничего общаго съ ариѳметикой не имѣетъ; она сама по себѣ, а ариѳметика сама по себѣ. Главное память и вниманіе.

— Да, папаша, поддакнула я.

— Тебя не спрашиваютъ, оборвалъ меня мой профессоръ.

И смолкла.

— Ну помни...

Что такое онъ мнѣ говорилъ, какъ онъ объяснялъ, я тогда ничего не понимала, а потому и теперь не могу объяснить. Словомъ, первый урокъ кончился, и я была отпущена. Буквы, разумѣется, я перезабыла, мать помогала, но запомнить въ два дня всю азбуку невозможно, какъ невозможно запомнить и умноженія. Ну вотъ настала вторая урокъ. Чтобы какъ-нибудь задобрить учителя, я раза три сдѣлала ему реверансъ, но онъ не обращалъ на это вниманія.

— Садись, отрывисто приказалъ онъ.

Я сѣла, въ лѣвой ногѣ начались судороги, и она произвольно дергалась.

— Не дергай ногой! крикнулъ учитель, но нога моя, точно нарочно, стала танцевать еще сильнѣй.

— Я что тебѣ говорю?

Набравшись духу, я пробормотала:

— Она папаша сама...

— Что сама?

— Нога... танцуетъ...

— Гм... ну, ладно.

Онъ открылъ книгу и ткнувъ въ первую попавшую букву спросилъ:

— Какая?

Я хорошо запомнила, что первая буква „а“, а потому не задумываясь и объявила: „а“. Здоровый щелчекъ по носу былъ отвѣщенъ за мое легкомысліе.

— Вотъ тебѣ „а“. Не „а“—„ы“, поняла? Остолопъ Царя персидскаго. Я молчала.

— Что молчишь? Поняла?

— Нѣтъ, папаша...

— Вотъ это „а“, это „ы“. Поняла?

— Да.

— Ну вотъ. Укажи-ка мнѣ ижицу,—подставляя книгу, спросилъ вотчимъ. Я ткнула наугадъ и попала въ енту. Опять послѣдовалъ щелчекъ, но уже не въ носъ, а въ лѣвое ухо. Оно разомъ загорѣлось и заболѣло, а въ носу не переставало щекотать отъ перваго приема педагога.

— Ну я тебѣ болѣе не задамъ, изволь-ка повторить; да совѣтую вызубрить, а то высѣку. Поняла?

— Поняла.

— Ну вотъ. Саша—позвалъ онъ мать: та вошла. Пройди съ Машей урокъ; она ничего не знаетъ. Пусть выучить, а то высѣку. Поняла? Да поняла.—Ступай.

Мать вышла.

— Теперь отвѣчай таблицу умноженія. Сколько будетъ дважды три?

— Четыре, отвѣчала я едва слышно. Сильный ударъ въ затылокъ былъ пущенъ въ награду за мудрый отвѣтъ. Я слетѣла со стула, но быстро оправилась и снова вскочила на стулъ.

— А сколько будетъ дважды два?

— Четыре, отвѣтила я опять...

— Ну, то-то-же... На сегодня, ступай...

Такъ шло мое ученіе „такъ я училась читать, писать и считать“. Сколько было щелчковъ, сколько было дерганій за ухо, за волосы, трудно даже приблизительно сосчитать. Желая моимъ друзьямъ столько рублей, и они будутъ

богаты. Въ праздничные дни ученія не было, и мой наставникъ занимался охотой. У него былъ прекрасный песъ Шойтонка, но вотъ какъ-то песъ пропалъ, а на охоту очень хотѣлось.

Вотчимъ одѣлся въ охотничій костюмъ, закинулъ на спину ружье и двинулся въ путь. Я играла около дома. Онъ увидѣлъ меня и позвалъ за собой. Я покорно шла. Дорога была длинная, трудная и было очень жарко. На головѣ не было шляпы, солнце пекло, и мнѣ ужасно хотѣлось пить; несмотря на то, что у „папаши“ была фляжка, попросить воды я не рѣшалась. Только я предалась мечтамъ о водѣ, какъ показалось болото; онъ прошепталъ мнѣ повелительно „стой“ и началъ пристально смотрѣть передъ собой и осторожно снимать съ плеча ружье. Раздался выстрѣлъ, и двѣ птицы грузно кувыркнулись въ воду. Упали онѣ очень далеко и достать ихъ не было никакой возможности. Вотчимъ досадливо покручивалъ и покусывалъ усы. Затѣмъ взглянулъ на меня, задумался, видимо у него родилась какая-то мысль, но онъ не рѣшался ее высказать разомъ. Затѣмъ отрывисто приказалъ:

— Раздѣвайся.

Я сначала не поняла...

— Раздѣвайся, дура. Тебѣ говорятъ.

Я начала исполнять приказаніе. Сняла туфли, чулки и остановилась.

— Раздѣвайся еще...

Я немного помедлила, но послушаться не смѣла и осталась въ нижнемъ бѣльѣ.

— Снимай все. Не упрямясь, а то смотри у меня.

Я стала быстро раздѣваться. Раздѣвшись до положенія больше чѣмъ Евы, я ждала дальнѣйшихъ распоряженій.

— Полѣзай въ воду и тащи утокъ.

Несмѣло я двинулась по топкому болоту. Ноги грузили, но мнѣ было десять лѣтъ, и я была худа. Болото выдерживало. Наконецъ, добралась до воды и прыгнула, было неглубоко, и первую утку я достала довольно легко и, какъ хорошо дрессированная собака, положила ее къ ногамъ охотника.

— Полѣзай за второй!— снова раздался приказъ.

Я снова полѣзла въ воду. Достать вторую птицу было не такъ-то легко. Она не была разомъ убита и первое мгновеніе въ предсмертной агоніи отплыла довольно далеко. Я смѣло шла, вытянувъ впередъ руки; наконецъ, вода стала

глубока и постепенно я все больше и больше погружалась въ воду, которая стала доходить мнѣ до шеи.

— Плыви, донеслось до меня. Я плавать не умѣла, но ринулась впередъ и почему-то разомъ стала плыть. Плаванье было неумѣлое. Я фыркала, захлебывалась, но, благодаренье судьбѣ, добралась до трофея. Схвативъ птицу за шею, я уже не могла съ нею плыть и чувствовала, что могу утонуть.

— Бери утку въ ротъ и плыви, командовалъ „папаша“. Я взяла птицу зубами за крыло и, задыхаясь, двинулась въ обратный путь. Какъ я добралась до берега—не помню. Утку я подала и впала въ легкій обморокъ. Когда я очнулась, то увидала очень близко сѣро-зеленые глаза вотчима и его щетинистые усы. Онъ стоялъ передо мной на колыняхъ, вливалъ мнѣ воду въ ротъ и мочилъ виски.

— Ну, нѣженка, подумаешь, какія страсти, не можетъ достать пары утокъ. Одѣвайся.

Я дрожащими руками стала облачаться и минутъ черезъ пять была готова.

— Теперь маршь домой. А за то, что толкомъ ничего не можешь сдѣлать, не получишь завтра за обѣдомъ утокъ. Поняла?

— Поняла...

— Ну, вотъ...

Домой я шла довольно бодрая; вода освѣжила меня, и сознание миновавшей опасности подбадривало. Жизнь было тяжело, скверно, но жить хотѣлось, и я спѣшила домой подѣлиться съ матерью впечатлѣніями. Порою мнѣ даже дѣлалось весело отъ сыгранной мной роли за убѣжавшаго Шойтона. Первый мой дебютъ въ жизни былъ въ роли охотничьей собаки. Впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ, и на что можетъ толкнуть деспотизмъ и самодурство...

Добравшись домой, вотчимъ весело рассказывалъ матери о случившемся, а та нѣмая, перепуганная, слушала и не вѣрила ушамъ. Охота съ человѣкомъ, замѣняющимъ собаку, очень понравилась „папашѣ“, и онъ нѣсколько разъ дѣлалъ мнѣ честь назначать мнѣ эту роль. На мое счастье вернулся бѣглець, и роль была отнята и возвращена по принадлежности. Какъ бы ни было страшно и жутко нырять въ болото, но все-таки не такъ страшно, какъ воспринимать отъ вотчима свѣтъ ученія. вмѣсто cadaго урока съ подзатыльниками, щелчками, дерганьями, я съ удовольствіемъ бы раза три нырнула въ зелено-желтыя воды болотъ.

Впрочемъ, я была вознаграждена. „Папаша“ не исполнилъ угрозы лишить меня утки за объдомъ, и я была пожалована лапкой и крылышкомъ. Все-таки правда на свѣтѣ торжествуетъ. И такъ время шло, и я продолжала обучаться. Какъ ни странна была метода преподаванія, но я, съ грѣхомъ пополамъ, выучилась читать, писать и вызубрида таблицу умноженія, а затѣмъ усвоила и четыре правила ариѳметики. Откуда, какъ и почему, не знаю, но въ моей головѣ зародилась мысль сдѣлаться артисткой. Я не давала себѣ отчета, какой артисткой: драматической, балериной или пѣвицей, но я мечтала быть артисткой и непременно блондинкой съ голубыми глазами. Гуляя по саду, я мечтала, и какіе-то странные, неясные образы витали въ моей дѣтской головѣ. Для меня было истинное наслажденіе уединиться, уйти подалѣе и мечтать, мечтать, о неизвѣстномъ, невѣдомомъ, но желаемомъ, прекрасномъ мірѣ: мірѣ, какъ мнѣ казалось, чудесъ. Временами это куда-то уплывало, но затѣмъ настойчивѣй и настойчивѣй назрѣвало и вылилось въ ясную форму желанья учиться чему-нибудь такому, чтобы стать артисткой и уйти отъ окружающей, кошмарной жизни. Что суждено, то должно случиться. „Суженаго конемъ не объѣдешь“, говоритъ русская пословица, я въ этомъ убѣдилась. Есть рокъ, который ведетъ человѣка, и вѣтъ силы сломить рокъ и найти иной другой.

Глава III.

Первая похвала.

Двое моихъ дядей были балетмейстерами. Родней приходились они со стороны матери. По выходѣ сестры ихъ во второе замужество и зная нравъ мужа, каждый избѣгалъ бывать въ домѣ, зная, на какой пріемъ они могли разсчитывать. Старшій изъ нихъ давалъ уроки въ институтѣ одного губернскаго города. Пріѣхавъ по дѣламъ въ Одессу, близъ которой мы жили, онъ рискнулъ заѣхать къ намъ. Подъ какой счастливой звѣздой родился дядя — не знаю, но принялъ его вотчимъ довольно ласково, и онъ прожилъ нѣсколько дней. Ради него готовились особенные объѣды, покупались вина, словомъ, оказывалось полное гостепріимство.

Въ одинъ изъ вечеровъ зашелъ разговоръ о насъ. Мы съ сестрой играли въ углу, а старшіе вели бесѣду.

— Ну что, начали учить Марусю?—спросилъ дядя.

— Какъ же, отвѣтилъ вотчимъ. Только, говоря по совѣсти, убоище она порядочное. Ничего путнаго изъ нея не выйдетъ. Придется обучать ремеслу, пусть шьетъ платья, а не пойдетъ и это дѣло, отдамъ въ горничныя или кухарки. И, знаете, такая кишка у нея, жретъ за троихъ, а Вѣрка, младшая, тоже подаетъ такія же надежды...

Дядя насушился, но слушалъ и не возражалъ.

— Леличка, вступилась мать, тебѣ это кажется. Право, дѣвочки онѣ хорошия и любятъ тебя...

— А на что мнѣ ихъ любовь? Не въ любви дѣло, а въ томъ, что глупыя дѣвченки и не имѣютъ никакихъ способностей.

— Не вѣкъ же ихъ держать на своей шеѣ...

— Да вѣдь Машенькѣ только десять лѣтъ.

— Вырастетъ, замужъ выйдетъ...

Вотчимъ расхохотался.

— Замужъ выйдутъ? Кому онѣ нужны? Нынче нѣтъ такихъ дураковъ, чтобы безъ приданаго; да и съ виду не казисты. Выростутъ и будутъ хвостотрепки. Брось говорить глупости.—Мать смолкла. Нѣсколько времени въ комнатѣ царилъ тишина. Мухи чернѣли на потолокъ, вспархивали и мѣнялись мѣстами, иногда слышалось жужжанье ихъ крыльевъ.

Первымъ прервалъ молчанье дядя.

— Если вы увѣрены въ томъ, что у нихъ нѣтъ данныхъ учиться и идти по пути науки, то быть можетъ у нихъ есть способности къ танцамъ. Вѣра мала, а Маруся уже можетъ начать занятія. Танцевать чѣмъ раньше начать учиться, тѣмъ лучше... Подумайте. Быть можетъ мнѣ пришла счастливая мысль.

Папаша нѣсколько мгновений молчалъ. Предложеніе было неожиданно, и онъ что-то соображалъ, смотря въ упоръ въ лицо дяди... Затѣмъ откашлялся и началъ:

— Да, быть можетъ, чортъ ихъ знаетъ. Быть можетъ будущія Тальони. Но посылать ихъ въ ученье я не могу. Бросать деньги на вѣтеръ не желаю и... вообще это... фантазія.

— Почему фантазія. Почему. Прежде всего стоитъ вамъ это ничего не будетъ...

Вотчимъ наострилъ уши.

— Марусю я возьму къ себѣ и, конечно, платы брать не буду. Все-таки вырастетъ, будетъ кусокъ хлѣба. Какъ ни какъ, но это интереснѣй шитья или карьеры кухарки...

— Гм... да... конечно... Я что же... я пожалуй...

Въ разговоръ вступила мать:

— Видишь, братъ, ты очень добръ, и я очень тебѣ благодарна, но Машенька сейчасъ мала, и ей рано учиться. Пусть годочка два подождетъ...

— Она права, подтвердилъ вотчимъ. Пусть за эти два года она домашнее воспитаніе...

Услышавъ это зловѣщее слово, я выронила изъ рукъ безносую куклу, голова которой разлетѣлась на нѣсколько кусковъ...

Этотъ случай вывелъ папу изъ терпѣнія, и онъ съ дрожью въ голосѣ обратился къ дядѣ.

— Видите, какое это сокровище. И такъ во всемъ. Берите ее хоть сейчасъ, если желаете, а то она и себѣ разобьетъ башку...

Дядя невольно улыбнулся:

— Сестрѣ хочется, чтобы Маруся побыла годика два дома. Я не хочу идти противъ ея желанія. Быть можетъ, сестра уберетъ ее, и голова останется цѣла. А куклу я ей подарю новую.

— Ну, батенька, я вижу, вы такой же баловникъ, какъ жена. Да вѣдь не пройдетъ и двухъ дней, и новая кукла отправится въ слѣдъ за этой...

— И пускай. Куколъ затѣмъ и дарятъ, чтобы ихъ въ концѣ концовъ разбивали, а то старья приглядываются и надоѣдаютъ...

— Ну, знаете, у васъ и теоріи.. Я прошу, пожалуйста, не развивать ихъ, а то дѣвченки въ конецъ испортятся. Ужъ вы сдѣлайте такое одолженіе. Я и такъ не знаю, что съ ними дѣлать, куда ихъ дѣвать. Дядя еще разъ улыбнулся и далъ знакъ согласія.

— И такъ хвостотрепки пойдутъ въ балерины. Гм...умора. Воображаю, какая это будетъ грація, уноси ты мое горе. Развѣ съ шарманками пойдутъ по дворамъ.... Копѣчки собирать... Мостовыя утаптывать...

— Леличка, начала было укоризненно мать, но папаша такъ посмотрѣлъ, что все остальное, желаемое высказать, было проглочено.

— Да мы сейчасъ испытаемъ.. Машка, иди сюда.

Я подошла и почему-то меньше боялась, чѣмъ всегда. Меня успокаивалъ видъ дяди, его доброе, симпатичное лицо...

— Ну-ка, протанцуй намъ что-нибудь.

Я только хлопала глазами и не соображала, чего отъ меня хотятъ. Проживши десять лѣтъ на свѣтѣ, я ни разу не танцевала и даже не видала, какъ другіе танцуютъ.

— Нечего хлопать глазами, танцуй, семени ногами, посмотримъ, есть ли у васъ даровитость. Слышишь, танцуй.

Туть вступился дядя:

— Такъ нелзя. Изъ этого ничего не выйдетъ. Судить о способностяхъ такимъ образомъ невозможно.

— Почему?

— Потому что дѣвочка не имѣетъ объ этомъ никакого понятія.

— Ну а какъ же?

— Да вообще это рано... но если вы такъ хотите, то извольте, мы это обставимъ иначе.

Дядя всталъ, подошелъ ко мнѣ и ласково потрепалъ меня по щекѣ. Непривычная къ ласкамъ, я была этимъ очень тронута, и мнѣ очень хотѣлось поцѣловать у дяди руку, но я не осмѣлилась...

— Хочешь учиться танцевать?—обратился дядя ко мнѣ съ вопросомъ.

— Хочу, отвѣчала я.

— Будешь дѣлать то, что я тебѣ покажу?

— Буду.

— Ну вотъ умница.

Дядя снова приласкалъ меня.

— Теперь поставь ножки такъ.

Дядя сталъ въ какую-то позицію. Я сразу поняла и вѣрно скопировала пріемъ дяди.

— Теперь ручки держи такъ...

Я онятъ воспроизвела правильно то, что отъ меня требовали, и дядя только поправилъ кисти рукъ.

— Теперь стой прямо, а ножку выдвигай впередъ. Ну такъ. Теперь назадъ, не горюпись, теперь скорѣе, впередъ, опять назадъ, опять впередъ, опять назадъ... Хорошо, умница. Такъ, такъ...

Сердце мое было полно гордости, глаза блестяли, щеки пылали. Меня хвалили, меня ласкали, нашли, что я что-то умѣю хорошо дѣлать.

Экзаменъ окончился, дядя поцѣловалъ меня. Я не выдержала и тоже чмокнула его... Вотчимъ смотрѣлъ на эту сцену и шурился, какъ старый котъ.

— Ну что, какъ? спросилъ онъ.

— Прекрасно. Маруся и понятлива и граціозна...

— Ну, вотъ и великолѣпно. Благословляю обѣими руками. Тащите ее къ себѣ и орудуйте. Пусть ее весь свой вѣкъ пляшетъ. Черезъ два года, такъ черезъ два, сейчасъ, такъ сейчасъ...

— Подождемъ два года. Время пройдетъ быстро, отвѣтилъ дядя и погладилъ меня по волосамъ.

Прислуга доложила о томъ, что ужинъ поданъ. Всѣ поднялись и пошли въ столовую. Мы съ сестрой остались. Когда всѣ трое скрылись въ другой комнатѣ и я услышала стукъ вилокъ и ножей и увѣрилась, что о насъ забыли, сейчасъ же стала въ показанную дядей позу и давай продѣлывать все, что продѣлывала на экзаменѣ. Сестра Вѣра, съ любопытствомъ, смотрѣла и вдругъ чему-то громко, весело засмѣялась...

— Эй вы, дармоедки, тише!—раздалось изъ столовой.

Мы сѣли на свои обычныя мѣста и стали тихо разговаривать. Я обѣщала сестрѣ, что—завтра, когда папашенька уйдетъ, я и ее выучу такой же штукѣ, какъ выучили меня. Вѣра отъ удовольствія меня поцѣловала, и мы продолжали шептаться по этому дѣлу.

Ужинъ кончился. Старшіе вышли. Накормили насъ и отправили спать.

На другой день дядя уѣхалъ и еще разъ повторилъ свое предложеніе учить меня танцамъ.

Все, что мнѣ было показано, я заучила превосходно и ждала того времени, когда я начну занятія полностью. Раза два вотчимъ звалъ меня, приказывалъ становиться въ позу и чему-то училъ, вѣроятно пластикѣ.

Конечно, не обходилось безъ его спеціальныхъ поощреній. Послѣ этихъ уроковъ танцы тоже переставали казаться танцами, а чѣмъ-то скучнымъ, томительнымъ. Пробовалъ папаша меня учить русскую, показывалъ, объяснялъ, но я ничего не могла усвоить.

Онъ положительно убѣдился въ моей бездарности и вѣсколько разъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что дядя будетъ со мной напрасно мучиться и что мое настоящее дѣло—быть судомойкой. На мое счастье, папаша скоро забылъ о танцахъ, какъ почти забылъ и о домашнемъ воспитаніи.

Явилось у вотчима желаніе повезти маму въ Москву познакомиться съ своими родными. Поѣздка предвидѣлась продолжительная и, въ концѣ концовъ, надумали насъ отправить къ дядѣ. Мать кой-что подшила намъ, и мы съ ней отправились пароходомъ къ мѣсту жительства дяди. При

разставаніи мама горько плакала, крестила насъ, цѣловала, просила брата беречь насъ и уѣхала.

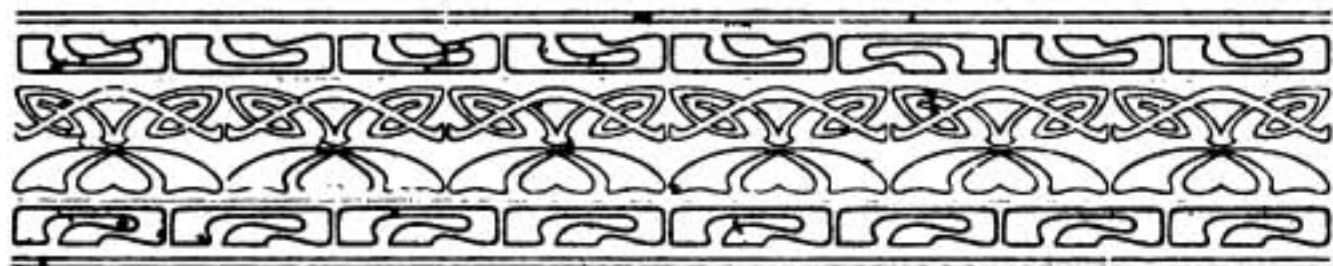
Началась жизнь у дяди. Онъ былъ одинокъ. Мы постоянно были однѣ, но онъ заботился, сколько могъ, и жизнь наша была спокойнѣе, чѣмъ въ домѣ папаши. Мы обѣ скучали только по матери. Она писала, справлялась о насъ, передавала поцѣлуи, благословенье и присылала деньги на гостинцы. Словомъ началась новая жизнь, полная свободы, отсутствія колотушекъ и брани.

Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ непредвидѣнное, ужасное, но объ этомъ расскажу въ слѣдующей главѣ.

Сообщилъ Б. Скуратовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія о Рыбаковѣ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Ростовскій театръ славился лучшимъ подборомъ артистовъ и артистокъ. Играли и были любимцами публики: Чарскій, Зубовичъ, Ленскіе, мужъ и жена, Барышова и Андреева-Чарская. Но помимо этого на сценѣ появились и такіе корифеи, какъ Щепкинъ, Васильевъ, негръ Ольдريدжъ и, наконецъ, знаменитый провинціальный трагикъ Н. Х. Рыбаковъ. Слава Рыбакова гремѣла по всему югу, и появленіе его въ Ростовъ было громкимъ событіемъ для всего театра. Нужно ли прибавить, что Рыбаковъ страдалъ частымъ запоемъ и нигдѣ долго не могъ удержаться на мѣстѣ. Изъ Ставрополя Кавказскаго пѣшкомъ пришелъ въ Ростовъ и въ самомъ ужасномъ видѣ: въ опоркахъ, оборванный, грязный и такъ явился въ театръ. Вильяно принялъ его съ распростертыми объятіями и сейчасъ же назначилъ первый спектакль въ его пользу. Дебютировалъ Н. Х. въ французской драмѣ „Сорокъ лѣтъ или жизнь игрока“.

Я видѣлъ его въ этой пьесѣ и, кажется, никогда не забуду.

Голосъ, фигура, жесты, рельефность и блескъ игры составляли особую артистическую фізіономію, магически вліяющую на публику.

Зрители забывали, что они въ театрѣ, и переживали съ нимъ вмѣстѣ весь ужасъ человѣческихъ страстей. Театръ, переполненный сверху до низу, какъ говорится, яблоку

негдѣ было упасть, замеръ въ сосредоточенной, напряженной тишинѣ, изрѣдка нарушаемой чѣмъ-нибудь подавленнымъ вздохомъ. И Рыбаковъ, какъ магъ, какъ волшебникъ завораживалъ толпу своей игрой, можетъ быть и самъ того не сознавая. Такова была сила его таланта!

И думаю, что и теперь кто его помнитъ, то по собственному переживанію можетъ опредѣлить особую мощь, дѣйствующую, точно гипнозъ на зрителя, сравнивая даже съ хорошими артистами, перебивавшими послѣ на ростовской сценѣ.

Въ описываемое время, противъ театра, существовала маленькая гостиница, называвшаяся „Золотой фазанъ“, туда собиралась молодежь играть на бильярдѣ и тамъ, въ числѣ посѣщавшихъ актеровъ, часто можно было встрѣтить и Рыбакова.

Я съ нимъ былъ знакомъ. Бывалъ въ компаніи, сидя за чаемъ и слушая рассказы изъ его богатой приключеніями жизни, передаваемые имъ за дѣйствительность, гдѣ естественное переплеталось съ чѣмъ-то невѣроятнымъ, чудеснымъ, рождавшимъ всегда сомнѣніе въ знакомствѣ рассказчика съ самыми простыми элементарными истинами. По своему развитію, по взглядамъ на жизнь, Рыбаковъ казался человѣкомъ темнымъ и малообразованнымъ. Литературой не интересовался и имѣлъ о ней самое смутное представленіе, зналъ только тѣхъ авторовъ, пьесы которыхъ игралъ. Вѣрилъ въ массу предразсудковъ, въ разную несообразность, доходившую иногда до абсурда. Говорилъ, наприкладъ, если бросить въ крутящійся вихрь ножъ, то попадешь въ чорта, и ножъ будетъ въ крови. Вѣрилъ въ заклинанія, заговоры, въ дурной глазъ, въ порчу и пр. и пр.

Помню, однажды, на вопросъ о томъ, что ему, вѣроятно, приходится много работать, изучая характеры тѣхъ героевъ, которые исполняются имъ съ такимъ совершенствомъ на сценѣ, онъ не задумываясь отвѣтилъ: „Никакого изученія для этого не нужно, за исключеніемъ знанія роли на зубокъ, чтобы не быть въ зависимости отъ суфлера. И тутъ же прибавилъ: „играю такъ, какъ Богъ на душу положитъ“.

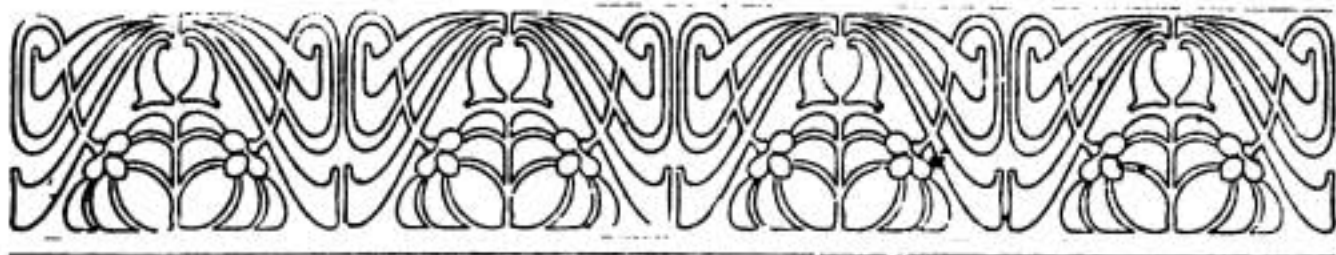
И несмотря на такое наивное объясненіе, на полную некультурность, Рыбаковъ все-таки былъ выдающимся провинціальнымъ актеромъ, и слава его, хотя и ушла съ нимъ въ могилу, но сохранилась въ памяти у тѣхъ, кто хотя разъ видѣлъ его въ пьесахъ—Шиллера, Шекспира и Островскаго. Закапчивая о немъ свои воспоминанія, не могу пройти молчаніемъ, не сказавъ нѣсколько словъ о томъ мораль-

номъ и нравственномъ вліянїи, которыя въ общемъ оказывалъ театръ на посѣщавшую публику.

Помимо эстетическаго наслажденія, получаемаго отъ хорошаго исполненія, театръ отвлекалъ отъ трактировъ, грязныхъ танцклассовъ и открывалъ молодежи широкія перспективы лучшей и свѣтлой жизни.

Д. Проскурнинъ.

Свидѣтельство, данное Н. Ю. Акацатову дворянами Ольвіопольскаго уѣзда.

Новороссійской губерніи Ольвіопольскаго уѣзда дворяне, вообще всѣ будучи совершенно довольны Предводителемъ Дворянства, Надворнымъ Совѣтникомъ Акацатовымъ, долгомъ почли симъ засвидѣтельствовать.—1-е. Отличнымъ благоразуміемъ и добродѣтельною опытностью, пріобрѣлъ вообще отъ дворянъ толикое довѣріе, что неоднократно прекращалъ между дворянами разорительныя тяжбы именно: преміеръ маіора Павловскаго съ маіоромъ Аргамаковымъ, подполковника Карачуна съ капитаномъ Каратаевымъ и и прочихъ.—2-е. Въ бѣдственномъ случаѣ во время бытности въ здѣшнемъ краю саранчи, имѣя онъ отъ начальства препорученность искоренять оную, дѣятельностью и неутомимыми трудами подавалъ собою другимъ примѣръ, избрѣлъ къ удобнѣйшему искорененію оной новое средство изъ терновника сдѣланная борона, и оная влача волами облегчалъ трудъ людей, и несчетное бывшей уже возлѣ самыхъ хлѣбовъ и на хлѣбахъ саранчи симъ способомъ истребивъ, спасъ во многихъ мѣстахъ столько хлѣба, что если бы другая саранча изъ заграничныхъ мѣстъ не налетѣла, то бы отродившись въ странѣ здѣшней дальнѣйшаго убытку въ хлѣбѣ сдѣлать не могла.—Сверхъ чего въ продолженіи сего несчастнаго времени, когда многіе и сѣмяны хлѣбныхъ лишились: то онъ, господинъ Акацатовъ, чрезъ преобрѣтеніе отличныхъ познаній въ сельскомъ хозяйствѣ и домоводствѣ и труды свои, пріобрѣвъ и сохранивъ запасный хлѣбъ у себя, безденежно многихъ снабждалъ изъ онаго хлѣбными сѣмянами. — 3-е. Въ раскладкахъ

на общественныя повинности, такую соблюдалъ точность и справедливость, что не довольно того, что никто неприносилъ на него жалобъ, но даже быть кому либо недовольнымъ не было никогда никакой причины.—4-е. Расходы изъ дворянской суммы производилъ всегда съ такою бережливостью, что мы можемъ и должны хвалиться, яко наемъ содержателей почтъ, построение въ уѣздѣ мостовъ, верстовыхъ столбовъ, содержаніе паромовъ дешевле въ здѣшнемъ уѣздѣ обошлось, чѣмъ во всѣхъ другихъ уѣздахъ.—5-е. Изобрѣвъ для здѣшняго края весьма полезное и выгодное средство производить постройки изъ сыраго кирпича, которое несравненно прочнѣе чѣмъ набивное изъ земли, и изъ онаго сыраго кирпича и всѣ нужные строенія имъ сдѣланы, яко то въ городѣ Ольвіополѣ эскадронную и почтовую конюшни, полковой гаубтвахтъ и три караульни, да и нынѣ строить для полка Ольвіопольскаго гусарскаго полковой лазаретъ, и все выстроенное съ прочностью существуетъ.—То мы сколько за весьма умеренныя его на то издержки, столько же и за открытіе способа, ему господину Акацатову обязаны.—6-е. Сугубо обязанными себя считаемъ засвидѣтельствовать совершенную признательность нашу въ безкорыстіи его, по которому другое уже трехлѣтіе онъ господинъ Акацатовъ находясь въ должности предводителя какъ въ оной, такъ и по другимъ отъ начальства препорученіямъ, долженъ будучи ѣздить въ губернской городъ и въ другія мѣста ни на проѣзды свои, ни на расходы и словомъ ни на что не бралъ изъ дворянской суммы и никогда отъ дворянъ ничего не требовалъ; а на собственномъ иждивеніи своемъ продолжалъ служеніе не упускалъ гдѣ только возможно находить для дворянъ выгоды и попечительнымъ стараніемъ не только въ настоящей должности его, но и прежде когда онъ отправлялъ комиссара съ 1780 марта 24, 782 годовъ іюня по 14 день въ Ольвіопольской воеводской канцеляріи начальникомъ умѣлъ онъ господинъ Акацатовъ къ общему удовольствію дворянъ, обрести полную ихъ къ себѣ довѣренность и отличное къ нему и его способностямъ уваженіе, въ увѣреніе чего подписуемся.

Уволенный отъ службы генераль отъ кавалеріи и кавалеръ Виллимъ Дерфельденъ. Уволенный отъ службы генераль лейтенантъ и кавалеръ Нипорица Иванъ. Генераль-маіоръ и кавалеръ Петръ Скаржинскій. Полковникъ князь Иванъ Кантакузинъ. Уволенный отъ службы крингсъ ком-

мисарь Іоакимъ Ігнатовичъ. Подполковникъ и кавалеръ Иванъ Вукотичъ. Подполковникъ Григорій Сабовъ. Подполковникъ Захарій Ушанскій. Преміеръ маіоръ Марко Банковичъ. Маіоръ Михайла Войновъ. Помѣщикъ маіоръ Николай Нечай. Преміеръ маіоръ Григорій К. (неразборчиво). Маіоръ Симонъ Вукотичъ. Маіоръ Никифоръ Ракинъ. Коллежскій Совѣтникъ Иванъ Сахаровъ. Маіоръ Иванъ Ульяновъ. Капитанъ Андрей Жаховскій. Капитанъ и кавалеръ Лукьянъ Анастасьевъ. Капитанъ Иванъ Дековичъ. Ротмистръ Игнатъ Депрерадовичъ. Штабсъ-Ротмистръ Іона Посумвій. Ротмистръ Андрей Каратаевъ. Ротмистръ Романъ Змончила. Капитанъ Георгій Карачунъ. Капитанъ Петръ Дескуль. Губернскій секретарь Моисей Мелешновъ Дубинскій.

Губернскій секретарь Федоръ Гривевскій. Войсковою товарищъ Федоръ Полѣно. Поручикъ Яковъ Новаковскій. Подпоручикъ Иванъ Кизилбашъ. Подпоручикъ Иванъ Стоиновъ. Подпоручикъ Андрей Булацель. Подпоручикъ Иванъ Войновъ.

Ольвіопольскій предводитель дворянства надворный совѣтникъ Николай Юрьевичъ Акацатовъ по семейнымъ преданіямъ былъ уѣзднымъ предводителемъ въ концѣ 18-го вѣка, а съ 1803 по 1806 годы былъ херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Сынъ сербскаго выходца изъ Македоніи въ 1731 году, Георгія Акацатова, дослужившагося въ россійской арміи въ Слободскомъ Черномъ гусарскомъ полку, до чина преміеръ маіора и затѣмъ принятаго въ Россійское подданство за свою службу, Николай Юрьевичъ началъ свою службу тоже въ Слободскомъ Гусарскомъ полку гдѣ дослужился до чина капитана и былъ Екатериною Великою уволенъ согласно прошенію въ 80-хъ годахъ 18-го столѣтія, послѣ чего его служба протекла по выборамъ въ Херсонской губерніи, гдѣ онъ обладалъ большими помѣстіями, перешедшими затѣмъ въ родъ Кириаковыхъ, т. к. его дочь Марія Николаевна была замужемъ за моимъ прадедомъ, Мих. Мих. Кириаковымъ (губ. херсонскій предв. двор. съ 1823—1826 г.), и она наслѣдовала часть его земель, а затѣмъ его внука, бездѣтная княгиня Наталья Дмитриевна Корсини, урожденная Акацатова, оставила все свое состояніе моему отцу, Мих. Мих. Кириакову въ пятидесятихъ годахъ прошлаго вѣка.

Сообщилъ М. М. Кириаковъ.

Московскій Звенигородъ и Саввинъ Сторожевскій монастырь¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ подрядъ я проводилъ лѣто въ городѣ Звенигородѣ, Московской губерніи, въ этомъ прекрасномъ историческомъ уголкѣ окрестностей Москвы, связанномъ также съ событіями 1812 года, съ нашествіемъ Наполеона на Москву... Въ 1812 году Звенигородъ не минула грозная Наполеоновская туча, но зацѣпила его только краемъ. Послѣ Бородинскаго сраженія, Наполеонъ съ арміей двинулся дальше къ Москвѣ, принявъ прежній порядокъ марша тремя колоннами, коему слѣдовалъ до битвы Бородинской. Самъ онъ, съ главными силами, двинулся на Можайскъ. Князь Понятовскій съ своимъ корпусомъ повернулъ вправо, чтобы выйти на большую Калужскую дорогу. Вице-король Итальянскій—Евгеній Богарнэ, съ 20-ю тысячнымъ корпусомъ перейдя рѣку Москву при селѣ Успенскомъ, двинулся лѣвѣе главныхъ силъ къ городу Рузѣ, куда и прибылъ того же дня, а 30-го августа, выступивъ изъ Рузы, пришелъ къ деревнѣ Апальшино, а 31-го прибылъ въ Звенигородъ, перейдя ручей Разводня у Савина монастыря, гдѣ пробывъ сутки, двинулся на село Аксиньино въ Бузаево, оставивъ въ Звенигородѣ отрядъ, который до 17-го октября занималъ монастырь.

Они занимали царскій дворецъ, братскія кельи и покои, а также гостиный дворъ. Въ монастырѣ оставались для

¹⁾ Источниками и пособиями, при составленіи настоящаго описанія, служили: 1) „Православныя русскія обители“—иллюстрированное описаніе всѣхъ русскихъ монастырей; 2) *Мартыновъ*—„Подмосковная Старина“; 3) *Вутурлинъ*—„Исторія нашествія Наполеона на Россію въ 1812 г.“; 4) „Древности“—трудъ московскаго археологическаго общества; 5) „Московская губернія“—Изданіе Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; 6) „Историческое описаніе Саввина монастыря“—составилъ С. Смирновъ.

присмотра казначей, ризничій и нѣскольکو человѣкъ монашествующей братіи, кои жили въ особой одной кельѣ¹⁾...

Дорогія по цѣнѣ и по древности вещи еще въ августѣ, по распоряженію монастырскаго начальства, вывезены были изъ монастыря. Святыя мощи преподобнаго Саввы остались неприкосновенными...

Городъ Звенигородъ расположенъ въ 15 верстахъ отъ желѣзнодорожной станціи Московско-Брестской желѣзной дороги, „Голицыно“. Отъ Москвы до Звенигорода считаютъ 50 верстъ по хорошему шоссе...

Звенигородъ, въ настоящее время, маленькій уѣздный городокъ Московской губерніи. Онъ состоитъ всего изъ 2-хъ — 3-хъ улицъ и нѣсколькихъ короткихъ переулковъ. Нѣтъ тамъ ни фабрикъ, ни заводовъ, кромѣ кирпичныхъ; конечно, о клубахъ и театрахъ нечего и думать; есть нѣскольکو сносныхъ лавочекъ, чайныхъ, трактировъ. Если нѣтъ знакомыхъ въ городѣ, то устроиться со столомъ трудно. Въ 2-хъ верстахъ отъ города есть мужской монастырь, а при немъ гостиница, гдѣ можно остановиться и имѣть все необходимое. Въ городѣ имѣется 3 — 4 церкви, городское училище, женская прогимназія, тюрьма, нѣскольکو заѣзжихъ домовъ при трактирахъ, земская библіотека, гдѣ можно за небольшую плату получать книги и журналы...

Городъ расположенъ на лѣвомъ, отлогомъ берегу рѣки Москвы, на скатѣ. Въ прозрачныя воды быстрой рѣки Москвы глядятся скромные деревянные домики, огороды и сады. По утрамъ и вечерамъ по городу неторопливо проходятъ стада коровъ. По дворамъ и на улицѣ хозяйственный соръ, а во время дождя грязь, хотя непродолжительная, такъ какъ въ глинистой почвѣ большая примѣсь песку. Можно встрѣтить одного-двухъ городскихъ, спокойно стоящихъ на своемъ посту. Мало слышно здѣсь о воровствѣ, грабежахъ и разбояхъ. Жители—ихъ тамъ тысячи три—четыре,—знаютъ другъ друга въ лицо и пожалуй даже интимную жизнь каждаго. Занимаются хозяйствомъ, огородничествомъ, понемножку торгуютъ, рано ложатся спать, рано поднимаются. Многіе работаютъ на фабрикахъ или занимаются кустарнымъ промысломъ. Городъ похожъ на деревню. Между тѣмъ этотъ городъ игралъ въ свое время кое-какую роль въ исторіи Русскаго Государства и

¹⁾ О пребываніи Вице-Короля Итальянскаго въ 1812 г. въ монастырь была напечатана статья Герцога Г. Лейхтенбергскаго—„Семейное преданіе“, Русск. Стар. Мартъ 1914 г. Ред.

лишь благодаря судьбѣ сошелъ теперь на степень ничтожнаго уѣзднаго городка.

Мѣстность вокругъ Звенигорода имѣетъ волнистый характеръ и очень живописна. Воздухъ—прекрасный, здоровый, свѣжій; большой жары не бываетъ, а если и бываетъ, то короткое время. Много зелени. За рѣкою Москвой идутъ луга, за лугами, поднимаясь въ гору, тянутся безконечные лѣса; лѣса стоятъ и позади города, сплошнымъ кольцомъ охватывая его, и по сторонамъ. Лѣсъ такъ близокъ отъ города, что соприкасается съ нѣкоторыми улицами. Лѣсъ по преимуществу сосновый, еловый и березовый. Окрестности города живописны, и это привлекаетъ дачниковъ. Съ развѣдомъ дачниковъ, къ осени, городъ пустѣетъ, и жизнь въ немъ, и безъ того не бойкая—замираетъ. Звенигородъ довольно патриархаленъ; нарядами не щеголяютъ: въ чемъ дома, въ томъ и на улицѣ.

Просторъ для прогулокъ огромный и есть гдѣ погулять. Отсутствие фабрикъ и заводовъ; отсутствие надоѣдливой городской трескотни, шума и суеты дѣйствуетъ благотворно. На улицахъ довольно пусто; людей мало; жизни мало, но хорошаго, свѣжаго воздуха, тишины—въ изобиліи... Большое удовольствіе доставляетъ посидѣть въ хорошій, теплый лунный вечеръ въ пріятной компаніи на валахъ городка, или побродить по окрестностямъ. Горизонты въ свѣтлыя, лунныя ночи восхитительны, достойны кисти художника. Зимой на рѣкѣ устраивается катокъ, куда собирается молодежь покататься на конькахъ; иногда бываютъ и лыжники.

По дорогѣ изъ города къ монастырю есть живописный высокій холмъ, называемый „Городокъ“, видъ оттуда прекрасный во всѣ стороны; тамъ же можно послушать эхо. Мѣсто между городомъ и монастыремъ покрыто лѣсомъ. Мѣсто, гдѣ расположенъ монастырь и около его, носитъ названіе „Московской Швейцаріи“...

Звенигородъ считается, послѣ Москвы, однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ. Московскій Звенигородъ упоминается впервые въ духовной грамотѣ великаго князя московскаго Ивана Даниловича Калиты (1328—1341 годовъ), который отдалъ его вмѣстѣ съ Рузою сыну своему Іоанну. Время основанія его, какъ посела и города, неизвѣстно. Звенигородъ первоначально былъ, вѣроятно, передовымъ постомъ — сторожею и карауломъ Москвы со стороны Литвы и ея союзниковъ. Предполагаютъ, что Звенигородъ,

существова до начала XIV столѣтія, какъ малозначущій посель, сдѣланъ „Городомъ“ лишь въ первомъ десятилѣтіи XIV столѣтія, при воинственномъ князѣ московскомъ Юріи Даниловичѣ, съ устроениемъ въ немъ „сторожевого укрѣпленія“ для наблюденія и защиты Москвы со стороны Литвы и ея союзниковъ.

Соборный храмъ въ Звенигородѣ, по всей вѣроятности, построенъ одновременно съ обращеніемъ Звенигорода въ укрѣпленное мѣсто, т.-е. въ первой четверти XIV столѣтія, первыми московскими князьями, скорѣе всего княземъ Юріемъ (Георгіемъ) Даниловичемъ (1303—1326 г.); предполагаютъ, что Звенигородскій Успенскій соборъ былъ первымъ изъ числа храмовъ, построенныхъ въ Московскомъ княжествѣ. Предполагаютъ, что соборный храмъ Звенигорода служилъ образцомъ и прототипомъ для храмовъ московскихъ. По лѣтописному свидѣтельству, Звенигородъ вмѣстѣ съ Москвою былъ сожженъ и разоренъ въ 1382 году, въ нашествіе Тохтамыша, при чемъ и первоначальный каменный храмъ его едва-ли могъ уцѣлѣть отъ разоренія, а потому и построение настоящаго соборнаго храма въ Звенигородѣ вѣрнѣе будетъ относиться ко времени удѣльнаго Звенигородскаго князя Юрія (Георгія) Дмитріевича (1389—1434 г.), второго сына великаго князя Московскаго и всея Россіи Дмитрія Ивановича Донскаго, а именно къ 1390-мъ годамъ; при томъ же извѣстно, что князь этотъ одинъ изъ всѣхъ удѣльныхъ Звенигородскихъ князей проживалъ въ Звенигородѣ и слылъ за набожнаго и искуснаго храмосоздателя. Имъ же созданы соборные храмы: Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ и въ Троице-Сергіевской обители.

Къ тому же времени (къ концу XIV столѣтія) могутъ быть отнесены и остатки фресковъ Звенигородскаго собора на столбахъ алтарной преграды, закрытые мѣстными иконами иконостаса позднѣйшихъ временъ, изъ коихъ одна изображаетъ явленіе преподобному Пахомію Ангела, въ одѣяніи великаго ангельскаго образа (схимы), а другая— бесѣду пустынника Варлаама (въ образѣ купца) съ индѣйскимъ царевичемъ Іоасафомъ.

Звенигородскій удѣльный князь Юрій Дмитріевичъ устроилъ для себя въ Звенигородѣ бѣлокаменный дворецъ, слѣдовъ котораго не осталось, въ которомъ жилъ до 1425 года, а послѣ того переселился въ Дмитровъ, а умеръ 6-го іюня 1434 года въ Москвѣ. Въ началѣ XVII сто-

лѣтія, въ смѣтное время самозванцевъ, Звенигородъ былъ разоренъ; въ это время Звенигородскій соборный храмъ утратилъ свои драгоцѣнности и вскорѣ еще потерпѣлъ отъ пожара. Этотъ храмъ возобновленъ при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ.

Кромѣ Успенскаго собора въ Звенигородѣ имѣются еще Вознесенская церковь, построенная въ 1792 году, и Рождественская, построенная въ 1805 году.

Удѣльные князья Звенигородскіе извѣстны въ отечественной исторіи до XVI вѣка, когда Царь Іоаннъ Васильевичъ далъ этотъ удѣлъ двоюродному брату своему, князю Владиміру Андреевичу, и потомъ присоединилъ его къ Московскому Государству. При Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ князья Звенигородскіе имѣли уже свои дворы въ Москвѣ.

Предполагаютъ, что послѣ ужаснаго пожара въ Москвѣ, въ 1547 году, истребившаго много церквей, Царь Іоаннъ Васильевичъ приказалъ взять въ Москву изъ Звенигородскаго собора нѣкоторыя древнія иконы.

Звенигородскій Успенскій соборъ стоитъ на лѣвомъ, высокомъ и крутомъ берегу рѣки Москвы. Самое урочище это называется „городомъ на городу“, — „городищемъ“, — „городкомъ“. Уцѣлѣлъ земляной валъ, сдѣланный въ видѣ прямоугольника; этотъ валъ вѣнчаетъ всю вершину холма, на которомъ построенъ Успенскій соборъ.

Въ среднѣ укрѣпленія, близъ собора, вѣроятно находился княжескій дворъ или дворецъ съ его службами; или службы были выдѣлены на смежную гору, такъ какъ смежная съ соборною гора слыветъ конюшенинъ дворомъ. Слѣдовъ какихъ-либо не осталось.

Въ Звенигородскомъ Успенскомъ соборѣ отъ древняго иконостаса уцѣлѣли однѣ только царскія двери съ городками и стоидами, обложенныя серебромъ. Передъ ними виситъ мѣдное паникадило съ двуглавымъ орломъ на матицѣ...

Въ двухъ верстахъ отъ Звенигорода, на лѣвомъ, высокомъ берегу рѣки Москвы, при устьѣ ручья „Разводня“, впадающаго въ рѣку Москву, на живописной горѣ „Сторожи“, красиво раскинулся Саввинъ-Сторожевскій мужской монастырь. Еще издали, со стороны города Рузы, за нѣсколько десятковъ верстъ, взору путника открывается высокая гора, покрытая зеленью, съ бѣлѣющими монастырскими зданіями и сверкающими на солнцѣ куполами и крестами. Мѣстопо-

ложеніе живописное. Отъ монастыря съ горы открывается прекрасный видъ на рѣку Москву, на Звенигородъ, на окрестные луга и лѣса.

Основателемъ этого монастыря былъ преподобный Савва, одинъ изъ первыхъ учениковъ Сергія Радонежскаго...

Во время Литовскихъ набѣговъ на горѣ „Сторожи“ стояла воинская стража, для наблюденія за движеніемъ непріятеля, который проходилъ къ Москвѣ по старой Смоленской дорогѣ, уклонявшейся за Можайскомъ влѣво къ Звенигороду.

Въ жалованной грамотѣ князя Юрія Дмитріевича Саввину монастырю, писанной 1404 года мая 10-го, сказано, что князь Юрій далъ игумену Саввѣ и его монастырю нѣсколько селъ и деревень съ угодьями въ своей огчинѣ...

Еще при жизни самого преподобнаго Саввы воздвигнута каменная соборная церковь Рождества Богородицы на томъ самомъ мѣстѣ и въ томъ видѣ, въ какомъ она находится донинѣ.

Въ монастырѣ много есть достопримѣчательнаго.

Въ верхнемъ ярусѣ колокольни устроены большіе боевые часы, польской работы, привезенные Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ изъ Смоленска и подаренные имъ въ монастырь...

На преподобнаго Савву обратилъ свое вниманіе Звенигородскій князь Юрій Дмитріевичъ, который часто посѣщалъ Сергіеву Лавру и полюбилъ Савву за его строгое иноческое житіе. Онъ и упросилъ преподобнаго основать въ его отечествѣ—Звенигородѣ—обитель.

Преподобный по просьбѣ Юрія въ 1398 году положилъ начало Сторожевскому монастырю. При пособіи князя Юрія построилъ прежде всего небольшую деревянную церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, а вблизи храма—маленькую келью для себя. Слухъ о святой жизни его скоро распространился по окрестности и привлекъ къ преподобному Саввѣ многихъ, искавшихъ уединенія и иноческихъ подвиговъ. Преподобный принималъ всѣхъ приходившихъ къ нему, и вскорѣ на мѣстѣ первоначальнаго отшельническаго поселенія подвижника образовалось значительное общежитіе.

За время своего существованія Саввина обитель испытала всевозможныя перемѣны въ своей вѣншей и внутренней организаціи. Обитель эта, между прочимъ, пользовалась благоволеніемъ русскихъ Государей и долгое

время, вплоть до конца XVIII вѣка, занимала главенствующее положеніе въ ряду окрестныхъ около столицы монастырей. Одно время къ нему было приписано 19-ть обителей со всѣми ихъ угодьями и землями. Монастырь обнесенъ каменной стѣной, позднѣйшей постройки, высотой 4 сажени, длиной 375 саженой, украшенной 6-ю башнями. На одной изъ башенъ, называемой красною, поставленъ, по повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, Государственный гербъ; въ амбразурахъ стѣны были поставлены пушки. Въ настоящее время въ Саввино-Сторожевской обители пять храмовъ: Соборный, въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы, созданъ преподобнымъ Саввою; позже при немъ былъ устроенъ придѣлъ во имя этого Святого. Храмъ замѣчательенъ своимъ иконостасомъ, устроеннымъ въ готическомъ стилѣ въ первой половинѣ XVI вѣка. Вторая монастырская церковь теплая, трапезная и посвящена Живоначальной Троицѣ. Этотъ храмъ созданъ въ половинѣ XVII столѣтія. Въ колокольнѣ помѣщается церковь въ честь преподобнаго Сергія Радонежскаго. Надъ восточными воротами обители находится церковь во имя святого Алексія, челоуѣка Божія. При монастырскомъ училищѣ устроена въ 1693 году Царевной Софьей Алексѣевной церковь во славу Преображенія Господня. Въ соборномъ монастырскомъ храмѣ, въ серебряной ракъ, открыто почиваютъ мощи преподобнаго основателя обители Св. Саввы.

Въ богатой монастырской ризницѣ, помѣщающейся въ той самой палатѣ, въ которой Царь Алексѣй Михайловичъ стоялъ во время богослуженія, хранятся: бѣлая тафтяная съ голубымъ оплечьемъ риза преподобнаго Саввы; Псалтирь рукописная 1656 года, по которой обучался Алексѣй Михайловичъ російскому чтенію; много вещей изъ церковной утвари и предметовъ обихода благосклонныхъ къ Саввиной обители русскихъ правителей; много вещей, хранящихся въ ризницѣ, пожертвованы Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ библиотекѣ хранятся рукописныя дѣла монастыря и книги. Въ архивѣ бумаги по времени большею частью относятся къ XVII и XVIII столѣтіямъ. Есть письма архимандритовъ Саввинскихъ къ Царямъ. Есть грамоты.

При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ обитель преподобн. Саввы съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе процвѣтала. Государь часто ѣздилъ туда на богомолье и проводилъ тамъ по нѣскольку дней. Онъ жаловалъ обитель грамотами и вкладами. При монастырѣ обращаетъ на себя вни-

маніе зданіе, называемое „Царскимъ дворцомъ“; построено оно Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Царь иногда долго живаль въ монастырѣ со всѣмъ своимъ семействомъ; въ праздники и торжественные дни, въ присутствіи ихъ, стрѣляли изъ пушекъ, которыя разставлены были по стѣнамъ и на башняхъ монастырскихъ. Для этихъ случаевъ около монастыря Царь поселилъ стрѣльцовъ особою слободою, и они назывались пушкарями или стрѣльцами Саввинскими.

Въ часы досуга Царь выѣзжалъ на охоту въ сосѣдніе лѣса, а Царица съ царевнами занимались шитьемъ и украшеніемъ священныхъ одеждъ, которыя приносины были отъ нихъ въ обитель.

Въ ризницѣ и теперь показываютъ рукодѣля Царевенъ—богатыя ризы и пелены, низанныя крупнымъ жемчугомъ. Усердіе свое къ Саввину монастырю Царь Алексѣй Михайловичъ доказалъ многочисленными вкладами и пожертвованіями. Съ балкона дворца или съ колокольни открывается чудный видъ на Звенигородъ и окрестности. Горизонтъ открывается широкой. Въ Царскомъ дворцѣ комнаты украшены портретами Царей и архіереевъ, а также изображеніями святыхъ. Дворецъ соединенъ крытыми переходами съ соборнымъ монастырскимъ храмомъ. Въ монастырѣ готическая колокольня въ 3 яруса съ 4 башнями, построенная Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. На одной башнѣ замѣчательнъ колоколъ, готическаго стиля, вѣсомъ въ 2.126 пудовъ, вылитый при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, съ секретною (криптографическою) надписью. Звуки колокола музыкальны и очень пріятны для слуха. При монастырѣ находится Звенигородское духовное училище. Кромѣ того имѣется: страннопріимный домъ, братская богадѣльня, больница, двѣ гостиницы, книжная и картинная лавка. Управляетъ обителью викарный Можайскій епископъ, намѣстникомъ котораго въ монастырѣ является архимандритъ.

Въ верстѣ отъ монастыря—пещера преподобнаго Саввы со скитомъ на 12 человекъ братіи. Саввинскій скитъ построенъ въ 1862 году на мѣстѣ уединенныхъ подвиговъ основателя обители.

Въ скиту два храма: во имя преподобнаго Саввы, вблизи котораго находится и пещера, выкопанная этимъ подвижникомъ, а вторая церковь помѣщается во второмъ этажѣ корпуса для братскихъ келій и посвящена Святителю Николаю Чудотворцу.

Скитское общежитіе управляется благочиннымъ, въ зависимости отъ настоятеля монастыря.

Подъ горою—святой колодезь, вырытый преподобнымъ Саввою.

Лѣтомъ въ монастырь пріѣзжаетъ и приходитъ много богомольцевъ или желающихъ полюбоваться видами окрестностей, погулять въ лѣсу и подышать прекраснымъ воздухомъ; нѣкоторые проживаютъ въ монастырскихъ гостиницахъ довольно продолжительное время. Зимой посѣтителей мало.

Б. А. С.

Вѣнокъ на гробъ Пушкина.

Ода А. И. Полежаева.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ.

Ода Полежаева на смерть Пушкина—не первостепеннаго художественнаго достоинства, мѣстами въ ней слишкомъ громка и цвѣтиста фраза, но она характерна для бурно-пламеннаго поэта энергіей стиховъ, гибкостью и вмѣстѣ съ тѣмъ силою слова, искренностью поэтическаго чувства и гражданской скорби, вѣрностью и широтою оцѣнки значенія Пушкина. Въ дружномъ хорѣ, которымъ отозвалась Россія 1837 года къ гибели своего величайшаго писателя, голосъ Полежаева прозвучалъ особенно замѣтно.

Но ему не суждено было раздаться во всеуслышаніе во всей своей полнотѣ. Ода Полежаева, какъ большая часть стиховъ, вызванныхъ смертью Пушкина, ходила по рукамъ въ спискахъ, но ни одинъ полный и авторитетный списокъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ. Она была, правда, напечатана, но небрежно, въ макулатурномъ сборникѣ стихотвореній Полежаева, выпущенномъ въ 1842 г. подъ заглавіемъ „Часы выздоровленія“, какимъ-то темнымъ и малограмотнымъ спекулянтномъ, съ множествомъ издательскихъ ошибокъ и цензурныхъ купюръ и искаженій.

Такой свѣдущій и опытный разыскатель, какъ покойный П. А. Ефремовъ, готовя свое изданіе сочиненій Полежаева (вышло въ 1889 г.), изъ всѣхъ существующихъ самое тщательное, не могъ нигдѣ раздобыть полный и надежный текстъ оды, и далъ ее въ редакціи, которую самъ счелъ нужнымъ снабдить „такимъ предостереженіемъ: „списокъ, бывшій у насъ, оказался тоже довольно плохимъ,

такъ что мы изъ него могли взять только 2—3 поправки"... Эта редакція, безъ всякихъ измѣненій, воспроизведена въ изданіи А. И. Введенскаго (1892 г.).

Недавно г. А. Дунинымъ была случайно обнаружена въ Московскомъ губернскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ и представлена намъ для разработки тетрадь стихотвореній Полежаева, подъ заглавіемъ „Урна“, поступившая въ 1888 г., черезъ три мѣсяца послѣ смерти поэта, въ московскую цензуру, но ею не одобренная къ печати, задержанная въ цензурныхъ дѣлахъ и потомъ попавшая въ архивъ¹⁾. Въ „Урнѣ“ оказался между прочимъ весь текстъ „Вѣнка на гробъ Пушкина“. Описаніе содержимаго этой интересной тетради и нѣкоторыя извлеченія изъ нея мы помѣстили въ приложеніяхъ къ „Нивѣ“ (1914 г., декабрь), а здѣсь сообщаемъ полный текстъ оды.

Слѣдъ его былъ такъ затерянъ, что случайно напечатанные кѣмъ-то семь стиховъ изъ оды (начинается: „И поэтическія вѣжды“...) подъ портретомъ Полежаева, появившимся вскорѣ послѣ его смерти, породили цѣлый споръ между историками литературы. Ефремовъ включилъ ихъ въ свое изданіе стихотвореній Полежаева подъ заглавіемъ „На смерть Пушкина“, не объясняя, почему они отнесены къ Пушкину, и притомъ отдѣльно отъ оды, въ качествѣ особой пьесы. Э. А. Витбергъ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“ (см. „Полежаевъ“) счелъ ихъ пьесой неизвѣстнаго автора на смерть Полежаева. Проф. Е. А. Бобровъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній („Извѣстія II Отдѣла И. Акад. Наукъ“, т. XII, 1907 г., кн. 2, стр. 449—450), пришелъ наконецъ („Пушкинъ и его современники“ V, 91) къ выводу, граничащему съ дѣйствительностью, что данное семистишіе— „только заключеніе цѣлаго большого стихотворенія“. Отрывки весьма странныхъ и нескладныхъ „строфъ“ на смерть Пушкина, приписывавшихся Полежаеву, сообщилъ проф. И. А. Шляпкинъ („Русс. Библиофиль“ 1913 г. № 3, стр. 95).

На заглавномъ листкѣ „Урны“ цензоръ начерталъ: „всѣ эти стихи списаны съ тѣхъ, кои запрещены“. Оду на смерть Пушкина онъ встрѣтилъ такимъ образомъ какъ старую знакомку и не сталъ затруднять себя чтеніемъ и вымарываніемъ отдѣльныхъ мѣстъ: 15 апрѣля рукопись поступила на разсмотрѣніе, а 22-го уже была „причислена

¹⁾ Нынѣ оттуда передана въ музей Пушкинскаго Дома („Временникъ Пушкинскаго Дома“, II; Петроградъ, 1914, стр. VII).

къ числу запрещенныхъ". Можетъ быть, раньше самъ авторъ, или кто-нибудь другой при его жизни, дѣлалъ попытку провести оду въ печать, и это не удалось? Въ прошломъ году, немедленно послѣ смерти Пушкина цензоромъ было приказано обратить вниманіе на выраженія скорби въ отзывахъ о немъ и поддерживать въ нихъ „надлежащую умѣренность и тонъ приличія“. Восторженная оцѣнка Пушкина въ стихахъ Полежаева должна была смутить подготовленную извѣстнымъ образомъ цензуру. „Вѣнокъ“ могъ появиться въ печати лишь нѣсколько лѣтъ спустя, да и то съ большими урѣзками. Было отброшено все начало; пострадала характеристика Наполеона во II главѣ; цензура не могла согласиться, что Пушкинъ „глаголь всевышняго постигъ“, и не позволила ему „видѣть праведниковъ сны“, а только „неземные сны“, а соотвѣтственно и поэзіи его вѣдно было называться не „Божественной“ дѣвой, а „Тайнственной“ и т. под. Чтобы сгладить слѣды урѣзокъ, было сочтено необходимымъ кое-какіе стихи передѣлать, нѣкоторыя слова замѣнить другими. Вѣнокъ, принесенный Полежаевымъ на гробъ Пушкина, изрядно растрепался, и изъ него выпалъ не одинъ цвѣтокъ паэоса, но „Урна“ сохранила намъ ихъ всѣ.

Текстъ „Урны“ тоже, повидимому, не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ, коихъ очень мало, и эта тетрадь даетъ намъ единственную полную редакцію, за которою слѣдующія изданія должны будутъ признавать преимущественное значеніе.

Въ примѣчаніяхъ указаны отличія ея отъ текста, даваемого изданіемъ Ефремова. По мнѣнію Ефремова, послѣдніе четыре стиха (озаглавленные „Утѣшеніе“), которыхъ не было въ его спискѣ, могли быть прибавлены впоследствии. Это довольно вѣроятно, судя по внутренней ихъ несвязанности со всей одой, которую они, быть можетъ, должны были провести чрезъ цензуру; въ „Урнѣ“, надо замѣтить, они отдѣлены отъ оды линейкой и не номерованы, какъ въ изданіи Ефремова, гдѣ стоятъ подъ цифрой (VI), внѣшне объединяющей ихъ съ предыдущими строфами.

Н. Лернеръ.

„ВѢНОКЪ НА ГРОБЪ ПУШКИНА“.

I.

Эпоха! Годъ неблагодарной!
 Россія, плачь! лишилась ты
 Одной прекрасной, лучезарной,
 Одной брильянтовой звѣзды!

На торжествѣ великой жизни
 Угасъ для міра и отчизны
 Царь сладкихъ пѣсенъ, геній лирь!
 Съ лица земли, шумя крылами,
 Сошелъ, увѣнчанный цвѣтами,
 Народной гордости кумиръ!

И поэтическія вѣжды
 Сомкнула грозная стрѣла
 Тогда, какъ свѣтлыя надежды
 Вились вокругъ его чела.
 О, плачь, Россія, долго плачь! ¹⁾

Давно ль тебя изъ нѣдръ пустыни полудикой²⁾.
 Возвелъ для бытія и славы Петръ Великій,
 Какъ дѣву робкую, на тронъ?
 Давно ли озарилъ лучами просвѣщенья,
 Съ улыбкою отца любви и ободренья ³⁾,
 Твой полунощный ⁴⁾ небосклонъ?
 Подъ знаменемъ наукъ, подъ знаменемъ свободы
 Онъ новые создалъ великіе народы,
 Ихъ въ ризы новыя облекъ.
 И ярко засіялъ надъ царскими орлами,
 Вѣнчанными всегда побѣдными громами,
 Младой поэзіи вѣнокъ.

¹⁾ Первые 15 стиховъ нѣтъ.

²⁾ Давно ль тебя. о Русь, изъ нѣдръ пустыни дикой.

³⁾ Одобренья...

⁴⁾ Полунощный..

Услыша зовъ Петра, торжественный и громкій,
 Возникли: старина, грядущіе потомки,
 И Кантемиръ, и Теофанъ;
 И, наконецъ, во дни величія и мира,
 Вагремѣла и твоя божественная ¹⁾ лира,
 Нашъ Холмогорскій Великанъ! ²⁾
 И что за лира: жизнь! Ея златыя струны
 Воспоминали вдругъ и битвы, и перуны
 Стократъ великаго Царя,
 И кроткія твои дѣла, Елисавета!
 И пѣли все онѣ въ услышаніе свѣта
 Подъ смѣлой дланью рыбаля!
 Открылась для ума невѣдомая сфера;
 Въ младенческихъ душахъ зиждительная вѣра ³⁾
 Во все прекрасное зажглась ⁴⁾;
 И счастья заря роскошно и привѣтно
 До скалъ и до степей Сибири многоцвѣтной
 Отъ водъ Балтійскихъ разлилась.
 Посѣяли тогда изящныя искусства
 Въ груди богатырей возвышенныя чувства;
 Окрѣпъ полміра властелинъ,
 И обрели его, въ воинственной державѣ,
 Безсмертію вѣковъ и незакатной ⁵⁾ славѣ—
 Петровъ, Державинъ, Карамзинъ!

II.

Потомъ, когда неодолимой
 Сынъ революцїи ⁶⁾, Бонапартъ,
 Вознесъ рукой непобѣдимой
 Трехцвѣтный Франціи штандартъ;
 Когда подъ сѣнь его эгиды
 Склонились робко пирамиды
 И Рима купольъ золотой;
 Когда смущенная Европа
 Въ волнахъ кроваваго потопа
 Страдала подъ его пятой;

1) торжественная...

2) холмогорскій великанъ...

3) Этого стиха нѣтъ, имъ замѣненъ рядъ точекъ.

4) Любовь къ прекрасному зажглась.

5) Въ „Урнѣ“ вмѣсто „и незакатной“—„незакатимой“, во старыя варианты внушаетъ больше довѣрія.

6) революціей...

Когда отважный, внѣ законовъ,
 Какъ повелительное зло,
 Онъ діадимою Бурбоновъ
 Украсилъ дерзкое чело;
 Когда, летая надъ землею,
 Его орлы, какъ будто мглою,
 Мрачили день и небеса;
 Когда мужъ пагубы и Рока
 Устами грознаго пророка
 Вѣщалъ вселенной чудеса ¹⁾;
 Когда воинственные хоры
 И гимны звучные пѣвцовъ
 Ему читали приговоры
 И одобренія вѣковъ,
 И въ этомъ гулѣ осужденій,
 Хулы, вражды, благословеній
 Гремѣлъ, гремѣлъ, какъ дикій стонъ,
 Неукротимый и избранный,
 Подъ небомъ Англїи туманной,
 Твой дивный голосъ, о Байронъ!—
 Тогда, когда въ садахъ Лицея,
 Какъ юный русскій соловей,
 Весенней жизнью пламенѣя,
 Расцвѣлъ нашъ дивный корифей;
 И гармоническіе звуки
 Его младенческія руки
 Умѣли рано исторгать.
 Шутя перомъ, играя съ лирой,
 Онъ Оссіановой порфирой
 Хотѣлъ, казалось, обладать;
 Онъ росъ, какъ пальма молодая
 На Іорданскихъ берегахъ,
 Главу высокую скрывая
 Въ ему знакомыхъ облакахъ;
 И, другъ волшебныхъ сновидѣній,
 Онъ понялъ тайну вдохновеній,
 Глаголь Всевышняго постигъ ²⁾,
 Возсталъ, какъ новая стихія,
 Могучъ, и славенъ, и великъ,—
 И изумленная Россія
 Узнала гордый свой языкъ.

¹⁾ Этихъ трехъ стиховъ („Когда мужъ...—... вселенной чудеса“) нѣтъ.

²⁾ Этого стиха нѣтъ.

III.

И сталъ онъ пѣть, и все вокругъ его ¹⁾ внимало;
 Изъ радужныхъ цвѣтовъ вручилъ онъ покрывало
 Своей Поэзіи нагой.
 Невинна и смѣла, Божественная ²⁾ дѣва
 Отважному ему позволила безъ гнѣва
 Себя обвить его рукой;
 И странствовала съ нимъ, какъ вѣрная подруга,
 По лаковымъ паркѣмъ блистательнаго круга,
 Временщиковъ ³⁾, князей, вельможъ;
 Входила въ кабинетъ ученыхъ и артистовъ,
 И въ залы, гдѣ шумятъ собранія софистовъ,
 Мѣняя истину на ложь;
 Смягчала иногда, какъ геній лучезарный,
 Гоненія судьбы, то славной, то коварной;
 Была въ тоскѣ, и на пирахъ;
 И вмѣстѣ пронеслась, какъ бурная зараза,
 Надъ грозной высотой мятежнаго Кавказа
 И Крыма знойнаго въ степяхъ! ⁴⁾
 И никогда, нигдѣ его не покидала;
 Какъ милое дитя, задумчиво играла
 Или волной его кудрей,
 Иль блѣдное чело, объятое мечтами,
 Любила украшать небрежными перстами
 Вѣнкомъ изъ лавровъ и лилей.
 И были времена: унылый и печальной,
 Прощался иногда онъ съ музой геніальной,
 Искалъ покоя, тишины.
 Но и тогда, какъ духъ, прикинувъ къ изголовью,
 Она его душѣ съ небесною любовью ⁵⁾
 Дарила праведниковъ ⁶⁾ сны.
 Когда же, утомясь ⁷⁾ минутнымъ упоеньемъ,
 Всегдашнимъ торжествомъ, высокимъ наслажденьемъ,
 Всегда юна, всегда свѣтла,

1) него...

2) таинственная...

3) въ дворцахъ царя...

4) этихъ трехъ стиховъ („И вмѣстѣ пронеслась...—... въ степяхъ“)

нѣтъ.

5) Она ему съ своей небесною любовью...

6) неземные...

7) Въ „Урнѣ“ не „утомясь“, а „упоясь“, но прежній вариантъ кажется предпочтительнѣе.

Красавица земли, она смыкала очи,—
 То было на цвѣтахъ, а ихъ во мракъ ночи
 Для ней рука его рвала.
 И въ эти времена невидимая Кліо
 Слетала къ своему любимцу горделиво
 Съ скрижалю давнею ¹⁾ вѣковъ;
 И пѣлъ великій мужъ великія побѣды,
 И громко вызывалъ, о праотцы и дѣды,
 Онъ ваши тѣни изъ гробовъ!

IV.

Гдѣ же ты, поэтъ народный,
 Величавый, благородный,
 Какъ широкій океанъ,
 И могущій ²⁾, и свободный,
 Какъ суровый ураганъ?
 Отчего же голосъ звучный,
 Голосъ съ славой неразлучный,
 Своенравный и живой,
 Ужъ не царствуетъ надъ скучной,
 Полумертвою ³⁾ душой;
 Не владѣетъ нашей думой ⁴⁾,
 То отрадной, то угрюмой,
 По внушенью твоему?
 Не всегда ли безотчетно,
 Добровольно и охотно
 Покорались мы ему!..

О такъ, о такъ, пѣвецъ Людмилы и Руслана,
 Единственный пѣвецъ волшебнаго Фонтана,
 Земфиры, Невскихъ береговъ,
 Пѣвецъ любви, тоски, страданій неизбѣжныхъ!
 Ты мчалъ насъ, уносилъ по лику ⁵⁾ водъ мятежныхъ
 Твоихъ плѣнительныхъ стиховъ.

¹⁾ Съ правдивой повѣстью...

²⁾ И могучій...

³⁾ Охлаждѣлоу...

⁴⁾ Въ „Уривъ“ этотъ стихъ пропущенъ.

⁵⁾ лону...

Какъ будто усыплялъ ихъ ропоть граціозный,
 Какъ будто оживлялъ мечтой религіозной
 Давно почившихъ мертвецовъ ¹⁾.
 И долго, превратясь въ безмолвное вниманье,
 Прислушивались мы, когда ихъ рокотанье
 Умолкнетъ съ отзывомъ громовъ.
 Мы слушали, томясь пріятнымъ ожиданьемъ,—
 И вдругъ, поражена ²⁾ невольнымъ содроганьемъ,
 Россія мрачная въ слезахъ ³⁾.
 Высоко надъ главою Поэзіи ⁴⁾ печальной
 Вознесся не вѣнокъ... но факель погребальной,
 И Пушкинъ—трупъ! и Пушкинъ—прахъ!
 Онъ прахъ! Довольно! Прахъ, и прахъ непробудимый!
 Угасъ, и навсегда, миллионами любимый,
 Державы Сѣверной ⁵⁾ Баянъ!
 Онъ новыя пріялъ нетлѣнныя одежды,
 И къ небу воспарилъ, подъ радугой надежды,
 Разсѣя вѣчности туманъ.

V.

Гимнъ смерти.

„Совершилось: дивный геній,—
 Совершилось: славный мужъ
 Незабвенныхъ пѣснопѣній
 Отлетѣлъ въ страну видѣній,
 Съ лона жизни въ царство душъ.
 Пиръ унылый и послѣдній
 Онъ окончилъ на землѣ;
 Но, безчувственный и блѣдный,
 Носить онъ вѣнокъ побѣдный
 На возвышенномъ челѣ.
 О, взгляните, какъ свободно
 Это гордое чело!
 Какъ оно въ толпѣ народной
 Величаво, благородно
 Новой жизнью расцвѣло!

¹⁾ Этнхъ трехъ стиховъ („Какъ будто усыплялъ...—...мертвецовъ“) вѣтъ.

²⁾ И вдругъ поражены...

³⁾ И душу намъ наполнилъ страхъ.

⁴⁾ поэзія...

⁵⁾ сѣверной...

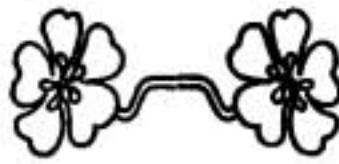
Если гибельнымъ размахомъ
 Безпощадная коса
 Незнакомаго со страхомъ
 Уравнять умѣла съ прахомъ,—
 То узрѣлъ онъ небеса.
 Тамъ, подъ сѣнію Благова,
 Милосерднаго Творца,
 Безъ печальнаго покрова
 Встрѣтятъ жителя земного,
 Знаменитаго пѣвца.
 И святое Провидѣнье
 Слово мира изречетъ;
 И небесное прощенье,
 Какъ земли благословенье,
 На главу его сойдетъ.

Тогда, какъ духъ безплотный, величавой,
 Онъ будетъ жить безсумрачною славой,
 Увидитъ яркій, свѣтлый день;
 И пробѣжитъ неугасимымъ окомъ
 Миліонъ міровъ, въ покоѣ ихъ глубокомъ,
 Его торжественная тѣнь;
 И окружить ее надъ облаками
 Тѣней, давно прославленныхъ вѣками,
 Необозримый легіонъ—
 Петрарка, Тассъ, Шенье, добыча казни,
 И руку ей, съ улыбкою пріязни,
 Подастъ задумчивый Байронъ.
 И, между тѣмъ, когда въ Россіи изумленной
 Оплакали тебя и старыи, и молодой,
 И совершили долгъ послѣдній и священный,
 Предавъ тебя землѣ холодной и нѣмой;
 И, блѣдная, въ слезахъ, въ печали безотрадной,
 Поэзія груститъ надъ урною твоей,—
 Невѣдомый пѣвецъ, но смѣлый¹⁾, славы жадной,
 О Пушкинъ, преклонилъ колѣно передъ ней.
 Душистые вѣнки великіе поэты
 Готовятъ для нея, второй Анакреонъ!
 Но вѣрю я: и мой въ волнахъ суровой Леты,
 Съ рожденіемъ его, не будетъ поглощенъ,—
 На пепелъ золотомъ угаснувшей кометы
 Несмѣлою рукой онъ съ чувствомъ положенъ...“

¹⁾ Въ „Урнѣ“— „юный“, но „смѣлый“ намъ кажется умѣстнѣе и обличаетъ, быть можетъ, авторскую поправку.

Утѣшеніе.

Надъ лирою твоей, разбитою, но славной.
Зажглася и горить прекрасная заря ¹⁾;
Она облечена порфирю ²⁾ державной
Великодушнаго Царя.

1) звѣзда..-

2) щедротою.

О портретѣ фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго.

Герой Ларги, Кагула и пр. пр., знаменитый фельдмаршалъ гр. Петръ Александровичъ Румянцевъ былъ весьма короткое время, около 3—4 мѣсяцевъ всего — кадетомъ сухопутнаго Шляхетскаго корпуса (нынѣ 1-го кадетскаго корпуса). Поэтому весьма естественно, что при празднованіи перваго столѣтія со дня основанія этого учебнаго заведенія, Императрицею Анною Іоанновною 17-го февраля 1732 г., Императоръ Николай I въ 1832 году возымѣлъ желаніе, чтобы въ корпусѣ былъ помѣщенъ портретъ воспитанника, которымъ корпусъ можетъ гордиться. Это желаніе Императора вызвало въ 1832 году обмѣнъ писемъ между державнымъ его братомъ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ, главнымъ начальникомъ военныхъ учебныхъ заведеній въ то время, и графомъ Сергіемъ Петровичемъ Румянцевымъ, послѣднимъ изъ сыновей фельдмаршала, остававшимся еще въ то время въ живыхъ, но бывшимъ не у дѣлъ. Письма эти, сохранившіяся въ Императорской Публичной библіотекѣ, въ рукописномъ отдѣленіи, помѣщаемъ ниже, начавъ съ письма великаго князя.

Графъ Сергій Петровичъ. Государю Императору благоугодно, чтобы 17-го наступающаго февраля, въ день, назначенный для празднованія столѣтія со времени первоначальнаго учрежденія 1-го кадетскаго корпуса, былъ выставленъ въ ономъ портретъ бывшаго воспитанника сего корпуса, знаменитаго Вашего родителя, генераль-

фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго, и по невозможности въ скоромъ времени отыскать хорошій портретъ или снять вѣрную копию, Его Императорское Величество, полагая, что у Васъ вѣрно хорошій таковой портретъ имѣется и что Вы не откажетесь ссудить оный на время 1-му кадетскому корпусу,—соизволилъ мнѣ поручить обратиться о томъ съ покорнѣйшею просьбою. Исполняя симъ Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ удостовѣрить Васъ въ томъ неизмѣнномъ, отличнѣйшемъ уваженіи, съ коимъ пребываю къ Вамъ доброжелательный

подп. Михайлъ.

22 Генваря 1832 г.
С-тъ Петербургъ

Милостивый Государь. Болѣзненное состояніе претитъ мнѣ донести лично Вашему Императорскому Высочеству, что портрета покойнаго моего отца, съ него списаннаго, не существуетъ. Осмѣливаюсь представить вмѣсто сего Вамъ, Милостивый Государь, изображеніе въ маломъ видѣ той колоссальной статуи, которую въ честь его поставилъ графъ Заводовскій въ своихъ владѣніяхъ. Имѣетъ оно, кромѣ художественнаго достоинства, довольно и сходства. Если бы Государю Императору угодно было по сему случаю приказать его выставить, то я униженнѣйше прошу Ваше Императорское Высочество исходатайствовать, чтобы оно было принято отъ меня въ кадетскій корпусъ, какъ усерднѣйшее приношеніе. Осчастливьте меня еще, Милостивѣйшій Государь, принесеніемъ Его Императорскому Величеству отъ моего лица увѣренія того чувствованія глубочайшей благодарности, съ которымъ я повергаюсь къ стопамъ Его Величества за оказываемое при настоящемъ случаѣ столь лестное къ службѣ отца моего воспоминаніе.

Графъ С. Румянцевъ¹⁾.

Его Императорскому Высочеству
Михаилу Павловичу.

26-го Генваря 1832 г.,
С.-Петербургъ.

¹⁾ Графъ Сергій Петровичъ Румянцовъ, младшій сынъ фельдмаршала Румянцова, родился въ деревнѣ подъ Москвой 17 марта 1755 г. и провелъ дѣтскіе годы подъ надзоромъ своей матери гр. Екатерины Михайловны, заботившейся очень объ его воспитаніи, а затѣмъ и объ опредѣленіи его на службу. Записанный съ раннихъ лѣтъ въ артил-

Графъ Сергій Петровичъ. Я имѣлъ счастье довести до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія содержаніе письма Вашего отъ 26 сего Генваря. — Его Императорское Величество, принимая съ удовольствіемъ дѣлаемое вами въ 1-й кадетскій корпусъ приношеніе, изволилъ мнѣ поручить сообщить Вамъ за оное искреннюю Его Величества признательность, и вмѣстѣ съ тѣмъ Васъ увѣдомить, что Его Императорскому Величеству будетъ пріятно видѣть Васъ на празднествѣ, торжественности котораго имя родителя Вашего придаетъ еще болѣе блеска. Исполняя симъ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе и присовокупляя къ сему, что Государь Императоръ изволилъ быть 17-го февраля въ церкви 1-го кадетскаго корпуса у обѣдни, прошу Васъ принять новое увѣреніе въ томъ неизмѣнномъ чувствѣ отличнѣйшаго уваженія, съ коимъ пребываю къ Вамъ доброжелательный Михайлъ.

30 Генваря 1832 г. С-тъ Петербургъ.

Милостивый Государь мой Александръ Ивановичъ!

Прошу покорнѣйше Ваше Превосходительство донести Его Императорскому Высочеству, что сильная простуда

лерію, а затѣмъ переведенный въ л.-гв. Конный полкъ, молодой графъ 1 января 1769 г. былъ произведенъ изъ вахмистровъ въ корнеты, а затѣмъ 1 августа 1772 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ и вскорѣ по желанію отчисленъ отъ полка въ чинѣ подпоручика. Въ 1774 г. онъ отправился для своего образованія за границу, совершилъ путешествіе по Италіи и, возвратясь въ отечество въ 1776 году, скоро опять уѣхалъ въ 1778 году на годъ, не найдя себѣ соотвѣтствующаго служебнаго занятія. Въ 1779 г. онъ былъ пожалованъ въ камергеры и послѣ непродолжительнаго отправленія придворной службы при молодомъ наследникѣ, гр. С. Петровичѣ уѣхалъ опять за границу, гдѣ пробылъ до 1783 г., когда предполагалось его назначить по дипломатической части. Но это назначеніе затянулось и онъ только въ 1785 г. Іюня 23 былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Берлинъ, но занималъ этотъ постъ не долго. Онъ въ 1789 году былъ отозванъ и пребывая въ Петербургѣ состоялъ не долгое время при герцогѣ д'Артуа, посѣтившемъ столицу въ 1793 году. Въ томъ же году гр. С. П. Румянцовъ былъ назначенъ въ Швецію нашимъ полномочнымъ министромъ, куда отправился въ октябрѣ мѣсяцѣ, но уже въ августѣ 1794 года возвратился въ Петербургъ съ дозволенія Ея Величества и болѣе въ Стокгольмѣ не возвращался. Онъ проживалъ безъ назначенія въ Петербургѣ до самой кончины Екатерины II въ 1796 году — а Императоръ Павелъ I, благоволившій сыновьямъ фельдмаршала, назначилъ С. П. Румянцова присутствующимъ членомъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а въ 1797 г.

не допускаетъ меня быть на празднествѣ столѣтія кадетскаго корпуса.

Если осмѣливаюсь я занять своимъ состояніемъ Государя Великаго Князя, причина тому, что черезъ собственное Его милостивѣйшее посредство объявлено было мнѣ Его Императорскаго Величества соизволеніе.

15 февраля 1832 г.

Его Превосходительству А. П. Алединскому.

Государю Императору благоугодно украсить устраиваемую вновь въ Зимнемъ дворцѣ залу портретами российскихъ полководцевъ, присоединившихъ къ имени своему имена мѣсть, прославленныхъ ихъ подвигами. Въ слѣдствіе сего я, по Высочайшей волѣ, покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство прислать ко мнѣ для снятія копіи, пор-

главнымъ директоромъ государственнаго вспомогательнаго для дворянства банка, а затѣмъ въ 1796 г.—министромъ удѣловъ. Болѣзненное состояніе побудило графа просить въ концѣ 1799 г. увольненія на годъ за границу, на что послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе въ январѣ 1800 г. но въ томъ же году въ іюнь мѣсяцѣ онъ былъ *оставленъ отъ службы вовсе*. Новый Императоръ скоро назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта 21 апрѣля 1802 г., но по непосѣщенію С. П. Румянцовымъ засѣданій Совѣта онъ былъ уволенъ отъ этого званія въ томъ же году. Вскорѣ онъ представилъ Его Величеству предложенія объ увольненіи крѣпостныхъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, удостоившіяся Высочайшаго одобренія, послѣ котораго состоялся извѣстный указъ 20 февраля 1803 года; Румянцовъ же удостоился получить особый рескриптъ Его Величества 25 февраля и портретъ въ свѣдѣтельство расположенія къ графу, скоро назначенному опять членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ былъ скоро назначенъ членомъ Комитета по части финансовъ, учрежденнаго въ 1806 году, и желалъ получить какое либо высшее назначеніе по внутреннему управленію государствомъ, но не достигъ этого ни при Императорѣ Александрѣ I, ни при его преемникѣ Николаѣ I и въ званіи члена Государственнаго Совѣта скончался 24 января 1833 г., не оставивъ потомства мужского пола. Съ кончиною его прекратился родъ графовъ Румянцовымъ. Обширныя его земельныя владѣнія перешли тремъ его дочерямъ, получившихъ фамиліи Кочульскихъ. Графъ С. П. Румянцовъ сдѣлалъ большія денежныя пожертвованія въ инвалидный капиталъ, въ пользу увѣчныхъ воиновъ, а также вдовъ и сиротъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, служившихъ въ полку имени фельдмаршала Румянцова Задунайскаго и по словесному завѣщанію брата своего пожертвовалъ домъ бывшего канцлера, а также и свой собственный съ богатымъ собраніемъ рукописей, медалей, монетъ, книгъ, рисунковъ для устройства Румянцовскаго музея, получившаго первый уставъ 28 мая 1831 года.

третъ покойнаго родителя Вашего, буде таковой (писанный въ ростъ), имѣется у Вашего Сіятельства.

Князь Петръ Волконскій¹⁾.

Число не означено на письмѣ, которое, заключаая по отвѣту, должно быть отнесено къ 1833 году.

Милостивый Государь, князь Петръ Михайловичъ.

Ваше Сіятельство можете представить себѣ, съ какимъ душевнымъ прискорбіемъ нахожусь я въ невозможности вышолнить Высочайшія повелѣнія черезъ Васъ мнѣ насланныя. Отецъ мой покойный не оставилъ послѣ себя никакого портрета и единственное съ него снятое изображеніе есть тотъ бюстъ, который стоитъ въ Эрмитажѣ, и сдѣланъ былъ по повелѣнію Императрицы Екатерины Алексѣевны. Сходство головы совершенно и не мудрено бы было художникѣ докончить и всю фигуру, если бы Государю Императору благоугодно было избрать къ тому человекъ искуснаго. Ваше Сіятельство, какъ верховный начальникъ Академіи Художествъ, можете пайти въ Алексѣѣ Николаевичѣ Оленинѣ самое лучшее пособіе къ выполненію Государя Императора предложенія. Я же съ своей стороны готовъ подать въ разсужденіи тѣни лица и прочаго всѣ объясненія, которыя бы вамъ только угодно было потребовать.

С. Румянцовъ.

13 Апрѣля 1833 г. Его Сіятельству к. П. М. Волконскому.

Изъ дальнѣйшей переписки усматривается, что гр. С. П. Румянцовъ по желанію кн. Волконскаго доставилъ ему въ 1833 году эскизы художника Шебуева, на которыхъ изображенъ фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ, для представленія ихъ на Высочайшее воззрѣніе и что Его Величеству угодно было избрать тотъ эскизъ, на которомъ фельдмаршалъ изображенъ подписывающимъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 года.

Сообщ. П. М. Майковъ.

¹⁾ Князь Петръ Михайловичъ Волконскій р. въ 1771 г., и поступилъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ въ 1791 году. Онъ отличился въ сраженіи при Аустерлицѣ 1805 года и по оковчаніи войны былъ посланъ во Францію для подробнаго изученія устройства генеральнаго штаба арміи. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ въ 1810 г. генераломъ квартирмейстеромъ, а затѣмъ въ походахъ 1813 и 1814 годовъ кн. Волконскій былъ начальникомъ главнаго штаба арміи. Онъ приобрѣлъ особое расположеніе Императора Александра I которое и сохранилъ по самую кончину Императора въ Таганрогѣ. При коронованіи Императора Николая I, Волконскій былъ назначенъ министромъ Императорскаго двора и оставался имъ до самой кончины своей въ 1852 году. Волконскій былъ пожалованъ званіемъ фельдмаршала и титуломъ свѣтлѣйшаго князя.

Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству.

ГЛАВА I.

Первые служебные шаги.

Въ 1914 году Россія и судебное вѣдомство праздновали 50-лѣтїе дѣйствія судебныхъ уставовъ и въ послѣднемъ засѣданіи Государственной Думы передъ Рождественскими каникулами Министерство Юстиціи испрашивало и получило особый кредитъ на изданіе исторіи судебныхъ уставовъ къ предстоявшему юбилейному году. Какого рода и въ какомъ духѣ будетъ написана эта исторія, мы читаемъ ее въ свое время, а пока старымъ работникамъ на почвѣ естественнаго правосудія нелишне внести и свои штрихи въ 50-лѣтнюю исторію дѣйствія судебныхъ уставовъ о служебной дѣятельности лицъ судебного вѣдомства. Руководимый сейчасъ названною мыслью, я и воспроизвожу здѣсь нѣкоторые факты, сохранившіеся въ памяти, и характеристики изъ своей свыше 37-лѣтней службы по судебному вѣдомству, и въ этомъ числѣ 34-лѣтняго пребыванія въ судейской должности. Въ воспоминаніяхъ о своей службѣ я буду касаться, главнымъ образомъ, бытовой стороны прохожденія службы или условій работы лицъ судебного вѣдомства, обстановки, при которой эта работа протекала на протяженіи извѣстнаго мнѣ періода службы, а также вспомню и выдающихся работниковъ. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, я продолжу свои воспоминанія вслѣдъ за

воспоминаніями о Кіевскомъ университетѣ и студенческой жизни ¹⁾. Грустное разставанье съ университетомъ и товарищами послѣ сдачи экзаменовъ и полученія диплома усугублялось еще мыслью о томъ, куда направить свои молодя „дипломированныя“ силы, чтобы устроить свою жизнь по своему взгляду и найти практическую работу, соотвѣтственно своимъ довольно идеалистическимъ желаніямъ. Проведя дома, въ деревнѣ у родныхъ, послѣднія школьныя каникулы, я въ концѣ сентября 1875 года уѣхалъ въ Кіевъ, съ цѣлью опредѣлиться на службу и при томъ по судебному вѣдомству. Въ Кіевѣ же въ это время наряду съ дѣйствіемъ (съ 1870 г.) мирового устава по закону 20 ноября 1864 г. еще дѣйствовала и довольно энергично старая судебная палата уголовнаго и гражданскаго суда.

Неужели опредѣляться на службу въ эту палату?

Но случайно встрѣчая своего однокашника, и, разговорившись съ нимъ, рѣшилъ опредѣлиться кандидатомъ на судебныя должности при Кіевской судебной палатѣ и подалъ Предсѣдателю ея прошеніе съ документами объ опредѣленіи меня на службу. Предсѣдателемъ же Кіевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда въ это время былъ С. С. Гончаровъ, недавно переведенный въ Кіевъ изъ Житомира. Представляясь С. С. Гончарову, я былъ имъ очень любезно принятъ; онъ объяснилъ, что очень радъ принимать на службу университетскую молодежь, которая должна „внести свѣжую струю въ довольно затхлую атмосферу палаты и что эту молодежь онъ будетъ всячески поддерживать и поощрять“. Подобнаго рода пріятными перспективами (окончившимися пуфомъ) С. С. Гончарову удалось завербовать въ палату до десятка кандидатовъ, которымъ и дана была работа то въ канцеляріи палаты, то при камерахъ судебныхъ слѣдователей. С. С. Гончаровъ, какъ предсѣдатель судебного, хотя „старога фасона“ учрежденія, вступивъ въ управленіе Кіевской судебной палатой, сейчасъ все передѣлалъ на свой ладъ: онъ прежде всего повыгналъ всѣхъ старыхъ, закоснѣлыхъ взяточниковъ отолочальниковъ и начальника крѣпостнаго стола г. Яс—скаго, убралъ дураковъ, которыхъ порасплодилъ Калмыковъ (бывшій предсѣдатель палаты); ввелъ гласный, публичный докладъ дѣлъ въ палатѣ членами ея, самолично принималъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, VI и VII кн. 1912 года.

просителей и тутъ же давалъ имъ справочныя свѣдѣнія, словомъ, завелъ тѣ порядки, которые введены были въ судахъ, дѣйствовавшихъ по уставамъ 1864 г. Такая энергичная дѣятельность новаго предсѣдателя Кіевской соединенной палаты уголовного и гражданскаго суда сразу выдвинула С. С. Гончарова изъ ряда начальниковъ отдѣльных частей губернскихъ учрежденій Кіева; онъ сразу пріобрѣлъ огромную популярность среди мѣстнаго общества, его очень приблизилъ къ себѣ бывшій кіевскій генераль-губернаторъ, добрѣйшій кн. А. М. Дундуковъ-Корсаковъ, и значеніе палатнаго суда и подвѣдомственныхъ ей судебныхъ мѣстъ сразу повысилось, и эти учрежденія стали пользоваться довѣріемъ населенія и уваженіемъ. До Гончарова въ кіевскихъ судебныхъ учрежденіяхъ царили такіе же порядки и права, какъ и въ Гоголевскія времена, т.-е. безконечная волокита, взяточничество и канцелярская тайна. Уже при Гончаровѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ такой сцены. Въ залѣ судебныхъ засѣданій стоитъ въ вицмундирѣ бритый, строгій на видъ С. С. Гончаровъ; залъ наполненъ разнообразной публикой, изъ которой отдѣльныя лица, по очереди, подходятъ къ судейскому столу, подають прошенія г. Гончарову и ведутъ съ нимъ разговоры; онъ терпѣливо выслушиваетъ просителей, объясняетъ имъ дѣла и даетъ нужныя справки. Вдругъ въ залъ врывается какая-то ажитированная дама, съ нею рядомъ идетъ господинъ съ бумагами и направляются къ столу предсѣдателя палаты. Дама жалуется С. С. Гончарову, что надсмотрщикъ крѣпостнаго стола (это былъ онъ) тормозитъ ей утвержденіе купчей крѣпости; даетъ объясненія надсмотрщикъ. Но едва онъ окончилъ свои объясненія, какъ по его головѣ пошелъ гулять увѣсистый зонтикъ просительницы съ комментаріями: „вотъ тебѣ взятки, тебѣ я мало платила, еще хочешь взять и т. д.“. Едва-едва удалось усмирить разбушевавшуюся даму и увести изъ присутственнаго мѣста. Эта сцена произвела на публику большое впечатлѣніе, а на меня удручающее, и я опять задался вопросомъ: неужели можно служить въ такой обстановкѣ и съ такими людьми, которыхъ за взятки публика колотитъ зонтикомъ по головѣ? Ходилъ я на занятія въ палату не долго и тамъ держался своего кружка университетскихъ товарищей и не сближался съ другими служащими, косо на насъ посматривавшими. Разочарованный обстановкой службы въ Кіевской палатѣ, я написалъ своимъ знакомымъ въ Херсонскую

губернію, которые были въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ предсѣдателемъ тамошняго окружнаго суда В. А. Тарасовымъ, прося ихъ узнать, нельзя ли получить штатную должность въ томъ судѣ? Отвѣта пришлось ждать не долго, и мнѣ телеграммой дали знать, что я уже зачисленъ на должность помощника секретаря суда, и чтобы поспѣшилъ присылкой прошенія съ документами. Какъ мнѣ ни грустно было расставаться съ Кіевомъ, гдѣ прошли мои лучшіе школьные годы, гдѣ оставалось много университетскихъ товарищей и друзей, не говоря о родныхъ, но желаніе попасть на службу во вновь реформированное судебное установленіе, въ новую свѣжую обстановку воспреобладало надъ другими тяготѣніями, и прошеніе было отправлено предсѣдателю Херсонскаго суда, а черезъ недѣли двѣ и я уѣхалъ въ Херсонъ.

ГЛАВА II.

Херсонскій окружный судъ.

Пріѣхавши въ Херсонъ и поселившись на квартирѣ при студенческой обстановкѣ вблизи зданія суда, я 4 ноября 1875 годѣ явился въ судъ и представился предсѣдателю суда. Къ сожалѣнію, первое впечатлѣніе отъ свиданія съ предсѣдателемъ суда было не особенно пріятное: своей фигурой, внѣшнимъ обликомъ и разговоромъ онъ меня даже смутилъ: выше средняго роста, плѣшивый, съ котлетками на щекахъ à la чиновники на картинахъ извѣстнаго художника Федотова, съ выпуклыми глазами и со скрипучимъ голосомъ, удушливымъ каплемъ и со снисходительно-привѣтливой улыбкой, онъ скорѣе напоминалъ мнѣ типы столоначальниковъ Кіевской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, чѣмъ предсѣдателя новаго судебного учрежденія, но первое неблагопріятное впечатлѣніе, оставленное предсѣдателемъ суда, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, было совершенно затушевано, а свой внѣшній обликъ (котлетки) В. А. Тарасовъ поддерживалъ по привычкѣ, усвоенной имъ на прежней службѣ къ качествѣ Управляющаго канцеляріей сибирскаго генераль-губернатора, откуда онъ получилъ назначеніе въ Херсонъ. Вскорѣ мои хорошіе знакомые—мѣстные помѣщики,—пріѣхавъ въ Херсонъ, пригласили меня съ собою на вечеръ къ В. А. Тарасову, и

вотъ здѣсь, дома, нашъ предсѣдатель оказался совершенно инымъ человѣкомъ: привѣтливымъ, любезнымъ, безъ всякаго оттѣнка „начальственности“. Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось бывать въ квартирѣ своего предсѣдателя, а это обстоятельство создало мнѣ и нѣкоторый престижъ въ положеніи служебномъ въ томъ смыслѣ, что я не сталъ чувствовать начальственнаго гнета и никогда его не понималъ. Прохожденіе службы помощникомъ секретаря гражданскаго отдѣленія такое: онъ завѣдываетъ направлениемъ поступающихъ въ столъ бумагъ, ведетъ настольный реестръ, дѣлая въ немъ отмѣтки о движеніи дѣлъ, выдаетъ справки просителямъ, подготавливаетъ дѣла для доклада членовъ суда, слѣдитъ за исполненіемъ резолюцій суда и участвуетъ въ судебныхъ засѣданіяхъ. Канцелярская работа, конечно, скучная вещь; но если къ ней относиться аккуратно и внимательно, то найдется и работа, и интересъ къ ней. Интереснѣе гораздо участіе въ судебныхъ засѣданіяхъ, гдѣ требуется извѣстное напряженіе мысли, памяти и большое вниманіе для того, чтобы уловить сущность преній тяжущихся и внести въ протоколъ то, что существенно для дѣла, съ полной точностью выраженной. Въ мое время не брали записокъ отъ адвокатовъ для составленія протоколовъ засѣданія, какъ теперь практикуется молодежью. Недостатокъ канцелярскаго прохожденія службы для молодого юриста заключается въ томъ, что эта работа скоро надоѣдаетъ своимъ однообразіемъ и безсодержательностью, и лишь добровольное знакомство съ дѣломъ по существу и составленіе рѣшеній, съ согласія и подъ руководствомъ членовъ суда, даетъ нѣкоторую осмысленность работѣ будущаго судебного дѣятеля. Составъ Херсонскаго суда въ мое время былъ прекрасный въ особенности, что касается гражданскаго отдѣленія: этимъ отдѣленіемъ завѣдывалъ самъ предсѣдатель суда В. А. Тарасовъ, а членами были: И. Я. Дав—денко, П. Ѳ. Мор—скій и П. Л. Шест—ковъ. Изъ этого состава самымъ усерднымъ и работоспособнымъ былъ П. Ѳ. Мор—скій; работоспособность этого человѣка поразительна: всегда скромный, вдумчивый, занятой, онъ детально и съ большими справочными свѣдѣніями фактическаго и юридическаго свойства подготавливалъ дѣла къ докладу, а послѣ доклада обстоятельно и съ большой эрудиціей разрабатывалъ разрѣшенный судебный споръ, или казусъ. Кромѣ своей работоспособности и глубокихъ знаній гражданскаго права и процесса, это былъ очень добрый,

скромный и гостепріимный человекъ въ своемъ домашнемъ обиходѣ и другъ молодежи. Идеалистъ 60-хъ годовъ, П. Ѳ. былъ либерально-мыслящимъ судьей и глубокимъ почитателемъ какъ судебныхъ уставовъ, такъ всѣхъ реформъ Царя-Мученика.

Домъ П. Ѳ. былъ пристанищемъ судебской молодежи, гдѣ мы весело и содержательно проводили время, трактуя текущія литературныя и юридическія новости, занимаясь пѣніемъ, чтеніемъ интересныхъ книгъ и дебатами по поводу прочитаннаго. Вспоминая дни знакомства съ домомъ П. Ѳ. Мор—скаго, оживаешь душою и жалѣешь современную молодежь, лишенную по текущему моменту возможности сблизаться со старшими членами нашей магистратуры и многому отъ нихъ поучиться. Въ отношеніяхъ старшихъ членовъ Херсонской судебной магистратуры къ младшимъ подчиненнымъ чинамъ — судебской молодежи, отсутствовало всякое чиновочитаніе, искательство, съ одной стороны, и снисходительное покровительство—съ другой, отсутствіе того, что составляетъ основную черту стараго, сухого бюрократизма и связанныхъ съ этимъ послѣдствій. Судебная корпорація Херсонскаго суда составляла тѣсно сплоченную, дружескую семью, равноправную въ обыденной, внѣ служебной жизни, взаимно доброжелательную и сердечную. И неудивительно, что такія отношенія существовали въ нашемъ судебскомъ кружкѣ, такъ какъ старшіе члены этого кружка—члены суда—были люди, обвѣянные идеями 60-хъ годовъ, гуманные, просвѣщенные и сердечные. Такія же сердечныя и дружескія отношенія старшихъ членовъ суда къ младшимъ наблюдались и въ мѣстномъ прокурорскомъ надзорѣ. Прокуроромъ же суда у насъ былъ выдающійся человекъ по своимъ знаніямъ, характеру и такту А. В. Волковъ, впоследствии первый прокуроръ Виленской судебной палаты и сенаторъ. Служебное воспитаніе А. В. Волковымъ состоящихъ при его камерѣ кандидатовъ на судебныя должности представлялось въ такомъ видѣ: каждую субботу онъ приглашалъ судебскую молодежь къ себѣ на домъ, бесѣдовалъ съ ними о разныхъ казусахъ уголовного процесса, объяснялъ ходъ судебного слѣдствія по разной категоріи уголовныхъ правонарушеній, примѣрами изъ подлинныхъ производствъ подкрѣплялъ свои сужденія, а затѣмъ, вручая по нѣскольку слѣдственныхъ производствъ каждому изъ кандидатовъ, велѣлъ по этимъ дѣламъ писать обвинительные акты.

И надо было видѣть то оживленіе и ту охоту, съ какими прокурорская молодежь занималась этими дѣлами, съ какою тщательностью изучались дѣла и съ какимъ нетерпѣніемъ ими ожидалась очередная суббота, чтобы представить А. В. свои отчеты хода работы, о сомнѣніяхъ, встрѣчаемыхъ въ этихъ работахъ и т. п.! За окончаніемъ дѣловыхъ разговоровъ у прокурора съ кандидатами, тов. прокурора, завязывались разговоры частнаго характера, споры о текущихъ явленіяхъ литературной и общественной жизни и т. п.,—и все это въ самомъ непринужденномъ тонѣ и на почвѣ крайне сердечныхъ взаимныхъ симпатій. Такое направленіе служебнаго воспитанія прокурорской молодежи на практикѣ дало самые благопріятные результаты, и изъ кандидатовъ А. В. Волкова вышло не мало блестящихъ судебныхъ слѣдователей и тов. прокуроровъ суда. Сопоставляя отношенія А. В. Волкова къ прокурорской молодежи съ теперешними отношеніями прокуроровъ къ кандидатамъ на судебныя должности, поражаешься огромной разницей этихъ отношеній, такъ какъ нынче прокуроръ въ глазахъ кандидатуры представляется недосыгаемымъ олимпійцемъ, едва протягивающимъ кандидату нѣсколько пальцевъ своей руки, едва достаивающимъ cadaго изъ нихъ „милостивымъ разговоромъ“; теперь эти кандидаты не младшіе друзья прокурора, а его „паріи“, безличные и безвольные „людишки“. Не въ этой ли обстановкѣ взаимоотношеній прокурорскаго надзора къ своимъ подчиненнымъ кроется причина и неудовлетворительности нашихъ слѣдственныхъ производствъ и слабости обвинительныхъ рѣчей и обвинительныхъ актовъ? При изложенныхъ сейчасъ условіяхъ протекала моя канцелярская служба въ Херсонскомъ окружномъ судѣ въ теченіе трехъ съ малымъ лѣтъ до 1878 года, когда по измѣнившимся условіямъ личной жизни (женитьба) и по желанію знакомыхъ земцевъ, — мнѣ предложено было перейти на выборную службу въ мировой институтъ, на что я и согласился, а въ февралѣ 1879 года былъ избранъ Херсонскимъ Уѣзднымъ земскимъ собраніемъ кандидатомъ на должность мирового судьи. Въ іюнѣ того же года я уже отправлялъ правосудіе въ самостоятельномъ 6-мъ мировомъ участкѣ въ г. Николаевѣ. Оставленіе коронной службы и переходъ на земскую—выборную направило мою жизнь на новый путь судебно-общественной дѣятельности, которой я и предался со всѣмъ пыломъ молодости и съ величайшей лю-

бовью къ дѣлу мировой юстиціи. Но объ этомъ рѣчь впереди; здѣсь же я долженъ замѣтить, что съ величайшимъ сожалѣніемъ мнѣ пришлось расставаться со службой и въ окружномъ судѣ, гдѣ такъ радушно я былъ принятъ, обласканъ и гдѣ оставилъ много дружескихъ связей съ младшими и старшими членами судебной магистратуры. И теперь, когда большинства изъ нихъ нѣтъ въ живыхъ, когда направленіе служебныхъ отношеній въ томъ судѣ, какъ и въ большинствѣ ихъ, получило совершенно новую окраску—на почвѣ бюрократическаго педантизма, идеалистическія условія моей службы въ Херсонскомъ судѣ вспоминаются съ особенной теплотой и отрадой.

ГЛАВА III.

Служба по выборной мировой юстиціи.

Прежде чѣмъ описывать прохожденіе своей выборной службы по мировой юстиціи, не бесполезно здѣсь сказать кое-что о самыхъ условіяхъ выборовъ на земскія должности и объ отношеніяхъ земскихъ гласныхъ къ своимъ избранникамъ и населенія къ выборному мировому институту въ мое время. Мировой институтъ въ концѣ 70-хъ годовъ и въ 80-хъ годахъ въ особенности переживалъ очень тревожную пору: все чаще и чаще начинали раздаваться голоса о неудовлетворительности выборнаго мирового института, не только въ печати извѣстнаго лагеря („Московскія Вѣдомости“—Каткова и др.), но и среди мѣстнаго населенія, и среди самихъ земцевъ. Вспоминая начало своей выборной службы по мировой юстиціи, сравнивая положеніе судебного дѣла на мѣстѣ въ началѣ 80-хъ годовъ и сопоставляя съ этимъ положеніемъ рассказы земскихъ гласныхъ „перваго призыва“ о положеніи мирового правосудія 10 лѣтъ раньше, нельзя было не сдѣлать вывода, что уже и въ 1880-хъ г. замѣчалась разница въ положеніи мѣстнаго судебного дѣла за эти періоды времени,—разница въ отношеніи къ „мировому суду“ мѣстнаго населенія, и самихъ судей къ своему дѣлу. Старые выборные судьи и старые земскіе гласные рассказывали мнѣ, что въ первые три трехлѣтія дѣйствія мирового судьи въ Херсонскомъ уѣздѣ очередныя засѣданія мирового съѣзда и камеры мировыхъ судей были переполнены публикой; судебной

процедурой населеніе чрезвычайно интересовалось и симпатизировало новому суду. Въ участковые и почетные мировые судьи земскимъ собраніемъ избирался „цвѣтъ“ мѣстной земской интеллигенціи; въ почетные судьи—всѣ, достойнѣйшіе почета и уваженія гласные уѣзда, къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Величайшею честью почиталось для земскаго избранника носить званіе мирового судьи; участковые и почетные судьи работали очень усердно, „любовно“, съ вѣрой въ дѣло суда и правды. Судебная процедура мирового суда въ то время еще не была усложнена требованіями формальныхъ письменныхъ порядковъ (пошлинные марки, циркуляры, отчетности, кассационныя указанія и т. п.). Правда, что въ то же время съ подобнымъ же рвеніемъ наши земцы относились и къ своимъ земскимъ дѣламъ; на первомъ планѣ у каждаго земскаго дѣятеля стоялъ общественный интересъ, не было еще мѣста для личныхъ стремленій и видовъ въ земской службѣ; „не пахло земскимъ пирогомъ“. Избирательная политика и связанная съ нею интрига не получили еще дурного направленія, и никто еще изъ членовъ земскаго собранія не посягалъ на платныя земскія должности, какъ на „синекуру“. Въ концѣ же 1870-хъ годовъ и въ 1880-хъ годахъ, когда въ земскія собранія послѣдовалъ приливъ новыхъ силъ, воспитанныхъ въ духѣ узкаго меркантилизма (кушеческая партія), началось и другое, новое направленіе мѣстной земской дѣятельности съ особымъ характеромъ ея внутренней, закулисной политики: въ описываемое время стало замѣтнымъ сильное стремленіе среди многихъ земскихъ гласныхъ къ платнымъ земскимъ должностямъ то для поправленія своихъ денежныхъ обстоятельствъ, то для установленія „въ своемъ околоткѣ“ извѣстнаго престижа въ своихъ чисто хозяйственныхъ видахъ, то въ интересахъ вліянія и преобладанія данной земской партіи. На должности мировыхъ земцы стали выдвигать людей, совершенно къ обязанностямъ судьи не подготовленныхъ ни теоретически, ни практически, а то и просто „никчемныхъ“. Интрига и борьба партій, мелочныхъ самолюбій разрослась изъ года въ годъ; въ эту партійную борьбу „встраивались“ и гласные отъ крестьянъ. Спрашивается, какой составъ выборныхъ мировыхъ судей могло дать избирательное собраніе на вышеприведенной подкладкѣ? Конечно,—не вполнѣ удовлетворительный. Съ конца 1870-хъ годовъ въ выборные мировые судьи попадали и люди, не принадлежавшіе въ

гѣсномъ смыслѣ слова къ мѣстному населенію, но такіе изъ нихъ, которые нужны были и годны для дѣла юстиціи, постепенно разроставшагося и усложнявшагося,—это съ одной стороны, а съ другой,—у мѣстнаго дворянства уже остыли порывы къ идейной службѣ мѣстному правосудію, а возобладали идеи „сельско-хозяйственной культуры“. Выборными мировыми судьями-юристами, какъ ихъ сослуживцы, такъ и земцы въ описываемое время очень дорожили, такъ какъ сами въ сущности уже охладѣли къ дѣлу „мѣстнаго суда“, но интересовались его формальнымъ значеніемъ, цѣнили въ общемъ его безпристрастіе; судьи же, кромѣ того, считались и съ извѣстной отвѣтственностью за явное нарушеніе формальной судебной процедуры. Чѣмъ дальше, тѣмъ индифферентнѣе стало относиться Херсонское уѣздное земство къ выборамъ лучшаго состава мѣстнаго института мировыхъ судей, въ особенности, когда лучшіе старые земцы отдалились отъ активной земской работы, недовольные новымъ ея направленіемъ. Невольно возникаетъ вопросъ: удовлетворялъ ли выборный мировой институтъ своему важному назначенію при упомянутомъ отношеніи къ выборамъ его личнаго состава земцевъ новѣйшей формациі? Не удовлетворялъ, конечно, и не могъ удовлетворить, такъ какъ борьбу земскихъ партій, борьбу личныхъ самолюбіи, интересовъ, сословности, стремленія къ „синекурѣ“, это съ одной стороны, и полный индифферентизмъ,—съ другой,—нельзя признать „доброй почвой“ для выборнаго начала представителей мѣстной юстиціи; нельзя признать эти условія „мѣриломъ“ безпристрастія и справедливости. Замѣчательнъ въ данномъ случаѣ еще одинъ, бросавшійся въ глаза фактъ,—это усиленное вліяніе „главарей“ (по-нынѣшнему: „лидеровъ“) земскихъ партій на мѣстный мировой институтъ не только въ смыслѣ этого вліянія на выборы личнаго состава мировыхъ судей, но и на проведеніе извѣстныхъ тенденцій при производствѣ дѣлъ данныхъ категорій (иски къ рабочимъ, самоуправство и т. п.).

Мѣстная юстиція, при отправленіи своихъ законныхъ функцій, должна была еще считаться то съ преобладающими взглядами мѣстнаго дворянства на извѣстнаго рода социально-экономическія явленія, то дѣйствовать въ духъ вліятельныхъ избирателей, то ставить на видъ и разграничивать положеніе извѣстныхъ классовъ мѣстнаго населенія (помѣщикъ одно, крестьянинъ другое, или хозяинъ и рабочій). По уголовнымъ дѣламъ преобладали не вполне

безпристрастные и законѣрные взгляды на нѣкоторые виды правонарушеній (обиды, потравы, порубки и пр.).

Судьямъ, строго, законно и законномѣрно относившимся къ своимъ обязанностямъ, усваивалось названіе „законника“, формалиста въ смыслѣ пренебрежительномъ, чуть-ли не въ родѣ „приказнаго „юса“. Масса же населенія, имѣвшая дѣло съ общими судами и съ мировыми судьями, напротивъ, отличала судей „законниковъ“, избѣгала судей „изъ нихъ“, вѣроятно, въ силу поговорки: „каковъ судья, таковъ и судъ“. Такъ какъ въ составѣ земскихъ избирателей мировыхъ судей находились и при томъ въ значительномъ числѣ и крестьяне и разночинцы, которые не могли не знать закулисныхъ сторонъ и настоящей подкладки земскихъ выборовъ, то выборная интрига, борьба партій втягивала и этихъ гласныхъ въ свои интересы, какъ я уже говорилъ раньше, и закулисная сторона выборовъ агитацій, поэтому, имѣла самую широкую огласку въ мѣстности даннаго земскаго района. Всѣ вышеприведенныя условія „выборнаго дѣла“, прохожденіе самыхъ выборовъ мировыхъ судей черезъ каждое трехлѣтіе не могли не подрывать довѣрія къ авторитету и безпристрастію мѣстнаго суда, уваженія къ мѣстному составу мирового института.

Что русскій народъ какъ въ массѣ своей, такъ и въ отдѣльныхъ классахъ его, не удовлетворялся даже въ 80-хъ годахъ судомъ „первой ступени“, извѣстно всѣмъ и каждому изъ провинціальныхъ мѣстныхъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе дѣятелей по судебному вѣдомству, и всякій, кто желалъ смотрѣть на дѣло и относиться къ нему не съ точки зрѣнія „лѣниваго ума и сонливой совѣсти“ (А. Ѳ. Кони), тотъ наблюдатель видѣлъ, что „ослабѣвшая мировая юстиція“ способствовала прогрессивному увеличенію „сутяжничества“, „кляузы“; истинное же правосудіе „хромало“. Замѣчалось также, что прибѣгавшія къ полиціи и защитѣ мирового суда лица изъ мѣстнаго населенія особенно настойчиво проводили свои претензіи по всѣмъ инстанціямъ; увеличивалось количество жалобъ на рѣшенія и приговоры мировыхъ судей; уменьшалось по мировымъ участкамъ количество оконченныхъ дѣлъ за примиреніемъ тяжущихся. Спрашивалось: гдѣ же дѣвался тотъ мѣстный „мировой“, авторитетный „умиротворитель“ повседневныхъ мелкихъ житейскихъ недоразумѣній, споровъ, къ которому такъ охотно по началу всѣ прибѣгали, которому безгранично вѣрили, кото-

раго судомъ удовлетворялись „безапелляціонно“? Терпѣливо и „долго бы пришлось разыскивать типъ мѣстнаго „умиротворителя“ въ выборномъ мировомъ институтѣ знакомаго мнѣ земства и въ годы моей тамъ службы, и по оставленіи послѣдней. Типъ судьи „умиротворителя“ отошелъ уже въ „туманную даль“ далекаго прошлаго, а налицо остались или судьи-законники, нужные для формальной стороны направленія дѣлъ, или судьи данныхъ земскихъ партій. Уклоненіе мѣстнаго суда отъ правды фактовъ и прикрытіе ея кажущейся „правдой формы“ (процессуальной) не могло не внести нѣкоторый разладъ и раздвоеніе въ правосознаніе народной массы, связанное съ ея первоначальнымъ представленіемъ о мировомъ судѣ. Это же раздвоеніе, умаляя значеніе мѣстнаго суда, какъ сильной мѣстной авторитетной власти, вылилось въ жизни въ проявленіяхъ „самосуда“, самоуправства, нечестнаго исполненія обязательствъ по имуществу, по договорнымъ отношеніямъ и т. п. Въ свою очередь, и въ классѣ помѣстныхъ землевладѣльцевъ нарастала глухая оппозиція мировому институту, и если ему прямо не приписывалось деморализующаго вліянія на нравы мѣстнаго населенія, то, по крайней мѣрѣ, оно подразумевалось. Такимъ путемъ выборный мировой институтъ „докатился“ до положенія 12 іюля 1889 года, хотя въ Херсонскомъ уѣздномъ земствѣ до послѣднихъ дней „своего бытія“ мировой институтъ еще сохранялъ свое обаяніе и имѣлъ еще горячихъ своихъ защитниковъ и въ средѣ помѣстнаго дворянства, что фактически подтвердилось тѣмъ, что изъ выборныхъ мировыхъ судей въ составъ земскихъ начальниковъ ушло изъ 14 человекъ—человекъ 3—не болѣе и то не на долго. Изъ сейчасъ приведенной мною характеристики положенія мирового института Херсонскаго уѣзда можно, пожалуй, подумать, что я являюсь горячимъ противникомъ выборнаго мирового суда и отмѣчаю лишь его недостатки. Ни чуть не бывало, и вотъ хотя уже прошло 23 года со времени оставленія мною выборной земской по мировому институту, время этой службы я считаю счастливейшими днями моей жизни и не потому, что „мировому суду“ мною отданы молодые лучшіе годы жизни, а потому, что дѣло было по душѣ, дѣло воспитательнаго характера и большого жизненнаго значенія при полной служебной независимости, но истина прежде всего, и потому нельзя было и мнѣ умолчать, съ объективной точки зрѣнія, о томъ положеніи мирового института

въ описываемое мною время, въ какомъ онъ пребывалъ въ дѣйствительности. Херсонскій мировой съѣздъ съ 1879—1889 г. состоялъ изъ 12—14 (разновременно) участковыхъ судей; участки расположены были частью въ городахъ: Херсонѣ, Николаевѣ и Бериславѣ, а часть въ уѣздѣ.

По количеству дѣлъ средняя цифра ихъ на мировой участокъ не превышала 1.500 въ годъ. Мировой съѣздъ находился въ Херсонѣ, и разъ въ мѣсяцъ въ теченіе 3-хъ дней въ немъ происходили судебныя засѣданія, при чемъ одновременно дѣйствовали два отдѣленія: въ одномъ залѣ разбирались уголовныя дѣла, а въ другомъ гражданскія. Въ послѣдніе годы моей службы, въ виду возрастанія дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ и для удобства публики и уѣздныхъ участковыхъ судей работало еще временное отдѣленіе мирового съѣзда въ г. Николаевѣ, находившееся въ завѣдываніи судьи-юриста. Личный персоналъ мировыхъ судей состоялъ главнымъ образомъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, они же отставные моряки, офицеры и нигдѣ не служившіе дворяне со среднимъ образованіемъ; юристовъ среди ихъ было всего три человѣка, изъ которыхъ я завѣдывалъ мировымъ съѣздомъ (кромѣ своего участка), въ качествѣ непремѣннаго его члена и фактически исполнялъ обязанности предсѣдателя съѣзда, такъ какъ предсѣдатель изъ почетныхъ мировыхъ судей — онъ же уѣздный предводитель дворянства Н. Н. Журавскій настолько былъ занятъ своими дѣлами по крупному имѣнію и по другимъ учрежденіямъ, что рѣдко появлялся въ съѣздѣ и только для предсѣдательства въ засѣданіяхъ. Въ качествѣ непремѣннаго члена съѣзда мнѣ, конечно, пришлось хорошо ознакомиться съ работами участковыхъ мировыхъ судей, съ ихъ рѣшеніями и приговорами. Въ общемъ работы моихъ сослуживцевъ удовлетворяли требованію элементарнаго правосудія, хотя нѣкоторые изъ судей писали рѣшенія короче „воробьиного носа“; другіе неправильно квалифицировали преступленія и проч.; но всѣ эти ошибки были исправляемы мировымъ съѣздомъ, а жалобъ на личныя дѣйствія судей поступало очень мало. Послѣднее обстоятельство имѣетъ очень важное значеніе, указывая на то, что судья въ общемъ былъ угоденъ своему „околотку“. Были между судьями—моими сослуживцами и замѣчательные дѣльцы и хорошіе „самообразовавшіеся“ юристы, крѣпко любившіе свое дѣло и усердно работавшіе на нивѣ правосудія; укажу здѣсь на бывшаго моряка и землевладѣльца

В. С. Акимова, В. К. Сильверсвана, В. Ф. Соболева и Л. В. Пискорскаго (послѣдніе юристы). Большинство этихъ хорошихъ судей уже на томъ свѣтѣ; но въ памяти моей они живы—эти милые, умные, хорошіе судьи и люди. Живъ образъ порывистаго, умнаго В. С. Акимова и необычайно скромнаго и аккуратнаго В. К. Сильверсвана. Но были между моими судьями и невѣжественные самодуры, и лѣнливо мыслящіе, и лѣнливо суды творящіе, какъ Я. И. Илькевичъ, П. Ф. Бредихинъ и Н. Е. Рафтопуло. Вотъ и примѣры ихъ чудачествъ и пониманія дѣла. У П. Ф. Бредихина (стараго моряка) разбирается гражданское дѣло по иску какого-то господина къ портному о взысканіи денегъ за работу. На разборъ дѣла явился истецъ. Судья спрашиваетъ: „отвѣтчикъ есть“?—Стоящій въ дверяхъ камеры огромнаго роста служитель изъ боцмановъ флота, говоритъ: „нѣтъ“. Судья, обращаясь къ письмоводителю, спрашиваетъ: „отвѣтчику послана повѣстка?—Послана, отвѣчаетъ письмоводитель. „Какъ же онъ (отвѣтчикъ) посмѣлъ не прійти въ камеру, когда его зовутъ“, говоритъ про себя судья. „Иванъ, обращается къ служителю судья, сходи и сейчасъ притащи отвѣтника (имя рекъ) въ камеру“. Иванъ мигомъ улетучился изъ камеры, а судья занялся другимъ дѣломъ. Въ разгарѣ процесса по другому дѣлу, распахиывается съ шумомъ дверь, и отвѣтчикъ-портной отъ увѣсистаго толчка Ивана вылетаетъ на середину камеры и остановился передъ судейскимъ столомъ. Судья бросаетъ второе дѣло и приступаетъ къ разбору дѣла приведеннаго отвѣтника.

Разборъ дѣла былъ очень краткій. Судья, не обращая на защиту отвѣтчикомъ неправильно предъявленной къ нему претензіи, возглашаетъ: „такъ какъ ты, отвѣтчикъ, не хотѣлъ являться на судъ по повѣсткѣ, значитъ, виновать, а потому... слѣдуетъ резолюція: взыскать и т. д. съ судебными издержками“. „Г. письмоводитель: изготовьте сейчасъ исполнительный листъ истцу“; листъ былъ моментально написанъ, подписанъ судьей и имъ самолично врученъ истцу въ камерѣ; а отвѣтчику послано примѣчаніе: „со мной не шути; у меня судъ скорый“. Нечего и говорить, что мировымъ съѣздомъ такое „скоропалительное“ рѣшеніе судьи съ нарушеніемъ элементарныхъ процессуальныхъ правилъ было въ кассационномъ порядкѣ отмѣнено и дѣло для новаго разсмотрѣнія передано другому судью. Сидитъ со мною въ съѣздѣ на разборъ гражданскаго дѣла Я. И.

Илькевичъ. Одна изъ сторонъ ходатайствуетъ о вызовѣ новыхъ ея свидѣтелей. Противъ этого ходатайства возстаютъ Як. Ив. Когда я ему замѣтилъ, что отказъ сторонѣ въ ея законной просьбѣ будетъ кассационнымъ поводомъ, то мой сотоварищъ серьезнымъ тономъ возглашаетъ великолѣпную фразу: „Кто? Сенатъ отмѣнить наше рѣшеніе? Пусть попробуетъ“... Конечно, большинствомъ голосовъ мы не рѣшились „попробовать“ Пр. Сенатъ. У мирового судьи г. Николаева Л. Л. Ульянова разбирается уголовное дѣло объ обидѣ дѣйствиємъ. Лѣтняя пора; въ камерѣ масса народа, душно; судья ажитируетъ и беспокоенъ: вѣроятно, и ему душно. Вызываются свидѣтели и послѣ провѣрки ихъ уводятъ въ свидѣтельскую комнату. Послѣ объясненія сторонъ, довольно „запальчивыхъ“, допрашиваются свидѣтели. Выходитъ свидѣтель Блоха. Переспросивъ фамилію свидѣтеля, судья вскакиваетъ со стула и, изображая на своемъ лицѣ ужасъ, кричитъ: „Г. Блоха, станьте подальше отъ стола; я страшно боюсь блохъ, а вы можете вскочить на столъ, оттуда прыгнуть на меня, а я этого боюсь“... Допросъ Блохи конченъ. Вызванъ свидѣтель Морозъ. Судья, достаточно ажитированный свидѣтелемъ „Блохой“, со страдальческимъ лицомъ, обращаясь къ этому свидѣтелю, говоритъ: „Ахъ! вы Морозъ; станьте отъ меня, Морозъ, подальше; я не переношу холода; я его уже чувствую; я начинаю мерзнуть“. Но былъ допрошенъ и Морозъ и остальные свидѣтели. Само собою разумѣется, что подобный допросъ свидѣтелей вызвалъ въ камерѣ судьи гомерическій хохотъ. О данномъ юмористическомъ разборѣ дѣла была помѣщена въ Одесской газетѣ подробная корреспонденція, вызвавшая запросъ и министерства юстиціи, но дѣло кончилось ничѣмъ. Какъ извѣстно, у cadaго участковаго мирового судьи въ числѣ другихъ камерныхъ книгъ полагалось имѣть и денежныя книги, для записи залоговъ по уголовнымъ дѣламъ, денежныхъ взносовъ, срочныхъ платежей по гражданскимъ сдѣлкамъ и т. п. Въ концѣ года просматривая денежныя книги участковыхъ судей, подлежащія отсылкѣ въ контрольную палату, я не досчитываюсь книгъ по 9 участку. Пишу судѣвѣ отъ имени Съѣзда о немедленной присылкѣ книгъ, но ни отвѣта, ни привѣта не получаю. Приѣзжаетъ на съѣздъ судья; спрашиваю его: „привезли съ собою денежныя книги? Отвѣтъ: „да у меня ихъ нѣтъ совсѣмъ; я ими не обзаводился“. Вопросъ: „а куда же Вы записывали денежные залого, ко-

торые къ Вамъ поступали, какъ видно изъ дѣлъ, и другія деньги?“ Отвѣтъ: „да никогда ихъ не записывалъ, а храню у себя, и кто потребуетъ, такъ ихъ и получаетъ“. Вопросъ: „но Вы не можете помнить всѣхъ поступленій и всѣхъ дѣлъ, по которымъ деньги поступали?“ Отвѣтъ: „да это хорошо помнить мой письмоводитель“. Понятно, что общими силами мы—судьи заставили судью 9 участка обзавестись денежными книгами; вписать въ нихъ все, что „хорошо помнить письмоводитель“, и отослать въ контрольную палату. Приведенные курьезы, конечно, мелочь, но все-таки они указываютъ на одну характерную особенность правосознанія выборныхъ мировыхъ судей—это переоцѣнку своей служебной независимости и отношенія къ дѣлу съ точки зрѣнія: „чего моя лѣвая нога хочетъ“... И можете себѣ представить, что эти чудаки-судьи на земскихъ выборахъ всегда выходили по первой серіи при огромномъ количествѣ избирательныхъ шаровъ. Очевидно, земское собраніе мало считалось съ дѣловыми дефектами дѣятельности этихъ судей, а цѣнило въ нихъ больше „избирательную потенцію“, такъ какъ всѣ эти мировые судьи—были въ то же время и земскими гласными. Къ нуждамъ мировой юстиціи Херсонское земство моей памяти относилось очень доброжелательно, то увеличивало число участковъ по представленію мирового съѣзда, то прибавляло жалованье, а содержаніе канцеляріи мирового съѣзда было прямо роскошно обставлено и со стороны помѣщенія и оплаты труда служащихъ въ ней. При доброжелательномъ отношеніи земскаго собранія въ своемъ большинствѣ къ мировому институту пріятно было вести дѣло и работать, хотя въ послѣдніе годы моей службы дѣла по съѣзду сильно увеличились, вызывая и напряженную работу съ моей стороны. Грустною стороною дѣятельности мѣстной мировой юстиціи представлялась обособленность этой юстиціи отъ общихъ судебныхъ установленій. Казалось, что мировой судъ—это „обывательскій, упрощенный судъ, которому чужды юридическія „концепціи“ и „структуры“ матеріальнаго и процессуальнаго права. Члены мѣстной общей магистратуры такъ и смотрѣли на выборныхъ мировыхъ судей „сверху внизъ“, считая ихъ неспособными къ воспріятію юридической мудрости общихъ судебныхъ установленій. А при такомъ отношеніи общей магистратуры къ мировой юстиціи мировой судъ въ общественномъ мнѣніи не признавался за юстицію государственнаго значенія,

а пребывалъ, какъ я сказалъ выше, въ значеніи „обывательщины“, и наши судьи, считая себя вполне независимыми въ порядкѣ контроля и надзора за ихъ дѣятельностью, не смогли выработать у себя и единообразной процессуальной практики и руководящихъ, преемственныхъ традицій по веденію судебного дѣла. Все же, при всѣхъ своихъ недостаткахъ,—выборный мировой институтъ сохранялъ одно существенное преимущество: освѣдомленность о мѣстномъ населеніи, о его нуждахъ и потребностяхъ; онъ черпалъ свой персоналъ изъ людей практической жизни, людей большого житейскаго опыта, матеріально и морально независимыхъ, судомъ которыхъ населеніе болѣе было удовлетворено, чѣмъ далъ ему впоследствии судъ земскихъ начальниковъ. Поэтому нельзя безъ горячаго сочувствія не привѣтствовать вновь возрожденный мировой институтъ, въ первую очередь введенія котораго вошелъ и дорогой мнѣ по прежней службѣ Херсонскій уѣздъ, съ пожеланіемъ устраненія изъ его практики и его положенія тѣхъ недостатковъ, которые отмѣчены мною выше въ похороненномъ было въ 1892 году мировомъ судѣ.

ГЛАВА IV.

Казнь матроса Луговенно и еврея Виттенберга въ г. Николаевѣ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о службѣ въ Херсонскомъ мировомъ съѣздѣ не могу не коснуться эпизода, оставившаго глубокой слѣдъ въ моей памяти, сохранившійся во всѣхъ деталяхъ и до настоящаго времени—это эпизодъ, обозначенный въ заголовкѣ этой главы. Еще въ студенческихъ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾ я указывалъ на отдѣльную группу студентовъ, занимавшихся конспиративной пропагандой крайнихъ соціальныхъ ученій, что было въ началѣ 70-хъ годовъ; эта работа потомъ все болѣе и болѣе разрослась; число конспирантовъ увеличивалось, при чемъ изъ мирной политической пропаганды—она приняла чисто революціонный характеръ, который вылился къ концу 70-хъ годовъ въ цѣлый рядъ террористическихъ выступленій. Выступленія эти, начиная съ бунтарскаго Чигиринскаго

¹⁾ Кн. 6 и 7 „Русская Старина“ 1912 г.

дѣла, о которомъ я уже говорилъ раньше, выразились въ вооруженномъ сопротивленіи въ г. Одессѣ Ковальскаго, въ дѣятельности кружка въ Кіевѣ съ энергичнымъ Осинскимъ во главѣ, въ послѣдствіи казненныхъ, и цѣломъ рядѣ подготовительныхъ покушеній на драгоцѣнную жизнь Императора Александра II, въ которыхъ замѣшаны были Фроленко, Гартманъ и др. Послѣ же Липецкаго партійнаго съѣзда „землевольтцевъ“ и „народовольцевъ“ усилившіяся террористическія выступленія революціонныхъ организацій выдвинули на арену подпольной политической дѣятельности Желябова, Перовскую, Кибальчича и другихъ, дѣйствія которыхъ привели къ катастрофѣ 1 марта 1881 г. Въ числѣ активныхъ революціонныхъ дѣятелей революціонеровъ-террористовъ состояли и указанные выше матросъ бодманъ Луговенко и еврей Виттенбергъ; оба эти лица жители г. Николаева: Луговенко служилъ во 2-мъ экипажѣ черноморскаго флота, а Виттенбергъ былъ сыномъ мелкаго торговца, учился въ мѣстномъ реальномъ училищѣ и ушелъ въ революціонную кружковщину. Этими революціонерами въ 1879 году подготовлялся взрывъ въ г. Николаевѣ царской пристани въ „Спасскомъ“ на Бугѣ, такъ какъ Императоръ Александръ II долженъ былъ пароходомъ прибыть въ г. Николаевъ для осмотра вновь сооруженныхъ морскихъ судовъ. Къ счастью, покушеніе было заблаговременно открыто; обнаружены были, какъ непосредственные устроители покушенія, Луговенко и Виттенбергъ; ихъ скоро судили въ Одесскомъ военноокружномъ судѣ, который обоимъ имъ вынесъ смертныя приговоры. Казнь должна была быть совершена въ г. Николаевѣ. И вотъ невольнымъ свидѣтелемъ этой казни пришлось и мнѣ быть. Казнь совершена была въ концѣ іюня 1879 г., и попалъ я на мѣсто казни совершенно случайно. Возвращаясь изъ Херсона, гдѣ я присутствовалъ въ засѣданіяхъ мирового съѣзда и выѣхавъ въ Николаевъ вечеромъ, а затѣмъ подночевавъ въ Капанихъ (въ 30 верстахъ отъ Херсона и на полдорогѣ отъ Николаева), я къ городу подъѣзжалъ около 8 часовъ утра. Не доѣзжая предмѣстья города, такъ называемой „Поповой балки“, расположенной на высокомъ берегу рѣки Буга, по линіи Харьковско-Николаевской желѣзной дороги, я замѣтилъ, что огромная площадь этой балки усѣяна массой народа, слышенъ гулъ человѣческихъ голосовъ; видно много дрожекъ съ людьми и простыхъ крестьянскихъ возовъ, а когда я подъѣхалъ ближе, то еще больше поразился массой на-

родной толпы, запрудившей и въѣздъ въ городъ. Само собою разумѣется, что такое необычное явленіе меня заинтересовало, а изъ разспросовъ въ публикѣ я узналъ, что предстоитъ казнь Луговенка и Виттенберга, которыхъ къ 9 часамъ должны были доставить пароходомъ изъ Одессы, поэтому вся толпа напряженно всматривается въ водную даль рѣки Буга, и видимо съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ появленія преступниковъ. Нужно замѣтить, что съ „Поповой балки“ открывается прекрасный видъ на дали р. Буга, разлившася здѣсь до необычайной широты, при чемъ водная лента Буга видна на далекомъ разстояніи. Продвинувшись сквозь толпу ближе къ мѣсту казни, я замѣтилъ 2 висѣлицы съ помостами, цѣлый 2-й флотскій экипажъ въ строю, начальствующихъ лицъ мѣстной полиціи и другихъ официальныхъ представителей власти. Около $\frac{1}{2}$ 10 ч. солнце начало сильно припекать, толпа въ ажитации; шумъ и говоръ усиливается, множество рукъ тянутся впередъ, какъ-бы на что-то указывая. Всматриваясь въ водное пространство Буга, я замѣчаю на горизонтѣ черную точку, которая, все увеличиваясь, принимаетъ явныя очертанія парохода. Увидѣвъ явственно приближающійся пароходъ, толпа встрепенулась, зашевелилась, подалась впередъ а часть ея двинулась внизъ, къ берегу рѣки. Проходъ же у берега рѣки и на гору охранялся солдатами и образовалъ собою какъ бы корридоръ, свободный отъ публики. Чѣмъ ближе подходитъ пароходъ, тѣмъ больше волнуется народъ-толпа. Но вотъ шумъ толпы умолкаетъ, а вмѣсто этого слышится густая дробь многочисленныхъ барабановъ: барабанный бой слышится все ближе и ближе и наконецъ показываются двѣ, выкрашенныя въ черный цвѣтъ, повозки (дроги) съ сидящими на нихъ преступниками, окруженными военной стражей. Оба: Луговенко и Виттенбергъ одѣты были въ арестантское платье, сидѣли лицомъ, обращеннымъ на рѣку; руки въ наручникахъ и ноги въ кандалахъ; на груди у обоихъ висятъ доски, гдѣ бѣлымъ по черному написано: „Цареубійца“. Оба преступника блѣдные; взгляды ихъ тусклы, а у Виттенберга и поникшая голова. Вотъ ихъ подвезли къ эшафоту; сняли съ траурныхъ дрогъ и по одиночкѣ взвели на подмосты висѣлицъ и поставили лицомъ къ рѣкѣ. Слышится военная команда: „смирно“, „на караулъ“; публика обнажаетъ головы; читаютъ приговоры. По прочтеніи приговоровъ, на помосты эшафотовъ входятъ равнинъ и священникъ; недолго они что то гово-

рили преступникамъ и сошли съ помостовъ. На смѣну этихъ лицъ появляется дюжій рыжебородый дѣтина въ красной рубахѣ, онъ умѣлыми движеніями поправляетъ веревки на висѣлицахъ; потомъ подходитъ къ Виттенбергу, надѣваетъ на него бѣлый саванъ, завязываетъ рукава этого савана сзади, затѣмъ мигомъ набрасываетъ ему петлю на шею, ставитъ преступника на скамейку; моментъ—скамейка выбита палачемъ изъ-подъ ногъ преступника, и онъ безпомощно повисъ въ воздухѣ. Виттенбергъ былъ удушенъ моментально и повисъ какъ палка, безъ малѣйшихъ судорогъ и движеній; очевидно, что его слабый организмъ не могъ долго сопротивляться „мертвой петлѣ“. Покончивъ съ Виттенбергомъ, дѣтина въ красной рубахѣ на выпускъ принялся за матроса Луговенко. Послѣдній, самъ человекъ высокаго роста, богатырскаго сложенія и, вѣроятно, большой физической силы. Когда палачъ обвязывалъ его рукавами савана, Луговенко оттолкнулъ его отъ себя и началъ что-то говорить къ публикѣ, но рѣчь его была заглушена барабаннымъ боемъ, а къ палачу подошелъ его помощникъ, и они вдвоемъ „обрядили“ преступника и приготовили его къ казни. Тотъ же моментъ, скамейка выбита палачемъ изъ-подъ ногъ Луговенко, но онъ не повисъ сразу, какъ его товарищъ, а въ предсмертныхъ судорогахъ тѣло его начало выдѣлывать такіе вольты, качаясь то впередъ, то назадъ словно преступника не вѣшаютъ, а онъ забавляется и раскачивается, какъ на качели. Картина получилась поражающая; весь народъ, устилавшій „Поповую балку“ какъ то замеръ и стало такъ тихо, тихо; только напряженно устремленные взоры на болтавшася въ воздухѣ матроса, говорили о томъ колоссальномъ впечатлѣніи, которое произвела на толпу казнь Луговенки. Хотя до казни въ публикѣ, гдѣ большинство ея состояло изъ простонародья и рабочихъ, раздавались крайне рѣзкія порицанія преступленій казненныхъ террористовъ, въ особенности по отношенію къ Виттенбергу, но послѣ поразительной казни Луговенко послѣдній вызвалъ къ себѣ въ этой же публикѣ сожалѣніе и даже сомнѣніе въ справедливости надъ нимъ приговора суда: „не даромъ онъ такъ долго борется со смертью; знатъ онъ не виноватъ“ слышались разговоры въ народѣ. Не ожидая конца церемоніи публичной казни и добравшись до своего возницы, я скорѣе уѣхалъ къ себѣ на квартиру, а пріѣхавъ домой почувствовалъ себя на столько не хорошо, что потерялъ сонъ, аппетитъ и ходилъ какъ

„шалый“; все мнѣ грезилась ужасная картина смертной казни: все передъ моими глазами въ воздушномъ пространствѣ болталась въ бѣломъ саванѣ могучая фигура Луговенки и въ красной рубахѣ рыжебородый палачъ. Впечатлѣніе зрѣлища смертной казни было столь сильно, столь тягостно, что знаменитое Тургеневское описаніе казни Тропмана въ Парижѣ совершенно поблекло и стусеивалось въ моей памяти. Тутъ я вспомнилъ классическое сочиненіе моего профессора г. Кнестяковскаго о смертной казни, гдѣ онъ возстаетъ противъ цѣлесообразности этого рода наказанія, а на одной изъ лекцій съ большой убѣжденностью доказывалъ развращающее вліяніе на народныя массы публичности смертной казни. Послѣдняя идея со временемъ получила свое практическое осуществленіе въ распоряженіяхъ правительственной власти, прекратившей публичность совершенія смертныхъ казней. Какъ все въ жизни человѣка проходитъ „со временемъ“, такъ, мало-помалу улеглись и мои впечатлѣнія о казни Николаевскихъ террористовъ. Но вотъ черезъ мѣсяць, около 3-хъ часовъ дня, когда я покончилъ съ разбирательствомъ дѣлъ и просматривалъ текущія бумаги, отворяется въ камеру дверь, и несмѣлой походкой входитъ пожилой еврей въ костюмѣ лавочника. Обращаясь ко мнѣ, еврей говоритъ: „простите, судья, что я пришелъ къ Вамъ не въ свое время (въ 10 ч. утра, къ приему прошеній), а теперь, когда никого нѣтъ въ камерѣ, такъ какъ мнѣ нельзя показываться людямъ“. „Почему такъ“, спрашиваю я удивленно. Отвѣтъ: „можетъ, и Вы, г. судья, не пожелаете со мною говорить, узнавъ мою фамилію“. Я все больше и больше удивляюсь странной рѣчи просителя и спрашиваю его: „да кто же Вы такой и какъ Ваша фамилія?“ Отвѣтъ: „фамилія моя Виттенбергъ, и я отецъ недавно казненнаго моего сына“. Я тогда повялъ странную рѣчь просителя Виттенбергъ. Ободренный моимъ внимательнымъ отношеніемъ къ его разговору, Виттенбергъ-отецъ рыдающимъ голосомъ сталъ рассказывать мнѣ исторію своего несчастья; онъ говорилъ, что его сынъ былъ очень „способный къ наукѣ“, что онъ не жалѣлъ средствъ на его образованіе, что, окончивъ въ Николаевѣ среднее учебное заведеніе, онъ поѣхалъ въ Одессу въ университетъ, но тамъ попалъ въ нехорошую компанію, которая его и погубила. „Мнѣ жалко сына, но еще больше мое горе то, что вся наша семья, а у меня есть еще дѣти, осрамлена, осуждена и насъ всѣ избѣгаютъ,

какъ скверныхъ людей“. Выслушавъ горькую исповѣдь отца казненнаго преступника, я не сталъ его утѣшать, конечно, въ постигшемъ горѣ, но совѣтовалъ обратить вниманіе на воспитаніе другихъ дѣтей, чтобы и изъ нихъ кто-нибудь не послѣдовалъ примѣру старшаго сына. Удовлетворивъ затѣмъ дѣловую просьбу старика Виттенберга, я отпустилъ его домой. Эта опять случайная встрѣча съ отцомъ казненнаго Виттенберга вновь напомнила мнѣ страшную картину казни его сына, и все это жуткое воспоминаніе сохранилось у меня по сію пору, такъ сильно оно врѣзалось въ память.

ГЛАВА V.

Прощанье съ херсонцами и переходъ на службу въ Виленскій мировой округъ.

Еще въ сессію очереднаго земскаго собранія 1888 г. среди гласныхъ упорно циркулировали слухи, почерпнутые отъ губернатора А. С. Эрдели, лицейскаго товарища Д. А. Толстого, тогда министра внутреннихъ дѣлъ, что разработанный правительствомъ проектъ положенія о земскихъ начальникахъ, несмотря на сильную оппозицію большинства государственныхъ сановниковъ, участвовавшихъ въ его разработкѣ, долженъ получить практическое осуществленіе. Мировой институтъ, слѣдовательно, шелъ на смарку и прерывалъ мою служебную дѣятельность по мировому институту въ самомъ разгарѣ; нужно было подумать о дальнѣйшей своей служебной карьерѣ и что-нибудь предпринять. Должность городского судьи, которую мнѣ сулилъ окружный Судъ, меня не устраивала; въ уѣздные члены суда или въ его коллегію считали меня еще молодымъ кандидатомъ; оставаться на земской платной должности или городской въ составѣ мѣстныхъ управъ мнѣ также не улыбалось; нужно было искать службу внѣ Херсона. Такъ какъ я, что называется, былъ влюбленъ въ должность „мирового“, то и подалъ въ концѣ 1888 года, если не ошибаюсь, докладную записку въ министерство юстиціи о предоставленіи мнѣ должности мирового судьи въ губернскихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края и на томъ успокоился. Прошелъ годъ; я работалъ по прежнему по мировому съѣзду и, какъ

гласный Херсонской городской думы и уѣзднаго земскаго собранія, по дѣламъ этихъ учрежденій. Пришла весенняя очередная сессія земскаго собранія 1889 г., прошли въ эту сессію выборы мировыхъ судей на новое трехлѣтіе; я былъ избранъ уже на 4 трехлѣтіе и забылъ о своей докладной запискѣ, полагая, что „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ“—это разъ, а второе,—все устроится въ свое время. Какъ извѣстно, въ 1889 г. министромъ Манасеинымъ вводилась судебная реформа въ Прибалтійскомъ краѣ, куда набиралась по тогдашнему времени „судебная гвардія“ изъ отборныхъ лицъ судебного вѣдомства. Я никоимъ образомъ не рассчитывалъ попасть въ эту гвардію, но вышло иначе. Въ одинъ прекрасный октябрьскій день ко мнѣ въ сѣздъ является милѣйшій нашъ херсонскій прокуроръ Н. И. Мерзляковъ съ какой-то бумагой въ рукѣ и съ такими словами: „ну, батюшка, поздравляю Васъ съ назначеніемъ въ Прибалтійскій край“ и подаетъ мнѣ полученную телеграмму. Въ телеграммѣ сказано: „сообщите Мировому судѣ Чеважевскому, что онъ назначенъ мировымъ судьей 2 уч. Дерптско-Верроскаго мирового сѣзда; 20 ноября долженъ быть въ Ригѣ на общемъ представленіи министру; деньги переведены. Казембекъ“. Телеграмма эта настолько озадачила меня своей неожиданностью и моей не подготовленностью къ событію, что я не зналъ, что и отвѣтить на нее г. Мерзлякову, не посоветовавшись съ семьей. Дома рѣшительно возстали противъ поѣздки въ нѣмецкій край, тѣмъ болѣе, что у меня двое дѣтей лежали въ кори. Обсудивъ свое положеніе, я на другой день пошелъ въ камеру Н. И. Мерзлякова и заявилъ, что въ Дерптѣ, а тѣмъ болѣе къ 20-му ноября въ Ригу я, по семейнымъ обстоятельствамъ, не поѣду и долженъ отказаться отъ состоявшагося назначенія. Г. Мерзляковъ всячески меня убѣждалъ не посылать отказа отъ назначенія, „такъ какъ онъ поведетъ къ тому, что надъ вами министерство поставитъ крестъ“ и при введеніи положенія о земскихъ начальникахъ вы останетесь „на бобахъ“. Но отказъ мною былъ посланъ, и я, и семья успокоились пока. Но не тутъ-то было, и въ концѣ ноября того же года я получаю новую телеграмму такого содержанія: „назначены мировымъ судьей въ г. Вильно. Шамрай“. Ужъ отъ этого назначенія я никоимъ образомъ отказаться не могъ. Собралъ свѣдѣнія о Вильнѣ, оказавшіяся очень благопріятными, пробывъ дома рождественскіе праздники и по расчету времени съ поверстнымъ срокомъ со дня полученія министерскаго

приказа, въ концѣ января долженъ былъ быть уже на мѣстѣ, въ Вильнѣ. Тяжело было расставаться съ любимой дѣятельностью въ Херсонѣ, съ милыми коллегами—мировыми, съ которыми я такъ хорошо сдружился и съ которыми, какъ въ родственной семьѣ, пріятно было работать. Кромѣ того, я уже очень привыкъ къ своему народу, къ своимъ „Забалковцамъ“ (часть города); всѣхъ зналъ; хорошо знали и мои требованія, а потому мое правосудіе шло, какъ по маслу и не „за страхъ, а за совѣсть“. Болѣе же всего мнѣ грустно было порывать съ работой на нивѣ городского и земскаго самоуправленія. Состоя нѣсколько трехлѣтій гласнымъ мѣстной городской думы и земскаго собранія и участвуя во многихъ думскихъ и земскихъ комиссіяхъ, членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта, попечителемъ земской школы въ своемъ участкѣ и постоянно, кромѣ того, принимая участіе въ губернскомъ присутствіи по земскимъ и городскимъ дѣламъ, я хотя и втянутъ былъ въ колоссальную работу, но при молодости и, въ виду интереса къ дѣлу, работой этой нисколько не тяготился и радъ ей былъ. Для примѣра укажу здѣсь на разработанный мною обширный докладъ Херсонской городской думы по „гирловому вопросу“, который тянулся чуть-ли не цѣлое 25-лѣтіе (объ углубленіи устья Днѣпра), по проведенію въ Херсонѣ желѣзной дороги, водопроводному, юридической комиссіи, санитаріи и т. п. Первые два капитальные вопроса впоследствии получили свои практическіе результаты; и вотъ теперь, наѣзжая, по старой памяти, въ Херсонъ изъ Литвы и подъѣзжая къ Херсону по желѣзной дорогѣ, а въ городѣ любуясь величественнымъ Днѣпромъ и десятками заграничныхъ колоссовъ-кораблей, я не безъ гордости говорю себѣ: „а вѣдь здѣсь есть и моя капля меду“... Въ половинѣ января земцы устроили мнѣ въ дворянскомъ собраніи обѣдъ; наговорили мнѣ много пріятныхъ вещей и выразили сожалѣніе объ оставленіи мною земской и „мировой“ дѣятельности. Особое же ко мнѣ вниманіе выказали покойные нынѣ, а тогда членъ уѣздной земской управы И. И. Волохинъ, мировой А. В. Пискорской и нынѣ здравствующій С. Н. Гербель, членъ Государственнаго Совѣта, бывшій тоже членъ управы. Черезъ недѣлю послѣ этого обѣда, я отправился въ путь-дорогу черезъ г. Николаевъ, гдѣ николаевскіе судьи во главѣ съ А. Н. Саковнинымъ и В. Ф. Соболевымъ также угостили меня обѣдомъ. Трогательно мы распрощались другъ съ другомъ; затѣмъ поѣхали

на вокзалъ, простились въ послѣдній разъ, и я на пути въ Вильно. Въ Вильно я поѣхалъ одинъ, такъ какъ зимой, не зная города, трудно было съ женой и малыми дѣтьми ѣхать за 1.200 верстъ.

ГЛАВА VI.

Пріездъ въ Вильну и вступленіе въ должность.

Вдучи въ Вильну, я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о литовской народности, не приходилось мнѣ близко наблюдать и жизнь польской народности, а лишь одни евреи мнѣ болѣе или менѣе были знакомы, такъ какъ достаточное количество ихъ проживаетъ въ юго-западномъ краѣ и въ Новороссіи. Неудивительно, что новая незнакомая среда не только служебная, но и та, съ которой придется имѣть дѣло моему правосудію, не мало меня смущала. Въ такомъ смущенномъ настроеніи явился я въ одинъ изъ поведѣльниковъ въ помѣщеніе мирового сѣзда на Благовѣщенской улицѣ въ старинномъ домѣ Умястовскаго. Лишь я поднялся на второй этажъ, чтобы пройти въ совѣщательную комнату мирового сѣзда, какъ мнѣ ударилъ въ носъ непріятный запахъ махорки и смазанныхъ сапогъ. Оказалось, что поведѣльникъ было судебное засѣданіе сѣзда и помѣщеніе его было биткомъ набито народомъ на площадкѣ передъ входомъ въ залъ, при этомъ слышенъ былъ какой-то гнусавый говоръ вперемежку съ гортанными звуками; это говорили литовцы; горланили евреи, а смѣсь этихъ звуковъ на непривычнаго человѣка производила чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Проходя же мимо толпы, мнѣ бросился въ глаза сѣрый цвѣтъ верхней одежды крестьянъ, очень похожій на арестантскія свитки. Прихожу въ совѣщательную комнату, гдѣ застаю за столомъ 4-хъ судей и председателя сѣзда. Председатель, Н. Г. Григорьевъ, поднимается ко мнѣ навстрѣчу, здоровается и представляетъ своимъ коллегамъ. Когда, послѣ взаимнаго представленія, мы усѣлись, председатель обращается ко мнѣ съ такой репликой: „вѣроятно, у васъ въ министерствѣ есть большая заручка, что вы попали прямо въ Виленскій мировой округъ, такъ какъ въ этотъ округъ нелегко попасть, минуя уѣздные суды“. Когда я объяснилъ, что не только не имѣю никакой заручки въ министерствѣ, а попалъ сюда, отка-

завшись отъ назначенія въ Дерптскій округъ (Юрьевскій уездъ), то удивленію новыхъ сослуживцевъ не было конца. Разговорившись далѣе, я узналъ, что участокъ мой не въ Вильнѣ, а въ м-кѣ Оранахъ, и такъ какъ участкомъ завѣдываетъ мировой судья, переведенный изъ этого участка въ городской, то меня торопили скорѣе ѣхать и устраиваться въ Оранахъ, такъ какъ тамъ на 27 января назначено большое дѣло о конокрадствѣ. Вѣсть, что вмѣсто города Вильны мнѣ придется жить въ какомъ-то захудаломъ мѣстечкѣ, ужасно меня смутила и потому, что у меня былъ мальчикъ гимназистъ, котораго нужно было перевести въ мѣстную гимназію, и такъ какъ въ Оранахъ трудно найти и подходящую квартиру для семьи и нѣтъ какой-либо культуры, къ которой я привыкъ по прежней службѣ. Но ничего не подѣлаешь: нужно было мириться съ необходимостью. На другой день изъ Вильны я уѣхалъ по Варшавской дорогѣ на станцію Ораны, а оттуда (въ 5 верстахъ) въ самое мѣстечко Ораны. Проѣзжая мѣстечко до мѣста нахождения камеры, я былъ пораженъ, съ одной стороны, мизернымъ видомъ деревянныхъ построекъ мѣстечковыхъ, общимъ видомъ населенія, ютившагося на двухъ улицахъ, правда длинныхъ и скученныхъ, а съ другой, массою кабаковъ и пивныхъ лавокъ, такъ какъ черезъ домъ непременно находилась или пивная лавка, или кабачекъ съ продажей водки. Но особенно много этихъ пріятныхъ торговыхъ заведеній расположено было на той улицѣ, гдѣ помещалась камера судьи, послѣднее обстоятельство предсказывало мнѣ не особенно пріятныя перспективы. И вотъ 27 января 1890 года открылъ я въ первый разъ свою судейскую душу и приложилъ весь свой опытъ, чтобы тщательнымъ разборомъ громкаго дѣла сразу установить и свое реноме, и вселить довѣріе къ своему суду въ мѣстномъ населеніи. Камера моя помещалась во флигелькѣ въ концѣ двора, такъ какъ прежнее помещеніе камеры, выходившее на улицу, занято было канцеляріей военной комиссіи по постройкѣ стратегическаго шоссе генерала Тунцельмана съ инженеромъ Венцелемъ и другими во главѣ; мнѣ все-таки комиссія уступила одну комнатку для квартиры, чтобы быть поближе къ камерѣ. Окунувшись въ дѣла и приведя ихъ въ извѣстность, я нашелъ, что участокъ сильно запущенъ и мнѣ придется не мало поработать, чтобы привести его въ порядокъ. Къ первому разбору моего дѣла явилась масса народу, такъ какъ помимо

интереса къ громкому конокрадству, въ тотъ день былъ въ мѣстечкѣ базаръ (кермашъ), и многіе нагрянули изъ базарной публики, само собою разумѣется, что набились въ камеру и мѣстные еврей—эти самые „строгіе изслѣдователи“ лицъ, служащихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. По дѣлу о конокрадствѣ обвинялось двое лицъ въ кражѣ лошадей у помѣщика Пудятыцкаго; вызвана была масса свидѣтелей со стороны обвиненія и обвиняемыхъ. Провѣряю свидѣтелей, удаляю ихъ въ особую комнату и приступаю къ разбору. Потерпѣвшій, объясняя, при какихъ обстоятельствахъ у него уведена была пара лошадей изъ конюшни, выразилъ рѣшительное подозрѣніе на обвиняемыхъ; прямыхъ уликъ не было, и обвиняемые не сознались и упорно отрицаютъ свою виновность; нужно было поэтому искуснымъ допросомъ свидѣтелей сторонъ добиваться правды. Главное свое оправданіе обвиняемые построили на alibi, въ подтвержденіе котораго и сослались на свидѣтелей.

Допросъ свидѣтелей обвиненія проходитъ гладко и даетъ достаточный матеріаль въ связи съ характеристикой обвиняемыхъ, что лошади не миновали ихъ рукъ. Не то было со свидѣтелями обвиняемыхъ: часть ихъ оказалась настолько пьяными, что нельзя ихъ было и допрашивать, а часть пришлось допрашивать черезъ переводчика, такъ какъ на предложенные вопросы слѣдовалъ одинъ отвѣтъ: „ne surpante“. Когда же одинъ изъ такихъ свидѣтелей уличенъ былъ мною въ противорѣчіяхъ, то заговорилъ и по-русски. Въ концѣ концовъ, такъ какъ сбивчивыя показанія свидѣтелей обвиняемыхъ не внушали къ себѣ довѣрія, то у меня сложилось полное убѣжденіе въ виновности обвиняемыхъ, которые и получили по 6 мѣсяцевъ тюрьмы. Эффектъ приговора былъ поразительный, и имъ камерная публика осталась довольна, да я не ошибся въ приговорѣ, такъ какъ когда объяснилъ обвиняемымъ порядокъ обжалованія приговора, то они, отказавшись отъ его обжалованія, просили, чтобы ихъ скорѣе отправить въ тюрьму. Пользуясь наличностью массы мѣстнаго населенія моего участка, я, обращаясь къ подсудимымъ, высказалъ двѣ сентенціи: что подпоенные свидѣтели не только не помогаютъ защитѣ, но больше вредятъ ей и что кража лошадей и скота большое несчастье для сельскихъ хозяевъ. Хорошо, говорилъ я, что у помѣщика есть не одна пара лошадей, а если послѣднюю клячу (по мѣст-

ному) или единственную коровку уведутъ у крестьянина, то чѣмъ ему пахать землю, чѣмъ кормить дѣтей; „я буду очень строгъ къ такимъ кражамъ“, добавилъ я. Мои сентенціи произвели очень хорошее впечатлѣніе на крестьянъ, что видно было по одобрительнымъ кивкамъ ихъ головъ. И такъ первый мой выходъ на арену правосудія на Литвѣ прошелъ удачно. Мало-по-малу, знакомясь съ мѣстнымъ населеніемъ, большею частью съ коренными литовцами, не знающими никакого другого языка, кромѣ своего родного, населеніемъ бѣднымъ (земля въ большинствѣ песчаная), полудикимъ, подозрительнымъ, я проникся большимъ сочувствіемъ къ этой народности, этимъ первымъ насельникамъ края, лишеннымъ всякаго культурнаго воздѣйствія и жестоко эксплуатируемымъ мѣстнымъ еврействомъ—его единственными „культуртрегерами“. Правда, что попадались и между литовцами лица, знающія русскій языкъ, но это тѣ изъ нихъ, которые отбывали воинскую повинность и обрабатывались на военной службѣ, такъ что послѣднюю нужно признать важнымъ культурнымъ факторомъ въ жизни Литовскаго края. Знакомясь ближе и ближе съ литвинами своего участка, я пришелъ къ заключенію, что большинство возбужденныхъ ими дѣлъ сутяжнаго характера возбуждены еврейскою деревенскою и мѣстечковою адвокатурою, избрѣтавшею разныя несуразныя тяжбы, исключительно „въ интересахъ рубля“. И когда у меня этого рода дѣла потерпѣли сильное крушеніе, то сократилась и „сутяга“. Одною я не могъ смягчить путемъ судопроизводственнаго воздѣйствія—это жестокости въ случаяхъ взаимной мести крестьянъ другъ къ другу, которая выражалась то въ отравленіи гусей, утокъ и другой домашней птицы, а то и въ томъ, что они всаживаютъ обостренные колья въ задній проходъ лошадей, обрѣзываютъ вымя у коровъ и т. п. (такія были дѣла). На югѣ подобныя чудовищныя проступки мнѣ были совершенно не извѣстны, а здѣсь вещь обыкновенная; очевидно, что это уже природная черта народнаго характера.

Въ злополучныхъ Оранахъ (Ораны—мои раны, шутилъ я) я просидѣлъ до сентября будущаго года, когда получилъ городской участокъ. Семью, переѣхавшую въ Вильну, пришлось устроить въ городѣ, а самому на дня три еженедѣльно ѣздить и жить въ Оранахъ, а три дня проводить въ Вильнѣ и сидѣть въ засѣданіяхъ мирового съѣзда. Мучительная исторія, крайне истрепавшая мои нервы. Въ городской уча-

стокъ я поналъ случайно: одинъ уѣздный судья, которому по очереди доставался 2 участокъ г. Вильны, Н. А. Комаровъ, ознакомившись съ массой нерѣшенныхъ дѣлъ и общимъ хаосомъ дѣлопроизводства въ этомъ участкѣ, отказался отъ него и участокъ достался мнѣ. Усиленнымъ трудомъ и при помощи нѣсколькихъ временно нанятыхъ писцовъ—участокъ, вѣрнѣе, бумаги были приведены мною въ порядокъ; нужно было лишь заняться разборомъ нерѣшенныхъ дѣлъ, накопившихся до 1000. Отправлять „мировое правосудіе“ въ городѣ для меня, конечно, было легче, такъ какъ и жалобы поступали грамотнѣе и толковнѣе, чѣмъ деревенскія, а по моимъ дѣламъ выступали порядочные адвокаты, съ которыми легче было разъяснять спорные вопросы. Но былъ въ моемъ участкѣ и существенный дефектъ: въ немъ сосредоточены были дѣла всѣхъ мелкихъ и нѣкоторыхъ крупныхъ виленскихъ ростовщиковъ (распредѣленія денегъ чиновниковъ: Полѣвскихъ желѣзныхъ дорогъ, интендантскихъ, почтовыхъ и др.), осаждавшихъ камеру то вексельными взысканіями, то требованіями выдачи поступившихъ долговъ, суммъ и т. д.

Не могу забыть и до сихъ поръ, какъ меня въ первый разъ поразила масса странныхъ еврейскихъ фигуръ, наполнившихъ мою камеру, хотя и не было разбора дѣлъ; по ознакомленіи съ этими лицами, оказались $\frac{2}{3}$ ростовщиковъ и $\frac{1}{3}$ подпольныхъ ходатаевъ. Ростовщикамъ я объявилъ, что справки по дѣламъ буду выдавать лично, а ходатаямъ совѣтовалъ оставить мою камеру, такъ какъ, помимо меня, они ничего по дѣламъ камеры не узнаютъ, а выступать не имѣютъ права.

Въ конечномъ результатѣ черезъ годъ усиленныхъ занятій мнѣ удалось настолько упорядочить участокъ, что я больше 4-хъ часовъ въ камерѣ не сидѣлъ; созданъ былъ досугъ, позволившій мнѣ употребить его и на чтеніе книгъ, и на постоянное (съ 1893 г.) сотрудничество (*gratis*) въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ редакціи П. Г. Бывалькевича. Посѣщая засѣданія мирового съѣзда, я ближе познакомился со своими коллегами, а ближе присмотрѣвшись къ мировой юстиціи отъ короны, сдѣлалъ соотвѣтственныя параллели между короннымъ и выборнымъ судомъ. Между тѣмъ и другимъ учрежденіями была огромная разница: выборные судьи работали въ буквальномъ смыслѣ слова „за совѣсть“, а коронные не всѣ, конечно, и „за страхъ“, чтобы не подвергнуться неодобреніямъ и старшаго предсѣдателя судеб-

ной палаты, и ея прокурора, и прокурорскаго надзора вообще, другими словами, выборный судья чувствуетъ полную независимость и самостоятельность въ своемъ дѣлѣ, а коронный нерѣдко во взглядѣ на извѣстную категорію уголовныхъ правонарушеній долженъ былъ соображаться со взглядами и желаніями мѣстной администраціи и покровительствуемыхъ ею отдѣльныхъ лицъ (графа Мавроса и др.). Другой чертой направленія Виленскаго мирового съѣзда моего времени явилось мнѣніе, что тамъ, гдѣ сталкиваются интересы помѣщиковъ и крестьянъ, необходимо поддерживать послѣднихъ, ибо такъ думаетъ мѣстная высшая администрація края. Такое „рабское“ положеніе Виленскаго мирового института въ особенности процвѣтало при предсѣдателѣ съѣзда Григорьевѣ. Человѣкъ военнаго образованія и воспитанія,—этотъ предсѣдатель былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ хотя практически онъ и усвоилъ судебную процедуру, но по серьезнымъ юридическимъ вопросамъ обнаруживалъ слабую юридическую логику; судебныя же засѣданія велъ грубо съ окриками „команднымъ голосомъ“. Своихъ сослуживцевъ не объединялъ, а, напротивъ, сѣялъ интригу и раздоръ, и если съѣздъ къмъ держался, то непремѣннымъ членомъ А. А. Поляковымъ—этимъ превосходнымъ русскимъ человекомъ—„тверякомъ“.

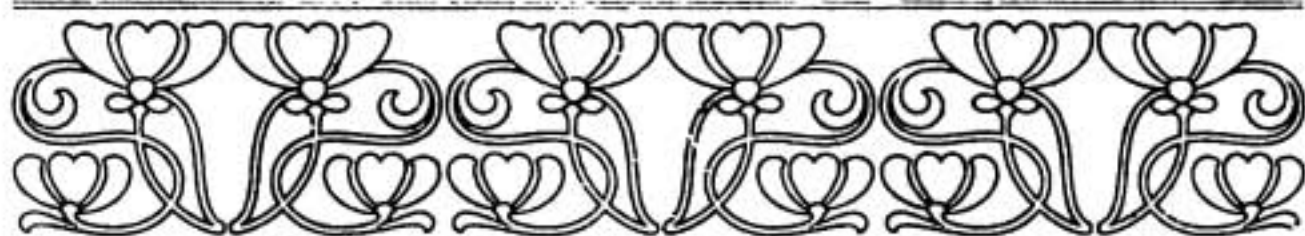
Дѣла въ съѣздѣ обсуждались очень серьезно, и въ этомъ отношеніи коронному мировому суду нужно отдать предпочтеніе передъ выборнымъ, гдѣ очень часто трудно было убѣдить судей юридическими доводами въ противобѣсъ „обывательскимъ“ сужденіямъ. Но ало короннаго мирового суда на Литвѣ, какъ и вообще во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, заключалось въ страшномъ процвѣтаніи лжесвидѣтельства, въ легкой подкупности свидѣтелей, а потому не только въ серьезныхъ уголовныхъ или гражданскихъ дѣлахъ, но въ пустыхъ трудно было добиться правды. Для иллюстраціи приведу такой примѣръ: въ моей камерѣ разбиралось дѣло по обвиненію графа Кор.-М—го съ г. Пусловскимъ въ оскорбленіи первымъ послѣдняго дѣиствіемъ въ зданіи окружнаго суда. Оба эти „драчуна“—мѣстные богатые и культурные помѣщики; ссоры и тяжбы у нихъ завязались по дѣловымъ отношеніямъ по имѣнію Пусловскаго и разразились скандальнымъ столкновеніемъ въ зданіи суда, гдѣ въ корридорѣ Кор-Мил—скій, встрѣ-

тившись съ Пусловскимъ, толкнулъ его съ такой силой, что тотъ, падая, выбилъ окно, оцарапался и получилъ нѣсколько ушибовъ. Вѣсть о столкновеніи этихъ аристократовъ быстро разнеслась въ судѣ; собралось много публики; произошло фюрменное нарушеніе тишины и порядка (ст. 38 уст. о нак.). Вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ поступила жалоба Пусловскаго на гр. Кор - Мил—скаго и протоколь полиціи. Разобравъ дѣло, я далъ гр. Кор - Мил. 2 мѣсяца ареста. Дѣло по жалобѣ обвиняемаго перешло въ мировой съѣздъ, и вотъ тутъ-то разыгралась „свидѣтельская арія“, такъ какъ оказалось, что большинство ихъ были полупьяны и, вѣроятно, субсидированы. Кончилось дѣло на томъ, что наказаніе гр. Кор - Мил—скому было уменьшено до 7 дней ареста по обвиненію лишь въ нарушеніи общественной тишины. Приговоръ этотъ вступилъ въ законную силу, но когда его обратили къ исполненію, то 2 года не могли уловить обвиняемаго: то онъ уѣзжаетъ за границу, то путешествуетъ по Волгѣ, то выбываетъ въ Варшаву и т. п. Наконецъ, полиція настигаетъ графа Кор - Мил—скаго въ Вильнѣ и препровождаетъ его, въ такъ называемый, 14 № крѣпостного зданія при Инженерномъ Управленіи. Водворень былъ гр. Кор-Мил—скій въ кутузку лѣтнею порою. Мужчина онъ полный и комнатная духота на него непріятно дѣйствовала, поэтому вечерній чай въ скучномъ одиночествѣ титулованный узникъ пилъ въ палисадникѣ, выходящемъ на улицу. Узнавъ о чаепитіи гр. Кор-Мил—скаго, прстивникъ арестованнаго графа г. Пусловскій регулярно каждый день выѣзжаетъ въ своемъ кабриолетѣ при лакеѣ въ ливреѣ съ гербами на прогулку по той улицѣ, гдѣ „кейфовалъ“ его врагъ и проѣзжая мимо съ притворной учтивостью адресуетъ узнику фразу: „жиче пану грабѣ добраго аппетита“... (желаю пану графу хорошаго аппетита). И такъ продолжалось систематически нѣсколько дней. Графъ Кор-Мил—скій, конечно, не могъ долго переносить злобныхъ учтивостей г. Пусловскаго, и остальные дни ареста уже не показывался въ палисадникѣ. Много и другихъ курьезовъ бытового свойства прошло у меня передъ глазами во время судейства, но всего не припомнишь. Послѣдніе годы моей службы по коронной мировой юстиціи протекали настолько благополучно, что наличность досуга не только, повторяю, позволила мнѣ заниматься журнальной работой, но я могъ также принять горячее участіе въ работахъ по

первой народной переписи 1897 г. Въ этомъ же году, будучи избранъ единогласно коллегіей окружнаго суда на вакантную должность члена его, я разстался съ мировымъ институтомъ, но сохранилъ и до сихъ поръ званіе почетнаго мирового судьи, чтобы не прерывать связи съ дорогимъ для меня учрежденіемъ.

В. С. Чеважевскій.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

16—18 февраля. Вотъ какой рассказъ записалъ сотрудникъ „Армейскаго Вѣстника“ со словъ бѣженцевъ изъ м. м. Колки и Куликовской, занятыхъ теперь австро-германцами.

— Гдѣ моя жена — не знаю, а вотъ... со мной двѣ дочки—15 и 17 лѣтъ, то обѣ и беременныя,—сквозь рыданія говорилъ горемычный отецъ.

— А вотъ эта, — указалъ Колошва на желтую, какъ воскъ, старушку, сидящую на пучкѣ грязной соломы и глядящую по русой головѣ дѣвочку лѣтъ 13—14, блѣдную, изнуренную и лежащую на той же соломѣ, — эта тоже долго не забудетъ нѣмца! Меньшая догораетъ, осрамленная и замученная, а со старшей и того хуже стало.

— Ея старшую дочку распялъ нѣмецъ.

— Какъ такъ распялъ?!—удивился я.

— Да такъ и распялъ.—Красавица была на все село, а здоровая такъ, что когда къ ней стали приставать два нѣмецкихъ офицера, она ихъ избила, оборвала погоны и вытолкала изъ избы; а ночью пришли ихъ солдаты съ голыми саблями, связали Авдотью и увели, подстрѣливъ отца. На другой день нашли Авдотью въ лѣсу распятой. Руки ея были прибиты гвоздями къ двумъ соснамъ. Она была голая и опозоренная.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июнь 1916 г.

Въ Туркестанѣ и Каспійскомъ побережьи растеть прядильная мальва *Hibiscus Cannabinus*. Она растеть кустомъ, изъ котораго выходятъ побѣги въ 4—6 аршинъ. Когда кустъ созрѣеть, то стебли срѣзаются и обдираются, и изъ нихъ туземцы приготавливаютъ рыболовныя снасти и веревки.

Разсказываютъ, что преподавателемъ коммерческаго училища въ Нарвѣ назначенъ Э. И. Кольбергъ, отбывшій 3-мѣсячное тюремное заключеніе за злословіе о русской арміи, по постановленію войскового Донского Наказнаго Атамана.

До войны германцы посылали огородниковъ и садовниковъ колонистовъ, которые собирались устроить подъ Верденомъ особую земледѣльческую колонію. Къ счастью, у руководителя этой колоніи былъ захваченъ документъ о сношеніи его съ извѣстнымъ германскимъ шпиономъ, лейтенантомъ фонъ-Оппелемъ. Подъ Верденомъ была обнаружена также германская платформа для тяжелыхъ орудій, въ 30 километрахъ отъ форта Дуомонъ, который теперь такъ нещадно атакуютъ германцы.

Какъ сообщаетъ „Каспій“, въ управленіе бакинскаго уѣзднаго воинскаго начальника прибылъ изъ московскаго лазарета молодой солдатъ Сагатель Саакянцъ, являющійся очередной жертвой жестокостей нѣмцевъ.

Нѣмецкій офицеръ собственноручно вырѣзалъ Саакянцу языкъ за отказъ сообщить свѣдѣнія о расположеніи нашихъ частей. Саакянцъ неграмотенъ, вслѣдствіе чего представляется затруднительнымъ установить подробности учиненнаго надъ нимъ звѣрства. Онъ былъ принятъ на службу въ прошломъ году бакинскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ и отправленъ въ одинъ изъ запасныхъ баталіоновъ, откуда былъ зачисленъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Такъ какъ при немъ оказалась только книжка, выданная ему запаснымъ баталіономъ, то его и прислали въ распоряженіе бакинскаго воинскаго начальника, который теперь снесся съ запаснымъ баталіономъ для выясненія, въ какой полкъ былъ переведенъ изъ баталіона Саакянцъ. Изъ мимическаго разсказа Саакянца выясняется слѣдую-

щая картина учиненнаго надъ нимъ звѣрства. Послѣ одной горячей схватки Саакянцъ, раненый въ ногу, остался на полѣ битвы. Послѣ боя нѣмцы стали провѣрять оставшихся, нѣтъ ли среди нихъ живыхъ, и обнаружили Саакянца. Нѣмецкій офицеръ потребовалъ, чтобы онъ сообщилъ свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ. Саакянцъ отказался. Тогда нѣмецкій солдатъ сдвинулъ ему горло такъ, что весь языкъ вышелъ наружу. Въ это время офицеръ перочиннымъ ножикомъ отрѣзалъ ему языкъ. Когда Саакянцъ упалъ, обливаясь кровью, нѣмцы прикололи его штыкомъ въ спину и бросили. Потомъ прибыли наши войска и подобрали его.

Г. Ренниковъ, въ № 14348 „Новаго Времени“, приводитъ фразы изъ самоучителя нѣмецкаго языка, составленнаго приватъ-доцентомъ Кіевскаго университета А. Н. Грасомъ.

Вотъ эти перлы:

„Должны ли вы эту даму оставить на улицѣ?

Нѣтъ, я не долженъ оставить такую молодую, живую, любезную даму на улицѣ.

Нанимаете вы комнату для воркованія?

Я ее нанялъ для воркованія.

Развѣ вамъ миръ такъ ужъ задоренъ?

Да, миръ мнѣ задоренъ.

Хотите вы раздѣться, милостивый государь?

Я, несчастный и забитый человекъ, хочу раздѣться.

А какъ поживаютъ мои остальные вещи?

Это, я надѣюсь,—остальные вещи въ полной сохранности.

Долженъ ли ты отложить превосходную месть?

Я долженъ ее отложить.

Измѣнились вы, милостивая государыня?

Я измѣнилась, такъ какъ я встала съ кровати.

Имѣете вы боль о потерѣ вашего супруга?

Я встала съ постели, на которую меня бросила болѣзнь о потерѣ моего мужа.

Сколько времени вы имѣете новую барыню, мой другъ?

Я ее имѣю по большей части каждыя шесть недѣль“.

Рабочіе получаютъ дивныя заработки. Особенно цѣнятся фабричныя мастера. Мнѣ рассказывали, что одна изъ семей, состоящая изъ отца, матери и двухъ сыновей, зарабатываетъ ежемѣсячно 1000 рублей. Какъ сравнить теперь заработокъ рабочаго съ жалованіемъ чиновника или заработкомъ по литературному труду. Величина несравненная. Рассказывали, что рабочіе платятъ по 15—20 рублей за бутылку коньяку. Пришлось лично видѣть рабочаго, курившаго прекрасную гаванскую сигару.

Вотъ что рассказываетъ г. Весеньевъ ¹⁾ о рабочихъ военнопленныхъ:

„Въ деревню на работы присылаютъ только австрійцевъ да славянъ.

— Кто у васъ работаетъ?—спрашиваемъ сосѣда, или просто перваго встрѣчнаго.

— Мадыяры, румыны, галичане, русины, чехи, словаки..

— А нѣмцы?

— Никогда въ глаза не видѣлъ.

Вотъ и я никогда не видѣлъ. Нѣмцы не желаютъ работать и не работаютъ. Приведутъ партію ихъ, сдадутъ на руки помѣщику. На утро въ поле. Идутъ. Пришли и ни съ мѣста.

— Мы работать не будемъ.

Ничего подѣлать съ ними помѣщикъ не можетъ. Да оно и понятно: не пороть же вы ихъ станете. Берете ихъ на работу, а не въ исправительное отдѣленіе. И нигдѣ съ ними нѣтъ сладу. Нѣмецъ не буянить, не подговариваетъ другихъ, а только твердитъ свое упрямое и злое:

— Я работать не буду. Не буду и не буду.

То же и на казенныхъ работахъ, при чемъ различія и дѣленія работъ для нѣмца не существуетъ. Это у него принципъ. И думается, что съ этимъ „принципомъ“ надо бороться. Никакія „конференціи“ не постановляли, что военнопленный обязанъ бездѣльничать, обязанъ быть дармоѣдомъ. Не забудьте, что въ Германіи на нашихъ военнопленныхъ пашутъ.

Дайте карауль, дайте хоть небольшую воинскую команду, но пусть нѣмцы работаютъ... Вѣдь работы есть такъ много и самой разнообразной... Наконецъ, если нельзя ихъ сопро-

¹⁾ „Веч. Вр.“ 1 февр. с. г.

водитъ соотвѣтствующимъ эскортомъ въ деревнѣ, пусть они будутъ заняты на казенныхъ работахъ... А вѣдь такъ,— одна бѣда и соблазнъ.

И сравните австрійцевъ славянскаго происхожденія и даже мадьяръ съ тѣми же нѣмцами. Мы не нахвалимся русинами, галичанами, чехами, словаками. И работаютъ прекрасно, и вѣжливы, и честны. Цѣны на работы назначаютъ земскія управы въ согласіи съ мѣстными условіями. Половину—военноплѣнные получаютъ на руки, остальные деньги идутъ на ихъ прокормъ, помѣщеніе, одежду, обувь. Многіе помѣщики находятся съ плѣнными въ молчаливомъ соглашеніи и платятъ даже больше, чѣмъ это установлено земскими управами. Не обидно—работаютъ отлично, почему не прибавить. Никакой охраны за военноплѣнными нѣтъ. Убѣжать—не убѣгутъ.

— Зачѣмъ намъ бѣжать... Далеко. Да что ожидаетъ дома? Тѣ же работы въ лучшемъ случаѣ, а то, можетъ быть, снова окопы... А здѣсь хоть живъ, хоть сытъ“.

18 февраля. Германцы обстрѣливаютъ у Вердена французскія позиціи къ западу отъ Мааса. Французская печать считаетъ положеніе Вердена удовлетворительнымъ, но и весьма серьезнымъ.

Одинъ изъ французскихъ химиковъ въ „Journal d'Enseign“ сообщаетъ, что онъ получилъ извѣстіе отъ одного изъ плѣнныхъ германскихъ офицеровъ, сильно его взволновавшее.

Извѣстный химикъ, профессоръ Берлинскаго университета, Эмиль Фишеръ, подписавшій памятный манифестъ девяноста трехъ, получилъ въ началѣ 1915 года оффиціальное назначеніе въ главный штабъ германской арміи. Этотъ богатѣйшій въ Германіи человекъ, пользующійся огромнымъ научнымъ авторитетомъ, принялъ званіе „консультанта арміи его величества“.

Онъ сопровождаетъ главный штабъ и рѣшаетъ вопросы конфискаціи и истребленія матеріаловъ, захваченныхъ въ занятыхъ нѣмцами областяхъ. Въ распоряженіи Э. Фишера состоитъ большое количество молодыхъ ученыхъ. Съ ихъ помощью Фишеръ уничтожилъ много построекъ, товаровъ и матеріаловъ, ненужныхъ германцамъ, и указалъ на не-

обходимость конфискаціи различныхъ запасовъ, не считаясь съ нуждами мѣстнаго населенія.

Интересно отмѣтить, что Фишеръ и его „штабъ“ принимали участіе въ выработкѣ методовъ употребленія горящихъ жидкостей для заливанія ими траншей непріятеля¹⁾.

19—21 февраля. Читалъ удивительный докладъ комиссіи Государственнаго Совѣта по смѣтѣ министерства иностранныхъ дѣлъ о плохомъ положеніи русскихъ военнопленныхъ.

Докладъ этой комиссіи подтверждаетъ уже всѣмъ известную истину, что русскимъ военнопленнымъ въ Германіи живется гораздо тяжелѣе, чѣмъ военнопленнымъ остальныхъ воюющихъ державъ.

„Причина этому, говоритъ докладъ финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта, лежитъ не въ какихъ-либо особыхъ условіяхъ для русскаго плѣна у непріятеля, а въ томъ, что сношенія нашихъ военнопленныхъ съ родиной до сихъ поръ еще не упрядочены и помощь имъ на родинѣ слабо организована“.

Петроградскій обыватель крайне удивленъ, что это заключеніе финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта буква въ букву сходно съ лейбъ-напѣвомъ нейтральной германофильской прессы. Умилительное сходство!

Конечно, причина этому совершенно не та, чтобы русскій человѣкъ не посылалъ гроши къ своимъ мученикамъ пленнымъ, какъ утверждаетъ это финансовая комиссія Государственнаго Совѣта. Причины къ этому совсѣмъ иныя. Прежде всего, какъ это ни кажется на первый разъ страшнымъ, на это вліяетъ роскошное содержаніе военнопленныхъ германцевъ въ Россіи, закармливаніе ихъ на убой, предоставленіе достаточнымъ изъ нихъ скупать припасы въ ущербъ населенію.

Доводитъ условія питанія пленныхъ германцевъ, по словамъ нѣмецкихъ дневниковъ, до того, что по праздникамъ они ѣдятъ зернистую икру, не имѣть силы духа заставить германскихъ пленныхъ работать.

Наглый нѣмецъ рассуждаетъ такъ, что если нѣмецкихъ пленныхъ въ Россіи не посмѣютъ кормить плохо, не посмѣютъ ихъ заставить работать, то чего же ему церемониться съ нашими пленными, съ ними все возможно. Нѣмецъ сверхчеловѣкъ: онъ понимаетъ силу одного только

¹⁾ „Нов. Вр.“ 18 февр. 1916 г.

кулака, всякій другой способъ убѣжденія немислимъ для осатанѣлой душонки.

Вотъ почему онъ такъ поступаетъ съ нашими плѣнными, а не потому, что наши не хотятъ слать своимъ припасовъ и не упорядочена имъ помощь.

Для того, чтобы помочь нашимъ плѣннымъ, нѣмцу надо показать кулакъ.

Самое главное, надо заявить твердымъ образомъ Германіи, что съ ея военноплѣнными будутъ поступать такъ же, какъ они поступаютъ съ нашими. Это властно сказали и сдѣлали наши союзники, и вотъ почему съ ихъ плѣнными обращаются германцы совершенно иначе, чѣмъ съ нашими. У насъ даже завѣдываніе плѣнными находится на рукахъ у семи нянекъ. Они не объединены въ одной властной рукѣ. Даже нѣтъ инспектора военноплѣнныхъ. Между тѣмъ у насъ въ Россіи существуетъ такой человекъ, который по своей особой энергіи можетъ поставить плѣнныхъ германцевъ на свое мѣсто—это генераль Сандецкій.

Петроградскому обывателю очень бы желательно знать, нѣтъ ли въ составѣ финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта членовъ прибалтійцевъ или ихъ присныхъ?

На дняхъ, по словамъ „Заб. П.“, заключенъ въ верчинскую тюрьму крупный золотопромышленникъ Тюменцевъ, который подозрѣвается въ провозѣ и продажѣ золота за границу.

Передаютъ, что въ лавочкахъ земскихъ союзовъ спросъ солдатиковъ уже точно опредѣляется: усиленно покупаютъ бѣлый хлѣбъ, сало, курево, почтовую бумагу и лакомства.

Сообщаютъ, что экстренное собраніе сахарозаводчиковъ, признавъ убыточнымъ для себя продавать рафинадъ по таксѣ, установленной особымъ продовольственнымъ совѣщаніемъ въ Петроградѣ, заявило, что можетъ поставлять по таксѣ рафинадъ только интендантству, въ количествѣ 10 милліоновъ пудовъ, и то при томъ только условіи, если интендантство само будетъ снабжать рафинадные заводы сахарнымъ пескомъ по таксѣ, путемъ обязательнаго отчисленія 10 процентовъ производства песочныхъ заводовъ.

Одновременно синдикатъ рафинеровъ препроводилъ кievскому уполномоченному особаго продовольственнаго совѣщанія Суковкину, для передачи предѣдателю совѣщанія, докладную записку, требующую, подъ угрозой сокращенія производства и полного отсутствія рафинада на рынкахъ, повышенія предѣльной цѣны сахара. Въ видѣ аргумента въ докладной запискѣ заявляется, что сахарные заводы не могутъ поступиться ради устраненія рафинаднаго голода частью своихъ прибылей, такъ какъ большинство ихъ являются не личными, а акціонерными предпріятіями, правленія которыхъ не могутъ завѣдомо вводить своихъ акціонеровъ въ убытки. Гг. сахарозаводчики отчаянные патріоты.

22—24 февраля. Газета „Таймсъ“ сообщаетъ, что на предстоящей въ Парижѣ экономической конференціи державъ четвернаго согласія подпишутъ договоръ о незаключеніи сепаратныхъ торговыхъ договоровъ съ Германіей и Австріей.

Недавно проходилъ по Сергіевской и видѣлъ, что всѣ ставни оконъ австрійскаго посольства сплошь заклеены плакатами съ призывомъ къ участию въ военномъ займѣ.

По словамъ „Рижскаго Вѣстника“, лица, имѣющія дѣловыя сношенія съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, при попыткахъ выяснить ихъ мѣстонахожденіе, неизбѣжно наталкивались на отвѣтъ: „Графа (или барона) нѣтъ дома, онъ находится за границей, и когда вернется на родину — неизвѣстно“.

Такимъ образомъ „пропалъ“ извѣстный графъ Э. Э. Мантейфель, которому принадлежитъ чуть ли не половина Юрьевскаго уѣзда.

У насъ имѣется документъ, подписанный довѣреннымъ графа Мантейфеля фонъ-Гревингомъ, гдѣ значится буквально слѣдующее: „Личную подписку его (гр. Мантейфеля) трудно достать, такъ какъ онъ уже съ начала декабря мѣсяца прошлаго года въ Швеціи и вовсе не знаетъ, когда онъ вернется на родину“.

Коротко и ясно: „вовсе не знаетъ, когда онъ вернется на родину“. И вернется ли вообще? Точно также находится „въ безвѣстномъ отсутствіи“ владѣлецъ имѣнія Роель

фонъ-Литгардтъ и управляющій имѣнія Торна, которое принадлежитъ брату роельскаго фонъ-Литгардта.

Интересно отмѣтить, что бѣгство нѣкоторыхъ мѣстныхъ „лояльных“ гражданъ помоложе какъ разъ предшествовало отмѣненному теперь общему призыву ратниковъ второго разряда въ Лифляндской губерніи.

Что же касается графа Э. Э. Мантейфеля, то по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ онъ въ настоящее время находится гораздо далѣе Шведін...

25—29 февраля. Двѣ съ половиной недѣли германцы яростно атакуютъ передовыя укрѣпленія Вердена съ восточной стороны на правомъ берегу Мааса и французы отошли къ западу на 1—2 километра.

Характеръ обороны сразу перемѣнился, когда въ командованіе французскими войсками на этомъ фронтѣ вступилъ талантливый и энергичный генераль Петень. Оборона сразу сдѣлалась активной. Атаки германцами лѣса Корбо, Дуомона и Во кончились неудачей.

Открылся первый всероссійскій сельско-хозяйственный съѣздъ. Намъ не удалось присутствовать на этомъ засѣданіи и не удалось послушать нѣмцелюбовъ господъ Бородаевскаго и Туганъ-Барановскаго.

По словамъ рецензента „Новаго Времени“ таковы ихъ лейбъ-германскіе напѣвы: 1).

„Помощникъ управляющаго отдѣломъ торговли г. Бородаевскій прочиталъ обширный докладъ о будущемъ торговомъ договорѣ съ Германіей. Быть можетъ, въ пожаръ кровавой войны съ Нѣмцами самая тема о мирной торговлѣ съ ними была немножко несвоевременной. Какъ-то странно было слушать разсужденія виднаго министерскаго чина о необходимости поставить Германію въ положеніе „наиболѣе благопріятствуемой“ державы, потому что сердца всѣхъ русскихъ гражданъ подъ гнетомъ кровавыхъ ужасовъ дѣющейся боини трепещутъ совсѣмъ не благопріязненными чувствами къ Нѣмцамъ. Вѣроятно, г. Бородаевскій вовсе не пацифистъ и не германофилъ, а только самый исправный начальникъ ввѣреннаго ему отдѣла, но такъ какъ герма-

1) „Нов. Вр.“ 27 февр. с. г.

нофильскія теченія въ нѣкоторыхъ сферахъ у насъ очень сильны и рѣзко расходятся съ настроеніемъ общества, то къ его докладу аудиторія отнеслась чрезвычайно холодно и даже почти подозрительно. Въ своей отвѣтной рѣчи онъ самъ счелъ необходимымъ оправдываться отъ подозрѣнія въ официальномъ происхожденіи доклада, просилъ видѣть въ прочитанномъ съ трибуны не какое-нибудь вѣдомственное внушеніе, но только личное сужденіе частнаго лица. Слушателямъ было пріятно узнать, что они выслушали не министерскую декларацию, а только свободное мнѣніе независимаго въ убѣжденіяхъ столоначальника, но такъ какъ самый тонъ доклада все-таки пришелся имъ не по душѣ, то они проводили оратора гробовымъ молчаніемъ.

Вотъ тезисы г. Бородаевского въ его собственномъ изложеніи:

Задачи войны для Германіи—стремленіе къ экономическому преобладанію; задачи войны для Россіи—обеспеченіе нашей странѣ экономической независимости.

Уничтоженіе, либо чрезмѣрное униженіе Германіи, воплотивъ достижимыя при желаніи, не составляютъ предмета стремленій Россіи и ея сельскихъ хозяевъ.

Если бы построеніе нашихъ внѣшнихъ экономическихъ отношеній на принципахъ изолированія Германіи оказалось недостижимымъ, то будущій торговый договоръ съ Германіей долженъ былъ бы покоиться на принципахъ наибольшаго благопріятствованія.

— Изолированіе Германіи,—пояснилъ ораторъ,—означаетъ искусственное возведеніе между ею и нами стѣны. Допустимо ли это для Россіи, и особенно для нашего сельскаго хозяйства? Россія вывозила въ Германію послѣдніе годы на сумму полмилліарда рублей, т. е. $\frac{1}{3}$ всего русскаго экспорта. Слѣдовательно, возводитъ такую стѣну между нами и Германіей трудно. Гдѣ найдутъ наши хозяева другой такой же крупный рынокъ? Если масло, яйца и ленъ найдутъ сбытъ въ Англію и Францію, то лѣсъ, овесъ, пшеница и особенно ячмень находятся въ другихъ условіяхъ.

Если бы наши хозяева въ своихъ политическихъ построеніяхъ руководствовались своими шкурно-классовыми интересами, они послѣ доклада г. Бородаевского сразу сдѣлались бы горячими германофилами. Въ дѣйствительности же рѣчи оппонентовъ доказали, что вся политическая психологія сельскихъ хозяевъ не имѣетъ ничего общаго съ психологіей вѣдомственныхъ ораторовъ и что настоящая

Россія дышитъ совсѣмъ не тою атмосферою, какая образовалась въ нѣкоторыхъ, давно не провѣтриваемыхъ, канцеляріяхъ.

Г. Шульцъ нашель, что съ такимъ докладомъ г. Бородаевскому умѣстнѣе было бы выступать не въ собраніи сельскихъ хозяевъ, а въ собраніи промышленниковъ. Особенно не тактичнымъ является 10-й тезисъ, въ которомъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что нашему врагу—Германіи нельзя предоставлять большихъ льготъ, чѣмъ нашимъ союзникамъ. Въ публичныхъ выступленіяхъ слѣдуетъ больше считаться съ особыми условіями историческаго момента.

Проф. Туганъ-Барановскій всецѣло присоединяется къ тезису о неприемлемости экономической изоляціи Германіи, какъ главнаго рынка сбыта нашихъ продуктовъ. Изолированіе Германіи равносильно уничтоженію русскаго сельскаго хозяйства.

Петроградскому обывателю невозможно найти подходящихъ для печати выраженій, которыми бы можно оттѣнить слѣдующія слова помощника управляющаго отдѣла торговли г. Бородаевскаго: *Уничтоженіе, либо чрезмѣрное униженіе Германіи, вполне достижимое при желаніи, не составляютъ предмета стремленій Россіи и ея сельскихъ хозяевъ.*

Какую надо было имѣть смѣлость, если не сказать болѣе, представителю вѣдомства господину Бородаевскому съ кафедры собранія перваго Всероссійскаго сельскохозяйственнаго съѣзда заявить, что уничтоженіе Германіи не составляетъ предмета стремленій Россіи и это сдѣлать въ то самое время, когда наглости и подлости Германіи, во всѣхъ смыслахъ, достигли своего апогея.

Удивительно также, что собраніе встрѣтило гробовымъ молчаніемъ слова господина Бородаевскаго. При подлежащихъ словахъ въ собраніяхъ нашихъ союзниковъ такое лицо встрѣтили бы свистками и предложили бы ему покинуть собраніе.

Еще задолго до войны много и много разъ петроградскому обывателю приходилось выслушивать усиленныя жалобы на то, что въ одномъ учрежденіи ипостраннымъ предпріятіямъ отдають предпочтеніе передъ русскими.

Вотъ какъ описывается гибель цеппелина во Франціи 8 февраля с. г.: „въ поведѣльникъ ¹⁾ вечеромъ автомобильный взводъ въ долину Ревиньи былъ насторожѣнъ. Фельдфебель Г., командовавшій имъ въ отсутствіи офицера, обратилъ вниманіе на сильную канонаду, доносившуюся съ фронта; онъ замѣтилъ, что шрапнели рвались преимущественно въ конусахъ свѣтовыхъ лучей, бросаемыхъ прожекторами, и изъ этого заключилъ, что стрѣляли по аэростату, открытому прожекторами; тотчасъ же имъ были приняты соотвѣтствующія мѣры: оба орудія, подъ значительнымъ угломъ возвышенія, были наведены въ томъ направленіи, въ которомъ, повидимому, двигался воздушный аппаратъ (еще не было извѣстно — какой); глаза всѣхъ были направлены въ небо въ лихорадочномъ ожиданіи; всѣ старались проникнуть въ темень и туманъ. Вдругъ канонирамъ показалось, что они среди облаковъ увидали темную массу, фельдфебель самъ навелъ орудіе и первый снарядъ — ракета, былъ выпущенъ. Онъ близко прошелъ отъ цеппелина и ярко освѣтилъ его. Тотчасъ всѣ люди взвода были на своихъ мѣстахъ, и закипѣла работа. Цеппелинъ былъ захваченъ въ тѣсную „вилку“, которая постепенно еще суживалась. Одинъ изъ снарядовъ зажегъ хвостовую часть дирижабля, но пожаръ почти тотчасъ потухъ. Наконецъ, хорошо направленный выстрѣлъ 75, мм. автомобильнаго орудія попалъ въ цѣль. Ясно было видно, какъ снарядъ снизу проникъ въ середину дирижабля и вышелъ на верхней поверхности его. Огонь тотчасъ распространился, и зрителямъ представилась фантастическая картина: языки пламени, выбивавшагося изъ дирижабля, стали лизать гондолу, поджигая масло и взрывая резервы съ бензиномъ. Легкое бѣлое пламя горящаго газа смѣшивалось съ тяжелымъ цвѣтнымъ огнемъ отъ масла и бензина; съ гондолы текли небольшіе ручейки пламени. Издали аэростатъ производилъ впечатлѣніе громаднаго огненнаго шара со всѣми свѣтовыми оттѣнками адскаго пламени. Очевидцы отказываются выразить словами трагической ужасъ этого зрѣлища. Въ этомъ пеклѣ, на высотѣ 2.000 метровъ, копошатся люди; освѣщеніе настолько яркое, что наблюдатели, находящіеся по сторонамъ дирижабля, могутъ различить движенія людей на немъ. Съ цеппелина начинаютъ выбрасывать снаряды, которые падаютъ прибли-

¹⁾ „Русск. Инв.“, № 54 с. г.

зительно, на одномъ и томъ же мѣстѣ—на томъ же, гдѣ позднѣе упалъ дирижабль—образуемая снарядами воронки такъ близки одна къ другой, что какъ бы образуютъ одну общую глубокую могилу, готовую принять погибающихъ.

Несмотря на сброшенный балластъ, паденіе дирижабля продолжается; однако оно совершается сравнительно медленно, и многіе очевидцы полагали, что паденіе цеппелина продолжалось 5 минутъ. Временами аппаратъ корчится подъ вліяніемъ пламени и, наконецъ, носовою частью устремляется внизъ и падаетъ на полъ въ 50 метрахъ отъ дуги, образуемой здѣсь желѣзною дорогою изъ Ревиньи и въ 100 метрахъ отъ общины Брабанъ-ле-Руа. Когда цеппелинъ былъ еще въ 500 метрахъ отъ земли, видно было, какъ одинъ человекъ изъ гондолы выбросился въ пространство. Аэростатъ горѣлъ такимъ яркимъ пламенемъ, что, несмотря на туманъ, его видѣли въ 20 километрахъ отъ мѣста катастрофы. Со всѣхъ сторонъ на автомобиляхъ сюда спѣшили офицеры штабовъ; квартировавшій по близости эскадронъ коңныхъ егерей карьеромъ прибылъ на мѣсто паденія и тотчасъ оцѣпилъ его, допуская внутрь круга только офицеровъ. Какъ только былъ потушенъ пожаръ, приступили къ осмотру представлявшаго кучу обломковъ цеппелина. Прежде всего были извлечены трупы экипажа, они были всѣ обожжены, скорчились отъ огня и походили на дѣтскіе трупы; всѣхъ труповъ извлечено 21; въ нѣкоторомъ разстояніи лежало тѣло выбросившагося изъ гондолы фельдфебеля; на немъ не видно было снаружи никакихъ поврежденій и даже на лицѣ и рукахъ ни малѣйшей царапины. На цеппелинѣ, помѣченномъ L. Z. 77, такимъ образомъ, было всего 22 человека; возможно, что подъ развалинами остались еще другія тѣла.

Среди чиновъ автомобильнаго завода господствовало радостное волненіе; многіе цѣловались; слишкомъ уже много горечи накопило въ французскихъ сердцахъ противъ дочныхъ бандитовъ, набѣги которыхъ вызвали столько жертвъ среди мирнаго населенія, женщинъ и дѣтей въ Парижѣ. Община Ревиньи почувствовала гордость при мысли, что на ея территоріи было уничтожено чудовище, грозившее населенію новыми жертвами; жители брали на память обломки цеппелина, что было имъ разрѣшено, съ твердою „рѣшимостью никому ихъ не уступать“. Это „нашъ цеппелинъ“, съ гордостью говорили они.

Еще тотчасъ послѣ послѣдняго налета на Парижъ газета „Matin“ назначила премію въ 25.000 франковъ летчику,

который собьетъ цеппелинъ, и 10.000 артиллеристамъ, которые подстрѣлятъ его. Такимъ образомъ, вторая премія нынѣ досталась автомобильному взводу.

Вторая половина февраля на западномъ нашемъ фронтѣ протекла въ столкновеніяхъ партій развѣдчиковъ, артиллерійской и ружейной перестрѣлкахъ, минной войнѣ и дѣйствіяхъ аэроплановъ. У болгарскаго города Варны погибъ отъ 5 непріятельскихъ подводныхъ лодокъ миноносецъ „Лейтенантъ Пушкинъ“.

На кавказскомъ фронтѣ армія генерала Юденича нещадно и неустанно преслѣдовала турокъ во всѣхъ направленіяхъ, при чемъ нами взяты г.г. Битлисъ, Биджаръ, Атине, Риза, Сенэ и Кериндъ.

Всѣ операціи, выполненныя командующимъ кавказской арміей, генераломъ Юденичемъ, отмѣчены перстомъ дивнаго военнаго таланта. Трудно сказать, какую изъ нихъ надлежитъ поставить выше, какой отдать преимущество. Дивны саракамышскія дѣянія, дивенъ штурмъ Эрзерума и дивно несравненное преслѣдованіе турокъ послѣ эрзерумскаго погрома.

Во всѣхъ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ невольно поражаетъ изумительное знаніе театра военныхъ дѣйствій и психологіи турецкихъ войскъ. Всѣ тѣ, повидимому недоступныя тропы, на крайнихъ горныхъ высяхъ, при двухсаженномъ снѣгѣ были еще въ мирное время тщательно изучены. И вообще подготовка всѣхъ операцій была обработана до послѣдняго гвоздя.

Планы всѣхъ трехъ операцій кажутся сначала повидимому крайне дерзкими, но, принимая во вниманіе ихъ тщательную подготовку, они являются вполне соответственными обстановкѣ.

Поражаетъ также необычайная связность дѣйствій всѣхъ отрядовъ кавказской арміи, раскинувшейся на громадномъ пространствѣ.

Награда генералу Юденичу за Эрзерумскую операцію выразилась въ слѣдующей формѣ:

Государь Императоръ, въ 15-й день сего февраля, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Командующему Кавказскою арміей, Генералу-отъ-Инфантеріи Николаю Юденичу орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-й степени въ воздаяніе отличнаго выполненія при исключи-

тельной обстановкѣ, блестящей боевой операци, завершившейся взятіемъ штурмомъ Деве-Бойнской позиціи и крѣпости Эрзерума ¹⁾).

Побѣда генерала Юденича сбила съ толку всю германскую стратегію и заставила ее повторить у Вердена тѣ же самыя отчаянныя массовыя лобовыя атаки, которыя предпринимали нѣмцы на Бзурѣ поздней осенью и зимой 1914 года.

Вотъ какъ, по свѣдѣніямъ нейтральной печати, это происходило въ Германіи. На счетъ умѣстности въ настоящее время наступательныхъ дѣйствій происходили крупныя недоразумѣнія не только между высшими начальствующими лицами, но даже и между главными квартирами германской и австрійской армій.

Фельдмаршалы Гинденбургъ и Макензенъ также стоятъ на разныхъ точкахъ зрѣнія. Въ то время какъ Гинденбургъ настаиваетъ на оборонительныхъ дѣйствіяхъ на всѣхъ фронтахъ, считая наступленіе опаснымъ и рискованнымъ, Макензенъ предлагаетъ рѣшительное наступленіе. Эрзерумскія событія привели эти разногласія къ опредѣленной формѣ. Недавно въ Берлинѣ состоялся верховный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ самого кайзера.

На этомъ засѣданіи присутствовали кронпринцы германскій и баварскій (съ англо-французскаго фронта), Гинденбургъ и Макензенъ (съ русскаго фронта) и другіе высшіе чины германской арміи. Австрійцевъ, венгерцевъ, болгаръ и турокъ на это совѣщаніе не пригласили. На этомъ совѣтѣ обсуждался вопросъ, какъ сгладить впечатлѣніе, произведенное потерей Эрзерума.

Болѣе всѣхъ кипятился германскій кронпринцъ, утверждая, что надо взять Верденъ и тѣмъ компенсировать Эрзерумъ. Гинденбургъ и Макензенъ были противъ. Они говорили, что осада Вердена потребуетъ еще войскъ, что на русскомъ фронтѣ, гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ, такъ какъ тамъ на пути нѣтъ крѣпостей, и что скорое достиженіе цѣли у Вердена гораздо слабѣе, чѣмъ на восточномъ фронтѣ и что неуспѣхъ у Вердена лишитъ армію того моральнаго подъема, который необходимъ при борьбѣ съ русскими. Несмотря на это кайзеръ согласился съ кронпринцемъ, и немедленная атака Вердена была рѣшена.

¹⁾ Русск. Инв., № 51 с. г.

Отъ прибывшаго недавно изъ Франціи я слышалъ слѣдующее о началѣ операцій у Вердена.

Французское высшее командованіе уже давно получало свѣдѣнія о перевозкѣ германцами войскъ, тяжелой артиллеріи и боевыхъ запасовъ къ французскому фронту. Для парирования готовящагося наступленія была сосредоточена за фронтомъ армія генерала Петена. Съ начала февраля германцы по всему французскому фронту вели частныя наступленія и открывали усиленный огонь.

Тихо было только на Верденскомъ фронтѣ, который обороняли территоріальныя и африканскія войска. Мнѣнія чиновъ французскаго генеральнаго штаба раздѣлились: одни полагали, что германцы атакуютъ англичанъ, другіе, полагали, что пунктомъ атаки будетъ Верденъ.

Мнѣніе послѣднихъ основывалось на томъ, что на развѣдкахъ выяснялось, что къ Верденскому участку германцы подвозили массу войскъ и громадное количество тяжелой артиллеріи и боевыхъ запасовъ. Въ резервъ къ Верденскому участку былъ назначенъ XX корпусъ, который былъ расположенъ въ 100 километрахъ къ ю.-з. отъ Вердена. Армія Петена могла быть перевезена только черезъ нѣсколько дней къ Вердену, и одна только желѣзнодорожная линія питала Верденъ.

8-го февраля германцы открыли ураганный огонь по Вердену и повели яростныя атаки массами войскъ, тройными и четверными силами. Полтора сутокъ длился бой; французы были принуждены отступать съ передовыхъ позицій. Къ этому времени у мѣстнаго начальства сложилось мнѣніе, что надо очистить правый берегъ Мааса и отступать къ Вердену. Дали знать въ штабъ Жоффра. Тотъ послалъ къ Вердену своего начальника штаба генерала Кастельно, который, осмотрѣвъ ночью позицію, отдалъ приказаніе удержаться во что бы то ни стало на Дуомонскомъ плато. Онъ приказалъ перевезти къ Вердену армію генерала Петена и поручилъ ему защиту Вердена. Были сосредоточены 4.700 грузовиковъ. На нихъ перевезъ Петенъ свою армію, свои боевые запасы и отстоялъ Верденъ.

1—10 марта. Намъ, русскимъ, надлежитъ основательно усвоить себѣ, что главный фронтъ міровой войны есть русскій фронтъ. И что сокрушеніе врага, сокрушеніе неприступности его позицій должно послѣдовать съ русскаго фронта.

Возможность овладѣнія, якобы неприступными германскими позиціями, при надлежащей артиллерійской подготовкѣ, и безъ особыхъ потерь, уже доказалъ еще въ концѣ октября прошлаго года на рижскихъ позиціяхъ Радко-Дмитріевъ, какъ это и было у насъ выяснено въ февральскихъ замѣткахъ. Излишнихъ иллюзіи и упованій ни на кого намъ возлагать не слѣдуетъ.

Окончательное политическое положеніе должно слагаться только при полномъ сокрушеніи боевого, политическаго и экономическаго состоянія Германіи. Иныхъ условій быть не можетъ.

Проливы и 100 верстная полоса по обѣ стороны отъ нихъ должны быть русскими владѣніями.

Греція, руководимая королевой Софіей, всегда будетъ намъ пакостить и никогда не выступитъ на нашей сторонѣ, пока Софія у власти.

Слѣдуетъ усвоить то положеніе, что Румынія выступитъ лишь только тогда, когда обнаружится наша полная побѣда и намъ ея содѣйствія будетъ не нужно.

Одинъ знакомый, извѣстный оперный артистъ предполагаетъ организовать артистическое турнэ, съ исполненіемъ русскихъ музыкальныхъ произведеній для завоеванія симпатій къ Россіи въ Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Шлемъ искреннія пожеланія къ осуществленію этого прекраснаго намѣренія.

Въ Новомъ Времени за № 14,366 напечатано описаніе мытарствъ въ Болгаріи М. И. Стребулаевой, жены нашего консула въ Скопліе.

Вотъ наиболѣе поучительныя для русскихъ мѣста этого описанія: „Болгары хвастались, что нѣмцы дадутъ Болгаріи всю Македонію, которую Россія ее лишила“.

Черезъ три дня послѣ ужасной дороги, ночевокъ въ

разоренныхъ деревняхъ и существованія впроголодь. мы прибыли на станцію Гюмеджи, откуда шель поѣздъ.

Пришелъ комендантъ станціи, высокій, черныи, озлобленный.

— Это вы русскій консулъ? Вотъ вамъ,—и онъ кинулъ почти въ лицо моему мужу документъ.—Вы спрашивали, когда идетъ поѣздъ? Вы знаете, что я могу арестовать васъ, какъ шпіона. Не разговаривать, а то я поговорю съ вами...

Онъ размахивалъ хлыстомъ, бранился съ пѣной у рта.

— Вы, русскіе, злодѣи, наши худшіе враги. Вы грязная сволочь! Можете ѣхать, но въ третьемъ классѣ, говорю вамъ, а былъ бы четвертый, такъ поѣхали бы въ четвертомъ...

Онъ подошелъ къ австрійцамъ, возмущенно смотрѣвшимъ на эту дикую сцену, и похлопалъ ихъ по плечу:

— Вотъ наши друзья. Вотъ молодцы. Мы любимъ ихъ. Вы, друзья мои, поѣдете въ первомъ классѣ.

Однако австрійцы преподали ему урокъ.

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ въ русскимъ консуломъ и его женой въ третьемъ классѣ,—сказалъ одинъ изъ нихъ твердо,—какъ ѣхали до сихъ поръ, и отказываемся отъ льготъ.

Бѣсноватый болгаринъ растерялся, закусилъ губы и вышелъ.

Состоявшій при насъ адъютантъ коменданта, Сиклуновъ, не пропускалъ случая поиздѣваться надъ нашимъ положеніемъ.

Пользуясь тѣмъ, что мы плѣнные, онъ высказывалъ самыя необоснованныя и ужасныя обвиненія относительно самыхъ дорогихъ русскому сердцу лицъ. Онъ бранилъ русскихъ, насмѣхался надъ неудачами и цинично говорилъ: Русскіе не хотѣли намъ дать Македонію, теперь русскіе военноплѣнные построятъ за насъ дорогу въ Царьградъ.

— Русскіе никогда не побѣдятъ,—говорилъ онъ въ другой разъ,—пока у васъ будутъ нѣмцы всюду. Вы говорите: они высланы въ Сибирь. Пустяки, у васъ воздѣ хозяйничаютъ нѣмцы: и будетъ то, что они захотятъ. Россія грозитъ наказать насъ за измѣну. Нѣмцы заключаютъ миръ, а мы съ русскими помиримся: они до глупости неалобивы.

Нашъ адъютантъ, вступавшій иногда со мной въ политическія бесѣды, кричалъ:

— Мы побѣдимъ, мы и нѣмцы разобьемъ Россію. Она въ лицѣ Александра II и спасала-то насъ, потому что мечтала увеличить свою территорію. Россія всегда была и близорука, и глупа, всегда была подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, и ей ли

сладить съ нѣмцами. Они—знають, какъ заставить ее просить мира.

Знаменитый германскій адмиралъ Тирпицъ, создатель германскаго флота, уволенъ въ отставку.

Тирпицъ предъявилъ ультиматумъ Бетманнъ-Гольвегу: „разрѣшить подводнымъ лодкамъ топить безъ разбора всѣ суда нейтральныхъ странъ, или онъ уходитъ въ отставку“.

На это канцлеръ заявилъ, что принятіе условій Тирпица равносильно объявленію войны всему свѣту.

Созванъ былъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ кайзера.

Бетманнъ-Гольвега поддержали престарѣлый фельдмаршалъ Гезелеръ и Фалькенгайнъ. Кайзеръ тщетно пытался уговорить Тирпица отказаться отъ рискованной затѣи. Тирпицъ упорно стоялъ на своемъ.

Кайзеру не оставалось выбора, и пришлось принять отставку Тирпица.

„Новое Время“ приводитъ замѣтку, насколько яростно относится къ законопроекту о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ лидеръ кадетской партіи Милюковъ¹⁾:

„Прекрасно велъ себя г. Милюковъ въ комиссіи по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Запросъ, выработанный подкомиссіей правительству о маріенбургскомъ госпиталѣ, Милюковъ совѣтовалъ предать забвенію, такъ какъ административныя лица, виновныя въ нѣмецкомъ попустительствѣ, уволены. Этимъ г. Милюковъ вводитъ прекрасный прецедентъ для будущаго: смѣняется должностное лицо,— и все значитъ въ порядкѣ: запросовъ никакихъ быть не можетъ. Въ вопросѣ, какъ быть съ торгово-промышленной подкомиссіей, предсѣдателемъ которой былъ Хвостовъ, который теперь отвлеченъ своими служебными дѣлами, г. Милюковъ предложилъ тоже простой выходъ: закрыть подкомиссію. По вопросу же о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, внесенному въ Гос. Думу въ августѣ мѣсяцѣ, Милюковъ поступилъ еще проще: во время голосованія перваго пункта законодательнаго предположенія демонстративно вышелъ изъ засѣданія подкомиссіи. При голосованіи же вопроса: распространять ли ликвидацію земельныхъ владѣній нѣмцевъ на всю Имперію или нѣтъ, онъ голосовалъ вмѣстѣ съ депутатомъ Масленниковымъ противъ

¹⁾ 6 марта с. г.

этого распространения. Вотъ истинный другъ русскихъ нѣмцевъ, и жизнеописание г. Милюкова и всѣхъ присныхъ его, надо полагать, войдетъ во всѣ нѣмецкія хрестоматіи, будетъ переведено на русскій языкъ, и съ Божіей помощью, какъ это не разъ бывало, будетъ одобрено ученымъ комитетомъ для нашихъ гимназій“.

Петроградскій обыватель убѣжденъ, что мы разгромимъ сначала австрійцевъ, а затѣмъ и германцевъ, но нисколько не увѣренъ въ успѣхѣхъ борьбѣ противъ нѣмецкаго засилья и въ какой бы то ни было побѣдѣ надъ прибалтійцами. Вопросъ этотъ остается на мертвой точкѣ, и его сдвинуть съ мѣста не придется. И вотъ почему. Заполненные прибалтійцами вліятельные посты разныхъ министерствъ, торговыхъ и акціонерныхъ предпріятій, а также Россійскіе нѣмцелюбы неизмѣнно вставляли палки въ ту колесницу, на которой значится надпись „борьба съ нѣмецкимъ засильемъ“. Нынѣ имъ явился надежнымъ союзникомъ нашъ прогрессивный блокъ.

Ни для кого не тайна, что въ Государственной Думѣ кадетская партія и ея лидеръ Милюковъ играетъ вліятельную роль и ихъ усиліями былъ сформированъ прогрессивный блокъ, на платформѣ коего не значилась надпись „борьба съ нѣмецкимъ засильемъ“. Лейбъ-мотивомъ къ этому послужило то обстоятельство, что не надо возстановлять одну народность противъ другой, умышленно забывая, что мы воюемъ теперь съ нѣмцемъ и нѣмецъ нашъ настоящій врагъ, а по мнѣнію блокистовъ это засилье устранится само собою. Въ свое время, въ своихъ замѣткахъ, мы уже указывали на это явленіе, которое по достоинству будетъ оцѣнено нелицепріятнымъ судомъ исторіи. Нынѣ же, чувствуя за собой такую могущественную поддержку, прибалтійцы и Россійскіе нѣмцелюбы полѣзли на кафедры Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и начали поучать оттуда легковѣрныхъ Россіянъ, какъ поступать съ вопросомъ о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Главными іезуитскими напѣвами всѣхъ этихъ рѣчей было то, что нѣкоторые печатные органы все преувеличиваютъ, что не надо натравлять одну народность на другую, что проступокъ одного лица не есть проступокъ цѣлой народности, и прочая и прочая и прочая.

При чемъ гг. прибалтійцы, упоминая постоянно о своей лояльности, о службѣ, раненіи и смерти въ войскахъ російскихъ, ни единого слова не сказали въ опроверженіе того, что братья, племянники и дѣти прибалтійцевъ служатъ въ германскихъ войскахъ, получаютъ тамъ раненіе и смерть отъ русскихъ пуль, снарядовъ, русскихъ штыковъ и сабель.

Это обстоятельство будетъ правильнымъ приговоромъ исторіи надъ всѣмъ прибалтійскимъ вопросомъ.

Особенно поражаетъ петроградскаго обывателя въ настоящей сессіи Государственной Думы, когда прогрессивный блокъ достигъ апогея своего вліянія, это отношеніе къ извѣстному борцу противъ нѣмецкаго засилія князю Мансыреву. Послѣ его рѣчи послѣдовали по отчетамъ „Новаго Времени“ 2 марта аплодисменты на отдѣльныхъ скамьяхъ, а по отчетамъ „Русскаго Слова“ 2 марта—аплодисменты справа. Налѣво гробовое молчаніе. Вотъ какъ большинство Государственной Думы относится къ вопросу о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ. Въ то же самое время рѣчь барона Мейендорфа по этому вопросу заканчивается рукоплесканіями слѣва. („Нов. Вр.“ отъ 9 марта).

Особаго сочувствія въ Г. Думѣ не встрѣчаетъ также рѣчь извѣстнаго борца противъ нѣмецкаго засилья Гольдмана, извѣстнаго организатора латышскихъ баталіоновъ, такъ блистательно сражающихся на рижскомъ фронтѣ.

Отсюда происходитъ чудовищное явленіе: князь Мансыревъ, не встрѣчая сочувствія въ Г. Думѣ, ѣздитъ по Россіи и читаетъ лекціи противъ нѣмецкаго засилья, разумѣется, встрѣчая неизмѣнныя препоны отъ предержавшихъ прибалтійцевъ.

Изъ всѣхъ рѣчей въ Государственной Думѣ наиболѣе характерной была рѣчь кадета, барона Мейендорфа въ защиту прибалтійцевъ и нѣмецкихъ колонистовъ, и его отвѣты князю Мансыреву и Гольдману.

Основная мысль барона была та же, какъ и всѣхъ кадетовъ и всего прогрессивнаго блока, что разъ существуетъ въ странѣ острая антипатія, острая вражда и острая подозрительность, то не слѣдуетъ натравлять одну народность

на другую, и что всѣ партіи въ взаимныхъ отношеніяхъ должны дѣлать взаимныя уступки ¹⁾).

Общую часть рѣчи съ указаніемъ, какъ надо поступать Россіи въ борьбѣ съ нѣмецкимъ засиліемъ, баронъ Мейендорфъ заканчиваетъ такъ:

„Вопросъ въ настоящую минуту заключается въ томъ, что если широкіе слои русскаго общества проникнуты чувствомъ недовѣрія, то всѣ ли способы борьбы допустимы безъ исключенія. Каковы должны быть средства борьбы съ этимъ засиліемъ, которыя могутъ быть совмѣщены съ понятіемъ государства, съ другой стороны—съ понятіемъ христіанскаго государства и, наконецъ, съ задачами цѣлесообразности. Переставая бросать другъ другу упреки въ тайномъ германофильствѣ, вы, господа, дойдете до болѣе удовлетворительнаго выхода, если будете ограничивать свои споры, какимъ способомъ надлежитъ бороться“.

Значитъ, по мнѣнію барона, въ то самое время, когда въ войнѣ съ нами германцы проявляютъ всевозможныя, неслыханныя доселѣ по своему адскому злодѣянію, средства, Россія, внутри у себя, для борьбы съ нѣмецкимъ засиліемъ: а) не можетъ допускать всѣхъ безъ исключенія способовъ борьбы, б) допускать для борьбы съ нѣмецкимъ засиліемъ только тѣ средства, которыя могутъ быть совмѣстны съ понятіемъ христіанскаго государства; в) перестать бросать другъ другу упреки въ германофильствѣ и ограничить свои споры.

Въ общемъ мы не должны и не имѣемъ права внутри Россіи бороться противъ нѣмецкаго засилья всѣми средствами.

Относительно ликвидаціи колонистскаго движенія баронъ Мейендорфъ полагаетъ: „что тѣ два указа, съ которыми у насъ подошли къ разрѣшенію этого вопроса“, „не заключаютъ въ себѣ такіе элементы, которые не могутъ украшать гражданъ нашего русскаго законодательства“.

Относительно провинившихся колонистовъ Мейендорфъ полагаетъ, что они заслуживаютъ строгой кары, затѣмъ баронъ обращается къ Государственной Думѣ съ просьбой о колонистахъ-нѣмцахъ: „моя просьба заключается въ томъ, чтобы эти колонисты, куда бы они ни были высланы, пользовались тѣми же выгодами и пособіями, которыя даются эвакуируемымъ жителямъ другихъ мѣстностей, т.-е. чтобы они включались въ списки лицъ, получающихъ по-

¹⁾ „Нов. Вр.“, 3 марта с. г.

собіе ¹⁾“. Это надо дѣлать для тѣхъ колонистовъ, которые, по нашему мнѣнію, считаютъ своимъ фатерландомъ Германію.

Князь Мансыревъ въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ, что депутатъ Государственной Думы отъ Лифляндской губ. былъ оштрафованъ губернаторомъ за демонстративный разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ, а когда князя спросили, кто это, онъ отвѣтилъ—баронъ Энгельгардъ.

Обмѣнъ мнѣній по этому поводу принялъ нѣсколько юмористическій характеръ, который пришлось занести въ свои замѣтки обывателю.

Возражая князю Мансыреву по этому поводу, баронъ Мейендорфъ сказалъ:

— Баронъ Энгельгардъ во время войны былъ оштрафованъ за разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ въ публичномъ мѣстѣ. Это вѣрно, но разговоръ этотъ происходилъ съ охотничьей собакой, которая была воспитана до войны и перемѣны клички для нея еще не было. Какъ вамъ извѣстно, охотники часто говорятъ съ своими собаками на иностранныхъ языкахъ ²⁾.

На это разъясненіе барона латышскій депутатъ И. П. Залитъ въ засѣданіи 8 марта отвѣтилъ такимъ образомъ:

— Заявленіе барона Мейендорфа собакѣ,—заявляетъ Залитъ,—напомнило мнѣ старое изреченіе Фридриха Великаго: „Я разговариваю съ Богомъ на латинскомъ, съ дамами—на французскомъ, а съ лошадью и съ собакой—на нѣмецкомъ языкѣ“.

Вообще, по словамъ латышскаго депутата, собаки въ Прибалтійскомъ краѣ съ самаго начала войны играютъ какую-то странную роль.

— Мнѣ вспоминается,—говоритъ Залитъ,—другая собака, которая въ 1914 году, по объявленіи нынѣшней войны, въ той же Лифляндской губерніи поднялась на заднія лапы и сорвала расклеенный экземпляръ официальнаго объявленія властей. Сначала думали, что это сдѣлалъ собственникъ животнаго, но, какъ потомъ оказалось, объявленіе не повредилось самой собакѣ ³⁾.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 марта с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 2 марта.

³⁾ „Русское Слово“ 9 марта.

Интересенъ былъ также, между прочимъ, обмѣнъ мнѣній барона Мейендорфа съ княземъ Мансыревымъ по поводу барона Георга фонъ-Мантейфеля, а также съ Я. И. Гольдманомъ.

Князь Мансыревъ сказалъ слѣдующее:

„Въ январѣ мѣсяцѣ въ газетѣ „Berliner Tageblatt“ появилась корреспонденція изъ Курляндіи, въ которой авторъ высмѣивалъ житье-бытье освобожденныхъ отъ русскаго варварства бароновъ. Эта корреспонденція возмутила столпа прибалтійскаго дворянства бар. Георга фонъ-Мантейфеля, и въ отвѣтной корреспонденціи онъ пишетъ: „Берлинская газета издѣвается надъ курляндцами, забывая услуги ихъ нѣмецкому дѣлу, а между тѣмъ эти курляндцы еще во время революціи въ 1905 г. приступили къ заселенію нѣмецкими колонистами и рабочими изъ Германіи своихъ земель. Не ихъ вина, что это колонизаціонное движеніе приостановлено. Тѣ же самые курляндцы, которые живутъ будто бы только интересами желудка, учредили съ нѣмецкихъ обществъ, въ которыхъ было 10 тыс. членовъ, которые устраивали школы, спасшія не одного курляндца отъ измѣны своему нѣмецкому народу. Наши женщины собирали сотни тысячъ рублей для колонистовъ и для распредѣленія ихъ между жертвами русскаго фанатизма и варварства. Многія изъ этихъ женщинъ сосланы за такое рвеніе служенія нѣмецкому дѣлу въ отдаленные края, въ восточную Россію и даже въ Сибирь. Всѣ сословія были объединены однимъ идеаломъ—сохраненіемъ нѣмечества въ прибалтійскихъ земляхъ. Можетъ быть, курляндцамъ жилось привольнѣе, чѣмъ нѣмцамъ жилось въ Германіи, но это потому, что борьба за существованіе въ Прибалтійскомъ краѣ была легка — балты не такъ требовательны въ смыслѣ роскоши и излишества. Остзейскіе нѣмцы меньше работали, но столько же зарабатывали, если они задерживали реформы въ городскомъ и земскомъ самоуправленіяхъ края, то только потому, что всякая реформа могла способствовать обрусѣнію“ 1).

На это баронъ Мейендорфъ отвѣтилъ:

„Наибольшее ваше вниманіе остававалось, вѣроятно, цитированное. правда, съ нѣкоторыми неточностями, письмо

1) „Нов. Вр.“ 2 мар. с. г.

барона Мантейфеля, появившееся въ германскомъ органѣ „Берлинеръ Тагеблаттъ“. Этою цитатою, которая содержитъ въ себѣ, я скажу, почти убійственное осужденіе настроенія прибалтійскихъ нѣмецкихъ дворянъ, онъ долженъ былъ конечно поколебать въ васъ всякое чувство довѣрія къ нѣмецкому элементу. И въ газетахъ было подчеркнута, когда это письмо въ русскомъ переводѣ появилось, что его слѣдуетъ преподнести барону Мейендорфу на веленовой бумагѣ, дабы онъ могъ убѣдиться, каковы дѣйствительно чувства тѣхъ лицъ, которыхъ онъ изображаетъ совершенно иначе.

По поводу этого письма даже въ той формѣ, въ которой оно, дѣйствительно, появилось, и безъ тѣхъ все-таки характерныхъ измѣненій въ русскомъ переводѣ, я долженъ сказать, что возлагать за это письмо отвѣтственность на все сословіе прибалтійскихъ дворянъ невозможно. Мнѣ извѣстно, что авторъ этого письма—человѣкъ молодой, приблизительно 26 лѣтъ, учившійся въ германскомъ университетѣ, даже среди своихъ товарищей-земляковъ вызывалъ уже столкновенія въ самой Митавѣ до войны, высказывая свои взгляды. Едва-ли можно взгляды этого человѣка, не занимавшаго никакого общественнаго положенія, считать компрометирующими для всего сословія ¹⁾“.

Петроградскій обыватель можетъ къ этому прибавить, что изліянія подобныя письму барона Мантейфеля о настроеніи прибалтійцевъ были выражены еще въ болѣе сильной формѣ въ лекціяхъ прибалтійца Сильвіо Бредрика въ Берлинѣ и другихъ городахъ и воспроизведены во многихъ нѣмецкихъ газетахъ и брошюрахъ, а также въ книгѣ барона Энгельгарда: *Die deutschen Ostseeprovinzen Russlands*“

Я не буду приводить всей рѣчи извѣстнаго знатока прибалтійскихъ порядковъ, извѣстнаго латышскаго патріота Я. И. Гольдмана. Онъ между прочимъ охарактеризовалъ патріотическое настроеніе латышей, отстаивающихъ свою родину противъ германцевъ, однимъ словомъ „латышскіе баталіоны“ и затѣмъ сказалъ о борьбѣ противъ Германіи въ Россіи и Прибалтійскомъ краѣ такъ: „о дѣятельности земствъ мы все знаемъ, а о дѣятельности нашихъ гордыхъ прибалтійскихъ ландтаговъ ничего не слышно“.

Мы не будемъ приводить подробности рѣчи барона Мейендорфа противъ Гольдмана и укажемъ только ея

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 марта.

конецъ, который, по нашему мнѣнію, имѣетъ характеръ угрозы:

— Я прошу, — замѣчаетъ Мейендорфъ, — члена Думы Гольдмана не столь уже усердствовать въ своихъ нападкахъ, ибо онъ слишкомъ натягиваетъ струны. Онъ не долженъ забывать, что въ русскомъ обществѣ есть элементы, которые не выдержатъ долго этого напора ненависти. И если въ началѣ войны могло казаться, что наибольшимъ патриотомъ является тотъ, кто сильнѣе всѣхъ ненавидитъ нѣмцевъ, то, можетъ-быть, въ настоящее время у многихъ возникаетъ вопросъ: дѣйствительно ли ненависть къ нѣмцамъ является единственнымъ и безусловнымъ мѣриломъ любви къ Россіи? Нужно уважать русское общественное мнѣніе ¹⁾.”

Вотъ что значитъ сознавать силу прогрессивнаго блока.

Развѣ послѣ всего выше приведеннаго о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ нельзя не считать поставленной надъ этимъ вопросомъ мертвую точку.

11 марта. Въ то самое время, когда бои у Вердена развиваются въ грандіозную операцію, нѣмецкая печать, для отвода глазъ, печатаетъ такія утки:

Въ среднихъ числахъ марта ожидается пріѣздъ въ Вильну Вильгельма, который прибудетъ, какъ усиленно распускаютъ слухи нѣмцы, для руководства какими-то серьезными операціями на виленскомъ фронтѣ. Къ пріѣзду кайзера берлинской тайной полиціей производится усердная „чистка“ города отъ „подозрительныхъ“ элементовъ. Ежедневно изъ Вильны выселяется по нѣскольку сотъ обывателей. Изгнанникамъ предложено селиться въ Радомской и Ломжинской губерніяхъ ²⁾.

Видимо, что комиссія Государственной Думы весьма заботится о матеріальныхъ интересахъ нѣмецкихъ колонистовъ, какъ это видно изъ прилагаемой статьи „Новаго Времени“:

¹⁾ „Русск. Сл.“, 9 марта.

²⁾ „Нов. Вр.“ 11 марта.

Согласно правиламъ 18 декабря 1915 года, Крестьянскій банкъ, расплачиваясь съ нѣмцами за пріобрѣтенныя отъ нихъ земельныя имущества, долженъ былъ выдавать имъ 4½-процентныя именные обязательства, съ уплатою по нимъ капитала не позднѣе 25 лѣтъ со дня выдачи. Комиссія же Гос. Думы постановила, во-первыхъ, сократить предѣльный срокъ уплаты капитала, и во-вторыхъ,—что болѣе всего странно,—увеличить доходность именныхъ обязательствъ до 5½ процентовъ, приравнявъ ее такимъ образомъ къ доходности билетовъ послѣднихъ внутреннихъ военныхъ займовъ.

Для того, чтобы понять, какіе отсюда произойдутъ результаты, необходимо имѣть въ виду, что заемщики Крестьянскаго банка, которымъ будутъ впоследствии предоставлены пріобрѣтенныя имъ нѣмецкія имущества, будутъ вносить, по общему правилу, всего 4½ проц., и, слѣдовательно, для уплаты нѣмцамъ дохода по именованнымъ обязательствамъ, банкъ долженъ будетъ ежегодно приплачивать одинъ процентъ, что, при общей миллиардной суммѣ обязательствъ, составитъ около 10 милліоновъ ежегоднаго оброка, который русское государство обяжется платить нѣмецкимъ колонистамъ за то, что, въ свою очередь, заставило ихъ продать захваченныя ими русскія земли.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько вообще справедливо предоставлять нѣмцамъ доходъ, одинаковый съ тѣмъ, какой былъ опредѣленъ въ цѣляхъ успѣха нашихъ военныхъ займовъ, и который находитъ оправданіе въ томъ, что имъ воспользуются люди, принесшіе свои сбереженія на обще-государственное дѣло, можно было бы еще обратить вниманіе лишь на то, что этотъ доходъ оказывается чрезмѣрнымъ, даже если судить о немъ съ чисто житейской точки зрѣнія. Именно, въ связи съ войною, и, главнымъ образомъ, съ той же ликвидаціей нѣмецкаго землевладѣнія, во многихъ южныхъ губерніяхъ наблюдается въ настоящее время значительное паденіе арендныхъ цѣнъ, которыя доходятъ порою до размѣра вчетверо меньшаго, нежели было передъ наступленіемъ войны. По окончаніи ея онѣ поднимутся вновь не скоро и не сразу, такъ какъ для арендаторовъ изъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ откроется широкая возможность устроиться на бывшихъ колонистскихъ земляхъ черезъ посредство Крестьянскаго банка,—а земли эти, нужно замѣтить, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Одесскомъ

уѣздѣ, Херсонской губерніи, составляютъ почти три четверти всей площади частнаго владѣнія. Доходность земли окажется, такимъ образомъ, весьма низкой, и ее понизить еще, въ свою очередь, какъ установленіе общаго подоходнаго налога, такъ и постоянно увеличивающееся своимъ порядкомъ земельное обложеніе. Въ итогѣ русскіе владѣльцы едва-ли будутъ пользоваться болѣе чѣмъ 4½-процентной доходностью своихъ земель, и, пожалуй, съ завистью станутъ взирать на бывшихъ колонистовъ, которые окажутся въ гораздо болѣе выгодномъ матеріальномъ положеніи!

Вотъ къ чему могутъ иногда привести чрезмѣрно отвлеченныя разсужденія на тему о „справедливомъ“ вознагражденіи и „справедливыхъ“ оцѣнкахъ.

„Вечернее Время“ устами своего сотрудника г-на Хаваза приводитъ интересное стихотвореніе „Думскій баронъ 1)“:

Какъ нынѣ собирается думскій баронъ
 Помочь родовитымъ баронамъ,
 И съ думской трибуны, отвѣсивъ поклонъ,
 Довѣрчивымъ думцамъ нотацію онъ
 Читаетъ внушительнымъ тономъ...
 Стремителенъ духомъ, но вѣжливъ и тихъ,
 Коварную тему затронувъ,
 Баронъ превозноситъ собратьевъ своихъ,
 Курляндскихъ, лифляндскихъ и всякихъ другихъ
 Остзейскаго края бароновъ.
 —Какая ошибка,—старается онъ,—
 Считать ихъ врагами Россіи!
 Въ славянскомъ народѣ остзейскій баронъ—
 Какъ въ жгучей крапивѣ махровый піонъ,
 Какъ разумъ въ бездушной стихіи!
 Въ остзейскомъ баронѣ Россіи оплотъ;
 Его лишь умомъ и талантомъ
 Для блага бароновъ она расцвѣтетъ,
 Въ нѣмецкой культурѣ спасенье найдетъ
 И станетъ вторымъ фатерландомъ!
 Но если бароны, встрѣчая вражду,
 Покинутъ предѣлы Россіи,

1) „Веч. Вр.“ 11 марта 1916 г.

Она затрепещетъ, какъ грѣшникъ въ аду;
 Для русской культуры, попавшей въ бѣду,
 Наступятъ часы роковыя!..—
 Такъ съ думской трибуны текутъ, какъ рѣка,
 Обильныя рѣчи барона.
 Задача барона, увы, не легка,
 Но добрыя думцы, зѣвая слегка,
 Киваютъ ему благосклонно.
 Ихъ мягкія души растрогалъ баронъ;
 Имъ сдѣлалось жалко бѣднягу;
 И взоръ Милюкова слезой увлажненъ,
 И съ жаромъ клянется содѣйствовать онъ
 Остзейско-баронскому благу!..
 Но въ этомъ, читатель, мудренаго нѣтъ:
 Почтеніе къ нѣмцамъ питая,
 И имъ подражая съ младенческихъ лѣтъ,
 Мы видимъ лекарство отъ всяческихъ бѣдъ
 Въ баронахъ Остзейскаго края!
 Вотъ если бы русскій, полякъ иль латышъ
 Явился въ нѣмецкомъ рейхстагѣ
 И вздумалъ, нарушивъ цензурную тишь
 И дерзко колебля нѣмецкій престижъ,
 О русскомъ заботиться благъ.—
 Тогда бы скандалъ разразился кругомъ;
 Рейхстагъ запылалъ бы, какъ кратеръ,
 И дерзкій смѣльчакъ подъ всеобщій содомъ
 Едва-ли съ трибуны сошелъ бы орломъ,
 Какъ думскій остзейскій ораторъ!

Одна французенка рассказывала, что герой Вердена, генералъ Петенъ, потому такъ слабо подвигался въ чинахъ, что былъ въ фаворѣ при правительствѣ Комба, считавшаго его ревностнымъ католикомъ. Петенъ началъ войну въ чинѣ полковника. Нынѣ, этотъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ генералъ отличается особой религіозностью. Когда у него бываетъ свободное отъ службы время, то онъ посвящаетъ его молитвѣ и очень часто пріобщается. Подчиненные его обожаютъ.

12—15 марта. Въ „Вечернемъ Времени“ напечатано поучительное сообщеніе г. А. О.¹⁾ о томъ, какъ нѣмцы точно знаютъ, какъ у насъ во время войны развивается химическая промышленность. Вотъ эти замѣчательныя строки:

Проф. Погодия въ одной изъ московскихъ газетъ изумляется.

Кто-то изъ его товарищей по университету, профессоръ химіи, рассказалъ, что онъ прочелъ въ нѣмецкой химической газетѣ подробное сообщеніе о развитіи нашей химіи во время войны и объ участіи въ этомъ дѣлѣ военно-промышленныхъ комитетовъ.

Газета эта — „Chemiker Zeitung“, популярная, назойливая, юркая, повсюду проникающая газета. Въ этой газетѣ не только приводится сообщеніе о развитіи нашей химической промышленности, но и свѣдѣнія, зачастую изумительно подробныя о различныхъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ той или иной области химіи, металлургіи и примѣненіи электричества къ химической и металлургической промышленности.

Этимъ занимается, впрочемъ, не одна „Chemiker Zeitung“, но и солидный журналъ „Berichte der Deutsch-Chem. Gesellschaft“. Къ августовскому и сентябрьскому выпускамъ этого журнала были приложены „французское“ и „англійское“ приложенія, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія о новыхъ работахъ Тюрпена, Готтѣрса и другихъ ученыхъ и практиковъ.

Кто могъ сообщить врагу такія свѣдѣнія? Зачѣмъ?— задается тревожнымъ вопросомъ проф. Погодия.

Сообщаютъ нѣмцы, количество которыхъ не уменьшилось, особенно у насъ. Всѣ эти „дельбрюкковскіе пруссаки“, двуподданные нѣмцы, носящіе русскіе чины и титулы и въ то же время заботящіеся о своихъ братьяхъ и сыновьяхъ, сражающихся въ рядахъ германской арміи, свое дѣло дѣлаютъ, какъ дѣлали его и до войны. Пангерманскій союзъ, по сообщенію Андре Барра, имѣетъ въ 24 крупныхъ русскихъ городахъ свои отдѣленія, состоящія подъ предсѣдательствомъ вліятельныхъ лицъ, пользующихся кредитомъ и при берлинскомъ дворѣ.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 12 марта с. г.

Кто разоблачилъ въ Россіи этихъ лицъ? Не пожимали ли мы имъ руку еще сегодня? Не сидѣли ли они рядомъ съ нами, когда мы обсуждали дѣятельность нашей химической промышленности, оцѣнивали новое изобрѣтеніе?

Приходится очень часто встрѣчать въ Петроградѣ мальчиковъ добровольцевъ, крошечнаго роста, въ возрастѣ, по ихъ словамъ, 13—15 лѣтъ, украшенныхъ георгіевскими крестами; мальчики бойко рассказывали о своихъ подвигахъ, но провѣрки правильности ихъ показаній не удалось сдѣлать.

Въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ г. Филатовъ свидѣтельствуешь, какое значеніе имѣлъ ген. Радко-Дмитріевъ для обороны Риги.

Рижскій районъ, лѣвый флангъ восточнаго нѣмецкаго фронта, является опаснымъ мѣстомъ для германцевъ.

Чтобы укрѣпить свое положеніе, они все время пытались взять Ригу, но ея оборона была такъ организована генераломъ Радко Дмитріевымъ, что всѣ ихъ попытки оказались напрасными.

Въ отвѣтъ на всеподданнѣйшую телеграмму общеземскаго съѣзда Государь Императоръ осчастливилъ кн. Г. Е. Львова слѣдующей телеграммой²⁾.

„Передайте собранію уполномоченныхъ всероссійскаго земскаго союза, что Я глубоко цѣню ихъ самоотверженный трудъ, одухотворенный вѣрою въ неминуемое торжество нашего праваго дѣла на пользу нашей дорогой арміи. Искренно благодарю всѣхъ дѣятелей земскаго союза за помощь, оказываемую имъ нашимъ воинамъ, въ размѣрахъ которой Я могъ лично убѣдиться при Моихъ посѣщеніяхъ фронта.

„НИКОЛАЙ“.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 15 марта с. г.

²⁾ „Новое Время“ 15 марта с. г.

Слова Государя Императора и Верховнаго Главнокомандующаго ярко подчеркиваютъ ту помощь и тотъ самоотверженный трудъ, который оказывали арміи всѣ дѣятели земскаго союза.

По Петрограду часто мчится моторъ съ надписью „München“. Если онъ конфискованъ у здѣшнихъ нѣмцевъ, то почему владѣльцу его не пришло въ голову замазать краской сію нѣмецкую надпись?

Въ засѣданіи Государственной Думы отъ 14 марта¹⁾ октябристъ Милютинъ произнесъ поучительную и интересную рѣчь о подборѣ представителей нашей дипломатіи. Начавъ съ разбора промаховъ нашей дипломатіи, г. Милютинъ ведетъ свою рѣчь такъ:

— До войны,—мы не разъ тутъ слышали о русскихъ агентахъ за границей, почти не говорящихъ по-русски, грубо обращающихся съ тѣми, кто прибѣгалъ къ ихъ помощи, незнакомыхъ и не интересующихся экономическими интересами Россіи. Такіе же рассказы приходится слышать и во время войны. Изъ объяснительной записки вѣдомства видно, насколько измѣнился этотъ составъ. Я не знаю, многіе ли изъ этихъ лицъ носятъ нѣмецкія фамиліи, но всѣ эти неудачники, и русскіе, и нѣмцы, должны быть замѣнены подходящими людьми, знающими и любящими Россію. Что же касается такихъ отвѣтственныхъ постовъ, какъ директоръ канцеляріи, вѣдающій назначеніями пословъ и посланниковъ, какъ директоръ личнаго состава, какъ совѣтники политическихъ отдѣловъ, непремѣнные члены совѣта министра и сами послы и посланники, то при всемъ уваженіи къ лицамъ, замѣщающимъ сейчасъ эти должности, надо сказать, что они должны быть замѣнены людьми, носящими русскія фамиліи (Одобрительные возгласы) и извѣстными въ Россіи своею дѣятельностью. (Одобрительные возгласы и аплодисменты).

— Хотѣлось бы, какъ говоритъ бар. Мейендорфъ, чтобы на такихъ постахъ стояли лица, пользующіяся если не

1) „Новое Время“ 14 марта с. г.

всеобщимъ довѣріемъ, то хотя бы общимъ уваженіемъ, чтобы у власти не стояли люди, находящіеся подъ подозрѣніемъ явнаго или скрытаго германофильства.

Но принадлежа къ нѣмцеѣдамъ, я тѣмъ не менѣе признаю, что тяжесть сдѣланныхъ нашей дипломатіей ошибокъ одинаково ложится и на людей съ русскими фамиліями, но въ то же время должеетъ засвидѣтельствовать, что въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ слишкомъ много лицъ съ нѣмецкими фамиліями, думающихъ по-нѣмецки и переводящихъ съ трудомъ на русскій языкъ свои нѣмецкія мысли. Такіе люди не могутъ быть хорошими русскими дѣятелями, хотя они и занимаютъ сейчасъ отвѣтственные посты.

И потому правы были тѣ русскіе чиновники дипломатическаго вѣдомства, которые отказались дать подписку, что они считаютъ всѣхъ носящихъ нѣмецкія фамиліи дипломатическихъ агентовъ вполне заслуживающими оказываемаго имъ вѣдомствомъ довѣрія. Такой подпиской они взяли бы на себя всю отвѣтственность передъ страной.

Вотъ почему хотѣлось бы побольше русскихъ фамилій въ этомъ вѣдомствѣ, хотѣлось, чтобы поскорѣй были удалены съ соответствующихъ постовъ такія лица, какъ напримѣръ дипломатъ при одной нейтральной державѣ, о которомъ говорятъ, что онъ по дряхлости своей и во время войны продолжаетъ самыя дружественныя отношенія съ дипломатическими представителями нашихъ враговъ.

— Вотъ почему мы радуемся,—продолжаетъ Милютинъ,—назначенію всякаго лица съ русской фамиліей и, привѣтствуя назначеніе посломъ въ Японію брата нашего уважаемаго докладчика, не можемъ отдѣлаться отъ неприятнаго чувства, что объ этомъ назначеніи уже за два мѣсяца до самаго факта было извѣстно нѣмцамъ.

Теперь говорятъ, что въ нейтральную съ Германіей Швейцарію, гдѣ происходитъ особенно сильная агитація и гдѣ остро стоитъ вопросъ о контролѣ надъ ввозомъ и вывозомъ къ нашимъ врагамъ—назначается новое лицо опять иностраннаго происхожденія. Врядъ ли оно сумѣетъ справиться со своими задачами.

Напомнивъ отзывъ гр. Игнатьева о Санъ-Стефанскомъ договорѣ, о томъ, что наши дипломаты гордятся своей индифферентностью и безпристрастіемъ къ русскимъ инте-

ресамъ, и отзывъ Бисмарка, который говорилъ, что онъ „не можетъ быть болѣе русскимъ, чѣмъ эти господа“—депутатъ замѣчаетъ:

— Близится время окончательной побѣды Россіи. Она вся изошла кровью, но бодрость и вѣра въ побѣду остались въ ней. Безстрашно съ раскрытой грудью стоитъ она передъ вѣроломнымъ безчеловѣчнымъ врагомъ и одного лишь боится въ душѣ: будущаго мирнаго конгресса. Что, если и на этотъ разъ Россія будетъ предана?

Самое сильное мѣсто этой рѣчи, обращеніе къ русскимъ нѣмцамъ, мы позволяемъ себѣ для наглядности воспроизвести отдѣльно:

— Мы знаемъ, — говорилъ Милютинъ, — что далеко не всѣ русско-подданные нѣмцы оказались предателями, но не имѣемъ возможности безошибочно рѣшить, кто изъ носящихъ нѣмецкую фамилію явится предателемъ и кто останется вѣрнымъ своему русскому отечеству.

— И вы, господа, русскіе нѣмцы, не судите насъ строго въ эту минуту за недовѣріе къ вамъ, къ вашимъ фамиліямъ. Слишкомъ долго и много мы вѣрили всѣмъ вамъ. Вы пользовались у насъ такими преимуществами, что и самъ Суворовъ просился въ нѣмцы. Мы любили васъ, вѣрили вамъ, учились у васъ, ставили васъ въ примѣръ себѣ, и потому намъ такъ неожиданно горько и тяжело, что между вами оказались предатели, о которыхъ насъ никто не предупредалъ во-время. И если теперь своимъ, можетъ быть, неправильнымъ подозрѣніемъ мы обижаемъ васъ, поймите, что трудно намъ удержаться отъ этого, когда по вашей винѣ вся Россія одѣта въ трауръ и русской кровью залиты поля и лѣса, по которымъ въ сердце нашей родины проникла германская армія. (Продолжительные аплодисменты и одобрительные возгласы въ центрѣ).

Вы, оставшіеся вѣрными Россіи, можетъ быть, страдаете не меньше насъ. Но мы всѣ, у которыхъ сожжены дома и усадьбы, у которыхъ отъ разрывныхъ германскихъ пуль, отъ удушливыхъ газовъ, отъ голода и издѣвательствъ въ плѣну погибли отцы, сыновья и братья, — мы также страдаемъ молча, безъ жалобъ, не предъявляя никакихъ счетовъ и прося лишь объ одномъ: отойдите на время отъ отвѣтственныхъ постовъ, отъ власти, дайте намъ спокойно окончить войну, не опасаясь новаго удара въ спину. Нельзя требо-

вать отъ насъ сохранить за всѣми вами довѣріе до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается явной новая измѣна кого-нибудь изъ васъ!

Въ первую половину марта военныя дѣйствія складывались слѣдующимъ образомъ: до 7-го марта развѣдки и артиллерійская и ружейная перестрѣлка. 7-го марта мы перешли въ наступленіе на лѣвомъ берегу Двины къ северу и югу отъ Якобштадта, къ югу отъ Двинска, а также у озеръ Дрисвяти, у Видзъ, Поставы, у озеръ Нарочь и Вишневскаго. Во всѣхъ этихъ районахъ мы брали окопы противника, отбивали его яростныя контръ - атаки и понемногу продвигались впередъ. Такъ продолжалось до половины марта. Въ Галиціи были небольшіе бои на нижней Стрыпѣ и на Днѣстрѣ. На Кавказѣ продолжали тѣснить противника, взяли Исфаганъ, Махматуль и Офъ.

Въ „Развѣдчикѣ“ г. Логадинъ приводитъ интересный рассказъ добровольца дѣвушки о ея бывшей службѣ солдатомъ:

— Вы не знаете, дорогая, моей мамы... Она страшно строгая и серьезная... И папа также, да и вся наша семья получила особенно хорошее направленіе. Я окончила гимназію и поступила на высшіе курсы, выбравъ математическій факультетъ. Работала очень много, такъ что послѣ экзаменовъ чувствовала себя очень утомленной, и поэтому поѣхала къ своимъ въ деревню съ цѣлью отдохнуть. А тамъ, вдругъ, читаю, объявлена война и что ни день, то встрѣчаю сообщенія о поступленіи въ армію добровольцами родныхъ и знакомыхъ. Страшно повліяло на меня настроеніе, пробудившееся у общества, а потомъ захватило совершенно. Трудно вамъ описать все, что я почувствовала и пережила въ это время.

— Это я понимаю,—задумчиво проговорила другая сестра,—я тоже испытала нѣчто подобное.

— Да, да. Это было особое напряженіе всѣхъ силъ, душевный подъемъ, требовавшій совершенія какого-либо необычайнаго подвига. Хотѣлось не труда во имя идеи, а именно отдать свою жизнь за эту идею. Вотъ почему у меня не появилась мысль идти въ сестры милосердія, а явилось желаніе поступить въ армію солдатомъ...

Страшная ненависть, злоба и, если хотите, кровожадность охватили меня цѣликомъ съ головой. Когда я сказала объ этомъ своимъ подругамъ, онѣ посмотрѣли на меня

какъ на сумасшедшую. Но мысль моя созрѣла и вылилась въ опредѣленное рѣшеніе поступить въ полкъ добровольцемъ, чтобы рука объ руку со всѣми идти въ битву на этихъ звѣрей-нѣмцевъ, которыхъ мнѣ хотѣлось уничтожить всѣхъ собственными руками...

Рѣшивъ, я сейчасъ же и приступила къ исполненію, уѣхавъ въ Петроградъ и сообщивъ дома всѣмъ, что поступаю въ армію... Проводили меня, какъ погибшую, заранее оплакавъ...

Перебирая своихъ знакомыхъ, я вспомнила одного дальняго родственника, получившаго въ это время пѣхотный полкъ и выступавшаго съ нимъ на театръ военныхъ дѣйствій. И сейчасъ же выѣхала въ городъ, гдѣ мобилизовался полкъ. Само собою, для командира полка моя просьба опредѣлить меня добровольцемъ (а я пріѣхала, купивъ себѣ все солдатское обмундированіе и переодѣвшись въ него) была не особенно пріятна. Но вѣдь ничего не подѣлаешь, родственныя отношенія заставили его ее исполнить...

Осмотрѣвъ онъ меня съ головы до ногъ и предупредилъ: „Смотри, Вѣра, тебѣ будетъ страшно тяжело въ полку среди солдатъ, лучше откажись отъ этой мысли“.

Я и сама понимала трудность своего положенія, но отказаться не хотѣла.

Принявъ добровольно на себя роль мужчины, бодро, хотя страшно робѣя, направилась я въ казармы, гдѣ и явилась въ качествѣ добровольца Ивана Марьина... Никто въ полку кромѣ командира полка не зналъ, что я дѣвушка... И тутъ-то началась тяжелая для меня жизнь.

Я все время боялась, что солдаты замѣтятъ мою грудь, и поэтому крѣпко забинтовала ее подъ рубашкой особымъ бинтомъ. Коротко остриженная голова дѣлала меня похожей на мальчика, и въ общемъ ничего не бросалось въ глаза, кромѣ рукъ. Но и руки я постаралась перепачкать при чисткѣ винтовки, саломъ и ржавчиною, а поэтому онѣ сдѣлались также мало отличающимися отъ всѣхъ. Умывалась я, чтобы не смыть эту грязь, безъ мыла...

Все было ничего, пока полкъ двигался по желѣзной дорогѣ, муки настоящія начались въ походѣ, а еще хуже, когда назначили нѣ позиціи. Какъ-то удивительно скоро появились на рубашкѣ насѣкомыя. Мыться я не могла, и они меня буквально съѣдали. Иногда плакать хотѣлось, но я выдерживала, скрипѣла зубами отъ страшнаго зуда и не знала, куда дѣваться ночью... Бывало уйдешь, куда-нибудь

въ лѣсокъ, снимешь бинтъ и давай чесать все тѣло ногтями... До крови расчешешь... Какъ я завидовала всѣмъ солдатамъ, имѣвшимъ возможность, снявъ свое бѣлье, заняться поисками въ немъ этихъ кровожадныхъ звѣрей.

Никто ни разу мнѣ ничего не сказалъ, и всѣ относились, какъ къ обыкновенному солдату, но мнѣ все время казалось, что каждое мое движеніе вызываетъ подозрѣніе. Солдаты вѣдь постоянно чертыхаются и ругаются ужасными словами. Первое время я краснѣла, а они меня звали барченкомъ... И въ этомъ я отъ нихъ отличалась, а меня это мучило, и я боялась ужасно, что у нихъ явится подозрѣніе...

И вотъ однажды я скрѣпя сердце во весь голосъ выругалась, хотя не совсѣмъ такъ, какъ они ругаются, а все-таки скверно выругалась. Затѣмъ чувствую, что готова провалиться сквозь землю, прямо дурно сдѣлалось, не могу ни на кого посмотрѣть, и мнѣ такъ стыдно, что я вся загорѣлась какъ въ огнѣ...

Мучительно, до боли стыдно.

— И неужели вы ругались какъ солдатъ? — съ сомнѣніемъ спросила слушательница.

— Ну, разумѣется... Но теперь вспомнить стыдно и неприятно.

Все это я перетерпѣла, лишь бы быть въ боевой обстановкѣ. Выстрѣлы, свистъ пуль меня не страшили, и я къ нимъ относилась спокойно, но бывало лежишь въ цѣпи, а сзади кто-либо близко подползетъ, и мнѣ тогда начинаетъ казаться, что онъ разсматриваетъ мою фигуру и видитъ, что я женщина.

Ходила наша рота не разъ въ штыки. Я видѣла убитыхъ, раненыхъ, кровь вокругъ, и это меня не смущало, напротивъ, я также кричала, размахивала прикладомъ, пробовала колоть штыкомъ и чувствовала, что во мнѣ пробуждается желаніе уничтожить врага и еще большее желаніе самой быть раненой, пролить свою кровь на защиту родины.

Но вотъ какая странность... Весь ужасъ войны не производилъ на меня почти никакого впечатлѣнія, а однажды, когда мы взошли въ мѣстечко, взятое нами послѣ кровопролитнаго боя, я увидѣла на одномъ дворѣ ребенка, лѣтъ двухъ—трехъ, убитаго шальнойю ружейною пулею, тутъ мои нервы не выдержали, и я, вбѣжавъ въ сарай, упала на землю и зарыдала, оплакивая эту погибшую безъ всякой надобности жизнь.

День за днемъ промелькнули три мѣсяца, и настала осенняя непогода, а съ нею сдѣлалось еще тяжелѣе. Шинель, рубаха, шаровары намокали подъ дождемъ, но я сушила шинель, а рубаху боялась снять и она высыхала на мнѣ.

И несмотря на эти ужасныя условія мнѣ хотѣлось еще большихъ мученій. Я ни въ чемъ не хотѣла отличатся отъ остальныхъ солдатъ. Я испытывала невыразимо сладостное чувство, что защищаю родину и отдаю свою жизнь для ея благополучія и величія.

— Но, дорогая, я прямо изумляюсь вашему характеру... Вѣдь такая жизнь,—одинъ сплошной ужасъ... Какъ хватило у васъ силъ?

— Теперь, когда все это осталось въ прошломъ, я сама удивляюсь и мнѣ иногда кажется, что это былъ страшный, кошмарный сонъ.

— Ну, а почему же все-таки вы ушли?

— Видите ли я терпѣла, когда меня ѣли насѣкомыя, крѣпилась, когда все тѣло покрылось струпьями и появились вередя... Но постоянная носка мокраго платья не могла не отразиться на моемъ здоровьѣ и у меня начались флюсы, заболѣли зубы, а потомъ появилась опухоль шеи, доставлявшая мнѣ ужасныя мученія... Держалась я недѣли двѣ, и возможно, что можетъ быть перемоглась, но тутъ уже вмѣшался ротный командиръ. Увидѣлъ меня, а въ этотъ день я и говорить не могла, сидѣла закутанная и зубами щелкала.

Отправить въ госпиталь приказалъ и, не слушая никакихъ моихъ просьбъ, меня повезли въ околотокъ, а оттуда въ лазаретъ... Тамъ надо было раздѣться, и волей, неволей пришлось признаться, кто я такая... Ну, разумѣется, сейчасъ же мнѣ дано было разрѣшеніе ѣхать домой, и я въ тотъ же день направилась въ Москву, гдѣ въ это время жили мои.

Вы не можете себѣ представить ужасъ мамы и всѣхъ нашихъ, когда я ввалилась такая грязная, страшная къ нимъ въ домъ... Надо мною плакали, меня мыли, приводили въ порядокъ чуть не цѣлый день...

Когда же я переодѣлась въ женское платье, мнѣ показалось, что я воскресла, что я совершенно другой чело-вѣкъ... Долго пришлось пролежать потомъ въ постели, перенести операцію, такъ какъ у меня осложнилась опухоль на шеѣ, и лишь черезъ мѣсяць я почувствовала возвращеніе силъ и энергій.

— И васъ снова послѣ всего этого потянуло въ армію?

— Да еще какъ потянуло. Мѣста себѣ найти не могла. Прямо тоска, но только я сдалась на просьбу мамы и рѣшила поступить на курсы, а затѣмъ, прослушавъ ихъ шесть недѣль, была зачислена сестрой милосердія въ нашъ лазаретъ.

Но и здѣсь мнѣ хочется тяжелой, особенно тяжелой работы. Видя страданія раненыхъ, я хочу сама чувствовать эти страданія и сознавать, что я приношу имъ пользу и что я работаю для родины...

Разсказывали, что германцы не оставляютъ своимъ попеченіемъ наши магазины игрушекъ, куда они давнымъ давно поставляютъ свои товары. Теперь пріѣхали изъ Нюрнберга оловянные солдатки наши и германскіе, всѣ въ походныхъ формахъ и на коробкахъ по-русски надписи „сраженіе при Ивангородѣ“, „Сраженіе подъ Осовцомъ“. Цѣна только иная: прежде коробка стояла 1 р. 50 к., а теперь 6 рублей.

Приводимъ произнесенную до войны рѣчь Кайзера въ секретномъ засѣданіи Совѣта высшихъ чиновъ¹⁾.

Такъ озаглавлена одна изъ главъ книги William'a Le Queux подъ названіемъ „Германскіе шпіоны въ Англии“. Авторъ извѣстный англійскій политическій дѣятель, въ своемъ трудѣ, выдержавшемъ, кстати сказать, четыре изданія въ теченіе одного лишь мѣсяца, приводитъ массу интересныхъ фактическихъ данныхъ, доказывающихъ съ несомнѣнной очевидностью, какъ упорно и систематично готовилась къ войнѣ Германія, пользуясь, для этой цѣли, между прочимъ, услугами своихъ многочисленныхъ агентовъ, которые цѣлой сѣтью шпіонажа окутали почти весь міръ. Упомянутая глава, частичный переводъ которой мы даемъ ниже, интересна тѣмъ, что лишній разъ подтверждаетъ то, о чемъ вопіютъ теперь даже камни, а именно: что главнымъ вдохновителемъ настоящей міровой войны надо считать, несомнѣнно, того, кто съ лживымъ словомъ

¹⁾ „Русское Зн.“ 9 мая 1915 г. и „Русскій Инвалидъ“ № 88 с. г.

миролюбія на устахъ хотѣлъ умыть свои руки въ крови мирно настроенныхъ народовъ.

Авторъ приводитъ содержаніе того секретнаго документа, который ему удалось добыть во время своихъ путешествій по континенту. Документъ этотъ, въ видѣ рапорта, былъ представленъ британскому правительству и хранился въ архивахъ его секретной канцеляріи.

„Приводимыя ниже свѣдѣнія,--пишетъ William Le Queux,—я получилъ въ болѣе полномъ видѣ отъ одного моего близкаго друга, должностнаго лица германскаго правительства, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ кайзеру.

Вскорѣ послѣ пробы цеппелиновскаго дирижабля и признанія его вполне пригоднымъ для военныхъ цѣлей было созвано въ 1908 г., въ Потсдамѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Вильгельма, тайное совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе: принцъ Генрихъ Прусскій, представители руководящихъ государствъ германской имперіи, главные начальники арміи и флота, а также мой близкій знакомый, который доставилъ мнѣ эти свѣдѣнія.

Вильгельмъ появился на этомъ совѣтѣ, одѣтый въ морскую форму, съ блѣднымъ, рѣшительнымъ и нѣсколько нервнымъ лицомъ. Болѣе двухъ часовъ говорилъ онъ передъ собраніемъ о тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ опасностяхъ, передъ лицомъ которыхъ стоитъ германская имперія, иллюстрируя свою рѣчь многочисленными географическими картами и діаграммами, а также нѣкоторыми прекрасно исполненными моделями воздушнаго корабля, предназначеннаго для предстоящей войны ¹⁾. Сначала голосъ кайзера былъ почти не слышенъ, онъ выглядѣлъ угрюмымъ и измученнымъ.

¹⁾ Интересно отмѣтить слѣдующее. Германское правительство, несомнѣнно, узнало какими-то способами, что у меня имѣется полный текстъ этой рѣчи Вильгельма. И вотъ что затѣмъ произошло. Въ сентябрѣ 1908 г. я намѣревался напечатать книгу, доказывающую, что Германія замышляетъ войну. Въ связи съ этимъ я далъ для прочтенія моему другу, Bveleigh Nash, извѣстному издателю въ Англіи, нѣкоторыя законченныя уже главы моего труда вмѣстѣ съ рѣчью Вильгельма. Издатель въ моемъ присутствіи заперъ рукопись въ ящикъ письменнаго стола въ своей частной квартирѣ, а не въ конторѣ. Каково же было его изумленіе, когда два дня спустя онъ открылъ столъ и увидѣлъ, что рукопись украдена. Несомнѣнно, что это дѣло германскихъ шпионовъ, такъ какъ впоследствии я достоверно узналъ, что мой манускриптъ находится въ архивахъ Берлинской тайной полиціи. Одно это обстоятельство доказываетъ, какъ сильно хотѣлось кайзеру скрыть свои милитаристическіе планы. Къ счастью, у меня остался второй экземпляръ его рѣчи.

„Господа,—началь онъ слабымъ, хриплымъ голосомъ,— созывая васъ сегодня вечеромъ на этотъ совѣтъ, я слѣдовалъ божественному предуказанію. Всемогущій Богъ всегда былъ великимъ и вѣрнымъ союзникомъ дома Гогенцоллерновъ, и въ Немъ, подобно моимъ августѣйшимъ предковъ, я ищу предуказаній и руководительства въ часъ нужды и опасности. Послѣ долгихъ часовъ пламенной и усердной молитвы свѣтъ, наконецъ, снизошелъ на меня. Вы, мои совѣтники, которымъ я вполне довѣряю, и мои друзья, передъ которыми у меня нѣтъ никакихъ тайнъ, можете засвидѣтельствовать, что съ момента вступленія моего на прародительскій престолъ, моимъ самымъ пылкимъ желаніемъ было поддержаніе мира среди всѣхъ народовъ и культивированіе, на основахъ взаимнаго уваженія и довѣрія, дружбы и благорасположенія ко всѣмъ націямъ земного шара. Я знаю, что принятый мною способъ дѣйствій не всегда встрѣчалъ ваше одобреніе и что во многихъ случаяхъ вамъ было бы пріятнѣе видѣть при моихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми иностранными націями примѣненіе кулака, забронированнаго желѣзомъ, а не шелковой перчаткой, какъ это я дѣлалъ. И для меня было всегда источникомъ глубокой горести видѣть непонятыми мои лучшія намѣренія, но тѣмъ не менѣе, стойкій и неуязвимый для нападковъ и воздѣйствія общественной цензуры и критики, и отвѣтственный только передъ Небеснымъ Владыкой за свои поступки, я спокойно продолжалъ дѣлать то, что считалъ своей священной обязанностью передъ отечествомъ. Вѣрный прусскимъ традиціямъ и дому Гогенцоллерновъ, я считалъ необходимымъ содержать великую армію и столь же великій флотъ, какъ самую лучшую гарантію мира. Въ нашемъ рвеніи сохранить миръ, мы вынуждены были поэтому отстаивать отъ нашихъ сосѣдей, которые все время увеличивали свои вооруженія; но теперь, повидимому, наступилъ предѣлъ нашему миролюбію.

Мы находимся нынѣ лицомъ къ лицу съ чрезвычайно серьезнымъ кризисомъ въ историческомъ развитіи нашей молодой имперіи. Благодаря тяжести налогового бремени и чрезмѣрному увеличенію издержекъ на жизнь, недовольство массъ приняло угрожающіе размѣры и заразило даже средніе и высшіе классы, которые до сихъ поръ всегда были самой вѣрной и надежной опорой монархіи. Но хуже всего то, что замѣтны уже несомнѣнные признаки распространенія такого же недовольства и броженія и среди

войскъ и что въ полномъ ходу находится тайное, прекрасно организованное антимилиитаристическое движеніе, рассчитывающее на пониженіе и разстройство дисциплины въ государствахъ вообще и на возбужденіе открытаго неповиновенія и даже революціи среди моей арміи и флота. Судя по донесеніямъ агентовъ моей тайной полиціи, подобное же движеніе замѣтно и даетъ себя чувствовать почти во всѣхъ государствахъ Европы; все указываетъ на тотъ фактъ, не допускающій теперь уже какихъ-либо сомнѣній, что мы имѣемъ дѣло съ международной революціонной организаціей, поставившей конечной цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе троновъ и алтарей и установленіе повсюду республиканскихъ правительствъ.

Никоимъ образомъ не слѣдуетъ приуменьшать серьезность настоящаго положенія. Въ послѣднюю сессію рейхстага было открыто признано за несомнѣнный фактъ, что среди германскаго населенія никогда еще раньше не существовало такъ много друзей республиканской формы правленія, какъ теперь, и что идея эта нашла себѣ почву и распространилась не только среди бѣдныхъ народныхъ массъ, но и среди зажиточныхъ классовъ, несмотря на мои строжайшія предписанія правительству подавить это движеніе въ самомъ его зародышѣ. Но фактъ все-таки остается, и я не могу игнорировать его.

Подобно рулевому военнаго корабля, который по бурнамъ на гребняхъ волнъ видитъ съ своего сторожевого поста приближеніе бури и предупреждаетъ объ этомъ своимъ крикомъ судовую команду, такъ и я зорко наблюдаю за этими предвѣстниками грядущихъ государственныхъ потрясеній. Вопросъ о томъ, какъ найти почетное и удовлетворительное разрѣшеніе этой проблемы, былъ той задачей, которой я посвятилъ самое глубокое вниманіе въ теченіе этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Я допускаю, что горизонтъ мраченъ, но мы не должны отчаяваться, ибо Богъ, нашъ великій союзникъ, далъ намъ въ руки средства спасти нашу имперію отъ опасностей, угрожающихъ ея счастью и благополучію. Вы знаете, что я хочу этимъ сказать. Я имѣю въ виду удивительное изобрѣтеніе графа Цепелина, которое, съ помощью Бога, послужитъ для насъ надежнымъ средствомъ для самосохраненія и славы нашего возлюбленнаго отечества. Этимъ изобрѣтеніемъ Небесный Владыка далъ мнѣ въ руки вѣрное средство вывести Германію съ триумфомъ изъ настоящихъ затрудненій и

разъ навсегда осуществить на дѣлѣ слова поэта: „Deutschland, Deutschland über alles“. Да, господа, Германія выше и прежде всего на свѣтѣ, Германія—первая держава на землѣ, первая какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ; вотъ какое мѣсто, съ Божьяго соизволенія, я долженъ завоевать ей и завоюю съ помощью Всемогущаго.

Это—мое непреклонное рѣшеніе. Въ настоящее время, благодаря нашимъ воздушнымъ кораблямъ, мы ненобѣдимы и можемъ вести войну, при желаніи, на вражеской терри- торіи. Нѣтъ необходимости говорить, что если мы желаемъ поддержать наше превосходство и использовать его съ наибольшими для насъ преимуществами, мы не должны откладывать долѣе то, что необходимо сдѣлать. Вѣдь че- резъ нѣсколько лѣтъ нашъ добрый другъ, нашъ врагъ, можетъ обладать такимъ же, какъ нашъ, если не болѣе превосходнымъ флотомъ, спрашивается, что же мнѣ тогда дѣлать. Великобританія бросила намъ вызовъ. Теперь насту- пило наше время. Нападеніе всегда было наилучшей защи- той, и тотъ, кто наноситъ ударъ первымъ, обыкновенно выходитъ торжествующимъ изъ борьбы. Найти выходъ для народнаго недовольства, заглушить растуція въ немъ республиканскія симпатіи въ самомъ ихъ зародышѣ, попол- нить нашу казну, уменьшить тяжесть налогового бремени, приобрѣсти новыя колоніи и съ ними новыя рынки для нашей заморской торговли...—всего этого и многого еще другого мы можемъ добиться однимъ лишь нападеніемъ на Англію.

Вы не удивлены, господа, и по той радости, которая сіяетъ на вашихъ лицахъ, я вижу, что мои слова нашли откликъ въ вашихъ сердцахъ. Наконецъ-то эта идея, кото- рая пользуется такой популярностью среди большей части моего народа и пропагандой которой я такъ много обязанъ моимъ профессорамъ, учителямъ и другимъ вѣрноподдан- нымъ патріотамъ, должна стать фактомъ,—фактомъ, кото- раго, конечно, не предвидѣли эти англійскіе спекулянты на панику, когда они впервые начали запугивать весь міръ германскимъ нашествіемъ. Всѣ планы самымъ заботливымъ образомъ обдуманъ и заготовлены нашимъ генеральнымъ штабомъ.

Другой Мольтке, достойный имени своего предка, пока- жетъ всему міру, что мы не почтили на лаврахъ 1870 и 1873 г.г., а въ качествѣ перваго условія мирнаго преуспѣ- янія неустанно готовились все это время къ войнѣ. Слав-

вныя дѣянія нашихъ побѣдоносныхъ армій, я это знаю и не боюсь сказать, снова повторятся и превзойдутъ себя на поляхъ Великобританіи и Франціи, обезпечивъ Германіи въ конечномъ результатѣ подобающее ей мѣсто во главѣ народовъ. Въ настоящій моментъ мнѣ нѣтъ необходимости входить въ подробности. Достаточно сказать, что сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія, чтобы, по одному слову, переправить въ Англію германскую экспедиціонную армию, способную покрыть своей численностью любую и даже всѣ вооруженныя сухопутныя силы, которыя можетъ собрать и противопоставить намъ Великобританія. Для перевозки этой армии мы должны рассчитывать, въ значительной степени, на флотилію быстроходныхъ кораблей Гамбургъ - Американской линіи и пароходства сѣверо-германскаго Ллойда, — этихъ двухъ преданныхъ отечеству компаній, многочисленные служащіе и агенты которыхъ, разсѣянные по всему свѣту, доказали уже свое ревностное усердіе и преданность дѣлу имперіи и не разъ во многихъ затруднительныхъ случаяхъ помогали моему правительству своимъ тактомъ и разсудительной осторожностью. Г. Баллинъ, главный директоръ распорядитель Гамбургъ - Американской линіи, котораго я только-что нѣсколько дней тому назадъ принималъ въ Свинемюнде на борту моей яхты „Гогенцоллернъ“, дѣйствительно великій человѣкъ и поистинѣ заслуживаетъ большаго, чѣмъ прозвища „Наполеонъ германскаго пароходства“, которымъ его окрестили энтузіасты-патріоты. Его энергичная дѣятельность и умъ способны на самыя трудныя дѣла, и, когда наступитъ день и часъ начать военныя дѣйствія, онъ раскроетъ свои планы.

Само собой разумѣется, еще слишкомъ рано точно фиксировать то время, когда надо нанести ударъ противнику. Но я подамъ въ свое время необходимый сигналъ для нападенія, когда въ моемъ распоряженіи будетъ находиться достаточный флотъ изъ цеппелиновъ. Я отдалъ уже приказъ о сооруженіи въ наикратчайшій срокъ большого числа дирижаблей Цеппелина улучшеннаго типа, и, когда они будутъ готовы, мы разрушимъ и истребимъ англійскій флотъ въ Сѣверномъ морѣ, Каналѣ и Атлантическомъ океанѣ, послѣ чего уже никакая сила не будетъ въ состояніи воспрепятствовать высадкѣ нашей армии на Великобританскомъ берегу и ея триумфальному шествію въ Лондонъ. Вы помните, господа генералы, что воскликнулъ нашъ незабвенный фельдмаршалъ Гебгардъ Либкнехтъ фонъ-Блюхеръ,

смотря съ вершины собора Св. Павла на разстилавшуюся передъ его взорами панораму огромнаго города. Его возгласъ былъ кратокъ и мѣтокъ: „Что за великолѣпный городъ для разгрома“,—были его слова.

Вы пожелаете знать, какъ же развится начало военныхъ дѣйствій. Я могу успокоить васъ на этотъ счетъ. Само собою разумѣется, намъ не надо будетъ ходить далеко, чтобы найти справедливый предлогъ для войны. Армія моихъ шпионовъ, разсѣянная по Великобританіи и Франціи, Сѣверной и Южной Америкѣ, также какъ и въ другихъ частяхъ свѣта, гдѣ германскіе интересы могутъ столкнуться съ чужеземными, позаботится объ этомъ. Я издалъ уже въ этомъ направленіи нѣсколько времени тому назадъ секретный приказъ, который въ надлежащій моментъ сдѣлаетъ то, что намъ нужно. Вамъ всѣмъ хорошо извѣстно, что и въ настоящее время между нашимъ государствомъ, съ одной стороны, и Великобританіей и Франціей, съ другой, происходитъ борьба не официальнаго характера, которая, стоитъ мнѣ сказать лишь одно слово, превратится въ официальную. Борьба эта станетъ для будущихъ поколѣній отправной точкой новой эры въ міровой исторіи, эры пангерманизма. Я ручался когда-то моимъ императорскимъ словомъ, что всякій германецъ, въ какой бы части земнаго шара онъ ни жилъ, имѣетъ неоспоримое право на мою защиту и покровительство. И въ настоящій торжественный моментъ я повторяю это обѣщаніе передъ вами, присовокупляя, что я не успокоюсь и не буду чувствовать себя удовлетвореннымъ до тѣхъ поръ, пока всѣ страны и территоріи, которыя нѣкогда были германскими, или гдѣ теперь живетъ большинство моихъ бывшихъ подданныхъ, не станутъ снова частью великой страны-матери, признавъ меня своимъ высшимъ владыкой въ войнѣ и мирѣ.

Даже и теперь я являюсь высшимъ повелителемъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ почти половина народонаселенія состоитъ изъ германцевъ по своему рожденію или происхожденію и гдѣ три милліона германскихъ выборщиковъ творятъ мою волю на президентскихъ выборахъ. Никакая американская администрація не можетъ оставаться у власти, вопреки германскимъ избирателямъ, которые, благодаря извѣстной удивительной организаціи Германо-Американской лиги С.-А. С. Ш., держатъ въ своихъ рукахъ контроль надъ судьбами обширной заокеанской республики. Если существовалъ когда-либо человекъ, достойный быть

увѣнчаннымъ высшими почестями изъ моихъ рукъ, то это—д-ръ Гекзамеръ, президентъ Герmano-Американской лиги, который истинно можетъ быть названъ, съ моего соизволенія, дѣйствительнымъ повелителемъ всѣхъ германцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Кто можетъ утверждать, что Германія когда-либо признавала доктрину Монроэ. Отвѣтъ на это былъ уже данъ ревомъ германскихъ пушекъ при бомбардировкѣ Санъ-Карлоса, форта въ Венецуэлѣ. Близокъ тотъ день, когда мои германцы въ южныхъ штатахъ Бразиліи разорвутъ узлы, связывающія ихъ пока съ республикой, и снова станутъ вѣрнопоподданными своего прежняго владыки. Въ Аргентинѣ, также какъ и въ другихъ южноамериканскихъ республикахъ, распространяется движеніе, носящее названіе Германскаго союза, то же положеніе вещей и въ южной Африкѣ, гдѣ, благодаря содѣйствію нашихъ колоній, развязка готовится сама собой въ полномъ согласіи съ послѣдними требованіями имперской политики. Съ помощью моего союзника, монарха Австро-Венгрии, я закрѣпилъ за Германіей твердое положеніе на Ближнемъ Востокѣ и, замѣтьте, г-да, мои слова,—когда наступитъ день дѣлежа турецкаго трона, Малая Азія, Сирія и Палестина, короче говоря, сухопутный путь въ Индію, станетъ нашей собственностью и германскій флагъ будетъ развѣваться надъ храмами Іерусалима.

Но, чтобы пріобрѣсти все это, мы должны раньше сокрушить Англію и Францію. Война будетъ непродолжительна, сурова и рѣшительна. Послѣ того какъ наши цеппелины приведутъ въ разстройство англійскій флотъ, мы не встрѣтимъ серьезнаго сопротивленія на британскихъ островахъ и будемъ въ состояніи, слѣдовательно, обрушиться почти со всѣми своими силами на Францію. Должны ли мы уважать нейтралитетъ Бельгіи? Въ царствованіе славнаго императора Карла V обѣ Голландіи и Бельгія составляли часть Германской имперіи, и наступитъ опять то время, когда онѣ снова окажутся въ томъ же положеніи. Намъ надо будетъ дать два-три дня рѣшительнаго сраженія на поляхъ Франціи, послѣ чего французское правительство, признавъ невозможность справиться съ помощью своихъ дезорганизованныхъ и мятежныхъ полковъ съ моими „звѣрьми“, выпущено будетъ согласиться на продиктованныя мною условія мира. Послѣ этого карта Европы будетъ выглядѣть нѣсколько иначе, чѣмъ теперь. Въ то время, какъ

будутъ развиваться указанная событія въ Англіи и Франціи, наша союзница Австро-Венгрія будетъ держать на уздѣ Россію.

Имперія Царя все еще страдаетъ отъ послѣдствій своей несчастной войны съ Японіей и, слѣдовательно, не пожелаетъ еще разъ ожечь свои пальцы, тѣмъ болѣе, что она прекрасно сознаетъ, что принятіе ею противъ Германіи мѣръ, сколько-нибудь похожихъ на войну, сейчасъ же поведетъ къ новому взрыву революціи, результаты котораго чреваты непредвидѣнными послѣдствіями. Такимъ образомъ, вы согласитесь со мною, у насъ нѣтъ причинъ бояться Россіи. Послѣ войны наступитъ время, когда намъ можно будетъ устроить надлежащимъ образомъ наши дѣла въ Америкѣ и показать нашимъ друзьямъ въ заокеанской республикѣ, что я не забылъ того урока, который адмиралъ Дэвей вздумалъ преподать мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по поводу моего съ нимъ прецирательства о Кастро. Если Господь Богъ пожелаетъ помочь намъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, я вѣрю, что въ концѣ наступающаго года имперская казна будетъ съ избыткомъ переполнена золотомъ, которое вынуждены будутъ заплатить Великобританія и Франція въ видѣ вознагражденія за наши военныя издержки, что недовольство нашего народа прекратится, что, благодаря приобрѣтенію нами новыхъ колоній во всѣхъ частяхъ свѣта, наша промышленность и торговля станутъ процвѣтать, какъ никогда, и что республиканское движеніе среди моихъ подданныхъ, столь противное моей душѣ, исчезнетъ навсегда.

Тогда, но не раньше, наступитъ время, когда можно будетъ говорить о разоруженіи и международномъ третейскомъ трибуналѣ. Вмѣстѣ съ Великобританіей и Франціей, поверженными въ прахъ, вмѣстѣ съ Россіей и Соединенными Штатами, находящимися въ моей власти, я установлю новый курсъ міровой исторіи,—курсъ, который разъ навсегда обезпечитъ за Германіей руководящую роль среди націй земного шара. Выполнивъ эту задачу, я сплочу затѣмъ всѣ народы бѣлыхъ націй въ могучій союзъ для борьбы, подъ руководствомъ Германіи, съ желтой опасностью, которая съ каждымъ годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Тогда, какъ и теперь, раздастся мой кличъ: „Германцы, впередъ“!

Таково содержаніе рѣчи Вильгельма. Замѣтки, которыя

лежать передо мной, описываютъ въ живыхъ краскахъ тотъ эффектъ, который произвела рѣчь кайзера на его слушателей.

Старый сѣдовласый генераль фонъ-К. упалъ даже на колѣни передъ императоромъ, чтобы поцѣловать руку, которую тотъ милостиво протянулъ ему.

„Воистину гласъ Божій говорилъ устами вашего величества“, воскликнулъ онъ въ глубокомъ волненіи, „Господь Богъ избралъ ваше императорское величество своимъ достойнымъ оружіемъ разсѣять этотъ британскій кошмаръ на морѣ, отъ котораго такъ долго страдала Германія, и Божья воля исполнится“. Какое богохульство!

Въ результатъ этого совѣщанія, которое продолжалось около пяти часовъ до поздней ночи, кайзеръ пришелъ къ полному соглашенію и взаимному пониманію со своими совѣтниками на счетъ тѣхъ наилучшихъ путей и средствъ, при помощи которыхъ съ наибольшимъ успѣхомъ возможно осуществить намѣченный планъ внезапнаго тайнаго открытія военныхъ дѣйствій“.

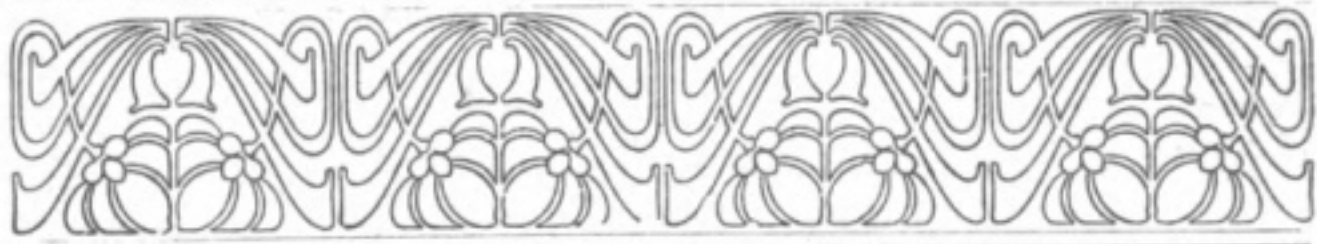
Для того чтобы передать потомству всѣ необычныя злодѣянія, каковыми запятнали себя германскія войска во время настоящей войны была, Высочайше учреждена чрезвычайная слѣдственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго сенатора Кривцова.

Комиссія эта уже выпустила нѣсколько выпусковъ, гдѣ подлѣя дѣянія германцевъ запротоколены показаніями свидѣтелей, съ приложеніемъ снятыхъ фотографій.

Чтеніе и разсмотрѣніе выпусковъ производитъ такое сильное впечатлѣніе, что свится ночью.

Вотъ посредствомъ какихъ раненій разрывными пулями кровавый кайзеръ мечталъ завоевать весь міръ.

П. В.

Воспоминанія о Н. А. Вышнеградскомъ.

Мои воспоминанія о Н. А. Вышнеградскомъ относятся къ 1853—57 годамъ, когда онъ былъ профессоромъ педагогики, а я студентомъ Главнаго педагогическаго института. Педагогика не только считалась у насъ главнымъ предметомъ, но и была имъ на дѣлѣ, потому что читалъ ее самый талантливый изъ всѣхъ профессоровъ. Обладая необыкновеннымъ даромъ слова, Николай Алексѣевичъ до такой степени приковывалъ вниманіе слушателей, что мы, боясь проронить хоть одно слово, бросали перья и переставали записывать его лекціи, когда онъ намъ излагалъ цѣли воспитанія и важность ожидающихъ насъ обязанностей.

Нужно замѣтить, что въ педагогическій институтъ, помѣщавшійся въ одномъ зданіи съ Петербургскимъ университетомъ, поступали только бѣдные студенты. Казна насъ кормила и одѣвала, обязавъ насъ предварительно подпискою прослужить не менѣе 8-ми лѣтъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія.—Мы знали, что насъ ожидаетъ тяжелый, почти непосильный трудъ, двадцать четыре $1\frac{1}{2}$ часовыхъ лекцій въ недѣлю, ежедневное составленіе записанныхъ лекцій, частыя репетиціи, строжайшіе экзамены; знали, что неуспѣвшимъ въ наукахъ угрожаетъ ссылка въ уѣздные учителя, а кончившіе курсъ не имѣютъ права выбирать себѣ мѣсто и родъ занятій. Словомъ: мы были готовы къ труду и къ борьбѣ съ житейскими препятствіями; но о какомъ-либо призваніи къ педагогической дѣятельности у насъ, юношей 18—20 лѣтъ, конечно, не могло быть и рѣчи.

И вотъ выходитъ молодой цвѣтущій здоровьемъ профессоръ, питомецъ нашего же института, и въ блестящей рѣчи, согрѣтой любовью къ своему предмету, излагаетъ намъ громадное значеніе воспитанія вообще и обученія въ частности; затѣмъ въ яркихъ краскахъ рисуется ту страшную нравственную отвѣтственность, которая ожидаетъ насъ въ жизни. Послѣ первыхъ же лекцій Николая Алексѣевича мы выросли въ собственныхъ глазахъ и стали свысока смотрѣть на нашихъ университетскихъ сверстниковъ, которымъ прежде завидовали.

Теперь, по прошествіи почти сорока лѣтъ, когда содержаніе его лекцій почти изгладилось изъ моей памяти, я еще не забылъ того ободряющаго, живительнаго впечатлѣнія, которое мы выносили изъ этихъ лекцій. Независимо отъ блестящей формы изложенія, Николай Алексѣевичъ умѣлъ приковывать наше вниманіе интереснымъ содержаніемъ своихъ лекцій. Къ сожалѣнію, основанія педагогики, логику и психологію, преподавалъ не онъ, а протоіерей Солярскій, добрѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ, но философъ весьма слабый.

Но Николай Алексѣевичъ, излагая общія дидактическія правила и примѣненія ихъ къ частной методикѣ отдѣльныхъ предметовъ, постоянно останавливался на разъясненіяхъ тѣсной связи этихъ правилъ съ неизмѣнными психологическими законами. Благодаря ему, мы впервые ознакомились съ Коменскимъ и Песталоцци, дѣдомъ и отцомъ педагогики, а излюбленный имъ „Путеводитель“ Дистервега сдѣлался моей настольной книгой на много лѣтъ.

Помню, съ какимъ увлеченіемъ Николай Алексѣевичъ возвратившись изъ ученой командировки, рассказывалъ намъ о состояніи учебныхъ заведеній въ Западной Европѣ. Помню, съ какимъ энтузіазмомъ говорилъ онъ о предстоящей у насъ реформѣ женскаго образованія.—По окончаніи курса я уже ни разу не встрѣчался съ Николаемъ Алексѣевичемъ. Его самого уже давно нѣтъ на свѣтѣ, но его дѣтище, женскія гимназіи, живы и понынѣ, а старые его ученики, знавшіе его лично, никогда его не забудутъ.

Н. Авенаріусъ.

Александръ I въ Архангельскѣ.

Архангельскѣ 31 іюля 1819 года.

Госпожа Екатерина Яковлевна писма¹⁾ ваши и Гаврилово получилъ ежели станете отправлять Гаврила не забудьте отправить лисицы и песцы бѣлые и голубые всѣ. Буди у васъ Дмитрій овчинникъ не согласится потдѣлать вы съ нимъ можете поговорить или послать к нему. Здѣсь просятъ по 50 к. с лисицы потдѣлать; правда годъ самый неторговой нелучшели ихъ оставите до зимы для выручки денегъ: кажится и вы нерезонно занели денги, и купили муку у васъ осталось до новой съпроемъ довольно: мука лишняя не принесеть выгодъ при хорошем урожае хлеба, а лутчебы купили дешевой смолы денги надобно силно бѣречь потому что капиталъ остается въ доскахъ. а доски в продажу не идутъ останутся на рукахъ. Гаврило чтобы взялъ аттестатъ винопродавца на имя Михаила Князева. Князеву скажите чтобы взялъ ежелиже Гаврило уплылъ аттестатъ на винопродавца Михаила Князева пошлите соказіей аттестатъ должно взять на 1820 годъ.

Государь суда пріѣхалъ 28 числа в понедельникъ вечеромъ въ 12-мъ часу выходѣ. На границѣ выгона велено встрѣтить Полицеместеру, у заставы коменданту, военному губернатору и протчимъ всѣмъ военнымъ, морскимъ, граж-

¹⁾ Ореографія подлинника.

данскимъ чиновникамъ и всему гражданству. У собору. Государь прибылъ къ архангельскому выгону на границу полицеместерь доложилъ у Бранта на заводѣ приготовленъ домъ для вечерняго чаю. Государю угодно было заѣхать въ домъ и перенадется и выпить чашку чаю. Въ соборѣ в тотъ часъ начался благовѣсть. Государь пріѣхалъ къ заставѣ въ Монастырѣ и у Благовѣщенья начался звонъ потомъ и въ соборѣ. Городъ былъ и кругомъ собору люменованъ Стеченіе народу было многочисленно. Государь ѣхавши въ открытой коляскѣ с княземъ Волхонскимъ, военной губернаторъ и всѣ чиновники стоевши въ рядахъ по обѣ стороны у воротъ ограды по мосту втретели Государя съ приветствіемъ изъ благополучнаго пути. Государь шелъ впереди и кланялся. У церковнаго крыльца встречень Архимандритомъ со крестомъ и духовенствомъ поцеловавши крестъ и шелъ въ церковь. За здравіе Государя и его фамилію протодіаконъ прочиталъ ектенію и послѣ пѣвчи пѣли задостойникъ Архимандритъ сказа отпущкъ протодіаконъ выкличку пѣвчи многая лѣта. Поцѣловавши крестъ и шедши изъ церкви чиновники на мосту становились в ряды напередъ шелъ Полицеместерь учреждалъ дорогу и за нимъ военный губернаторъ в небольшомъ разстояніи Государь за Государемъ его свита изъ трехъ особъ Волхонской, Меньшиковъ и Соломка гражданской и виць губернаторъ и чиновники. Народъ кричалъ ура. Государь безпрестанно кланялся и былъ веселъ. Ростомъ немного военнаго нашего губернатора поменьше но всѣмъ тѣломъ полонъ, мундиръ нетакъ щеголеватой поношенной кавалерія 4 степени георгія и обыкновенная медаль серебряная всевидящее око. Более не имелъ ничево и звезды очень проста надеть волосы припудрены. Селъ въ коляску и поехалъ в Брантовской домъ народъ весь за нимъ, которой былъ домъ весьма хорошо освещенъ. Государь сверхъ чаянія на то пріятность выходилъ три раза на балконъ народъ кричалъ ура. онъ кланялся и благодарилъ за усердной народа пріемъ и такъ 28 числа день кончился. 29 поутру восемь часовъ Государь пріехалъ на парадное место и разводъ начался с полной музыкой. Государь сказалъ люди хороши научены худо и прежде Государя Меньшиковъ Шульцу сказалъ что Государю вашъ полкъ непондравился. При разводѣ были выбраны люди однако ничево..... одново баталіонново командира приказалъ арестовать и под караулъ послать на гаваракху за двухъ пьяныхъ солдатъ. После былъ в военной

гошпитале и в сиротскомъ военномъ оделеніи. Былъ в соборной церкви в гимназіи поехалъ в шлюпкѣ на кеостровъ на кеострове осматривалъ то мѣсто гдѣ Петръ Первый полаткой стоялъ былъ в томъ доме у наследниковъ гдѣ Петра 1-го квартира была дома уже нетъ того но наследники сохранили строенія Петра I-го деревянный немалой крестъ и ковшикъ серебрянной Жалованной Петромъ дѣду ихному. Мужикъ налилъ ковшикъ своимъ пивомъ и поднесъ Государю извенялся что онъ кроме пива нечево не имѣеть. Государь пива выпилъ из ковщика стаканъ и хвалилъ крестьянъ и женщинъ о нарядахъ называлъ наоцынальнымъ русскимъ. Со многими говорилъ и обратился вечеромъ въ свою квартиру 29 числа день темъ кончился. 30 числа Среда по утру въ 9 часовъ былъ у взвода морскимъ матросамъ ихъ офицерамъ объявилъ благодарность за исправность. После выехалъ в оспитательной домъ в приказъ опшественнаго призренія осмотрѣлъ заведеніе въ гарнизонной лазаретъ и мастерскіе осмотрѣвши. Отобедалъ у себя въ шлюпке. Поехалъ въ гавань гдѣ комерческіе корабли выстроены были въ двѣ линіи многихъ державъ разноцветные выпущены флаги матросы были верху по реямъ и по вантамъ кричали ура. Народъ по берегу бежали до моей биржи. Въ семь часовъ учрежденъ от общества у Олденопа в доме балъ. Государь пріехалъ исправности в 11-ть часовъ вечера и былъ на бале 1½ часа.

30 число окончено.

31 числа Четвертокъ утро опшество собралось к дому въ 8 часовъ и благодарили. Государь былъ веселъ и доволенъ Селгину капитану над портомъ и Лухонину оне равные чины имѣють вицъ адмирала пожаловалъ кавалерами Анны 1 степени Шамарину Владимира 4 степени Любушину Анны 4 степени Сказываютъ всехъ роздано 20 разныхъ ковалеріевъ но непомню сказать и не знаю обрубъ противъ Архангельска приказалъ на казенный счетъ отдѣлать. Мосеевъ островъ быками обставитъ чтобы его сохранить от ледовой воды. С мещанъ Архангельскихъ 20 годовъ подати не брать с мелкихъ судовъ и съ дровъ именно будетъ сказано водяныхъ не взыскивать. Для полку сколько поступило опшественныхъ казармъ и последніе приказалъ выстроить отъ казны и полкъ постоемъ будетъ содержатсе на казенной счетъ. Государь въ 12 часовъ прибылъ в Одмиралтеиство к спуску одново корабля и второво фрегата. Оба были спущены в одинъ часъ скатились очень хорошо

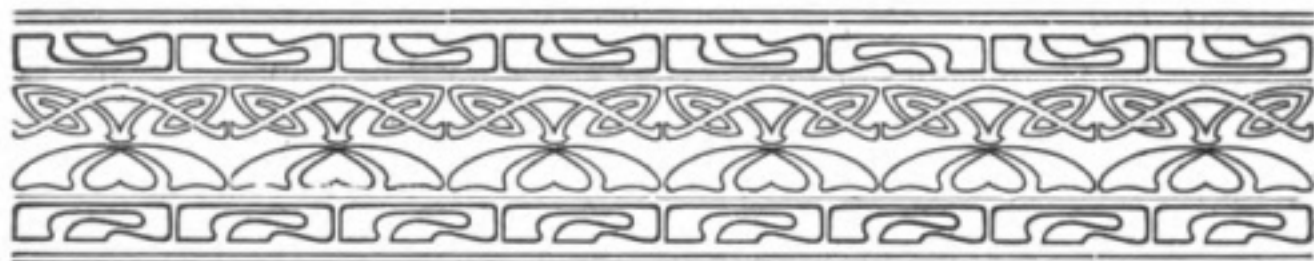
После Государь заложилъ одинъ фрегатъ и пошолъ по мастерскимъ разнымъ в адмиралтействе и в домъ военнаго губернатора отобѣдать. Вечеромъ велено собраться всемъ в соборъ и Государь прибудетъ в соборъ и сбору в обратной путь по Петербургской дороге только привернетъ в Ширшу осмотрѣть казенныя заведенія. 31-е число окончено.

1-е Августа Государь будетъ обѣдать въ Холмогорахъ. Оставить Архангельскъ однако хотели опшество или дѣпутаты просить остатся до Воскресенья, но не думая чтобы Государь на пустую прозбу согласится и даромъ время терять. Сіе я рассказываю не вамъ однимъ а и темъ кто хочеть знать но все по скорости после будетъ пояснее.

Еще потверждая вамъ Гаврила Подосенова отправите ежели получите у господина исправника деревцо и другое свое а нето одно свое отправите чтобы в дороге ветромъ не сломилось здѣлать утвердительно. и подвезать веревочками сверху оправить лучки сверхъ вершины чтобы в холодное время не ознобить также за однемъ попутьемъ отправите лисицы все и песцы всякаго разбору хотя дѣтемъ будетъ маленькимъ шубка есть черныя бархатныя мои воротники и новой лоску

П. Едемскій.

Дневникъ И. И. Шамшина

Въ бумагахъ скончавшагося въ 1912 году члена Государственнаго Совѣта, сенатора И. И. Шамшина сохранился дневникъ, веденный имъ въ десятилѣтнемъ возрастѣ, когда онъ былъ ученикомъ 1 класса гимназіи. Дневникъ этотъ — тетрадка въ $\frac{1}{16}$ долю листа сѣрой бумаги, не совсѣмъ грамотно написанный дѣтскимъ нетвердымъ почеркомъ; начальныя и послѣдніе листы дневника частью не существуютъ, частью истлѣли отъ времени.

Сохранившійся отрывокъ изъ дневника ученика перваго класса С.-Петербургской первой гимназіи Ивана Ивановича Шамшина ¹⁾.

1848 года.

Пятница 5 марта.

Утромъ опять ходили гулять на дворъ. Первую репетицію я повторялъ уроки. Въ первый часъ Шифнеръ поставилъ 4; второй часъ я началъ у Павла Петровича 2-кой

¹⁾ Членъ Государственнаго Совѣта И. И. Шамшинъ родился 21-го августа 1837 г., образованіе получилъ въ 1-й С.-Петербургской гимназіи и Императорскомъ Александровскомъ лицее, гдѣ окончилъ курсъ въ 1857 г. Въ должности оберъ-секретаря Правительствующаго Сената участвовалъ въ 1864 г. въ ревизіи сенатора Жданова, затѣмъ послѣдовательно занималъ должность товарища предсѣдателя и предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда, предсѣдателя департамента С.-Петербургской судебной палаты, статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, а съ 1 ноября 1879 г. сенатора. Въ 1880 г. ревизовалъ Саратовскую и Самарскую губерніи, затѣмъ исполнялъ обязанности почетнаго опекуна, былъ управляющимъ межевою частью, а въ 1896 году назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Скончался 4 января 1912 года.

батюшка меня не вызывалъ. Въ рекреацию я повторялъ нѣмецкое. Шуманъ поставилъ мнѣ 3. Вторую репетицію я дѣлалъ русское и французское. Во время рекреации я игралъ. Послѣднюю рекреацию я дѣлалъ географію. Въ рекреацию я писалъ свой дневникъ. Послѣ молитвы, видѣвшись съ братомъ, я легъ спать.

Суббота 6 марта.

Во время репетиціи я занимался какъ обыкновенно. Первый часъ Лючъ меня спрашивалъ, но не знаю, сколько онъ мнѣ поставилъ. Второй часъ Мосягинъ поставилъ мнѣ 5. Третій часъ у насъ было рисованіе. Во время рекреации я связывалъ мои книги. Слѣдующій часъ я получилъ отъ Lamroin 5. Послѣ я поѣхалъ домой.

Воскресенье 7 марта.

Я былъ дома, провелъ время очень весело и въ половинѣ девятого поѣхалъ въ гимназію. У насъ сегодня дежурили Бугъ и Крейцеръ.

Понедѣльникъ 8 марта.

Этотъ день я провелъ, какъ всѣ другіе дни; ничего замѣчательнаго не случилось. Вторую рекреацию приходилъ ко мнѣ братъ. Это время, въ которое мы съ нимъ говорили, было для меня пріятнѣйшее время изъ этого дня. Во время рекреации я говорилъ съ нѣкоторыми изъ нашего класса. Они мнѣ рассказывали, какъ проводили время на каникулахъ и проч. Послѣднюю рекреацию мы опять говорили. Послѣ молитвы я видѣлся съ братомъ и легъ спать. Эту ночь я провелъ очень хорошо. Русское—4, Латинское—4.

Вторникъ 9 марта.

Нынче началась весна. Этотъ день у меня болѣлъ животъ. Это было мнѣ очень непріятно потому, что не могъ ни говорить, ни играть съ товарищами. Весь этотъ день у насъ ждали Государя, но онъ не пріѣхалъ. Къ вечеру мнѣ стало легче. У кого-то изъ 3-го класса мы достали Пушкина сочиненіе и читали его. Мы читали о Дмитріѣ Самозванцѣ, какъ онъ сзываетъ поляковъ, чтобы они шли на Россію и остановились на томъ, какъ онъ открылся Маринѣ, дочери одного поляка, который принялъ его въ свой домъ потому, что онъ самозванецъ.

Послѣ молитвы я легъ спать и провелъ очень спокойно эту ночь. Географія—4, французское—5.

Среда 10 марта.

У меня прошелъ животъ. Я былъ этому очень радъ потому, что могъ играть съ товарищами. Я очень весело провелъ этотъ день. Все было какъ всегда. Французское—5, латинское—4.

Четвергъ 11 марта.

Нынче мы ходили на дворъ. Но къ 8 часамъ нашли тучи и все испортилось. Нынѣшній день я былъ очень веселъ. Вечеромъ ко мнѣ присылали и я былъ очень радъ, когда узналъ, что дома всѣ здоровы. Ничего замѣчательнаго не случилось. Французское—5, русское—5, латинское—4.

Пятница 12 марта.

Мы опять ходили на дворъ. Нынче было очень холодно. Этотъ день былъ для меня лучше всѣхъ въ недѣлѣ. Классы были самые пріятные. Я получилъ хорошія отмѣтки. Во вторые часы былъ самый лучший классъ. Я съ нѣкотораго времени теперь очень люблю рисовать. Потомъ былъ въ первые часы Законъ Божій. Мнѣ очень пріятно, какъ ба-тюшка намъ рассказываетъ. Приготовление уроковъ на слѣдующій день такъ легко. Я сдѣлалъ ихъ въ полторы репетиціи. Послѣ молитвы я видѣлся съ братомъ и легъ спать. Нѣмецкое—4.

Суббота 13 марта.

Мы опять ходили на дворъ. Ничего замѣчательнаго не случилось, кромѣ того, что былъ попечитель и остался доволенъ. Послѣ 4-хъ часовъ поѣхалъ домой. Русское—4, французское—5.

Воскресенье 14 марта.

Я былъ дома и въ 9 часовъ поѣхалъ въ гимназію.

Понедѣльникъ 15 марта.

Весь этотъ день мнѣ было чрезвычайно скучно. Мы ходили на дворъ утромъ, послѣ обѣда и послѣ чаю. Мы ожидали Государя, но онъ не пріѣхалъ. Я нынѣшній день получилъ довольно хорошія отмѣтки, чему я былъ очень радъ. Русское—4, латинское—4, нѣмецкое—4, математика—4.

Вторникъ 16 марта.

Я этотъ день провелъ очень весело. Мы опять какъ и вчера ходили на дворъ. Погода была превосходная. Ничего такого не случилось. Географія—4, французское—5.

Среда 17 марта.

Нынѣшній день случилось происшествіе очень пріятное для всѣхъ насъ. Послѣ рекреакціи мы пошли въ классы. У насъ долженъ бы быть Lamproin. Вдругъ онъ прибѣгаетъ и говоритъ, что пріѣхалъ Государь. Онъ тотчасъ вызвалъ Гернгроса и меня къ доскѣ. Мы писали анекдотъ о Эзопѣ. Онъ (Государь) вошелъ къ намъ въ классъ, а за нимъ все старшее отдѣленіе. Третій и второй классъ стояли въ коридорѣ. Онъ меня спросилъ: „Эзопъ ли я?“—я ему отвѣчалъ: „нѣтъ“ и потомъ Онъ спросилъ: „въ спинѣ у тебя пусто или много?“ Я ему сказалъ: „пусто“. Онъ меня ударилъ по плечу и пошелъ въ залу. Тамъ онъ спросилъ Захарова: „Эзопъ ли онъ?“.—Тотъ также отвѣчалъ: „нѣтъ“. Потомъ спросилъ, какъ его фамилія. Наконецъ, какъ Онъ уѣзжалъ, Ему одѣли шипель, отворили коляску и посадили Его туда. Послѣ я пошелъ въ пріемную. Инспекторъ ¹⁾ началъ рассказывать директору ²⁾, какъ пріѣзжалъ Государь. Онъ говорилъ: я стоялъ здѣсь. Вдругъ закричали: „Государь, Государь!“ Я тотчасъ застегнулся и пошелъ къ Нему. Потомъ Онъ пошелъ въ шестой классъ, спросилъ „какой это классъ?“ Я Ему отвѣчалъ, что это шестой классъ. Потомъ Онъ подошелъ къ пятому классу и спросилъ: „чему здѣсь теперь учатъ?“ Инспекторъ сказалъ: „Нѣмецкому языку“. Тогда Государь сказалъ: „нашему русскому брату не свойственъ нѣмецкій языкъ“. Наконецъ, Онъ пошелъ въ больницу. Тамъ разспрашивалъ больныхъ. До этихъ поръ директора здѣсь не было, но онъ въ это время подошелъ и инспекторъ пересталъ рассказывать и директоръ поѣхалъ къ попечителю спросить, до какихъ поръ насъ распустить. Послѣ 4 часовъ, когда онъ пріѣхалъ, насъ распустили до 18 числа вечера. Латинское—4.

Четвергъ 18 марта.

Весь этотъ день я провелъ очень весело и въ 9 часовъ поѣхалъ въ гимназію.

¹⁾ Бардовскій.

²⁾ Калмыковъ.

Пятница 19 марта.

Этотъ день я провелъ очень весело. Меня никто не вызывалъ потому, что только и было два класса. Одинъ изъ нихъ, а именно законъ Божій, мы были въ церкви, а второй классъ у насъ не было Шумана. Весь этотъ день погода была хорошая; мы ходили послѣ обѣда и чаю на дворъ. Послѣ обѣда я ходилъ смотрѣть отмѣтки. Мнѣ было очень пріятно, когда я узналъ, что мнѣ отъ всѣхъ гувернеровъ 5. Ничего такого не случилось. Я легъ спать съ желаніемъ, чтобы пришли завтра скорѣй четвертые часы, чтобъ ѣхать домой.

Суббота 20 марта.

Погода была весь этотъ день очень хорошая. Утромъ и послѣ обѣда ходили на дворъ, но я ни тотъ, ни другой разъ тамъ не былъ. Въ рекреациі я ходилъ съ Lamproin и собиралъ мои книги. Эта рекреациа прошла для меня очень скоро. Я сосчиталъ, что уже прошло семь мѣсяцевъ и тринадцать дней, какъ я поступилъ сюда. Наконецъ прошли четвертые часы и я поѣхалъ домой съ большою радостью. Географія—4, русское—4, французское—5.

Воскресенье 21 марта.

Весь этотъ день я былъ дома, провелъ очень весело время и въ 9 часовъ поѣхалъ въ гимназію.

Понедѣльникъ 22 марта.

Этотъ день мнѣ было вовсе не скучно, какъ всѣ другіе дни. Мнѣ казалось, что теперь четвергъ. Я получилъ этотъ день довольно хорошія отмѣтки и когда ложился спать то задремалъ и мнѣ казалось, какъ будто я дома. Эту ночь я провелъ очень хорошо и пріятно и притомъ я приготовилъ всѣ уроки къ завтрашнему дню. Русское—4, нѣмецкое—4, англійское—4.

Вторникъ 23 марта.

Этотъ день я провелъ очень весело. Ничего такого не случилось. Во время рекреациі я ходилъ на дворъ играть съ Храповицкимъ въ стѣнку. Однимъ словомъ провелъ очень хорошо. Географія—4, французское—5.

Среда 24 марта.

Я провелъ очень весело этотъ день, получилъ очень хорошія отмѣтки и въ 5½ часовъ поѣхалъ домой. Въ это время дома у меня родилась сестра. Ее назвали Еленою. Математика и латинское—4, нѣмецкое и французское—5.

Четвергъ 25 марта.

Я былъ дома, провелъ время очень весело и въ 9 часовъ поѣхалъ въ гимназію.

Пятница 26 марта.

Этотъ день мнѣ было очень скучно. Уроки къ завтрашнему дню были трудные, но я ихъ сдѣлалъ всѣ. Погода этотъ день была порядочная. Ничего такого не случилось. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтрашнихъ четвертыхъ часовъ, чтобы ѣхать домой. Латинское—4, Законъ Божій—5.

Суббота 27 марта.

Я весь этотъ день провелъ очень весело. Ходили на дворъ, но я не ходилъ. Въ 4 часа я поѣхалъ домой. Ничего такого не случилось.

Воскресенье 28 марта.

Весь этотъ день я былъ дома, провелъ очень весело и въ 9 часовъ поѣхалъ въ гимназію.

Понедѣльникъ 29 марта.

Вотъ уже и вербная недѣля. Еще 14 дней и Свѣтлое Христово Воскресенье. Я весь этотъ день провелъ очень весело. Я только и ждалъ и думалъ весь этотъ день, какъ бы пришли скорѣе апрѣль и съ нимъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Также этотъ день строилъ воздушные замки и въ такихъ занятіяхъ и думахъ время прошло очень скоро и я не замѣтилъ какъ скоро прошелъ день.—Русское—4, математика—5.

Вторникъ 30 марта.

Этотъ день я провелъ очень весело. Погода была очень хорошая. Этотъ день меня вызывалъ Лоховъ, но онъ не ставилъ отмѣтокъ, а Lamroin спрашивалъ насъ глаголь, и переводы и нѣкоторые читали. Вторую репетицію мы обыкновенно читаемъ у Крейдера, но этотъ день не читали потому, что у него болѣла голова. Намъ передъ обѣдомъ показывали различные опыты электричества. Сначала стрѣляли изъ воздушнаго пистолета, но я не видалъ, какъ это дѣлалъ. Потомъ насъ поставили въ кругъ и мы держались руками. Талызинъ вынесъ какую-то банку, сдѣлалъ что-то съ нею и у насъ жили какъ будто стянулись. Вечеромъ я смотрѣлъ у Фука отмѣтки. Этотъ день прошелъ у меня также незамѣтно, какъ и вчерашній.

Среда 31 марта.

Это послѣдній день въ этомъ мѣсяцѣ. Я нынче вспомнилъ, что хотѣлъ привезти сюда всѣ мои книжки, но позабылъ. Я также позабылъ привезти Робинзона для Захарова. Этотъ день Шуманъ поставилъ мнѣ 2, а Lamroin поставилъ 5. Этотъ день въ послѣднюю репетицію послѣ ужина, шестой классъ былъ въ физическомъ кабинетѣ передъ ужиномъ, а послѣ ужина вертѣли круглое стеклянное колесо и оттуда выскакивали искры. Этотъ день я легъ въ половинѣ девятаго потому, что я ожидалъ брата, а они не были на молитвѣ и вышли изъ физическаго кабинета въ $\frac{1}{2}$ 10 ч. Я, ложась спать, строилъ воздушные замки.

Четвергъ 1 апрѣля.

Этотъ день обыкновенно обманываютъ. У насъ обманули Шифнера и Мосягина. Мосягину сказали, что на доскѣ написано 1 апрѣля, онъ взглянулъ, а тамъ ничего не было. Шифнеру сказали, что послѣ третьихъ часовъ роппускъ. Я обдувалъ многихъ. Я разъ сказалъ Захарьину, что Пороф-Котецъ пишетъ что-то на бумажкѣ въ стихахъ, а когда онъ пришелъ посмотрѣть, то я ему сказалъ: „1 апрѣля“. Такимъ образомъ прошелъ день очень весело и незамѣтно. Я получилъ хорошія отмѣтки. Нынѣшній день должно быть рожденье моей покойной сестрицы Маріи; но ея теперь нѣтъ; она уже въ Царствіи небесномъ. Помяни ее Господь Богъ!

Мои отмѣтки нынѣшній день: изъ французскаго—5, изъ русскаго—4. Если вывести результатъ—4 $\frac{1}{2}$.

Изъ Робинзона Крузе.

Блаженъ стократъ, кто въ дни страданья
Быль твердъ и духомъ не упалъ,
Не думалъ, чтобъ свое созданье
Творецъ когда позабывалъ.
Молись Ему. Молитвы сладость
И горе превращаетъ въ радость.
Кто вѣритъ въ милосердье Бога,
Чья мысль Ему посвящена,
Тому житейская дорога
Не будетъ никогда страшна.
Кто съ упованьемъ Бога проситъ,
Легко тотъ крестъ житейскій носитъ.
Кто горюетъ въ горѣ
Терпитъ горе вдвое.

Пятница 2 апрѣля.

Этотъ день я провелъ очень весело. Я посылалъ домой письмо и узналъ, что всѣ здоровы. Нынѣшній день я видѣлся три раза съ братомъ. Онъ мнѣ далъ въ послѣдній разъ, какъ я съ нимъ видѣлся, веревки. Я нарисовалъ картинку;—землю поправилъ Алексѣевъ и прибавилъ, а остальное поправилъ Лабунскій и сдѣлалъ дерево...

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 2-го по 16-е декабря 1915 года.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собрание сочиненій. Подъ ред. В. Ө. Саводника. Вып. 6-я. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина. М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. (Пименовская, с. д.), 8° (15×22) VI+ 81 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 10 л. 2.050 экз.

Гурвичъ, Георгій. „Правда воли монаршей“ Өеофана Прокоповича и ея западно-европейскіе источники. Подъ ред. проф. В. Ө. Тарановскаго. (Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевскаго унив.“). Юрьевъ 1915. Тип. Маттисенъ. 8° (16×24). IX+111 стр. Ц. 70 к. Вѣсь 12 л. 800 экз.

Егоровъ, Д. Н. Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. Т. П. Процессъ колонизаціи. М. 1915. Тип. Московская худож. печатня (Трехпрудный пер., 9) 8° (17×24) XXVII+614 стр.+2 карты. Ц. 5 р. Вѣсь 3 ф. 600 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. 58-я. ПГ. 1915. Тип. Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20×29) 152 стр. съ 9 табл. и 78 рис. Вѣсь 1 ф. 10 л. 900 экз.

Лилеевъ, М. Изъ исторіи поповщинскаго раскола (Оттискъ изъ журнала „Труды Императорской Кіевской духовной Академіи“). Кіевъ 1915. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 112 стр. Ц. 70 к. Вѣсь 10 л. 100 экз.

Очеркъ Исторіи Чехіи. Пер. съ чешскаго ПГ. 1915. Изд. 2-е, Славянск. благотвор. общества. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерининскій, кан., 45). 8° (15×23). 14 стр.+2 карты. Ц. 1 р. Вѣсь 23 л. 1.200 экз.

Таубе, И. А., проф. Историческіе корни теперешней войны въ эпоху императоровъ Александра I и Николая I. Новая бібліотека. М. 1916. Изд. над. из-ва Наша Жизнь (Б. Дмитровка, 17). Тип. Москов. Художественная Печатня (Трехпрудн. пер., 9) 16° (9×14). 64 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 2 л. 8.000 экз.

Бемъ, А. Л. Къ исторіи изученія Толстого. 1. Толстовскія общества и ихъ издательская дѣятельность. 2. Обзоръ бібліографическихъ работъ о Толстомъ. (Вибліографическій сборникъ. Т. 1, вып. 3) ПГ. 1916. Изд. Русскаго Вибліологич. общества. Тип. Государственная, 8° (18×26). 112—167 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 7 л. 600 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Стихотворенія. Собралъ и примѣчаніями снабдилъ Александръ Блокъ. М. 1915. Изд. и тап. К. Ф. Некрасова (въ Ярославлѣ). 16° (14×19). XL+615 стр. Съ 1 портр. Ц. 3 р. 0 к. Вѣсь 1 ф. 15 л. 1.500 экз.

Любимовъ, С. Опытъ историческихъ родословіи. Гундоровы, Жижемскіе, Несвицкіе, Сибирскіе. Зотовы и Остерманы. ПГ. 1915. Тип. Андерсона и Лойпянскаго (Вознесенскій пр., 53). 8° (16×24) 103 стр. Вѣсь 14 л. 100 экз.

Архивъ Раевскихъ. Томъ V. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Пг. 1915, Изд. П. М. Раевского. Тип. М. А. Александрова, (Надеждинская, 43). 8° (18×26). XXV+776 стр. съ рис. Въсь 6 ф. 15 л. 600 экз.

Котляревскій, Несторъ. Канунъ освобожденія. 1855—1861. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени. Пг. 1916. Тип. М. М. Стаеулевича (В. О., 5 лин., 28). 8° (16×25). XI+560 стр. Ц. 2 р. 75 к. Въсь 1 ф. 25 л. 5.000 экз.

Русскіе литографированные портреты неизвѣстныхъ лицъ. Пг. 1915. Тип. тов. Р. Голике и А. Вильборгъ. 16° (11×15). 2 нен. стр.+24 портрета Въсь 7 л. 300 экз.

Сборникъ къ 80-лѣтію рожденія Григорія Николаевича Потанина. Избранныя статьи и біографическій очеркъ. Томскъ. 1915 Тип. Сибирскаго Товарищества Печатнаго Дѣла (Уг. Дворян. и Ямск. пер., с. д.). 8° (18×27). XXXI+113 стр. съ 1 портр. Въсь 3 с. 20.000 экз.

Толстовская бібліографія за 1913 г. (Обзоръ русскихъ книгъ и поврежденныхъ изданій). Подъ ред. А. Л. Бема. Пг. 1915. Изд. Толстовск. музея въ Петроградѣ (В. О., Большой пр., 6). Тип. Научное дѣло (Загородный, 74). 8° (17×24) X+54 стр. Ц. 50 к. Въсь 9 л. 600 экз.

Арсеньевъ, В. С. Письма: Императрицы Александры Ѳеодоровны, гр. Каподистрии, гр. Поццо ди Борго, гр. Алопеуса и кн. Козловскаго. (Русскій Архивъ 1915 г.). М. 1915. Тип. Синодальная. 8° (18+26) 385—393 стр. Въсь 2 л. 70 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Вып. 18-я Пг. 1915 Изд. Шиповикъ. Тип. Сириусъ. 4° (23×30). 90—168 стр. Съ рис. Въсь 1 ф. 5 л. 5.200 экз.

Бертенсонъ, Левъ. Къ воспоминаніямъ о Николаѣ Семеновичѣ Лѣсковѣ. (Отд. оттискъ изъ журнала „Русская Мысль“, октябрь 1915 г.). М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнаревъ и К° (Пименовская с. д.). 8° (16×25). 9 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Извѣстія отдѣла русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ 1915 г. Тома XX-го книжка 3-я. Содержаніе: I. Б. В. Варнеке. Замѣтки о народной драмѣ. II. Н. П. Поповъ. Нѣсколько разъясненій къ слову о чудѣ св. Климента надъ отрокомъ. III. Н. Ванъ Дейкъ. Къ интонаціи праславянскихъ надежей на IV. Г. Плакисъ. Къ исторіи литво-латышскихъ интонацій, V. Г. А. Ильинскій. Звукъ sh въ славянскихъ языкахъ. VI. Д. К. Зеленинъ. Къ вопросу объ изученіи соціальной стороны жизни языка. VII. И. Квачала. Первые философскія занятія Я. Гуса и новое критическое изданіе сочиненій Виклифа. (Wiclif Society). VIII. П. М. Копко. Исслѣдованіе о языкѣ Пандектовъ Антиоха XI в. I—IX. IX. В. П. Адрианова. Къ исторіи легенды о странствующемъ жидѣ въ старинной русской литературѣ. X. П. Н. Столпянскій. Старый Петербургъ. Августъ Вицманъ—одинъ изъ бывшихъ петербургскихъ педагоговъ конца XVIII вѣка. Пг. 1915. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (17×25). 358 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 13 л. 815 экз.

Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Допетровская литература и народная поэзія. Тексты, переводы, примѣчанія и словарь. М. 1916. Изд. 8-е, кн-ва Школа (Спиридоновка, 14) Тип. Г. Лиснера и Д. Собко. (Крестовоздв. п., с. д.). 8° (18×26). VIII+466 стр. Ц. 1 р. 65 к. Въсь 25 л. 10.000 экз.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ЭЛЕКТРО-МЕХАНИЧЕСКИХЪ СООРУЖЕНІЙ
„ДЕЖА“

бывш. Т-ва ДЮФЛОНЪ, КОНСТАНТИНОВИЧЪ и К^о.

Правленіе и Заводъ въ Петроградѣ, Аптекарскаго Острова,
 Лопухинская ул., 8. Телефоны: 406-26, 123-02.

Представительство и сотрудничество:

Anciens Etablissements Sautter-Harlé, Paris.

Société Française Radio-Electrique, Paris.

J. Cocard, constructeur, Lille.

Société pour l'Exploitation des Brevets Bellem & Bregeras, Paris.

I. Отдѣлъ электрическихъ машинъ.

Динамо, электродвигатели и трансформаторы всѣхъ родовъ тока и мощностей.

Электрическіе насосы, вентиляторы и лебедки.

Распределительныя устройства.

II. Отдѣлъ судовой электротехники.

Разныя электрическія машины и приборы специальныхъ судовыхъ типовъ.

III. Радиотелеграфный отдѣлъ.

Полное оборудованіе радиотелеграфныхъ станцій стационарныхъ, судовыхъ, аэропланнхъ и кавалерійскихъ.

Радиостанціи большой мощности.

Радиостанціи на автомобиляхъ.

Динамо и динамо-двигатели специальныхъ типовъ (частота отъ 1000 до 100000 періодовъ въ секунду).

IV. Отдѣлъ прожекторовъ.

Прожектора стационарные, передвижные и судовые типа Гарле и К^о, съ

металлическими и стеклянными отражателями.

V. Отдѣлъ тепловыхъ двигателей.

Бензиновые двигатели.

Керосиновые двигатели съ пускомъ на бензинъ и керосинъ.

Керосино и бензино-динамо.

Керосино и бензино-насосы стационарные и передвижные для различныхъ цѣлей.

VI. Отдѣлъ магнето.

Магнето новѣйшихъ типовъ для двигателей стационарныхъ, судовыхъ и авіаціонныхъ всѣхъ системъ.

VII. Отдѣлъ измерительныхъ приборовъ.

Тепловые амперметры и вольтметры.

VIII. Воздухоплавательный отдѣлъ.

Предметы оборудованія воздухоплавательныхъ парковъ.

Всякаго рода аппараты для добыванія водорода; конныя, паровыя и моторныя лебедки для привязныхъ шаровъ и всѣ принадлежности для военнаго воздухоплавательнаго дѣла.

Смѣты высылаются по требованію.

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Лѣтопись Екатеринославской Ученой Архивной Коммисіи. Подъ ред. А. С. Сивявскаго. Вып. X. Екатеринославъ. 1915 г. Тип. Губ. Земства. 8° (17×25). XXXII+385+96+2 стр. съ рис. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 6 л. 400 экз.

Любимовъ, С. В. Князья Назаровы. Отчетъ поколѣнной росписи. (Отд. оттиски изъ „Трудовъ Тульской губ. ученой Архив. коммисіи“). Тула. 1915. Тип. Е. И. Дружининой. 16° (17×25). 13 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сената. Т. XVIII (1738 г.). ПГ. 1915. Тип. Синодальная. 5° (21×31). V+2628 стр. Вѣсь 5 ф. 9 л. 900 экз.

Опись выставленныхъ въ пользу лазарета школы народнаго искусства Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны памятниковъ русскаго театра изъ собранія Л. И. Жевержеева съ предисловіемъ Н. Н. Евреинова, вступ. ст. И. Н. Божерянова, П. П. Гидича, С. М. Надеждина, Н. К. Рериха и приложеніемъ опыта словаря декораторовъ, состав. В. Я. Степановымъ. ПГ. 1915. Тип. Сиріусъ. 8° (17×24). XXII+102 стр. Вѣсь 22 л. 1.000 экз.

Иванъ Дмитриу, С. Д. Еще о мѣстоположеніи древней Одессы. (Отд. оттискъ изъ „Записокъ Имп. Одесскаго об-ва исторіи и древ.“). Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса (Херсонская, 15). (20×27). 8 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Закаспійскаго кружка любителей Археологіи и исторіи Востока. Вып. I. (1914—1915 г.). Асхабадъ. 1915 г. Тип. И. И. Александрова. 8° (16×25). 53 стр. Вѣсь 10 к.

Пятидесятилѣтіе Высочайше утвержденной коммисіи по разбору и описанію Архива Святѣйшаго Синода 1865 — 1915 г. Историческая записка ПГ. 1915. Тип. Синодальная. 8° (18×27). VI+454 стр. съ портр. Вѣсь 2 ф. 2 л. 500 экз.

Скабаллановичъ, Е. И. Къ біографіи М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Отд. оттиски изъ II книги „Трудовъ Тульской губ. Ученой Архивной коммисіи“) Тула. 1915 Тип. Е. И. Дружининой (Кіевская, 18). 8° (17×25). 8 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Уходящая Русь. Въ цвѣтныхъ гравюрахъ на линолеумѣ И. Н. Павлова. М. 1914. Изд. Книг-ства Печатникъ Ю. И. Лепковскаго (М. Бронная, 4). Тип. Рисунки, тип. Т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая, с. д.) клише и печать Шереръ, Набгольцъ и К° 1° (39×53). 6 гравюръ. Вѣсь 1 ф. 5 л. 500 экз.

Черепнинъ, Н. П. Императорское воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. Историческій очеркъ 1764—1914 г. Т. II и III. ПГ. 1915. Тип. Государственная. 4° (20×29). 671+III+754 стр. Съ рис. и портр. Вѣсь 12 ф. 20 л. 1.200 экз.

440 засѣданіе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 3 октября 1915 г. Одесса. 1915. Тип. Е. Хрисогелоса. 4° (20×29) 12 стр. Вѣсь 2 л. 50 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ДВѢНАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатъ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; призванныя неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878. и 1880 гг. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913, 1914 г.г. по 9 рублей, 1916 г.—10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ВЪМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

АВГУСТЪ.

1916 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. За пятьдесятъ лѣтъ
(воспом. Глѣбовой)
Сообщ. П. Скуратовъ.	161—170	VI. Земская реформа
1864 года и ея послѣ-
дующія измѣненія.
В. Смирнова	209—245
II. Изъ рассказовъ объ
архіереѣ Смарагдѣ
К. Гайдукѣ	171—174	VII. Тому сто лѣтъ. В.
Ключаревой	243
III. Авантюризмъ начала
XVIII вѣка. (Изъ исто-
рии приѣма иностран-
цевъ на рус. службу)
К. Н. Арнольди	175—191	VIII. Казанская старина.
Павель I въ г. Козмо-
демьянскѣ. В. П.
Грузинцева	244—146
IV. Старинное слово о
живомъ словѣ. П.
И. Сентюриной	192—202	IX. Казанскіе лашманы.
Н. В. Залѣскаго	247—260
V. Изъ размышлений
историка. (Литера-
тура о П. И. Сумаро-
ковѣ). С. В. Разу-
мовскаго	203—208	X. Замѣтки Петроград-
скаго обывателя во
время русско-нѣмец-
кой войны. П. В.	261—318
		XI. Къ портрету рядового
Турабаева	319
		XII. Библиограф. листокъ
на обложкѣ	

Приложеніе: Портретъ рядового Турабаева.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч.
до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1916 года.

К. А. Военскій. Прїѣздъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь 28 сентября 1812 г. Неизданное письмо очевидца. Петроградъ. 1915 г.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію письма, К. А. Военскій съ особымъ, свойственнымъ ему искусствомъ, излагаетъ знаменательный прїѣздъ Лористона въ Тарутинскій лагерь такъ прекрасно и отчетливо, что по этому описанію можно было бы написать картину. Тутъ же приводится письмо Наполеона къ Кутузову слѣдующаго содержанія: Князь Кутузовъ Я посылаю къ Вамъ одного изъ своихъ генераль-адъютантовъ для переговоровъ по важнымъ предметамъ. Я желаю, чтобы Ваша Свѣтлость повѣрили ему, что онъ Вамъ скажетъ, особенно же когда онъ выразитъ Вамъ чувство моего особеннаго уваженія къ особѣ Вашей. При чемъ молю Бога, дабы Онъ сохранилъ Вашу Свѣтлость подъ своимъ Святымъ покровомъ. Наполеонъ. Москва. 3 октября 1812.

Лористонъ не сразу былъ допущенъ въ Тарутинскій лагерь. Послѣ значительнаго промежутка времени, онъ и отправленный навстрѣчу къ Лористону Волконскій прибылъ въ Тарутинскій лагерь къ Кутузову, который имѣлъ съ нимъ наединѣ разговоръ. Послѣ этого Лористонъ возвратился обратно, а кн. Волконскій повезъ Александру I извѣстное письмо Кутузова, съ описаніемъ переговоровъ съ Лористономъ.

Послѣ этого авторъ излагаетъ содержаніе самого письма очевидца событія. Онъ рисуетъ событія и обстановку прїѣзда Лористона схоже съ дѣйствительностью, передаетъ положеніе нашихъ войскъ, ихъ настроеніе, разговоры военачальниковъ, свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашихъ партизановъ и предположенія о грядущемъ мирѣ. Небольшая книжка эта читается съ большимъ интересомъ.

Вѣнокъ Врангелю отъ общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Петроградъ. 1916 г.

Въ статьяхъ А. Ѳ. Кони, П. П. Вейнера, С. Л. Бертенсона, В. А. Верещагина, А. Н. Бенуа, С. Ѳ. Ольденбурга,

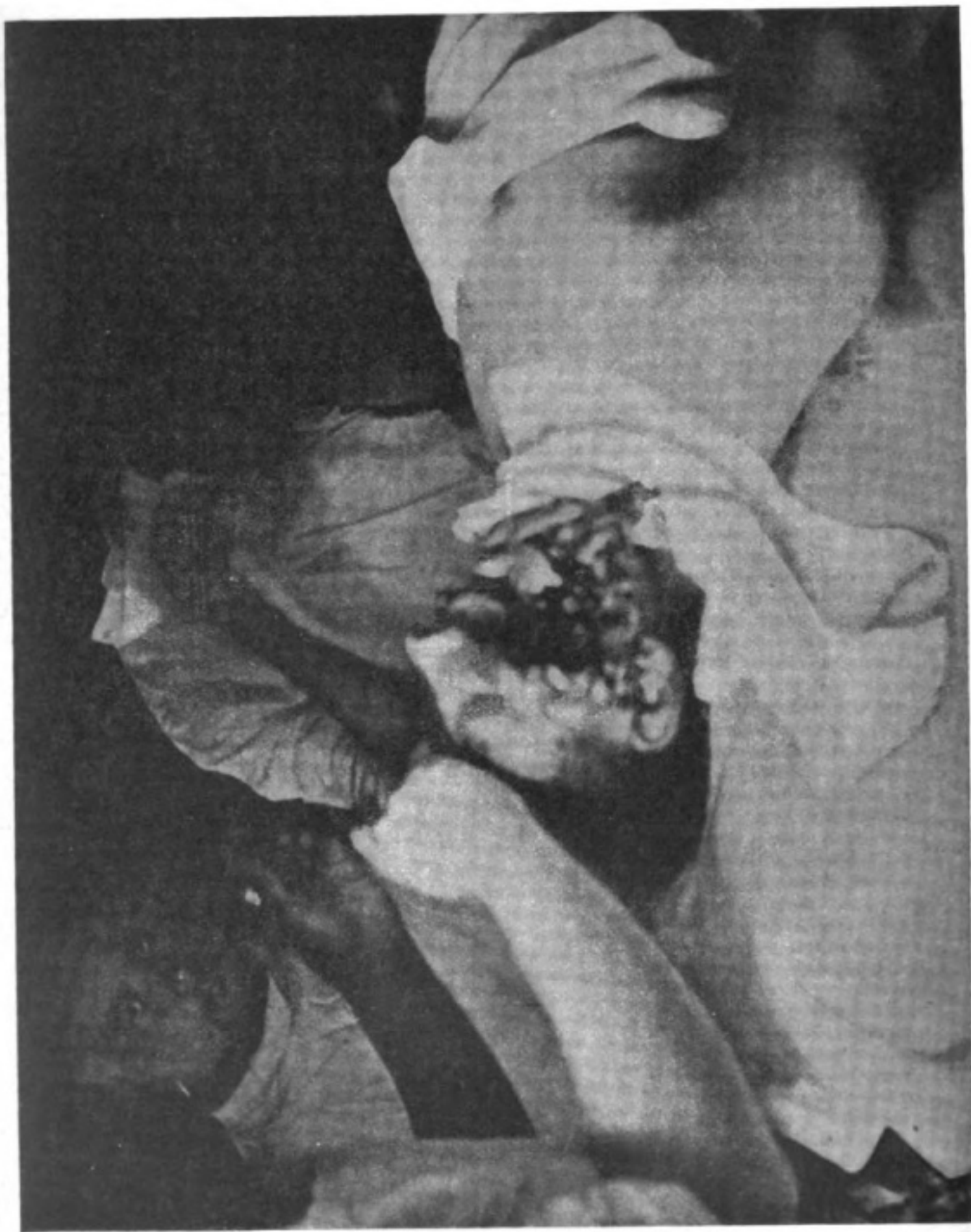
**Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ и книжныхъ
магазиновъ принимающихъ подписку.**

Вслѣдствіе вздорожанія бумаги и типографскихъ работъ, редація журнала „Русская Старина“ доводитъ до свѣдѣнія, что съ 1-го января будущаго 1917 года, она вынуждена подписную цѣну увеличить на одинъ рубль.

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи, вмѣсто 10-ти рублей—11 рублей; за границу, вмѣсто 12-ти рублей—13 рублей.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5% съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Фонтанка, 18.

Рядовой Стрѣлковаго полка Бирахманъ Турабаевъ.

За пятьдесятъ лѣтъ.

(Воспоминая г. Глѣбовой).

Глава 4¹⁾.

Начались правильные уроки танцевъ. Позиціи и первые приемы я усвоила очень скоро. Дядя былъ очень доволенъ мной, и я очень скоро начала разучивать характерныя па. Особенно хорошо мнѣ удавался чардашъ. Преподаваніе обыкновенно начиналось послѣ обѣда, по возвращеніи его съ занятій. Утро и день мы были предоставлены самимъ себѣ. Свои познанія я передавала сестрѣ. Не знаю, была ли я плохимъ педагогомъ или у сестры не было способностей, но она воспринимала все очень туго, что меня весьма огорчало. Когда мое преподаваніе заканчивалось, мы съ сестрой отправлялись до обѣда гулять. Тутъ я входила въ роль няньки, одѣвала сестру, осматривала, оправляла ее, и мы, какъ взрослые, но взявшись за руки, гуляли по улицамъ. Разъ даже заблудились и съ трудомъ нашли свой домъ.

За обѣдомъ я ухаживала за сестрой, кормила ее, вытирала ей губы, носъ и подкладывала кушанья. Первое время мнѣ было пожительно дико не слышать руготни, не ощущать побоевъ. Я все это считала неотъемлемымъ, необходимымъ въ моей жизни; мнѣ казалось, что всѣ папаша на свѣтѣ такъ обращаются со своими дѣтьми и что иного обращенія, иной жизни быть не должно. Всѣ люди должны учиться, а стало быть и мой папаша училъ меня и поступалъ такъ, какъ поступать надлежитъ. И только по прошествіи нѣкотораго времени я поняла, что

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1916 г.

значить свобода, ласковое обращеніе, и жизнь мнѣ стала казаться пригляднѣй, пріятной, и въ головѣ зародились съ новой силой мысли о томъ, что я буду артисткой, но теперь я себя представляла танцующей чардашъ, если и не блондинкой, все-таки съ голубыми глазами. Къ дядѣ приходили знакомые, и онъ иногда просилъ меня протанцевать что-либо въ ихъ присутствіи; всегда просилъ и никогда не заставлялъ угрозами или приказаніемъ. Такимъ образомъ я привыкла къ танцамъ при постороннихъ и, слыша постоянно похвалы, съ удовольствіемъ исполняла желаніе дяди. Я танцевала съ увлеченіемъ и видимо увлекала и зрителей. Во мнѣ, что называется, разгорался артистическій огонекъ, меня влекло къ сценѣ. Я была и старательна, и внимательна, и послушна. Какъ-то дядя получилъ извѣщеніе, что мы съ сестрой должны пробыть у него нѣсколькомѣсяцевъ, что Леличка (мужъ) устраиваетъ какія-то дѣла, очень важныя, устраивающія его, но требующія продолжительныхъ хлопотъ.

Для дяди, вѣроятно, это былъ сюрпризъ; но онъ былъ удивительно добрый человекъ и продолжалъ быть съ нами ласковымъ и пріятливымъ.

Я сдѣлалась въ родѣ хозяйки у него въ домѣ и кой-что начинала понимать въ этомъ дѣлѣ.

Возвратясь однажды со службы, дядя почувствовалъ себя нездоровымъ. Лицо страшно измѣнилось, осунулось, и носъ заострился. Это я хорошо помню. Глаза были воспалены и блестѣли лихорадочнымъ огнемъ. Силы разомъ оставили его, и онъ обратился въ неподвижный пластъ. Жаръ у него былъ такой, что, стоя около него, я чувствовала этотъ жаръ. Я была его сидѣлкой, давала ему пить, давала куриный бульонъ, переворачивала его, помогала встать съ кровати, словомъ, исполняла старательно роль сидѣлки. Временами онъ совершенно терялъ сознаніе, все тѣло покрывалось сыпью. Прислуга его, простая, деревенская баба предложила дядѣ послать за докторомъ, но тотъ коротко отвѣтилъ:

— Не надо, все равно... чувствую, конецъ будетъ одинъ...

Попросила и я его: онъ ласково посмотрѣлъ на меня, на его глазахъ навернулись слезы, бѣлыя губы, запекшіяся, силились улыбнуться; руки не шевелились, и только пальцы странно перебирались.

— Маруся, не надо... милая, бѣдная дѣвочка... напиши матери, чтобы... пріѣхала... Въ верхнемъ ящикѣ въ комодѣ...

въ правомъ углу, возьмите деньги... истратить... на что понадобится... и...

Дядя не докончилъ, смолкъ. Онъ видимо лишился сознанія.

Я начала понимать, что происходитъ что-то страшное, и въ слезахъ бросилась на колѣни у кровати и стала цѣловать руку больного. Сестра смотрѣла широко открытыми глазами, а затѣмъ стала тоже плакать, за компанію со мной...

Дядя уснулъ или по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что онъ уснулъ. Я тиховько на пальцахъ вышла изъ комнаты и сѣла у окна. Сестра Вѣра помѣстилась на подоконникѣ. Мнѣ стало грустно до ужаса, квартира показалась какой-то пустой, люди, идущіе по улицѣ, совсѣмъ, совсѣмъ чужіе, и какіе-то тоже страшные, холодные, безучастные къ моему горю. Такъ сидѣли мы съ сестрой довольно долго. Дядя спалъ, и мы боялись его разбудить. До насъ доносилось его короткое, прерывистое дыханіе, и какой-то легкой, шипящій звукъ вырывался вмѣстѣ съ дыханьемъ изъ груди и горла.

— Маруся, раздался внезапно окрикъ дяди. Звукъ голоса мнѣ показался какимъ-то необыкновеннымъ, надорваннымъ, не то испуганнымъ, не то удивленнымъ.

Я опрометью бросилась въ его комнату. Дядя полусидѣлъ на кровати и пристально смотрѣлъ, широко открытыми, воспаленными глазами.

— Маруся, обратился онъ ко мнѣ, указывая дрожащей рукой на занавѣсъ, которой было закрыто его окно. Скажи мнѣ, ты видишь что-нибудь... Видишь...

Я посмотрѣла въ ту сторону, куда онъ указывалъ. Сквозь пеструю занавѣску ярко свѣтило солнце и узоры причудливо вырисовывались. Кромѣ ихъ я ничего не видала.

— Я, дядя, ничего не вижу, ничего...

— Не видишь, а лицо... лицо Спасителя... Онъ же смотритъ на меня и улыбается...

Черты больного озарились необыкновеннымъ счастьемъ. Я дрожала и вперила свой взглядъ на занавѣсъ. Въ это время солнце зашло за тучу, и занавѣска потемнѣла.

— Ну вотъ... теперь никого нѣтъ... странно...

Дядя откинулся на кровать, закрылъ глаза и ускоренно дышалъ. Я снова вышла въ залъ и снова помѣстилась у окна. Сердце мое билось, руки и ноги дрожали, и должно

быть на лицѣ отразилось мое волненіе, потому что сестра спросила:

— Что съ тобой, Машенька, тебѣ больно?

Я успокоила сестру. За спиной раздался шорохъ. Я повернула голову, въ дверяхъ стояла прислуга. Она обратилась ко мнѣ.

— Барышня, пожалуйста ключи отъ комода, мнѣ надо достать чистую скатерть покрыть столъ...

Я дала ей ключи, и она тихонько отправилась въ комнату дяди. Черезъ двѣ, три минуты она вернулась, держа скатерть и отдавая ключи, и затѣмъ скрылась въ кухню.

Часы пробили два. Накрылся столъ. Я покормила сестру, заглянула затѣмъ къ дядѣ. Онъ лежалъ съ открытыми глазами... Я спросила его:

— Хочешь бульону?

Онъ кивнулъ слегка головой въ знакъ согласія. Я налила въ тарелку, понесла ему, хотѣла кормить.

— Принеси еще ложку... я хочу, чтобы ты ѣла вмѣстѣ со мной, прошепталъ больной. Я поставила тарелку на стулъ и пошла за ложкой, чтобы исполнить его желаніе. Дядя ждалъ. Я давала ему ложку супу, а затѣмъ брала себѣ. Дядя довольно улыбался, и когда кончилъ ѣсть, особенно ласково произнесъ:

— Милая дѣвочка... да сохранить тебя Христось... иди... я буду дремать. Я, захватя тарелку и ложки, вышла. Только успѣла я поставить тарелку, какъ въ комнатѣ дяди раздался крикъ. Бросившись туда, я увидѣла его сидѣвшимъ, спустя худыя ноги. Глаза его бѣгали...

— Маша... я умираю... Маша, смотри же, въ комодѣ двѣсти рублей... похорони... остальные тебѣ... передай привѣтъ матери...

Онъ быстро всталъ на ноги и черезъ мгновение упалъ на постель. Грудь тяжело подымалась, въ горлѣ что-то клокотало. Я рванулась къ нему и, приподнявъ его, поддерживала голову. Безграничной благодарностью свѣтились его глаза. Онъ становился очень тяжелымъ; руки мои затекали, дрожали, и я боялась его уронить. Вдругъ онъ разомъ вытянулся, глаза широко открылись, все тѣло передернуло, и онъ, выпавъ изъ моихъ рукъ, неподвижно лежалъ на кровати... Я только взвизгнула, не понимая еще вполнѣ случившагося. Крикъ мой услышала кухарка. Она вбѣжала въ комнату и, взглянувъ въ лицо дядѣ, произнесла:

— Прикончился...

Я вопросительно посмотрѣла на нее.

— Дядя померъ Вашъ... царство ему небесное. Хоронить надо.

Кухарка вышла. Я стояла окаменѣвшая. Слезъ не было... Горе мое было выше слезъ. Я потеряла душу добраго, честнаго человѣка, душу, которая первая приласкала, приголубила меня. Я ни разу не видала даже недовольства во взглядѣ, не то рѣзкаго, грубаго слова. Первый разъ я увидала смерть лицомъ къ лицу, въ первый разъ я ощущала ея холодъ, величіе и какую-то своеобразную тишину...

— Барышня, васъ человѣкъ спрашиваетъ, раздался голосъ кухарки. Я оглянулась и увидѣла мужчину. Это былъ черный воронъ-гробовщикъ. Не говоря ни слова, онъ снялъ мѣрку и вышелъ. Я слыхала, какъ кухарка шептала:

— Попроше, подешевле...

Г л а в а 5.

Я и кухарка собственноручно обмыли тѣло, одѣли его и вмѣстѣ положили на столъ. Мнѣ было очень тяжело и трудно. Затѣмъ кухарка отправилась и откупила землю для могилы. Вообще она оказывала какія-то особенныя старанія и я невольно замѣтила, что она избѣгала смотрѣть мнѣ въ глаза. Къ вечеру принесли гробъ. Тѣло положили въ него, и гробовщикъ заявилъ, чтобы я уплатила десять рублей, что завтра онъ явится съ людьми, и они отнесутъ покойника на кладбище. Я взяла ключи и пошла за деньгами въ комодъ, но каково было мое удивленіе, когда вмѣсто двухсотъ рублей я нашла въ немъ только двадцать пять. Не понимая, въ чемъ дѣло, я отправилась на кухню заявить объ этомъ кухаркѣ, но, увы, она собрала вещи и скрылась. Тогда мнѣ не пришло въ голову, что прислуга въ то время, когда брала у меня ключи, украдала деньги, оставивъ незначительную сумму. Я расплатилась съ гробовщикомъ, и мы остались съ сестрой однѣ.

Насталъ вечеръ. Намъ не приходило въ голову зажечь свѣтъ, и мы сидѣли въ потемкахъ. Кругомъ было тихо, тихо, но страха я не ощущала. Но вотъ выплыла луна и полосами раскинулась по полу. Мнѣ стало очень грустно

по дядѣ, и я безъ боязни отправилась въ комнату, гдѣ онъ лежалъ. Лунный свѣтъ ударилъ въ лицо покойника, и я остановилась передъ нимъ и долго смотрѣла въ его лицо. Онъ лежалъ, какъ живой, и легкая улыбка озаряла его лицо...

— Дядя, милый дядя, шептала я, и мнѣ казалось, что онъ меня слышитъ. Помолись за насъ, помолись!—и слезы прямо потоками лились изъ моихъ глазъ. Я подошла ближе и хотѣла его поцѣловать, но не смогла достать. Гробъ былъ широкій и бока мнѣ мѣшали. Тогда я пододвинула скамью, встала на нее и крѣпко, крѣпко поцѣловала дорогое существо. Прикосновеніе къ холодному остывшему трупу заставило меня вздрогнуть. Тутъ только я поняла вполнѣ, что такое случилось, и громко зарыдала. Сестра услышала и босикомъ въ одной рубашенкѣ прибѣжала ко мнѣ и удивленно смотрѣла. Я взяла ее на руки и помогла приложиться. Она заплакала и, чего-то испугавшись, не пожелала цѣловать дядю. Я не настаивала, и вотъ мы, одинокія дѣвченки, крѣпко взявшись за руки, стояли почти всю ночь у гроба. Сила сна наконецъ поборола насъ, и мы пошли спать. Сестра пожелала лечь со мной. Я согласилась, и вотъ мы заснули. Утромъ явился врачъ, кажется городской полиціи, осмотрѣлъ покойнаго, и я ясно услышала слова: у него былъ сыпной тифъ. Надо отдѣлать дѣвочекъ и послѣ похоронъ дезинфицировать квартиру и на нѣкоторое время забить ее. Они ушли.

Я только нѣсколько лѣтъ спустя поняла, какой опасности мы съ сестрой подвергались; особенно я, соприкасаясь и кушая изъ одной тарелки куриный бульонъ. Могу сказать, не судьба мнѣ была умирать.

Я смотрѣла въ окно въ ожиданіи похоронъ и видѣла, какъ у воротъ стоялъ полицейскій, какъ подходили вѣроятно знакомые дяди и какъ спѣшно уходили, бояливо поглядывая на окна. Появились нищіе, но тоже ушли, а мы съ сестрой, не подозрѣвая опасности, сидѣли и ждали дальнѣйшихъ событій.

Наконецъ увидѣли пятерыхъ человѣкъ: гробовщика и четырехъ мужчинъ, въ черныхъ сюртукахъ, на головахъ были надѣты взѣрошенные цилиндры, обшитые старымъ серебрянымъ галуномъ. Вся эта компанія вошла въ квартиру, взяла крышку отъ гроба, забила ее гвоздями, вынесла гробъ, положила на носилки, и траурное шествіе тронулось.

Впереди несли гробъ, съ боку шелъ гробовщикъ, а мы съ сестрой плелись сади. Гробовщикъ взялъ у меня послѣдніе пятнадцать рублей за могилу и на другіе расходы, и я осталась съ двумя или тремя копейками.

Кладбище было далеко за городомъ. Мы такъ устали, что едва волочили ноги. Лицо, платье, ботинки были сѣры отъ пыли. Мнѣ временами казалось, что я упаду, а сестра теряла силы, и мнѣ пришлось ее на руки взять и нести нѣсколько времени, пока она немного отдохнула. Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на оригинальное шествіе. Большинство снимало шапки и крестилось. Усталость наша дошла до крайнихъ предѣловъ, когда я наконецъ впереди себя увидела много деревянныхъ и другихъ крестовъ. Мы вошли въ границу вѣчнаго успокоенія и долго брели, поворачивая то вправо, то влѣво, по кладбищу, и наконецъ очутились у самаго его конца. Тамъ ожидала вырытая могила и священникъ. Гробъ опустили въ могилу, засыпали землей, священникъ отслужилъ панихиду, гробовщикъ что-то сунуль ему въ руку, и тотъ удалился; затѣмъ гробовщикъ сунуль и мнѣ что-то въ руку и, сказавши: „будьте здоровы, барышни“, ушелъ. Я посмотрѣла, что онъ мнѣ далъ, и увидѣла серебряную монету, это были пятнадцать копѣекъ. Всѣ разошлись, и у свѣжаго холмика земли стояли мы съ сестрой. Затѣмъ опустились и сѣли на траву. Усталость охватила насъ еще болѣе, и кости мои ныли и трещали. Сестра положила голову мнѣ на колѣна и уснула, я дремала клюя посомъ... На деревьяхъ каркали стаи грачей, и въ травѣ трещали стрекозы.

Время было подыматься. Я и сестра встали. Мы еще немного побыли у скромной могилы и пошли. Кругомъ насъ высились кресты новые, старыя, очень старыя, покрышіеся плѣсенью и готовые упасть. Лавируя среди нихъ, мы добрались до выхода; сообразили, куда надо двигаться, въ какую сторону, и пустились въ путь-дорогу. Сестрѣ захотѣлось пить и ѣсть. Я ее утѣшала, говоря, что дома покушаемъ, а что теперь надо терпѣть. Вначалѣ она молчала, а потомъ стала плакать, а затѣмъ опять смолкла. Шли мы долго и медленно. Я запомнила дорогу и правильно двигались къ дому. Начали мелькать домики предмѣстья, затѣмъ потянулись улицы, а тамъ показалось и наше жилище.

— Ну вотъ,—обратилась я къ сестрѣ,—мы будемъ скоро

дома, и я дамъ тебѣ ѣсть. На сестру страшно было смотрѣть. Потъ проложилъ дорожки по запыленному лицу, сбившіеся отъ вѣтра и пота волосенки были въ беспорядкѣ, глаза ввалились и губы запеклись. Я была конечно не лучше. Близость дома придала намъ энергію, и мы невольно пошли бодрѣе. Вотъ знакомая вывѣска мелочной лавки, вотъ золотой крендель булочной, вотъ сапогъ, нарисованный на жести сосѣда-сапожника, а вотъ и нашъ домикъ. Мы подошли и не вѣрили глазамъ. Мнѣ казалось, не сбллись ли мы и не попали ли въ другое мѣсто. Нашъ особнячекъ былъ наглухо забитъ досками, и попасть въ него не было никакой возможности. Какъ я ни была молода, глуха и неопытна, но у меня зашевелились волосы на головѣ, и я потерянными глазами смотрѣла на доски, которыми были забиты окна и калитка во дворѣ. Онъ былъ пустъ, какъ была пуста наша квартира. Я беспомощно смотрѣла на сестру, потомъ опять на домъ, опять на нее и вдругъ горько, горько заплакала. Сестра опять начала просить ѣсть и пить. Я повела ее въ лавочку, кушила хлѣба, колбасы, мы поѣли и, напившись воды, вышли на улицу. Гривенникъ былъ истраченъ, и нашъ капиталъ состоялъ изъ семи или восьми копѣекъ. Я сѣла на тумбу, сестра около

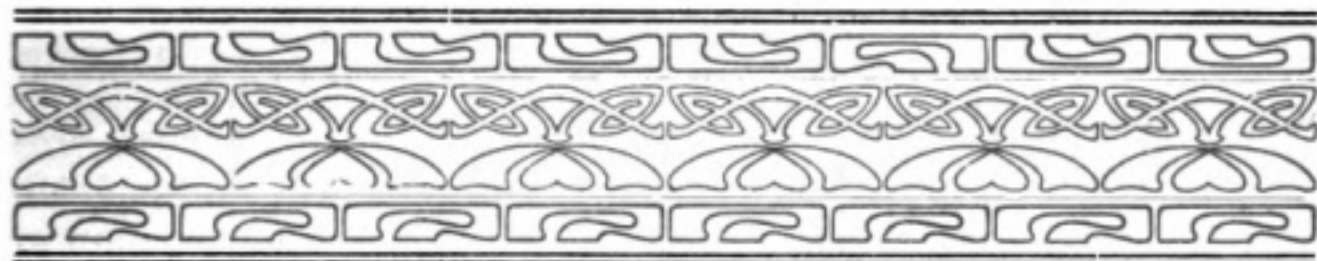
Прохожихъ не было. Улица вообще была пустынная, а въ этотъ моментъ точно всѣ вымерли, и только въ пыли валялась чья-то свинья. Я положительно не знала, что дѣлать, какъ поступить, къ кому обратиться, и не было силъ двинуться съ мѣста. Написать къ матери, но я не знала адреса. Писалъ ей дядя и адресъ былъ записанъ въ книжечку, что лежала у дяди въ его письменномъ столѣ. Да, наконецъ, если бы адресъ былъ найденъ, письмо шло долго и обернуться оно могло дней въ пять, шесть. И такъ, что же было дѣлать? Мысли въ моей головѣ прыгали, путались; я старалась собрать ихъ, чтобы имѣть возможность придумать что-либо, но... напрасно. Обратиться въ полицію мнѣ почему-то не приходило въ голову, вѣдь это она же забила домъ, вѣдь это ей же предписалъ докторъ такъ поступить. Тамъ въ домѣ остались наши пожитки, бѣлье, пальтишки и все прочее. Мнѣ и въ голову не приходило, что вещей уже не было, что ихъ успѣли куда-то спроводить. Быть можетъ, для сожженія, быть можетъ, для дезинфекціи, а быть можетъ, онѣ были проданы тряпичнику для распространенія заразы. Все это я соображаю теперь, но тогда, тогда я была увѣрена, что имущество мое цѣло и

охраняется сосновыми досками. Время летѣло, солнце уже почти закатилось, начало дѣлаться прохладно. Сестра уже дрожала. Я прижала ее къ себѣ, обнимая, старалась согрѣть.

Все это произошло въ теченіе недѣли, начиная съ болѣзни дяди и закончившись его смертью и похоронами. Пока Богъ хранилъ насъ, мы не заразились какимъ-то чудомъ: мы обѣ были здоровы; какъ распорядится судьба далѣе, это было покрыто мракомъ неизвѣстности. Гдѣ же мы будемъ спать, думалось мнѣ. О ѣдѣ я пока не думала, вѣдь было еще на семь копѣекъ мѣди. Я осматривалась кругомъ и увидала у одного изъ домиковъ, съ боку воротъ, углубленіе и въ немъ скамеечку и рѣшила переночевать тамъ. Не долго думая, я взяла за руку сестру, и мы направились къ намѣченному мѣсту. Я посадила сестру, сѣла и сама. Сестра полулежа почти сейчасъ заснула, а я бодрствовала. Промелькнуло нѣсколько прохожихъ, но они, не замѣчая, проходили въ разныя стороны. Думается мнѣ, что если бъ они и увидали насъ, то прошли бы мимо, не обративъ вниманія: какое дѣло имъ до двухъ грязныхъ, маленькихъ, чужихъ имъ дѣвченочекъ. На дворѣ стало темнѣть. На небѣ показалась первая звѣздочка, а тамъ вторая, третья, и наконецъ весь сводъ небесный засверкалъ звѣздами. Я прямо тряслась и зубы мои стучали. Наша сторона осталась вся въ тѣни, а луной освѣщалась противоположная, по ней-то и ходилъ сторожъ, постукивая въ колотушку. Походилъ, постучалъ и куда-то ушелъ. Стукъ колотушки доносился издалека, а тамъ и смолкъ.

Я боролась со сномъ, побаиваясь темноты, и прижималась къ сестрѣ, согрѣвала ее. Затѣмъ стала соображать все меньше и меньше. Событія дня какъ-то испарились изъ усталой головы, и я стала дремать... Я уже не соображала, гдѣ я. Послѣдними потерялись отъ моего вниманія мигающія звѣзды, а тамъ я уже и окончательно не видѣла ничего изъ окружающаго меня. Одинъ только разъ меня заставила пріоткрыть глаза это метнувшаяся мимо, съ сильнымъ хрюканьемъ свинья, необходимая принадлежность всѣхъ небольшихъ городочковъ. Грязи много, а слѣдственно и удовольствія свиньямъ достаточно.

И такъ мы заснули... Свѣжесть зорьки разбудила насъ. Яркая, красно-матовая полоска блистала на во-

Изъ разсказовъ объ архіереѣ Смарагдѣ.

Была въ Рязанской губерніи служилая семья нѣ-
конихъ Сп—хъ.

Происходили они, какъ тогда говорилось, изъ оберъ-
офицерскихъ дѣтей. Отецъ былъ лекаремъ, дѣдъ священ-
никомъ. Не имѣя ничего наслѣдственнаго, должны были
весь вѣкъ свой жить службой. Члены этой многочисленной
семьи занимали должности становыхъ, исправниковъ, почт-
мейстеровъ, слѣдователей. Не въ примѣръ служакамъ ста-
раго закала всѣ они отличались добродушіемъ, беззлобіемъ;
не были взяточниками, вымогателями, насильниками. Служ-
ебное дѣло свое вели просто и честно. До большихъ чи-
новъ не доходили, выходя въ отставку самое большее съ
чиномъ статскаго совѣтника, и доживали вѣкъ свой на
ничтожную по прежнимъ окладамъ чиновничью пенсію.
Память о себѣ въ народѣ оставили они хорошую. Корен-
нымъ свойствомъ этой семьи кровныхъ великороссовъ была
крайняя чудаковатость ея представителей. У всѣхъ были
свои особенности: кто былъ охотникъ до боевыхъ гусаковъ
и пѣтуховъ; кто любилъ въ хорошей лѣтній день, выйдя на
дворъ въ халатѣ, подпоясанномъ носовымъ платкомъ, пого-
нять голубей турмановъ. Гдѣ можно было, занимались они
садоводствомъ, разводили породистыхъ куръ, утокъ, гусей.
Развлеченія ихъ всегда были самага мирнаго и безвред-
наго характера для окружающихъ. Отличались они рѣдкою
сообщительностью и ко всѣмъ встрѣчавшимся на ихъ жиз-
ненномъ пути людямъ относились въ высшей степени
доброжелательно. Были они хлѣбосолы, любили провести
время въ пріятельской бесѣдѣ, перекинуться въ картишки,
выпить, закутить. До глубокой старости сохраняли они

способность къ шуткамъ и балагурству. Разказы ихъ больше касались старины, которую они, не будучи вралями, умѣли живо и вѣрно представить съ ея своеобразными особенностями.

Одинъ изъ братьевъ П. В., долгое время прослужившій судебнымъ слѣдователемъ, былъ человекъ такого неисчерпаемаго добродушія и хлѣбосольтва, что приводимыхъ къ нему на квартиру подслѣдственныхъ арестантовъ прежде всего спрашивалъ—сыты ли они? Если узнавалъ, что голодны, то приказывалъ накормить ихъ на кухнѣ и поставить для нихъ самоварчикъ. Мужчицъ, какими бы звѣрскими, безобразными, отталкивающими физиономіями они ни обладали, П. В. всегда звалъ „красавецъ“. Женщинъ, хотя бы дряхлыхъ старухъ—„красавица“.

Справившись, покормили ли арестанта, онъ приказывалъ привести его къ себѣ въ кабинетъ. Тотъ первымъ долгомъ благодарилъ хозяина за хлѣбъ соль; потомъ начинался дѣловой разговоръ.

— Ну, красавецъ, какъ дѣла? спрашивалъ П. В. и начиналъ умѣло, тонко, съ огромнымъ знаніемъ дѣла и психологии преступнаго люда вести слѣдствіе. „Красавцу“ оставалось только удивляться, какъ такой душевный обходительный баринъ и такъ ловко его поддѣваетъ. Все шло у П. В. по-любезному—безъ окриковъ, безъ угрозъ.

— „Ну вотъ, красавецъ, все у насъ пойдетъ по-хорошему. Потолкуемъ по душѣ. Малый ты, я вижу, хорошій, ходовой малый. Не дѣлалъ ты этого и прекрасно—молодецъ! Хвалю! Только вотъ что, братецъ, вѣдь Иванъ-то Петровъ говоритъ, что видѣлъ на тебѣ рубашку въ крови. Тетка Дарья видѣла, какъ ты рубашку замывалъ. Вѣдь и имъ тоже нужно вѣрить. Люди они не плохіе. Хоть Ивана Петрова взять; еще при господахъ бурмистромъ былъ да послѣ воли сколько годовъ въ старостахъ выходилъ. Ни въ чемъ не замѣченъ—старикъ законный, правильный старикъ. Опять же и тетка Дарья тоже женщина степенная; и про нее грѣхъ худо-то молвить! Вотъ, красавецъ ты мой, ты намъ полегоньку да помаленьку и расскажи, откуда кровь взялась у тебя на рубашкѣ, а мы послушаемъ.“

Приготовляясь слушать П. В. вынималъ табакерку и, съ аппетитомъ понюхавъ табачку, щелкалъ пальцемъ по носу генерала, изображеннаго на крышкѣ табакерки.

Арестантъ начиналъ врать и путать.

— Эхъ, красавецъ, чего уже тутъ?! Не такъ дѣло было. Похожа свинья на быка да шерстка не така! У васъ вѣдь у всѣхъ такая повадка:— клади часы въ карманъ, а купца бери на обманъ. Ну это, другъ ты мой сладкій, еще какъ придется! И мы тоже не лѣвой ногой сморкаемся,—энаемъ, гдѣ у попады родинка!..

Несравненный мастеръ толковать съ народомъ, умѣлъ и любилъ П. В. въ компаніи пріятныхъ для него людей рассказать изъ своего богатаго служебнымъ опытомъ прошлаго про разные случаи, свидѣтелемъ которыхъ довелось ему быть. Въ противоположность большинству россійскихъ рассказчиковъ его собственная личность на первый планъ у него въ разказахъ никогда не выступала.

Въ началѣ царствованія Императора Александра II былъ П. В. окружнымъ начальникомъ окружныхъ крестьянъ въ Рязанскомъ уѣздѣ. По обязанностямъ службы долженъ онъ былъ сопровождать архіереевъ во время объѣзда ими церквей въ селахъ, населенныхъ государственными крестьянами, состоявшими въ вѣдѣніи П. В., какъ старинное село Льговъ или Ольговъ при древнемъ Ольговомъ монастырѣ, Казарь, и другія села. Сопровождалъ П. В. и преосвященнаго Смарагда. Приходилось ему, какъ рассказывалъ онъ много лѣтъ спустя, видать, какъ производилъ расправы надъ священно-и церковнослужителями грозный архіерей. „Ухватить, бывало, попа или дьякона въ алтарѣ за волоса, уже онъ его возить, возить по алтарю - то, всю пыль имъ на полу подотреть. Никого не миловалъ: твердо держался правила—дуракамъ и въ алтарѣ не спускаютъ. За то подъ судъ никого не отдавалъ. Духовенство его за это любило: вздуеть и дѣлу конецъ! Сердитый былъ. Подъ горячую руку лучше и на глаза ему не попадайся! Ѣздитъ шибко любилъ. У него ямщикъ на козлахъ не зѣвай! Возьми глаза въ зубы и дѣйствуй на законномъ основаніи. По-фельдъегерски ѣздилъ!

По должности окружнаго начальника пришлось мнѣ провозить его изъ села Льгова въ городъ Спасскъ. За архіерейской каретой шестерней еле поспѣвала моя тройка въ тарантасѣ. Коренникъ шелъ во всю рысь. Пристяжныя едва поспѣвали уносить постромки. Такъ шло, пока ѣхали лугами по твердой накатанной дорогѣ. Подъ Ярцевскими слободками, какъ только выѣхали на пески, шесте-

рикъ сталъ сдавать. Трудно было тащить по песку грузную на стоячихъ рессорахъ карету, позади кузова которой были мѣста для архіерейской прислуги. Скоро лошади и совсѣмъ стали. Дверца кареты отворилась. Показалась до половины высунувшаяся фигура архіерея съ посохомъ въ рукѣ, принявшимъ самое угрожающее положеніе по отношенію къ ямщику, сидѣвшему на козлахъ. Послышались раскаты гнѣвнаго голоса владыки. Что онъ кричалъ, слышать было нельзя; но голосъ былъ свирѣпый. Форейторъ, соскочивъ съ сѣдла, живо отпрягъ подсѣдельную и поскакалъ на ней въ село за свѣжими лошадьми.

Населеніе окрестныхъ селъ и деревень знало о проѣздѣ архіерея. Народъ выходилъ навстрѣчу и стоялъ по дорогѣ. Видя, что карета остановилась, мужики, бабы, ребята,—все двинулось за архіерейскимъ благословеніемъ. Изъ стариковъ и старухъ, кто понабожнѣе,—тѣ даже на колѣни встали и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. Уже и получили же они архипастырское благословеніе.

Такъ ихъ благословили—крѣпче и не придумаешь!

Должно быть, въ это утро владыка всталъ съ постели лѣвою ногой. Яростно преподаль онъ своей богоспасаемой паствѣ благословеніе самаго непечатнаго свойства, снабжая его донельзя крѣпкими російскими выраженіями, отъ которыхъ паства, какъ стадо испуганныхъ овецъ, такъ и шарахнулась въ стороны.

Долго бушевалъ Смарагдъ, пока не привели и не заложили свѣжихъ лошадей. Здорово влетѣло и священнику въ ближайшемъ селѣ, котораго архіерей, не разбирая, правъ онъ или виноватъ, сразу сгребъ за волосы и началъ таскать.

Покойный преосвященный былъ человекъ строгій и серьезный. По пустякамъ беспокоить себя не любилъ. Случилось такъ, что во время пребыванія его на рязанской кафедрѣ изъ Касимовскаго женскаго монастыря убѣжали двѣ монашки. Игуменья поѣхала въ Рязань, чтобы лично доложить объ этомъ ужасномъ съ ея точки зрѣнія происшествіи. Въ трепетъ повергшись предъ архіереемъ на колѣни, она возопила:

— Владыко! у насъ бѣда!!

— Какая же, мать моя, у васъ тамъ бѣда? въ высшей степени хладнокровно спросилъ преосвященный.

— Владыко! у насъ двѣ монашки убѣжали!..

— Если бы и всѣ-то вы убѣжали, никакой бѣды бы не было! спокойно замѣтилъ Смарагдъ.

В. Гайдуковъ.

Авантюристъ начала XVIII вѣка.

Къ исторіи приѣма иностранцевъ на русскую службу.

(Изъ семейнаго архива).

1.

Покрытые вѣковой пылью старыя документы похожи на заглохшій костеръ, тлѣющій у дороги. Невнимательный путникъ броситъ разсѣянный взглядъ на сѣрую кучку зола и пройдетъ мимо. Но путешественникъ, привыкшій наблюдать, остановится и подумаетъ: кто-то прошелъ здѣсь раньше меня. И концомъ своей палки расшевелитъ забытый огонь. И вдругъ ярко вспыхнетъ дремавшее пламя, согрѣетъ его и освѣтитъ ему дальнѣйшій путь.

Скучны и непривлекательны на видъ мертвыя страницы стариннаго архива. И кажется, что не стоить тратить на знакомство съ ними времени, такъ дорого цѣнимаго въ нашъ стремительный вѣкъ. Но стоить любопытнымъ рукамъ прикоснуться къ нимъ, какъ потеря времени вознаградится сторицею. Съ полустлѣвшихъ листовъ глянетъ на насъ оживающее далекое прошлое, давно угасшія образы воскреснутъ и одѣнутся плотью, давно забытые люди станутъ двигаться и говорить. И мы увидимъ ту же комедію жизни, что разыгрываемъ сами, ту же борьбу страстей и интересовъ, тѣ же чаянія и тѣ же разочарованія. И часто извлечемъ много утѣшительнаго и примиряющаго съ жизнью.

2.

„Въ нынѣшнемъ, 1701 году, Декабря въ 31-й день, писалъ къ Великому Государю Царю и Великому Князю Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу изъ Смоленска бояринъ и воевода Петръ Самойловичъ Салтыковъ, съ жильцомъ Аврамомъ Радищевымъ.

„Что Декабря въ 8-й день пріѣхали въ Смоленскъ изъ Польши, съ письмомъ князя Григорія Долгорукова, французовъ офицеровъ 16 человекъ. А въ томъ письмѣ написано: отпустилъ онъ изъ Варшавы призванныхъ офицеровъ въ его Великаго Государя службу: генераль-инженера Бертрана ¹⁾, маіора пѣхотнаго, полковника коннаго, полуполковника, капитановъ 11 человекъ, да порутчика, давъ имъ карету и нанявъ лошадей фурманскихъ. А офицерамъ, по ихъ прошенію при отпускѣ ихъ изъ Смоленска, на харчъ, чѣмъ доѣхать до Москвы, дано изъ артиллерійской казны 82 рубли съ полтиною.

Для того, что, говорили они ему, боярину и воеводѣ, что имъ до Москвы въ дорогѣ удовольствоваться съѣстнымъ харчемъ нечѣмъ; которые-де у нихъ были ефимки и тѣ-де ефимки они въ дорогѣ исхарчили. И буде имъ въ Смоленскѣ на харчъ денегъ не дадутъ и имъ-де доѣхать до Москвы нечѣмъ. Для того та дача имъ и дана“.

Такъ появляется на горизонтѣ возрождающейся Россіи герой нашего очерка. Въ глухую зимнюю пору, въ компаніи съ такими же смѣлыми и голодными искателями счастья, онъ пробирается по первобытнымъ дорогамъ неизвѣстной полудикой страны и, послѣ тяжелаго путешествія, въѣзжаетъ въ кривые, узкіе, занесенные снѣгомъ переулки ея столицы.

„И тѣ иноземцы на Москвѣ въ государственномъ посылскомъ приказѣ явились и распрашиваны, и о службѣ ихъ взяты у нихъ свидѣтельствоваанныя пасы и переведены“.

Впрочемъ, генераль-инженеръ Бертранъ никакихъ документовъ не предъявилъ.

„А о службахъ пасовъ не явилъ. А сказалъ, что у генераловъ пасовъ не бываетъ“.

¹⁾ Фамилія измѣнена.

Свѣдѣнія, которыя далъ о своемъ прошломъ французскій выходецъ, страдали излишней краткостью. Родился въ Дофинѣ, служилъ въ Королевской французской арміи „въ разныхъ чинѣхъ и генераломъ“. Участвовалъ „во многихъ бояхъ“ противъ англичанъ и голландцевъ во Фландріи и другихъ мѣстахъ. Потомъ (неизвѣстно по какой причинѣ) перешелъ на службу къ польскому королю и служилъ въ Варшавѣ „у пѣхоты генераломъ“ годъ и 4 мѣсяца. „И нынѣ призванъ къ великому Государю на службу“.

Чѣмъ руководствовался князь Долгорукой (русскій посоль при польскомъ дворѣ), нанимая на русскую службу неизвѣстнаго ему человѣка—сказать трудно. Изъ договорнаго письма видно, что Бертранъ присвоилъ себѣ какой-то необыкновенный титулъ: „крайняго художества инженерскаго и архитейсковики воинской президента“ и въ качествѣ такового долженъ былъ получать, по условію, „корму по 130 ефимковъ на мѣсяцъ и подарокъ“.

Хотя старыя бумаги даютъ довольно скудныя свѣдѣнія о дѣятельности генераль-инженера Бертрана въ Россіи, однако является безспорнымъ, что ему удалось занять сразу довольно высокое положеніе и вращаться въ сферахъ, непосредственно близкихъ къ Великому Преобразователю. Имѣлъ ли онъ право на тотъ чинъ, которымъ онъ подписывался, или нѣтъ, но въ военно-инженерномъ дѣлѣ онъ очевидно кое-что смыслилъ, а потому явился несомнѣнно полезнымъ человѣкомъ, о чемъ и свидѣлствуютъ неоднократно его письма какъ къ Федору Алексѣевичу Головину, такъ и къ самому Государю.

Въ 1702 году Бертранъ подаетъ черезъ Головина Царю записку объ организаціи инженерной части въ русской арміи.

„Его Имперіальское Величество укажетъ генералу Бертрану все, что изволить крѣпить, приступать, оборонять мѣста, содѣлованіе пристанищъ морскихъ, стѣнъ, которыя противъ морскихъ волнъ, прокопы, и никому воздастъ отвѣтъ о его дѣяніи, токмо Его Величеству и Вамъ, мой Государь“.

Другими словами, Бертранъ добивался полной „автономіи инженернаго управленія“.

Далѣе онъ требуетъ „чтобы генералы конницы и пѣхоты сходились съ генераломъ инженеромъ во время единыя осады, освѣдомиться отъ него, егда будетъ время конницѣ работать фасины, а пѣхотѣ туры и рыть землю. И дать ему

ихъ батальоны, которые онъ прошать будетъ остереганія ради работающихъ и отпора ради непріятеля“.

Въ отношеніи артиллеріи Бертранъ идетъ далѣе и находитъ необходимымъ поставить ее въ подчиненное отношеніе инженерамъ.

„Яко такожде комиссары артиллеріи и иные офицеры сего дѣла должны будутъ покоряться инженерамъ въ единой осадѣ, токмо единомысленно, работаютъ они въ ихъ мѣстахъ воинскихъ батеріи пушекъ, батеріи мортировъ и оную малыхъ пушечекъ и тако и проч. яко во Франціи“.

Это „яко во Франціи“ повторяется нѣсколько разъ въ запискѣ и служитъ, въ глазахъ составителя, повидимому, рѣшающимъ, безапелляціоннымъ аргументомъ.

Въ заключеніе Бертранъ проситъ себѣ чина лейтенанта-генерала „сіе есть мѣстодержащаго генерала“.

Неизвѣстно, была ли принята записка Бертрана къ руководству, но „мѣстодержащаго“ онъ не получилъ.

Такъ или иначе, безвѣстный выходецъ изъ Франціи пріобрѣтаетъ значеніе, вращается въ кругу приближенныхъ Петра и не разъ удостоивался личныхъ отъ него порученій. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ считаетъ себя въ правѣ писать Государю: „никоторый изъ иностранцевъ такъ фамиллярно не приближался, какъ я, къ Вашему Величеству“.

3.

Россія жила колоссально ускореннымъ темпомъ. Десятилѣтіями нараставшія стремленія къ свѣту и новымъ формамъ жизни осуществлялись теперь почти съ молніеносной быстротой. Старыя подпорки рушились одна за другою, и нужно было только поспѣвать ставить новыя, для чего требовалась масса умѣлыхъ и расторопныхъ рукъ. Некогда было разбирать, насколько онѣ чисты. Вотъ почему на-ряду съ тѣми, имена которыхъ съ уваженіемъ сохранить наша исторія, на-ряду съ Брюсами, Чемберсами, Огильви, Баурами и пр. Москва была наводнена разношерстной массой жадныхъ искателей счастья, главное достоинство которыхъ заключалось въ прекрасномъ аппетитѣ, а главное горе въ невозможности удовлетворить его у себя дома.

Ясно, что въ общемъ стремленіи къ одной цѣли—государевой казнѣ—всѣ сбились въ кучу, въ которой, въ концѣ

концовъ, стало тѣсно. Создалась, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, атмосфера постоянной интриги, свары, недоброжелательства, атмосфера „поджоги“. И не замедлили появиться пикантныя разоблаченія.

„Полуполковникъ“ де-Гверенъ чего-то не подѣлилъ съ генераломъ Бертраномъ. Слѣдствіемъ явилось письмо (по-французски) къ Головину, въ которомъ доблестный полуполковникъ отдѣлываетъ своего соотечественника, что называется, подъ орѣхъ.

„Я узналъ, пишетъ онъ, что нѣкій Бертранъ, выдающій себя въ Москвѣ за генерала и который во Франціи и въ Польшѣ снискивалъ себѣ пропитаніе черченіемъ и рисованіемъ, имѣетъ наглость клеветать на меня и на всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ въ Москву французскихъ офицеровъ“.

Де-Гверенъ ручается честнымъ словомъ, что изъ всей ихъ компаніи нѣтъ ни одного, который не стоялъ бы неизмѣримо выше этого провансальскаго хвастуна (*de se taisvais fanfaron provençal*), все хваленое знаніе котораго зиждется на неисчерпаемомъ нахальствѣ“.

Наполнивъ цѣлыхъ двѣ страницы бранью по адресу своего врага, почтенный полуполковникъ выдаетъ ему въ концѣ концовъ печальную аттестацію, какъ „удивительному трусишкѣ (*admirable poltron*), которому нѣкоторые изъ нашей компаніи неоднократно указывали его мѣсто, на что Бертранъ отвѣчалъ лишь на подобіе тѣхъ великолѣпныхъ англійскихъ договъ, которые довольствуются ворчаніемъ и лаемъ, не рѣшаются укусить“.

Но этого мало: разсерженный де-Гверенъ утверждаетъ, что Бертранъ обманулъ Царя: онъ вовсе не состоялъ на службѣ короля польскаго. Обвинитель ссылается на свидѣтелей, которые могутъ подтвердить это (и нужно сознаться, что таинственное отсутствіе „паса“ также подтверждаетъ это обвиненіе).

Быль ли де-Гверенъ самъ лицомъ, мало заслуживающимъ довѣріе, или просто на его письмо не обратили должнаго вниманія, полагая, что не все ли равно, каково было прошлое Бертрана, разъ онъ теперь дѣлаетъ свое, полезное для государства, дѣло, но, повидимому, доносъ послѣдствій не имѣлъ. Наоборотъ, Бертранъ не только продолжалъ свою службу въ Москвѣ, но и получилъ прибавку содержанія. вмѣсто 130-ти, ему стали платить 150 ефимковъ въ мѣсяцъ.

4.

Великія событія шли свсимъ путемъ, а на ихъ фонѣ, какъ мелкія, быстро бѣгуція облака на фонѣ грозовой тучи, сплетались и сталкивались личные интересы и шла борьба самолюбія, тщеславія и алчныхъ вождельній.

Къ лѣту 1702 года пошли слухи о томъ, что шведы намѣреваются напасть на Архангельскъ. Немедленно же Петръ отправляется навстрѣчу опасности, взявъ съ собою большую часть своихъ сотрудниковъ. Генераль-инженеръ Бертранъ находится въ ихъ числѣ.

Незамѣтно проходили лѣтніе дни. Синѣло сѣверное небо, шумѣли сосновые лѣса, бѣлые паруса носились надъ зелеными волнами. Царь сходилъ съ кораблей на берегъ, потомъ опять садился на корабли и плылъ въ другое мѣсто. Не хватало часовъ въ суткахъ. Сегодня въ Архангельскѣ, завтра въ Повѣнцѣ, послѣ завтра опять на берегу Студенаго моря. Палатки то и дѣло складывались и снова разставлялись—все на новыхъ мѣстахъ.

Можно было видѣть воочию, какъ геній человѣка подчиняетъ себѣ природу. Какъ, взявъ ее, словно кусокъ глины, онъ лѣпитъ изъ нея то, что ему нужно, заставляетъ ее служить своимъ человѣческимъ цѣлямъ. И дикіе лѣса и море подчинялись родившейся въ головѣ человѣка идеѣ: тутъ возникала земляная звѣзда укрѣпленія, тамъ каменное жало мола вливалось въ самую гущу сердитыхъ волнъ. Лѣсныя чащи уступали мѣсто безконечнымъ просѣкамъ, пустынные берега рѣкъ обросли складами и магазинами.

16 августа подпоручикъ Лефортъ сказалъ генералу Бертрану, что „Царское Величество съ транспорта перешелъ на сухой путь“. И Бертранъ пошелъ „своей должной поклонъ отдать и получилъ Царскаго Величества очи видѣти въ палаткѣ у г-на генерала Ивана Ивановича Чамберса“.

Государь пробылъ въ палаткѣ недолго, принялъ угощеніе и уѣхалъ. Бертранъ подошелъ къ вице-адмиралу ¹⁾, и они „пріятно поступали и другъ другу старую имѣющую межъ собою недружбу простили“, послѣ чего вице-адмиралъ уѣхалъ на свой корабль.

¹⁾ Фамилія неизвѣстна.

Не успѣлъ онъ скрыться, какъ Памбургъ, капитанъ корабля, успѣвшій уже хватить изрядную порцію голландской водки, началъ ни съ того, ни съ сего ругаться.

„Для чего ты съ такимъ гунифотомъ помирился? Знатно, такой же и ты гунифоть“, приставалъ онъ къ Бертрану.

Лекарь Постниковъ тоже изрядно нагрузился по случаю прїѣзда Царя. Онъ раскачивался на походномъ стулѣ, держась за палаточную палку, и смѣялся всему, что говорилось.

Бертранъ не смутился замѣчаніемъ Памбурга.

„Я ссориться съ тобой не хочу,—возразилъ онъ спокойно, всякъ знаетъ, что я не гунифоть“.

„Молчи, ты и ротъ свой держи! продолжалъ сердиться Памбургъ. Въ моей волѣ, что я тебя въ карманъ мой всуну“.

„Мой любезный голландецъ, отшучивался Бертранъ.—Я емь зѣло великъ, что ты хочешь въ карманъ меня всунуть. Будемъ лучше по-прежнему добрыми друзьями пребывать“.

И опять Постниковъ засмѣялся назойливымъ смѣхомъ пьяваго человѣка.

Памбургъ накинулся на него.

— Ты меня задираешь! Изволь со мной на шпагахъ биться!

И, присоединяя къ словамъ дѣло, онъ схватилъ бѣднаго эскулапа за рукавъ кафтана и вытащилъ вонъ изъ палатки, въ намѣреніи драться съ нимъ на дуэли.

Бертранъ, Чамберсъ и Кенигсекъ бросились за нимъ. Бертранъ обнялъ расходившагося голландца и отвелъ въ сторону, говоря:

— Другъ мой, покинь сіе: ты вѣдаешь повелѣніе нашего Государя. И, сверхъ того, немного себѣ чести получишь, что съ пьянымъ докторомъ биться станешь.

Остальные увели Постникова, и такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ.

Но безпокойному капитану не хотѣлось идти въ палатку, куда его звалъ Бертранъ; его тянуло на волю. Бертранъ, уступая его желанію, отдалъ епанчу мальчику, и прїатели пошли къ виднѣвшемуся невдалекѣ лѣсу.

Наступалъ вечеръ. Солнце медленно опускалось къ горизонту. Въ воздухѣ чувствовалась близость моря и сосноваго бора. Лагерный шумъ постепенно утихалъ, и

душой Бертрана овладѣлъ давно не испытанный покой. Онъ снялъ треуголку. Вѣтеръ слегка шевелилъ пряди его легкаго лѣтняго парика и пріятно обдувалъ голову. Вокругъ разстилался мирный ландшафтъ; деревушка виднѣлась на пригоркѣ; слышалось мычаніе стада, возвращавшагося домой. Бертранъ думалъ о своей безпокойной, бездомной жизни, и чувства, похожія на зависть, шевелились въ его душѣ при взглядѣ на бѣдныя крыши деревенскихъ домиковъ. Будеть ли когда-нибудь и у него свой кровъ и свой очагъ?

Такъ вошли они въ лѣсъ, и вѣковыя сосны обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и загородили отъ внѣшняго міра. Тогда Памбургъ, молчавшій всю дорогу, внезапно обнажилъ свою шпагу и, глядя тяжелымъ взглядомъ на спутника, сказалъ:

— Теперь ты за вице-адмирала и за Постникова стой и отвѣдай голландца, каковъ голландецъ.

Очнувшійся Бертранъ невольно попятился назадъ, но, сохраняя спокойствіе духа, отвѣтилъ:

— Ты опять за свое. Покинь сіе, и пойдемъ лучше обратно въ палатку. Тамъ завеселимъ себя виномъ.

Но Памбургъ съ злобнымъ упрямствомъ пьянаго дурака повторялъ:

— Вынимай шпагу или я тебя заколю!

— Вспомни Государевъ указъ, Памбургъ, уймись,—просилъ Бертранъ.

Но голландецъ уже насѣдалъ на него. Отступая, Бертранъ наткнулся, въ своихъ большихъ нѣмецкихъ сапогахъ, на корень и упалъ, но во-время ухватился за дерево и поднялся. Кровь бросилась ему въ голову отъ сознанія опасности. Быстро выхвативъ оружіе, онъ остановился.

— Памбургъ, пожалуй, покинь сей обычай. А я себя заколотъ не дамъ и по нуждѣ буду дѣлать, какъ надлежитъ.

— Боронись, сколько можешь! — крикнулъ въ отвѣтъ голландецъ и яростно кинулся впередъ.

Все кончилось во мгновеніе ока. Шпага Бертрана пробила кафтанъ, грудь, сердце Памбурга, и бѣдный капитанъ грянулся на землю, не издавъ ни звука...

Генераль Чамберсъ сидѣлъ еще за столомъ, куря трубку и бесѣдуя съ Керхеномъ, Кенигсекомъ и Лефортомъ, когда входъ въ палатку распахнулся и вошелъ Бертранъ. Не отвѣчая на веселыя привѣтствія, онъ остановился передъ Чамберсомъ.

— Я закололъ Памбурга. На поединкѣ.

Съ минутоу длилось молчаніе. Потомъ Чамберсъ всталъ.

— Отдайте, государь мой, вашу шпагу.

Безпрекословно генераль-инженеръ исполнилъ приказаніе. Точно также не протестовалъ, когда Керхенъ отвелъ его въ палатку и приставилъ къ ней карауль. Голько громко, такъ что слышали всѣ собравшіеся вокругъ, воскликнулъ:

— Предаюсь въ волю Государеву!

А Чамберсъ съ Кенигсекомъ пошли въ лѣсъ, на указанное Бертраномъ мѣсто, осмотрѣть тѣло убитаго.

„И нашли успяца на спинѣ, а шпага у него въ рукѣ на голо“...

5.

„И ево, Памбурга, погребъ, а животы его послалъ переписать Керхена, да съ нимъ полкового писаря Григорія Рубцова“.

Такъ писалъ Чамберсъ Ѳедору Алексѣвичу Головину.

Не лишенъ интереса списокъ вещей, оставшихся послѣ погибшаго Памбурга. Изъ него можно усмотрѣть, что иностранцы, состоявшіе на службѣ Царя, были довольно зажиточные люди.

Въ первомъ сундукѣ:

„Персона Государева золотая. И положена та персона во французскомъ красномъ кафтанѣ.

Шпага, у ней черенъ серебряной.

Кафтанъ французской и камзолъ суконные дикого цвѣту, подбиты чернымъ сукномъ.

Кафтанъ французской лазоревой. Около ево всего петли, золото съ серебромъ, подбитъ сукномъ лазоревымъ. Пуговицы обшивныя, золотомъ и серебромъ. Камзолъ и штаны атласъ бѣлой, травы золотныя; подбитъ камзолъ бѣлою тафтою.

Подпояска турецкая красная“ и т. д.

Въ другомъ сундукѣ:

„Мѣшокъ атласной, шить золотомъ и серебромъ. А въ немъ 6 золотыхъ двойныхъ, да одинакихъ 140 золотыхъ, да $\frac{1}{4}$ ефимка серебрянаго.

348 рублевъ, 7 алтынъ, 2 деньги.

14 книгъ морскихъ, 11 тетрадей съ листовымъ золотомъ

7 скатертей столовыхъ, 20 полотенецъ ручныхъ столовыхъ, 3 простыни, 5 платковъ нѣмецкаго полотна, шестой шелковой, 8 паръ манжетъ“ и т. д.

Вся роспись занимаетъ 8 страницъ.

„Такова подлинная роспись за закрѣпою стольника двинскаго воеводы Василя Ржевскаго“.

6.

Убийство Памбурга не имѣло печальныхъ послѣдствій для нашего героя. Повидимому, Петръ, разобравъ дѣло, избавилъ его отъ тяжелой кары, которой подвергались нарушители его указа о дуэляхъ. На это указываютъ и нѣкоторыя письма Бертрана, въ которыхъ онъ напоминаетъ, что жизнь его принадлежитъ Царю, такъ какъ Царь даровалъ ему эту жизнь.

Кампанія въ Ингерманландіи 1703 года была имъ продѣлана вмѣстѣ съ Государемъ. Если вѣрить самому Бертрану, онъ обнаружилъ въ этой кампаніи все свое искусство и всю свою науку и сдѣлалъ столько, сколько самъ „бывшій господинъ маршалъ де-Вобанъ прежь сего съ тридцатью и сорока человекъ чинилъ“. Особенно онъ отличился при взятіи Нотебурга, за что, по его словамъ, былъ награжденъ орденомъ „въ присутствіи пословъ Европейскихъ“.

Послѣ взятія Ніеншанца, опять таки если вѣрить тому что написано въ письмѣ Бертрана къ Петру I, на него было возложено порученіе осмотрѣть, вмѣстѣ съ Гавр. Ив. Головкинымъ, то мѣсто, на которомъ впослѣдствіи возникъ Петербургъ.

Звѣзда французскаго выходца горѣла ярко до середины 1704 года, но затѣмъ свѣтъ ея сталъ быстро меркнуть. Что послужило причиной этого? Документы на этотъ счетъ хранятъ молчаніе.

Бертранъ принималъ участіе въ осадѣ Нарвы и, послѣ взятія этого города, жилъ въ немъ довольно широко, если принять, напримѣръ, во вниманіе, что у него на конюшнѣ стояло 8 лошадей и что онъ бывалъ запросто у кн. М. М. Голицына и Г. И. Головкина.

Но затѣмъ что-то случилось. Оправдались ли слухи о его самозванствѣ, удалось ли просто завистникамъ и врагамъ возстановить противъ него власть имущихъ, но въ

октябрѣ 1704 года Бертрану приходится писать жалобу Государю на притѣсненія со стороны фельдмаршала Огильви.

„Такою досаду мнѣ учинили, жалуется онъ, о достоинствѣ чина моего споруютъ. И самъ г-нъ фельдмаршалъ Огильви сказалъ, что мнѣ достоинства въ чинѣ нѣтъ. И караулъ мой при квартирѣ моей въ Нарвѣ отняли. И къ тому пришло, что онъ мѣсто или скамейку, гдѣ я въ Киркѣ нашей всегда сидѣлъ, замкнуть велѣлъ“.

Въ 1705 году судьба бросаетъ генераль-инженера въ Гродно, вмѣстѣ съ отрядомъ, посланнымъ на помощь польскому королю Августу II-му. Что дѣлалъ онъ тамъ—неизвѣстно, но, когда Карлъ XII подошелъ къ Гродно и осадилъ этотъ городъ, Бертранъ исчезъ. Какъ опытный пловецъ, чующій приближеніе опасности, онъ скрылся подъ поверхностью житейскаго моря и вынырнулъ только въ Копенгагенѣ, откуда имѣется его письмо къ Головкину отъ 25 іюля 1706 года.

Свое исчезновеніе Бертранъ объясняетъ тѣмъ, что король Августъ на четвертый день обложенія шведами Гродно (съ одной лишь стороны) уѣхалъ изъ этого города въ Варшаву, и онъ, Бертранъ, послѣдовалъ за нимъ, какъ за своимъ господиномъ, который лишь на время „одолжилъ“ его Царю.

Русскіе источники (переписка барона Литца, русскаго чрезвычайнаго посла въ Берлинѣ) смотрятъ на этотъ поступокъ нѣсколько иначе, называя его просто побѣгомъ со службы. И если принять во вниманіе, что Бертранъ сопровождалъ Августа II только до Варшавы, а затѣмъ очутился въ Германіи, между тѣмъ какъ король поѣхалъ въ Краковъ, то придется пожалуй согласиться съ официальной версіей.

7.

Не успѣваетъ, однако, герой нашего разсказа очутиться за границей, какъ его начинаетъ неудержимо тянуть обратно въ Россію. Письмо къ Головкину, о которомъ я упоминалъ выше, было лишь началомъ цѣлой серіи писемъ къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ Бертранъ извиняется, оправдывается, объясняетъ свой поступокъ на разные лады, проситъ разрѣшенія вернуться, предлагаетъ Царю набрать искусныхъ инженеровъ во Франціи, а также пытается

вернуть себѣ расположеніе различными „дипломатическими“ ходами.

Такъ, онъ доноситъ Государю, что русскій посолъ въ Копенгагенѣ А. П. Измайловъ ведетъ образъ жизни, не соотвѣтствующій своему званію, и компрометируетъ себя въ глазахъ иностранцевъ: „не дѣлаетъ чести своему чину бѣднымъ житіемъ своимъ“; что голландская королева пожелала его, Бертрана, видѣть, и онъ восхвалялъ передъ ней „нравы Величества Вашего и правительства Московіи“, „что послѣдняя побѣда надъ шведами, которыхъ половину Вы искоренили (Лѣсная?) и корабельный бой чинить въ Европѣ дьявольской шумъ“; что „во Франціи болѣе не сумнѣваются, что Москва весьма въ иное состояніе превратилась, какъ и не чаяли“ и т. п. И, наконецъ, усиленно проситъ денегъ, чтобы имѣть возможность возвратиться въ Россію и „умереть на службѣ Его Величества“.

Ни на одно изъ этихъ писемъ Бертранъ отвѣта не получилъ и въ 1708 году, окончательно, какъ кажется, потерялъ надежду возвратиться въ Россію.

Съ этого времени до 1711 года мы не имѣемъ о немъ никакихъ свѣдѣній.

8.

Въ страстную субботу, 4-го апрѣля 1711 года, „маіоръ дю-журъ“ фонъ-Хеннигенъ, пользуясь хорошей погодой, рѣшилъ уѣхать изъ Берлина на всю Пасхальную недѣлю и передалъ на это время исполненіе своихъ обязанностей капитану фонъ-Зондерслебену.

Какъ разъ въ первый день праздника получилось приказаніе коменданта немедленно арестовать нѣкоего француза Бертрана, приставивъ ефрейторскій караулъ къ его квартирѣ.

Приказаніе объ арестѣ явилось слѣдствіемъ требованія русскаго правительства, переданнаго черезъ барона Литца. Бывшій генераль-инженеръ обвинялся: 1) въ побѣгѣ со службы въ военное время; 2) въ печатаніи пасквилей противъ Петра I и князя Меншикова и 3) въ ношеніи неприсвоеннаго ему русскаго ордена.

Бертранъ въ это время жилъ въ Берлинѣ, въ домѣ аптекаря Ламбле въ Соборномъ переулкѣ и находился въ весьма плачевномъ матеріальномъ положеніи. Онъ велъ

переговоры съ правительствомъ Венеціанской республики о принятіи его на службу въ качествѣ начальника военныхъ инженеровъ, и дѣло это, повидимому, налаживалось. Но въ ожиданіи будущихъ благъ ему сильно приходилось бѣдствовать.

Караулу у арестованнаго была дана инструкция: одному изъ его состава безотлучно находиться въ комнатѣ Бертрана и слѣдить за нимъ. Караульному начальнику на главной гауптвахтѣ и рунду было вмѣнено въ обязанность тщательно провѣрять новый карауль.

Дѣло было праздничное, и мысли капитана Зондерслебена безъ должнаго вниманія останавливались на служебныхъ дѣлахъ. Поэтому, при раздачѣ пароля фельдфебелямъ тѣхъ ротъ, которыя должны были вступить въ караулы, онъ сообщилъ о существованіи новаго караула, а объ инструкціи упомянуть забылъ. Правда, караульные начальники на главной гауптвахтѣ, по самому существу своихъ обязанностей, должны были, какъ при главной, такъ и при дневной рондѣ, провѣрять службу новаго караула, но они, вѣроятно тоже по случаю праздника, а можетъ быть потому, что это такъ уже и велось въ берлинскомъ гарнизонѣ, дѣлали это достаточно небрежно. Фельдфебеля же караульныхъ ротъ, при утреннемъ рапортѣ, доносили капитану Зондерслебену, что все обстоитъ благополучно.

Ефрейторъ и 3 рядовыхъ, караулившіе Бертрана, не снабженные точными указаніями, не знали собственно, что имъ дѣлать. Поставивъ ружья въ уголокъ полутемной прихожей, они потихоньку разговаривали, выходили на улицу, курили, зубоскалили съ черноглазой Софьей, служанкой м-ше Бертранъ, спали на деревянномъ диванѣ у входной двери. Изрѣдка заглядывали въ комнату къ арестованному. Тотъ неизмѣнно сидѣлъ за столомъ, среди груды бумагъ и писалъ.

Бертранъ писалъ много и упорно: писалъ барону Литцу, повѣренному Царя, писалъ самому Царю, писалъ Головкину, писалъ секретарю Венеціанской республики, составилъ прошеніе королю прусскому объ освобожденіи его изъ-подъ ареста.

Положеніе его дѣйствительно было печально. Со дня на день онъ могъ ожидать выдачи русскимъ властямъ и отправки въ Россію. Образъ несчастнаго Паткуля, выданнаго Августомъ Карлу XII и казненнаго ужасной казнью, не выходилъ у него изъ головы, ежечасно напоминая, какъ опасно ссориться съ могущественными монархами.

Бертраяъ уже не настаиваетъ, какъ прежде, на своемъ званіи генераль-инженера, не утверждаетъ съ гордостью, что весь свѣтъ видѣлъ его «всего въ брилльантахъ», заслуженныхъ имъ, подвергаясь „100 милліоновъ разъ опасности быть убитымъ“. Онъ готовъ отказаться отъ всѣхъ своихъ чиновъ и отъ ордена и снова „довольствоваться лишь именемъ Бертрана“, только бы его оставили въ покоѣ и сняли бы приставленный къ нему карауль.

Ко всѣмъ несчастьямъ присоединилось безденежье. Въ карманѣ Бертрана оставалось всего 8 талеровъ, и черезъ нѣсколько дней ему съ женой грозилъ голодъ.

Положеніе становилось отчаяннымъ.

9.

Въ 10 час. вечера, 14-го апрѣля, поручикъ фонъ-Ширштедтъ, съ тремя солдатами, обходилъ главной рондой ввѣренныя ему посты. Ночь была темная, безлунная. Все спало мирнымъ сномъ. Весеннія звѣзды теплились надъ острыми черепичными крышами домовъ.

Поручикъ Ширштедтъ, со свойственнымъ его 23-хъ лѣтнему возрасту легкомысліемъ, думалъ, что хорошо было бы, если бы чортъ побралъ всѣхъ арестованныхъ на свѣтѣ, изъ-за которыхъ приходится не спать по ночамъ и ломать ноги но далеко не безупречнымъ берлинскимъ мостовымъ. Доставалось отъ него коменданту за то, что онъ учредилъ этотъ глупый постъ въ какомъ-то Соборномъ переулкѣ, вмѣсто того, чтобы просто посадить француза на гауптвахту. Вообще служба стала черезчуръ тяжела. За послѣдніе 10 дней ему пришлось дважды быть караульнымъ начальникомъ и одинъ разъ начальникомъ главнаго патруля. Если такъ пойдетъ дальше, то прямо хотъ подавай въ отставку.

Въ такомъ пессимистическомъ настроеніи дошелъ поручикъ до дома аптекаря, трехъэтажной постройки, съ единственнымъ выходомъ на улицу. На стукъ въ дверь, въ верхнемъ этажѣ открылось окно и выглянула взъерошенная голова заспаннаго солдата.

„Wer da?“

„Lieutenant Schierstedt nebst patrole. Ist alles richtig?“

„Alles ist richtig, mein Lieutenant“.

Собственно слѣдовало бы подняться наверхъ и провѣрить службу караула. Старый фельдфебель Бусе, который, за свои

64 года, собаку съѣлъ на всякой службѣ, совѣтовалъ обратить вниманіе именно на этотъ караулъ. Но впереди еще три „визитаціи“ и смертельно хочется поскорѣе кончить эту канитель и вернуться на гауптвахту.

„Ничего не случится. Не убѣжить. Какъ ему убѣжать когда единственный выходъ охраняется?“.

Поручикъ Ширштедтъ не угадалъ. Именно въ эту ночь съ 14-го на 15-ое апрѣля 1711 года, бывшій московскій генераль-инженеръ Бертранъ бѣжалъ изъ-подъ ареста, спустившись изъ окна 3-го этажа по веревкѣ.

Возникло дѣло. Къ суду была привлечена масса лицъ: майоръ Хеннигенъ, капитанъ ф. Зондерслебенъ, 8 поручиковъ и прапорщиковъ, нѣсколько фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, жена Бертрана, хозяйинъ дома и нѣсколько лицъ, способствовавшихъ побѣгу.

Изъ лежащаго передо мной объемистаго дѣла (Acta Inquisitionalia) явствуетъ, что въ началѣ XVIII вѣка караульная служба въ королевской резиденціи Берлинѣ неслась весьма неудовлетворительно. Распоряженія по гарнизону отдавались большею частью не въ приказахъ, а устно, во время раздачи пароля майоромъ „дю-журъ“, что конечно не могло не вести къ недоразумѣніямъ. Въ данномъ случаѣ изъ 8-ми караульныхъ начальниковъ нѣкоторые знали о распоряженіи тщательно провѣрять службу караула, другіе не знали. Одинъ слышалъ это распоряженіе изъ устъ ротнаго командира; другой—фельдфебеля. Обязанности караульнаго начальника и начальника главнаго патруля не были, повидимому, ясно разграничены. Такъ, одинъ изъ первыхъ объяснилъ на судѣ, что онъ полагалъ, что повѣрять караулъ у арестованнаго долженъ не онъ, а начальникъ патруля.

Судъ закончился печально для виновниковъ служебной небрежности. Майоръ Хеннигенъ и капитанъ Зондерслебенъ были приговорены къ „реприманду“ и къ вычету мѣсячнаго содержанія; ефрейторы: Сембке—къ 1 мѣсяцу и Шаде къ 6-ти мѣсяцамъ каторжныхъ работъ; фельдфебель Бусе къ воспрещенію исполненія адъютантскихъ обязанностей и т. д.

Между прочимъ изъ дѣла видно, что тогдашній офиціальнѣйшій военный нѣмецкій языкъ былъ положительно наводненъ исковерканными французскими словами: „echarpieren“, „arrivieren“, „visitieren“, „repondieren“, „confrontieren“, „passaten“ (прохожіе), „evasion“, „ronde“, „negligence“, „diverter“ (различныѣ), такъ и пестрятъ на каждой страницѣ.

Видно также и то, что допросъ велся съ пристрастіемъ и если обвиняемый артачился и не хотѣлъ показывать, что отъ него требовалось, то ему надѣвали на шею какой-то стальной воротникъ. Впрочемъ, одной угрозы прибѣгнуть къ этому средству было обыкновенно достаточно, чтобы развязать языкъ.

10.

Бертранъ бѣжалъ въ Дрезденъ, имѣя фальшивый паспортъ на имя Антонія Пилони. Но долго въ этомъ городѣ не оставался, опасаясь, что и тамъ доставутъ его руки сѣвернаго колосса, становившіяся все длиннѣе съ каждымъ годомъ. Онъ продолжалъ свое бѣгство на югъ и скрылся окончательно изъ вида гдѣ-то въ Италіи.

Съ тѣхъ поръ мы имѣемъ лишь одно письмо Бертрана, а именно Петру I-му, написанное въ Ливорно 6 іюня 1715 года и полученное въ Петербургъ 11 іюля того же года.

Старый авантюристъ, повидимому, съ сожалѣніемъ, съ тоской вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ состоялъ на службѣ Царя и былъ очевидцемъ и даже участникомъ чудеснаго созиданія великой сѣверной державы. Быть можетъ, дѣйствительно въ его жизни, полной лишеній и ожесточеній вѣчной борьбы за существованіе, это былъ единственный періодъ, когда онъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и матеріально и нравственно: былъ обезпеченъ хорошимъ содержаніемъ, стоялъ на равной ногѣ съ людьми знаменитыми своими дѣлами и своими именами, дѣлалъ дѣйствительно нужную и полезную работу, не имѣя надобности прибѣгать къ средствамъ темнымъ и сомнительнымъ. Быть можетъ, Московія явилась для него второй родиной, родиной сердца и духа. Его вѣчное стремленіе въ эту суровую страну изъ богатыхъ и ласковыхъ западныхъ странъ какъ будто подтверждаетъ это.

Бертранъ проситъ Царя простить его за внезапное бѣгство изъ Россіи, которое онъ объясняетъ интригами своихъ враговъ.

„Чаю—пишетъ онъ—что время все Вамъ открыло и я дерзаю уповать, что Ваше Величество милость свою покажете и свѣту окажете, что Вы тѣхъ не оставляете, которые Вамъ какой пользы были“.

Изгнанникъ вспоминаетъ свою службу въ Ингерманландскомъ походѣ и при ваятіи Нарвы и умоляетъ разрѣшить ему вернуться въ Россію и свое „подданство возобновить“.

Онъ пишетъ, что изъ уваженія къ своему званію русскаго генераль-инженера онъ никуда не поступилъ на службу (про переписку съ Венеціанской республикой умалчиваетъ), „чего ради истощалъ и такъ бѣдна себя нахожу, какъ Іовъ“. И проситъ поскорѣе выслать ему извѣстную сумму денегъ „чѣмъ бы персонально мою покорность объявить пріѣхать могъ“.

Письмо заканчивается увѣреніями въ вѣчной преданности Царю и въ готовности за него умереть.

11.

На этомъ кончается исторія генераль-инженера Беррана, и судьбу его снова окутываетъ мракъ неизвѣстности, изъ котораго, 14 лѣтъ назадъ, онъ вышелъ на границѣ двухъ странъ и двухъ эпохъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ безвѣстныхъ людей, которыхъ водоворотъ великихъ событій всегда достаетъ изъ темныхъ глубинъ жизни и выбрасываетъ на поверхность, съ тѣмъ, чтобы, черезъ короткое время, снова похоронить въ вѣчной тьмѣ. Исторія не создается этими людьми, но ища личныхъ выгодъ, преслѣдуя свои эгоистическія цѣли, они приспособляются къ ея великимъ теченіямъ, и дѣятельность ихъ нерѣдко бываетъ полезна для человѣчества, быть можетъ, даже необходима.

Великій мыслитель Колумбъ открылъ Америку. Но могла ли бы она получить такое быстрое и блестящее развитіе безъ искателей приключеній: Кортаца, Пизарро и многихъ другихъ?

Великій Императоръ Петръ двинулъ Россію по пути прогресса. Но легко ли было бы ему сдѣлать въ такой короткій срокъ такую страшную работу безъ массы авантюристовъ, — крупныхъ и мелкихъ, — хлынувшихъ въ Москву въ чаяніи наживы?

А въ наше время — положи руку на сердце — развѣ мы мало встрѣчаемъ среди передовыхъ людей на всѣхъ поприщахъ жизни авантюристовъ — большихъ и малыхъ?

К. Арнольди.

Старинное слово о живомъ словѣ.

„О великій, могучій, правдивый и свободный русский языкъ!“ постоянно звучитъ съ кафедры, неоднократно пишется въ статьяхъ, въ подкрѣпленіе разсужденій о значеніи, силѣ, красотѣ родного языка. Эти слова Тургенева о родномъ языкѣ, съ такою силою и страстностью вырвавшіяся изъ глубины души его въ минуту раздумья, только потому такъ часто повторяются, что наиболѣе общеизвѣстны; но они не единственны въ своемъ родѣ на страницахъ русской литературы. Во многихъ и многихъ твореніяхъ великановъ русской словесности, какъ перлы жемчуга, разсыпаны мысли о человѣческой рѣчи, о родномъ языкѣ, о живомъ словѣ. Всѣ эти мысли, собранныя во-едино, могли бы составить объемистую, въ высшей степени интересную, книгу и открыть новый источникъ знанія и вдохновенія.

Назовемъ хотя-бы нѣкоторыя изъ нихъ: „И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особености и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственнаго характера“, говоритъ Гоголь. „Искусство народа—его живая, личная душа, его мысль, его языкъ въ высшемъ значеніи слова; достигнувъ своего полнаго выраженія, оно становится достояніемъ всего человѣчества, даже больше, чѣмъ наука,

именно потому, что она—звучащая, человѣческая, мыслящая душа и душа не умирающая, ибо можетъ пережить физическое существованіе своего тѣла, своего народа“, указываетъ Тургеневъ. „Родное слово, рѣчь народа! языкъ средь жизненнаго хода, стоишь ковчегомъ ты святымъ и служишь сводомъ сопряженья, завѣтомъ вѣчнаго сближенья!“ восклицаетъ Мицкевичъ. „Нѣтъ слова, которое бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово“ (Гоголь). „Мы находимъ въ языкѣ, созданномъ Пушкинымъ, всѣ условія живучести: русское творчество и русская воспримчивость стройно слились въ этомъ великолѣпномъ языкѣ“ (Тургеневъ). Пушкинъ вѣрилъ, что силою могучаго русскаго языка онъ „Памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный“; и что ему назначено свыше: „Глаголомъ жги сердца людей“. Ал. Толстой называетъ дары, приносимые свѣтлыми Духами на землю: „Жатвы всѣ благословить, принести живое слово“... „Есть сила благодатная въ созвучьи словъ живыхъ“, восторгается Лермонтовъ.

Внимательно слѣдя за подобными, болѣе или менѣе однородными, мыслями творцовъ русскаго литературнаго языка, читающій проникается ихъ взглядами на обликъ ихъ собственнаго творчества и невольно начинаетъ раздѣлять ихъ высокія воззрѣнія на человѣческую рѣчь вообще и на родной языкъ, въ частности. Однако, при чтеніи такихъ откровеній въ умѣ читающаго пробуждается размышленіе: выработаны ли писателями эти идеи самостоятельно—силою личнаго таланта, творческимъ дарованіемъ? или же они, являясь мельчайшими единицами великой семьи своего народа, лишь отражаютъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, его мысли, его идеи о собственномъ языкѣ; и, какъ истые сыны своей родины, они несутъ въ своихъ произведеніяхъ залогъ историческихъ переживаній, печать вѣковой мудрости всего русскаго народа?

Языкъ народа, это — многовѣковой, „нерукотворный памятникъ“ исторической жизни его. Онъ подобенъ безбрежному морю съ его отливами и приливами, съ его яркими красками при свѣтѣ просвѣщенія, и его непроглядною тьмою среди мрака невѣжества. Произведенія народнаго творчества, подобно волнамъ, передаютъ колебаніе этого безграничнаго океана: нѣкоторыя изъ нихъ при столкновеніи съ новыми вѣяніями разлетаются въ дребезги,

другія, напротивъ того, удорно противостоятъ натиску чуждыхъ идей; одни запечатлѣваютъ въ себѣ цѣликомъ свѣжія впечатлѣнія, другія окутываютъ постороннія вліянія такою густою дымкою своеобразности, что нѣтъ возможности найти ихъ истинный слѣдъ...

Раскинувшаяся на огромныя пространства, покрытая непроходимыми болотами и дремучими лѣсами, древняя Русь—какъ показываетъ исторія—медленно перерабатывала въ себѣ начала государственности и подчинялась вліянію новой религіи. Однако же, христіанство, какъ и государственное строительство, хотя съ трудомъ, но все же неуклонно растекались по лицу земли древне-русской, проникали въ глубь народной жизни и налагали на нее свой отпечатокъ. Они послужили къ смягченію нравовъ, къ поднятію міровоззрѣнія народнаго, создали новые идеалы, новыя условія быта и, безъ сомнѣнія, отразились и на внѣшнемъ проявленіи внутренняго міросозерцанія народа — на его живомъ словѣ, устной рѣчи. Ближайшія свидѣтельница жизни народа, русскія пословицы, запечатлѣваютъ въ себѣ эти великія переживанія и несутъ память о нихъ въ послѣдующія поколѣнія. Такъ, нѣкоторыя изъ пословицъ складно и образно выражаютъ его мысли о рѣчи человѣческой, о родномъ языкѣ и чутко передаютъ его наблюденія за этой способностью въ теченіе столѣтій: въ нихъ чувствуется и высокое воззрѣніе народа русскаго на этотъ даръ Божій, и строгое къ нему отношеніе—порой одобряющее, порой порицающее, но всегда глубоко психологическое; иногда въ нихъ скрыты такія глубокія, свѣжія мысли о живомъ словѣ, которыя, пожалуй, не придутъ и въ голову иному широко-образованному человѣку...

Въ тайникахъ народной души вѣками укрѣплялось сознаніе о значеніи и силѣ способности человѣка къ рѣчи, какъ для общественной жизни, такъ и для отдѣльной личности, и подъ вліяніемъ развитія гражданственности уста народныя завѣщаютъ потомству: „Языкъ царствами ворочаетъ“¹⁾; „Языкъ—стягъ, дружину водить“; въ назиданіе народная мудрость добавляетъ: „Языкъ малъ, великимъ человѣкомъ ворочаетъ“, „Малъ языкъ, да всѣмъ тѣломъ владѣетъ“. Невольно нападаетъ раздумье — выработано ли народнымъ сознаніемъ послѣднее воззрѣніе самостоятельно, или же оно сложилось подъ воздѣйствіемъ ду-

¹⁾ Пословицы заимствованы изъ книги: „Пословицы русскаго народа“, В. Даль.

ховнаго просвѣщенія? При сопоставленіи упомянутыхъ пословицъ съ текстомъ Св. Писанія—„Языкъ небольшой членъ, но много дѣлаетъ“ (Посл. Ап. Іак. 3, 5)—это колебаніе еще болѣе усиливается, такъ какъ оба теченія не только по мысли, но и по формѣ, чрезвычайно близко подходятъ другъ къ другу! Однако, можно съ увѣренностью сказать, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изреченія о словѣ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ обладающія глубокимъ психологическимъ смысломъ, нашли откликъ въ психикѣ русскаго народа, пришли ему по душѣ и вошли во всеобщее употребленіе, принявъ оборотъ рѣчи народныхъ пословицъ: „Покорное слово гнѣвъ укрощаетъ“, „Ласковое слово и кость ломитъ“, „Отъ избытка уста глаголятъ“, „Лучше божбы: ей, ей; ни, ни!“.

Народъ, принявшій христіанство, силою проповѣдей и поученій своихъ просвѣтителей, присутствовавшихъ въ храмахъ на богослуженіяхъ, долженъ былъ оцѣнить все великое значеніе устной рѣчи, какъ средство познанія истиннаго Бога и какъ способа общенія съ нимъ, и потому завѣты старины передаютъ въ послѣдующія поколѣнія: „Языкъ съ Богомъ бесѣдуетъ“, „Не стать говорить, такъ и Богъ не услышитъ“, „Изъ твоихъ устъ, да Богу въ уши“.

Являясь народу высокимъ даромъ Божиимъ, живое слово, по его убѣжденію, обладаетъ большимъ запасомъ нравственной силы и воздѣйствуетъ на окружающихъ: „Гласъ народа—гласъ Божій“, „Родительское слово мимо не идетъ“, „Честное слово и буйную голову смиряетъ“, „Слово не стрѣла, а сердце сквозитъ“.

Въ нѣдрахъ жизни народной столѣтіями складывалось возрѣніе о необходимости внимательнаго отношенія къ этому нравственно-сильному слову—что возвышаетъ и самую рѣчь и благотворно вліяетъ на усерднаго слушателя съ крѣпкою думою. „Красную рѣчь красно и слушать“, „Поменьше говори, побольше услышишь“, „Красна рѣчь слушаньемъ“, „У него на эту рѣчь ухо заложено“, „Не ухо слышитъ, а душа“.

Особенное вниманіе читающаго привлекаетъ къ себѣ послѣдняя пословица. Ея содержаніе можно передать слѣдующимъ образомъ: бываютъ минуты, когда ухо, слушая чужую рѣчь, какъ бы уступаетъ свои права внутренней жизни человѣка для болѣе глубокаго пониманія и усвоенія слышаннаго; другими словами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ухо—физическое чувство для воспріятія слуховыхъ ощущеній—внимаетъ не внѣшней звуковой рѣчи, то-есть

звуку голоса, словамъ и т. д., а стремится при содѣйствіи психики человѣка проникнуть въ тайники слушаемой мысли. Какимъ образомъ эта пословица—Богъ вѣсть, когда и кѣмъ сложенная—предвосхитила мысли, которыя мы встрѣчаемъ въ книгахъ современныхъ ученыхъ? Или... быть можетъ... этого совпаденія не существуетъ... однако, дѣйствительность убѣждаетъ въ противномъ: при сопоставленіи содержанія этой пословицы съ нѣкоторыми положеніями изъ книги нѣмецкаго психолога, сомнѣніе постепенно смѣняется увѣренностью, что совпаденіе дѣйствительно. Нѣмецкій ученый Э. Мейманъ въ своей прекрасной книгѣ „Экономія и техника памяти ¹⁾“, говоря о функціяхъ памяти, указываетъ разнаго рода способы закрѣпленія въ памяти слышаннаго—начиная отъ простаго наблюденія ухомъ за произносимой рѣчью и кончая запечатлѣніемъ „при помощи мыслительнаго процесса“. Разбирая послѣдній случай, онъ замѣчаетъ: „При этого рода запечатлѣніи вниманіе направлено, слѣдовательно, на *логическую связь мыслей*, по не на *средства и форму*, въ которыхъ она проявляется.... Единственно, къ чему мы стремимся—это лишь запечатлѣть и впоследствии воспроизвести *связь мыслей и представленій*; слѣдовательно, мы относимся безразлично къ той *формѣ*, въ которой выражена въ подлинникѣ эта связь мыслей“ ²⁾...

Итакъ, когда мы стремимся логичнѣе, глубже проникнуть въ слышанное, у насъ „не ухо слышитъ“,—такъ какъ въ этомъ случаѣ мы упускаемъ изъ вниманія слуховую рѣчь,—а „душа“, которая „при помощи мыслительнаго процесса“ овладѣваетъ всѣмъ глубокимъ содержаніемъ познаваемого.

Невольно въ умѣ поднимаются вопросы: откуда взялся у мало-образованнаго, вѣрнѣе, невѣжественнаго народа этотъ тонкій анализъ психическихъ процессовъ человѣка? навѣяно ли это многовѣковой жизнью народа? свѣтлымъ ли здравымъ умомъ его? тонкою ли наблюдательностью?.. На эти вопросы, полныя колебанія и сомнѣнія, слышится величавый отвѣтъ историческаго голоса: „Каковы свойства,

¹⁾ Эрнстъ Мейманъ. Экономія и техника памяти. Экспериментальныя изслѣдованія о запечатлѣніи и запоминаніи. Переводъ Н. Самсонова. Москва. 1913 г.

²⁾ То-есть къ значенію словъ, къ ихъ послѣдовательности, къ своеобразному выбору словъ для передачи мыслей, то-есть къ слуховой формѣ рѣчи.

таковы и рѣчи“. Но какъ постигнуть свойства народа, когда тотъ же голосъ вѣщаетъ: „Языкъ видимъ, рѣчи слышимъ, а сердца не видимъ и не слышимъ“. И такъ, поистинѣ, „Чужая душа—потемки!“ Однако, какъ ни глубока тьма чужой души, многовѣковая мудрость народная, наблюдая психику человѣка, выносить строгій приговоръ тому, у кого нравственный обликъ не соотвѣтствуетъ словамъ, выходящимъ изъ этихъ потемокъ на свѣтъ Божій: „Говорить прямо, а дѣлаетъ криво“, „Рѣчи королевскія, да дѣла нищенскія“.

Какъ слѣдствіе этого наблюденія, достойная рѣчь, основанная на нравственныхъ качествахъ, обращается въ глазахъ народа въ прочный устой, въ твердыню несокрушимую: „Слово сказалъ, такъ на него хоть теремъ клади“, „Слово законъ; держись за него, какъ за колъ“, „Честь чести и на слово вѣрять“. Какимъ образомъ такое высокое возрѣніе на непоколебимое „Слово—олово“, сложившееся путемъ долгаго наблюденія, могло совмѣщаться въ сознаниіи народа съ суевѣрнымъ преклоненіемъ передъ силою „заговоровъ“ и „наговоровъ“?

Уже словопроизводство этихъ понятій указываетъ, что это былъ говоръ, живая рѣчь, эмоціональное же значеніе этихъ словъ окутало ихъ густою дымкою таинственности¹⁾. Самые тексты заговоровъ и наговоровъ, часто оживляемые дыханіемъ поэзіи, являютъ собою видъ заклинаній силою слова человѣческаго: „А будь мое слово сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота“... „Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской“... „Заговариваю я зубы крѣпко-на-крѣпко“... „Слово мое не преидеть ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ“...²⁾ Очевидно, кудесники, знахари слагали свои заговоры и наговоры, беря въ основу вѣру народа въ силу „крѣпкаго“ слова. Было ли это простое мороченье людей, или же они и сами вѣрили въ эту сверхъестественную силу?!...

Между тѣмъ, прибѣгая жъ заговорамъ и наговорамъ какъ къ средствамъ для избавленія отъ различныхъ болѣстей, всевозможныхъ напастей, люди сѣдой старины сла-

¹⁾ Подъ эмоціональнымъ значеніемъ слова подразумѣвается то настроеніе, то чувствованіе, которое мы испытываемъ, слыша какое-нибудь слово. Напр., при словѣ „весна“ у насъ является радостное чувство, при словѣ „осень“—тоскливое настроеніе и т. д.

²⁾ Сказанія русскаго народа, собранныя И. П. Сахаровымъ. С.-Петербургъ. 1885 г.

гаютъ пословицы, по смыслу какъ-бы противорѣчивыя этому источнику спасенія: „Отъ слова не станется“. „Словомъ чловѣка не убьешь“. Не противорѣчія къ бытовому укладу жизни слѣдуетъ искать въ сихъ реченіяхъ, а скорѣе подтвержденія его: можно думать, что этими памятниками словесности русскій чловѣкъ чурается отъ силы злого слова и увѣщаетъ дѣтей своихъ не бояться его, такъ какъ „Словомъ и комара не убьешь“; но памятуя въ то же время о великомъ значеніи живого слова, онъ при совокупляетъ: „Слово не обухъ, а отъ него люди гибнутъ“...

Общезвѣстно, всегда и вездѣ повседневная жизнь, обыденная обстановка, окружающая чловѣка, захватываетъ его сильнѣе, глубже, чѣмъ психическія наблюденія и отвлеченные вопросы. Это вліяніе сказывается и на изреченіяхъ народныхъ о рѣчи чловѣческой: только незначительная часть ихъ касается мыслей высшаго порядка; большинство же изъ нихъ затрагиваетъ вопросъ съ точки зрѣнія общественно-нравственнаго уклада жизни и, при томъ въ такомъ количествѣ, что нѣтъ возможности говорить о всѣхъ подробно.

Забота о хлѣбѣ насущномъ, постоянно тревожащая обывателя, даетъ ему поводъ высказать свои мысли о языкѣ, проведя равнодѣйствующую между этими двумя видами домашняго обихода: „Блюда хлѣбъ на обѣдъ, а слово на отвѣтъ“. „Языкъ голову кормитъ“. „Языкъ хлѣбомъ кормитъ, и дѣло портитъ“. Народная молва не обошла молчаніемъ и то значеніе живого слова, которое оно имѣетъ при взаимоотношеніи людей: „На сердитое слово не осержайся, а на ласковое не надѣйся“, „Кто говоритъ, что хочетъ, самъ услышитъ, что не хочетъ“. „Прямикое слово, что рогатина“. „Отъ языка не уйдешь“. Привычка русскаго чловѣка къ бранной рѣчи привлекала къ себѣ вниманіе старинныхъ людей и наводила ихъ на мысль о поученіяхъ, слышанныхъ ими ранѣе: „Не бранись, что исходитъ изъ чловѣка, то его поганить“. „Не сквернить въ уста, сквернить изъ устъ“. „Не бранись: нечисто во рту будетъ“. Пустомельство, болтливость вызываетъ неудовольствіе здравомыслящихъ людей, и они пытаются усовѣщевать неугомонныхъ болтуновъ: „Въ многословіи не безъ пустословія“. „Говори съ другими поменьше, а съ собою побольше!“ „Пустая мельница и безъ вѣтра мелеть“. Краснбайство—красивая форма безъ внутренняго содержанія—заслуживаетъ неменьшаго осужденія: „Красно говорить, а послу-

шать нечего". „И красно и пестро, да пустоцвѣтомъ". „Складно баить, да дѣла не знаетъ"...

Уста народныя. порицающія пустословіе, краснобайство, всегда высказывали желаніе слышать отъ оратора и складную и, въ то же время, дѣльную рѣчь. Это желаніе передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошло и до нашего времени и звучитъ въ формѣ пословицъ: „Хорошую рѣчь хорошо и слушать". „Что молвилъ, то рублемъ подарилъ". „Не пройми копьемъ, пройми языкомъ". Народное остроуміе не щадитъ плохого оратора: „У него слово слову костыль подаетъ". „Кланяться гораздъ, а говорить не умѣетъ". „За тобой и на перемѣнныхъ не поспѣешь".

Но русскій народъ останавливалъ свое вниманіе не только на ораторской рѣчи, но и чутко прислушивался къ своему родному языку и ловилъ ухомъ тѣ слова, которыя особенно приходились ему по душѣ, такъ какъ соответствовали его настроенію, его психикѣ: „Авось — великое слово". „Есть" слово, какъ медь, сладко; „нѣтъ" слово, какъ полынь, горько". „Русское¹⁾ слово" „виновать". Соответствуя психикѣ народа, являясь отзвуками исторической жизни его, живое словесами сохраняло слѣды нравственныхъ идеаловъ народа, если оно слагалось въ тѣ времена, когда онъ разрывалъ оковы повседневной, будничной жизни, и душа его переносилась въ міръ возвышенныхъ мыслей: „Велико слово—спасибо". „Право—великое слово". Ненавидя кривду, стремясь всей душой къ правдѣ, родная старина съ высокимъ подъемомъ увѣщаетъ послѣдующія поколѣнія: „За правое дѣло говори смѣло". „На правду словъ мало: „либо да, либо нѣтъ". „На правду нѣтъ словъ". Но въ минуты вдохновенія тотъ же неизмѣнный глаголъ вѣковъ облакаетъ въ русскія слова высокія мысли и завѣщаетъ потомству: „На великое дѣло—великое слово!".

Герои народнаго эпоса, былинныя богатыри²⁾—вершители великаго дѣла „освобожденія земли русской отъ враговъ внѣшнихъ, внутреннихъ и духовныхъ" были, въ то же время, и носителями великаго слова. Видя въ нихъ свои идеалы, и потому надѣляя ихъ многоразличными качествами и свойствами, народное воображеніе влагаетъ

¹⁾ Правописаніе по книгѣ „Пословицы русскаго народа".

²⁾ Текстъ и ударенія заимствованы изъ книги В. П. Авенариуса: „Книга былинъ". Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. С. Петербургъ. 1885 г.

въ уста нѣкоторыхъ изъ нихъ чудодѣйственный зычный голосъ, при звукѣ котораго все трепещетъ и преклоняется.

Любимецъ народа русскаго, матерой богатырь Илья Муромецъ обладалъ и мощью превеликою и чудесной силой голоса могучаго: „Отъ того-ли да отъ крику богатырскаго бѣлокаменны палаты зашатались, изъ оконницъ стеклышки посыпались, на столахъ напитки расплескались, за столомъ князья да бояре припадали“... А по слову Ильи Муромца чудеса свершались дивныя: „Тугой лукъ разрывчатый натягивалъ, каленую стрѣлочку накладывалъ, самъ стрѣлъ да приговаривалъ: „Ты летп-ка, стрѣлка, къ кровлямъ златоверхнимъ, поснимай-ка золочены маковки!“ Пали на земь золочены маковки“.

Про великаго богатыря, про Дуная свѣтъ Ивановича русскія былины сказываютъ: „Тихій-то Дунай и говорить гораздъ“, а Владиміръ стольно-кіевскій, зная этотъ даръ богатыря, послалъ его въ Литву „посвататься за него за князя за Владиміра“.

Повелительное слово молода Добрынюшки Никитича наказало землѣ матушкѣ порастрескаться и поглотить всю кровь змѣиную: „Бралъ опять Добрыня плѣточку шелковую, билъ той плѣточкой сыру землю, самъ землѣ да приговаривалъ: „Разступись-ка, мать-сыра земля, на четыре разступись на четверти, всю пожри-ка кровь змѣиную“. Разступилась мать-сыра земля на четыре да на четверти, всю пожрала кровь змѣиную“.

По народному сказанію, святорусскіе богатыри, сами обладающіе зычнымъ голосомъ, повстрѣчали и у супротивниковъ своихъ страшный голосъ съ силой лютою, отъ которой гибло все вокругъ: „Какъ засвищеть онъ (Соловей-разбойникъ) по-соловьиному, зашипитъ, разбойникъ, по-змѣиному, закричитъ, собака, по-звѣриному. Всѣ-то травушки-муравушки уплетаются, всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются, темны лѣсушки къ землѣ всѣ преклоняются; а что есть людей-то всѣ мертвы лежать“. „Заревѣлъ самъ (Сокольникъ), будто лютый звѣрь: отъ того отъ реву молодецкаго всколыбалася сыра земля, выливалася изъ рѣкъ вода“.

Воображеніе народное, создавая для испытанія своихъ героевъ всевозможныя препятствія и ужасы, считало однимъ изъ тяжелѣйшихъ подвиговъ—устоять въ первыя минуты единоборства противъ всеокрушающей силы голоса своего противника.

И потому, побѣдоносные поединки, въ которыхъ неустрашимымъ защитникамъ отчизны удавалось преодолѣть и посвистъ Соловья - разбойника, и ревъ Сокольника, пробуждали въ народѣ чувство гордости за своихъ любимыхъ богатырей и наполняли радостью его сердце, такъ какъ эти побѣды были изъ труднѣйшихъ... „Коли самъ я свистомъ не сразилъ его (Ильи Муромца)“ откровенно сознаетъ Соловей-разбойникъ свое безсиліе.

Тяжело, нестерпимо тяжело было народной душѣ расставаться со своими возлюбленными героями, такъ какъ они были плоть отъ плоти и кость отъ кости его; но неумолимая исторія требовала ихъ исчезновенія, и стоустая молва сложила былинку: „Какъ перевелись богатыри на святой Руси“. Вѣками привыкнувъ выражать радость и горе въ живомъ словѣ, русскій народъ въ заключительномъ произведеніи своего эпоса знаменательно связываетъ гибель борцовъ за землю русскую со значеніемъ живого слова въ жизни человѣка. Алеша Поповичъ забылъ страхъ Божій, забылъ завѣты старины — „Бойся Всевышняго, не говори лишняго“—и вызвалъ на бой силу небесную: „Подавай намъ силу хоть небесную; мы и съ тою силой, братцы, справимся!“ И слово его заносчивое погубило непобѣдимыхъ охранителей святой Руси. Но они не умерли! о нѣтъ! Этого не вынесла душа народная! Но въ наказаніе за неразумное слово Алеши Поповича, послѣ страшной битвы съ невидимой силою, они всѣ „окаменѣли“ близъ высокой горы.... и чувство народное смиряется передъ справедливой карой Божіей...

Познакомившись черезъ своихъ грамотеевъ съ новымъ видомъ живого слова—чтеніемъ вслухъ книжной рѣчи, русскій народъ перерабатываетъ въ своемъ сознаніи это новое явленіе жизни и, самъ не будучи грамотенъ, жаждетъ слышать отъ чтеца правильное, толковое чтеніе: „По выучкѣ мастера знать“. „Кто по толкамъ, а кто по складамъ“. „Не на пользу читать, коль только верхки хватать“. Природная склонность народа къ шуткѣ заставляеть его подтрунить надъ плохимъ чтеніемъ, и неумѣлый чтець подвергается насмѣшкѣ: „Гдѣ чихнуть пришлось—запятая; гдѣ икнулось—двоеточіе; а гдѣ табаку понюхать—точка“; и ему указывается въ наказаніе: „Не всякій, кто читаетъ, въ чтеньи силу знаетъ“. Признавая силу въ чтеніи, почерпая изъ письменной рѣчи много новыхъ мыслей и знаній, старинные люди приглядываются и прислушиваются одно-

временно къ книжному и устному слову и сопоставляютъ ихъ между собою: „Говорить, какъ книга“. „Живая грамота“. И свои психологическія наблюденія надъ разнообразною человѣческой рѣчью они оставляютъ исторіи въ складной и образной формѣ: „Слово—пухъ, а буква—пудъ“. „Живое слово дороже мертвой буквы“.

И такъ, переживая въ своей долгой жизни многоразличныя политическія событія, великія духовно-религіозныя исканія, выработывая и общественный строй, и нравственные устои и семейно-бытовой укладъ, наблюдая въ этихъ переживаніяхъ и исканіяхъ рѣчь человѣческую, какъ силу могучую, чувствуя живое слово близкимъ и дорогимъ своей душѣ, русскій народъ шлетъ изъ сумрака вѣковъ современнымъ писателямъ свой историческій завѣтъ: „Старинныя пословицы — „Малъ языкъ — горами качаетъ“. „Живымъ словомъ побѣдить“ — не мимо молвятся!“

Н. Сентюрна.

Изъ размышлений историка.

(Литература о П. И. Сумароковѣ).

Въ майской книжкѣ „Голоса Минувшаго“ (1914 г., № 5) была напечатана замѣтка К. В. Сивкова „Провинціальная администрація въ 1812 г.“¹⁾. Изучая дѣятельность Аракчеева, мнѣ пришлось столкнуться и съ „героемъ“ указанной статьи, П. И. Сумароковымъ: это столкновение вызвало у меня нѣсколько печальныхъ мыслей, которыми я и хочу подѣлиться съ читателями.

I. О существованіи П. И. Сумарокова я впервые узналъ изъ статьи А. Кизеветтера „Аракчеевъ“, помѣщенной въ „Русской Мысли“ за 1910 г. (кн. XI и XII, откуда и цитирую), которая потомъ вошла въ „Историч. очерки“.

Здѣсь я прочиталъ. „Передъ окончательнымъ укрѣпленіемъ фавора Аракчеева при Александрѣ въ Новгородѣ

¹⁾ На требованіе гражд. губернатора П. И. Сумарокова, представить дополнительно 40 ратниковъ, новгородское мѣщанское общество отвѣтило отказомъ и 22 X даже составило всеподданнѣйшее прошеніе, въ которомъ оправдывалось и просило освободить его отъ притѣсненій Сумарокова. За мѣщанское общество вступился потомъ губернской прокуроръ Бѣлявскій; постепенно разрослась переписка (помѣщена у В. Н. Строева въ его „Документахъ къ ист. Отечественной войны“, „Сборн. историч. докум. изъ канцел. Е. В.“, 2 ч. XIV в.), которая послужила поводомъ къ особому „дѣлу“ въ министерствѣ (см. въ статьѣ Сивкова), и которая вызвала ревизію сенатора Миклашевскаго (дѣло № 17, 1815 года по Д. Г. и Д. дѣлъ изъ Архива Госуд. Совѣта).

губернаторствовалъ Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, отличавшійся строгой честностью. При подрядахъ и рекрутскихъ наборахъ онъ относился ко всѣмъ помѣщикамъ губерніи съ полнымъ безпристрастіемъ. На этой-то почвѣ между нимъ и грузинскимъ владѣльцемъ и не замедлили возникнуть непріятности, ибо Аракчеевъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что его трактуютъ совершенно такъ же, какъ и другихъ землевладѣльцевъ, не дѣлая ему никакихъ поворотовъ. Тогда Аракчеевъ началъ совершенно ложно обвинять Сумарокова передъ Государемъ въ пьянствѣ, и Сумароковъ былъ отставленъ отъ службы и впалъ въ большую бѣдность.¹⁾

Къ этому сдѣлано примѣчаніе: „Русскій Архивъ“, 1880 г., кн. III, „Изъ записокъ Шенига“. Въ 1825 г. Аракчеевъ, однако, доставилъ Сумарокову аренду“. Повидимому, Кизеветтеръ всецѣло положился на свидѣтельство Шенига, а между тѣмъ, „записки Шенига“ (какъ и большинство другихъ!) требуютъ къ себѣ очень осторожнаго отношенія. Кизеветтеръ, видимо, даже не подозрѣвалъ о существованіи тѣхъ документовъ, которые послужили основой статьи Сивкова. (Ихъ можно было бы пополнить указаніемъ на дѣло № 17, 1815 г. по Департаменту Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ, изъ архива Государственнаго Совѣта, въ которомъ находятся документы ревизіи сенатора Миклашевскаго)²⁾.

¹⁾ Кн. XII, 29—30 стр.

²⁾ „О ревизіи сенаторомъ тайн. сов. Миклашевскимъ Новгородск. губ. и о неурядкахъ по управленію гражданского губернатора Павла Сумарокова“, Н. 16 III; К. 5 VI; лл. 17.

Въ своемъ заключеніи сенаторъ Миклашевскій подтверждаетъ всѣ тѣ неурядки, которое выясняются и изъ переписки Сумарокова съ Аракчеевымъ (см. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс.“, 1862 г., II, гдѣ она поляѣе, нежели въ „Русской Старинѣ“, въ XI кн. 1900 г.). Миклашевскій указываетъ и на неурядки при наборѣ рекрутъ, и на неправильность распредѣленія земскихъ повинностей, и на безпорядки при допросахъ и арестахъ исправниками, и на неисправности въ производствѣ дѣлъ...

Интересно, что Сумароковъ почти все объясняетъ „личностями“. Вступивъ въ должность въ апрѣлѣ 1812 г., онъ, молъ, „нашелъ губернію въ безпорядкѣ и запущеніи...“. „между тѣмъ нашелъ личность отъ губернскихъ чиновниковъ...“. 18 же IV 1815 г. онъ писалъ: „меня всѣ мѣста, всѣ сословія всегда хвалили, одинъ только Г. Сенаторъ Миклашевскій вздумалъ по известной его ко мнѣ личности порочить мое управленіе. Но что же онъ при всей враждѣ своей отыскалъ, написалъ? Десять незначущихъ пунктовъ, кот. ни до чести моей, ни до способности

Такое „довѣріе“ къ различнаго рода „запискамъ“ и „воспоминаніямъ“, мнѣ кажется, не можетъ быть допускаемо въ научныхъ, историческихъ работахъ; тѣмъ болѣе, что оно часто заводитъ автора слишкомъ далеко: приведенная цитата служитъ (?) подтвержденіемъ къ словамъ Кизеветтера, что „потворствуя близкимъ людямъ и расправляясь съ врагами, Аракчеевъ нерѣдко шелъ на прямую ложь“¹⁾. Между тѣмъ, знакомые со статьей Сивкова (или документами, приведенными В. Н. Строевымъ въ его „Сборникъ“, 2 ч., XIV вып.) прямо увидятъ, что Аракчеевъ могъ быть недоволенъ поведеніемъ Сумарокова. (Я не касаюсь теперь вопроса о причастности Аракчеева къ удаленію Сумарокова, т. к. не имѣю достаточныхъ данныхъ, хотя, кажется, онъ и долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, если принять во вниманіе письмо Сумарокова къ Аракчееву въ январѣ 1816 г.—см. въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Рос.“, 1862, III, 149 стр.). Для незнакомыхъ съ указанными матеріалами, я, чтобы не повторяться, приведу только нѣсколько словъ изъ рапорта прокурора Бѣлявскаго и изъ всеподданнѣйшаго прошенія мѣщанскаго общества. 2/XI. 1812 г. Бѣлявскій доносилъ: „еще со времени существованія Новгородской губерніи никогда не было до такой степени испорчено правленіе оною, до какого довелъ въ короткое время нынѣшній Господинъ Гражданскій Губернаторъ, разрушившій весь законами установленный порядокъ въ производствѣ дѣлъ“; мѣщане же г. Новгорода такъ заканчивали свое прошеніе отъ 22/X, 1812 г.: „Ваше Императорское Величество сердобольный Государь побоче единыи покровъ ипредстательство не повинно утесняемыхъ, удела извремя посвященнаго тобою назащиту подѣтвою

управлять не касаются и которые, отдавъ съ моими объясненіями на судъ всѣхъ, заключаютъ въ себѣ одну только досаду...“.

К. В. Сивковъ пишетъ, между прочимъ, что о дополнительномъ наборѣ рекрутъ „было только постановленіе Комитета Ополченія противорѣчившее какъ манифестамъ, изданнымъ по этому поводу, такъ и рѣшенію Комитета Министровъ отъ 6 сентября“, (227 стр.)—безъ дальнѣйшаго, болѣе точнаго указанія. Очевидно, это постановленіе состоялось между 14 сентября и 18 октября, т. к. еще 14 IX 1812 г. Аракчеевъ писалъ Свѣчину, начальнику Новгородскаго ополченія: „еще, любезный другъ, слышали мы и всѣ Новгородскіе здѣсь живущіе дворяне, что еще требуютъ ратниковъ, но не видимъ нигдѣ онаго приказанія. Всѣмъ навѣстно, что въ Комитетѣ ополченіевъ я старшимъ, но мы и всѣ трое сего приказанія ни откуда не получали“ (см. въ „Чтеніяхъ“, стр. 142—143).

¹⁾ Кв. XII, стр. 29.

милосердою десницею живущихъ ивоззри наповергаемыхъ предъ Высочайшимъ престоломъ Вашего Императорскаго Величества наверно подданныхъ живущихъ подыгомъ неукротимаго тесненія и разсмотря обстоятельства употребите несколько минутъ къразсмотрению всеподданнѣйше представляемыхъ присемъ поступковъ Господина Гражданскаго Губѣрнатора Сумарокова съ полицмейстеромъ бондыревымъ проникни по сродной склонности сердца своего къчеловеколюбію нагласъ моленія верноподданныхъ“...”).

Отсюда видно, правъ ли Шенигъ, что „Сумароковъ правилъ губернію къ общему всѣхъ сословію удовольствію“²⁾; а, прочитавъ указанное „дѣло“ изъ архива Государственнаго Совѣта, мнѣ кажется, и Кизеветтеръ вычеркнулъ бы изъ своей статьи приведенныя мною слова. Я не сталъ бы останавливаться на этомъ мелкомъ вопросѣ, если бы не замѣчалось вообще тенденціи къ излишнему довѣрію разнымъ „воспоминаніямъ“ и „запискамъ“ - воспоминаніямъ. Прочитавъ много такихъ „записокъ“ о дѣятельности Аракчеева, я ярко увидѣлъ всю ихъ шаткость, всю ихъ противорѣчивость; поэтому я считаю необходимымъ высказать пожеланіе, чтобы историки принимали во вниманіе эти записки - воспоминанія только въ своей собственной работѣ, ибо внесеніе ихъ въ „научную“ литературу придаетъ имъ извѣстный вѣсъ, котораго они совершенно не заслуживаютъ.

Съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ Кизеветтеръ опирается на Шенига, онъ могъ бы привести слова Тургенева изъ письма къ Вяземскому отъ 2/V, 1825 г. по поводу суда надъ Поповымъ (книга Госнера): „Вчера въ Сенатѣ судили Попова; графъ Хвостовъ присталъ къ мнѣнію Сумарокова, исчадію невѣжества, глупости, подлости и у насъ неслыханныхъ“³⁾, но при чемъ здѣсь исторія, при чемъ здѣсь наука?!..

II. Заинтересовавшись П. И. Сумароковымъ, я столкнулся и съ другимъ печальнымъ фактомъ: оказывается, „Русскимъ Біографическимъ Словаремъ“ надо пользоваться только послѣ основательной провѣрки его данныхъ! Я подчеркиваю то обстоятельство, что данныя Словаря, издаваемого Императорскимъ историческимъ обществомъ, нуж-

1) „Документы, относящіеся къ ист. 1812 г.“, 2 ч., XIV в. „Сборника“ стр. 94, 123—124.

2) „Русскій Архивъ“, 1880 г., III, 308 стр.

3) Остафьевскій Архивъ, III, 119—120 стр.

даются не въ *пополненіи*, что неизбежно въ исторической работѣ, а въ *проверкѣ* и *исправленіи*!

Когда я читалъ дѣло изъ Архива Государственнаго Совѣта о ревизіи Миклашевскаго, мнѣ неизбежно понадобились біографическія свѣдѣнія о Сумароковѣ. Обратившись къ Русскому Біографическому Словарю и увидѣвъ, что о П. И. Сумароковѣ написанъ цѣлый столбецъ, я, конечно, обрадовался, но каково же было мое разочарованіе, когда я въ этомъ столбцѣ не нашелъ даже упоминанія о томъ, что Сумароковъ былъ новгородскимъ гражданскимъ губернаторомъ!

Этому факту было бы единственное оправданіе въ недостаткѣ свѣдѣній, но, принимая во вниманіе, что въ бібліографіи къ очерку указаны переписка Сумарокова съ Аракчеевымъ, записки Шенига,—и это оправданіе составителя біографіи отпадаетъ, т.-к. уже отсюда авторъ долженъ бы былъ узнать и заинтересоваться ролью Сумарокова въ Новгородѣ!..

Надо указать, что и вся-то „бібліографія“ составлена очень небрежно. „Чтенія“ *Общ. Ист. и Др. Росс.* почему-то названы „Трудами“, вмѣсто III кн. ихъ за 1862 г. указана II; что переписка Сумарокова съ Аракчеевымъ, помѣщенная въ „Чтеніяхъ“, полнѣе и покрываетъ помѣщенную въ „Рус. Старинѣ“—ничего не сказано; приведены источники, въ кот. нельзя ничего найти о Сумароковѣ (напр., *Сборникъ Русск. Историч. Общ.*—т. 27); указано „мнѣніе“ Сумарокова „о смертной казни“, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, оно было высказано „по дѣлу Попова и о цензурѣ“!

Опять, казалось бы, мелкій вопросъ; почему важна біографія какого-то П. И. Сумарокова, но въ томъ-то и дѣло, что въ погонѣ за скоростью и за обиліемъ выпускаемаго у насъ слишкомъ часто обращаютъ мало вниманія на „доброкачественность“ его. Между тѣмъ, мнѣ кажется, историческій литературный рынокъ (какъ и всѣ другіе?) итакъ уже заваленъ такой громадой написаннаго, что и теперь требуется много времени, чтобы во всемъ этомъ разобраться, когда берешь даже довольно узкій, спеціальнѣйшій вопросъ; такъ что, кажется, пора уже подумать и о „разгрузеніи“ нашей письменности, ибо „во многоглаголаніи нѣтъ спасенія“! Лучше сказать немного, но вѣрно, нежели исписать цѣлые фоліанты, кот. при ближайшемъ знакомствѣ окажутся никуда не годными.

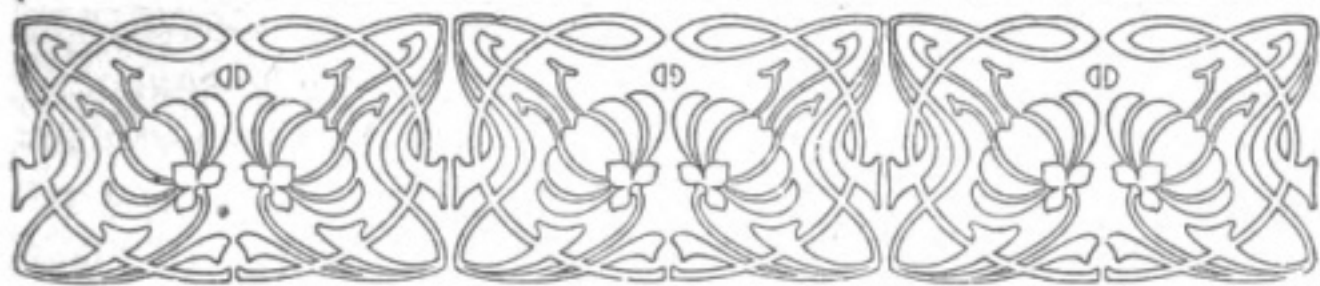
Поэтому, резюмируя сказанное, я обращаюсь ко всѣмъ историкамъ со слѣдующими пожеланіями:

1) пользоваться разнаго рода записками-воспоминаніями только какъ „рабочими гипотезами“ въ своей собственной работѣ, всегда оговариваясь, откуда берутся свѣдѣнія; и

2) составлять историческія работы, и даже мелкія замѣтки, съ такимъ расчетомъ, чтобы быть въ состояніи каждое свое положеніе подтвердить имѣвшимся въ рукахъ матеріаломъ, не опасаясь, что такимъ путемъ сократится „количество“ сдѣланнаго, ибо, въ такомъ случаѣ, и исторія и сами историки только выиграютъ: первая въ качествѣ, вторые, какъ это ни казалось бы страннымъ, въ количествѣ работы, въ количествѣ требующейся „провѣрки“ данныхъ научной исторической литературы!..

С. Разумовскій.

Земская реформа 1864 года и ея послѣ- дующія измѣненія.

19 столѣтіе, въ особенности его вторая половина, въ исторіи современныхъ западно-европейскихъ государствъ было временемъ широкаго развитія въ теоріи и на практикѣ началъ автономіи въ области государственнаго управленія. Совершившееся въ это время отмѣненіе крѣпостнаго права, главной коренной основы сословной организациі нашего общества, открыло и у насъ (на Руси) возможность реформированія управленія на тѣхъ же началахъ мѣстнаго земскаго, сословнаго самоуправленія. Необходимость реформированія этой области давно уже диктовалась самой жизнью. Неудовлетворительность мѣстнаго управленія и особенно сельскаго хозяйства дореформенныхъ учрежденій давно сознавало и само правительство, и уже съ начала 19 столѣтія предпринимаетъ рядъ попытокъ къ ихъ улучшенію. Съ цѣлью улучшенія отправленія всевозможныхъ земскихъ повинностей, въ которыхъ оно особенно много было заинтересовано, одна за другой создаются комиссіи, комитеты и т. п. распорядительные органы, но все это не внесло замѣтнаго улучшенія въ мѣстное управленіе. Фактически власть по-прежнему продолжала оставаться въ рукахъ полиціи, а земское хозяйство пребывало въ условіяхъ домашняго хозяйства исправника. Роль представителей сословій въ комиссіяхъ и комитетахъ была совершенно ничтожна, и на участіе въ этихъ комиссіяхъ

они смотрѣли какъ на ненужную, неприятную повинность. Едва поэтому былъ поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, какъ самъ собою выдвинулся и вопросъ о реформированіи мѣстнаго управленія на основѣ самоуправленія съ предоставленіемъ послѣднему надлежащей самостоятельности. Такую связь и такое соотношеніе между крѣпостнымъ правомъ и самоуправленіемъ (что осуществленіе одного возможно только при отмѣненіи другого) ясно сознавали лица, работавшія въ подготовительныхъ комиссіяхъ по крестьянской реформѣ ¹⁾. Они открыто заявили, что съ отмѣною крѣпостного права необходимо переустройство и мѣстнаго управленія на совершенно новыхъ началахъ, и указывали, что первымъ шагомъ такого преобразованія должно быть установленіе мѣстнаго общественнаго самоуправленія. На-ряду съ ними и дворянскія собранія и даже нѣкоторые губернаторы дѣлали представленія о неудовлетворительности земскаго хозяйства дореформенныхъ учрежденій. Во всѣхъ адресахъ, поданныхъ въ то время Государю, наряду съ просьбой даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность, высказывается пожеланіе образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ ²⁾. Ко времени же отмѣненія крѣпостного права и вся атмосфера общественной жизни пропиталась этою мыслью, и земская реформа, какъ продолженіе крестьянской, стала предметомъ всеобщаго ожиданія. Правительство сочувственно отнеслось къ предстоящему преобразованію, тѣмъ болѣе, что оно думало найти въ немъ отводный каналъ для возбужденной общественной энергіи. Волна освободительнаго движенія, охватившая въ первой половинѣ XIX столѣтія Россію, вызвала въ сознаніи общества того времени мысль о необходимости преобразованія существующаго строя общественной жизни на совершенно новыхъ, конституціонныхъ началахъ. Чтобы отвлечь общество отъ столь несбыточныхъ мечтаній и ввести освободительное движеніе въ узкое русло мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ и интересовъ каждой губерніи и уѣздовъ, правительство поспѣшило ввести зем-

¹⁾ Со всею ясностью такая связь и такое соотношеніе между крѣпостнымъ правомъ и самоуправленіемъ раскроются передъ нами изъ приводимаго нами, нѣсколько ниже, обзора основныхъ моментовъ исторической жизни русскаго государства.

²⁾ Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895 г.).

ское самоуправленіе и уже въ 1859 году при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовало особую комиссію для составленія проекта преобразования губернскихъ уѣздныхъ учрежденій. Плодомъ дѣятельности этой комиссіи и явилось „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“, которое 50 лѣтъ тому назадъ, 1-го января 1864 года, получило законодательную санкцію и въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ было проведено въ дѣйствіе въ 33-хъ губерніяхъ. Обзоръ этого Положенія и тѣхъ дополненій и видоизмѣненій, которыя къ нему и въ немъ были сдѣланы впослѣдствіи, дастъ намъ ясное представленіе о земствѣ, какъ одной изъ единицъ мѣстнаго самоуправленія XIX и XX столѣтій. Но прежде, чѣмъ перейти къ такому обзору, какъ задачѣ нашей работы, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, имѣетъ ли земская реформа 1864 года связь съ прошлымъ, или же она есть нѣчто новое, дотолѣ неизвѣстное, въ сферѣ мѣстнаго управленія русскаго государства? Чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, необходимо вникнуть въ самое существо учрежденія, которое можетъ принимать самыя разнообразныя формы, но оставаться единымъ среди всѣхъ видоизмѣненій. По своей сущности земская реформа 1864 года есть допущеніе къ участию въ мѣстномъ управленіи общественныхъ силъ, въ видахъ наилучшаго удовлетворенія и защиты мѣстныхъ общественныхъ интересовъ. Какъ такая, она не была новшествомъ для русской государственной жизни: идея самоуправления всегда была присуща сознанію русскаго человѣка, онъ, можно сказать, родился съ нею, а начала ея нашли примѣненіе въ русской государственной жизни съ момента ея возникновенія и жили въ ней во все послѣдующее время, но только сообразно условіямъ, они то усиливались, то ослабѣвали, и иногда, даже, казалось, совсѣмъ исчезали, то вновь появлялись и достигали такой интенсивности, что нормировались и утверждались закономъ. Чтобы видѣть, насколько справедливо это утвержденіе, достаточно заглянуть въ прошлую исторію русскаго народа. Въ самомъ дѣлѣ, что представлялъ изъ себя русскій народъ въ самомъ началѣ своей исторической жизни? Не что иное, какъ множество отдѣльныхъ разобщенныхъ другъ отъ друга родовъ, во главѣ которыхъ стояли не чуждыя имъ, пришлыя лица, но свои, родные всѣмъ и каждому, отцы и дѣды. Правда, въ послѣдующее время отдѣльные роды, соприкасаясь

другъ съ другомъ, стали входить въ тѣсное общеніе, и вскорѣ родовой бытъ смѣнился общиннымъ, вмѣсто отдѣльныхъ родовъ появились общины, обнимающія собою нѣсколько родовъ, но характеръ управленія не измѣнился. Во главѣ общинъ встали опять свои люди, избранные изъ среды общинъ.

Не измѣнился рѣзко характеръ управленія даже съ призваніемъ князей. Повидимому, князья должны были бы стать единственными распорядителями и управителями Руси.

Простой народъ, самъ призвавшій ихъ и передавшій въ ихъ руки власть надъ своею землею, не долженъ былъ бы участвовать въ управленіи, но на самомъ дѣлѣ мы видимъ другое. Власть князей не устранила отъ участія въ управленіи и самое населеніе. Правда, князья, садясь на столы, для управленія отдѣльными частями своихъ княжествъ, разсылали по всѣмъ пригородкамъ своихъ дружинниковъ, но они не были органами бюрократической централизаціи. Какъ самъ князь, такъ и его дружинники, часто тяготившіеся своею службою и всегда готовые покинуть ее, смотрѣли на себя, какъ на временныхъ гостей, а на свою службу, какъ на источникъ дохода, а потому садились первый на княжескій столъ, а вторые на посадничество лишь для того, чтобы за свои правительственныя дѣйствія получать кормъ съ населенія. Личные интересы и выгоды всюду ставились ими на первый планъ и предпочитались общественнымъ. Забота объ общихъ нуждахъ не считалась въ это время входящею въ кругъ задачъ правительственной власти. Управлять, по понятіямъ того времени, значило не столько заботиться объ общественномъ благосостояніи и безопасности, сколько „смотрѣть своего прибытка“, т.-е. слѣдить за правильнымъ поступленіемъ наложенныхъ на населеніе поборовъ, поступающихъ въ пользу кормленщика¹⁾. Къ этому „кормленію отъ дѣлъ“ обычно и сводилась вся дѣятельность князей и ихъ кормленщиковъ. Между тѣмъ общественная жизнь нуждалась въ благоустройствѣ. Потребность эта была столь велика, что давала себя чувствовать на каждомъ шагу. Не имѣя нужныхъ благоустроителей, простой народъ *volens volens* начиналъ самъ, своими собственными силами, наводить порядки и разрѣшать разныя дѣла по изстаринному обычаю. И вотъ, по словамъ лѣтописца, „изначала народъ на вѣче, какъ на

¹⁾ Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. Историческій очеркъ.

на думу, стать сходиться и на чемъ старшіе города положить, на томъ и пригороды станутъ¹⁾. Наряду съ княземъ во главѣ управленія княжествомъ становится вѣчевая сходка стольнаго города, къ которой отъ перваго переходитъ и значительная доля полномочій въ области управленія. Въ какія отношенія всталъ этотъ органъ мѣстнаго самоуправления къ князю, представителю тогдашней бюрократіи, сказать трудно. Одно только несомнѣнно, что и постановленія вѣча имѣли обязательную силу. Оба эти органа управленія существовали одинъ подлѣ другого во весь періодъ приднѣпровской Руси. Съ перенесеніемъ центра исторической жизни Руси съ приднѣпровья на сѣверо-востокъ въ области управленія происходятъ значительныя измѣненія. Тѣ усилія и затраты, которыя пришлось положить при колонизаціи новаго края, гдѣ каждый шагъ приходилось пріобрѣтать большою цѣною собственныхъ силъ, научили князей дорожить пріобрѣтенными участками земли и смотрѣть на нихъ, не какъ на мѣста временнаго своего пребыванія, а какъ на собственность, свой удѣлъ, а на себя, какъ на единственныхъ управителей и распорядителей. Понятно, что при такихъ понятіяхъ о княжеской власти органы самоуправления должны были утратить свое прежнее значеніе. И, дѣйствительно, съ возникновеніемъ сѣверо-восточныхъ удѣловъ вѣче отживаетъ свой вѣкъ и идея самоуправления, не имѣя благопріятной почвы, на время скрывается за порогомъ общественнаго сознанія. Правда, и сѣверо-восточнымъ князьямъ, особенно имѣющимъ большіе удѣлы, для благоустройства послѣднихъ пришлось привлечь къ управленію стороннія силы, но всѣ онѣ, какъ намѣстники, волостели и тіуны—княжескіе чиновники, такъ и бояре нужные, управляющіе дворцовыми помѣстьями, были проводниками и насадителями бюрократизма, а не самоуправления. Только уже къ концу объединенія всей Руси подъ властью московскихъ князей снова проявляется сознаніе необходимости привлеченія къ самодѣятельности мѣстныхъ общественныхъ силъ, сознаніе, вызванное различными нестроеніями въ существующемъ въ то время строѣ общественной жизни. Однимъ изъ главныхъ нестроеній было господство произвола въ мѣстномъ управленіи. Стоявшіе во главѣ его кормленщики, пользуясь полной свободою взиманія кормовъ и пошлинь, въ

¹⁾ Ibid.

вадахъ собственнаго обогащенія облагали непосильными поборами и безъ того истощенное населеніе. Послѣднее, не имѣя другихъ средствъ для борьбы съ произволомъ правительственныхъ чиновниковъ, кромѣ обращенія къ верховной власти, засыпало московскіе приказы челобитными. Въ нихъ во всемъ видѣ раскрывались всѣ язвы существующаго строя общественной жизни и указывался тотъ новый порядокъ, которымъ можно было замѣнить устарѣвшую систему кормленій. Внимая голосу земли, московскіе князья предприняли рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію своеволія служилыхъ людей, но, когда и онѣ не привели къ желаемымъ результатамъ, приступили къ коренному реформированію мѣстнаго самоуправленія. Одна за другой отрасли мѣстнаго управленія стали отбираться изъ рукъ служилыхъ людей и передаваться въ руки самого населенія. Такъ, въ 15 столѣтіи сборъ кормовъ и пошлинъ былъ переданъ въ руки сборщиковъ—„сотскихъ“ избираемыхъ самимъ населеніемъ. Въ томъ же столѣтіи появилась и другая выборная должность—цѣловальниковъ. Хотя она существовала и раньше, но до этого функции цѣловальниковъ сводились лишь къ наблюденію за составленіемъ судебного протокола, теперь же имъ была предоставлена и нѣкоторая распорядительная власть, направленная къ ограниченію компетенціи кормленщиковъ. Послѣдніе безъ сношенія съ цѣловальниками не могли ни на кого налагать ареста и этимъ самымъ были поставлены въ нѣкоторую зависимость отъ нихъ. Но болѣе полное примѣненіе въ жизни Московскаго государства начала самоуправления получили въ XVI столѣтіи. Московское правительство въ этомъ столѣтіи еще дальше пошло въ своей реформаціонной дѣятельности. Въ тѣхъ же видахъ, защиты населенія отъ своеволія кормленщиковъ, оно дѣлитъ Московское государство на особые округа—„губы“, въ которыхъ наряду съ намѣстниками ставитъ выборныхъ лицъ—„старость“ (губныхъ), избираемыхъ всѣмъ населеніемъ изъ среды мѣстныхъ боярскихъ дѣтей, и имъ передаетъ часть компетенціи намѣстниковъ, именно уголовныя (по суду) и полицейскія дѣла. Остальныя же обязанности по управленію и суду продолжали лежать на намѣстникахъ и волостеляхъ, но въ 1555 году и онѣ вошли въ компетенцію мірскихъ выборныхъ органовъ. Въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ отмѣнилъ кормленія и замѣнилъ ихъ выборными земскими органами—„земскими старостами и цѣловальниками“. Съ

этого времени земская самодѣятельность, проявлявшаяся и раньше въ области мѣстнаго управленія, но только теперь регламентированная и санкціонированная высшею властью, получила права гражданства, а ея органы встали въ рядъ государственныхъ учрежденій. Но мы глубоко ошиблись бы, если бы стали въ послѣдующей исторіи Московскаго государства искать дальнѣйшаго развитія началъ самоуправленія. Какъ ни странно, но XVI вѣкъ былъ, какъ временемъ расцвѣта, такъ и погибели началъ самоуправленія, а самая реформа, призвавшая къ управленію мѣстныя общественныя силы, явилась лишь подготовительнымъ шагомъ къ дальнѣйшей бюрократизаціи этого управленія. Начала самоуправленія только въ томъ случаѣ могли бы пустить глубокіе корни въ организмъ Московскаго государства, если бы отдѣльныя самоуправляющіяся его единицы находились между собою въ органической связи и объединялись бы въ крупныя единицы, а отдѣльныя сословія его не знали бы розни. Между тѣмъ земскія учрежденія XVI столѣтія съ самаго начала были поставлены въ совершенно инныя условія. Объединеніе сословій на почвѣ мѣстнаго самоуправленія не могло входить въ задачи правительства Московскаго государства, которое стремилось не къ расширенію общественной самодѣятельности, а къ бюрократической централизаціи. Дробленіе крупныхъ административныхъ единицъ на большое число мелкихъ и ихъ сословная и территоріальная обособленность—вотъ тотъ фундаментъ, на которомъ строилось зданіе Московскаго государства, и тѣ условія, въ которыя были поставлены органы самоуправления. Какъ противныя самой природѣ идеи самоуправления, эти условія не только не способствовали развитію изъ учрежденныхъ въ XVI столѣтіи органовъ мѣстнаго управленія истиннаго самоуправления, но и были причиною того, что органы мѣстнаго самоуправления выродились въ органы бюрократіи. Къ этому собственно и стремилось московское правительство. Ему нужны были не сплоченныя самодѣющія земскія единицы, а новые органы коронной администраціи взамѣнъ старыхъ, оказавшихся непригодными для его цѣлей. Поэтому-то земскія учрежденія съ самаго начала и получили несоотвѣтствующее ихъ природѣ назначеніе, что и вызвало непонятную на первый взглядъ метаморфозу. Преобразованіе органовъ самоуправления въ органы бюрократической централизаціи началось вскорѣ же по ихъ учрежденіи, и началось съ того,

что они были лишены своей, такъ сказать, специфической особенности—выборности. Губные старосты, а за ними земскіе въ первой половинѣ XVII вѣка изъ выборныхъ блюстителей мѣстныхъ интересовъ превратились въ назначаемыхъ самой центральной администраціей исполнителей различныхъ ея порученій.

Дальнѣйшею мѣрою, предпринятою московскимъ правительствомъ XVII вѣка для насажденія бюрократизма въ сферѣ мѣстнаго управленія, было учрежденіе „городового воеводы“. Какъ бы не довѣря земскимъ властямъ, центральная власть на мѣстахъ ихъ учрежденія ставить своихъ представителей. Являясь проводниками центральной власти, воеводы начинаютъ давить на мѣстные органы, которые, теряя одно за другимъ свои права, въ концѣ концовъ превращаются въ агентовъ воеводъ. Вся административная и судебная власть снова переходитъ въ руки правительственныхъ чиновниковъ, а отъ общественной самодѣятельности остается одна тѣнь. Совершившееся въ это время окончательное закрѣпощеніе крестьянъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и закрѣпощеніемъ бюрократіи въ мѣстномъ управленіи. Но особенно крупные шаги въ своемъ развитіи бюрократизація въ мѣстномъ управленіи сдѣлала во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ. Это время было временемъ интенсивнаго сближенія русскаго государства съ Западной Европой. Рядъ реформъ, произведенныхъ за это время, служитъ наилучшимъ подтвержденіемъ. Весь прежній строй общественной жизни подвергся ломкѣ. Реформировано было и управленіе. Въ области управленія западно-европейскія государства въ это время переживали періодъ такъ называемаго „полицейскаго государства“, характерными особенностями котораго является наивысшее развитіе бюрократизма и стремленіе административной власти регламентировать всѣ стороны не только общественной, но и индивидуальной жизни. На началахъ этого полицейскаго государства въ 1719 году имп. Петръ I и реформировалъ управленіе. Введенныя имъ въ 1708 году губерніи были раздѣлены на провинціи и дистрикты, во главѣ которыхъ были поставлены назначенные отъ центра и подчиненные центру чиновники, на которыхъ было возложено попеченіе не только о правосудіи и безопасности гражданъ, но и объ образованіи, благотворительности и т. д. Понятно, что задача, поставленная бюрократіи, была невыполнима. Если раньше, когда компетенція ея ограничивалась административ-

ными и судебными обязанностями, она не могла выполнить своихъ задачъ и приходилось обращаться къ мѣстнымъ силамъ, то тѣмъ болѣе она не могла выполнить ту невыполнимую задачу, которая на нее была возложена теперь. Какъ ни прекрасна и заманчива была по своей идеѣ бюрократическая система, однако непригодность ея для жизни была несомнѣнна. И вотъ, какъ ни странно, Петръ, насаждавшій полицейское государство на Руси и восхвалявшій всемогущество бюрократіи, призываетъ къ участию въ управленіи и общественныя силы. Правда, всѣ учрежденные имъ органы самоуправленія, какъ - то: ландраты, комиссары, городскія ратуши и магистраты, за отсутствіемъ необходимыхъ для ихъ существованія условій, не обнаружили жизнеспособности и вскорѣ бюрократизировались, но для насъ важенъ и тотъ фактъ, что начала самоуправленія не исчезли въ сферѣ мѣстнаго управленія даже въ моменты наивысшаго развитія въ немъ бюрократизма. Что не удалось сдѣлать императору Петру I, то въ нѣкоторой степени было сдѣлано императрицей Екатериной II-й. Ею снова на-ряду съ бюрократическими органами были привлечены къ управленію и общественныя силы, но на новомъ для того времени началѣ—всесословности. Наиболѣе полное примѣненіе это начало получило въ городскомъ положеніи 1785 года, установившемъ впервые въ русскомъ городѣ всесословное градское общество. Какъ широки были стремленія Екатерины II-й къ децентрализаціи и самоуправленію, особенно ясно видно изъ ея попытки создать совѣстный судъ по намѣстничествамъ. Кромѣ совѣстнаго судьи, въ судъ полагались два члена отъ дворянства, два члена по выбору отъ города и два члена, выборные селеніями. Но къ сожалѣнію условія, въ которыя были поставлены новые органы самоуправленія, не могли содѣйствовать ихъ развитію. Стоявшія бокъ-о-бокъ съ ними бюрократическія учрежденія съ одной стороны, крѣпостная зависимость съ другой—парализовали ихъ дѣятельность и обрекли на чухлое и жалкое существованіе. Только могучая рука великаго преобразователя, императора Александра II-го, разбившая рабства цѣпь, открыла широкій просторъ для общественной самодѣятельности въ области мѣстнаго управленія, покрывъ Великую Русскую землю сѣтью земскихъ учрежденій. Изъ представленнаго нами краткаго обзора главныхъ моментовъ исторической жизни русскаго государства видно, что земскія учрежденія XIX столѣтія по самому своему существу не

были новшествомъ въ русской государственной жизни. Земская самодѣятельность въ области мѣстнаго управленія съ самыхъ начальныхъ моментовъ государственной жизни Россіи составляла необходимую часть ея административнаго быта, и ничто, ни тяжесть всевластной приказной централизаціи, ни жестокіе удары и вотчина помѣщичьей власти, не могли заглушить зачатки земскаго самоуправления. Если же при такой жизнеспособности они до половины XIX столѣтія не могли развиться въ настоящіе органы самоуправления, то причиною этого были условія, среди которыхъ они возникли. Сословность, бюрократическая централизація, закрѣпощеніе крестьянъ,—все это давило зачатки земскаго самоуправления и не давало имъ развиваться. Сѣмена самоуправления, означала посѣяныя на русской землѣ, лежали въ ней и ждали, пока не наступитъ благопріятное для ихъ произростанія время. Такое время наступило только во второй половинѣ XIX вѣка, когда 19 февраля 1861 года „Magna charta libertatum“ была дарована 20 милліонной массѣ свобода. Почти черезъ три года послѣ этого было реформировано на началахъ безсословнаго самоуправления и мѣстное управленіе.

По самому „Положенію“ земская реформа 1864 года рисуется въ такомъ видѣ. Въ каждой губерніи вводятся земскія учрежденія, которыя по району ихъ дѣятельности раздѣляются на уѣздныя и губернскія¹⁾. Тѣ и другія состоятъ изъ земскихъ собраній,—органовъ распорядительныхъ и контролирующихъ²⁾, и управъ, органовъ исполнительныхъ³⁾. Земскія собранія состояются изъ гласныхъ: уѣздныя изъ гласныхъ, избираемыхъ всѣмъ населеніемъ уѣзда⁴⁾, а губернскія—изъ гласныхъ, избираемыхъ уѣздными земскими собраніями изъ числа ихъ гласныхъ⁵⁾. Для избранія уѣздныхъ гласныхъ все населеніе уѣзда дѣлится на три части или куріи: землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, горожанъ и сельскихъ обществъ⁶⁾. Въ основу такого дѣленія положенъ принципъ имущественнаго ценза.

¹⁾ Положеніе о губ. и уѣздн. земск. учрежденіяхъ. Сводъ Законовъ, II т., ч. 1, ст. 1.

²⁾ Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ (Сводъ законовъ, II т., I ч.) ст. 13, 50.

³⁾ Ibid., ст. 65.

⁴⁾ Ibid., ст. 14.

⁵⁾ Ibid., ст. 51.

⁶⁾ Ibid., ст. 14.

Въ курію землевладѣльцевъ входятъ лица, владѣющія въ уѣздѣ опредѣленнымъ пространствомъ земли (не менѣе 200 десятинъ); владѣльцы другого недвижимаго имущества стоимостью не менѣе 15.000 рублей; владѣльцы промышленныхъ и хозяйственныхъ заведеній, стоящихъ не менѣе 15.000, или имѣющія общій годовой оборотъ производства не менѣе 6.000 рублей; уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ цензомъ $\frac{1}{20}$ полнаго ценза, и отъ священнослужителей, владѣющихъ церковною землею¹⁾. Въ курію городскихъ избирателей входятъ лица, имѣющія купеческія свидѣтельства; владѣльцы находящихся въ городѣ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, годовой оборотъ которыхъ не менѣе 6.000 рублей; владѣльцы городской недвижимой собственности (не менѣе 500 рублей) и повѣренныя отъ всѣхъ названныхъ лицъ и учрежденій²⁾. Въ послѣднюю курію входили всѣ крестьяне. Въ выборахъ уѣздныхъ гласныхъ могутъ участвовать всѣ лица мужского пола, достигшія 25 лѣтъ. Не допускаются къ участию въ выборахъ только лица женскаго пола, а изъ мужского— лица, недостигшія 25 лѣтняго возраста; подвергшіяся суду за преступленія и проступки, имѣющіе своимъ послѣдствіемъ лишеніе или ограниченіе правъ состоянія или же исключеніе изъ службы; отрѣшенные отъ должности; состоящія подъ судомъ и слѣдствіемъ; подвергшіяся несостоятельности до опредѣленія ея степени; исключенныя изъ духовнаго вѣдомства за пороки и изъ среды другихъ сословій по приговорамъ самихъ сословій и, наконецъ, иностранцы³⁾. За малолѣтнихъ и недостигшихъ 25 лѣтняго возраста къ выборамъ допускаются ихъ опекуны и попечители, а за лицъ женскаго пола ихъ довѣренныя, каковыми могутъ быть ихъ отцы, мужья, сыновья, зятья и родные братья⁴⁾. Черезъ повѣренныхъ могутъ участвовать въ выборахъ и богоугодныя, благотворительныя, учебныя, промышленныя и друг. учрежденія, общества, компаніи и товарищества, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, дающимъ право на участіе въ земскихъ выборахъ⁵⁾. Къ выборамъ допускаются также сыновья вмѣсто отцовъ, если они живутъ вмѣстѣ съ ними⁶⁾, и арендаторы, вмѣсто земле-

¹⁾ Ibid., ст. 23.

²⁾ Ibid., ст. 28.

³⁾ Ibid., ст. 17.

⁴⁾ Ibid., ст. 18.

⁵⁾ Ibid., ст. 19.

⁶⁾ Ibid., ст. 20.

владѣльцевъ, у которыхъ они арендуютъ землю, но лишь по довѣренности отъ нихъ ¹⁾. Самые выборы уѣздныхъ гласныхъ производятся на сѣздахъ отдѣльно каждой куріей. Выборы для землевладѣльцевъ съ полнымъ имущественнымъ цензомъ—прямые, а для мелкихъ землевладѣльцевъ и сельскихъ избирателей—двухстепенные. Послѣдніе предварительно избираютъ (мелкіе землевладѣльцы на особыхъ сѣздахъ, а крестьяне на волостныхъ сходахъ) уполномоченныхъ, черезъ которыхъ потомъ участвуютъ въ выборѣ уѣздныхъ гласныхъ, первые вмѣстѣ съ крупными землевладѣльцами ²⁾, а вторые на особыхъ сѣздахъ сельскихъ избирателей ³⁾. При этомъ сѣзды крупныхъ землевладѣльцевъ и городскіе избираютъ гласныхъ только изъ своихъ членовъ, а сельскіе, какъ изъ своихъ, такъ и изъ членовъ сѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ и священнослужителей ⁴⁾. Къ баллотировкѣ въ гласные допускаются всѣ, имѣющіе на то право ⁵⁾, за исключеніемъ мѣстнаго губернатора, вице - губернатора, членовъ губернскихъ правленій, губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ и чиновъ мѣстной полиціи. Перечисленные лица не могутъ быть избираемы въ гласные ⁶⁾. Мѣсяца за три и болѣе до начала сѣздовъ по выбору уѣздныхъ гласныхъ особой уѣздной комиссіей по всѣмъ тремъ куріямъ составляются списки лицъ, имѣющихъ право на участіе въ выборѣ уѣздныхъ гласныхъ ⁷⁾. Составленные списки для ознакомленія съ ними населенія вывѣшиваются въ мѣстѣ присутствія комиссіи и отпечатываются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ ⁸⁾. Лица, имѣющія право на участіе въ выборахъ, но почему-либо не внесенныя въ избирательные списки, могутъ заявить о томъ комиссіи, и она обязана внести ихъ въ списки, если только заявленіе поступитъ до утвержденія списковъ губернскимъ комитетомъ ⁹⁾. Равнымъ образомъ по заявленію избирателей изъ списковъ можетъ быть исключенъ всякій, неправильно въ нихъ внесенный ¹⁰⁾. По истеченіи мѣсяца со дня соста-

¹⁾ Ibid., ст. 21.

²⁾ Ibid., ст. 23.

³⁾ Ibid., ст. 30, 31.

⁴⁾ Ibid., ст. 35.

⁵⁾ Ibid., ст. 44.

⁶⁾ Ibid., ст. 36.

⁷⁾ Приложенія къ ст. 1 положенія о земскихъ учрежденіяхъ, ст. 8.

⁸⁾ Ibid., ст. 16.

⁹⁾

¹⁰⁾ Ibid., ст. .

вленія списковъ уѣздная комиссія пересылаетъ ихъ вмѣстѣ съ своими соображеніями о мѣстѣ и времени съѣздовъ избирателей¹⁾ губернатору²⁾. Послѣдній передаетъ ихъ въ состоящій подъ его предсѣдательствомъ комитетъ³⁾, который, разсмотрѣвъ и повѣривъ списки, утверждаетъ ихъ⁴⁾ и опредѣляетъ мѣста и сроки съѣздовъ для всѣхъ курій⁵⁾. Опредѣленія и заключенія губернскаго комитета—окончательныя, апелляцій на нихъ не допускается⁶⁾. О своихъ постановленіяхъ губернской комитетъ увѣдомляетъ уѣздную комиссію, которая въ свою очередь увѣдомляетъ о срокахъ избирательныхъ съѣздовъ уѣзднаго предводителя дворянства, городского голову и мировой съѣздъ. Послѣдніе же о томъ же оповѣщаютъ населеніе⁷⁾. Въ опредѣленные для избирательныхъ съѣздовъ сроки избиратели собираются въ назначенныя мѣста и открываются съѣзды: землевладѣльческій — уѣзднымъ предводителемъ дворянства, городской—городскимъ головою и сельскіе—мировыми посредниками⁸⁾. Собравшись, выборщики избираютъ уѣздныхъ гласныхъ⁹⁾, число которыхъ для каждаго съѣзда строго опредѣлено. Къ гласнымъ избираются нѣсколько кандидатовъ¹⁰⁾. Тѣ и другіе избираются срокомъ на три года¹¹⁾. Никакими служебными преимуществами гласные не пользуются и содержанія не получаютъ¹²⁾. Результаты выборовъ заносятся въ особый выборный листъ, который по прочтеніи скрѣпляется подписями всѣхъ участниковъ съѣзда¹³⁾, а черезъ сутки уѣздной комиссіей отсылается въ губернской комитетъ. Послѣдній, провѣривъ списки, утверждаетъ ихъ и назначаетъ сроки созыва уѣздныхъ земскихъ собраній¹⁴⁾. О чемъ губернаторъ черезъ напеча-

1) Ibid., ст. 19.

2) Ibid., ст. 24.

3) Ibid., ст. 25.

4) Ibid., ст. 28.

5) Ibid., ст. 25.

6) Ibid., ст. 29.

7) Ibid., ст. 31.

8) Ibid., ст. 37.

9) Ibid., ст. 18.

10) Ibid., ст. 46.

11) Ibid., ст. 38.

12) Ibid., ст. 39.

13) Ibid., ст. 48.

14) Ibid., ст. 52.

таніе въ губернскихъ вѣдомостяхъ доводитъ до свѣдѣнія всего населенія ¹⁾).

Земскія собранія собираются ежегодно по одному разу, уѣздныя не позже октября, а губернскія—не позже декабря ²⁾). Для засѣданій уѣздныхъ собраній полагается десятидневный срокъ, а для губернскихъ—двадцатидневный ³⁾). Продолженіе сроковъ для засѣданій зависитъ для губернскихъ собраній отъ министра внутреннихъ дѣлъ, а уѣздныхъ—отъ губернатора ⁴⁾). Кромѣ очередныхъ собраній, по мѣрѣ надобности созываются съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ чрезвычайныя ⁵⁾). Земскія собранія открываются и закрываются: губернское—губернаторомъ лично, уѣздныя—уѣздными предводителями ⁶⁾). Предсѣдательствуютъ въ губернскомъ собраніи—губернскій предводитель дворянства, если для этого не будетъ назначено верховною властью особое лицо ⁷⁾, а въ уѣздномъ—уѣздный предводитель, а гдѣ нѣтъ дворянскихъ выборовъ—предсѣдатель уѣзднаго съѣзда ⁸⁾). Собраніе считается законнымъ и постановленія его могутъ имѣть законную силу только при наличности одной трети числа гласныхъ, составляющихъ собраніе, и во всякомъ случаѣ не менѣе десяти ⁹⁾).

Кромѣ временныхъ земскихъ учрежденій—уѣздныхъ и губернскихъ собраній, Положеніемъ устанавливаются еще постоянныя—уѣздныя и губернскія земскія управы. Первыя формируются уѣздными земскими собраніями, а вторыя губернскими, которыя однажды въ три года избираютъ для нихъ изъ своей среды отъ трехъ до шести членовъ и предсѣдателя ¹⁰⁾). Предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ утверждаются въ должности губернаторомъ ¹¹⁾, а губернскихъ управъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ ¹²⁾. Члены же управъ вступаютъ въ должность безъ всякаго утвержденія ¹³⁾).

¹⁾ Ibid., ст. 54.

²⁾ Полож. о губ. и уѣзд. зем. учрежденіяхъ (Св. зак. т. II ч. I), ст. 76.

³⁾ Ibid., ст. 77.

⁴⁾ Ibid., ст. 78.

⁵⁾ Ibid., ст. 79.

⁶⁾ Ibid., ст. 81.

⁷⁾ Ibid., ст. 53.

⁸⁾ Ibid., ст. 43.

⁹⁾ Ibid., ст. 42, 85.

¹⁰⁾ Ibid., ст. 46, 56.

¹¹⁾ Ibid., ст. 48.

¹²⁾ Ibid., ст. 56.

¹³⁾ Ibid., ст. 56.

Земскія управы засѣдаютъ въ продолженіе всего года ¹⁾. Дѣла, не требующія коллегіальнаго обсужденія, члены управъ могутъ отправлять единолично по очереди; остальные же дѣла рѣшаются полнымъ составомъ управы большинствомъ голосовъ ²⁾. Ближайшій надзоръ за дѣятельностію земскихъ управъ принадлежитъ губернскому собранію, которое съ утвержденія губернатора можетъ временно устранить отъ должности каждаго изъ ихъ членовъ ³⁾.

Компетенціи всѣхъ губернскихъ уѣздныхъ земскихъ учрежденій подлежатъ дѣла, относящіяся къ мѣстнымъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи и каждаго уѣзда ⁴⁾. Частнѣе въ компетенцію ихъ входитъ: завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства; устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства; мѣры обезпеченія народнаго продовольствія; завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями и прочія мѣры призрѣнія; способы прекращенія нищенства; попеченіе о построеніи церквей; управленіе дѣлами взаимнаго земскаго страхованія имуществъ; попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности, равно какъ о лучшемъ устройствѣ селеній; участіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи и народномъ здравіи; содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота, а также къ охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растеній отъ истребленія саранчею, сусликами и др. вредными насѣкомыми и животными; исполненіе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управленій и участіе въ дѣлахъ о почтовой повинности; раскладка тѣхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ, разверстаніе которыхъ по губерніямъ и уѣздамъ возлагается на земскія учрежденія; назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе мѣстныхъ сборовъ, для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда; представленіе черезъ губернское начальство высшему правительству свѣдѣній и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда, и ходатайство по симъ предметамъ черезъ гу-

¹⁾ Ibid.; ст. 99.

²⁾ Ibid., ст. 99.

³⁾ Ibid., ст. 117.

⁴⁾ Ibid., ст. 1.

бернское начальство; доставленіе, по требованіямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій и губернаторовъ, свѣдѣній о земскомъ хозяйствѣ; производство въ члены и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначеніе суммъ на содержаніе этихъ учрежденій и, наконецъ, дѣла, ввѣренныя земскимъ учрежденіямъ на основаніи особыхъ уставовъ, положеній или постановленій ¹⁾. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ земскимъ собраніямъ принадлежитъ распорядительная власть и общій надзоръ за ходомъ дѣлъ, а земскимъ управамъ власть исполнительная и ближайшее завѣдываніе земскими дѣлами ²⁾.

Въ кругу ввѣренныхъ дѣлъ земскія учрежденія дѣйствуютъ самостоятельно ³⁾, но подъ нѣкоторымъ надзоромъ административной власти. Всѣ постановленія земскихъ собраній безъ замедленія сообщаются губернатору ⁴⁾. Его утвержденію подлежатъ слѣдующія постановленія: о приведеніи въ дѣйствіе земскихъ смѣтъ и раскладокъ; о раздѣленіи земскихъ путей сообщенія на губернскіе и уѣздные; объ отнесеніи уѣздныхъ земскихъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ; объ измѣненіи направленія земскихъ дорогъ; объ утвержденіи выставокъ мѣстныхъ произведеній; о временномъ устраненіи отъ должности членовъ земскихъ управъ; о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ и объ измѣненіи сроковъ и закрытіи существующихъ торговъ и базаровъ ⁵⁾. Онъ же имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія, противнаго законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ ⁶⁾. Въ случаѣ возраженія губернатора противъ постановленія, земское собраніе разсматриваетъ вторично дѣло и постановляетъ свое окончательное заключеніе, копія съ котораго сообщается губернатору. Вторичное постановленіе входитъ въ силу и приводится въ исполненіе, губернаторъ имѣетъ право, подъ личною своею отвѣтственностью, остановить исполненіе.

¹⁾ Ibid., ст. 2. Подробныя указанія о существѣ и порядкѣ дѣйствій земскихъ учрежденій въ сферѣ cadaго изъ перечисленныхъ предметовъ, входящихъ въ ихъ компетенцію, содержатся въ особыхъ положеніяхъ: о земскихъ повинностяхъ, общественномъ продовольствіи, по дѣламъ путей сообщенія, строительному, пожарному, общественнаго призрѣнія и врачебному.

²⁾ Ibid., ст. 68, 69.

³⁾ Ibid., ст. 6.

⁴⁾ Ibid., ст. 93.

⁵⁾ Ibid., ст. 90.

⁶⁾ Ibid., ст. 95, 96.

увѣдомивъ объ этомъ собраніе или управу въ теченіе семи дней отъ полученія копій, а затѣмъ представить дѣло на разрѣшеніе Правительствующаго Сената¹⁾. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ постановленій земскихъ собраній (перечисленные въ 92 ст.) подлежатъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ. Высшая же власть и надзоръ за земскими учрежденіями принадлежитъ Правительствующему Сенату, который разбираетъ и всѣ споры и пререканія земскихъ учрежденій съ бюрократическими,—и даже съ самыми высшими ихъ органами²⁾. Въ такомъ видѣ рисуется составъ, организація, компетенція и отношенія къ органамъ государственной администраціи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій по Положенію 1864 года.

Нельзя не видѣть, что земская реформа 1864 года значительно расширила рамки общественной самодѣятельности въ области мѣстнаго управленія. Тѣ начала самоуправленія, которыя и раньше проявлялись въ русской государственной жизни, теперь были регламентированы и санкціонированы высшею властью. Проведеніе ихъ въ жизнь должно было обновить русскую провинцію и насадить въ ней такія блага, о которыхъ тамъ и не мечтали. Достаточно указать на народную школу, больницу и т. д. Но какъ бы многое ни давала и ни обѣщала земская реформа 1864 года, однако ей многого еще не доставало. Уже самое понятіе о земскихъ учрежденіяхъ, какое было дано въ самомъ положеніи, говорило о значительной ихъ ограниченности и несовершенствѣ. Какъ органы, преслѣдующіе мѣстные хозяйственные интересы, а не интересы правительственные, земскія учрежденія рассматривались закономъ, какъ отдѣльныя общества и частныя лица, а потому не входили въ рядъ правительственныхъ губернскихъ и уѣздныхъ инстанцій и не были надѣлены соотвѣтствующими прерогативами административной власти. Это, по выраженію Градовскаго, „учрежденія съ компетенціей, но безъ власти“. Болѣе того, какъ завѣдующія лишь хозяйствомъ той или другой мѣстности, земскія учрежденія были не болѣе, какъ „хозяйственные“ кооперативныя общества. Такая ограниченность и тенденціозность характера земскихъ учрежденій сказывались всюду. Возьмемъ для примѣра хотя бы земскіе финансы. Первое, что останавливаетъ на себѣ наше вниманіе при

¹⁾ Ibid., ст. 9.

²⁾ Ibid., ст. 9, 11, 96, 97, 117, 118.

обозрѣніи этой области земской самодѣтельности, это почти полное безправіе и, какъ необходимое его слѣдствіе, жалкое состояніе земскихъ ресурсовъ. Повидимому, можно было бы ожидать большей продуктивности отъ земской самодѣтельности въ такихъ областяхъ ея компетенціи, какъ народное образованіе, охраненіе народнаго здравія и т. д., но здѣсь она не получила должной свободы для своего полнаго развитія. Тенденціозная окраска, приданная земскимъ учрежденіямъ, свела ихъ дѣятельность и въ этихъ областяхъ, можно сказать, къ нулю. Земскія учрежденія могли лишь ассигновывать извѣстныя суммы на народное образованіе и врачебную часть, но распоряжаться этими суммами они не могли. Но и помимо ограниченія дѣятельности земскихъ учрежденій такими узкими предѣлами, даже въ очерченномъ кругѣ полномочій они не пользовались свободой. Съ одной стороны губернаторъ, съ другой—министръ внутреннихъ дѣлъ сильно стѣсняли свободу дѣйствій земскихъ учрежденій. Понятно, какъ былъ чувствителенъ для нихъ такой правительственный контроль, когда каждое постановленіе могло быть опротестовано. Такая же неполнота раскрытія началъ самоуправленія въ земскихъ учрежденіяхъ 1864 года обнаружилась и въ ихъ организаціи. Въ основу организаціи земскихъ учрежденій былъ положенъ принципъ имущественнаго ценза. Повидимому, этотъ новый принципъ, раздѣлившій избирателей на три куріи частныхъ землевладѣльцевъ, городскія общества и общества сельскія, въ корнѣ уничтожалъ прежній сословный принципъ, но на самомъ дѣлѣ была допущена не болѣе какъ только подтасовка понятій, не измѣнившихъ сущности дѣла. Въ новомъ дѣленіи по избирательнымъ куріямъ нельзя не видѣть прежнее дѣленіе по сословіямъ: дворянъ, купцовъ и городскихъ промышленниковъ и крестьянъ. Однимъ словомъ, обособленность земскихъ учрежденій, выдѣленіе ихъ изъ государственнаго аданія, какъ какой-то чуждой ему пристройки, съ одной стороны, ихъ ограниченность съ другой стороны, ясно показываютъ, что начала самоуправленія не получили еще полнаго примѣненія въ земской реформѣ 1864 года.

Половинчатость ея была вскорѣ же отмѣчена лучшими людьми того времени. Такъ, напр. Головачевъ въ своей книгѣ „Десять лѣтъ реформъ“ заявляетъ, что права мѣстныхъ обществъ, если и были расширены съ одной стороны—предоставленіемъ въ ихъ вѣдѣніе мѣстныхъ интересовъ,

то съ другой стороны въ смыслѣ ихъ политическаго значенія въ общей системѣ государственнаго управленія они были значительно ограничены. Онъ сожалѣлъ, что земскія собранія не получили тѣхъ политическихъ правъ, которыя гораздо раньше были предоставлены дворянамъ. Академикъ же В. П. Безобразовъ находилъ, что земскія учрежденія еще не настоящіе органы мѣстнаго самоуправленія, а только мѣстныя общественныя вольности, могущія развиться въ такіе органы ¹⁾. Ихъ главнымъ недостаткомъ онъ считалъ то, что они не введены въ общую систему государственнаго управленія и поставлены подлѣ ея, какъ отдѣльныя государственно-общественныя тѣла, не имѣющія никакой органической связи съ ней. Даже самъ Валуевъ, какъ бы извиняясь за половинчатость реформы, заявилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что первый шагъ не долженъ считаться послѣднимъ, что утвержденіе земства есть лишь созданіе формы, которая за тѣмъ, по указанію опыта, будетъ наполняться соотвѣтствующимъ содержаніемъ ²⁾. Но въ общей своей массѣ русское общество того времени не могло дать правильной оцѣнки новымъ учрежденіямъ. Напряженіе, съ которымъ оно ожидало появленія земской реформы съ одной стороны, новизна внѣшней оболочки новыхъ органовъ самоуправленія съ другой—мѣшали этому и были причиною того, что земская реформа была встрѣчена съ большимъ восторгомъ и ликованіями. Общее настроеніе, созданное проведенной реформой, отразилось и въ литературѣ этого времени. Въ ней мы находимъ цѣлый рядъ панегириковъ, воспѣтыхъ земству. „Мы, писалъ напр. кн. Васильчиковъ, со смѣлостью, безпримѣрною въ лѣтописяхъ міра, выступили на поприще общественной жизни, такъ какъ ни одному современному народу европейскаго континента не предоставлено такого широкаго участія во внутреннемъ управленіи, какъ русскому“ ³⁾. Другой современникъ земской реформы, К. Д. Кавелинъ, заявлялъ, что губернскія и уѣздныя земскія учрежденія—цѣлое огромное событіе и многознаменательное явленіе въ ряду нашихъ преобразованій; они образованы въ духъ полного безпристрастія, достойнаго правительства великаго народа. Правда, были и лица оппо-

¹⁾ Безобразовъ. Земскія учрежденія и самоуправленіе.

²⁾ Сватиковъ. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895 г.).

³⁾ Васильчиковъ. О самоуправленіи.

зиціоннаго направленія, заявившія себя еще при выработкѣ Положенія, лучшимъ представителемъ и выразителемъ которыхъ былъ гр. М. А. Корфъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ земскаго положенія онъ въ такихъ словахъ высказалъ взгляды на земское самоуправленіе возглавляемой имъ партіи: „цѣль земской реформы, писалъ онъ, заключается не въ томъ, чтобы на мѣсто однихъ правительственныхъ мѣстъ учредить другія, хотя бы и въ лучшемъ и правильнѣйшемъ составѣ; сущность ея, напротивъ, въ измѣненіи самыхъ коренныхъ условій нашей системы мѣстнаго управленія; въ разрушеніи ея старыхъ основъ и построеніи ея на началѣ, почти совершенно ей чуждомъ—децентрализаціи и самоуправленія“¹⁾. Но опасеніе потерять только что дарованную реформу, опасеніе, вызванное усиленіемъ реакціи, симптомы которой проявились еще при составленіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, побудило оппозиціонную партію не касаться вопроса о расширеніи общественной самодѣятельности.

Несмотря на свою половинчатость, земская реформа все же внесла большое оживленіе въ сѣрую провинціальную жизнь. Земскіе дѣятели съ большою энергіею принялись за ввѣренное имъ дѣло и, можетъ быть, своею дѣятельностью вскорѣ обновили бы различныя стороны провинціальной жизни, если бы не два обстоятельства: недо вѣріе и противодѣйствіе коронной власти и индифферентизмъ и абсентеизмъ земскихъ дѣятелей не парализовали ее. Земскія учрежденія, какъ мы выше отмѣтили, были тѣмъ компромиссомъ, на который пошло правительство второй половины XIX столѣтія, чтобы подавить начавшееся въ то время политическое броженіе. Въ объяснительной запискѣ къ проекту земскаго положенія оно прямо заявило, что имѣетъ въ виду своей реформой положить предѣлъ возбужденнымъ, по поводу образованія земскихъ учрежденій, несбыточнымъ ожиданіямъ и свободнымъ стремленіямъ разныхъ сословій. Но, вводя земскія учрежденія вмѣсто коренной государственной реформы, правительство отлично сознавало, что оно уже выступило на путь этой реформы и на земскія учрежденія смотрѣло, какъ на знаменіе приближенія конституціи. Понятно, что при такомъ условіи земство съ первыхъ же дней своего существованія оказа-

¹⁾ Графъ М. А. Корфъ и земская реформа 1864 года. „Русская Мысль“, 1904 г., 2 ч.

лось бѣльмомъ на глазу бюрократіи и борьба съ земствомъ началась немедленно. вмѣстѣ съ тѣмъ и само земство, вращаясь въ ограниченной сферѣ отмежеванныхъ ему интересовъ, буквально каждымъ своимъ шагомъ и движеніемъ должно было *volens nolens* задѣвать столь ревниво охраняемые властью государственные интересы. Молодое земство сразу почувствовало всю ненормальность своего положенія, какъ какой-то странной пристройки къ чужому зданію, и инстинктивно стремилось стать органической частью русскаго государства. Въ томъ же положеніи, въ которомъ оно находилось, оно какъ-то неловко чувствовало себя, какъ и государственная власть, которая никакъ не могла ужиться съ этимъ инороднымъ придаткомъ, постоянно напоминающимъ ей о призракѣ конституціи. Послѣдняя, вмѣсто того, чтобы развивать основы земской реформы, все свое вниманіе обратила на подавленіе ихъ. Всѣ 50 лѣтъ, протекшіе со времени введенія земскихъ учрежденій до нашихъ дней, были временемъ непрерывнаго, систематическаго стремленія бюрократіи ограничить и подавить земскую самостоятельность. На путь стѣсненій государственная власть выступила съ первыхъ же дней по введеніи земскихъ учрежденій. Подъ разными предлогами она начала издавать циркуляры и законы, идущіе въ разрѣзъ съ земскими интересами. Первый такой циркуляръ былъ изданъ въ 1866 году. Имъ, по просьбѣ лѣсовладѣльцевъ одной изъ сѣверныхъ губерній, было ограничено право обложенія земствами сплавныхъ лѣсовъ. Въ томъ же году 17 мая былъ изданъ другой циркуляръ, которымъ разъяснялось, что земства не имѣютъ права облагать сборами самыя издѣлія и продукты, выдѣлываемые или продаваемые на фабрикахъ и заводахъ, а равно и другихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, оплачиваемыхъ акцизомъ въ пользу казны ¹⁾. А 21 ноября того же года былъ изданъ законъ, существенно ограничившій права земскаго самообложенія. Въ виду неоднократно поступавшихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ жалобъ на чрезмѣрные обложенія земскими сборами промышленныхъ и торговыхъ заведеній, этимъ закономъ право земскаго самообложенія было ограничено только недвижимыми имуществами въ городахъ и уѣздахъ. Съ свидѣтельствъ же на право торговли и промысловъ, съ билетовъ на торговля и промышленныя заведенія и съ патен-

¹⁾ Пажитновъ. Городское и земское самоуправленіе.

товъ на винокуренные заводы и заведенія для продажи питей дозволено взимать земскіе сборы лишь съ цѣнности самыхъ помѣщеній, не включая въ оцѣнку ни стоимость находящихся въ нихъ предметовъ, ни торговыхъ оборотовъ, и притомъ такъ, чтобы процентный сборъ съ гильдейскихъ свидѣтельствъ винокуренныхъ заводовъ не превышалъ 25%, а съ прочихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній 10% налоговъ, платимыхъ въ казну ¹⁾. Этимъ закономъ, по мнѣнію Головачева, была парализована всякая полезная дѣятельность земскихъ собраній. Въ слѣдующемъ же году (1867) 13 іюня былъ изданъ другой законъ, еще болѣе стѣснившій земскую дѣятельность. Имъ была введена цензура для земскихъ изданій, всѣ земскіе журналы, доклады могли печататься не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора, и расширена власть предсѣдателя. Онъ получилъ право не только останавливать, но и лишать ораторовъ права голоса, право снимать съ очереди предложеніе, если оно не согласно съ законами или выходитъ за предѣлы компетенціи земства. Онъ же отвѣчалъ за допущеніе въ собраніи политическихъ рѣчей и вопросовъ. Кроме того, этимъ закономъ запрещались сношенія отдѣльныхъ земствъ между собою. Всѣ эти и подобныя имъ распоряженія, въ корнѣ разрушавшія земскія права и идущія въ разрѣзъ мѣстнымъ интересамъ, вызвали сильныя неудовольствія многихъ земствъ и рядъ настойчивыхъ ходатайствъ объ отмѣнѣ ихъ. Такъ, напр. Петербургское земство въ своемъ губернскомъ засѣданіи два раза постановляло не примѣнять къ раскладкѣ на 1867 годъ правилъ 21 ноября, за что и было закрыто. Правительство, и безъ того настроенное противъ земствъ, на которыя оно смотрѣло, какъ на государство въ государствѣ, сочло подобныя выступленія революціонными, вызванными дѣйствіемъ подпольныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ земствъ имѣли неосторожность высказаться за измѣненіе существующаго строя общественной жизни на конституціонныхъ началахъ. На самыя земскія учрежденія стало смотрѣть, какъ на совершенно лишнія, неоправдывающія своего назначенія. Земскія собранія, писалъ Катковъ ²⁾, это говорильни, дѣломъ не занимаются, а являются только очагами оппозиціи, вступая въ безплодныя пререканія съ администраціей, они только

¹⁾ Святиковъ. Общественное движеніе въ Россіи.

²⁾ Пажитновъ. Городское и земское самоуправленіе.

тормозятъ дѣло управленія. Всѣ эти обвиненія, выдвинутыя противъ земствъ, въ значительной степени были сгущены различными нестроеніями и злоупотребленіями въ ввѣренной имъ области мѣстнаго хозяйства. Реакція, поразившая правительство, коснулась и земствъ. Энергія, проявленная первыми земскими дѣятелями, отъ постояннаго давленія сверху стала замѣтно ослабѣвать. Для крупныхъ землевладѣльцевъ, платившихъ довольно большіе налоги, работа въ земствѣ была бѣпріятнымъ бременемъ. Не манили ихъ, какъ людей обезпеченныхъ, и земскія мѣста, а потому они довольно равнодушно относились къ земской самодѣятельности. Не меньшее равнодушіе проявили къ земской работѣ и городскіе избиратели. Большіе налоги, которые приходилось уплачивать городскимъ жителямъ съ одной стороны, перевѣсь въ земскихъ учрежденіяхъ крестьянъ и землевладѣльцевъ съ другой—подавили и въ городскомъ населеніи интересъ къ земской работѣ. Даже крестьяне и тѣ стали охладѣвать къ земской работѣ. Неподготовленность къ новому дѣлу, лишніе расходы на поѣздки, новые налоги—все это подавляло и въ нихъ рвеніе. Результаты такого общаго индифферентизма къ земской работѣ были печальные. Земскія учрежденія стали наполняться лицами, или совершенно неинтересующимися дѣломъ, или мало подготовленными къ нему, а это въ свою очередь повело къ деморализаціи земскихъ учрежденій. Предсказаніе Каткова, что многіе ждутъ не дождутся земскихъ должностей, приносящихъ хорошій доходъ, и преимущественно съ этой стороны интересуются земскими учрежденіями, исполнилось. Хищенія и растраты земскихъ суммъ стали явленіемъ распространеннымъ. Все это еще болѣе очернило въ глазахъ правительства земство и сгустило тучи, нависшія надъ нимъ. Но до восьмидесятыхъ годовъ реакція не такъ сильно заявляла о себѣ. Съ этого же времени она все болѣе и болѣе стала усиливаться и къ концу восьмидесятыхъ годовъ достигла полнаго развитія. Всѣ мѣропріятія этого времени направлены къ охраненію государственнаго принципа—централизаціи. Таковы: манифестъ 29 апр. 1881 года о неуклонномъ охраненіи самодержавія; положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ 14 ав. 1881 г.; временныя правила о евреяхъ, устанавливавшія ихъ черту осѣдлости, 1882 г.; временныя правила о печати 1882 г., создавшія современное ея положеніе, и мн. другія. Какъ глубоки были корни, пущенные реакціей, можно видѣть

изъ тѣхъ предложеній для улучшенія земскихъ учрежденій, которыя въ это время высказывались. Такъ, напр. П. Л. Корфъ для улучшенія земскихъ учрежденій предлагалъ включить въ составъ земскихъ собраній уѣздныхъ предводителей дворянства, ихъ кандидатовъ, депутатовъ дворянъ и дворянъ потомственныхъ; установить фиксацію земскаго обложенія; соединить должность вице-губернатора съ предсѣдателемъ губернской управы и должность исправника съ должностью члена уѣздной управы. А извѣстный земскій публицистъ, опредѣленнаго оппозиціоннаго направленія, К. К. Арсеньевъ считалъ необходимымъ опредѣлить напр. максимумъ обложенія для земельныхъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ и установить особыя нормы для ихъ оцѣнки и регламентировать натуральныя повинности. Онъ же проектировалъ установить для земствъ обязательнымъ разсмотрѣніе всѣхъ ихъ предложеній губернаторомъ и допущеніе послѣдняго къ участию съ совѣщательнымъ голосомъ въ земскихъ собраніяхъ. Такимъ образомъ идея централизаціи и бюрократическаго самовладѣнія снова была выдвинута на политическую арену. Такова въ общихъ чертахъ атмосфера общественной жизни на протяженіи времени отъ введенія реформы 1864 года до конца восьмидесятихъ годовъ XIX столѣтія. Вполнѣ понятно, чѣмъ должна была она разрядиться. Оппозиціонное направленіе земскихъ учрежденій, хищенія и растраты, происходившія въ нихъ, ясно говорили правительству о ихъ непригодности и необходимости реорганизаціи ихъ. Но самъ собою возникалъ вопросъ, на какихъ же началахъ реорганизовать земскія учрежденія? Само правительство стояло на сторонѣ старины и считало необходимымъ реорганизовать земство на прежнихъ началахъ сословности и централизаціи. На сторонѣ послѣднихъ къ этому времени оказалось и общественное самосознаніе. Въ этомъ направленіи и начались работы комиссіи гр. Д. А. Толстого министра внутреннихъ дѣлъ, и его ближайшаго сотрудника Пазухина, по пересмотру земскаго положенія 1864 года. Причину оппозиціи и конституціонализма земцевъ Толстой видѣлъ не въ неблагонадежности отдѣльныхъ лицъ, а въ самой системѣ самоуправленія, противорѣчившей основному государственному принципу. А потому онъ предлагалъ совершенно уничтожить исполнительные земскіе органы (губернскія и уѣздныя управы) и замѣнить ихъ губернскими и уѣздными земскими присутствіями, подчиненными

губернатору и пополняемыми по назначенію. Земскія собранія должны были стать совѣщательными учрежденіями, постановленія которыхъ подлежали бы утвержденію губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ. Земскія собранія должны были пополняться на основѣ сословнаго представительства, имѣющаго притомъ характеръ повинности. Смерть Толстого не дала ему провести проекты въ жизнь. Разработанныя имъ основы новаго Положенія были впоследствии нѣсколько измѣнены его преемникомъ—Дурново. Нѣкоторыя измѣненія внесъ Государственный Совѣтъ, гдѣ новый законопроектъ вызвалъ особо внимательное отношеніе. Выработанное въ такомъ порядкѣ Положеніе было утверждено 12 іюня 1890 года и съ нѣкоторыми измѣненіями дѣйствуетъ и донинѣ.

Измѣненія, внесенныя „Положеніемъ 1890 года“, прежде всего коснулись основнаго принципа „Положенія 1864 г.“. Въмѣсто безсословнаго, основаннаго на имущественномъ цензѣ, представительства введено сословное, именно одно избирательное собраніе для дворянъ личныхъ и потомственныхъ, и другое для прочихъ избирателей, кромѣ лицъ крестьянскаго сословія ¹⁾. Представительство же отъ крестьянъ сведено къ факціи. Сельскіе избирательные съѣзды упразднены, избраніе гласныхъ отъ сельскихъ обществъ предоставлено волостнымъ сходамъ. При чемъ списки избранныхъ ими лицъ отсылаются губернатору, который по своему усмотрѣнію утверждаетъ земскихъ гласныхъ и кандидатовъ къ нимъ ²⁾. Затѣмъ, значительныя измѣненія внесены новымъ Положеніемъ въ организацію земскихъ учреждений. Участіе въ выборахъ гласныхъ предоставлено только лицамъ, физически и юридически владѣющимъ не менѣе года, на правѣ собственности, землею или другимъ недвижимымъ имуществомъ ³⁾. Этимъ введеніемъ отъ выборовъ были устранены всѣ имѣющіе купеческія свидетельства и владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ предприятий ⁴⁾. Отъ выборовъ устранены и священно-и церковнослужителя и евреи ⁵⁾. Въмѣсто этого епархіальнымъ учреждениямъ предоставлено право назначать въ земскія учре-

¹⁾ Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденияхъ т. II и I, ст. 14, 28.

²⁾ Ibid., ст. 51.

³⁾ Ibid., ст. 16, 24.

⁴⁾ Ibid., ст. 24.

⁵⁾ Ibid., ст. 26.

жденія своихъ представителей ¹⁾). Право участія въ избраніи уполномоченныхъ обусловлено не $\frac{1}{20}$, а $\frac{1}{10}$ избирательнаго ценза, но взамѣнъ этого значительно пониженъ размѣръ земельного ценза и расширенъ кругъ лицъ, имѣющихъ право на представительство черезъ уполномоченныхъ. Это право получили не только владѣтели земельныхъ, но и прочихъ имуществъ, оцѣненныхъ не ниже $\frac{1}{10}$ полного ценза (т. е. 1500 р.) ²⁾). Право выдачи довѣренности на участіе въ выборахъ, прежде принадлежавшее всѣмъ избирателямъ, теперь оставлено только за мужчинами совершеннолѣтними, но не достигшими 25 лѣтняго возраста, и за женщинами, но зато расширенъ кругъ лицъ, которыя могутъ быть повѣренными женщинъ. Въ число послѣднихъ включены еще родные племянники и внуки ³⁾). Установлены особые способы пополненія комплекта гласныхъ для тѣхъ случаевъ, когда за неприбытіемъ достаточнаго числа избирателей или по другимъ причинамъ, число избранныхъ гласныхъ окажется менѣ двухъ третей числа, положеннаго для уѣзда. Въ такихъ случаяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ продолжать на новое трехлѣтіе срокъ полномочій прежнихъ гласныхъ ⁴⁾). Самое число гласныхъ сокращено: въ уѣздномъ земскомъ собраніи почти на $\frac{1}{4}$, а въ губернскомъ на $\frac{1}{2}$. Существенное нововведеніе, касающееся земскихъ собраній, то, что въ составъ губернскихъ собраній введены всѣ уѣздные предводители дворянства, а гдѣ ихъ нѣтъ—предсѣдатели уѣздныхъ сѣздовъ, а въ составъ уѣздныхъ собраній—городскіе головы уѣздныхъ городовъ ⁵⁾). Присутствіе на собраніяхъ обязательно для всѣхъ гласныхъ, уклоняющіеся безъ уважительныхъ причинъ, по усмотрѣнію собраній, могутъ подвергаться взысканіямъ, начиная съ замѣчанія и кончая штрафомъ въ размѣрѣ 75 рублей ⁶⁾. Далѣе, значительныя измѣненія были произведены въ организаціи исполнительныхъ органовъ—управъ.

По новому Положенію не только предсѣдатели уѣздныхъ управъ, но и члены, какъ губернской, такъ и уѣздныхъ управъ, утверждаются въ своей должности губернаторомъ ⁷⁾.

¹⁾ Ibid., ст. 57.

²⁾ Ibid., ст. 24.

³⁾ Ibid., ст. 18, 21.

⁴⁾ Ibid., ст. 53.

⁵⁾ Ibid., ст. 56.

⁶⁾ Ibid., ст. 59, 60.

⁷⁾ Ibid., ст. 118.

Въ случаѣ неутвержденія избранныхъ лицъ, вакантныя должности замѣщаются по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ лицами правоспособными ¹⁾. Отъ предсѣдателя управы требуется обладаніе правомъ вступленія на государственную службу ²⁾. Всѣмъ членамъ и предсѣдателю управъ предоставлены права государственной службы ³⁾. За проступки по своей должности они могутъ подлежать дисциплинарнымъ взысканіямъ ⁴⁾. Право налагать взысканія на членовъ уѣздной управы принадлежитъ особому учрежденію—губернскому по земскимъ дѣламъ присутствію, а на предсѣдателей управъ и членовъ губернской управы—совѣту министра внутреннихъ дѣлъ. Ему же принадлежитъ и право устраненія отъ должности членовъ и предсѣдателей управъ ⁵⁾. Кромѣ того, расширенъ кругъ лицъ, подлежащихъ избранію въ предсѣдатели и члены управъ; на эти должности могутъ избираться не только гласные, но и всѣ лица, обладающія полнымъ цензомъ ⁶⁾. Значительно расширены права предсѣдателей управъ. Они получили право не только останавливать, но и лишать ораторовъ права голоса, снимать съ очереди предложенія, если тѣ не согласны съ законами или выходятъ за предѣлы компетенціи земства ⁷⁾. Наконецъ, новое Положеніе коснулось и предѣловъ власти земскихъ учрежденій и значительно ограничило ихъ. Оно предоставило губернатору право останавливать постановленія собраній не только въ случаяхъ формальныхъ нарушеній закона, но и тогда, когда онъ усмотритъ, что данное постановленіе не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, или нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія ⁸⁾. Предоставляя губернатору право надзора не только за закономѣрностью, но и цѣлесообразностью дѣйствій земскихъ учрежденій, новое Положеніе для разрѣшенія возможныхъ конфликтовъ между земскими собраніями и губернаторомъ, относительно степени правильности и законности постановленій и распоряженій первыхъ, устанавливаетъ особыя губернскія по земскимъ дѣламъ присутствія,

¹⁾ Ibid., ст. 119.

²⁾ Ibid., ст. 117.

³⁾ Ibid., ст. 123.

⁴⁾ Ibid., ст. 132, 134.

⁵⁾ Ibid., ст. 133.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Ibid., ст. 101, 102.

⁸⁾ Ibid., ст. 5, 87

которыя вмѣстѣ съ тѣмъ надѣляетъ дисциплинарною властью въ отношеніи къ земскимъ управамъ¹⁾. Въ составъ присутствій, подъ предсѣдательствомъ губернатора, входятъ: губернской предводитель дворянства, вице-губернаторъ, управляющій казенною палатою, прокуроръ окружнаго суда, городской голова губернскаго города, предсѣдатель губернской управы и одинъ членъ, избранный губернскимъ земскимъ собраніемъ²⁾. Дѣла въ присутствіи рѣшаются большинствомъ голосовъ, но губернатору предоставлено право приостанавливать исполненіе рѣшеній и переносить дѣла министру внутреннихъ дѣлъ³⁾. Таковы въ общихъ чертахъ тѣ измѣненія, или, какъ сказано въ Высочайшемъ указѣ, улучшенія, которыя произведены въ Положеніи 1864 года Положеніемъ 1890 года.

Знакомясь съ ними, мы не можемъ не замѣтить, что новое Положеніе не ослабило, но еще болѣе усилило реакціонные элементы, вкравшіеся въ земское устройство. Снова земскія учрежденія получили сословный характеръ, а организація земскаго представительства была искажена въ угоду дворянству. Увеличивъ число гласныхъ отъ дворянъ, новое Положеніе представительство отъ другихъ сословій свело къ нулю. Къ тому же была сведена и свобода дѣйствій всѣхъ земскихъ учрежденій, особенно управъ. Статья (6 Положенія 1864 года), гласящая: „въ кругу ввѣренныхъ дѣлъ земскія учрежденія дѣйствуютъ самостоятельно“, была исключена изъ закона. Правда, новое Положеніе устранило взглядъ на земскія учрежденія, какъ частныя хозяйственныя союзы, и поставило ихъ въ ряду правительственныхъ учрежденій, но надѣлило ихъ не необходимыми прерогативами правительственной власти, а бюрократическимъ надзоромъ и руководствомъ. Власть губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ съ одной стороны, и губернскаго присутствія съ другою парализовали въ земствѣ всякую самодѣятельность. Стѣснительный надзоръ администраціи съ закономѣрности перенесенъ уже и на цѣлесообразность земскихъ постановленій. Но противники земскаго самоуправления не удовлетворились и такой реакціонной реформой, и въ послѣдующее время издается рядъ положеній, направленныхъ къ дальнѣйшему ограниченію земской само-

1) Ibid., ст. 8.

2) Ibid., ст. 8.

3) Ibid., ст. 11.

дѣятельности. Такъ, въ 1900 году, высказываемая раньше мысль о необходимости фиксаціи земскаго обложенія получила законодательную санкцію. Выработанный министромъ внутреннихъ дѣлъ Сипягинымъ и министромъ финансовъ Витте, проектъ, по которому всѣ земскія смѣты, требующія увеличенія сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ, должны представляться на утвержденіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, хотя и встрѣтилъ сильную оппозицію, какъ въ Совѣтѣ министровъ (гдѣ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что увеличеніе оклада предшествующаго года допускалось въ размѣрѣ 2,5%, а съ Высочайшаго разрѣшенія эта норма могла быть повышена до 5%), такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, въ которомъ большинство рѣшительно высказалось противъ, однако былъ Высочайше утвержденъ. Одновременно съ этимъ изъ вѣдѣній земскихъ учрежденій были изъяты дѣла по общественному продовольству.

Можетъ быть, послѣдовали бы и новыя ограниченія земской самодѣятельности, если бы не 1904—5 годы общественнаго движенія, когда вмѣстѣ съ вопросомъ о переустройствѣ всего государственнаго строя на конституціонныхъ началахъ былъ выдвинутъ, какъ его предикатъ, и вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи. 5 декабря 1906 года былъ уже изданъ законъ, значительно измѣнившій организацію крестьянскаго представительства въ земскихъ учрежденіяхъ. Крестьяне были освобождены отъ административной опеки. Выборнымъ сельскихъ обществъ предоставлено было самимъ, безъ вмѣшательства губернатора, избирать изъ своей среди уѣздныхъ гласныхъ. Гласные отъ крестьянъ получили вмѣстѣ съ тѣмъ право на государственную службу и занятіе должности члена и предсѣдателя управы. Кромѣ того, тѣ изъ крестьянъ, которые, помимо надѣльной земли, обладали еще установленнымъ имущественнымъ цензомъ, получили право, помимо участія въ выборахъ гласныхъ отъ своихъ обществъ, участвовать во вторыхъ избирательныхъ земскихъ собраніяхъ. Въ томъ же году правительство для улучшенія состоянія земскихъ финансовъ выступило на путь субсидированія земствамъ и ихъ дѣятельность получила возможность сильнѣе развернуться. Позднѣе (5 декабря 1912 г.) послѣдовало изданіе закона объ улучшеніи земскихъ финансовъ, благодаря которому земство получаетъ до 8 милліоновъ рублей. Другихъ измѣненій, кромѣ указанныхъ, въ Положеніе 1890 г.

до настоящаго времени не внесено. Правда, за время работы Государственной Думы не разъ затрагивались отдѣльные вопросы мѣстнаго самоуправления, но всѣ они не вышли изъ стадіи составленія проектовъ и ихъ обсужденія. Впервые вопросъ о реформированіи земскаго самоуправления былъ затронутъ во второй Государственной Думѣ, когда въ нее внесены были два проекта конституціонной демократической партіи о выборѣ земскихъ гласныхъ и правительствомъ—о поселковомъ и волостномъ управленіи. Сущность перваго проекта сводится къ слѣдующему. Сельское общество, какъ самоуправляющійся союзъ, упраздняется. вмѣсто него, въ помощь существующему земству, создается другое, организованное на тѣхъ же самыхъ началахъ, но охватывающее меньшую территорію.

Каждое селеніе можетъ быть выдѣлено въ отдѣльную земскую единицу—поселковую организацію (сходъ, староста и управа). Нѣскольکو такихъ мелкихъ земскихъ единицъ—объединяются въ крупныя—„участки“. Во главѣ участка стоятъ органы его: участковое земское собраніе и участковая управа. Участковое земство подчинено уѣздному. Участвовать въ выборахъ и быть избраннымъ въ поселковое и участковое и уѣздное земства могъ всякій мѣстный житель, достигшій 21 года безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности, прожившій въ предѣлахъ уѣзда не менѣе 6 мѣсяцевъ, хотя бы и въ разное время. Проектъ же, внесенный правительствомъ, не уничтожая прежняго устройства сельскихъ обществъ, для селеній не земледѣльческаго типа и селеній, составъ жителей которыхъ болѣе чѣмъ на $\frac{1}{10}$ не совпадаетъ съ составомъ земельныхъ обществъ, между тѣмъ мѣстныя потребности благоустройства отличаются точностью, вводилъ поселковое устройство. Въ составъ поселковыхъ обществъ, кромѣ указанныхъ селеній, могли входить и владѣльцы усадебъ, хуторовъ и т. п., расположенныхъ въ чертѣ усадебной осѣдлости селенія. Всѣ общественныя дѣла въ поселковыхъ селеніяхъ рѣшаются общимъ собраніемъ или сходомъ. Въ крупныхъ же селеніяхъ поселковые сходы замѣняются поселковыми собраніями (непосредственное участіе замѣняется представительствомъ). Для рѣшенія вопросовъ: объ учрежденіи и закрытіи поселковыхъ обществъ, объ установленіи и измѣненіи ихъ границъ, для провѣрки поселковыхъ оцѣнокъ учреждаются уѣздныя земскія собранія (вмѣсто уѣздныхъ съѣздовъ). Поселковыя общества наравнѣ съ

земскими участвуютъ въ волостномъ управленіи. Волостныя собранія состояются изъ гласныхъ, избираемыхъ тѣми и другими, при этомъ количество гласныхъ съ каждой стороны опредѣляется размѣромъ суммы оплачиваемыхъ сборовъ. Но ни одинъ изъ этихъ проектовъ вторая Дума, въ виду скорого роспуска, не успѣла рассмотреть. Послѣ роспуска второй Думы правительство поспѣшило взять обратно свой проектъ и, переработавъ его въ реакціонномъ духѣ, внесло въ 1908 году въ третью Думу. Въ концѣ своихъ полномочій третья Дума рассмотрѣла его, но не во всемъ составѣ, а лишь проектъ волостного управленія, и послѣ значительныхъ измѣненій одобрила. Проектъ поселковаго управленія такъ и остался въ комиссіи, не поступивъ на обсужденіе Думы. По проекту правительства вся реформа волостного управленія сводилась лишь къ привлеченію къ участию въ волостномъ управленіи лицъ всѣхъ сословій и расширенію компетенціи волости въ сферѣ хозяйственной дѣятельности. Волость же по-прежнему должна была остаться единицей управленія. Между тѣмъ Государственная Дума стремилась создать изъ волости новую земскую единицу въ помощь существующему земству. По проекту, принятому Государственной Думой, волостное земское управленіе строилось по образцу уѣзднаго. Органами волостного управленія являются волостныя собранія (съ распорядительною властью) и управы (органы исполнительныя). Въ волостныхъ избирательныхъ собраніяхъ могли участвовать только лица, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ земскими сборами. Ни размѣръ имущественнаго ценза, ни размѣръ земскихъ сборовъ, дающихъ право на участіе въ выборахъ, Дума не установила, а потому предоставила избирательныя права и владѣльцамъ нѣсколькихъ сажень земли, если только земля ихъ была обложена земскими сборами. Право участія въ выборахъ въ волостныя гласныя было предоставлено и женщинамъ. Для избранія волостныхъ земскихъ гласныхъ Государственная Дума признала необходимымъ установить куріальную систему, по размѣрамъ имущественнаго ценза и съ выдѣленіемъ въ особую курію общинниковъ. Компетенція волостного земскаго собранія опредѣлена соотвѣтственно компетенціи уѣздныхъ земскихъ собраній. Исполнительный органъ волости—волостная управа составляется изъ председателя и двухъ или нѣсколькихъ членовъ. Обязанности волостной земской управы раздѣляются—на земско-хозяйственныя и административныя.

Для взиманія мѣстныхъ сборовъ въ помощь волостной управѣ учреждается должность сборщика. Каждой волости предоставлено право самой составлять смѣту по обложенію имуществомъ, которая затѣмъ поступаетъ на разсмотрѣніе и утвержденіе уѣзднаго земскаго собранія. Въ своей дѣятельности волостныя земскія учрежденія поставлены подъ надзоръ съ одной стороны правительственной власти, которая надзираетъ за законностью ихъ дѣствій, не касаясь цѣлесообразности, а съ другой—подъ надзоръ особаго присутствія уѣзднаго съѣзда, состоящаго изъ правительственныхъ чиновъ и мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Ближайшій же надзоръ и ревизія волостныхъ земскихъ учрежденій возложены на особое лицо, избираемое уѣзднымъ присутствіемъ изъ своей среды. Земское волостное управленіе вводится, по возможности, въ предѣлахъ существующихъ волостей. Вновь же открываемыя волости должны быть съ населеніемъ не менѣе 3.000 душъ обоого пола. Разработанный въ такомъ видѣ законопроектъ поступилъ въ Государственный Совѣтъ, въ которомъ и лежитъ безъ разсмотрѣнія до сихъ поръ. Въ 1908 году было внесено въ Государственную Думу еще одно законодательное предположеніе объ измѣненіи земскаго Положенія 1890 года въ части, касающейся выборовъ. Необходимость измѣненія избирательнаго закона въ земскія собранія давно уже диктуется самою жизнью. Земское Положеніе 1890 года съ его исключительно сословнымъ характеромъ признано устарѣвшимъ всѣми серьезными земскими дѣятелями. Достаточно привести слѣдующій любопытный фактъ, указанный въ Государственной Думѣ депутатомъ Шингаревымъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, уже нѣсколько лѣтъ фактически исчезло изъ жизни земство. Дѣло въ томъ, что въ этомъ уѣздѣ имѣется лишь 6 человекъ изъ дворянъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ, но ихъ нѣтъ на-лицо: двое умерли, двое продали землю, остальные попали подъ судъ. Земская управа существуетъ по назначенію и, конечно, ежегодно представляетъ земскому собранію (несуществующему) разнаго рода доклады, которые потомъ, въ виду отсутствія земскаго собранія, представляются на утвержденіе губернатору¹⁾.

Это—яркій примѣръ вырожденія земства, основаннаго на сословномъ началѣ. Въ внесенномъ предположеніи

¹⁾ Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. Четвертый созывъ, сессія I, засѣданія 21, 8, 11, 1913 г.

(подписанномъ видными представителями фракціи октябристовъ), вопросъ о расширеніи избирательныхъ правъ былъ разработанъ не только въ смыслѣ уменьшенія имущественнаго ценза, но и съ предоставленіемъ пассивныхъ избирательныхъ правъ женщинамъ. Но оно пролежало въ третьей Думѣ болѣе 4 съ половиной лѣтъ безъ всякаго движенія и къ концу окончанія полномочій третьей Думы осталось неразмощрѣннымъ. Въ четвертой Думѣ аналогичное законодательное предположеніе было внесено октябристами въ началѣ февраля 1913 года и тогда же передаво въ комиссію по мѣстному самоуправленію для разработки. Данное предположеніе чрезвычайно скромно и въ строгомъ смыслѣ вовсе не является реформой. Вся задача его заключается лишь въ нѣкоторомъ расширеніи рамокъ избирательнаго закона и въ допущеніи къ земскимъ выборамъ болѣе значительнаго круга лицъ. Проектъ, правда, уничтожаетъ сословное начало, на которомъ построено Земское Положеніе 1890 года; онъ строитъ избирательныя права на другомъ началѣ—имущественномъ, но, уничтожая сословныя перегородки, онъ далекъ отъ демократизаціи земскаго избирательнаго закона. Проектъ понижаетъ земельный цензъ на половину противъ существующаго и устанавливаетъ для выборовъ пять курій: двѣ куріи уѣздныхъ собственниковъ, двѣ для горожанъ и одну для сельскихъ собственниковъ и домохозяевъ общинниковъ. Главная роль въ земствѣ отводится крупнымъ земельнымъ собственникамъ. Въ этомъ отношеніи проектъ октябристовъ нѣсколько приближается къ земскому избирательному закону 1864 года. Проектъ настолько скроменъ, что противъ него возражалъ въ Государственной Думѣ одинъ только Марковъ 2-й, который высказалъ, что земство обязательно должно быть перестроено на сословныхъ началахъ. Но даже Марковъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ его рѣчи, подъ сословнымъ земствомъ подразумѣвалъ не преобладаніе въ немъ дворянства, а настаивалъ на необходимости зафиксировать определенное число гласныхъ отъ крестьянъ, чтобы загородить наплывъ въ безсословное земство сельской интеллигенціи ¹⁾. Намъ осталось сказать еще нѣсколько словъ о введеніи земства въ 6 западныхъ губерніяхъ. Въ 1910 году предсѣдатель Совѣта министровъ П. А. Столыпинъ внесъ

¹⁾ Государственная Дума. Стенографическіе отчеты. Четвертый созывъ, сессія I, засѣданіе 21.

въ Государственную Думу проектъ о введеніи земства въ 6 западныхъ губерніяхъ по закону 1890 года съ рядомъ большихъ измѣненій. Главное изъ нихъ то, что, вмѣсто дѣленія избирателей по сословіямъ, введено дѣленіе на національныя куріи. При этомъ землевладѣльцамъ русскаго происхожденія предоставлены нѣкоторыя преимущества, какъ въ выборѣ гласныхъ, такъ и при замѣщеніи должностей. Государственная Дума съ нѣкоторыми измѣненіями приняла этотъ проектъ, но Государственный Совѣтъ отклонилъ его. Тогда сессія законодательныхъ учрежденій была на три дня прервана и проектъ былъ проведенъ въ порядкѣ 87-й статьи основныхъ законовъ.

Такова исторія земства (со стороны законоположеній) со дня его введенія и до нашихъ дней. Подводя итоги полу-вѣкового существованія земства, нельзя не отмѣтить, что русское земское самоуправленіе находится еще въ начальной стадіи своего развитія, что исполнившіеся въ нынѣшнемъ году 50 лѣтъ его существованія есть только минута въ его будущей исторіи. Не мало реформъ и измѣненій должно увидѣть земство прежде, чѣмъ стать совершеннымъ аппаратомъ. Вся атмосфера общественной жизни складывается такъ, что обѣщаетъ дальнѣйшее развитіе началъ самоуправления. Тотъ антагонизмъ между земствомъ и правительствомъ, которымъ наполнены первые годы существованія земства, съ начала 90 годовъ прошлаго столѣтія начинаетъ исчезать, и отношенія между ними съ тѣхъ поръ, какъ государственныя задачи и потребности стали открыто обсуждаться мѣстными людьми въ законодательныхъ палатахъ, начали принимать опредѣленныя формы. Центральная власть заявила себя не только какъ носительница управленія и государственности, но и какъ примирительница мѣстныхъ интересовъ съ государственными. Можно надѣяться, что и многія другія печальныя явленія, до сихъ поръ задерживающія развитіе началъ мѣстнаго самоуправления, какъ напр. индифферентизмъ и абсентеизмъ населенія къ общественной самодѣятельности, будутъ исчезать по мѣрѣ умственного и государственнаго развитія мѣстнаго населенія. Могущественный толчокъ этому развитію уже данъ устройствомъ мелкаго единоличнаго землевладѣнія, которое, безъ сомнѣнія, создастъ множество лицъ, заинтересованныхъ въ добромъ веденіи мѣстнаго хозяйства.

В. Смирновъ.

Тому это лѣтъ.

Императоръ Александръ I, во время своего пребыванія въ 1814 г. въ Брюсселѣ, одѣвался съ чрезвычайной простотой, такъ что никто не подозрѣвалъ въ немъ Монарха Россіи. Однажды, проливной дождь заставилъ его искать убѣжища; не вдалекѣ онъ увидѣлъ магазинъ портного, дверь котораго стояла открытой. Онъ вошелъ туда, и вступивши въ бесѣду съ хозяиномъ, сталъ его разспрашивать объ его семьѣ, и какимъ образомъ онъ сводить* свои концы съ концами. Портной, слова котораго заставили въ немъ предполагать челоуѣка честнаго и благочестиваго, откровенно высказался о своихъ затрудненіяхъ въ денежныхъ дѣлахъ, и заботу, что у него не хватитъ денегъ на уплату своего помѣщенія. Императоръ скоро покинулъ его, сохранивъ свое инкогнито. Однако жъ нѣсколько дней спустя портной неожиданно получилъ бумагу—актъ покупки дома въ свою полную собственность. И только нѣкоторое время спустя, ему пришлось узнать, что его мимолетный гость и Императоръ Россіи были одно и то же лицо.

В. Ключарева.

Казанская старина.

Павелъ I въ г. Козмодемьянскѣ.

Павелъ, какъ поклонникъ нѣмецкаго милитаризма, всю армію раздѣлилъ на 4 инспекціи, и Казанская губ. причислена къ Оренбургской инспекціи. Онъ вздумалъ въ 1798 г. сдѣлать смотръ 3 полкамъ, стоящимъ въ г. Оренбургѣ, которые, обученные, вызывались въ г. Казань, куда и Императоръ къ 25 мая рѣшилъ прибыть. Для такого дальняго путешествія Павелъ приказалъ сдѣлать, какъ онъ называлъ, дорожную колясочку на 4-хъ лицъ, и тутъ же, чтобы можно было принимать съ докладомъ. И вотъ 5 мая 1798 г. онъ выѣхалъ изъ г. Павловска черезъ Москву, Нижній и Казань по большой московской дорогѣ въ сопровожденіи свиты— графа Кутайсова и генераловъ Нелединскаго, Обрѣзкова и Кушелева, и съ нимъ поѣхали два сына, князья Александръ и Константинъ. Подъ царскій поѣздъ запрягалось до 400 лошадей. Для встрѣчи Императора, изъ г. Казани прибыли въ г. Козмодемьянскъ, какъ лежащій на границѣ Нижегородской губ., депутаты отъ дворянства во главѣ съ военнымъ губернаторомъ де-Ласси, отъ купечества во главѣ съ Хворовымъ и Евреиновымъ, и вотъ съ утра 22 мая отъ Троицкаго Собора и до въѣздныхъ воротъ у тыновой ограды по обѣ стороны были поставлены инородцы (чуваши и черемисы) въ ихъ національныхъ костюмахъ; тутъ же стояли и жители г. Козмодемьянска въ русскихъ костюмахъ, инвалидная команда во главѣ съ первымъ городничимъ

съ 1794 г. секундъ-маіоромъ Будимличемъ, ученики 2-хъ-класснаго малаго народнаго училища въ числѣ 28 воспитанниковъ, только-что открытаго въ 1791 году во главѣ съ учителемъ Пичугинымъ. А городское все духовенство во главѣ съ настоятелемъ о. протоіереемъ Листовымъ стояло у самага собора съ св. водою и крестомъ въ самыхъ лучшихъ пасхальныхъ облаченіяхъ, и картина всей встрѣчи при солнечномъ свѣтѣ и тихой и теплой майской погодѣ получилась умилительная. Для наблюденія за поѣздомъ, на колокольнѣ собора былъ поставленъ сторожъ Парфенычъ, который обязанъ былъ, какъ только изъ-подъ горы покажется поѣздъ, ударить въ колоколъ, и ровно въ 5 ч. вечера Парфенычъ ударилъ въ колоколъ, и на всѣхъ колокольняхъ начали звонить, и народъ пришелъ въ оживленіе, а городничій вышелъ за шлагбаумъ навстрѣчу Императору, а городской голова М. А. Ермолаевъ съ 6-ю гласными думы, при выходѣ Павла I изъ коляски у шлагбаума, поднесъ хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ отъ жителей города. Затѣмъ Императоръ сѣлъ въ коляску и поѣхалъ въ соборъ между тѣсно стоявшихъ съ обѣихъ сторонъ инородцевъ и жителей, которые кричали „ура“. У собора принялъ крестъ и окропленіе св. водою, потомъ вошелъ въ соборъ для его осмотра и выслушанія краткаго молебна. Послѣ чего поѣздъ спустился въ нижнюю часть города, гдѣ въ д. Колесникова была приготовлена квартира для Императора, а для свиты 8 домовъ тутъ же на площади. Домъ былъ 2-хъ этажный, самый лучшій въ городѣ, и видъ изъ него на Волгу чудный. За Императоромъ явились всѣ депутаты для представленія, а Императоръ больше всѣхъ обратилъ вниманіе на великана красавца купца Загороднаго, котораго и расспрашивалъ о Волгѣ, занятіяхъ жителей, о караванахъ, плывущихъ мимо города, и Волга въ это время была въ полномъ разливѣ, и Императоръ залюбовался съ сыновьями красавицей Волгой. Затѣмъ Императоръ вздумалъ узнать вкусъ воды Волги и сравнить ее съ невскою, для чего на лодкѣ посрединѣ Волги взяли пробу, и она понравилась Императору.

Послѣ представленія депутаты были распущены, а протоіерею Листову приказано на утро служить обѣдню въ Никольской церкви, которая стояла почти рядомъ съ дачей Колесникова. Народъ не расходился до обѣдни, и всѣ расположились вокругъ дома ночевать, чтобы быть съ Императоромъ у обѣдни и проводить его. О. Листовъ совмѣстно

съ священниками городскими Бузановскимъ и Муратовскимъ служили обѣдню, а пѣли причетники, знавшіе пѣніе, какъ города, такъ равно изъ близъ лежащихъ сель. Въ церкви были всѣ депутаты,—и народъ кто могъ помѣститься. Послѣ обѣдни, принявши курьеровъ и лицъ съ докладами, Императоръ, позавтракавши, въ сопровожденіи всѣхъ депутатовъ, поѣхалъ далѣе, и Будимличъ ѣхалъ впереди съ казаками, и на границѣ уѣзда сдалъ свою обязанность чебоксарскому городничему, который и дожидался Царскаго поѣзда. Почти у самой границы Козмодемьянскаго уѣзда на большой дорогѣ среди березъ, которыми была въ 4 ряда обсажена московская большая дорога, оказался дубъ, вышиною около 10 сажень, и до самага верху ни одного сучка, а на верху въ видѣ кроны были сучки, и Императоръ заинтересовался такимъ дубомъ, что вышелъ изъ коляски, снялъ съ себя серебряный шарфъ и надѣлъ на дубъ, который и сталъ называться Царскимъ.

За пребываніе свое въ домѣ Колесникова, Императоръ подарилъ ему золотые часы съ брилліантами, а народъ въ память пребыванія Императора въ домѣ Колесникова, назвалъ этотъ домъ „Царскимъ Дворцомъ“ и подъ этимъ именемъ онъ такъ и существовалъ до тѣхъ поръ, пока не сгнилъ и не свалился, и его пришлось купившимъ у наследниковъ новый выстроить.

В. П. Грузинцевъ.

Казанскіе лашманы.

Лашманство исчезло пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Народъ уже забылъ о его существованіи; лишь немногіе старцы изъ простолюдиновъ знаютъ—что такое лашманы, для остальныхъ же имя „лашманъ“ представляетъ собою „крылатое слово“, обозначающее здоровяка, богатыря.

Лашманъ—терминъ нѣмецкій, происходитъ отъ нижне-нѣмецкаго *laschen* обрубать, обтесывать, обдѣлывать—и *Maan*. Лашманы, въ дословномъ переводѣ, значить будутъ „тесальщики“.

Такъ назывались инородцы, приписанные къ Казанской Адмиралтейской конторѣ и обязанные заготовлять лѣсные матеріалы для надобностей флота.

Первый русскій корабль былъ „Орелъ“, построенный при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ предназначался для Каспійскаго моря, былъ сведенъ по Волгѣ въ Астрахань и тамъ, во время бунта Стеньки Разина, сгорѣлъ ¹⁾.

Петръ Великій началъ строить флотъ въ 1696 году въ Воронежѣ. Морское управленіе этого времени сосредоточивалось въ Воронежѣ и, по имени царскаго жилища, называлось „Государевъ шатеръ на Воронежѣ“ ²⁾.

Центральнымъ учрежденіемъ, завѣдывавшимъ всѣми дѣлами кораблестроенія, былъ въ это время Володимірскій судный приказъ.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, томъ XII, стр. 282, 285, 286.

²⁾ В. Чубинскій, Историческое обозрѣніе устройства управленія морскимъ вѣдомствомъ въ Россіи. СПБ. 1869, стр. 4.

Для заготовки строительныхъ матеріаловъ для флота были назначены лѣса къ сѣверу отъ Воронежа по обѣимъ сторонамъ рѣки Воронежа и ея притоковъ ¹⁾. Выработка и доставка лѣсныхъ матеріаловъ возложены были на особья, образованныя изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, „кумпанства“.

Въ 1700 году часть Володимірскаго суднаго приказа, завѣдывавшая кораблестроеніемъ, была выдѣлена въ самостоятельное учрежденіе подъ именемъ „Приказа адмиралтейскихъ дѣлъ“ ²⁾.

На сѣверѣ кораблестроеніе началось въ 1702 году на рѣкѣ Сяси, впадающей въ Ладожское озеро. Съ 1703 года стали строить суда на Свири на Олонецкой верфи, въ Лодейномъ полѣ, въ Новой Ладогѣ и на рѣкѣ Лугѣ; съ 1706 года—въ Петербургѣ ³⁾.

Лѣсные матеріалы первоначально употреблялись мѣстные. Но съ 1710 года стали въ Петербургѣ доставляться лѣсные матеріалы для постройки флота—изъ Казани, гдѣ образовалось „портовое управленіе“ ⁴⁾.

Послѣ учрежденія въ 1718 году Адмиралтействъ-коллегіи морское управленіе въ Казани стало называться „Лѣсною конторою“; когда въ 1722 году въ Казани учреждено было адмиралтейство, то Казанское морское управленіе стало называться „Адмиралтейскою конторою“, но иногда употреблялось старое названіе—„Лѣсная контора“ ⁵⁾.

Эта двойственность наименованія объясняется двойственностью функций—Казанское управленіе вѣдало и постройкою судовъ въ Казани, въ *Адмиралтейской слободѣ*, до сихъ поръ сохранившей это названіе; и заготовкой лѣсовъ для Петербургскаго адмиралтейства.

Число людей, состоявшихъ при Казанской конторѣ, достигало, говоритъ Чубинскій, до 800 и выше; одни назначались собственно для изготовленія лѣсовъ, другіе къ кораблестроенію, иные къ магазинамъ“ ⁶⁾.

Описанія—какъ происходила заготовка лѣсовъ для Казанскаго и Петербургскаго адмиралтейства—до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, въ русской исторической литературѣ не имѣется.

¹⁾ О. с., стр. 6.

²⁾ О. с., стр. 8.

³⁾ О. с., стр. 11.

⁴⁾ О. с., стр. 30, 29.

⁵⁾ О. с., стр. 32, 76.

⁶⁾ О. с., стр. 76.

Въ указателѣ Межова упомянута лишь книга Чубинскаго, которой я между прочимъ воспользовался для составленія настоящаго очерка, но у Чубинскаго нѣтъ описанія способа заготовки лѣсныхъ матеріаловъ.

Затѣмъ, такъ какъ указатель Межова составленъ въ 1886 году, я просмотрѣлъ, начиная съ этого года, журналы— „Морской Сборникъ“, „Русскій Архивъ“, „Русскую Старину“ и „Историческій Вѣстникъ“ и въ просмотрѣнныхъ мною нѣсколькихъ сотняхъ книгъ этихъ журналовъ ни одной статьи о Казанскомъ адмиралтействѣ не нашель ¹⁾.

И вотъ, совершенно неожиданно, весной 1911 года мнѣ посчастливилось найти въ коллекціи старинныхъ рукописей преосвященнѣйшаго епископа Алексія одинъ очень интересный документъ, относящійся до Казанскаго адмиралтейства.

Означенная рукопись представляетъ собою „Инструкцію корабельному подмастерью Ефимову и Коммиссару Афанасьеву“ и относится къ 1760 году. Въ этой инструкціи содержатся подробныя наставленія о заготовкѣ лѣсовъ для Петербургскаго адмиралтейства.

До 1712 года, т. е. въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, заготовка и отправка корабельныхъ лѣсовъ въ Казанской губерніи производилась „нарядомъ мѣстныхъ жителей“ ²⁾. Съ 1712 года работы эти стали производиться наймомъ ³⁾. Указомъ 15 мая 1712 года ⁴⁾ повелѣно изъ Казани „отпускать тѣ лѣса по вешней полои водѣ до Твери, а рубить и спроваживать тѣ лѣса наймомъ“, производя уплату „изъ доходовъ Казанской губерніи“.

„ . . . а во Твери тѣ лѣса принимать изъ С.-Петербургской губерніи и, принявъ, въ С.-Петербургъ спроводить противъ того-же наймомъ изъ доходовъ С.-Петербургской губерніи“ . . .

При этомъ указывается даже специальный источникъ для этихъ расходовъ.—„Деньги собирать съ тѣхъ людей, что у готовленія тѣхъ лѣсовъ въ работѣ были, по чему за человѣка положить можно, чтобъ безъ тягости было“ . . .

¹⁾ Къ сожалѣнію, нѣкоторыя книги послѣднихъ трехъ журналовъ (кроме „Морского Сборника“) въ библиотекѣ Университета оказались взятыми для прочтенія, нѣкоторыя утрачены, „Историческаго же Вѣстника“ за нѣкоторые годы вовсе нѣтъ. Съ этой неполностью пришлось помириться.

²⁾ Чубинскій, о. с., стр. 30.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Полное собраніе законовъ, томъ IV, № 2522.

Тѣ же правила, вкратцѣ, повторяются въ указѣ 27 февраля 1713 года ¹⁾.

Въ 1718 году система заготовки корабельныхъ лѣсовъ измѣнена—вмѣсто найма стала производиться нарядомъ инородцевъ, которыхъ для этой цѣли приписали къ адмиралтейству и стали называть лашманами.

Указомъ 31 января 1718 года ²⁾ повелѣно на работы по заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ „брать Казанской, Нижегородской и Воронежской губерніи и Симбирскаго уѣзда служилыхъ мурзъ, татаръ, мордву и чувашъ безъ заплаты“, т.-е. безъ вознагражденія, въ видѣ повинности. Съ живущихъ далеко отъ лѣсовъ предписано взимать взаменъ этой повинности—денежный сборъ.

Указами 31 іюля 1722 года и 17 марта 1724 года ³⁾ велѣно этихъ приписанныхъ къ адмиралтейству служилыхъ инородцевъ обложить подушной податью—„расположить съ прочими въ подушную подать“, но денегъ съ нихъ не взимать впредь до особаго распоряженія—денегъ „до указа не имать“. Въ указѣ 27 апрѣля 1724 года ⁴⁾ подтверждается то же распоряженіе—„въ подушный сборъ не писать, а быть имъ у тѣхъ работъ и у отправленія лѣсовъ по-прежнему“.

Съ 1729 (указъ 12 марта) ⁵⁾ съ лашмановъ уже взимается подушная подать, а за работу по заготовкѣ лѣсовъ полагается имъ плата, которая зачитается въ подушную подать по расчету 6 копеекъ въ день конному работнику, 4 копейки пѣшему. Излишній сверхъ суммы подушной подати заработокъ выдается деньгами.

Указомъ 9 ноября 1730 года подтверждено—„а имъ мурзамъ и татарамъ у заготовки корабельныхъ и прочихъ лѣсовъ быть по-прежнему, а ту работу зачитать имъ въ платежъ положенныхъ на нихъ подушныхъ денегъ“, съ уплатой излишне-заработанныхъ денегъ наличными.

Когда именно повелѣно взимать съ лашмановъ подушныя деньги и былъ ли объ этомъ особый указъ, помимо вышеназванныхъ—мы не знаемъ; между прочимъ въ

¹⁾ П. с. з., т. V, № 2647.

²⁾ П. с. з., т. V, № 3149.

³⁾ П. с. з., т. VI, № 4065 и томъ VII, № 4485.

⁴⁾ П. с. з., томъ VII, № 4495.

⁵⁾ П. с. з., томъ VIII, №№ 5379 и 5643; см. еще Чубинскій, о. с., стр. 77.

указъ 2 декабря 1747 года ¹⁾ говорится, что подушныя деньги съ казанскихъ инородцевъ опредѣлены въ 1725 году и обозначена сумма, но въ полномъ собраніи законовъ за 1725 годъ я такого указа не нашель. Вѣроятно, это было административное распоряженіе.

Въ 1732 году, іюля 3 ²⁾, изданъ указъ „О способѣ узнавать гнилости и поврежденія, скрывающіяся въ привозимыхъ для корабельнаго строенія лѣсахъ, при заготовленіи оныхъ“. Въ этомъ указѣ чрезвычайно подробно излагаются правила, какимъ способомъ и въ какихъ мѣстахъ нужно просверливать подозрительныя деревья, дѣлать на нихъ пробныя надрубы и т. д., чтобы найти—нѣтъ ли въ деревѣ гнилости и другихъ недостатковъ и поврежденій, и какъ глубоко проникаютъ эти поврежденія въ древесину.

До 1740 года не только заготовка корабельныхъ лѣсовъ, но и сплавъ ихъ производился лашманами; въ 1740 году, указомъ 7 мая ³⁾, предписано сплавать корабельные лѣса „наймомъ и подрядомъ“. Въ 1745 году, 24 сентября ⁴⁾, добавлено: если наемныхъ людей для надобностей сплава не хватитъ—командировать къ этой работѣ солдатъ изъ полковъ, расположенныхъ по близости производства сплавныхъ работъ.

Для сбора людей къ производству работъ и для надзора за работами назначались особые комиссары изъ мѣстныхъ дворянъ; въ качествѣ низшихъ служителей по тому же надзору и для карауловъ при лѣсахъ и на верфи—полагалось назначать солдатъ изъ особо содержавшейся для того роты.

Технической стороною работъ руководили корабельные мастера и подмастерья ⁵⁾.

Найденный мною документъ и представляетъ собою, какъ сказано, инструкцію корабельному подмастерью и комиссару, данную 30 сентября 1760 года и озаглавленную такъ:

„По указу Ея Императорскаго Величества изъ Казанской адмиралтейской конторы инструкція г-дну корабельному подмастерью Еөимову и камисару аөонасьеву“.

Начинается эта инструкція такъ:

По указамъ Ея Императорскаго Величества, „а по по-

¹⁾ П. с. з., томъ XII, № 9455.

²⁾ П. с. з., томъ VIII, № 6114.

³⁾ П. с. з., томъ XI, № 8097.

⁴⁾ П. с. з., томъ XII, № 9209.

⁵⁾ См. Чубинскій, о. с., стр. 77.

даннымъ от команд ведомостямъ отъ г-днѣ карабелнаго мастера тучкова і от протчихъ надлежитъ въ нынѣшнемъ 760 году осени и зиме доготовитъ требуемыхъ напочинку елота карабѣльныхъ деревъ пятсотъ восемьдесятъ одно, досокъ тысячу семсотъ шездесять одну. к блоковому делу дубу молодого наконопатные молоты пятнадцать. к блоковому же делу въ Санктъ-Петербурхъ досокъ восемь тысячъ шестьсотъ девяносто две, бриковъ тысячу шестьсотъ одинъ, кряжей сто двадцеть одинъ, мачтовыхъ деревъ сто четырнадцать, досокъ двѣсѣть, камелныхъ деревъ сто дватцеть одно, досокъ триста сорокъ три. галерныхъ шеснатцеть, досокъ двести восемьдесятъ четыре, ботовыхъ деревъ двести дватцет, досокъ четыреста сорокъ восемь кряжей на роспиловку шлубочныхъ досокъ два в кронштатъ, х каменному Петра Перваго великаго каналу ветренымъ водянымъ мелницамъ на валы дубовыхъ восемь штукъ всего деревъ и досокъ четырнатцеть тысячъ триста тритцетъ семь для которой заготовности лѣсовъ оной гднѣ карабелный мастеръ тучковъ поданнымъ своимъ доношениемъ требоваль чтобъ нарядитъ нынѣ с присныхъ кадмиралтейству служилыхъ мурзъ и татаръ въ нынѣшней осени и будущей зиме пешихъ тысячу пятьдесятъ да для вывозки прошлозимней і вновь заготовляемыхъ карабелныхъ и протчихъ дубовыхъ лѣсовъ конныхъ тысячу пятьдесятъ же“.

Далѣе указывается, на какія пристани сколько выслать рабочихъ; къ сурскимъ пристанямъ

къ верхней іелманской	}	пѣшихъ 300 конныхъ 300
„ чирковской		
„ сабаевской		
„ кунѣвской		
„ алаторской		
„ Сыресевской		
„ порецкой		

Сибирского уезду

в ясашное село Тазино	}	пѣшихъ 300 конныхъ 300
къ пристанямъ Евлейской		
языковской		
курмышской		
ивановской		

Цывилскаго уезду

в новокрещеную чувашскую деревню Буртасы	}	пѣших 150
къ пристанямъ—Казанской адми- ралтейской камской. полянской		конных 150

Казанскаго уезду

арской дороги в ясашную татар- скую деревню Ямашерму к	}	пѣших 300
свияжскимъ волскимъ і цывил- скимъ алашевской пристанямъ		конных 300

Свияжскаго уезду

въ повокрещенскіе чувашскіе де-
ревни

въ дер. Кичкѣву — пѣшихъ (не указано)

„ „ темерову — конныхъ (не указано)

Для производства этихъ работъ предписано быть „на сурскихъ пристаняхъ на ілманской чирковской сабаевской кунѣвской алаторской сырѣсевской порецкой Евлейской языковской курмышской івановской рангу капитанскаго корабельному подмастерью Улеову и при немъ корабельному ученику куломзину камѣльному подмастерью тюнину на свияжскихъ волскихъ цивилской атлашевской вам на казанской адмиралтейской камской полянской галерному подмастерью апухтину а ему самому гдну карабельному мастеру Тучкову на всехъ оныхъ пристаняхъ надъ вами всеми определенными к той заготовности показанныхъ лѣсовъ подмастерьями такожъ и прочими мастеровыми и работными людьми іметь в той заготовности въ распиловке и вывозке лѣсовъ крепкое и все прилежное смотрение...“

При этомъ предписывается „галерные и ботовые и шлюбочные лѣса выбирать из оставшихъ за карабельною і камелною поделками покидныхъ штукъ,“ а „чего изоставшихъ откарабѣльныхъ и камелныхъ члѣнов набратся не можетъ то заготовлять і вновь безупущения перваго

ктому удобнаго времени отискивая леса из молодых а не старых і не ис трупореховатых выбирая нишие и не толстые деревья а больших на малое употребление отнюдь не портит ; “; деревья „заготовлят годные и здоровые с надлежащею пробою и бракомъ и клеемъ и при той заготовности и присрубке скорени дерев велеть быть Ѳорштмейстеру Селиванову і команды ево ундерь Ѳорштмейстеру і Ѳорштмейстерским учеником для лутчего по должности ихъ Ѳорштмейстерской знанія стоячих на кореню годныхъ деревъ.“

Рабочіе высылаются на эти работы изъ „приписныхъ кадрамалтейству казанской і нижегородской губерней по близости к вышечисаннымъ приставямъ пензенскаго, саранскаго синбирскаго петровскаго алаторскаго курмышскаго свияжскаго да казанскаго уездовъ горной и закамской сторонъ і по сю сторону камы реки пяти дорогъ—всего сорока пяти тысячъ шести сотъ душъ по расположению с тридцети осми душъ по два человека пешего да коннаго“ всего пѣшихъ 1.050 и конныхъ 1.050, а всѣхъ 2.100 человекъ.

При этомъ прилагается расписаніе—съ какихъ деревень, сколько человекъ высылать „а с новокрещенъ никого по силе присланныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ в тое работу к заготовности лесовъ отнюдь не нарезать і не высылат понеже всех оных новокрещен для воспріятия ими святаго крещенія істой адмиралтейской работы велено выключить і ни в какие работы не нарезать а оставить на платеже подушныхъ денегъ“....

Высланнымъ на заготовку корабельнаго лѣса рабочимъ заработная плата засчитывается въ подушную подать: „со вступления ихъ в тое работу по окончанія как та работа можетъ окончатся в зачетъ по плакату и по силе состоявшаго въ прошлом 757 году в правительствующем сенате указу взборъ сних татаръ подушныхъ денегъ на предбудущей 761 год“.

Высылаются рабочіе по извѣщеніи о томъ нарочными—пѣшихъ немедленно высылаютъ сами нарочные при себѣ, а конныхъ высылаютъ сотники, старосты и выборные „на добрых лошедах на каких они свои работы работают и вотъезды ездят по первому зимнему пути как санной путь утвердитца по повѣсткам с пристаней от подмастерьевъ и камисаров и протчих немедленно“...

Далѣе слѣдуютъ техничскія правила.

1)

„...срубать дубовые деревья скорени в силу присланнаго из государственной адмиралтейской колѣги прошлаго 751 году апреля 29 дня указу не оставляя болшаго пенья сколко возможность допустит ниже и для того в зимнѣе время снегъ около дубовъ рощишат до земли дабы те заготовленные леса были длинные и напрасно в пеняхъ дубоваго дерева на кореню не оставалось і в вывоске на пристани негодныхъ отнюдь не было.

2)

наблюдать, чтобы „на каждой пристани кладены были какъ потребные на строение новыхъ кораблей і протчих судов так и починые порознь порангам и по сортом не мешая водно место“... „и чтоб на пристанях как карабелных камелных и галерных такъ и протчихъ деревъ двойныхъ ни одного дерева не было“...

3)

по силѣ указа адмиралтействъ коллегіи 1759 года февраля 21 „еслико возможно будетъ еауты усматривать на корени дабы тѣ леса рублены не были а ежели в котором деревѣ до срубки техъ еаутов всеконечно познать будетъ невозможно а по срубке оные еауты явятся и затѣм втакие сорты будутъ негодны те обтесывать и по лекалом производит в другие в какие годны быть могутъ а въ лесах ихъ неоставлять дабы отъ имеющихся в нихъ еаутахъ и здоровымъ местам не было напрасного повреждения ібо хотя из такихъ еаутныхъ при заготовности лѣсовъ против наряду на другие ранги несколко было заготовлено излишнихъ те могутъ употреблены быть в починые в которыхъ всегдашняя бываетъ нужда“.

4)

„и чтоб однихъ деревъ в заготовности вдвое а другихъ въ недостатке отнюдь не было и с камисарами б вы и ученики і мастеровые также і между собою імѣли втом частое сношение и содержали верные журналы“ ..

6) И посылат вам камисаром и учеником репорты по прошестви каждаго мѣсяца как в казанскую адмиралтейскую кантору так и карабелному мастеру тучкову за руками своими одни общие противъ прежняго стягостию по-

мѣсячно ж для репортованія в государственную адмиралтейскую коллегию і для сообщенія ко определенным для забранія лесовъ аѳицеромъ*.

7)

рубить лѣса при вальдмейстерахъ „и для того у срубленныхъ деревъ пни клеймит адмиралтейскими клеймами в то же время безъ упущенія чего ради дано камисаромъ по два клейма“.

8) „Работниковъ пешихъ какъ нынѣ по первымъ высылкамъ такъ і на мѣсячную имъ переѣву¹⁾ другихъ принимать годныхъ і дородныхъ и не малолетнихъ“...

Когда наступитъ время вывозки деревьевъ и досокъ изъ лѣсовъ, то слѣдуетъ послать нарочныхъ за конными рабочими „и принимаютъ техъ конныхъ работниковъ потомужъ годныхъ и здоровыхъ и немалолетныхъ на добрыхъ лошадяхъ на какихъ они свои работы работаютъ и вотъезды ездятъ а негодныхъ работниковъ и на худыхъ лошадяхъ отнюдь не принимать чтобъ отъ того вынтересе Ея Императорскаго Величества траты не было“.

„9) А ежели изъ техъ работниковъ будутъ нетчики и бѣглецы то по нимъ нео(т)писывая в кантору посылать вамъ же отъ себя и за прогульные дни работниковъ імать съ нихъ вдвое чтобъ отъ того не последовало в той заготовности остановки и продолженія токмо темъ высылщикомъ солдатомъ накрепко подтверждать чтобъ они обидъ и налогъ вѣезде імъ іноверцамъ отнюдь не чинили и взяткамъ не касались“.

„10) Да вамъ же при вывозке смотритъ и салдатомъ приказыватъ накрепко чтобъ накладывали на сабаны деревья и впрягали поднихъ лошадей съ разсмотрѣніемъ по исчисленію тяжести а імянно считая подъ принципалные отъ десяти до пятнатцети пудъ на каждую лошадь а подъ лѣхкіе сколько можно и нарядчикомъ солдатамъ съ квартиръ в лѣса и изъ лесовъ до пристаней ездитъ на техъ же сабанахъ а особливыхъ подводъ отнюдь не давать“.

11) Солдатамъ при пѣшихъ рабочихъ и плотникахъ—подводъ также не полагается.

Самому корабельному подмастерью Афанасьеву и ученику „если случится ехать для прииму лѣсовъ і осмотру

¹⁾ Очевидно, у служилыхъ мурзъ и татаръ была установлена между собою очередь отбыванія лашманной повинности, съ мѣсячными сроками.

работъ то імать каждому по одной подводе іс тех же конныхъ работниковъ толко въ то время когда необходимо случится для осмотра лесовъ и работъ ехать или лекала куды вести а излишних не брать и завсегда техъ подводъ у себя на квартирах отнюд не держать і смотрит накрепко: і напрасно для прихотей своихъ никому отнюд не давать и причислять те взятые подводы къ той же вывоске“.

12)

„а для писма репортовъ і протчих ведомостей дано вамъ комиссаром бумаги пять дестей“.

13) Работы инородцевъ въ лѣсахъ засчитываются имъ въ подушную подать по слѣдующему разсчету: „взимнѣ время октября съ 1 апреля по 1 число конным по плакату по шести да кним прибавочных за излишнюю их в ночных часах работу по две итого по осми копѣекъ на сутки пешим по плакату по четыре к ним прибавочных за излишнюю в ночныхъ часах работу по одной ітого по пяти копѣекъ на сутки каждому человѣку а в летнѣе время то есть апреля съ 1 октября по 1-е число онои зачетъ за те работы імет токмо по плакату конным по десяти пешим по пяти копѣекъ каждому на день безъ прибавки за ночные часы в зборъ снихъ подушныхъ денегъ на будущей 761 год и вносит пеших и конных работниковъ во особые записные книги съ которых дѣлать одному тебѣ камисару для зачету работникомъ месячные квитанцы сросписками“.

14) Всѣ записи и счета должны вестись правильно и подробно „чтоб во исчислени за лѣса ценъ помешателства и излишняго затруднения отнюд не было“...

15) Для счетоводства выданы шнуровыя книги, которыя вмѣняется въ обязанность „содержать вамъ во всякой чистоте и вносит в те книги и в прописях писать что у кого иноверцовъ заработано дней и зачтено денегъ складом а не-цыерою подопасениемъ за неисполнение неупускаемаго по указомъ штраѡа і истязания“...

18) Квартиры чинамъ, состоящимъ при лѣсныхъ работахъ, отводятся у обывателей въ ближайшихъ къ мѣсту работъ деревняхъ.

„і когда вывоска лесам начнется и где случится через реки и ручьи і протчие неспособные места мосты мостит дабы обыватели заблаговременно мосты мостили і ни в чем бы не отговаривались чтоб за не мощение мостов вывоске лѣсов остановки неучинилось и обоном писано в

Казанскую и нижегородскую губернские канцелярии и поташнаго правления в контору промемориями и требовано дабы определенным при той заготовности и вывозке карабельных и протчих лесов какъ вамъ так и комисаром и учеником даны были отоных канцелярей и отпоташной конторы противъ прежняго послушные указы которыхъ вамъ чрез посланныхъ отоныхъ командъ требовать“.

19) „По окончани той заготовности и вывозки лѣсовъ записные и журналную и квитанціямъ книги и учиня из них по уездамъ и деревнямъ перечневую ведомость и во что со всею заготовностию и вывозкою и со взятыми для розездовъ подводы и материалы и сприможеніемъ вашего и протчихъ служителей денежнаго и хлебнаго жалованья те заготовленные леса ценою станутъ обстоятельную ведомость подать въ адмиралтейскую контору немедленно“.

20-й пунктъ содержитъ въ себѣ упреки за медленность представленія отчетовъ и угрозы наказаніемъ.

Указомъ Ея Императорскаго Величества изъ адмиралтейской коллегіи отъ 5 іюня 1760 года предписано, вслѣдствіе запозданій въ представленіи Казанскою Адмиралтейскою Конторою счетовъ въ Адмиралтейскую Коллегію— „что присылаются в коллегію ісказанской адмиралтейской конторы не науказные сроки по со многимъ продолженіемъ времени“—на членовъ конторы наложить штрафъ: „для положенія на присутствующихъ той канторы и на секретаря за продолжительную присылку такихъ щетовъ надлежащаго по указомъ штрафа“....

Контора, въ свою очередь, угрожаетъ подвѣдомственнымъ ей чинамъ, за медленность представленія отчетовъ, штрафами и взысканіями: если вы отчетовъ „в апреле или по крайней мере маія в первыхъ числахъ подавать не будете то вы комисары не токмо надлежащаго за ту вашу бытность при смотрени работъ заслуженаго жалованья лишены, но и сверхъ того не малымъ штрафомъ штрафованы будете а имѣющимъ при васъ комисарахъ писарямъ учинено будетъ за то жестокое наказаніе“...

Тутъ же немедленно контора однако смягчается и добавляетъ— „а ежели паче чаянія вамъ комисарамъ сочиненіемъ оныхъ книгъ за многими и разными для осмотра работъ розездами каждому однимъ писаремъ исправится невозможно то в такомъ случае по необходимости требуютъ вамъ по другому писарю кои вамъ избученныхъ школьниковъ и даны быть имѣютъ“.

Въ пунктѣ 21-мъ предписывается вообще по службѣ „поступать правильно и чинить всесущественную правду по самой истиннѣ іща вынтересе Ея Императорскаго Величества ползы и прибыли и все ісполнять по присяжной своей должности какъ надлежитъ честному аенцеру і верному Ея Императорскаго Величества рабу а обид и приметокъ никому никакихъ отнюдь нечинить и взяткам не касатся чего и за подкомандными смотрит накрепко и ни до какихъ своевольствъ и обидъ не допускать“...

Въ пунктѣ 22-мъ обращается особое вниманіе, чтобы подвѣдомственные Ефимову и Афанасьеву „адмиралтейские служители і мастеровые люди и работники при заготовностях і вывоске карабельныхъ галерныхъ и прочтихъ лѣсовъ солянымъ подрядчиком и іхъ прикащиком и работником никому отнюдь обидъ и помѣшателства никаких притесненей не чинили под жестокимъ штраѳом и істяжаніем понеже по указом правительствующаго сената оным подрядчиком никаких обидъ чинит невелено но показывать всякое благодѣяніе“...

Въ пунктѣ 23-мъ содержатся указанія о порядкѣ сношеній по дѣламъ „подлежащимъ тайности“.

„У подлинной инструкцы писано тако Ѳедоръ Игнатьевъ“

„По пунктам коллежской регистраторъ Никита Ивановъ“
„по листамъ канцеляристъ Григорій Толчѣевъ“.

„Такова подлинная инструкця имѣется при насъ корабельной подмастерья Лука Еѳимовъ“.

Указаннымъ въ этой инструкціи порядкомъ, можетъ быть лишь съ измѣненіями въ нѣкоторыхъ частностяхъ, производилась заготовка корабельныхъ лѣсовъ лашманами до 1859 года, когда корабельные лѣса были переданы изъ Морского вѣдомства въ Министерство государственныхъ имуществъ и лашманы переведены въ общій разрядъ государственныхъ крестьянъ.

Въ заключеніе я дополню мой очеркъ краткими свѣдѣніями изъ воспоминаній казанскаго купца Василія Ивановича Гудочкина, происходящаго изъ села Ошняка Лаишевскаго уѣзда Казанской губерніи и помнящаго, какъ лѣтъ 50—55 тому назадъ лашманы возили корабельные лѣса.

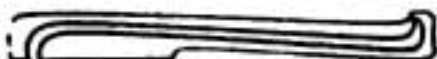
„По зимамъ, рассказываетъ В. И. Гудочкинъ, проѣзжали черезъ наше село лашманы. Они ѣздили цѣлыми обозами и возили огромнѣйшія бревна—до 1½ и до 2-хъ аршинъ толщиной; бревна лежали на особыхъ полозьяхъ и подъ каждое бревно запрягалось отъ 30 до 50 лошадей. Пріѣзжая

къ намъ въ Ошнякъ, лашманы оставялись на ночлегъ; бревна оставяли за околицей, лошадей ставили во дворахъ, сами ночевали по избамъ.

Раннимъ утромъ, задолго до свѣта, раздавался крикъ лашманскихъ старостъ—„кувала китты лашманъ!“ что значитъ по-татарски „гони въ отъѣздъ, лашманы!“ и лашманскій обозъ трогался въ путь“.

Дѣтскому воображенію крестьянскихъ мальчиковъ лашманы представлялись какими-то сказочными богатырями, везущими изъ далекихъ дремучихъ лѣсовъ гигантскія бревна къ Царю на постройку кораблей.

В. Залѣсскій.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

16 марта депутатъ Чхеидзе произнесъ въ Государственной Думѣ рѣчь, которая очень понравилась германцамъ, ее цитировалъ въ прусскомъ ландтагѣ съ особымъ вкусомъ депутатъ Штребель, а „Франкфуртская газета“, „Берлинеръ Тагеблатъ“ и „Форвертсъ“ перепечатали ее цѣликомъ, а послѣдняя газета посвятила этой замѣткѣ передовую статью. Желая поддержать своего коллегу и сгладить его антипатріотическій поступокъ, депутатъ Чхенкели имѣлъ смѣлость, если не сказать болѣе, утверждать съ думской кафедры, что въ Германіи рѣчь Чхеидзе запрещена къ печати. Вотъ каковы наши демократы.

Разсказываютъ, что въ февралѣ на торгахъ при продажѣ нѣмецкихъ земель въ Екатеринославѣ крестьянскій банкъ не принималъ никакого участія, а землю скупали спекулянты.

„Русск. Инвал.“ передаетъ со словъ „Daily Chronicle“: Во французскихъ бюллетеняхъ, рассылаемыхъ по беспроволочному телеграфу, было помѣщено извѣстіе, что по свѣдѣніямъ миланскаго корреспондента газеты „Petit Parisien“, во время послѣдняго налета австрійскихъ аэроплановъ на итальянскую территорію въ районѣ Ферарры и Равенны съ нихъ разбрасывались пакеты съ отравленными сладостями,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1916 г.

которыя должны были распространить заразительныя и кончающіяся смертельнымъ исходомъ болѣзни.

При изслѣдованіи этихъ пакетовъ въ лабораторіи было выяснено, что содержимое ихъ состоитъ изъ сахарина и ядовитыхъ бациллъ.

17 марта. Торговцы возвышаютъ цѣны на картофель по непонятнымъ причинамъ; послѣдніе 5 мѣсяцевъ картофеля подвозилось втрое больше. Мародеры начинаютъ прятать картофель.

Вернувшаяся изъ Австро-Венгріи послѣ осмотра лагерей русскихъ военнопленныхъ сестра милосердія А. В. Романова доложила Главному управленію Краснаго Креста, что въ Вѣнѣ русскія сестры были приняты императоромъ Францемъ-Іосифомъ, при чемъ пріемъ длился нѣсколько минутъ и носилъ характеръ любезной формальности.

Сестра Романова посѣтила въ Верхней Австріи, Тироля и юго-западной части Венгріи 9 концентраціонныхъ лагерей для нижнихъ чиновъ, 11 офицерскихъ лагерей и станцій, 2 лагеря для задержанныхъ военно-обязанныхъ и около 40 рабочихъ мѣстъ.

По пріѣздѣ въ лагеря чувствовалось, что къ посѣщенію делегацій готовились: производилась усиленная чистка, улучшалась пища. Въ числѣ районовъ, намѣченныхъ къ осмотру, не былъ указанъ восточный районъ, идѣ, по слухамъ, существуетъ рядъ карантинныхъ лазаретовъ и крупныхъ рабочихъ мѣстъ. Районъ этотъ былъ исключенъ, въ виду будто бы близости его къ фронту, но по тѣмъ же слухамъ пленные находятся тамъ въ незавидныхъ условіяхъ.

Большинство злоупотребленій въ отношеніи пленныхъ совершаютъ низшіе чины на мѣстахъ.

Всѣ военнопленные нижніе чины въ Австро-Венгріи расписаны по 80 концентраціоннымъ лагерямъ, откуда до 70% отправляются на работы. Обстановка жизни военнопленныхъ на работахъ чрезвычайно разнообразна, лагеря же построены по одному плану, и обстановка жизни въ различныхъ лагеряхъ почти ничѣмъ другъ отъ друга не отличается.

Ближайшій надзоръ за пленными поручается заводнымъ унтеръ-офицерамъ, которые фактически играютъ главную

роль для плѣнныхъ, т. к. отъ унтеръ-офицера, какъ докладчика о малѣйшихъ безпорядкахъ лагерному офицеру, зависитъ какъ самое наказаніе плѣннаго, такъ степень налагаемаго взысканія.

Нѣкоторые лагеря напоминаютъ городъ. Напримѣръ, въ лагерь Клейнмюнхенъ устроена электрическая колбасная фабрика, ведется свиноводство для утилизаціи отбросовъ и птицеводство. Во многихъ лагеляхъ имѣются огороды, въ которыхъ работаютъ плѣнные, при чемъ въ нѣкоторыхъ, подъ руководствомъ нашихъ спеціалистовъ огородниковъ, выращиваются великолѣпные овощи для продажи. Несмотря, однако, на присутствіе въ лагеряхъ этихъ учрежденій, пища военноплѣнныхъ ничуть не улучшена, такъ какъ колбаса, овощи и другіе производимые въ лагеряхъ продукты идутъ въ продажу для жителей страны.

Очень большое число плѣнныхъ дѣлало попытки къ побѣгу, но побѣги удавались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Несмотря на постоянное недоѣданіе, заболѣваемость среди плѣнныхъ не велика, и свирѣпствовавшія въ прошломъ году эпидеміи холеры, тифа, дезинтерии почти прекращены. Сейчасъ встрѣчаются лишь единичные случаи брюшного тифа и довольно значительное число туберкулезныхъ заболѣваній, особенно среди татаръ и кавказцевъ. Въ лагерныхъ аптекахъ гораздо больше пустыхъ банокъ, чѣмъ лѣкарствъ. Въ большинствѣ госпиталей раздаются общія жалобы на недостаточность пищи. Больныхъ выписываютъ изъ госпиталей слишкомъ рано и часто совершенно неправильно посылаютъ на непосильныя работы. Плѣнные врачи обыкновенно живутъ въ офицерскихъ лагеряхъ, подчиняясь правиламъ жизни военноплѣнныхъ офицеровъ, что не соответствуетъ правиламъ Женевской конвенціи, которая предоставляетъ врачамъ право работать въ госпиталяхъ.

Виѣшность лагерей—весьма благоустроенныя клѣтки, въ которыхъ томятся наши плѣнные, поставленные въ условія, отличающіяся отъ тюремныхъ тѣмъ, что они имѣютъ неограниченное право дышать свѣжимъ воздухомъ. Этотъ тюремный режимъ связывается рѣшительно со всѣмъ.

Все питаніе нашихъ военноплѣнныхъ можно характеризовать такъ: они получаютъ ровно столько невкусной пищи, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду и не черезчуръ быстро истощаться. Всѣ калоріи исчислены научно, и

плѣнные съ голоду пока дѣйствительно не умираютъ, но ощущение голода у нихъ не проходитъ.

Въ одномъ рабочемъ мѣстѣ сестра нашла 860 человѣкъ одежды и обуви которыхъ была въ ужасномъ видѣ, многіе были босы, не у всѣхъ были шинели или куртки.

Въ лагерь Кисситке, хотя его и называли переходящимъ, сестра нашла плѣнныхъ, живущихъ въ ужасныхъ условіяхъ съ августа 1915 года, при чемъ имъ постоянно обѣщаютъ отправить ихъ изъ лагеря на работы. Жилымъ помещеніемъ служатъ землянки-бараки, построенные по типу кирпичныхъ сараевъ, низкія земляныя стѣны подъ длинной шатровой досчатой крышей. Только по срединѣ помещенія можно стоять во весь ростъ. Оконъ нѣтъ, для вентиляціи отдушины въ крышѣ, въ нихъ заливаетъ дождь; полъ земляной, наръ нѣтъ, несмотря на пріѣздъ миссіи, на полу для спанья лишь немного гнилой соломы. Одѣяль у нихъ нѣтъ. Воды въ лагерь нѣтъ; она привозится въ бочкахъ, которыя плѣнные тащатъ по скверной дорогѣ болѣе трехъ килом тровъ. Не только для умыванія, но и для питья, воду экономятъ—около бочки дежуритъ часовой. Бани нѣтъ. Хлѣбъ въ лагерь не выпекается, онъ доставляется весьма нерегулярно изъ сосѣдняго; бываютъ дни, когда плѣнные остаются безъ хлѣба. Карцеръ — яма, глубиной около 1½ аршина съ нарами, подъ досчатой крышей, безъ оконъ для свѣта отверстіе въ двери, которая плохо закрывается. Отопленія нѣтъ.

Режимъ, которому, какъ общее правило, подвергаются наши плѣнные, за исключеніемъ живущихъ на частныхъ баракахъ, близокъ къ тюремному.

На вопросъ сестры относительно подвѣшиванія и сковыванія, толпа неизмѣнно гудѣла въ отвѣтъ: „подвѣшиваютъ, сестрица, какъ Христа распинаютъ“.

Особнякомъ отъ вопроса дисциплины и наказаній стоитъ вопросъ о побояхъ. Здѣсь нужно отмѣтить большую разницу между Австріей и Венгріей.

Въ Австріи больше бьютъ за непослушаніе и нарушеніе правилъ. Офицерскій составъ битью не потворствуетъ. Въ Венгріи, гдѣ офицерскій составъ въ администраціи лагеря значительно хуже, и гдѣ народъ по природѣ болѣе жестокъ, жалобъ на побои въ видѣ наказаній, а также по произволу, значительно больше, и вообще побои въ Венгріи явленіе общее. Установлены также случаи битья палками и хлыстами.

Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ австрійцами устроены классы для обученія нѣмецкому языку плѣнныхъ, однако эти классы мало посѣщаются плѣнными, которые гораздо охотнѣе занимаются въ устроенныхъ по инициативѣ нашихъ вольноопредѣляющихся и интеллигентныхъ нижнихъ чиновъ классахъ обученія грамотѣ, ариѳметикѣ.

Въ нѣкоторыхъ лагеряхъ печатаются спеціальныя лагерныя деньги, которыя выдаются плѣннымъ на руки.

Почта, по мнѣнію Романовой, въ Австріи дѣйствуетъ хуже нашей, по крайней мѣрѣ семьи военноплѣнныхъ австрійцевъ получаютъ изъ Россіи отъ своихъ родныхъ письма гораздо скорѣе, чѣмъ наши плѣнные въ Австріи.

Почти всѣ наши плѣнные нижніе чины работаютъ съ утра до поздняго времени. Кромѣ внутренней работы въ лагеряхъ, плѣнные командированы на внѣшнія работы.

Источникомъ нравственныхъ страданій нашихъ военноплѣнныхъ является примѣненіе ихъ труда для чисто военныхъ цѣлей, что можетъ во-истину считаться наиболѣе ужасною стороною плѣна. Плѣнныхъ заставляютъ рыть окопы, подносить пищу сражающимся или работать на заводахъ и мастерскихъ, обслуживающихъ армію.

Въ лагерѣ Гредикъ сестра Романова видѣла солдатъ, бывшихъ старшими надъ группой плѣнныхъ на окопныхъ работахъ въ Галиціи у Черновицъ.

Въ лагерѣ Мархтренкъ сестрѣ рассказывали, что за отказъ отъ работы на итальянскомъ фронтѣ на проволочныхъ загражденіяхъ подъ артиллерійскимъ огнемъ изъ партіи въ 400 человѣкъ были назначены десять человѣкъ къ разстрѣлу, четверо были разстрѣляны на глазахъ товарищей, послѣ чего остальные смирились.

Всѣхъ видѣнныхъ офицеровъ сестра нашла въ очень тяжеломъ удрученномъ нравственномъ состояніи. Главнымъ обстоятельствомъ, обусловливающимъ удрученность ихъ духа, является абсолютное лишеніе свободы, которому они подвергнуты. Они почти никогда не выходятъ изъ мѣстъ своего заключенія, никогда изъ-подъ охраны часовыхъ, и если присоединить къ этому обидныя детали, какъ, напри- мѣръ, ограниченіе права имѣть при себѣ деньги, то станетъ понятнымъ, что они сравниваютъ режимъ ихъ жизни съ тюремнымъ и горько на него жалуются, хотя внѣшнія условія ихъ жизни нужно признать въ настоящее время вполне удовлетворительными.

За предѣлы лагеря офицеры выходятъ не болѣе одного

раза въ недѣлю и непременно въ сопровожденіи австрійскаго офицера и вооруженнаго конвоя. Всякая возможность общенія плѣнныхъ офицеровъ съ населеніемъ совершенно исключена, принимаемыми строгими мѣрами. Офицеры должны одѣваться на свой счетъ. Главнымъ интересомъ жизни плѣнныхъ офицеровъ является устройство побѣговъ. Бѣжать хочетъ каждый, бѣгутъ сотни, удалось же бѣжать единичнымъ лицамъ.

Пріѣздъ миссіи сестеръ имѣлъ громадное значеніе для плѣнныхъ. Бесѣда съ пріѣхавшими съ родины людьми внесла въ ихъ души живую струю и подѣйствовала на нихъ благотворно.

Отрадно было видѣть, что, несмотря на все свое тяжелое положеніе, единственная мечта и мысль cadaго плѣннаго— это дожить до побѣды Россіи: „о насъ же, сестрица, не беспокойтесь, лишь бы въ Россіи было хорошо“.

Участіе, проявленное въ ихъ судьбѣ посылкой миссіи, было горячо ими оцѣнено. Сестры видѣли не мало слезъ радости и умиленія, и въ каждомъ лагерѣ ихъ провожали единодушными словами: „сестрица, передайте привѣтъ дорогой родинѣ, скажите спасибо тѣмъ, что васъ послалъ“.

Удивительно, почему подобнаго доклада не сдѣлали тѣ наши сестры милосердія, которыя были въ Германіи. У насъ былъ приведенъ рассказъ одного плѣннаго о посѣщеніи ихъ лагеря г. Самсоновой.

Генераль-отъ-инфантеріи Поливановъ оставилъ постъ военнаго министра, и его мѣсто заступилъ генераль-отъ-инфантеріи Шуваевъ.

18—19 марта. Вопреки законамъ божескимъ и человѣческимъ германская подводная лодка потопила въ Черномъ морѣ наше госпитальное судно „Португаль“, стоявшее на мѣстѣ и выкрашенное въ бѣлый цвѣтъ. Трудно назвать надлежащимъ образомъ это новое злодѣяніе культурныхъ германцевъ.

бабой. Не выдержалъ мужикъ, заступился,—такъ они его такъ избили, что почернѣлъ весь, а на другой день умеръ. Я знаю его: онъ изъ нашей деревни.

Дѣвочекъ-подростковъ хватали и насиловали тутъ же на глазахъ у всѣхъ... Крикъ, бывало, стоитъ: хватаютъ дѣвушку, та отбивается, кричитъ; дѣти смотрятъ, пугаются. Моя дѣвочка такъ, бывало, и затрясется вся: „Мама, мама, уйдемъ!“,—а куда уйдешь... не пускаютъ.

Расхворалась она у меня, и помочь не могу. „Домой бы мама, домой!“. А какъ домой? Куда? Раздѣты, разуты: всю одеженку нѣмцы обозные отобрали...

Маялась моя дочурка, маялась, не выдержала—умерла. И еще много дѣтей умерли: сидятъ день безъ ѣды, два сидятъ, поблѣдниѣютъ, распухнутъ: сидятъ, какъ мертвые, а тамъ и душу Богу отдадутъ. Такъ вѣдь что еще: зарывать не даютъ. Другая мать ночью зароетъ, а они отроютъ,—думаютъ, не вещи ли прячутъ. Ну, а видятъ покойникъ—и бросятъ опять въ землю какъ-нибудь. Еще пока дочка жива была, я всѣ муки ради нея терпѣла, а какъ умерла она,—не стало мнѣ силъ. Не могла ихъ больше мучителей видѣть... Рѣшила бѣжать. Пусть убьютъ на дорогѣ—уйду. Отецъ съ матерью плакали, не пускали: умремъ такъ, говорятъ, вмѣстѣ: не могу, изныла душа... Слышу, собрались бѣжать отъ нихъ трое нашихъ солдатъ. И рады бѣжать, а дороги не знаютъ. Доведите, говорятъ, кто-нибудь.

Я говорю: доведу. Я здѣсь всѣ кусточки знаю.

А мѣсто у насъ опасное: озера, лѣса, ни за что чужому не выйти.

Уговорились: я впереди пойду, они сзади, чтобы чуть меня видно.

Пошли часовъ въ шесть подъ вечеръ. А по небу прожекторы: все нѣмцы смотрятъ, не идетъ ли кто. Какъ покажется свѣтъ, такъ ложись лучше на землю, а то все равно убьютъ.

Ужъ я на все рѣшилась, а солдатамъ обидно было пропасть: они изъ-подъ караула ушли: рады вырваться, а тутъ на каждомъ шагу нѣмецкіе караулы и биваки.

Пришли мы къ озеру: большое, большое, и островъ посрединѣ. А я дорогу краемъ знаю, краемъ и привела, и какъ разъ къ нашимъ. И хорошо, что мы вправо пошли, а то на островѣ-то были нѣмцы.

Пришли къ нашимъ, и не вѣрятъ, какъ мы выбрались. Разсказали имъ все... Проверили наши слова.

— Слава Богу, дома... И рѣчь наша родная, и люди наши... А я ужъ и не ждала живой быть...

Разсказчица, крестьянка Виленской губ., выведшая изъ плѣна трехъ русскихъ солдатъ, получила денежную награду и представлена къ георгиевской медали 4 степени.

20 марта. „Journal des Balkans“ сообщаетъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, что въ Германіи въ послѣднее время цѣлые поѣзда съ мертвецами направляются къ пунктамъ, гдѣ сооружены особые крематоріи, въ которыхъ специальнымъ способомъ жарятся тѣла для добыванія изъ нихъ предварительно жира для выработки глицерина, являющагося необходимой составной частью взрывчатыхъ веществъ ¹⁾.

Удивительныя данныя обнаружила городская петроградская комиссія по обследованію мяса, заготовленнаго г. Полферовымъ для столичнаго населенія. На городскихъ бойняхъ, въ оптовомъ складѣ мяса для городскихъ больницъ и лазаретовъ, а также въ складахъ Сиферта и Баранова комиссія нашла совершенно гнилое мясо. При входѣ въ холодильникъ всѣхъ членовъ комиссіи одурманилъ зловонный запахъ разлагающагося мяса.

Мясныя туши ослизли и начали разваливаться. Мѣстные рабочіе заявляли: это еще что! Вотъ посмотрите, что лежитъ внизу. Когда мы носили нижнія туши, даже насъ, привыкшихъ ко всякимъ запахамъ, тошнило.

По словамъ „Вечерняго Времени“ ²⁾ г. Полферовъ получаетъ 12 тысячъ жалованья и 6 тысячъ за вечернія занятія. Г. Полферовъ былъ горячимъ сторонникомъ снабженія мясомъ нѣмцевъ чуть ли не наканунѣ войны.

Петроградскій обыватель полагаетъ, что для нѣмцевъ мясо было бы иное, нежели то, которое осматривала комиссія.

Неужели въ этомъ вопросѣ безсильны предержащіе?

Въ то самое время, когда на нашихъ страницахъ помещено описаніе быта нашихъ военноплѣнныхъ въ Германіи

¹⁾ „Нов. Вр.“ № 14381.

²⁾ „Веч. Вр.“ 20 марта.

и Австріи по отчету нашихъ сестеръ милосердія и бѣжавшихъ изъ плѣна. именитый купецъ изъ г. Любима Ярославской губерніи передаетъ, какъ живетъ германцамъ и австрійцамъ въ этомъ городѣ:

Военноплѣнные шлѣются по городу почти безъ охраны, пристають къ дѣвицамъ и дамамъ на улицахъ и безобразничаютъ. Дошло до того, что мимо дома, куда водворены военноплѣнные, не стало возможности пройти ни одной женщинѣ; нѣмцы, въ томъ числѣ и офицеры, бывало, подойдутъ къ окнамъ и начинаютъ производить всякія безстыдныя дѣйствія. Это возмутило даже добродушныхъ любимичей. Они потребовали, чтобы городъ принялъ какія-либо мѣры, и городской голова послѣ долгихъ разговоровъ приказалъ замазать на половину окна у военноплѣнныхъ.

Жили военноплѣнные въ двухъ домахъ. Кому-то показалось это неудобнымъ. Нашли нужнымъ перевести ихъ въ какой-либо большой домъ. Стали искать помѣщеніе и нашли. Спрашивается гдѣ? Городъ только-что успѣлъ выстроить новое городское женское училище, и его, конечно, предоставили военноплѣннымъ. Педагогическій персоналъ пробовалъ протестовать, увы, напрасно. Дѣвушекъ прогнали отсюда въ мужское городское училище, гдѣ онѣ занимаются въ двѣ смѣны. А въ просторныхъ комнатахъ начальницы сейчасъ блаженствуютъ нѣмецкіе офицеры.

Кормятъ нѣмцевъ великолѣпно. Они получаютъ пищу утромъ, днемъ и вечеромъ. Утромъ къ чаю полагается ситный, обѣдаютъ они въ казармахъ у солдатъ.

Офицеры вообще чувствуютъ себя отлично. Ихъ развлекають мѣстныя дамы, у нѣкоторыхъ изъ нихъ они даже имѣють успѣхъ. Мѣстный уѣздный казначей такъ тотъ, повидимому, весьма доволенъ новыми гостями, такъ какъ изъ его дома нѣмецкіе офицеры не выходятъ, играютъ на роялѣ, флиртуютъ съ дѣвицами-подростками и, кажется, собираются обучать ихъ нѣмецкому языку ¹⁾.

Привольное житье...

Таково житье германцевъ и австрійцевъ у насъ.

Докторъ Волуйскій, недавній германскій плѣнный, приводитъ сказаніе ²⁾, какъ наши плѣнные живутъ въ Германіи. Попавъ въ плѣнъ во время боя, при перевязкѣ раненаго

¹⁾ „Веч. Вр.“ № 1425.

²⁾ „Нов. Вр.“ № 14381.

солдата, докторъ Волуйскій полагалъ, что онъ, какъ врачъ, неприкосновененъ: онъ опирался на постановленія женевской конвенціи, подписанной и нѣмцами, гласящія, что лица медицинскаго персонала, взятыя непріятелемъ, не есть военноплѣнные: находясь временно въ станѣ непріятелей, они могутъ занимать тѣ же врачебныя должности и получать такой же окладъ жалованья, а по минованіи въ нихъ надобности немедленно возвращаться на родину, при чемъ всѣ ихъ вещи имъ должны быть возвращены.

Докторъ Волуйскій, однако, на себѣ немедленно испыталъ, что для нѣмцевъ всѣ договоры конференцій есть пустой клочокъ бумаги. Волуйскаго тутъ же обобрали до нитки, отнявъ лошадь, медицинскіе инструменты, часы, деньги, лишь ключи вернули—ключи отъ чемодановъ, не находящихся при врачѣ. Сейчасъ же нашего доктора увезли въ Вилленбергъ, и тамъ... тамъ началось „выполненіе женевской конвенціи“: 20 русскихъ солдатъ, ветеринара и врача Волуйскаго приказано было разстрѣлять. Русскіе солдаты стали на колѣни и молились. Нѣмцы принялись нагло хохотать.

— У меня этотъ смѣхъ стоитъ и сейчасъ въ ушахъ!— добавилъ Волуйскій.

Нѣмцы объявили, что разстрѣливать не будутъ, но генераль, допрашивая Волуйскаго, вынулъ часы и сказалъ:

— Если черезъ 10 минутъ вы не укажете мнѣ, гдѣ скрыта городская касса, я велю васъ разстрѣлять!

Дѣло въ томъ, что городъ Вилленбергъ раньше занимали русскія войска (это было въ августъ 1914 г.).

Волуйскій отвѣчалъ:

— Я—врачъ, гдѣ касса, не знаю, потрудитесь, не теряя ни минуты, убить меня. Я ничего не скажу.

Генераль спряталъ часы и далъ понять, что казнь не будетъ приведена въ исполненіе.

Выполненіе женевской конвенціи продолжалось: плѣнныхъ заставляли спать на голомъ полу, на мерзлой землѣ, часовые стрѣляли въ нихъ за малѣйшую оплошность (такъ, былъ смертельно раненъ старенькій подполковникъ, не понявшій окрика часового), кормили мерзостями и тухлятиной. Русскихъ врачей отправили въ тифозные бараки, и тамъ наши врачи всѣ до одного заразились и переболѣли тифомъ. Гадко, трудно, какъ въ тюрьмѣ жилось врачамъ и офицерамъ, но что терпѣли русскіе солдаты,—это безъ волненія и слезъ въ голосъ не могъ передать докладчикъ.

Солдаты жили въ землянкахъ. Ихъ донималъ холодъ, голодъ и паразиты. Лежали въ повалку на землѣ. Иногда умершіе долго валялись среди больныхъ. Это былъ адъ и смерть. Умиравали массаами. Солдатъ били, терзали. Даже прививка оспы совершалась, какъ пытка: студентъ-нѣмецъ, невѣжда въ медицинѣ, саблей *прорубалъ* въ рукѣ солдата длинную рану-царапину и на нее накладывалъ оспенный детритъ.

Однажды русскіе врачи заявили, что грязное содержаніе нашихъ солдатъ служитъ распространеніемъ инфекціонныхъ болѣзней, что надо устроить дезинфекцію и выдать чистое бѣлье: всѣ солдаты были въ черныхъ лохмотьяхъ.

Окружный нѣмецкій врачъ сказалъ:

— Хорошо, я выдамъ бѣлье, но вы сначала желаете дезинфекціи? Извольте, вамъ дезинфекція будетъ!

Что же онъ сдѣлалъ? Вывелъ всѣхъ русскихъ солдатъ въ морозъ и вѣтеръ и всѣмъ имъ, здоровымъ и больнымъ, велѣлъ раздѣться догола.

— Это, говоритъ, и есть для васъ дезинфекція.

Тутъ же на морозѣ наши солдаты и надѣли чистое бѣлье. Увы! Эта „нѣмецкая дезинфекція“ уложила массу здоровыхъ и унесла много жизней.

До 3.000 человѣкъ русскихъ умерло отъ тифа, не получая помощи.

Нѣмецкіе врачи также якобы лѣчили русскихъ солдатъ. Но у нихъ въ рукахъ были палки, и ими они колотили нашихъ солдатъ за малѣйшее неповиновеніе. Эти врачистязатели, очевидно, глубоко павшіе нравственно, предложили имѣть палки и русскимъ врачамъ. Тѣ отвѣтили:

— Это насъ унизитъ. Стыдно такъ, вообще, вести себя врачу!

За это Волуйскаго и его товарищей лишили прогулокъ.

Такъ-то 15 долгихъ мѣсяцевъ томился врачъ Волуйскій. Подъ конецъ его плѣна пріѣзжала русская сестра милосердія (я не разобралъ фамилію), для обзора лагеря плѣнныхъ русскихъ. За три дня плѣнниковъ одѣли въ новое, въ землянки поставили кровати. Но все это не помогло: солдаты, рыдая, рассказывали плачущей сестрѣ о своихъ мукахъ. Послѣ этого посѣщенія стало жить нѣсколько легче. Нѣмецкіе доктора палками уже не дрались. Скоро Волуйскій, уже пожилой человѣкъ, заболѣлъ, и его, наконецъ, согласились отправить въ Россію, въ обмѣнъ за кого-то.

Г. Тупинъ, въ отвѣтъ на заявленіе барона Мейендорфа въ Государственной Думѣ о напрасныхъ навѣтахъ на нѣмцевъ, приводитъ подлинныя сказанія германцевъ объ истинныхъ настроеніяхъ г.г. прибалтійцевъ¹⁾. Сравненіе это слагается такъ:

„Быть можетъ, исторія выяснитъ, что всѣ вины, которыя возлагались на нѣмецкій элементъ, окажутся недостаточно обоснованными“. (Изъ рѣчи бар. Мейендорфа въ Гос. Думѣ 8 марта).

Профессору Эндзелину посчастливилось получить одинъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала „Пруссаго Ежегодника“, выпущеннаго 162 томомъ. Это одинъ изъ серьезнѣйшихъ германскихъ журналовъ, и въ немъ мы находимъ три статьи, посвященныя прибалтійскому вопросу.

Матеріаль этотъ настолько интересенъ, что я приведу нѣкоторыя буквальные выдержки. При этомъ необходимо отмѣтить, что статьи написаны такими знатоками прибалтійскаго вопроса, какъ Гець, Фридрихсъ и пасторъ Берневиць.

Бр. Гець пишетъ:

„Прибалтійскіе нѣмцы всѣмъ своимъ инстинктомъ ничего такъ не презираютъ, какъ культурную принадлежность къ русскому народу: они являются такими же распорядителями Россіи, какъ были когда-то для Германіи римскіе императоры... Въ особенности такое положеніе занимаютъ прибалтійскіе помѣщики, считавшіе русскаго Царя только своимъ сюзереномъ (Lehnheggn), до русскаго народа имъ не было никакого дѣла, еще менѣе до Русскаго государства. Только передъ особой Царя они считали себя обязанными, но отнюдь не передъ Россіей. Судьба государства ихъ интересовала постольку, поскольку ихъ сюзеренъ, между прочимъ, являлся и русскимъ Царемъ (86 стр.). Чувства прибалтійскихъ нѣмцевъ, покинувшихъ Остзейскій край и переселившихся въ центральныя губерніи, были антирусскія, всѣ культурныя обязанности и задачи они исполняли не какъ русскіе граждане въ пользу своихъ же согражданъ, но только исполняя волю Государя: они были и оставались... чужими господами... Благосостояніе Россіи никогда не являлось цѣлью ихъ работы, рус-

„Нов. Вр.“, № 14380.

„Русская Старина“, т. CLXVII, Августъ 1916 г.

скій народъ былъ для нихъ только будущимъ матеріаломъ (87 стр.).

„Наступила война. Германская армія заняла Курляндію. Исполняются ли тайныя вождедѣнія тѣхъ, что ждали съ такою вѣрою“? (Стр. 96).

К. Фридрихсъ пишетъ:

„Помѣщики и пасторы, интеллигенція и торговцы добровольно бы приняли какіе угодно налоги, вздорожаніе продуктовъ и всякія ограниченія, все, что ни принесло бы имъ соединеніе съ Германіей, если бы только можно было навсегда освободиться отъ ненавистнаго русскаго рабства“. (311 стр.).

„Можетъ быть, есть люди, которые упрекаютъ нѣмцевъ въ томъ, что они съ восторгомъ встрѣчаютъ наши войска, что они всею душою желаютъ русской арміи неудачъ и позорнаго мира“.

„Только въ рѣдкихъ случаяхъ члены балтійскаго дворянства вступали въ русскую армію офицерами“ (312 стр.).

„...прибалтійскіе нѣмцы, несмотря на самыя горячія желанія присоединиться къ своей великой истинной нѣмецкой родинѣ“... (313 стр.).

„Можно заплатить за это даже цѣлый милліонъ,—сказалъ одинъ изъ либавскихъ гласныхъ, когда на Либаву была наложена контрибуція въ одинъ милліонъ. Это, по его мнѣнію, за присоединеніе къ Германіи.—Мы переживемъ, если только захотимъ, даже то, что прибалтійскіе нѣмцы за это же присоединеніе съ удовольствіемъ заплатятъ не одинъ милліонъ, но много, много милліоновъ“ (316 стр.).

„Въ ту ночь, когда былъ взятъ Гольдингенъ, одинъ изъ германскихъ офицеровъ-кавалеристовъ постучался въ двери одного изъ домиковъ... Дама-нѣмка, высунувъ голову въ окно и, полагая, что это ея племянникъ (Neffe), служившій въ германской арміи, закричала: „Вильгельмъ, это ты“? Дѣло въ томъ, что эта дама обѣщала перваго германскаго офицера, вошедшаго въ Гольдингенъ, встрѣтить дорогимъ виномъ въ старинномъ наслѣдственномъ бокалѣ. Объ этомъ случайно узналъ въ одномъ изъ курляндскихъ имѣній германскій офицеръ... *И былъ бы великій праздникъ не только для Курляндіи и прибалтійскихъ провинцій, но и для всѣхъ нѣмецкихъ земель, если бы когда-*

*нибудь раздался зовъ отъ Балтійскаго моря до озера Пей-
пусъ и отъ Двины до Финскаго залива: „Вильгельмъ, это ты?“*
(333 стр.).

Какъ сообщаетъ „J. Wahlds“, 7 марта было получено распоряженіе, согласно которому нѣмецкому пастору Гроссу съ женой и свояченицей Киглеръ, врачу Лимоніусу съ женой и дочерью, г-жѣ Шпоръ и управляющему имѣніемъ Стамбенъ, Финкенштейну, приказано безотлагательно выѣхать изъ Роопа. У нихъ недавно былъ произведенъ обыскъ, найдены компрометирующія письма и другія вещи; у свояченицы пастора г-жи Киглеръ нѣсколько ружей, револьверъ и пр.

Задолго до войны германцы готовились къ подводной войнѣ въ Средиземномъ морѣ.

Нѣмцы думали объ этомъ уже въ 1913 году. Офицеры, которые затѣмъ должны были командовать подводными лодками, плавали въ западной части Средиземнаго моря, изучали мѣста и входили въ сношенія съ населеніемъ раскинутыхъ по морю острововъ. Осенью 1913 года два учебныхъ судна германскаго флота, — „Викторія-Луиза“ и „Ганза“, — имѣя на борту двухъ контръ-адмираловъ, шесть капитановъ, всѣхъ профессоровъ морской школы, одного адъютанта фонъ-Тирпица, нѣсколько германскихъ принцевъ и 250 учениковъ и гардемариновъ, обошли берега Испаніи и Марокко и особенно долго останавливались въ Алжези-расѣ и въ Пальмѣ, на Майоркѣ. Нѣмецкіе моряки устраивали на своихъ судахъ балы, на которые приглашалось мѣстное избранное общество, и каждый день часть экипажа сходила на землю и завязывала сношенія съ портовыми жителями. Особую симпатію молодые кадеты питали къ мѣстнымъ контрабандистамъ. Во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря ремесло контрабандиста не внушаетъ себѣ презрѣнія, — наоборотъ, но считается весьма почтеннымъ и выгоднымъ. Германскіе морскіе офицеры, въ сопровожденіи этихъ своихъ новыхъ друзей, часто совершали прогулки по морю въ моторныхъ лодкахъ и на рыбачьихъ судахъ въ разные пункты Балеарскихъ острововъ, между Сольеромъ и Пальмой. Нѣмцы пользовались особымъ гостепримствомъ уэрцгерцога австрійскаго Людовика Сальватора, племян-

ника австрійскаго императора. Людовикъ Сальваторъ лучше чѣмъ кто-либо знакомъ съ Средиземнымъ моремъ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ въ своей яхтѣ совершаетъ поѣздки между своими двумя помѣстьями: Мирамаре, около Сольера, и Санъ-Стефано, въ Рамле, въ Египтѣ. Его въ этихъ поѣздкахъ всегда сопровождали инженеры, гидрографы. Въ библиотекѣ эрцгерцога имѣлись неизданныя карты.

Наконецъ, наканунѣ объявленія войны изъ Бремена на рейдъ Пальмы пришло судно съ 100.000 ящиками бензина и 10.000 ящиками керосина. Не оставалось никакого сомнѣнія, что это были припасы для германскихъ лодокъ, но, благодаря энергичнѣйшимъ протестамъ англійскаго и французскаго консуловъ, топливо это было задержано и продано съ публичныхъ торговъ.

21—22 марта. Передаютъ, что 10 марта въ Херсонскомъ губернскомъ правленіи отмѣнены торги на недвижимыя имущества германскихъ подданныхъ Карла, Эмиля и др. Фаатцовъ и Геновъ, постановленіемъ этого правленія исключены изъ списковъ имуществъ, подлежащихъ ликвидаціи, земли нѣмецкихъ выходцевъ Якова, Петра, Генриха и Карла Гуссовъ въ Тирасп. уѣздѣ.

Вѣроятно, вины этихъ господъ оказались недостаточно обоснованными (рѣчь бар. Мейендорфа 8 марта.) предерживаемыми властями

Вотъ какъ г. Логофетъ ¹⁾ характеризуетъ историческую работу въ Ставкѣ.

Приведя себя въ порядокъ, направляюсь по Большой улицѣ къ Ставкѣ.

Главная такъ называемая Большая улица въ самомъ концѣ выходитъ на площадь, превращенную въ скверъ, по сторонамъ которой расположены съ одной стороны зданія окружнаго суда, губернскихъ присутственныхъ мѣстъ и въ глубинѣ домикъ губернатора, а съ другой городская управа съ высокою надъ нею башней, пожарной каланчей. Всѣ эти двухъэтажные дома и служатъ для размѣщенія ставки штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

¹⁾ „Развѣдчикъ“ № 1324.

Движеніе по улицѣ черезъ ея часть, прилегающую къ площади-скверу, прекращено, и поэтому весь этотъ уголокъ поражаетъ своею тишиною.

Часовые въ разныхъ мѣстахъ и особые пропускные посты оберегаютъ покой Верховнаго Вождя русскихъ войскъ, живущаго въ небольшомъ домикѣ губернатора, гдѣ Повелитель почти двухсотмилліоннаго населенія занимаетъ три скромныхъ комнаты, изъ которыхъ одна является столовой, а двѣ для его личной жизни.

И какъ-то особенно глубоко трогаетъ эта простота и полное отсутствіе какихъ-либо привычныхъ удобствъ у того, кто, добровольно отъ нихъ отказавшись, несетъ вмѣстѣ со своими войсками всѣ невзгоды войны, ограничивъ себя въ одеждѣ, столѣ и всѣхъ условіяхъ жизни.

— Историческій домикъ будетъ впослѣдствіи,—указываетъ мнѣ комендантскій адъютантъ капитанъ Т., въ то время какъ я изъ окна рассматриваю скверъ съ окружающими его домами.

— Впослѣдствіи комнаты необходимо сохранить со всею въ нихъ обстановкою, среди которой жилъ въ это время нашъ Верховный Вождь, — подтверждаетъ ту же мысль ожидающій отмѣтки на документахъ и разрѣшенія на пропускъ внутрь сквера гусарскій ротмистръ.

— Мы, свидѣтели этой жизни, поражаемся ея простотою,—поясняетъ сейчасъ же Т.

За рѣшеткою, отдѣляющей скверъ отъ улицы, размѣщенъ штабъ и его отдѣлы: генераль-квартирмистрская часть и управленіе дежурнаго генерала.

Въ домѣ штаба помѣщается также и его душа—начальникъ штаба.

Средняго роста съ пронизательными, все видящими глазами, небольшими усами и сѣдыми волосами надъ высокимъ лбомъ, генераль Алексѣевъ представляетъ собою такого исключительнаго работника, особенная сверхчеловѣческая выносливость котораго поражаетъ всѣхъ, видящихъ его, чудовищную по размѣрамъ, работу.

— Прямо не знаю, спитъ ли онъ вообще когда-нибудь,—въ раздумьи говоритъ полковникъ Б., которому я задаю рядъ интересующихъ меня вопросовъ.

Онъ всегда за дѣломъ, всегда неутомимъ, всегда бодръ и всегда все дѣлаетъ лично самъ.

Вѣдь только просмотрѣвъ дѣла штаба, можно уяснить всю колоссальность этой работы. Проекты, распоряженія,

резолюціи—все это, могущее образовать десятки томовъ, написаны его четкимъ бисернымъ почеркомъ. У него все отдано для службы, для дѣла. Личной жизни и какихъ-либо постороннихъ интересовъ не существуетъ.

— Рѣдкая настойчивость, удивительныя познанія, огромная сила воли и суровая внѣшность,—даетъ характеристику подошедшій къ намъ генераль, прислушавшись къ разговору.

А сердце мягкое, отзывчивое!!.

Представитель Верховнаго Главнокомандующаго, генераль Жилинскій посѣтилъ бельгійскій и британскій фронты.

24 марта онъ прибылъ въ британскую главную квартиру, гдѣ сдѣлалъ визитъ генералу Дугласу Хагу.

Затѣмъ генераль Жилинскій посѣтилъ бельгійскій фронтъ. 22 марта онъ былъ приглашенъ къ завтраку ихъ величествами королемъ и королевой бельгійскими и посѣтилъ днемъ позиціи первой линіи бельгійскаго фронта.

23 марта генераль Жилинскій въ сопровожденіи принца Текскаго направился къ британскому фронту и посѣтилъ Ипръ, послѣ сего произвелъ смотръ двумъ полкамъ, особенно отличившимся въ различныхъ дѣлахъ.

Тупинъ въ своей корреспонденціи съ Рижскаго фронта ¹⁾ описываетъ одно изъ изумительныхъ событій современной войны.

Бой въ полдень достигъ наивысшаго напряженія, вокругъ все дышало пламенемъ битвы... Въ короткое время съ нашей стороны было выпущено болѣе 15.000 снарядовъ, ураганный огонь не утихалъ, въ воздухѣ стоялъ непрерывный гулъ, содрогалась земля. Непрiятельскія батареи замолкали одна за другой, люди глохли, безумство охватывало слабыхъ.

По дорогамъ, по лощинамъ и извилинамъ потянулись въ одиночку или поддерживаемые товарищами раненые солдаты, другіе въ изнеможеніи опускались у края дороги на землю, ожидая прихода санитаровъ. И точно разсерженные шмели зыкали острыя пули, справа, слѣва, сверху, сбоку.

¹⁾ „Нов. Вр.“, № 14384.

Страшной, незабываемая картина... Слѣва снова часть бросается въ атаку, тысячи душъ рвутся впередъ, храбрость и злоба подобно дикой волнѣ движутъ ихъ навстрѣчу сотнямъ несокрушимыхъ орудій истребленія, бросая имъ въ лицо раскаленную сталь и желѣзо...

У дороги, замаскированной ельникомъ, расположился первый перевязочный пунктъ; сюда ползутъ и идутъ страдальцы.

И точно въ насмѣшку жестокой судьбы надъ перевязочнымъ пунктомъ разрывается непріятельская шрапнель. Справо бодро и весело идетъ въ атаку новый батальонъ земгальскихъ стрѣлковъ...

Скрытый отъ глазъ непріятели блиндажъ; въ немъ сконцентрированы всѣ нервы жестокаго отчаяннаго боя. Онъ такъ близокъ отъ непріятели, и если на полѣ брани идетъ горячая безумная битва, то здѣсь холодная сосредоточенная работа; нервы однако напряжены до послѣдней степени... тутъ извѣстно, что творится впереди. Чтобы добраться изъ нашей тыловой линіи до этого блиндажа, надо пройти тысячи опасностей, перешагнуть черезъ грань жизни и смерти.

Въ блиндажѣ темно, кишитъ работа... страшная, отвѣтственная, лихорадочная работа, ее можетъ познать и оцѣнить только тотъ, кто ее испыталъ. Тѣсное помѣщеніе, шаговъ шесть, семь въ ширину, такой же длины, съ низкимъ потолкомъ, оконъ никакихъ нѣтъ. На стѣнѣ четыре телефонныхъ аппарата, ежеминутно раздаются рѣзкіе звонки и на каждый отвѣчаетъ человѣческой голосъ, раздающійся изъ глубины того ада, который разыгрывается тамъ, наверху... Вотъ стоитъ командиръ полка, рядомъ съ нимъ начальникъ службы связи, здѣсь торопятся вѣстовые, пришедшіе съ приказаніями, вотъ ординарцы съ распоряженіями... И все это подъ ежеминутной угрозой смерти: достаточно тяжелаго снаряда въ своды блиндажа, и сердце—центръ всей артеріи, душа всей отчаянной битвы, будетъ уничтожена... Но никто не обращаетъ вниманія. Никого не трогаетъ даже явленіе боевой стихіи: на скамейкѣ, прислонясь къ стѣнѣ, сидитъ молодой офицеръ; онъ дико шепчетъ о мести и проклятымъ нѣмцамъ; рядомъ съ нимъ полулежитъ другой, съ закрытыми глазами, со слабыми признаками жизни.

Отворяется дверь, и вмѣстѣ со струей весенняго свѣжаго воздуха и яркаго солнца въ блиндажъ врываются радостныя веселыя клики, привѣтствія, слышатся отдѣльныя бодрящіе голоса раненыхъ, кличъ ширится и растетъ, вызванный появленіемъ высшаго начальника. Онъ такъ ярко напоминаетъ въ эти минуты: „Morituri te salutant, Caesar“. Встрѣчныя раненыя привѣтствуютъ своего корпуснаго командира, любимаго боевого генерала... Появленіе въ блиндажѣ не производитъ ни переполоха, ни суеты, хотя оно внезапно и неожиданно. Хочется крикнуть: „Умирающіе тебя привѣтствуютъ, Цезарь!“ Радостное свѣтлое чувство наполняетъ героевъ, въ душѣ шевельнулись забытыя далекія струны. Хочется смѣяться и плакать. Защитники чувствуютъ, что имъ на помощь подходитъ ихъ нравственный резервъ:этотъ сутуловатый небольшой человѣкъ—кудесникъ, на всѣхъ онъ производитъ въ минуту опасности чарующее впечатлѣніе, видѣть его незабываемое рѣдкое счастье, онъ все видитъ, все понимаетъ... И его понимаютъ и любятъ, и едина мысль у всѣхъ, чтобы смертный жребій пролетѣлъ какъ можно дальше отъ его увѣчанной сѣдинами головы...

Генераль себя не бережетъ, видимо рука Провидѣнія направляетъ въ сторону и угломѣръ и глазъ непріятельскаго наблюдателя, и напрасны всѣ ухищренія тевтоновъ вывести изъ строя лучшаго человѣка и начальника... Вотъ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ ударился снарядъ въ землю, и сотни осколковъ брызнули во всѣ стороны, генераль продолжаетъ свой путь, не обращая вниманія... Вотъ онъ остановился, дѣлится съ младшими командирами своими впечатлѣніями, выслушиваетъ доклады, отдаетъ приказанія. Въ пяти шагахъ отъ него стоитъ чей-то ординарецъ съ лошадью; генераль идетъ дальше, а сзади него разрывается тяжелый снарядъ, отъ лошади и ординарца остается одно воспоминаніе... свита только набожно крестится... Шинель его прострѣлена въ двухъ мѣстахъ, а онъ, улыбаясь, говоритъ: „Ну, что же, убьютъ, похоронятъ...“ Все кругомъ дышитъ пламенемъ битвы, вдали гремитъ радостное „ура“, въ тѣло вливается небывалая бодрость, войска привѣтствуютъ своего генерала.

Повсюду оргія грабежа мирныхъ гражданъ. Спекулируютъ всѣмъ, и припасами, и товарами. Хищные скупщики шныряютъ и по городамъ и по деревнямъ, скупая все, что можно, для наглой перепродажи по страшнымъ цѣнамъ.

Торговцы и скупщики говорятъ, что такого времени, какъ теперь, невозможно найти. Надо пользоваться не только часами, но даже и минутами, чтобы заработать деньги.

До какого омерзительнаго озвѣренія дошли якобы культурные германцы, свидѣтельствуется яркая картина изъ описанія г. Петрова.

На краю одного латышскаго селенія нашъ разъѣздъ, прогнавъ германцевъ, услышалъ стоны изъ заколоченнаго снаружи дома. Открыли дверь, вошли. Тамъ двѣ молодыя женщины, обезчещенныя цѣлымъ разъѣздомъ, обезсиленные стонали на полу. Когда къ дому подѣхалъ начальникъ нашего разъѣзда, знающій нѣмецкій языкъ, онъ не безъ содроганія прочелъ „остроумное“ предупрежденіе бывшими здѣсь германцами ихъ товарищей, которые могли явиться послѣ. На двери мѣломъ крупно было написано:

Вы опоздали, товарищи! Здѣсь реквизировано уже!

23—31 марта. Отъ пріѣхавшихъ съ фронта слышалъ неизмѣнные рассказы, что обиліе снарядовъ съ нашей стороны при артиллерійскихъ перестрѣлкахъ производитъ самое ободряющее дѣйствіе на нашихъ солдатъ. Мѣткость стрѣльбы нашей артиллеріи сравнительно съ германской не заставляетъ желать лучшаго. Зачастую ваши батареи подбиваютъ и совершенно уничтожаютъ германскія ¹⁾.

Вотъ какъ спекулируетъ кайзеръ въ своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ.

Въ мартовской книгѣ „The London Magazine“ помѣщена любопытная статья „Семь лѣтъ при германскомъ дворѣ“.

¹⁾ „Русское Слово“ 22 марта.

Авторъ записокъ, г-жа Кинъ, недавно возвратилась въ Англiю изъ Потсдама, гдѣ она служила камеръ-юнгферой у сестры императора Вильгельма, жены принца Леопольда Прусскаго.

При объявленiи войны миссъ Кинъ нѣкоторое время оставалась въ потсдамскомъ дворцѣ, при своей хозяйкѣ, и только съ большимъ трудомъ ей удалось вырваться изъ Германiи. Принцесса ей говорила: „Не думаю, чтобы вы могли вернуться въ Англiю, вы знаете слишкомъ многое“. Судя по разоблаченiямъ камеристки, принцесса въ послѣднемъ не ошибалась.

Англичанка останавливается особенно подробно на денежныхъ затрудненiяхъ Вильгельма. Начались они давно, задолго еще до войны, и были вызваны главнымъ образомъ непомѣрною расточительностью германскаго императора. Денежный вопросъ постоянно мучилъ Вильгельма. Нѣсколько лѣтъ назадъ разорился и покончилъ съ собою одинъ изъ его близкихъ друзей, фонъ-Эллендорфъ. Кайзеръ очень горевалъ, но не о несчастiи и смерти друга; дѣло объяснялось проще. Въ предпрiятiя Эллендорфа Вильгельмомъ было вложено около 200.000 рублей на русскiя деньги, и эта сумма погибла безвозвратно.

Дѣло особенно обострилось осенью 1908 года. Счета по содержанiю двора оставались неоплаченными нѣсколько лѣтъ. Многимъ торговымъ домамъ, не только въ Берлинѣ, но и въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ столицахъ германскiй дворъ долженъ былъ крупныя суммы.

Кромѣ того, Вильгельмъ лично сильно задолжалъ своимъ банкирамъ и двумъ членамъ императорской фамилии. Принцъ Леопольдъ Прусскiй, человекъ чрезвычайно богатый, у котораго Вильгельмъ тоже хотѣлъ занять нѣкоторую сумму, наотрѣзъ отказалъ своему шурина. Въ концѣ концовъ Вильгельмъ вышелъ изъ затрудненiя, продавъ часть королевскихъ имѣнiй у Потсдама и добившись у рейхстага увеличенiя цивильнаго листа на 250.000 руб. въ годъ.

Вся эта передрыга оставила у Вильгельма непрiятное воспоминанiе, и впередъ берлинскiй дворъ рѣшилъ быть умнѣе, перейдя на весьма практическiй путь. Нѣмки, которыя жаждали фигурировать при дворѣ, но не могли похвалиться бѣлою костью, теперь получили возможность осуществить свою мечту: званiе фрейлины и статсъ-дамы стало продаваться за деньги. Въ 1910 году германская им-

ператрица сдѣлала четыре новыхъ назначенія и заработала такимъ образомъ около 350.000 руб.

Когда кайзеръ со своей супругой отправлялись съ визитомъ къ иностранному двору, то удовольствіе сопровождать ихъ тоже расцѣнивалось на деньги, и иногда на очень крупную сумму. Одна дама, по свидѣтельству супруги Леопольда Прусскаго, заплатила сто тысячъ на наши деньги за право посѣтить Виндзорскій замокъ вмѣстѣ съ германской императорской семьей.

Званіе придворнаго поставщика тоже продается въ Берлинѣ въ среднемъ за 10.000 рублей.

Наконецъ придумана была еще и такая комбинація: въ парадномъ обѣденномъ залѣ Новаго дворца имѣются съ обѣихъ ковцовъ хоры, гдѣ можетъ помѣститься до пяти-сотъ человекъ. Эти мѣста продаются желающимъ посмотреть на блестящее зрѣлище, точно билеты въ театръ, за 10—50 руб., такъ что за каждый парадный обѣдъ Вильгельмъ получаетъ около десяти тысячъ.

Въ запискахъ г-жи Кинъ обращаетъ на себя также вниманіе замѣчаніе одной придворной дамы, баронессы Кнебекъ:

„Самая выдающаяся черта германцевъ—патріотизмъ. Множество нѣмцевъ разсыяно по чужимъ странамъ, иные изъ нихъ давно приняли иностранное подданство, но, повѣрьте мнѣ,—сказала баронесса г-жѣ Кинъ,—все равно, въ душѣ они остаются нѣмцами и считаютъ своей родиной Германію. И не только они, но и дѣти ихъ вырастутъ нѣмцами“.

Истина, давно очевидная для всѣхъ, кто лично не заинтересованъ въ этомъ щекотливомъ вопросѣ! ¹⁾

Слова эти должно имѣть въ виду нашимъ нѣмцелюбамъ и прибалтійцамъ.

Для борьбы съ дороговизной необходимо возможно большее учрежденіе въ уѣздахъ и городахъ потребительныхъ обществъ (кооперативовъ), тѣсное объединеніе по закупкамъ отъ оптовиковъ всѣхъ потребительскихъ обществъ городовъ и уѣздовъ и самое тѣсное единеніе ихъ съ земствами. Это единственный правильный экономическій путь. У насъ въ Петроградѣ тоже начинаютъ возникать потребительныя общества, но пока очень и очень въ скромныхъ размѣрахъ. Организованныя общества работаютъ прекрасно.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 27 марта.

Необходимо только, чтобы предержавшая власти не ставили препонъ.

Самымъ страшнымъ бичемъ всѣхъ армій во время войны является сыпной тифъ и главные распространители его вши. Слѣдовательно, трудно соблюдаемая въ военное время чистота составляетъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ предупрежденію эпидемій. Одинъ изъ докторовъ въ настоящее время сообщаетъ, что со 120 раненыхъ, привезенныхъ съ фронта, было снято 45 фунтовъ вшей, т. е. въ среднемъ около $\frac{1}{2}$ фунта на человѣка.

Недавно докторъ института Пастера, профессоръ Ру, сдѣлалъ докладъ объ открытой въ его институтѣ вакцины, смягчающей проявленія сыпного тифа. Одновременно сообщаютъ, что консультантъ Краснаго Креста профессоръ Недригайловъ и женщина-врачъ Бурова получили чистую культуру бактерій сыпного тифа.

Передаютъ, что управляющій Отдѣленіемъ Волжско-Камскаго банка въ Вяткѣ г. Цимерманъ и комиссіонеръ этого банка Вагнеръ отнеслись крайне пассивно, если не сказать болѣе, къ подпискѣ на военный заемъ. Почему это такъ?

Бѣлыя вороны. Изъ Гааги сообщаютъ о необыкновенномъ явленіи природы. Въ Голландіи въ большомъ изобиліи появились бѣлыя вороны. Уже прошлую зимою замѣчали воронъ съ черными головами и хвостомъ, но съ бѣлыми крыльями. Нынѣшнею зимою въ Гаагѣ и въ другихъ городахъ Голландіи появились кромѣ совсѣмъ сѣрыхъ даже бѣлыя вороны. Одну изъ такихъ воронъ поймали, и голландскіе зоологи заняты въ настоящее время изученіемъ происхожденія необычайной породы воронъ. Высказываются догадки, что кормленіе человѣческимъ мясомъ на поляхъ сраженій въ Бельгій вызвало измѣненіе окраски въ опереніи этихъ пернатыхъ¹⁾.

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ 23 марта.

Г. Ольховскій въ „Вечернемъ Времени“¹⁾ даетъ картинное описаніе морскихъ развѣдокъ и боя на морѣ:

Трое слѣдующихъ сутокъ прошли спокойно.

Непріятель хотъ и приближался, такъ какъ работа телеграфа слышалась отчетливѣе, но туманъ ничего не позволялъ разглядѣть...

Несмотря на малые хода, уголь подходилъ къ концу. Свѣжая провизія давно уже была съѣдена, и теперь пошли въ ходъ макароны съ вѣчной „общешлотской“ солониной...

Шутка сказать,—недѣля въ морѣ!..

Непосредственная близость къ врагу требуетъ особенной осторожности. Каждую минуту можно ожидать съ его стороны подвоха, и поэтому все время приходится быть на-чеку...

Въ завѣсѣ—это самое скверное.

Нравственная усталость, являющаяся слѣдствіемъ этой бдительности, влечетъ за собою усталость физическую: люди подъ конецъ своихъ вахтъ буквально сваливаются съ ногъ...

Въ это утро получена была радіо, что Н. дивизионъ вышелъ на смѣну.

Всѣ пріободрились...

Мичмана предвкушали уже удовольствіе какъ слѣдуетъ отоспаться и вознаградить себя за скудный „постный“ столъ, а команда, расположившись на бакѣ, весело покуривала, кто не прочь „освѣжиться“ въ тихомъ и шикарномъ порту...

Послѣ полудня прояснилось.

Мгла хотъ и оставалась по-прежнему, но туманъ значительно порѣдѣлъ. Теперь уже версты на двѣ можно было различить любой предметъ.

— Дымы видать!..

Сигнальщикъ, доложившій это, схватился за трубу, чтобы лучше рассмотреть.

На этотъ разъ онъ оказался правъ: впереди ползъ черный дымъ, принадлежавшій несомнѣнно нѣсколькимъ судамъ...

Свои или враги?

Но странно... Дымы шли отъ веста...²⁾

¹⁾ „Веч. Вр.“ № 1427 с. г.

²⁾ Вестъ—западъ.

— Вы не находите страннымъ, что смѣна идетъ къ намъ съ запада?..

— Гм...

Командиръ пожимаетъ плечами.

— Этого не должно быть... Впрочемъ, я допускаю, что наши въ туманѣ нѣсколько разошлись...

Командиръ слегка нервничаетъ, но, зная, что сейчасъ вниманіе всего миноносца обращено на него, старается взять себя въ руки...

— А все же...

Начальникъ дивизіона круто поворачивается...

— Орудія зарядить!..

На миноносцахъ бѣготня...

Команда выскакиваетъ изъ помѣщеній и бросается къ пушкамъ. Въ какія-нибудь нѣсколько мгновеній сняты чехлы и поданы снаряды.

Рѣзко щелкаетъ замокъ...

— Товсь!..

Къ бою все готово...

Въ торжественной тишинѣ подымается на стеньгѣ боевой Андреевскій флагъ—такой близкій и родной сердцу каждого моряка...

Гордо рѣветъ онъ въ вышинѣ, словно благословляя на подвигъ, и въ эту минуту онъ—эмблема нравственной поддержки, образъ Всемогущаго Судьи.

Весь ужасъ предстоящаго отходитъ куда-то вдаль и оставляетъ въ душѣ сознаніе долга и счастья умереть за родину...

Невольно все существо охватываетъ умиленіе и спокойствіе, и вѣра горячитъ кровь...

И хочется... Ахъ, какъ неудержимо хотѣлось бы поднять завѣсу, за которой неразгаданный вопросъ:

— Что будетъ?..

Конецъ ли—такой дикій и такой нелѣпый въ то время, когда такъ неудержимо тянетъ къ себѣ жизнь...

Или побѣда—красивая и громкая, при видѣ гибнущаго корабля, идущаго ко дну подъ радостные крики побѣдителей..

И мысленно проносится въ головѣ молитва...

Ея простыя, глубокія слова ярко врѣзаются въ сознаніе.

„Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“...

При оторванности отъ родныхъ береговъ, отъ семьи, при той полной отчужденности отъ всего міра, въ которой

бываютъ одни лишь моряки, такъ много пламенной вѣры въ этомъ всѣхъ равняющемъ:

„Да будетъ воля Твоя“...

Два — три послѣднихъ крестныхъ знаменія, пожатіе руки,—и все...

Туманъ расходился...

Послѣдняя его пелена, сквозь которую проникалъ дымъ, растаяла, и передъ сотнями напряженно смотрѣвшихъ глазъ вдругъ появились два миноносца, шедшихъ полнымъ ходомъ..

„Нѣмцы!“

Одинъ общій крикъ, казалось, вырвался изъ всѣхъ грудей... На мгновеніе сердца будто бы остановились, и люди замерли въ какомъ-то столбнякѣ...

Такъ близко—лицомъ къ лицу!..

Да нѣтъ... Не можетъ быть...

Почему-то въ головѣ не могла уложиться мысль, что это врагъ.

Сравнительная ли продолжительность ожиданія, необычайность ли той обстановки, въ которой произошла встрѣча... но все это сковало всѣхъ: кажется, никто не посмѣлъ даже вздохнуть...

Но вотъ.

Съ мостика громко прозвучала команда...

Привычное ухо различило: „Открыть огонь“, и гулко, тяжелымъ ревомъ потрясая воздухъ, раздался первый залпъ...

Окрашенные въ черный цвѣтъ, съ высокими надстройками и низенькими, словно отпиленными передними мачтами—это были типичные нѣмецкіе миноносцы большого тоннажа.

Туманъ заставилъ ихъ, что называется, напороться, и теперь разстояніе было не болѣе трехъ верстъ...

Врагъ опѣшилъ.

Казалось, тамъ меньше всего ожидали столкновенія, ибо всѣ пушки были въ чехлахъ.

Передній миноносецъ началъ что-то семафорить заднему и круто повернулъ, рассчитывая, очевидно, на свой ходъ.

Но, увы!.. Было поздно...

— Живо!.. Подымите-ка: „Жестокому“ занять фарватеръ...

Сигналь немедленно разобранъ, и третій концевой миноносець бросился къ только-что протраленному самими же нѣмцами проходу...

Отступленіе отрѣзано.

И теперь, взятый въ два огня, имѣя впереди себя минное поле, противникъ окончательно растерялся.

Оба миноносца застопорили машины, почему-то дали малый ходъ, и задній сталъ усиленно выпускать паръ.

Видно было, какая паника охватила вражескія суда, гдѣ долго не могли зарядить пушекъ и отвѣчать на огонь.

И только послѣ нѣсколькихъ попаданій, оттуда открылась беспорядочная стрѣльба.

— Четверть больше, одинъ право!..—все время неслась по рупору съ мостика корректировка, и установщики прицѣловъ спокойно и быстро мѣняли данныя съ такою же точностью, какъ во время учебной стрѣльбы.

Прислуга у орудій уже окончательно оправилась.

Горящіе глаза и одухотворенныя лица, проворство, съ какимъ каждый выполнялъ свое дѣло,—были болѣе чѣмъ краснорѣчивой иллюстраціей того, что каждый испытывалъ въ этотъ мигъ.

А молоденькій мичманъ, недавно лишь изъ корпуса и впервые попавшій въ настоящій бой, уже почувствовалъ себя старымъ и обстрѣляннымъ морскимъ волкомъ, который можетъ осипшимъ баскомъ кричать матросамъ:

— Вали ребята... Живо!.. Не обалдѣвать!..

Сначала было „коряво“, но сейчасъ...

Что-то большое и сильное всколыхнуло душу и заставило сердце громко застучать.

Теперь онъ вьется у пушки, перебѣгаетъ отъ прицѣла къ замку и на неудачномъ залпѣ готовъ всѣхъ и вся предать анаемѣ, и заплакать отъ досады...

Но „матросъ не выдастъ“...

Какъ черти, они извиваются у орудій...

Непрерывно щелкаетъ замокъ, и въ рѣзкій оглушительный вой сливаются залпы всѣхъ миноносцевъ...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсь...

Ни одного лишняго звука...

Въ ушахъ страшная боль.

Вѣтромъ относится огонь въ сторону и опалаетъ лица..

Становится жарко и адски хочется пить...

— Ура!.. раздается гдѣ-то на бакѣ ¹⁾.

— Нѣмецъ горитъ!..

— Ура!..—подхватывается на миноносцѣ и дружнымъ раскатистымъ эхомъ несется по судамъ...

— Горитъ!... Ура!..

И еще чаще хлопаютъ замокъ, и еще громче, кажется, воютъ залпы...

— Бумъ-бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Бумъ-бумъ .. Бумъ...

— Товсь...

— Уррра!

— Головной миноносецъ оказался поврежденнымъ... Уже отчетливо, невооруженнымъ глазомъ видны были пробоины и сбитая на половину передняя труба...

Онъ очень замѣтно зарылся носомъ, такъ что работавшіе винты на половину вылезли наружу...

— Горитъ...

Стало уже значительно темнѣть.

Неоднократно пытавшійся прорваться, врагъ каждый разъ отгонялся огнемъ.

Дивизиону предстояло совершить головокружительный трюкъ: взять крѣпость, не понеся *никакихъ* потерь!...

..Опять загрохотали пушки, и вновь массы раскаленного металла полетѣли въ врага...

Вотъ нѣсколько снарядовъ врѣзались въ бортъ...

Видно было, съ какимъ отчаяніемъ врагъ рѣшилъ драться.

— Мина идетъ!..

Какъ длинный острый мечъ, блеснули ея очертанія...

Разъ, другой нырнула она подъ воду, затѣмъ выплыла на поверхность... И, опустившись на заданную глубину, разсѣвая корпусомъ воду, полетѣла впередъ...

— Право!.. Больше право!.. Право на бортъ!..

Вд-время произнесенная команда, и катастрофа избѣгнута.

Мимо!..

¹⁾ Бакъ носовая часть верхней палубы.

Въ какихъ-нибудь полутора футахъ отъ борта, едва не касаясь бокового киля...

По миноносцамъ прошелъ облегченный вздохъ...

Вспотѣвшіе и разгоряченные, матросы снова заработали, и опять—въ какой ужъ это разъ?..—защелкалъ замокъ, и заревѣли и загрохотали залпы дивизиона...

— Бумъ-бумъ... Бумъ...

— Товсь...

— Бумъ—бумъ... Бумъ...

— Товсь...

Хотѣлось бы перекреститься, вспомнить два слова молитвы... Но память не повиновалась, а рука была тяжела...

И только сознаніе продолжало работать и въ трепетѣ учащенно бившагося сердца пронзило молніей:

— *Побѣда!*..

...Такъ вотъ гдѣ она наконецъ!..

Эффектъ прощальнаго ожеста—стихійное могучее русское ура, такъ бурно ее встрѣтившее, такъ радостно прокатившееся по необъятному морскому простору...

И кто не пойметъ, почему въ этотъ мигъ что-то похожее на спазму схватываетъ горло, и почему глаза, горящіе такимъ вдохновеннымъ свѣтомъ, вдругъ застилаютъ туманъ...

А наступившая ночь была дивно хороша, и нѣжную, и сладкую истому навѣвала ей призрачная даль...

Возшедшій молодой мѣсяцъ слалъ свой привѣтъ успокоившемуся морю, переливаясь тысячами серебряныхъ огней въ верхушкахъ тихо рокотавшихъ волнъ...

Съ легкимъ шумомъ разбивались онѣ о борта, баюкая своею вѣчною пѣснью, и въ гимнѣ томъ, еле уловимымъ диссонансомъ чувствовалось присутствіе какой-то жуткой, какой-то неразгаданной тайны...

Въ корреспонденціи г. Петрова въ „Русскомъ Словѣ“ ¹⁾ приводятся яркія картины самой наглої германской фальсификаціи по содержанію нашихъ военноплѣнныхъ:

„Германцами выпущены и постепенно выпускаются въ видѣ почтовыхъ открытокъ новыя и новыя фотографическія

¹⁾ „Русск. Сл.“, 31 марта с. г.

снимки, рисующіе внѣшнюю обстановку и внутренній бытъ русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи. Снимки эти сдѣланы и дѣлаются, главнымъ образомъ, для иностранцевъ невоющихъ государствъ—датчанъ, шведовъ, американцевъ. Германскія власти охотно раздаютъ эти снимки интересующимся судьбою военноплѣнныхъ въ Германіи и увѣренно добавляють:

— Подъ каждымъ снимкомъ подпись съ указаніемъ мѣстонахожденія лагеря военноплѣнныхъ. Если у васъ есть какое-либо сомнѣніе въ достовѣрности снимка, благоволите провѣрить на мѣстѣ,—и вы убѣдитесь, что снимки вполне отвѣчаютъ дѣйствительности.

Многочисленные снимки даютъ довольно полную картину жизни нашихъ плѣнныхъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи и рисуютъ эту жизнь мягкими, иногда чуть ли не идиллическими, чертами и красками. Вы видите, напримѣръ, на одномъ снимкѣ уютную помѣщичью или большую дачную усадьбу. Рядъ изящныхъ, красиво разбросанныхъ домиковъ. Впереди нихъ—большая лужайка. Очевидно, на ней можно играть и въ теннисъ, и въ футболъ. Все это, конечно, обнесено рѣшеткою изъ колючей проволоки, но въ общемъ видъ безспорно милый. Это—одинъ изъ лагерей для нашихъ плѣнныхъ офицеровъ.

Снимки изъ жизни въ солдатскихъ лагеряхъ для нашихъ плѣнныхъ также не вызываютъ ни малѣйшей скорбной тѣни за горькую долю нашихъ подневольныхъ узниковъ. Напротивъ, судя по этимъ снимкамъ, наши плѣнные солдаты въ Германіи обставлены такъ, что, кажется, имъ и дома на службѣ, въ обычной казарменной обстановкѣ, не было лучше. Вотъ снимокъ: „Кухня русскихъ военноплѣнныхъ“. Не будь приведенной подписи, можно было бы по снимку подумать, что передъ вами кухня какого-нибудь большого первокласснаго столичнаго ресторана. Десятка полтора, два поваровъ въ бѣлоснѣжныхъ курткахъ, фартукахъ, съ такими же колпаками на головѣ. Большіе, видимо, ярко начищенные, блестящіе котлы, противни и кастрюли. Лица поваровъ искренно довольныя. Сытыя, даже упитанныя. Веселыя, съ улыбками почти у всѣхъ.

Второй снимокъ: „Баня для плѣнныхъ солдатъ“. Большое помѣщеніе, съ электрическими лампами по стѣнамъ. Съ потолка въ нѣсколько рядовъ свисають трубки-провода съ

теплою водою. Внизу, вдоль стѣнъ идутъ широкія приступки сидѣнья. Полъ асфальтовый съ полуаршиннымъ углубленіемъ. Здѣсь, въ углубленіи, наши плѣнные солдаты моютъ ноги, а душъ съ теплою водою сверху даетъ возможность обмыть тѣло съ головы до ногъ.

Третій снимокъ показываетъ раздѣваніе плѣнныхъ, такъ сказать, въ предбанникѣ. Бѣлье, одежда, обувь,—всѣ вещи плѣнныхъ до послѣдней мелочи отбираются и сдаются въ дезинфекцію. Пока плѣнные моются, вещи ихъ дезинфицируются, самымъ тщательнымъ образомъ очищаются отъ какихъ бы то ни было болѣзнетворныхъ микробовъ. Германцы не столько даже въ интересахъ плѣнныхъ, сколько изъ боязни черезъ нихъ допустить появленіе какой-либо эпидеміи въ странѣ, строго слѣдятъ за чистотою плѣнныхъ и за дезинфекціей ихъ обуви, бѣлья, одежды, вещей. Дезинфекція поставлена образцово. Особья камеры для тканей, особья—для кожи, особья—для металлическихъ предметовъ: часовъ, пряжекъ, колець и тому подобнаго.

Другіе снимки показываютъ плѣнныхъ въ бібліотекахъ за чтеніемъ книгъ, въ своихъ—при лагеряхъ для плѣнныхъ—солдатскихъ театрахъ. Есть снимки съ оркестровъ, устроенныхъ самими плѣнными, съ солдатскихъ игръ, съ работъ плѣнныхъ на поляхъ, по выгрузкѣ вагоновъ, на полотнѣ желѣзныхъ дорогъ, и такъ далѣе.

Смотришь на эти снимки и чувствуешь, что, судя по нимъ, было бы грѣхомъ жаловаться на Германію за положеніе нашихъ плѣнныхъ въ ней. Помилуйте: прекрасныя бани, чистыя кухни, свои театры, оркестры, игры, электрическое освѣщеніе; бібліотеки, школы грамоты, даже особые курсы для плѣнныхъ разныхъ народностей Россіи. Чего еще можно требовать или даже только желать? И замѣтьте: все это—живая дѣйствительность, а не показная, театральная поддѣлка на случай осмотра пріѣзжими иностранцами изъ Швеціи, Даніи, Испаніи, Америки или Китая. Всѣ снимки несомнѣнной подлинности, но... За каждымъ почти красивымъ, наряднымъ и такимъ выигрышнымъ для германцевъ снимкомъ есть свое большое, подрывающее цѣнность снимка, иногда скверное, а то и гнусное „но“.

Начнемте съ кухни. Общій видъ выставленныхъ поваровъ, плѣнныхъ, несомнѣнно, говоритъ объ ихъ благополучіи, но благополучіе поваровъ въ данномъ случаѣ—никакъ не доказательство благополучія въ смыслѣ питанія нашихъ плѣнныхъ. Какъ правило, въ германскихъ лагеряхъ военноплѣнныхъ установлено, что преобладающее большинство обслуживающихъ кухню нашихъ плѣнныхъ набирается изъ попавшихъ въ плѣнъ нѣмцевъ, уроженцевъ Курляндіи, изъ нѣмецкихъ колонистовъ и вообще людей онѣмеченныхъ. Эти привилегированные плѣнные въ формѣ русскихъ солдатъ, но съ нѣмецкою душою и приставлены германцами къ кухнямъ для нашихъ плѣнныхъ. Они-де знаютъ нѣмецкій языкъ, съ ними легче объясняться германскому начальству. Они же являются и посредниками для остальной массы нашихъ плѣнныхъ при покупкѣ ѣды на сторонѣ, при чемъ постоянно нагло обираютъ покупающихъ солдатъ. Неудивительно, что они и парядно одѣты, и имѣютъ сытый, довольный видъ. Интересно бы видѣть германскіе снимки съ ѣды, предлагаемой русскимъ плѣннымъ, указанія количества и качества этой ѣды, сколько разъ выдаютъ ее, но... подобныхъ снимковъ германцы не дѣлаютъ. Придется въ своемъ мѣстѣ восполнить этотъ пробѣлъ точными устными свѣдѣніями. Картина кухоннаго благополучія тогда рѣзко мѣняется. Тутъ пришлось бы снимать, какъ наши плѣнные въ иныхъ (къ счастью, не во всѣхъ) лагеряхъ рылись въ ямахъ и кучахъ съ отбросами, ища хотя бы выкинутыхъ костей. Пришлось бы снимать нѣкоторыя сцены, не только недопустимыя, но и невообразимыя. Извиняюсь напередъ, если дальнѣйшія мои строки вызовутъ, можетъ-быть, въ иныхъ даже невольную тошноту. Но я все-таки настойчиво прошу прочесть и просмаковать картину. Намъ тошно читать,—а каково нашимъ страдальцамъ испытывать то, одно упоминаніе о чемъ вызываетъ чуть не рвоту?! Называя вещи своимъ именемъ, нужно сказать, что постоянное недоѣданіе доводило въ нѣкоторыхъ (повторяю: не во всѣхъ) лагеряхъ нашихъ военноплѣнныхъ до такой степени голода, что, позабывъ и заглушивъ въ себѣ всякіе слѣды брезгливости, они выбирали уцѣлѣвшіе куски пищи въ рвотѣ больныхъ. Приготовьтесь къ худшему: бывали случаи, когда, измученные долгимъ голоданіемъ, несчастные выбирали непереваренныя еще зерна бобовъ въ желудочныхъ изверженіяхъ. И только, когда въ этихъ лагеряхъ военноплѣнныхъ вспыхнулъ тифъ, порція несчастныхъ была нѣсколько

увеличена. Снимковъ отхожаго питанія нашихъ плѣнныхъ, помимо кухонь, германцы, къ сожалѣнiю, не дѣлали и не дѣлаютъ.

Цѣлый рядъ своихъ „но“ и за другими показными германскими снимками съ картинъ быта нашихъ плѣнныхъ въ Германiи. Снимки бань, напримѣръ, показываютъ нашихъ плѣнныхъ въ предбанникахъ и въ баняхъ, но они ничего не говорятъ о томъ, что бываетъ въ послѣбанныхъ помѣщенiяхъ. А тамъ творится вотъ что. Въ иныхъ лагеряхъ нашихъ военноплѣнныхъ собрано до сорока тысячъ солдатъ вмѣстѣ. Понятно, что въ баню съ дезинфекціей ихъ обуви и одежды водятъ партіями по восемьсотъ и болѣе человекъ. Въ предбанникахъ ихъ раздѣваютъ и всѣ вещи ихъ, сортируя ткани, кожу, металлъ отдѣльно въ особыхъ мѣшкахъ направляютъ въ дезинфекціонныя камеры. Когда солдаты подъ горячимъ душемъ въ нагрѣтой банѣ всласть вымоются, ихъ выводятъ въ третью комнату одѣваться, а тѣмъ временемъ на ихъ мѣсто въ мыльную комнату вводятъ новую партію. Въ первой же комнатѣ, въ раздѣвальнѣ, готовится къ мытью третья партія. Такъ, полнымъ ходомъ, въ три смѣны и идетъ мытье. Повидимому, все хорошо, но... Это проклятое „но“. Будь это „но“ у кого другого, а не у германцевъ, можно было бы объяснить случайнымъ недосмотромъ, но у германцевъ, которые тщательно продумываютъ каждую мелочь, дѣло смахиваетъ на явный злой умыселъ. Распаренныхъ въ теплѣ вымытыхъ солдатъ выводятъ въ одѣвальню, а она холодная. Со сквозняками. И пока германцы разбираютъ принесенные изъ дезинфекціи мѣшки съ бѣльемъ, одеждою, обувью и вещами, проходитъ часъ, а то и полтора. Распаренные люди стоятъ голыми и жестоко простужаются... Бронхиты, плевриты, воспаленія легкихъ — постоянные спутники бань. Плѣнныхъ держать въ чистотѣ, эпидемiй среди нихъ нѣтъ, но по всѣмъ лагерямъ военноплѣнныхъ десятки тысячъ людей отчаянно кашляютъ. Постоянно болѣютъ простудами. Приносятъ обильныя жертвы чахоткѣ. Туберкулезъ—обильный поставщикъ гробовъ на германскія кладбища. При этомъ, пока туберкулезные больные еще въ началѣ болѣзни, германскія власти ихъ никоимъ образомъ не отпустятъ на родину, въ Россію. Тамъ могли бы захватить болѣзнь въ-время и вылѣчить больного. Во время войны онъ не го-

дился бы вновь въ строй, но у Россіи уцѣлѣлъ бы лишній человѣкъ. Очевидно, это не въ интересахъ Германіи, и германцы держатъ больныхъ плѣнныхъ такъ, чтобы они лучше попали на германское кладбище, нежели домой, въ Россію, въ родную больницу.

Та же исторія и съ бібліотеками, со школами грамоты, съ курсами для грамотныхъ уже. Бібліотеки обязательны при всѣхъ лагеряхъ русскихъ военноплѣнныхъ, но всѣ эти бібліотеки „страннаго“ однороднаго образца. Всѣ онѣ, прежде всего, набиты тѣмъ мусоромъ заграничнаго изданія, которымъ всегда былъ полонъ Берлинъ, выдавая бездарное маранье неизвѣстныхъ анонимовъ за революціонныя, якобы, изданія. Подобнымъ подборомъ книгъ германцы, конечно, отнюдь не думаютъ помочь выработкѣ свободомыслящихъ убѣжденій въ массѣ большинства нашихъ малограмотныхъ плѣнныхъ. Они рассчитываютъ только создать горючій матеріалъ для костра желанныхъ имъ внутреннихъ осложненій внутри Россіи и на послѣ войны. Положительныхъ идей для фундамента желательнаго гражданскаго воспитанія не дается никакихъ. Силятся лишь привить внутреннее взаимное озлобленіе, усиленно сѣютъ зерна острой внутренней вражды. На курсахъ для грамотныхъ дѣло обстоитъ еще откровеннѣе. Особо ведутся курсы для малороссовъ, особо—для латышей, особо—для уроженцевъ Кавказа, —отдѣльно для грузинъ, отдѣльно для армянъ,—особо — для мусульманъ, особо — для инородцевъ Сибири. Для каждой народности многоплеменной Россіи свои особые курсы. Со своею исторіею. Со своею литературою. Дразнятся большіе аппетиты cadaго маленькаго племени. Льстятъ самолюбію каждой народности. Малороссамъ силятся привить мазепинство, мысль объ Украинѣ, обособленной отъ остальной Россіи. Грузинъ манятъ мечтою о Великой Грузіи. Армянамъ сулятъ Великую Арменію. Бурятамъ и киргизамъ внушаютъ мысль объ ихъ правахъ на Сибирь. Мусульманамъ твердятъ, что Россія и Англія равно и Франція—заклятые враги мусульманъ, и что одинъ Вильгельмъ II—преданный и безкорыстный другъ султана, а за нимъ и всего мусульманства.

Снимковъ съ программъ подобныхъ курсовъ германцы не дѣлаютъ и отчетовъ не печатаютъ. Это все—тайная заблаговременная подготовка уже мирной войны „на послѣ“

внутри самой Россіи. Мы сейчасъ дряблыми руками съ грошовымъ кускомъ мыла пытаемся кое-какъ отмыться отъ заѣвшей насъ внутренней нѣмечины, а германцы уже и теперь готовятъ намъ новое нѣмецкое удушье, упорно строятъ провода для своихъ разѣдающихъ русскую жизнь дьявольскихъ щупальцевъ. Тѣло плѣнныхъ морятъ голодомъ, ухитряются валить здоровыхъ простудными болѣзнями, а духъ ихъ силится отравить, замутиль озлобленіемъ противъ единства и цѣлостности общей родины—многоплеменной Россіи.

Вотъ вамъ и кухни, и бани, и библиотеки, и курсы. Въ общемъ все какая-то одна кухня дьявола-отравителя. А это—еще лучшее въ германскихъ лагеряхъ военнопленныхъ: снимки, дѣйствительно, достойные показа. Выигрышные козыри германскаго обращенія съ плѣнными. Козыри, оказывается, густо крапленые. Что же кроется за показными фасадами, снимковъ съ чего германцы сами не дѣлаютъ, но снимки съ чего имѣются, сдѣланные тайно русскими плѣнными“.

Петроградскому обывателю пришлось видѣть роскошное германское изданіе фотографическихъ снимковъ того Эдемскаго рая, въ которомъ, по нѣмецкимъ фотографіямъ, содержатся наши военнопленные. Разумѣется, нѣмецкаго фотографированія той микроскопической пищи, которую получаютъ наши плѣнные, и вида этой пищи въ сборникѣ не имѣется. Нѣтъ также фотографій плѣнныхъ, которыхъ, послѣ бани, на сквознякѣ голыми держать отъ часу до полутора

Нѣтъ фотографій пытокъ.

Намъ кажется, что слѣдственная коммиссія сенатора Кривцова должна дать разслѣдованіе на это наглое издѣвательство германцевъ.

Недавно германскій канцлеръ произнесъ крайне лживую, хвастливую и дерзкую рѣчь, которую онъ состряпалъ при участіи кайзера для успокоенія Германіи и для того, чтобы предать забвенію уходъ Тирпица, а также и для того, чтобы показать всему міру, какъ еще могуча Германія, и этимъ поднять духъ германскаго народа и успокоить его.

Въ его рѣчи проходятъ красной нитью всѣ наглые основанія міровой политики Германіи. Онъ утверждаетъ, что

германская цивилизація не только лучше всякой другой, но и является такимъ благодѣяніемъ, которое нужно навязать силою оружія другимъ народамъ; что уже неоспоримо, что вооруженная Германія неодолима, что она должна обезоружить всякаго, кто можетъ ей угрожать, что законы и договоры должны подчиняться ея интересамъ, что миръ можно сохранить при соблюденіи ея условій, что она должна имѣть право veto на всѣ союзы и взаимныя обязательства ея сосѣдей, что всякій, кто какимъ бы то ни было путемъ будетъ возражать ей или будетъ стремиться сохранить свою независимость, вповенъ въ страшномъ нападеніи и даетъ тѣмъ самымъ Германіи право нападать на него ради самообороны.

Далѣе канцлеръ то требуетъ для Германіи, изголодавшейся и преслѣдуемой, права возвратить Европу къ мирному труду, то раскрываетъ широкіе замыслы нѣмцевъ по отношенію Бельгіи, Польши, Литвы и балтійскихъ провинцій.

Это онъ предлагаетъ въ угоду той партіи, которая настаиваетъ, чтобы нынѣшній военный фронтъ между Балтійскимъ моремъ и болотами Волыни сдѣлать постоянной границей. По адресу Россіи Бетманъ-Гольвегъ заявляетъ еще другую наглую угрозу:

„Нашъ долгъ заставить русское правительство дать удовлетвореніе нѣмцамъ германскаго и русскаго подданства за учиненныя надъ ними несправедливости, за ихъ ограбленіе и выселеніе; мы должны открыть нашимъ соотечественникамъ путь избавленія отъ русскаго рабства“.

Вотъ какою поддержку обѣщаетъ прибалтійцамъ и колонистамъ господинъ германскій канцлеръ. Какая наглость: Россія не разбита, чтобы предъявлять ей подобныя требованія. Не за горами уже пораженіе германцевъ. Господинъ кайзеръ и канцлеръ для публики произносятъ такія наглыя рѣчи, а за кулисами дѣлаютъ другое.

За кулисами, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, дѣло происходило такъ: за нѣсколько дней до своего выступленія канцлеръ предложилъ правительству одной изъ скандинавскихъ державъ взять на себя посредничество по веденію мирныхъ переговоровъ, при условіи сохраненія *status quo ante bellum*.

Эта лживая рѣчь является особенно характеристичной для руководителей Германіи, которые при посредствѣ обмана дурачили свой народъ.

Частицу правды о положеніи Германіи знаетъ бюджетная комиссія, и недаромъ Либкнехтъ, превосходно освѣдомленный о происходящемъ въ комисіи, кричалъ канцлеру:

— Вздоръ, самоослѣпленіе. Ваша рѣчь — новый обманъ.

Бетманнъ-Гольвегъ не рискнулъ вступить въ препирательства съ Либкнехтомъ, очевидно, опасаясь, что мужественный фанатикъ разоблачитъ нѣчто большее.

При такихъ условіяхъ рѣчь канцлера является смѣхотворнымъ блефомъ.

Съ половины подъ конецъ марта на всемъ западномъ фронтѣ военныя дѣйствія протекали слѣдующимъ образомъ.

Болѣе энергичныя боевыя дѣйствія происходили въ Якобштадтскомъ направленіи и къ югу отъ Двинска у оз. Нароча, Видзъ и Близниковъ, а также на Волинскомъ фронтѣ у Колокъ и Олыки.

На всѣхъ остальныхъ участкахъ западнаго фронта перестрѣлка, столкновенія развѣдочныхъ партій, минная война и налеты аэроплановъ.

Наступило половодье. Ледоходъ, болота оттаяли; дороги грязны и тяжелы для движенія.

На Кавказскомъ фронтѣ продолжается наступленіе, и отбиваются контръ-атаки на слѣдующихъ направленіяхъ: на Приморскомъ, на Верхнемъ Чорохѣ, на Байбуртскомъ, на Мушъ-Битлисскомъ, къ западу отъ Эрзерума и на Багдадскомъ.

4 апрѣля. Настоящія приготовленія къ Пасхѣ знаменуются сильнымъ спекулятивнымъ повышеніемъ цѣнъ на жизненныя припасы, совершенно несоотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ цѣнамъ на продукты. Говорятъ, что градоначальникъ объявилъ таксу на яйца и передъ Пасхой яйца не окажутся для продажи. Неужели нельзя обуздать этихъ грабителей?

Послѣ рѣчи Бетманнъ-Гольвега выступилъ одинъ депутатъ и вотъ какъ, по словамъ „Новаго Времени“, это было: въ концѣ засѣданія херсонскій депутатъ Люцъ выступилъ съ заявленіемъ отъ имени русскихъ нѣмцевъ по поводу требованія Бетманнъ-Гольвега объ удовлетвореніи

нѣмцевъ германскаго и русскаго подданства. Въ обрисовкѣ депутата Люца нѣмцы вышли весьма угнетенными, а русскіе неожиданно оказались въ роли угнетателей и гонителей. Такого открытія не дѣлалъ съ думской трибуны до сихъ поръ даже ни одинъ баронъ. Отвѣчая попутно на извѣстную рѣчь Милютина, Люць угрожалъ тѣмъ, что русскіе нѣмцы откажутся отъ обычнаго труда и пойдутъ „по бѣлу свѣту“. Кромѣ полиціи, вѣроятно, имъ никто препятствовать въ этомъ не будетъ.

Г. Крестовниковъ, извѣстный московскій приверженецъ торговли съ нѣмцами, произнесъ въ Государственномъ Совѣтѣ рѣчь о предстоящей мирной конференціи. Въ этой рѣчи онъ предлагаетъ нашимъ представителямъ отстаивать наши интересы не только отъ враговъ, но и отъ друзей. Рѣчь эта назидательная, и вполне ясно, куда ораторъ клонитъ свое вниманіе.

Наши противники и союзники явятся на конференцію вполне подготовленными, съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ сознаніемъ того, чего они хотятъ и чего они должны добиваться. Я боюсь, что мы не только не готовы къ этой конференціи, но и не готовимся къ ней достаточно интенсивно. Наши представители на конференціи должны быть вполне освѣдомлены въ экономическихъ вопросахъ и не только съ принципиальной стороны, но и во всѣхъ подробностяхъ, иначе мы, и будучи побѣдителями, окажемся въ плачевномъ состояніи. Наши представители на конференціи будутъ находиться въ совершенно особомъ положеніи, они будутъ представлять страну, составляющую громадный, едва-ли не самый большой въ мірѣ рынокъ для сбыта произведеній обрабатывающей промышленности. Россія представитъ на этой конференціи тотъ заманчивый кусокъ, къ которому несомнѣнно будутъ тянуться всѣ руки, и наши враги, и наши друзья несомнѣнно будутъ добиваться тѣхъ условій, которыя были бы имъ выгодны, и нашимъ представителямъ нужно быть весьма сильными для того, чтобы отстоять себя не только отъ враговъ, но и отъ друзей. Не для того мы проливали кровь, чтобы, избавившись войной отъ экономической зависимости Германіи, попасть въ такую же зависимость отъ какихъ-либо другихъ странъ. Германскій торговый договоръ представлялъ изъ себя зло, которое запрещало, такъ сказать, Россіи развивать свои производительныя силы, но вѣдь и договоры со всѣми другими странами шли тѣмъ же путемъ, они только подбирали

остатки того, что осталось отъ германскаго договора. Для примѣра укажу, что по договору съ Франціей мы лишены возможности развить свою автомобильную промышленность и вслѣдствіе этого въ теченіе войны должны были однихъ автомобилей заказать за границей на болѣе, чѣмъ на 250 милліоновъ рублей. Но, кромѣ того, внезапная война остановила всѣ международныя сношенія, масса товаровъ, шедшихъ въ Россію или изъ Россіи, не дошла по назначенію, застряла въ разныхъ портахъ. Остались нереализованными многочисленныя денежныя отношенія между нами и воюющими странами. Послѣ войны всѣ эти явленія потребуютъ ликвидаціи. Частныя лица могутъ понести большіе убытки. По моему мнѣнію, какой-то судъ долженъ будетъ разобратъ, кто несетъ убытки, и эти убытки вознаграждать. Я думаю, что для этого должна быть образована международная конференція, въ которой русское правительство приняло бы на себя защиту интересовъ русскихъ подданныхъ. Безъ того мы понесемъ такую контрибуцію, будучи побѣдителями, которой совершенно не ожидаемъ.

Всѣхъ плѣнныхъ наши враги разъединяютъ по національностямъ, ведутъ самую ужасную пропаганду по разнымъ національностямъ, стараясь ихъ пропитать ненавистью къ единству Россіи, дабы сдѣлать въ будущемъ изъ Россіи лоскутную монархію. Особенно энергично ведется пропаганда украинская и бѣлорусская въ южныхъ областяхъ Россіи. Тутъ основываются и газеты, и открываются масса школъ. Когда области эти отберутъ у нѣмцевъ обратно, то съ этими мѣрами придется очень и очень считаться.

Вчера въ одномъ изъ специальныхъ учрежденій, нѣкоторые уральскіе заводы демонстрировали отличное трансформаторское желѣзо, различные сорта мѣди, желѣзо и сталь для косъ, серповъ и ножей, была показана электро-сталь различныхъ составовъ. Это новое дѣло пойдетъ прекрасно и побѣдоносно, если не вмѣшаются русскіе нѣмцелюбы.

Когда приходилось нашимъ войскамъ дѣйствовать на маневрахъ въ прибалтійскомъ краѣ, то приходилось поражаться нахальству и полнѣйшей неприязни прибалтійцевъ

къ войскамъ. „Вечернее Время“¹⁾ приводитъ фактъ такого же отношенія къ войскамъ дѣйствующей арміи.

Быль здѣсь недавно одинъ офицеръ изъ арміи и разсказывалъ между прочимъ, какія приходится перевозить непріятности въ остзейскихъ горсдахъ при отводѣ имъ квартиръ. Случилось ему вмѣстѣ съ другими офицерами штаба дивизіи на нѣкоторое время остановиться въ Юрьевѣ. Квартиры имъ долженъ былъ отвести городъ. Отправляются они въ городскую управу, состоящую, какъ оказалось, сплошь изъ нѣмцевъ, едва говорившихъ по-русски. Направили ихъ къ одному изъ членовъ этой управы, герръ Андерсону, спеціально вѣдающему отводомъ квартиръ. Встрѣтилъ онъ офицеровъ сидя, не всталъ для привѣтствія, сѣсть ихъ не пригласилъ, а прямо съ мѣста продиктовалъ требуемое число адресовъ.

Нѣкоторые изъ офицеровъ заикнулись было объ отводѣ имъ квартиръ съ кухнями, но въ отвѣтъ получили категорическое:

— Съ кухнями нѣтъ и не будетъ.

Отправились офицеры смотрѣть отведенныя имъ помѣщенія—всѣ они оказались изъ рукъ вонъ плохи, гдѣ-то на задворкахъ, не въ домахъ, а въ службахъ, просто чуланы, приспособленные для отбытія квартирной повинности. А между тѣмъ отъ мѣстныхъ русскихъ чиновниковъ офицеры уже знали, что въ городѣ имѣется много совершенно приличныхъ комнатъ, приготовленныхъ подъ офицерскій постой. Поэтому они снова пошли въ управу и заявили герръ Андерсону, что они не находятъ возможнымъ жить въ тѣхъ чуланахъ, которые онъ имъ указалъ. На это послѣдовалъ категорическій отказъ.

Тогда офицеры начали сами промышлять для себя помѣщенія, и мой знакомый очень скоро нашелъ вполне приличную комнату въ домѣ Фолька. При этомъ какъ прислуга, такъ и одна изъ сосѣдокъ, русская, заявили ему, что эта комната приготовлена хозяйкою дома спеціально для офицеровъ.

Пошелъ мой знакомый въ третій разъ въ городскую управу, но герръ Андерсонъ и на этотъ разъ не подался.

— Господинъ адвокатъ Фолькъ недавно высланъ въ Иркутскъ, и я не имѣю отъ него письменнаго согласія на

¹⁾ „Веч. Вр.“ 1 апр.

принятіе къ себѣ офицера, а поэтому не могу отвести вамъ эту комнату.

Другой офицеръ изъ этой же группы узналъ стороною, что хорошая комната для офицера приготовлена у баронессы Кнорингъ. Отправляется онъ въ ея домъ. Встрѣчаетъ его очень привѣтливо, повидимому, мужъ хозяйки, проводить черезъ длинную анфиладу комнатъ, выводитъ на задворки и показываетъ конурку въ какомъ то-сараѣ, несомнѣнное помѣщеніе для какого-то подкучеренка.

Подобныя же издѣвательства потерпѣли и другіе искатели комнатъ. Окончилось же все это, однако, для нѣмцевъ совершенно не такъ, какъ они предполагали. Начальникъ дивизіи вступился за своихъ офицеровъ и произвелъ соотвѣтствующій нажимъ на отцовъ города. Тогда сразу нашлись комнаты и у господина адвоката Фолька, и у баронессы Кнорингъ, и у другихъ, имъ подобныхъ. Интересно, однако, знать, для какихъ же это офицеровъ были у нихъ приготовлены хорошія комнаты, которыя они такъ тщательно скрывали отъ русскихъ офицеровъ? Уже не для нѣмецкихъ ли?

2—4 апреля. Въ Государственномъ Совѣтѣ¹⁾ баронъ Шиллингъ между прочимъ сказалъ слѣдующее:

Давно уже я совѣтовалъ нашимъ сыновьямъ и братьямъ, находящимся въ рядахъ арміи, если имъ разрѣшается отпускъ, не прѣзжать на родину въ Прибалтійскій край. Русскому офицеру лучше не знать, какъ обходятся съ его родными, какова судьба близкихъ его. Я спрашиваю, что можемъ мы сказать тѣмъ изъ нашихъ сыновей, которымъ суждено вернуться къ намъ послѣ войны. Вникните, господа, хоть на одну минуту въ наше положеніе и скажите мнѣ: неужели вы находите правильнымъ, чтобы мы были вынуждены сказать имъ: „Въ то время, когда вы сражались, въ это время правительство допустило, чтобы васъ и вашихъ близкихъ лишили чести довѣрія и правъ русскихъ подданныхъ, оставляя за вами одно только право умереть за Россію, и только тѣхъ изъ вашихъ товарищей признають полноправными сынами Россіи, которые изувѣченные лежатъ тамъ, въ окопахъ, положившіе жизнь за Царя“.

Эти прекрасныя, патріотическія слова имѣли бы глубокой смыслъ и преисполнили бы населеніе Россіи полнымъ довѣріемъ къ г. прибалтійцамъ, если бы они имѣли право

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 апр.

сказать со всѣхъ трибунъ, что нѣкоторые изъ ихъ сыновей, братьевъ и племянниковъ не сражаются въ рядахъ германской арміи, не заслуживаютъ тамъ желѣзныхъ крестовъ, не получаютъ тамъ раненій отъ русскихъ пуль и снарядовъ и не кладутъ свою жизнь за германскаго императора.

Г. Маура въ „Вечернемъ Времени“¹⁾ сообщаетъ:

Въ гамбургскомъ „Börsen-Courrier“ и въ „Rheinische-Westfälische Zeitung“ помѣщены совершенно однородныя статьи. Обѣ говорятъ о необходимости пріобрѣсти для нуждъ внутренняго рынка необходимое количество льна. Газеты сознаются, что запасы хлопка, доставляемаго изъ Египта и Индіи, исчерпаны и потребность въ волокнѣ необходимо пополнить льномъ. Англія не дастъ волокна, но изъ сосѣдней Россіи возможно добыть ленъ.

Россія вывозитъ почти 17 мил. пудовъ льна, въ томъ числѣ въ Германію и Австрію—около 8 мил. пудовъ. Германцы учредили особый синдикатъ въ Швеціи, дѣйствующій, конечно, подъ шведскимъ флагомъ, но получившій изъ Германіи порученіе скупать ленъ для вывоза оффициально въ Швецію. Цѣлый рядъ германскихъ агентовъ ждетъ результата начатыхъ уже синдикатомъ съ нашими льноводами переговоровъ, и, по мѣрѣ того, какъ въ Швецію будутъ приходить вагоны съ русскимъ льномъ, они будутъ немедленно отправляться въ Германію. По крайней мѣрѣ 100 вагоновъ льна уже готовы къ отправкѣ. Называютъ имена и сроки сдѣлокъ.

Передаютъ, что германцами убито 30.000 дѣтей.

Германцы организовали возстаніе въ Дублинѣ. Толпа вооруженныхъ людей заняла одинъ изъ городскихъ парковъ и силою завладѣла почтовымъ отдѣленіемъ; были перерѣзаны телефонныя и телеграфныя провода и занято нѣсколько прилегающихъ къ набережной домовъ. Конечно, англичане вскорѣ прикончатъ эту тевтонскую авантюру.

5—8 апрѣля. Въ 1915 году оштрафовано въ Петроградѣ 54.467 торговцевъ, взыскано съ нихъ штрафу 2.770.626 руб.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 2 апр.

лей. Посажено подъ арестъ 7.127 человекъ. Лучше было бы, если бы сажали подъ арестъ безъ штрафа.

Письма изъ арміи отличаются удивительно бодрымъ настроеніемъ; всѣмъ довольны, отлично кормятъ, тепло и хорошо одѣты.

Въ Петроградѣ появилась нѣмецелюбивая газета „День“, которая изъ всѣхъ силъ отстаиваетъ нѣмецкое засилье.

Яичные торговцы держатъ неразгруженными на товарныхъ станціяхъ значительные запасы яицъ.

Сенатору Кузьмину поручено производить предварительное слѣдствіе по обвиненіямъ на бывшаго военнаго министра, отставнаго генерала-отъ-кавалеріи Сухомлинова.

Особенно интересна корреспонденція ¹⁾ Ратманова объ оригинальномъ побѣгѣ изъ плѣна русскаго офицера:

Съ особымъ интересомъ слушается рассказъ о бѣгствѣ изъ австрійскаго плѣна корнета Алдатова, находящагося сейчасъ на излѣченіи въ одномъ изъ мѣстныхъ военныхъ лазаретовъ. Надо удивляться той исключительной настойчивости, которая была проявлена имъ при осуществленіи столь сложнаго и рискованнаго плана бѣгства.

— Тяжело въ плѣну!—началь свой рассказъ офицеръ.— И не даромъ многіе изъ плѣнныхъ только и мечтаютъ о побѣгѣ.

Къ мысли о побѣгѣ пришелъ и я, когда лежалъ въ вѣнскомъ госпиталѣ. Но осуществить тогда эту мысль я еще не могъ; слишкомъ ужъ строгъ былъ за мной надзоръ, да и незалѣченная рана на груди давала сильно себя чувствовать.

Съ трудомъ добылъ карту и сталъ намѣчать пути бѣгства. Сначала хотѣлъ бѣжать въ Италію, потомъ въ Румынію. Долго работалъ надъ составленіемъ плана, изучалъ все,

¹⁾ „Нов. Вр.“ 7 апрѣля с. г.

волновался. Какъ вдругъ слѣдующій фактъ меня неожиданно натолкнулъ на счастливую мысль.

Какъ разъ въ то время Турція объявила намъ войну.

Имѣя внѣшность восточнаго типа, я, какъ уроженецъ Кавказа, хорошо къ тому же говорю по-татарски и турецки и знаю всѣ обычаи мусульманъ. И вотъ, рѣшивъ предложить свои услуги турецкому правительству, я выдалъ себя за мусульманина и заявилъ о желаніи принять участіе въ священной войнѣ.

— Вѣдь если меня отправятъ въ турецкую армію,—разсуждалъ я,—то не иначе, какъ черезъ Румынію, такъ какъ другого пути не было: у Дарданеллъ—англичане и французы, черезъ Сербію—тоже нельзя; ну а изъ Румыніи уже не трудно будетъ бѣжать въ Россію.

Скрывая отъ всѣхъ свой планъ, подалъ въ Австрійскій Красный Крестъ соотвѣтствующее заявленіе, добавивъ къ своей фамиліи „Алибековъ“, для большаго сходства съ магометанскою.

Началось мучительное ожиданіе отвѣта. Отвѣта не было. А черезъ мѣсяць я былъ отправленъ отсюда въ лагерь военноплѣнныхъ, въ Зоннтагбергъ.

Огромный замокъ, расположенный въ живописной мѣстности, служилъ убѣжищемъ для заточенныхъ узниковъ. Познакомился съ новыми товарищами по несчастью. Всѣхъ видимо угнетала эта убогая жизнь плѣнника, и многіе мечтали о побѣгѣ. О своемъ планѣ бѣгства я и здѣсь также умолчалъ, вполне сознавая, что одно неосторожное слово могло бы сразу все разстроить.

Однако время шло, а результата нѣтъ.

— Ужъ не оставили ли мою просьбу безъ послѣдствій?.. Надо какъ-нибудь напомнить о себѣ...

Въ то время комендантомъ нашего лагеря былъ австрійскій майоръ. Обращеніе его съ нами было довольно таки вѣжливое. Выбравъ однажды удобный моментъ, я посвятилъ коменданта въ свои тайны. Онъ выслушалъ меня внимательно и тотчасъ же послалъ въ Красный Крестъ письмо. Съ этихъ поръ его отношенія ко мнѣ измѣнились замѣтно къ лучшему.

Началась новая, казалось бы, вполне сносная для меня жизнь. Но это только казалось, въ дѣйствительности же я ни минуты не имѣлъ покоя. Зная, что за мной слѣдятъ, я постоянно былъ на чеку. А это не такъ-то легко. Вѣдь

съ одной стороны я не могъ портить добрыхъ отношеній съ товарищами, съ другой же—малѣйшее проявленіе интимности и дружбы съ ними могло бросить тѣнь подозрѣнія и испортить мнѣ все дѣло.

И вотъ, гдѣ бы я ни былъ, сидѣлъ ли съ товарищами въ ресторанѣ замка за обѣдомъ или гулялъ вокругъ костела—обычное мѣсто нашей прогулки—я всегда старался быть задумчивымъ и держался въ сторонѣ. Этимъ я какъ бы хотѣлъ показать наблюдающимъ австрійскимъ лейтенантамъ, что теперь уже я ихъ союзникъ.

Наконецъ насталъ счастливый день. Къ намъ въ Зоннтагбергъ пріѣхалъ генералъ изъ австрійскаго военнаго министерства. Этотъ его пріѣздъ, какъ потомъ оказалось, былъ въ связи съ поданнымъ мною заявленіемъ.

Всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ онъ вызывалъ къ себѣ по очереди и спрашивалъ, какъ и при какихъ именно обстоятельствахъ каждый попалъ въ плѣнъ.

Дошла и до меня очередь.

— Вотъ онъ, лейтенантъ Алибековъ! — почтительно заявилъ генералу комендантъ и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

Въ комнатѣ, кромѣ меня и генерала, никого больше не было...

Я чувствовалъ, какъ сердце забило тревогу, какъ росло волненіе.

— Выдержу ли это первое испытаніе? Не выдамъ ли чѣмъ-нибудь себя?..

Генералъ внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и затѣмъ обратился на чисто русскомъ языкѣ:

— Правда ли, что вы желаете поступить на службу въ турецкую армію?..

— Такъ точно!—отвѣтилъ я, самъ въ душѣ удивляясь спокойному и увѣренному тону своего голоса.

Далѣе шли разспросы, откуда я родомъ, кто были мои родители и пр. Потомъ генералъ всталъ, привѣтливо улыбнулся и, пожавъ на прощанье руку, добавилъ:

— На дняхъ комендантъ получитъ увѣдомленіе изъ военнаго министерства, и вы отправитесь тогда въ Вѣну для представленія турецкому посланнику...

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого меня потребовалъ комендантъ.

— Получено приказаніе васъ отправить въ Вѣну. Во вторникъ вы должны будете выѣхать...

Затѣмъ началось совмѣстное съ нимъ обсужденіе моего отъѣзда, которое надо было чѣмъ-либо обосновать, чтобы отвлечь возможное подозрѣніе русскихъ офицеровъ.

— Когда будете на прогулкѣ,—совѣтовалъ комендантъ,— вы зайдите въ костелъ и тамъ спрячьтесь, какъ бы съ цѣлью побѣга. Часовые найдутъ васъ, послѣ чего вы будете отправлены на городскую гауптвахту въ Вѣну.

— Нѣтъ!—возразилъ я.—Отъ этой комедіи я отказываюсь. Ужъ пусть лучше меня, яко бы, отправятъ за „тихое“ поведеніе въ другой, лучшей по условіямъ жизни лагерь около Вѣны.

Комендантъ согласился. О предстоявшемъ перемѣщеніи я рассказалъ всѣмъ товарищамъ, чему никто собственно не удивился, такъ какъ случаи подобныхъ перемѣщеній бывали нерѣдко.

Насталъ день отъѣзда. Въ 6 час. утра меня разбудилъ капралъ. Быстрѣ вскочилъ, смотрю въ окно: снѣгъ крупными хлопьями падаетъ на землю. Спустился въ ресторанъ. Комендантъ уже тамъ, меня поджидаетъ. Наскоро выпили кофе, встали, а въ это время неожиданно подходитъ ко мнѣ дочь хозяйки ресторана, Рези, и подаетъ большую коробку конфектъ, съ трогательной надписью: „Von Herzen Liebe!“... Рези была ко мнѣ равнодушна и провожая плакала.

Еще всѣ спали, когда я съ комендантомъ отъѣзжалъ на вокзалъ. 4 часа, проведенные въ вагонѣ, пролетѣли какъ-то незамѣтно. Я смотрѣлъ разсѣянно въ окно, весь охваченный своими переживаніями. Предстоящая встрѣча съ турецкимъ посланникомъ меня порядочно-таки волновала.

Пріѣхали въ Вѣну. Съ вокзала тотчасъ же направились къ посланнику. Казалось, никого я по пути не видѣлъ, не слышалъ ни шума трамваевъ, ни гудковъ автомобилей. Тогда я былъ во власти особыхъ думъ, только онѣ мною владѣли. Вѣдь отъ этого визита зависѣлъ весь дальнѣйшій успѣхъ плана.

Съ сильно бьющимся сердцемъ я перешагнулъ черезъ порогъ роскошнаго кабинета. Здѣсь былъ секретарь и другіе

члены турецкой миссии. Тотчасъ же вошелъ и самъ посланникъ. Худенькій, небольшого роста, съ типичнымъ лицомъ турка, онъ былъ одѣтъ въ темный штатскій костюмъ съ красной феской на головѣ.

— Салама-лейкумъ!—промолвилъ я, отвѣсивъ поклонъ.

-- Ой, Алекумъ-исаламъ!—отвѣтилъ посланникъ, одобрительно взглянувъ на меня.

Сѣли. Начались разспросы, все время по-турецки. Мнѣ вскорѣ же удалось овладѣть ихъ вниманіемъ, и я началъ передавать о себѣ все, что заранѣе было мною выдуманно.

— Я осетинъ изъ Моздока. Родителей въ живыхъ нѣтъ, изъ родственниковъ же у меня остался лишь дядя, закончившій образованіе въ Константинополѣ въ медресѣ (высшее учебное заведеніе). Самъ я учился въ русскомъ реальномъ училищѣ, гдѣ преподаваніе арабскаго языка и моленіе преслѣдовалось правительствомъ. И немудрено поэтому, что главныя основы магометанскаго богослуженія во мнѣ заглохли и я теперь не знаю Корана...

Послѣднее умышленно было мною добавлено изъ боязни услышать вопросъ посланника изъ Корана.

— Тѣмъ не менѣе,—продолжалъ я,—въ душѣ я все же ревностный магометанинъ. И такихъ магометанъ, не умѣющихъ дѣлать намазъ (моленіе), на Кавказѣ много.

— Да, да!—воскликнулъ посланникъ.—Вы правы. Русскіе издавна насъ не любятъ. Они гяуры!..

Съ дѣланно грустнымъ видомъ я вслушивался затѣмъ въ дальнѣйшую рѣчь посланника, горячо трактовавшаго о крайне печальномъ положеніи мусульманъ на Кавказѣ.

— Ничего, не горюйте!—закончилъ онъ.—Теперь скоро будете вы нашимъ офицеромъ. Я напишу о васъ въ Стамбуль военному министру, и, по полученіи отвѣта, вы поѣдете туда.

Затѣмъ онъ обратился къ сидѣвшему рядомъ со мной коменданту.

— Лейтенантъ Али-бей пусть погоститъ у васъ до тѣхъ поръ, пока я не получу указанія изъ Стамбула...

— Хорошо, хорошо!—отвѣтилъ майоръ и привѣтливо улыбнулся. Улыбнулись и всѣ остальные, а я скромно сидѣлъ, едва сдерживая вдругъ нахлынувшую радость....

Вскорѣ вошли лакеи и подали кофѣ. Затѣмъ посланникъ пригласилъ насъ къ обѣду. Мы вошли въ огромный свѣтлый залъ съ позолоченными лѣпными украшеніями, съ большими портретами султана, выдающихся турецкихъ

дѣятелей и прежнихъ вѣнскихъ посланниковъ. Посреди стоялъ великолѣпно сервированный столъ. Сюда же вошли два маленькихъ турченка. Это дѣти посланника. Познакомились.

— Вотъ этотъ дядя скоро поѣдетъ на войну бить гяуровъ! — шутливо сказалъ дѣтямъ посланникъ, указывая на меня.

Обѣдъ былъ вкусный. Было очень оживленно.

— Алла, Алла, бисмиллахи Рохмаврахимъ! ¹⁾ — воскликнулъ посланникъ, высоко поднявъ бокаль, послѣ чего вскорѣ всѣ встали изъ-за стола и, поблагодаривъ гостепріимнаго хозяина, попрощались.

Поданный автомобиль быстро доставилъ меня и коменданта въ австрійское военное министерство. Тамъ мы были недолго и тотчасъ же поѣхали въ сопровожденіи штабнаго лейтенанта въ одну изъ первоклассныхъ гостиницъ въ самомъ центрѣ Вѣны, недалеко отъ Ринкштрассе. Въ гостиницѣ мнѣ отвели роскошную комнату, а въ денщики назначили австрійскаго солдата.

Съ этого времени я предоставленъ былъ самому себѣ, и для меня началась сказочная, въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ, жизнь.

Здѣсь часто меня посѣщали австрійскіе офицеры. Чувствуя во мнѣ добраго товарища, какимъ я умѣло прикидывался, они всячески старались познакомиться возможно ближе.

Я самъ порою не вѣрилъ тому, какъ удачно я могъ вести эту тонкую игру лжи и обмана, какъ легко мнѣ удавалось разгонять набѣгающія иногда тѣни подозрѣній... И чѣмъ тѣснѣе становилась дружба съ этими офицерами, тѣмъ свободнѣе и легче мнѣ было справляться со своей ролью.

Какъ-то, помню, пріѣхалъ ко мнѣ комендантъ и вручилъ пакетъ отъ военнаго министерства съ 600 кронами, — это на мелкіе расходы. На экипировку же были особо отпущены деньги.

¹⁾ Да, Боже, да, Боже — во имя Создателя вселенной.

Форма русскаго офицера меня страшно смущала: слишкомъ неудобно было выходить на улицу, особенно днемъ. И вотъ вмѣстѣ съ комендантомъ я поѣхалъ въ универсальный магазинъ, гдѣ и купилъ себѣ лучшій штатскій костюмъ, нѣсколько паръ ботинокъ и другія вещи, до серебряной палочки включительно.

На другой день я уже былъ вѣнскимъ франтомъ, одѣтымъ по послѣдней модѣ. Ко мнѣ пріѣхали на автомобилѣ знакомые австрійскіе лейтенанты, гусары фонъ-Р. и фонъ-Ф. со своими симпатіями, и мы отправились кутить. Послѣ этого часто мы бывали другъ у друга, посѣщали вмѣстѣ театры, кинематографы и рестораны.

Однажды эти новые друзья пригласили меня къ себѣ на семейный балъ. Среди приглашенныхъ было много офицеровъ и дамъ. Много танцовали, играли въ летучую почту, фанты и пр. Наконецъ сѣли ужинать. Смѣхъ, разговоры, звонъ бокаловъ, все слилось въ какой-то своеобразный шумъ. Царило полное оживленіе. Въ это самое время вошелъ денщикъ и передалъ лейтенанту фонъ-Р. газету.

— Господа! вдругъ громко воскликнулъ лейтенантъ.— Ужасные слухи оправдались!.. Перемышль палъ!..

Наступила мертвая тишина. У всѣхъ, даже у дамъ, лица сдѣлались серьезными, когда читалось это первое официальное сообщеніе австрійскаго генеральнаго штаба.

Настроеніе пало. Вечеръ былъ окончательно отравленъ печальнымъ сообщеніемъ, и гости вскорѣ же начали разѣзжаться.

На слѣдующій день я нарочно вышелъ на улицу, желая понаблюдать, какъ отразится на всѣхъ вѣсть о паденіи крѣпости. Правда, слухи объ этомъ уже ходили по городу и ранѣе, но все же многіе сомнѣвались и не вѣрили, тѣмъ болѣе, что до самаго послѣдняго момента генеральный штабъ старался всячески поддержать въ народѣ вѣру въ силу Перемышля, въ то время, какъ въ дѣйствительности въ этой крѣпости уже давно царилъ голодъ, эпидеміи и полное разложеніе военной дисциплины.

Почти всюду тогда на улицахъ Вѣны собирались толпы народа, раздавались отдѣльные голоса возмущенія, росло негодованіе на правительство, ведущее страну къ вѣрной гибели. Батальоны пѣхоты, подъ командой офицеровъ, шли

понурия голову, безъ музыки и пѣсенъ. Шли лѣнливо, какъ будто отпала охота къ занятіямъ.

И долго еще потомъ наблюдалось впечатлѣніе общей растерянности, угнетеннаго настроенія и полного упадка.

Однако этой шумной и безпечной для меня жизни вскорѣ наступилъ конецъ. Меня вызвали къ турецкому посланнику.

— О, Алибековъ!—сказалъ восторженно посланникъ— вы приняты въ нашу армію!.. Въ Стамбулѣ всѣ въ восторгѣ отъ такого небывалаго перехода офицера русской службы...

И въ доказательство искренняго расположенія онъ тутъ же вручилъ мнѣ союзнической серебряный знакъ и, подаривъ феску, лично надѣлъ ее мнѣ на голову.

Наканунѣ моего отъѣзда въ Стамбулѣ у посланника былъ устроенъ прощальный балъ, гдѣ и познакомился я съ турецкимъ капитаномъ генеральнаго штаба, назначеннымъ сопровождать меня въ Турцію. Веселились до 5 час. утра, а въ 10 час. утра уже были всѣ на вокзалѣ. Провожать меня пріѣхали нѣсколько знакомыхъ австрійскихъ офицеровъ и дамъ. Они просили не забывать о нихъ, писать имъ съ пути и по пріѣздѣ въ Стамбулѣ.

Ровно въ 11 час. утра поѣздъ тронулся. Я долго еще смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ навсегда уже скрылись изъ виду знакомыя лица. Передъ глазами поползли рѣденькіе лѣса, поля и отдѣльныя селенія...

Черезъ 6 час. мы приближались къ Будапешту. Подъѣзжая къ станціи, я замѣтилъ на перонѣ отдѣльную группу людей,—кто въ котелкахъ, кто въ фескахъ.

Это, какъ оказалось, была будапештская турецкая миссія съ посланникомъ во главѣ. Они пріѣхали встрѣтить меня, какъ почетнаго гостя, получивъ предварительную телеграмму отъ вѣнскаго посланника. Сопровождавшій меня капитанъ познакомилъ со всѣми, послѣ чего посланникъ пригласилъ насъ къ себѣ ужинать.

Не устраивала меня эта новая встрѣча. Все казалось, что и здѣсь еще продолжаютъ меня испытывать и провѣрять.

— Какой же вы тогда магометанинъ, разъ намазъ

дѣлать забыли!.. — шутливо бросилъ посланникъ въ разговоръ за ужиномъ... Всѣ засмѣялись...

И на сей разъ испытаніе блестяще было выдержано.

Въ Будапештѣ я пробылъ 3 дня и притомъ почти исключительно въ обществѣ турокъ. Съ ними посѣщаль театры, кинематографы, тонко ведя все время свою игру.

На четвертый день былъ назначенъ нашъ отъѣздъ. На вокзалѣ мнѣ неожиданно привелось встрѣтиться съ фонъ-дерь-Гольцъ-пашой. Онъ направлялся въ Константинополь со своимъ адъютантомъ, турецкимъ офицеромъ, и оберстомъ, германскимъ штабъ-офицеромъ. Меня представили, сообщивъ подробно о моемъ намѣреніи участвовать въ священной войнѣ.

— Это хорошо,—сказалъ онъ.—Нужно бы всѣмъ чинамъ русской службы магометанскаго вѣроисповѣданія перейти на сторону турокъ...

Къ поѣзду былъ прицѣпленъ императорскій-султанскій вагонъ, въ которомъ и помѣстился фонъ-дерь-Гольцъ-паша со своими спутниками.

Черезъ нѣсколько времени, въ пути, я былъ удостоенъ милостиваго вниманія фонъ-дерь-Гольцъ-паши, который пригласилъ меня въ свое купе побесѣдовать. Разговоръ нашъ носилъ совершенно частный характеръ.

Отвѣчая на его вопросы, я рассказалъ, гдѣ получилъ общее и военное образованіе. Затѣмъ, желая польстить его самолюбію, умышленно добавилъ, будто бы юнкера Виленскаго военнаго училища, которое окончилъ и я, очень интересовались его личностью, изучая его талантливую книгу „Нѣмецкій солдатъ въ бою“.

— Пріятно слышать,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Теперь мы часто будемъ съ вами встрѣчаться...

Затѣмъ пригласилъ меня къ обѣду въ вагонъ-ресторанъ, и здѣсь надолго еще затянулась наша бесѣда.

Наконецъ поѣздъ сталъ приближаться къ Румыніи—къ странѣ моихъ мечтаній, гдѣ должно было свершиться великое въ моей жизни.

Къ моему счастью нашъ путь проходилъ черезъ Букарестъ.

— Вѣдь тамъ нашъ посланникъ!—радовался я.—Это обстоятельство можетъ въ значительной степени облегчить осуществленіе моего побѣга въ Россію.

Мозгъ усиленно работалъ, изобрѣтая всевозможные способы обмана бдительности моихъ спутниковъ и особенно турецкаго капитана. За время пути мнѣ все же удалось приучить ихъ къ временному моему отсутствію изъ вагона, для чего я часто уходилъ одинъ то на площадку, то въ сосѣдній вагонъ, или въ вагонъ-ресторанъ, стараясь всегда самъ каждый разъ возвращаться въ свое купе, не ожидая ихъ вызова. На остановкахъ нарочно гулялъ по платформѣ до самаго послѣдняго момента, послѣ чего на ходу вскакивалъ въ ближайшій вагонъ и затѣмъ, не спѣша, приходилъ уже въ свой. Такимъ образомъ мое временное отсутствіе послѣ отхода поѣзда уже не должно было вызывать никакихъ подозрѣній.

Стало большихъ усилій, чтобы скрыть нараставшее волненіе при нашемъ приближеніи къ Букаресту. Вотъ, наконецъ, и вокзалъ, такъ памятный теперь для меня. На платформѣ большое оживленіе,—масса публики. Мои спутники подошли къ окну и беззаботно стали разсматривать снующую взадъ и впередъ толпу.

Я воспользовался этимъ моментомъ и, захвативъ маленькій чемоданъ, незамѣтно вышелъ на площадку вагона.

Сердце било тревогу. Это былъ рѣшительный и послѣдній моментъ...

И вотъ, какъ только тронулся поѣздъ, я быстро перешелъ въ противоположный движенію конецъ черезъ нѣсколько вагоновъ и, соскочивъ на тихомъ еще ходу, слился съ толпой, хлынувшей къ выходу...

Сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ русскому посланнику. Здѣсь ко мнѣ отнеслись сперва съ нѣкоторымъ недоверіемъ, тѣмъ болѣе, что въ удостовѣреніи личности, кромѣ турецкаго паспорта, гдѣ я значился подъ фамиліей Али-Бей, у меня ничего больше на рукахъ не имѣлось. Однако, рассказанная мною исторія побѣга заставила измѣнить обо мнѣ мнѣніе, послѣ чего и было мнѣ выдано надлежащее проходное свидѣтельство.

Не могу передать словами охватившаго меня радостнаго чувства, когда попалъ въ поѣздъ, отправляющійся въ Россію! До этого момента я все же тревожился еще за свою участь, видя буквально въ каждомъ человѣкѣ шпіона. Теперь же сразу отпала волна крови отъ сердца. Мысль о страхѣ

стала почему-то смѣшной, ее смѣнила дѣтская безудержная радость.

— Но что только было, когда я снова попалъ въ родной полкъ! Эту восторженную и теплую встрѣчу боевыхъ товарищей я до конца дней не забуду.

Г. Петровъ въ „Русскомъ Словѣ“ ¹⁾ утверждаетъ: до несомнѣнной и мельчайшей точности отмѣчаю, что за время войны германцы похоронили у себя внутри страны равнымъ счетомъ четвертую часть нашихъ плѣнныхъ тамъ. Другими словами, германскій плѣнъ отправляетъ на кладбище каждаго четвертаго несчастнаго, попавшаго туда.

Объявлена такса на яйца передъ Пасхой. Лишь только таксу объявили, какъ торговцы убрали всѣ яйца. Петроградскому обывателю пришлось купить нѣсколько яицъ и совершенно случайно ему прислали нѣсколько десятковъ яицъ. Если бы не было этой присылки, то пришлось бы сидѣть безъ краснаго яичка на Свѣтлый День.

Въ большихъ магазинахъ на Невскомъ за поросенка просятъ отъ 20—25 рублей, и яблоки отъ 8—20 рублей за штуку.

Вотъ каковы благочестивые, россійскіе торговцы.

• 9 апрѣля. Высадка русскихъ войскъ въ Марсели произвела большое впечатлѣніе на общественное мнѣніе всей Европы. Нейтральная печать сообщаетъ, что во Францію посланы отборные полки, составленные изъ закаленныхъ въ бояхъ офицеровъ и солдатъ.

Г. Арс. Вознесенскій въ „Новомъ Времени“ ²⁾ сообщаетъ по поводу рѣчи барона Шиллинга въ Государственномъ Совѣтѣ о родѣ бароновъ Шиллинговъ.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 8 апрѣля с. г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 9 апрѣля

I.

Рѣчь барона Шиллинга въ Государственномъ Совѣтѣ обратила заслуженное вниманіе. Шутка ли, въ теченіе болѣе часа, съ совершенно несвойственнымъ тяжелой германской крови энтузіазмомъ говорить о своемъ русскомъ патриотизмѣ, клясться въ лояльности Государю, кивать на „суворинскую“ печать и перечислять всѣхъ своихъ хотя бы и отдаленныхъ родственниковъ, которые такъ или иначе сражаются противъ Германіи!

Но баронъ не закончилъ списка своей именитой и знатной родни. Онъ позабылъ о тѣхъ, гораздо болѣе многочисленныхъ Шиллингахъ, которые дерутся противъ Россіи въ рядахъ нашихъ враговъ, пруссаковъ. И вотъ о нихъ мнѣ случайно напомнилъ все тотъ же „Готскій Альманахъ“.

II.

Въ небольшомъ томикѣ альманаха столбового германскаго дворянства подъ заглавіемъ „Готская карманная книжка баронскихъ родовъ“, изд. 1916 г. (Gothaisches Genealogisches Taschenbuch der Freiherrlichen Häuser“) на стр. 727 и послѣдующихъ читаемъ:

Бароны Шиллинги.

- 1) Баронъ (Freiherr) Эрнестъ - Вильгельмъ - Августъ - Францъ-Викторъ—прусскій поручикъ въ отставкѣ.
- 2) Баронъ Вильгельмъ-Августъ-Александръ—капитанъ, ротный командиръ въ 1-мъ прусскомъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку.
- 3) Баронъ Людвигъ - Карль — прусскій поручикъ въ отставкѣ.
- 4) Баронъ Фридрихъ—прусскій майоръ, командиръ эскадрона въ 7-мъ гусарскомъ прусскомъ полку.
- 5) Баронъ Леопольдъ-Адольфъ—короля вюртембергскаго полка ротмистръ въ отставкѣ.
- 6) Баронъ Евгеній—прусскій майоръ л.-гв. гусарскаго полка въ Потсдамѣ.
- 7) Баронъ Александръ-Августъ—прусскій ротмистръ, эскадронный командиръ 7-го гусарскаго полка.

8) Баронъ Феодоръ-Фердинандъ-Эдуардъ-Викторъ—короля баварскаго полка, капитанъ въ отставкѣ.

9) Баронъ Вальтеръ—старшій поручикъ (оберъ-лейтенантъ) и адъютантъ 1-го полевого артиллерійскаго прусскаго полка.

10) Баронъ Германъ—прусскій капитанъ въ отставкѣ.

11) Баронъ Губертъ—прусскій майоръ въ отставкѣ.

12) Баронъ Вильгельмъ—прусскій оберъ-лейтенантъ въ отставкѣ.

У б и т ы:

13) Баронъ Карлъ Шиллингъ, майоръ, батальонный командиръ прусскаго 118 пѣхотнаго полка—† 2 ноября 1914 г.

14) Баронъ Рудольфъ Шиллингъ—прусскій оберъ-лейтенантъ лейбъ-гренадерскаго полка № 109—† 20 августа 1914 года.

15) Баронъ Германъ Шиллингъ—прусскій поручикъ лейбъ-гренадерскаго полка № 109—† 11 мая 1915 года.

Съ 1-го по 10-е апрѣля боевыя дѣйствія протекали такимъ образомъ: на западномъ фронтѣ—продолжались столкновенія развѣдывательныхъ партій, ружейная и артиллерійская перестрѣлка, полеты аэроплановъ и минная борьба. Нѣкоторыя особенности на участкахъ этого фронта происходили у предмостнаго укрѣпленія Икскюля на Рижскомъ фронтѣ. Вотъ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ нѣмцы тщетно долбятъ это вынесенное на лѣвый берегъ укрѣпленіе своей тяжелой артиллеріей и производятъ неизмѣнно неудачныя атаки.

Къ югу отъ Двинскаго фронта у д.д. Свиндянь и Сморгони атаки нѣмцевъ были отбиты, а въ районѣ Горбуновки мы захватили 4 ряда проволочныхъ загражденій.

На Волынскомъ фронтѣ происходили бои у Олыка, а на Галиційскомъ у дер. Попова Гора наступленіе сопровождалось перемѣннымъ успѣхомъ.

На Кавказскомъ фронтѣ. Генералъ Юденичъ и его кавказскіе орлы вершатъ чудеса храбрости и искусства. У Битлиса разбита нами вновь прибывшая дивизія. У Ашкомы, къ западу отъ Эрзерума, мы овладѣли укрѣпленной позиціей, которую обороняли прибывшія съ Галипольскаго полуострова турецкія войска; мы овладѣли сильно укрѣпленной позиціей на лѣвомъ берегу Кара-Дере, при энергичномъ

содѣйствіи полевой артиллеріи и черноморскаго флота. Наконецъ войсками генерала Ляхова взяты Трапезонтъ.

Относительно позорнаго потопленія госпитальнаго судна „Португалія“ турецкое правительство привело мальчишескія и не менѣе позорныя оправданія, которыя мы здѣсь приводимъ съ разъясненіемъ нашего морскаго генеральнаго штаба.

Турецкое правительство нашло наконецъ возможнымъ отозваться по поводу потопленія госпитальнаго судна „Португалія“, приведя въ своемъ сообщеніи нижеслѣдующія указанія: 1) Судно было замѣчено подводной лодкою еще ночью, когда оно шло къ берегу, неся топовый огонь. 2) Съ разсвѣтомъ было установлено, что русское судно имѣло на буксирѣ нѣсколько шлюпокъ, наполненныхъ солдатами. 3) Командиръ подводной лодки передъ взрывомъ убѣдился, что имѣетъ передъ собою выкрашенный въ сѣрый цвѣтъ съ красной полосой военный транспортъ, занятый выгрузкою боевыхъ припасовъ. 4) на суднѣ не имѣлось никакихъ опознательныхъ знаковъ „Краснаго Креста“. 5) Атакуя „Португалію“, лодкѣ удалось попасть въ нее второй миною, взорвавшейся подъ мостикомъ и вызвавшей взрывъ большого количества взрывчатыхъ веществъ, несомнѣнно находившихся на суднѣ. 6) Если при этомъ дѣйствительно погибли люди, принадлежащіе къ личному составу „Краснаго Креста“, то турецкое правительство изъясняетъ глубокое сожалѣніе, указывая однако, что вина въ этомъ падаетъ на русскихъ, допустившихъ присутствіе личнаго состава „Краснаго Креста“ на суднѣ, которое служило военнымъ цѣлямъ и имѣло назначеніе нанести вредъ турецкому правительству.

По этому поводу морской генеральный штабъ напоминаетъ, что атака „Португаліи“ была произведена въ ясное свѣтлое утро и на разстояніи всего лишь 25 саж., послѣ того какъ лодка обошла судно кругомъ подъ кормою съ одного борта на другой вплотную. При такомъ условіи командиръ подводной лодки не могъ ошибиться, не могъ не увидѣть опознательныхъ знаковъ „Краснаго Креста“ съ бѣлою окраскою судна, не могъ принять боты, предназначенныя для перевозки раненыхъ, за шлюпки, наполненныя солдатами, не могъ предположить, что имѣетъ передъ собою военный транспортъ, занятый выгрузкой боевыхъ запасовъ,

и не могъ принять эффектъ взрыва своей мины за детонацію какихъ-то взрывчатыхъ веществъ, якобы находившихся на „Португаліи“.

Кромѣ того, само же турецкое сообщеніе указываетъ, что лодка еще ночью увидѣла топовый огонь госпитальнаго судна, идущаго совершенно открыто и безъ какой бы то ни было защиты. Между тѣмъ всѣмъ военнымъ морякамъ извѣстно, что во время войны войсковые транспорты, идя въ сферѣ вѣроятнаго воздѣйствія непріятеля, огней ночью не несутъ и идутъ въ сопровожденіи необходимой защиты, отнюдь не останавливаясь открыто въ непріятельскихъ водахъ.

Такимъ образомъ, редакція непріятельскаго сообщенія, рассчитанная, повидимому, на то, чтобы внушить обществу предположеніе объ ошибкѣ командира подводной лодки, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, ни въ чемъ не мѣняетъ нашего мнѣнія о безнравственныхъ методахъ, примѣняемыхъ непріателемъ во время настоящей войны, и не уменьшаетъ отвѣтственности турецкаго правительства за противузаконное потопленіе признаннаго имъ госпитальнаго судна „Португалія“.

В. П.

Къ портрету рядового Бирахманъ Турабаева

(Нѣмецкія звѣрства).

Въ прошлой книгѣ „Русской Старины“ въ „Замѣткахъ петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны“ (стр. 143) было указано, какое значеніе для надлежащаго освѣщенія германскихъ звѣрствъ настоящей войны имѣеть слѣдственная комиссія сенатора Кривцова.

Предлагаемъ вниманію читателей (протоколь этой комисіи № 6) фотографію рядового стрѣлковаго полка Бирахманъ Турабаева, раненаго германской разрывной пулей 30-го мая 1915 года въ районѣ С., при чемъ при медицинскомъ освидѣтельствovanіи у Турабаева, раненаго въ лѣвую щеку, выходное отверстіе пулевого канала представляло „громадную рваную разможженную рану, занимающую всю правую щеку“. Языкъ Турабаева, обѣ щеки и скуловая кость правой половины были разможжены, на нѣбѣ, оторванномъ отъ своего основанія, имѣлось отверстіе, ведшее въ полость носа и въ основаніе мозга.

Надлежало бы этой фотографіей украсить столъ у постели кроваваго кайзера,

Въ виду предположеннаго Императорскою Академіею Наукъ изданія собранія трудовъ М. М. Сперанскаго, Академія просить лицъ, имѣющихъ какія-либо письма, писанныя имъ или къ нему адресованныя, а также бумаги, касающіяся его дѣятельности, или же располагающихъ какими-либо свѣдѣніями о таковыхъ, сообщить Академіи точныя указанія о мѣстѣ ихъ храненія и предоставить ей возможность снять надлежащія съ нихъ копии.

Всѣ сообщенія просятъ адресовать: Императорская Академія наукъ. Канцелярія Конференціи. Петроградъ.

Примѣчаніе. Письма и посылки до одного пуда, адресованныя въ Императорскую Академію Наукъ, не подлежатъ оплатѣ марками.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ЭЛЕКТРО-МЕХАНИЧЕСКИХЪ СООРУЖЕНІЙ
„ДЕЖА“

бывш. Т-ва ДЮФЛОНЪ, КОНСТАНТИНОВИЧЪ и Н^о.

Правленіе и Заводъ въ Петроградъ, Аптекарскаій Островъ,
Лопухинская ул., 8. Телефоны: 406-26, 123-02.

Представительство и сотрудничество:

Anciens Etablissements Sautter-Harlé, Paris.
Société Française Radio-Electrique, Paris.
J. Cocard, constructeur, Lille.
Société pour l'Exploitation des Brevets Bellem & Bregeras, Paris.

I. Отдѣлъ электрическихъ машинъ.

Динамо, электродвигатели и трансформаторы всѣхъ родовъ тока и мощностей.
Электрическіе насосы, вентиляторы и лебедки.
Распределительныя устройства.

II. Отдѣлъ судовой электротехники.

Разныя электрическія машины и приборы специальныхъ судовыхъ типовъ.

III. Радиотелеграфный отдѣлъ.

Полное оборудование радиотелеграфныхъ станцій стационарныхъ, судовыхъ, аэропланнхъ и кавалерійскихъ.
Радиостанціи большой мощности.
Радиостанціи на автомобиляхъ.
Динамо и динамо-двигатели специальныхъ типовъ (частота отъ 1000 до 100000 періодовъ въ секунду).

IV. Отдѣлъ прожекторовъ.

Прожектора стационарные, передвижные и судовые типа Гарле и К^о, съ

металлическими и стеклянными отражателями.

V. Отдѣлъ тепловыхъ двигателей.

Бензиновые двигатели.
Керосиновые двигатели съ пускомъ на бензинъ и керосинъ.
Керосино и бензино-динамо.
Керосино и бензино-насосы стационарные и передвижные для различныхъ цѣлей.

VI. Отдѣлъ магнето.

Магнето новѣйшихъ типовъ для двигателей стационарныхъ, судовыхъ и авіаціонныхъ всѣхъ системъ.

VII. Отдѣлъ измерительныхъ приборовъ.

Тепловые амперметры и вольтметры.

VIII. Воздухоплавательный отдѣлъ.

Предметы оборудования воздухоплавательныхъ парковъ.
Всякаго рода аппараты для добыванія водорода; конныя, паровыя и моторныя лебедки для привязныхъ шаровъ и всѣ принадлежности для военнаго воздухоплавательнаго дѣла.

Смѣты высылаются по требованію.

Кн. С. М. Волконскаго въ память Врангеля прекрасно и отчетливо выяснена высоко выдающаяся личность почившаго и тѣ несомнѣныя заслуги, которыя онъ оказалъ исторіи родного искусства. Въ концѣ книги приложены печатные труды барона Н. Н. Врангеля.

Великорусскія сказки Вятской губерніи съ приложеніемъ текста вотяцкихъ сказокъ. Сборникъ Д. К. Зеленчука. Петроградъ. 1915 г.

Книга эта, снабженная искусно составленнымъ предисловіемъ, содержитъ описанія 139 интересныхъ сказокъ, записанныхъ разными лицами, съ обозначеніемъ областныхъ словъ и интереснѣйшими примѣчаніями къ сказкамъ.

С. Ф. Либровичъ. Загадочный фельдмаршалъ русской арміи. Петроградъ. 1915 г.

Авторъ излагаетъ интересную страницу въ русской исторіи первой четверти 18-го столѣтія, когда подъ вліяніемъ политическихъ брачныхъ интригъ литовскій гетманъ Янъ Казиміръ Сапѣга 10 марта 1726 года императрицей Екатериной I былъ назначенъ генераль-фельдмаршаломъ русской арміи. Это произошло потому, что Меншиковъ, желая породниться со знатнымъ родомъ, сосваталъ свою дочь, княжну Марію Александровну, съ сыномъ гетмана Сапѣги, Петромъ. Молодой Петръ Сапѣга понравился Екатерине I, и она черезъ нѣкоторое время, въ свою очередь, тайно отъ Меншикова, просватала свою племянницу, графиню Софью Скавронскую, за красавца Петра Сапѣгу. Меншиковъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и уговорилъ императрицу Екатерину I замѣнить прежняго жениха своей дочери цесаревичемъ Петромъ Алексѣевичемъ (Петромъ II). Таковы причины появленія малоизвѣстнаго русскаго фельдмаршала.

Разсказъ составленъ интересно и въ немъ приведены фотографическіе портреты дѣйствующихъ лицъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1916 г.
 СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ДВѢ-**
НАДЦАТЬ руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почто-
 ваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пере-
 сылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ под-
 писчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка,
 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ,
 т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести сиравки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ
 за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ
 расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый
 сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
 рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи
 преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы
 къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государствен-
 ныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ
 и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ:
 переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и арти-
 стовъ.—V. Огзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе
 рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе
 бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—
 VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; призванныя неудобными
 для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ
 уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на
 свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“
 за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 гг. по 8 рублей;
 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913, 1914 г.г. по
 9 рублей, 1915 г.—10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаиль Ивановичъ Семевскій,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVII-й.

СЕНТЯБРЬ.

1916 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Запѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. П. В.	321—363	VII. Къ исторіи Оералонтова Бѣлозерскаго монастыря (1679 г.). Сообщ. И. Суворовъ	399—400
II. Въ родномъ гнѣздѣ (Лѣтопись рода Бутовскихъ) А. Д. Бутовскаго	364—373	VIII. Къ исторіи рода Чайковскихъ. (Завѣщаніе И. Чайковскаго 1888 г.). Сообщ. И. Суворовъ	401—403
III. Копія съ собственноручной записки Императора Александра I. Сообщ. С. Н. Митусовъ	374	IX. Изъ записной книжки „Русской Старины“. Начальницы институтовъ	404
IV. За пятьдесятъ лѣтъ (воспом. Глѣбовой) Сообщ. П. Скуратовъ	375—382	X. Императорская фамилія въ Крыму.	405—440
V. Форма для священниковъ. Сообщ. В. П. Федоровъ	383	XI. Записки В. Н. Виноградскаго	441—474
VI. Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству. В. С. Чеважевскаго	384—398	XII. Къ рисунку: Русская подводная лодка	475
		XIII. Библиограф. листокъ на обложкѣ	

Приложеніе: Фотографія русской подводной лодки.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ над. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помещается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1916 года.

Библиографическій листокъ

Записки Е. Метаксы. Съ предисловіемъ и примѣчаніями **В. Ильинскаго.** Пгр. 1915 г. Цѣна 1 р. 50 к.

„Записки флота капитанъ-лейтенанта Егора Метаксы, заключающія въ себѣ повѣствованія о военныхъ подвигахъ Россійской Эскадры, покорившей, подъ начальствомъ адмирала Федора Федоровича Ушакова, Іоническіе острова, при содѣйствіи Порты Оттоманской, въ 1798 и 1799 годахъ“, не совсѣмъ незнакомы читателямъ „Русской Старины“, помѣстившей въ прошедшемъ году (февраль и мартъ) сообщенное г. Ильинскимъ интересное изложеніе ихъ и нѣсколько отрывковъ, Метакса—по всей вѣроятности тотъ самый, о которомъ (догадка М. О. Гершензона, „Грибоѣдовская Москва“). вспоминаетъ Чацкій въ „Горе отъ ума“:

А этотъ... какъ его... онъ турокъ или грекъ...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журавлиныхъ,
Не знаю, какъ его зовутъ,
Куда ни сунься, тутъ какъ тутъ
Въ столовыхъ и гостинныхъ...

„Прекрасно образованный, начитанный, вдумчивый человекъ“, характеризуетъ его издатель; „искренно преданный новому своему отечеству, высоко ставившій достоинство Россіи, стремившійся оставить потомству и сослуживцамъ полезное назиданіе и воодушевляющіе примѣры... Вдумываясь вмѣстѣ съ авторомъ „Записокъ“ въ положеніе Ушакова, въ картинно-изображенную обстановку, при какой русскимъ приходилось дѣйствовать, вполне присоединишься къ его мнѣнію, что экспедиція Черноморскаго флота въ Средиземное море въ 1798—1800 г.г. „подвигъ важный и многотрудный“, что его славные результаты получились прежде всего благодаря практическимъ талантамъ знаменитаго Черноморскаго флотоводца“. Увлекательно интересная книга эта тѣмъ цѣннѣе, что представляетъ собою до сихъ поръ неиспользованный матеріалъ для исторіи нашей войны съ Франціей въ Средиземномъ морѣ и для біографіи адмирала Ушакова.

Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти **Г. К. Градовскаго.** Изданіе Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Пт. 1916. Цѣна 2 руб.

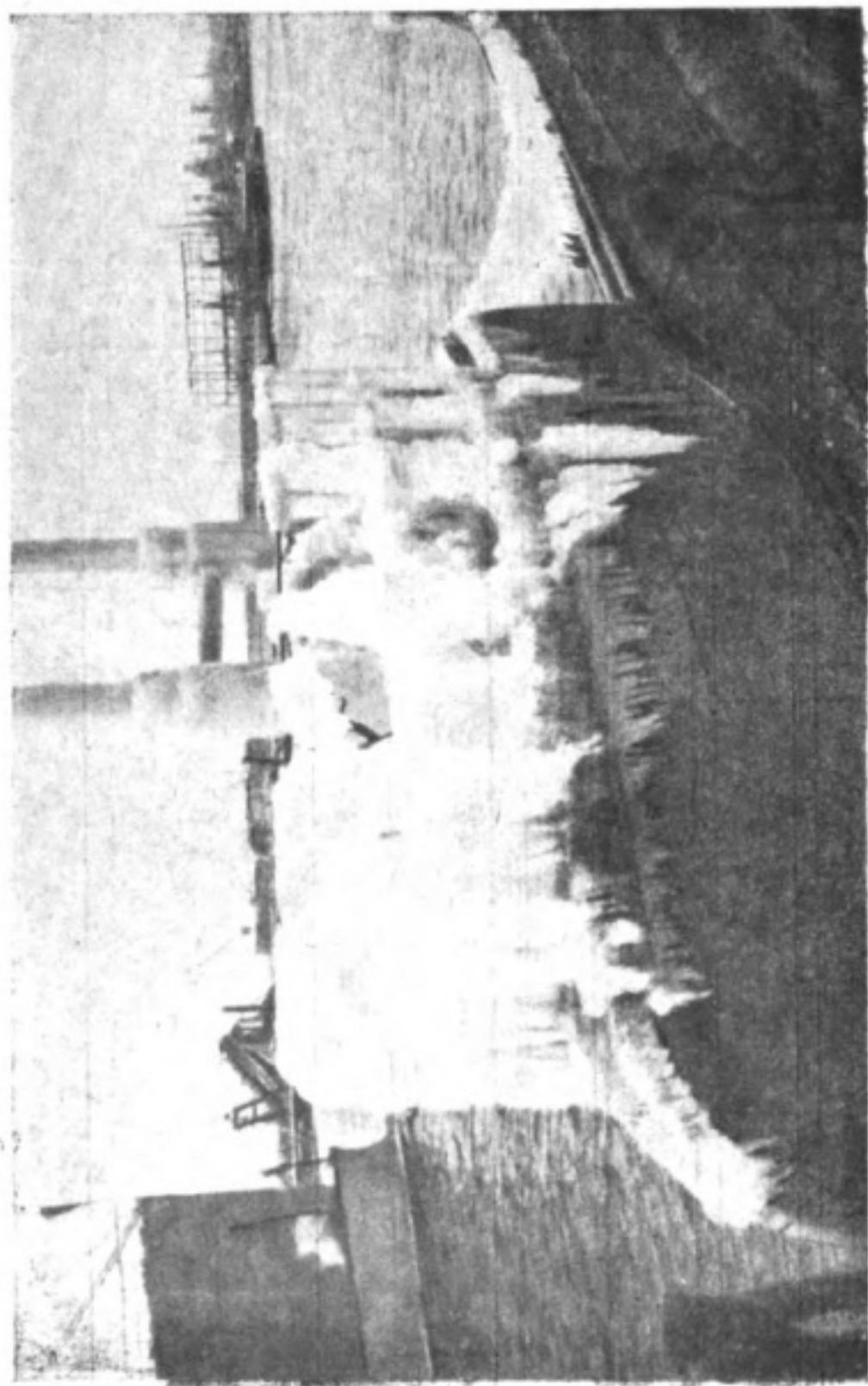
Къ свѣдѣнію г.г. подписчиковъ и книжныхъ магазиновъ принимающихъ подписку.

Вслѣдствіе вздорожанія бумаги и типографскихъ работъ, редація журнала „Русская Старина“ доводитъ до свѣдѣнія, что съ 1-го января будущаго 1917 года, она вынуждена подписную цѣну увеличить на одинъ рубль.

Съ доставкой и пересылкой внутри Россійской Имперіи, вмѣсто 10-ти рублей—11 рублей; за границу, вмѣсто 12-ти рублей—13 рублей.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, будетъ дѣлаема скидка 5⁰/₀ съ подписной цѣны.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Фонтанка, 18.

Русская подводная лодка вернувшаяся въ обледенѣломъ видѣ
послѣ зимняго плаванія.

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

Верховный Главнокомандующій Государь Императоръ во время объѣзда войскъ на фронтѣ подвергается личной опасности. Это выражено особенно рельефно въ „Русскомъ Инвалидѣ“ ²⁾.

„30 марта утромъ Государь Императоръ отбылъ въ автомобиль для посѣщенія войскъ одной изъ пѣхотныхъ дивизій. По окончаніи смотра, Государь Императоръ въ тѣхъ же милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ войска за молодецкую службу, желая имъ полного успѣха. Генераль-адъютантъ Брусиловъ передъ фронтомъ войскъ провозгласилъ „ура“ Государю Императору. Хоры музыки заиграли гимнъ, и мощное „ура“ далеко раскатилось по полю. Государь Императоръ, отдавая честь войскамъ, медленно прослѣдовалъ къ автомобилю.

Во время объѣзда Государемъ Императоромъ войскъ, съ непріятельской стороны показались два аэроплана, направлявшіеся къ мѣсту смотра. Немедленно наша артиллерія открыла по нимъ огонь и заставила ихъ повернуть обратно; погода была солнечная, и въ воздухѣ ясно были видны разрывы шрапнелей“.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, августъ 1916 г.

²⁾ „Рус. Инв.“ № 39 № 90 с. г.

„На лѣвомъ флангѣ у Хотина, около 11 часовъ утра 30-го марта, непріятельскій аэропланъ, прилетѣвшій со стороны Бояна, былъ встрѣченъ нашими аэропланами и вынужденъ вернуться обратно.

Въ это же время другому непріятельскому аэроплану удалось долетѣть до Жванца, на Днѣстрѣ, противъ Хотина и сбросить здѣсь 5 бомбъ. Осколками одной изъ нихъ былъ раненъ стоявшій на посту рядовой Анатолій Поставневъ. Освѣдомившись о семъ, Государь Императоръ, объѣзжавшій въ это время войска въ 6 верстахъ сѣвернѣе Жванца, повелѣлъ наградить раненаго Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени“.

10—15 апрѣля. 24 октября 1914 года на позиціи у Бакаларжева 3-я горная батарея 2 финляндской стрѣлковой артиллерійской бригады, съ большимъ отличіемъ состязаясь съ большихъ дистанцій съ превосходной артиллеріей противника, понесла значительныя потери. Отходя назадъ, нижніе чины примѣтили на одной изъ полянокъ небольшой плоскій мѣшечекъ. Батарея пріостановилась. Подняли мѣшечекъ и осмотрѣли, что тамъ находится. Оказалась икона Святителя Николая Чудотворца. Всѣ чины батареи сочли это за знаменіе свыше и положили считать Св. Угодника Николая покровителемъ батареи. Въ дѣйствительности оказалось, что съ этихъ поръ, по день разказа (10 апрѣля 1916 г.), несмотря на то, что батарея принимала участіе въ самыхъ жестокихъ бояхъ, въ ней не было ни одного убитаго и раненаго въ бою. Чины батареи были такъ увѣрены въ заступничество Святого Угодника, что зачастую пренебрегали самыми необходимыми мѣрами предосторожности. Когда же, по распоряженію свыше, нижніе чины переводились въ другія части, то убѣгали изъ нихъ въ свою родную батарею, подъ покровъ св. угодника Николая.

15 апрѣля. Нашъ военный агентъ въ Италіи представилъ въ Главное Управление Генеральнаго Штаба свѣдѣнія

о возмутительномъ обращеніи австрійцевъ съ нашими военнопленными ¹⁾).

Дисциплина все время была желѣзная, чисто австрійская. Малѣйшія нарушенія установленнаго порядка или просто ошибки, часто являвшіяся послѣдствіемъ непониманія требованія конвойныхъ, вслѣдствіе незнанія языка, жестоко карались карцеромъ, сковываніемъ вмѣстѣ руки съ ногой, подвѣшиваніемъ къ столбу, лишеніемъ пищи и побоями. Во второй половинѣ мая 1.000 нашихъ нижнихъ чиновъ были переведены къ перевалу Бретсеръ въ Тиролѣ, гдѣ ихъ намѣревались использовать для укрѣпленія позиціи, избранной для обороны на случай наступленія итальянцевъ.

Вечеромъ перваго же дня пленные черезъ унтеръ-офицеровъ обратились къ австрійскому офицеру—начальнику партіи, съ просьбой освободить ихъ отъ работы, исполненіе которой противно принятой ими присягѣ. Представители партіи присовокупили, что послѣдняя безпрекословно станетъ на любую иную работу, какъ бы она ни была тяжела, но рѣшительно отказываются работать во вредъ Италіи, союзницы Россіи.

Въ отвѣтъ на это имъ было заявлено, что партія будетъ разстрѣляна, если не подчинится предъявленному ей требованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ партіи обратился къ начальнику обороны Тироля съ ходатайствомъ о присылкѣ въ его распоряженіе достаточной вооруженной силы. Ходатайство это было уважено, и 28 мая 130 учениковъ подготовительной офицерской школы въ Инсбрукѣ, подъ начальствомъ капитана Пильца, прибыли въ Бренсбромъ.

Въ теченіе предшествовавшихъ этому числу трехъ дней наши нижніе чины единодушно отказывались приступить къ работамъ. Въ наказаніе австрійцы подвергли ихъ голодовкѣ, вслѣдствіе чего къ моменту прибытія учениковъ сила физическаго и моральнаго сопротивленія ихъ была уже нѣсколько надломлена.

Австрійскій офицеръ, окруживъ ихъ учениками и приказавъ послѣднимъ зарядить винтовки, спросилъ пленныхъ, будутъ ли они работать. Послѣдовалъ дружный отказъ, а за нимъ—команда офицера, по которой ученики приложились. Пленные одно мгновенье, казалось, хотѣли брѣ-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 12 апр.

ситься на своихъ мучителей, но тотчасъ же успокоились и начали готовиться къ смерти, творя молитву, крестясь и кладя земные поклоны.

Въ этотъ моментъ начальникъ партіи, поручикъ пѣхоты Урбинъ изъ Вѣны, докторъ правъ, вновь обратился къ партіи съ вопросомъ, предпочитаютъ ли они смерть повиновенію. 600 человѣкъ отвѣтили согласіемъ работать, но остальные 400 гордо заявили, что умрутъ, но не измѣнятъ присягъ. Первыхъ немедленно увели на работу, вторыхъ же заключили въ помѣщеніе, настолько тѣсное, что ни сѣсть, а тѣмъ болѣе растянуться, эти несчастные, голодавшіе уже четверо сутокъ, въ немъ не могли. Для отправленія естественныхъ надобностей ихъ выводили подъ конвоемъ не болѣе одного за разъ, и послѣдствія этой мѣры въ выясненіи не нуждаются.

При такихъ обстоятельствахъ, унтеръ-офицеры, передъ тѣмъ руководившіе людьми, отказались далѣе вліять на нихъ, предоставляя имъ самостоятельно распорядиться своею жизнью, вслѣдствіе чего къ утру слѣдующаго дня число несогласавшихся работать уменьшилось до 200 человѣкъ.

Чтобы подорвать нравственное сопротивленіе и этой кучки, австрійцы прежде всего отдѣлили отъ нея унтеръ-офицеровъ, которыхъ увели въ другое помѣщеніе, и здѣсь, въ теченіе двухъ сутокъ, поочередно подвѣшивали ихъ на два часа къ столбу. Несчастные, физически окончательно разбитые этой пыткой, падали на землю, плакали и просили смерти, но палачи ихъ—будущіе офицеры австро-венгерской арміи—хладнокровно продолжали свое дѣло. Многие изъ нихъ смѣялись при видѣ мученій плѣнныхъ. Наконецъ, вечеромъ второго дня унтеръ-офицеровъ куда-то увели.

Исчерпавъ всѣ средства понужденія въ отношеніи остальныхъ нижнихъ чиновъ, вѣрность долгу которыхъ оставалась непоколебимой, австрійцы утромъ 1 іюня рѣшили прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ.

Изъ числа плѣнныхъ были избраны 6 человѣкъ, а первому былъ вновь поставленъ обычный вопросъ, на который онъ громкимъ и твердымъ голосомъ отвѣтилъ отрицательно. Когда были окончены приготовленія къ его разстрѣлянію, онъ перекрестился, положилъ земной поклонъ и затѣмъ, вытянувъ руки по швамъ, не дрогнувъ, принялъ въ лобъ

и въ сердце тѣ пули, которыми четверо добровольно вызвавшихся разстрѣлять его въ разстояніи всего лишь въ 20 сантиметровъ совершили свое гнусное дѣло. Изъ этихъ четырехъ будущихъ офицеровъ авторъ показанія назвалъ трехъ: Шпранца и Редлиха изъ Инсбрука и Феррари изъ Боцена.

За первымъ были разстрѣляны слѣдующіе двое, столь же славно принявшіе смерть. Четвертый не выдержалъ, согласился работать и такимъ образомъ спасъ себѣ жизнь. Пятый послѣдовалъ примѣру первыхъ трехъ. Настала очередь шестого, который, стоя уже съ завязанными глазами, въ отвѣтъ на вопросы австрійцевъ осыпалъ ихъ бранью. Знакъ саблею австрійскаго поручика, и онъ послѣдовалъ бы за товарищами, но въ этотъ моментъ присутствовавшіе плѣнные не выдержали нравственной пытки и въ большинствѣ заявили о своемъ согласіи работать. Разстрѣляніе шестого нижняго чина было отмѣнено къ великому неудовольствію послѣдняго, кричавшаго, что онъ работать не будетъ, и требовавшаго смерти.

Послѣ этого плѣнныхъ увели на работу, за исключеніемъ девяти человѣкъ и среди нихъ вышеупомянутаго нижняго чина, категорически отказавшихся слѣдовать за другими и заявившихъ, что предпочитаютъ смерть. Ихъ не разстрѣляли, но заставили рыть могилу для убитыхъ товарищей; дальнѣйшая ихъ судьба неизвѣстна.

Въ настоящее время въ Бреннербадѣ въ 100 шагахъ передъ лучшей въ мѣстечкѣ гостиницей стоитъ деревянный крестъ, на которомъ по-русски сдѣлана анилиновой краской слѣдующая надпись: „1 іюня 1915 года здѣсь умерли четыре русскихъ нижнихъ чина. Миръ и покой“.

Начинается повышение домовладѣльцами платы за квартиры. Главный поводъ повышения это дрова. Обыкновенное явленіе, это фиктивное якобы не повышение платы—отнятіе дровъ. Цѣна прежняя: дрова отняты и на прислугу прибавлено. Справедливость соблюдена.

Германія постоянно тормозила въ прежнее время нашу желѣзную дорогу на Мурманъ всѣми силами, черезъ подставныхъ русскихъ подданныхъ препятствуетъ проведенію этой дороги и теперь въ проектѣ о Бѣломорской желѣзной дорогѣ. Она готовитъ здѣсь новыя горы золота и бумаги.

Пламенно желаютъ строить Обь-Бѣломорскую и Обь-Мурманскую дорогу г.г. Вельтманъ, Цейдлеръ, Вертъ, Богословское общество и коммерческій Азовско-Донской банкъ¹⁾

Съ 10 по 15 апрѣля на западномъ нашемъ фронтѣ происходили незначительныя боевыя столкновенія нашихъ развѣдчиковъ, налеты воздушныхъ кораблей и миная война.

На Кавказскомъ фронтѣ отбиты атаки турокъ въ Ашкалинскомъ, Трапезондскомъ и Эрдаинжанскихъ направленіяхъ.

Верховный Главнокомандующій провелъ дни Страстной Недѣли и встрѣтилъ Великій Христіанскій Праздникъ въ единеніи со всѣми чинами Своего штаба²⁾.

Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генеральнаго штаба, генераль-отъ-инфантеріи Алексѣевъ назначается генераль-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ въ занимаемой должности³⁾.

Слышалъ рассказъ одного поручика, три раза раненнаго и страшно изувѣченнаго. Онъ признанъ негоднымъ къ строевой службѣ и занимаетъ одну изъ должностей на военныхъ сообщеніяхъ.

¹⁾ „Руское Слово“ 15 апрѣля.

²⁾ „Рус. Инв.“ № 97.

³⁾ Тамъ же.

Онъ удивлялся отношенію предержавшихъ къ прибалтійскимъ баронамъ. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ точно извѣстно, что они совершали измѣны, а между тѣмъ никто изъ нихъ не повѣшенъ и не преданъ суду, а лишь только высланы изъ края. Даже тогда, когда бароновъ коснулось обвиненіе въ особой государственной измѣнѣ, то баронъ Гротгусъ и Фрейманъ подверглись только каторжной тюрьмѣ. Совершенно иначе обстояло дѣло, когда баронъ былъ захваченъ нашими войсками на службѣ у германцевъ. Такъ было въ Млавѣ въ 1914 году, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ германскій офицеръ, который былъ опознанъ солдатами полка за лично имъ извѣстнаго уроженца Прибалтійскаго края. Этотъ баронъ и шпіонъ еврей были немедленно повѣшены на одной и той же висѣлицѣ.

Прибалтійскіе помѣщики частью высланы, частью сидятъ въ усадьбахъ, частью бѣжали въ Германію. Латыши массами идутъ въ добровольцы и зорко слѣдятъ за помѣщиками.

Бѣжавшіе изъ плѣна и пробывшіе нѣкоторое время въ занятыхъ германцами нашихъ земляхъ рассказываютъ о томъ обращеніи, которому подвергають нѣмцы занятія ими губерніи. Наложеніе огромныхъ контрибуцій на населеніе, захватъ всѣхъ жатвъ, захватъ матеріальнаго имущества страны, вырубка всѣхъ лѣсовъ, вывозъ въ Германію фабрикъ и заводовъ. Только въ видѣ исключенія, помѣстнымъ условіямъ, приспособляются на мѣстѣ къ работѣ фабрики и заводы.

Поэтому и намъ, при подлежащемъ занятіи германскихъ областей, надо поставить неуклонной цѣлью послѣ ихъ занятія исполнять то же самое: жатву снимать, лѣса вырубать, желѣзнодорожный составъ и рельсы вывозить, фабрики и заводы эвакуировать въ Россію, а стѣны разрушать.

Военные заводы подвергать самому детальному уничтоженію.

16 апрѣля. Сотрудникъ „Новаго Времени“ Тупинъ передаетъ поразительныя данныя относительно ликвидаціи

50 крупныхъ нѣмецкихъ торгово-промышленныхъ предприятий въ Ригѣ. Ликвидация поручена почти только нѣмцамъ. Даже составъ чиновниковъ въ Петроградѣ, которые вѣдали ликвидацией, состоялъ исключительно изъ нѣмцевъ. Когда же Господь избавитъ отъ этой народной напасти. Не даромъ же г.г. кадеты для созданія и усиленія власти прогрессивнаго блока яростно утверждаютъ, что русскіе не имѣютъ законнаго права преслѣдовать въ Россіи нѣмецкую національность. Она-де одна изъ національностей Россіи, а не врагъ Россіи и травить-де ее русскіе не имѣютъ никакого права.

Вотъ какими типами представляются теперь плѣнные нѣмцы ¹⁾.

Раньше, бывало, спросишь какого-нибудь плѣннаго нѣмца: откуда, какого полка?—Уставится въ землю и молчитъ. Слова не выжмешь. Теперь картина перемѣнилась: плѣнные нѣмцы первые обращаются къ нашимъ солдатамъ съ разными вопросами. Но нѣмецъ—всегда и вездѣ нѣмецъ. Наглость не покидаетъ его даже и въ плѣну...

— У васъ въ плѣну хорошо, вы вѣдь будете кормить насъ такъ, какъ у насъ не кормятъ даже солдатъ,—откровенно заявилъ мнѣ одинъ изъ Фрицей.

— А какъ живутъ наши у васъ въ плѣну?—спросилъ я его.

— Вашимъ живется у насъ хуже... О, много хуже.

И какъ бы въ оправданіе, нѣмецъ тотчасъ же пояснилъ:

— Это потому, что у насъ мало хлѣба, а Россія можетъ прокормить своимъ хлѣбомъ три Германіи...

По крайней мѣрѣ—откровенно. Но, рассчитывая отъѣсться послѣ отечественной голодовки на русскомъ хлѣбѣ, нѣмцы простираютъ свою наглость еще дальше. При допросахъ плѣнныхъ, часто приходится слышать заявленія нѣмцевъ о ихъ желаніи отбывать плѣнъ въ опредѣленныхъ пунктахъ, при чемъ приводятся такія причины:

— Тамъ у меня братъ, тоже плѣнный...

— Тамъ содержится мой дядя...

А одинъ такъ прямо заявилъ:

— Въ этомъ городѣ я жилъ до войны, тамъ у меня много знакомыхъ...

¹⁾ „Веч. Вр.“ 16 апрѣля.

Плѣнъ, какъ видно, мало удручаетъ Карлушей. Они скорѣй склонны смотрѣть на него какъ на отдыхъ послѣ понесенныхъ ими трудовъ на благо своего фатерланда.

Хорошій урокъ получила нѣмецкая наглость отъ одного нашего новобранца. На одной изъ станцій стоялъ поѣздъ съ нашими солдатами. На ту же станцію пришелъ поѣздъ съ плѣнными нѣмцами. Въ этомъ поѣздѣ одинъ вагонъ былъ съ нѣмецкими офицерами.

Поѣздъ съ плѣнными остановился противъ поѣзда, въ которомъ были наши солдаты.

Тѣ, конечно, тотчасъ же повысыпали изъ вагоновъ взглянуть на „нѣмца“.

Одинъ изъ солдатъ, недавно только призванный и еще не бывавшій на войнѣ, особенно заинтересовался плѣнными. Подойдя къ вагону, въ которомъ были нѣмецкіе офицеры, онъ принялся разсматривать выглядывавшаго изъ окна нѣмецкаго лейтенанта. Разсматривалъ долго, сосредоточенно, почти изучая. Нѣмцу это, вѣроятно, не понравилось.

— Ты чего смотришь?—вдругъ грубо по-русски, спросилъ лейтенантъ.

Новобранецъ, услышавъ отъ нѣмца русскую рѣчь, сначала какъ будто удивился. Потомъ спокойно сказалъ:

— А развѣ на тебя и смотрѣть-то нельзя?

— Мужикъ...—перекосившись, пробормоталъ нѣмецъ.—

А куда ты ѣдешь?—снова спросилъ онъ.

— Далече, нѣмчура...

— Куда именно?

— Ишь любопытный!.. Въ Берлинъ...

Нужно было видѣть ту невозмутимость, съ которой были сказаны эти слова, и ту ярость, которая овладѣла лейтенантомъ, получившимъ такой отвѣтъ...

17 апрѣля. Пріѣхалъ въ Петроградъ представитель Совѣта Министровъ Сербіи Никола Пашичъ. Заслуга его, великаго политическаго дѣятеля Сербіи и славянъ, громадна. Его выдающаяся политическая дѣятельность, какъ главы правительства началась съ новой сербской династіи. Король Милянъ оставилъ Сербію подъ ужасающимъ политическимъ и экономическимъ гнетомъ Австріи. Пашичъ достигъ сначала экономической независимости Сербіи отъ Австріи, заключивъ торговые договоры съ другими странами внѣ Австріи и

Германіи. Также точно были заключены займы и поставки вооруженія и боевыхъ запасовъ не въ Австріи и не въ Германіи.

Особенно онъ былъ друженъ съ нашимъ посланникомъ въ Болгаріи Гартвигомъ, и съ нимъ вмѣстѣ они ковали неслыханный доселѣ союзъ балканскихъ народовъ и войну этого союза съ Турціей.

Событія политическія недавняго прошлаго у всѣхъ въ памяти.

Съ истиннымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ этого великаго славянскаго дѣятеля въ Петроградѣ.

Въ Англіи къ 12 февраля, а во Франціи къ 1 марта 1915 г. не было ни одного австрійскаго или германскаго предпріятія. Всѣ были секвестрованы и обращены на нужды государства.

У насъ, въ Россіи, гдѣ нѣтъ уголка, свободнаго отъ вѣмецкаго промышленника, купца и земледѣльца, съ большой и непонятной осторожностью отдають подъ надзоръ правительственныхъ инспекторовъ предпріятія нашихъ враговъ.

Дѣло это у насъ стоитъ совершенно на мертвой точкѣ.

18 апрѣля. Телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что генераль Тауншендъ, осажденный турками въ Кутъ, принужденъ былъ сдаться въ виду недостатка съѣстныхъ припасовъ.

Изъ циркуляра, обнаруженнаго при убитомъ германцѣ ¹⁾, усматривается, что Германія вовсе не склонна къ разоруженію и теперь уже заботится о будущемъ. Она предчувствуетъ крушеніе своего черезчуръ смѣлаго плана владычества надъ міромъ, но эта неудача знаменуетъ для нея только временную отсрочку, которой слѣдуетъ воспользоваться въ цѣляхъ подготовленія будущихъ поколѣній къ возобновленію прерванной борьбы. Этотъ циркуляръ изданъ высшими властями Франкфурта-на-Одерѣ и разосланъ во всѣ школы. Онъ начинается насмѣшкой надъ наивностью

1) „Нов. Вр.“ 18 апрѣля с. г.

легковѣрныхъ людей, считающихъ возможнымъ даже теперь, послѣ настоящей войны, какое-то братство народовъ. „Одной изъ главныхъ заботъ педагогическаго персонала школъ,—говорится дальше,—должно быть тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы страшные уроки только-что пережитаго нами прошлаго и настоящаго запечатлѣлись на всю жизнь въ умахъ подросткающаго поколѣнія. Необходимо прежде всего внушить всему нашему народу убѣжденіе, что, только благодаря своимъ грознымъ сухопутнымъ и морскимъ силамъ, Германія можетъ обезпечить себѣ миръ и процвѣтаніе, и въ силу этого никакія постороннія попытки склонить ее къ братанію съ иностранными сосѣдями не должны заставить ее хоть сколько-нибудь сократить дальнѣйшее вооруженіе“.

Такимъ образомъ, благодаря ознакомленію съ означеннымъ циркуляромъ, для насъ не остается сомнѣній, что происходящая въ настоящее время борьба имѣетъ цѣлью не только удержаніе настоящей Германіи въ необходимыхъ границахъ, но и воспрепятствованіе дальнѣйшему ея росту въ будущемъ, которое она подготавливаетъ уже въ настоящее время, заранѣе устраняя съ своего пути всѣ „сказки“ о братствѣ народовъ и всеобщемъ разоруженіи.

19 апрѣля. Рассказываютъ, что за наемъ баржъ для перевозки дровъ стоимостью въ 500 рублей грабители мародеры просятъ теперь 3.600 рублей. Быть можетъ, это происходитъ оттого, что водные пути не подчинены военному вѣдомству и баржи не реквизируются.

„Koelnische Zeitung“, „Frankfurter Zeitung“ и „Kreuz-Zeitung“ посвящаютъ не мало мѣста вопросу о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ и конечно грозятъ намъ за это:

„Послѣ заключенія мира виновные (?), разумѣется, подвергнутся заслуженной карѣ“. „Прибалтійскіе нѣмцы уже не вернутся подъ господство Россіи для дикой травли всего нѣмецкаго“.

Газеты находятъ, что несомнѣнно правильно рѣшеніе (?) Германіи „поставить освобожденіе Прибалтійскаго края непремѣннымъ условіемъ при заключеніи мира“.

Г. Филатовъ въ „Русскомъ Словѣ“ передалъ, какъ эта Пасхальная ночь была проведена тамъ, на позиціяхъ.

„Тихая весенняя ночь. Воздухъ прозрачный и теплый. До церкви идти версты двѣ назадъ,—она расположена у штаба дивизіи,—и даже фонаря не надо: хотя звѣзды свѣтятъ слабо, но вся атмосфера проникнута слабымъ сіяніемъ весеннихъ ночей.

Идетъ весь нашъ отрядъ: уполномоченный, оба доктора, три сестры и студенты; завѣдующій обозомъ построилъ санитаровъ въ колонну, и они гулко отбиваютъ ногу.

— Такъ приличнѣе,—объяснилъ онъ,—а то пруть, какъ бараны,—и самъ сталъ маршировать во главѣ.

Эта стройность должна была утѣшить генерала, который вотъ уже цѣлую зиму не можетъ привыкнуть къ санитарамъ:

— Ни пройти, ни козырнуть не умѣютъ.

Чѣмъ ближе къ церкви, тѣмъ больше попадаются отдѣльные люди и колонны: идутъ изъ парковъ, батарей, обозовъ. Только самые необходимые люди остаются,—одна бѣдная пѣхота сидитъ, прикованная къ окопамъ. Въ церковь могутъ пойти только резервный полкъ, да по три человѣка отъ взвода, чтобы святить куличи.

Издаലെка сіяетъ свѣчами зеленая церковь. Она была построена еще осенью изъ хвои, но теперь подновлена и расширена. Алтарь въ видѣ зеленого шатра не только съ Царскими, но и съ боковыми вратами. Передъ нимъ построены открытый навѣсъ, служащій какъ бы солеей, подъ нимъ впереди всѣхъ стоятъ штабъ и сестры,—имъ заранѣе было назначено почетное мѣсто; здѣсь же стоятъ еще четыре дамы: это жены офицеровъ, пріѣхавшія на Пасху. Съ одной стоитъ дѣвочка лѣтъ тринадцати. Она гоститъ вмѣстѣ съ матерью уже третій день и на все смотритъ удивленными, расширенными глазами. Эта повѣдка, вѣроятно, наложитъ отпечатокъ на всю ея жизнь.

Самая церковь—просто четырехугольная площадка, огороженная хвоей; теперь ея западная стѣна разобрана, и толпа молящихся далеко выходитъ за ея предѣлы. Я нарочно отошелъ въ сторону. Несмотря на тишину, огоньки свѣчей все-таки колебались, сливались въ одинъ сплошной свѣтлый столбъ, который поднимался высоко къ небу. Подходишь ближе,—мелькаютъ солдатскія лица, сосредоточенныя, спокойныя: на нихъ не видно праздничнаго на-

*) „Рус. Сл.“ 16 апр. с. г.

строения. Вѣроятно, у большинства мысли далеко отсюда; въ деревенскихъ церковкахъ, гдѣ съ дѣтства привыкли они встрѣчать Свѣтлый праздникъ. Теперь на фронтѣ, какую бы ни дали обстановку, изъ всѣхъ пасхальныхъ пѣснопѣній дѣйствительно близокъ и соотвѣтствуетъ настроенію лишь одинъ стихъ: ...„и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“, ибо большинство присутствующихъ, проникнутые торжественными словами, чувствуетъ себя оторванными отъ міра и накрытыми тяжелой крышкой войны, которая давить не хуже гробовой.

Торжественно обходить крестный ходъ вокругъ елочекъ, богослуженіе проходить чинно подъ звуки очень недурного солдатскаго хора.

Послѣ заутрени всѣ христосуются, поднимается гулъ и шумъ. Святятъ куличи,—именно куличи,—ибо пасокъ и яицъ почти нѣтъ.

Сейчасъ же послѣ заутрени, не дожидаясь обѣдни, ѣду съ однимъ изъ офицеровъ къ окопамъ, гдѣ тоже, вѣдь, празднуютъ Пасху. Тамъ, гдѣ можно было пріютиться въ лѣсочкахъ, полковые священники отправляли богослуженіе совсѣмъ вблизи фронта, а по части окоповъ прошелъ крестный ходъ. Онъ могъ бы пройти по всѣмъ окопамъ, такъ какъ стрѣльбы въ эту ночь совсѣмъ не было.

Въ этомъ году наша и западно-европейская Пасхи совпали. Этимъ въ большой степени и объясняется снохоистіе нѣмцевъ, которые вообще съ нашими праздниками не считаются.

Въ окопахъ холодно, надъ рѣкой виситъ предутренній туманъ, который заползаетъ холодной слизью, но здѣсь у солдатъ нѣтъ того гнетущаго чувства, какъ въ дивизионной церкви,—здѣсь все-таки всѣ напряжены, насторожѣ. Первое, что мы услышали:

— Ваше благородіе, а германецъ-то не стрѣляетъ!

— Да у нихъ тоже праздникъ.

— Вотъ мы такъ и полагали. Многіе, не дожидаясь розговѣнъ, благо нѣмецъ молчитъ,—спятъ, свернувшись клубочкомъ, на соломѣ окопа, нѣкоторые даже въ землянки залѣзли.

Прошли по окопамъ, засѣли въ землянку погрѣться у печки. Шумъ слышенъ: вышелъ полковой командиръ, обходить, здоровается со старыми солдатами,—немного ихъ,—христосуется; раздають подарки,—полковыя дамы прислали кисты.

Вотъ это сразу оживило.

Громадное удовольствіе солдатамъ подарки оттуда, „изъ Рассеи“, а кисеты являются чѣмъ-то въ родѣ сюрпризовъ, — сколько ожиданія, пока раскроетъ.

Обходъ полка затягивается. Уже солнце поднимается надъ горизонтомъ, когда мы вылѣзаемъ изъ послѣдней роты. Всѣ ноги посбили, устали и идемъ разговляться въ штабъ полка.

— Гдѣ будемъ встрѣчать слѣдующую Пасху? — вотъ всѣхъ занимающій вопросъ.

— Должно быть въ окопахъ, — говорятъ почти всѣ. — Гдѣ только будутъ окопы?

На эту тему гадаютъ разное, но утвержденіе Вильгельма о лаврахъ на головахъ нѣмцевъ-побѣдителей вызываетъ только улыбку. Будутъ ли нѣмцы разбиты черезъ годъ, это — вопросъ, но что они не будутъ побѣдителями, это ясно для всѣхъ: такихъ благопріятныхъ условій, какъ въ 1915 году, они уже не будутъ имѣть.

20 апрѣля. Слышалъ рассказъ унтеръ-офицера Онежскаго полка Сибрика. Онъ былъ старшимъ команды развѣдчиковъ и уволенъ въ отставку, т. к. имѣетъ 37 раненій и ослѣпъ на оба глаза. За свои выдающіеся боевые подвиги онъ награжденъ 4 медалями и георгіевскими крестами всѣхъ четырехъ степеней. И за большія заслуги пожалованы ему эти кресты. То онъ съ четырьмя человекѣми, пользуясь туманомъ, заставляетъ бросить оружіе 37 чел. и беретъ два пулемета. Когда же, при выяснившейся обстановкѣ, непріятель замѣтилъ незначительное число побѣдителей, то онъ оказался уже безъ оружія. То онъ съ 2 человекѣми уничтожаетъ большой разъѣздъ противника съ захватомъ части его въ плѣнъ. То онъ подъ самымъ Краковомъ въ ноябрѣ 1914 г., находясь въ арміи Радко Дмитриева, захватываетъ донесеніе высшаго штаба, громадной важности.

Въ „Новомъ Времени“¹⁾ приводится интересное сообщеніе подъ названіемъ „Крестъ славы“.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 20 апр. с. г.

„Тяжелая бомба угодила какъ разъ въ блиндажъ, и отъ солиднаго сооруженія не осталось ничего. Сердце радуется, что люди успѣли перейти въ ровики. Опоздай на пару минутъ, и изъ восьми жителей блиндажа не осталось бы ни одного. Еще очередь: рвется почти на самой батарее, съ пѣніемъ на разные тоны, несутся осколки и, какъ бы сердясь, что жертвы скрылись отъ нихъ въ ровики, съ сердцемъ ударяются въ землю, въ насыпи. Слѣдующая очередь уже дальше. Очевидно, нѣмцы обстрѣливаютъ площади и батарею уже прошли. Слава Богу, потерь нѣтъ. Однако изъ ровиковъ выходить еще рано. Но людямъ сидѣть въ нихъ надоѣло. Молодчага съ Георгіемъ на груди, бомбардиръ Будьздоровенко выскакиваетъ изъ ровика, почти въ тотъ же моментъ раздается взрывъ, онъ не успѣваетъ запрягаться обратно и падаетъ, ухватившись руками за грудь. Порядочный осколокъ угодилъ ему въ самое сердце. Обстрѣлъ кончился или ушелъ куда-то далеко.

На груди у Будьздоровенка сломанный крестъ, рваная одежда, много крови. Но онъ, хотя и безъ сознанія, но еще живъ. Наскоро перевязали, уложили на носилки, унесли.

— Ишь, ты, въ самое сердце, конченъ онъ,—грустно говорили солдаты.

— И кусокъ креста, внутрь осколокъ ушелъ. И до лазарета не дотянуть, кончится по дорогѣ.

Но Будьздоровенко не кончился. Тотъ самый крестъ, который онъ получилъ за подвигъ, связанный съ сознательной жертвой жизнью, тотъ самый крестъ спасъ, отстоялъ ему жизнь.

Направленіе осколка прямо въ сердце,—говорилъ врачъ,—сила болѣе, чѣмъ достаточная, чтобы пробить сердце, и, если бы не крестъ, Будьздоровенко былъ бы уже трупомъ. Но осколокъ, сломавъ крестъ, измѣнилъ направленіе. Онъ пошелъ вдоль груди и вырвалъ только куски мяса. Никакихъ поврежденій нѣтъ, и несомнѣнно, онъ поправится.

Батарея ждетъ Будьздоровенка, и когда онъ вернется, мы будемъ гордиться его трехграннымъ крестомъ“.

Позорными дѣлами занимаются нѣкоторые россіяне: въ такое тяжелое время, какъ настоящая страшная война, они поступаютъ на содержаніе нѣмцамъ и прикрываютъ своимъ русскимъ именемъ торгово-промышленное предпріятіе. Закона Бріана о преслѣдованіи тюрьмой лицъ, прикрывающихъ вражескія предпріятія, у насъ и въ поминѣ нѣтъ.

Корреспондентъ Daily Mail побывалъ недавно въ Константинополь и посѣтилъ Энвера-пашу въ зданіи военнаго министерства, которое помѣщается на холмѣ въ самомъ центрѣ турецкаго квартала Стамбула и окружено рѣшеткою въ 2 саж. вышины. Оно совершенно обновлено и кишить нѣмцами.

Въ бесѣдѣ съ адъютантомъ-нѣмцемъ авторъ замѣтокъ обратилъ вниманіе на виднѣвшуюся изъ окна большую мачту искровой станціи Османли. „Мы по беспроводному телеграфу переговариваемся съ Берлиномъ!“ заявилъ адъютантъ, „перевезли сюда искровую станцію черезъ Румынію подъ видомъ цирка“.

Энверъ-паша небольшого роста, лѣтъ тридцати пяти, а на видъ еще моложе, красивой наружности, съ черными глазами и усами, очень тщательно одѣтый, самодовольный и самоувѣренный; хорошо говоритъ по-нѣмецки (онъ былъ военнымъ агентомъ въ Берлинѣ), носитъ орденъ желѣзнаго креста. Онъ предложилъ посѣтителю папироску и развалился въ креслахъ, ожидая вопросовъ. Тотъ въ видѣ вступленія спросилъ, правда ли, что Англія хочетъ заключить съ Турціею сепаратный миръ?

— „Слишкомъ поздно“, съ улыбкою отвѣчалъ Энверъ, „можетъ быть она этого желала и можетъ быть достигла бы, но мы слышали, что державы согласія (или, какъ онъ выразился, „mal Entente“), рѣшили отдать Константинополь Россіи, и это принуждаетъ насъ оставаться на сторонѣ центральныхъ державъ“. По поводу Галлиполи Энверъ-паша заявилъ: „Если бы англичане имѣли мужество бросить еще нѣсколько судовъ въ Дарданеллы, то они дошли бы до Константинополя, но ихъ заминка дала намъ возможность укрѣпить полуостровъ Галлиполи и въ 6 недѣль свезти туда свыше 200 орудій съ австрійскаго завода Шкода. Но если бы они даже заняли столицу, то этимъ дѣло не кончилось бы; мы рѣшили отойти на окружныя высоты и въ М. Азію, а городъ предоставить имъ; они его бы не разрушили и тамъ бы застряли. При помощи германцевъ мы можемъ нанести англичанамъ ударъ черезъ Суэцкій каналъ, нашъ девизъ—въ Египетъ!“.

21 апрѣля. Гибель „Португалія“ не нашла отклика въ финляндской печати. Помѣстивъ лишь официальные сообщенія о потопленіи госпитальнаго судна, ни одна

Финляндская газета не сочла нужнымъ высказаться самостоятельно по поводу этого нѣмецкаго звѣрства.

Вообще въ Финляндіи замѣчается тенденція не замѣчать о безчисленныхъ звѣрскихъ дѣяніяхъ германцевъ. Очень мало шлютъ оттуда благотворительной помощи страдающей Россіи. Это не мѣшаетъ нашимъ думскимъ финнолюбамъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ съ думской каеедры дѣлать выпады за Финляндію.

Г. Мзура въ „Вечернемъ Времени“¹⁾ приводитъ поучительныя разъясненія по поводу надзора надъ вражескими предпріятіями.

„Правительство опубликовало наконецъ наказъ правительственнымъ инспекторамъ по надзору за дѣятельностью торгово-промышленныхъ предпріятій, владѣльцами или участниками которыхъ являются непріятельскіе подданные. Можно, конечно, лишь удивляться, что только къ 15 апрѣля 1916 г. министерство торговли и промышленности придало силу закона правительственному надзору за враждебными и опасными для Россіи предпріятіями, связанными въ той или иной степени съ подданными воюющихъ съ нами странъ.

Наказъ, однако, наводитъ на рядъ размышленій.

Задачи правительственныхъ инспекторовъ крайне сложны и, если требовать точнаго выполненія, крайне отвѣтственны. Инспектору принадлежитъ не только надзоръ за движеніемъ суммъ предпріятія, но и общее наблюденіе за дѣятельностью торгово-промышленнаго предпріятія и забота о томъ, чтобы предпріятіе было использовано для нуждъ обороны; правительственному инспектору вмѣняется при этомъ въ обязанность принимать къ тому мѣры. Вся корреспонденція фирмы, всѣ кассовыя книги, списки акціонеровъ и пайщиковъ, кассы и безопасныя помѣщенія въ банкахъ, гдѣ хранятся документы и капиталы предпріятія,— все подлежитъ надзору инспектора.

Такимъ образомъ добросовѣстный инспекторъ долженъ отдать все свое служебное время на надзоръ за вражескимъ предпріятіемъ, чтобы не дать ему возможности обслуживать интересы нѣмцевъ и Германіи и чтобы оно послужило дѣлу обороны нашего отечества.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 21 апр.

Такой чиновникъ фактически не существуетъ для работы по своему вѣдомству. Итакъ, или онъ останется на своемъ посту, и тогда не будетъ достаточно внимательно относиться къ надзору за вражескими предпріятіями, или же, слѣдя за своимъ поднадзорнымъ, будетъ манкировать служебными занятіями.

Выводъ одинъ. Чиновникъ долженъ быть перечисленъ на время войны въ распоряженіе особаго дѣлопроизводства по правительственному надзору и всецѣло отдаться изученію и наблюденію за порученнымъ ему предпріятіемъ. Это должно быть служебной командировкой, не связанной, однако, съ повышеніемъ получаемаго чиновникомъ по своей непосредственной должности оклада. Пусть за ревностное отношеніе къ дѣлу они получаютъ служебныя преимущества, но ставятъ правительственнаго инспектора, въ смыслѣ высокаго вознагражденія, въ полную зависимость отъ того же поднадзорнаго предпріятія—и соблазнительно, и нецѣлесообразно.

Едва-ли государство, при указываемомъ порядкѣ, потеряетъ на время войны много чиновниковъ, прикомандированныхъ къ особому дѣлопроизводству по надзору. Надо думать, что въ концѣ концовъ же у насъ совсѣмъ не останется нѣмецкихъ фирмъ, а число подозрительныхъ, при условіи удаленія подставныхъ русскихъ директоровъ, значительно сократится.

Я нѣсколько подробнѣе остановился на наказѣ потому, что никакъ не могу понять, какимъ образомъ три или десять инспекторовъ могутъ, служа въ своихъ канцеляріяхъ, въ то же время слѣдить за планомѣрною дѣятельностью поднадзорнаго вражескаго предпріятія и изучать его нѣмецкую структуру съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ.

По этому поводу я получилъ много писемъ съ разныхъ мѣстъ, и, между прочимъ, мнѣ сообщаютъ о неосуществимости надзора за такой явно германской фирмой, какъ „Кунстъ и Альберсъ“ на Дальнемъ Востока. Фирма раскинула цѣлую сеть отдѣленій, изъ которыхъ каждое можетъ продолжать вдали отъ надзора прежнюю торговую политику, преподанную, скажемъ, изъ Гамбурга, гдѣ находится главная контора этого торговаго дома, руководимаго бывшимъ германскимъ консуломъ.

У фирмы закупочныя конторы въ Москвѣ, Ригѣ и агентъ въ Петроградѣ. Кто слѣдитъ и какъ слѣдятъ за этими без-

численными отдѣленіями пресловутаго Кунста, разбросанными по городамъ и селамъ Приамурья и Уссурійскаго края, за этими агентами, шныряющими по Россіи? Эти агенты—Штеггель и Скрибановичъ—посѣщаютъ сосланнаго въ Нарымъ главу т. д. „Кунстъ и Альберсъ“, бывшаго германскаго консула Даттана.

При такихъ условіяхъ едва-ли возможно точное соблюденіе ст. 14 наказа не только по отношенію къ Даттану, но даже и къ его женѣ, германской подданной, проживающей въ Берлинѣ при сынѣ, сражающемся въ рядахъ германской арміи. Это можно предполагать хотя бы потому, что между сосланнымъ Даттаномъ и его женой въ Берлинѣ былъ контактъ, такъ какъ служащая Даттана г-жа Стефанова совершила въ разгаръ войны поѣздку изъ Берлина въ Нарымъ.

Что думаютъ правительственные инспектора о ликвидаціи принадлежащей Даттану земли у Никольска-Уссурійскаго и о роли его довѣреннаго, швейцарскаго подданнаго Штауфахера, живущаго на Сахалинѣ и получающаго за это 10.000 руб., хотя всѣ каменноугольныя заявки Даттана реквизированы? Вникли ли инспектора во взаимоотношенія между Даттаномъ и владѣльцами каменноугольныхъ площадей на Сахалинѣ, гг. Хитрово и Ренкевичемъ, а если вникли, то сообщили ли они свои наблюденія горному департаменту? Я знаю, что при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей, они фактически лишены возможности точно выполнять наказъ министерства торговли и промышленности по надзору. А сколько такихъ же фирмъ и такихъ же ненормальныхъ положеній!

Интересно было бы знать, сколько протестовъ правительственныхъ инспекторовъ противъ дѣятельности поднадзорныхъ предпріятій поступило въ особое дѣлопроизводство по правительственному надзору за вражескими и подозрительными „по Германіи“ (какъ „по чумѣ“) торгово-промышленными предпріятіями?

22 апрѣля. Предсѣдатель Совѣта министровъ, въ бытность въ Москвѣ, подвергалъ обсужденію вопросъ о ликвидаціи общества 1886 года, которое еще по сіе время, несмотря на всѣ усилія московскаго городского управленія, никакъ не могутъ вырвать изъ цѣпкихъ нѣмецкихъ рукъ.

Вотъ эта замѣчательная корреспонденція по словамъ „Русскаго Слова“ ¹⁾.

„Предсѣдатель совѣта министровъ Б. В. Штюрмеръ, прибывшій въ Москву, между прочимъ, пожелалъ на мѣстѣ подвергнуть обсужденію вопросъ о ликвидаціи общества 1886 г.

Вчера специально собранное для этого совѣщаніе состоялось, подъ предсѣдательствомъ Б. В. Штюрмера, въ квартирѣ градоначальника. Въ совѣщаніи приняли участіе: градоначальникъ В. Н. Шебеко, губернаторъ гр. Н. Л. Муравьевъ, завѣдующій технической частью московскаго градоначальства инженеръ Анохинъ, городской голова М. В. Челноковъ, товарищ городского головы В. Д. Брянскій и гласные: Л. Л. Катуаръ и Н. И. Гучковъ—отъ города, гг. Грузиновъ и Нарожницкій — отъ губернскаго земства, и друзья общества 1886 г., члены временнаго управленія гг. Свенторжецкій и Кюхельбекеръ, памятный московскому городскому управленію по настойчивой защитѣ интересовъ общества 1886 г. еще въ междувѣдомственной комиссіи Ильяшенко.

Открывая собраніе, Б. В. Штюрмеръ указалъ на то, что вопросъ о ликвидаціи общества 1886 года представляется ему слишкомъ всѣмъ извѣстнымъ для того, чтобы нужно было что-нибудь говорить о немъ.

Извѣстно,—сказалъ Б. В. Штюрмеръ,—*всѣмъ и представляется вполне определенно установленнымъ, что общество 1886 года является ядромъ нѣмецкихъ предприятий въ Москвѣ. Мнѣ думается, что никто противъ этого и возражать не станетъ...*

Это основное положеніе, высказанное предсѣдателемъ совѣта министровъ, встрѣтило, конечно, единодушную поддержку всего собранія. Даже гг. Свенторжецкій и Кюхельбекеръ со своимъ помощникомъ Бетельказеромъ,—отъ того же министерства, — не обмолвились ни единымъ словомъ.

— Такимъ образомъ, мнѣ представляется,—продолжалъ Б. В. Штюрмеръ, — что намъ нечего касаться вопроса о состояніи общества, а необходимо намѣтить программу выясненія другихъ важныхъ въ этомъ дѣлѣ вопросовъ.

Б. В. Штюрмеръ объяснилъ совѣщанію, какіе вопросы въ этомъ сложномъ дѣлѣ представляются ему наиболее важными и интересными.

¹⁾ „Русск. Сл.“ 20 апр. 1916 г.

Необходимо выяснитъ, какъ поступитъ въ дальнѣйшемъ съ предпріятіемъ общества 1886 г., кому можетъ быть передано предпріятіе этого общества для эксплуатаціи и не представится ли какихъ-либо техническихъ и хозяйственныхъ препятствій, если бы предпріятіе оказалось переданнымъ московскому городскому управленію.

М. В. Челноковъ высказалъ пожеланія города. Онъ счелъ нужнымъ подчеркнуть, что эти пожеланія не идутъ дальше того, что было признано необходимымъ предпринять противъ общества 1886 года въ комиссіи сенатора Ильяшенко, т. е. дальше ликвидаціи общества черезъ особую ликвидационную комиссію и выкупа предпріятія городскимъ управленіемъ. Для опредѣленія стоимости предпріятія,—путемъ ли балансовыхъ расчетовъ, или производствомъ фактической оцѣнки, — понадобится незначительное время: все это можно будетъ выполнить въ мѣсячный срокъ.

По вопросу о томъ, кому должно быть передано для эксплуатаціи предпріятіе общества, представители города объяснили, что передача предпріятія общества Москвѣ никакихъ финансовыхъ затрудненій представить не можетъ: будетъ ли городъ вынужденъ уплатить обществу единовременно за выкупаемое имъ предпріятіе, или же допущена будетъ разсрочка,—московское городское управленіе одинаково просто съ этими расплатами справится.

Это мнѣніе было энергично высказано представителями финансовой комиссіи Л. Л. Катуаромъ и Н. И. Гучковымъ.

Далѣе представители города, ссылаясь на практику другихъ своихъ грандіозныхъ предпріятій, указывали, что техническихъ препятствій у города быть не можетъ. Городъ отлично справляется со своими предпріятіями. Другой вопросъ—препятствія хозяйственнаго характера.

Общество фабрикантовъ боялось повышения цѣнъ на энергію, а особенно забастовокъ въ электрическомъ предпріятіи, особенно часто, будто бы, происходящихъ въ городскихъ предпріятіяхъ.

М. В. Челноковъ и другіе представители города указали, что препятствій этихъ городское управленіе не боится.

Въ подтвержденіе они ссылались на практику своего водопровода, канализаціи, наконецъ, собственной электрической станціи.

Представители временнаго управленія общества 1886 г., которымъ, конечно, передача общества городу не улыбается,

съ трудомъ нашли приличный поводъ для возраженій. Они говорили о томъ, что при огромномъ значеніи станціи, обслуживающей многія предпріятія, работающія на оборону, было бы неосторожно производить передачу предпріятія общества изъ однѣхъ рукъ въ другія. На это горожане твердо заявили, что „оборона“ страны будетъ болѣе обезпечена, когда предпріятіе будетъ находиться въ русскихъ рукахъ, а не въ нѣмецкихъ рукахъ.

Засѣданіе закончилось краткимъ резюме, которое было сдѣлано предсѣдателемъ совѣта министровъ Б. В. Штюрмеромъ.

Въ концѣ-концовъ, Б. В. Штюрмеръ заявилъ, что вопросъ о ликвидаціи общества 1886 года въ настоящее время выдвигается на очередь для обсужденія въ совѣтъ министровъ. Совѣту министровъ придется рѣшить вопросъ о томъ, кому передать предпріятіе общества 1886 года,— одному ли городу, или городу совмѣстно съ правительствомъ, или же уступить его побѣдителю на спеціальныхъ торгахъ конкурентовъ.

На этомъ совѣщаніе и кончилось.

Отмѣтимъ лишь выступленіе представителей земства, которые заявили, что вопросъ о ликвидаціи общества „Электропередача“ не можетъ разсматриваться отдѣльно отъ ликвидаціи общества 1886 года, такъ какъ судьба этихъ обоихъ вопросовъ одинакова и одинаково же должно быть и разрѣшеніе ихъ“.

Несмотря на то, что по словамъ Б. В. Штюрмера: общество 1886 года является ядромъ нѣмецкихъ предпріятій въ Москвѣ, представители временнаго управленія гг. Свенторжецкій, Кюхельбекеръ и Бетелькагеръ имѣли смѣлость доказывать неосторожность передачи общества 1886 г. въ другія руки. Пламенные рѣчи отцовъ города Москвы нисколько не убѣдили гг. Свенторжецкаго, Кюхельбекера и Бетелькагера.

Фамилии Кюхельбекеръ и Бетелькагера ясно показываютъ, почему они были противъ ликвидаціи. Является вопросомъ, какое общественное руссійское положеніе занимаетъ г. Свенторжецкій. Весь Петроградъ дастъ на это слѣдующій отвѣтъ: Людоміръ Вацлавовичъ, военный инженеръ, генераль-лейтенантъ.

Былъ у Пашича. Очаровался его высокимъ умомъ, образованіемъ, его необычайной энергіей, пламенной вѣрой

въ свѣтлое будущее. Мнѣ раньше передавали, что Пашичу слишкомъ за 60 лѣтъ, а мнѣ при встрѣчѣ показалось, что это бодрый человекъ въ половинѣ 50-хъ годовъ, но когда онъ начиналъ говорить про Сербію, про ихъ страданія, про сербскую армію, его глаза загорались, онъ воодушевлялся и становился молодымъ человекомъ. Превращеніе это было настолько поразительно, что невольно возникалъ вопросъ—его ли видѣлъ нѣсколькими минутами раньше. Разговоръ переходилъ на другую тему, взоръ потухалъ, и опять Пашичъ становился прежнимъ. Сербскій посланникъ Спалайковичъ увѣрялъ меня, что Пашичу въ исходѣ 60 лѣтъ, а въ дѣйствительности ему было подъ 80 лѣтъ.

Сегодня въ 4 часа дня, по распоряженію сенатора Кузьмина, арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость бывший военный министръ, отставной генераль-отъ-кавалеріи В. А. Сухомлиновъ.

22 апрѣля. Въ Англіи произошло событіе великой государственной важности, имѣющее громадное значеніе для войны: англійскій парламентъ принялъ въ первомъ чтеніи билль о всеобщей военной службѣ. Такимъ образомъ великая война сдѣлала то, что казалось совершенно невозможнымъ для Англіи.

Петроградскому обывателю совершенно ясна одна изъ подпольныхъ причинъ, которая понижаетъ курсъ нашего рубля въ Финляндіи. Въ только-что опубликованномъ отчетѣ финляндскаго банка имѣются на 32¹/₂ милліоновъ марокъ корреспонденты въ Берлинѣ, Любекѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Вѣнѣ. Г.г. финляндцы высасываютъ денежки съ Россіи всѣми приличными и неприличными способами, не неся надлежащихъ общеимперскихъ расходовъ.

Г. Сибирскій въ „Русскомъ Словѣ“ описываетъ такъ состояніе Трапезунда передъ сдачей ¹⁾:

„Нѣмцевъ въ Трапезундѣ было немного, но одинъ изъ нихъ, знаменитый полковникъ фонъ - Унгернъ, являясь

¹⁾ „Русск. Сл.“ 21 апр. с. г.

только командиромъ полка, въ то же время имѣлъ громад-
ное вліяніе на всѣ дѣла въ городѣ, какъ на военное, такъ
и на гражданское управленіе. Онъ былъ на позиціяхъ
вмѣстѣ съ недавно прибывшимъ въ Трапезундъ Вехтибъ-
пашой и Хаджи-Ханди-беемъ. Задолго до паденія Трапе-
зунда сюда временно пріѣзжалъ наладить и устроить раз-
битый отрядъ человекъ высокой эвергіи и организатор-
скаго таланта Халитъ-паша, командующій байбуртскимъ
отрядомъ. Командующіе отрядомъ употребляли все вліяніе,
чтобы заставить войска драться до послѣдней капли крови.
Войскамъ, занимавшимъ позиціи на Ахудагъ и Келимъ-Кая,
были отданы категорическіе приказы умереть, но не сда-
ваться, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ заявили о томъ, что на-
дняхъ должна притти на помощь тринадцатая дивизія.
Когда же выяснилось, что никакіе приказы, никакія под-
крѣпленія не въ силахъ остановить движеніе побѣдонос-
ныхъ русскихъ войскъ, то городъ рѣшено было бросить.
Былъ призванъ греческій митрополитъ, комендантъ на
словахъ передалъ ему власть надъ городомъ, и немедленно
послѣ лихорадочно-торопливой свалки въ море казеннаго
имущества войска двинулись на западъ“.

„Журналь де Балканъ“ сообщаетъ, что изъ погранич-
наго съ Австріей румынскаго округа Доробова вывезена въ
Австрію большая партія кошекъ и собакъ, мясо которыхъ
пойдетъ на изготовленіе колбасъ для арміи.

23 апрѣля. Въ Петроградъ пріѣхали французскіе ми-
нистры Вивіани и Тома. Тома министръ снабженій.

Тома и англійскій министръ Ллойдъ Джорджъ это чу-
дотворцы по снабженію армій Англии и Франціи вооруже-
ніемъ и боевыми припасами.

24 апрѣля. Для военноплѣнныхъ и нашихъ рабочихъ на лѣс-
ныхъ дачахъ отдѣлъ по заготовкѣ топлива поставилъ сапоги
въ количествѣ до 4.000 паръ, которые обошлись до 50.000 р.
Весь подрядъ этотъ былъ исполненъ въ разныхъ мѣстахъ
незначительными партіями и по разнымъ цѣнамъ. Въ ре-
зультатѣ сапоги оказались съ бумажными подметками, обш-
тыми кожей. Гласный Елизаровъ, обращая на этотъ заказъ
вниманіе, проситъ разслѣдованія ревизионой комиссіи, при

чемъ указываетъ, что заказъ не прошелъ ни черезъ думу, ни черезъ управу ¹⁾.

24 апрѣля. „Сдача оружія мятежниками въ Ирландіи протекаетъ вполне успѣшно. Вчера 39 мятежникамъ вынесены приговоры военнымъ судомъ. До настоящаго времени утверждены три приговора, притомъ всѣ къ смертной казни. Однако приговоръ приведенъ въ исполненіе только въ отношеніи одного осужденнаго, двумъ же другимъ смертная казнь замѣнена безсрочными каторжными работами. 19-го апрѣля военный судъ приговорилъ трехъ мятежниковъ къ 3 годамъ каторжныхъ работъ“.

Новая германская нота Америкѣ представляетъ обычную двуличность и наглость Германіи: она указываетъ, что германскимъ правительствомъ предписано командующимъ морскими силами соблюдать общепризнанныя нормы международнаго права, о задержаніи, обыскѣ и уничтоженіи коммерческихъ судовъ и не топить ихъ безъ предварительнаго предупрежденія и принятія мѣръ къ спасенію находящихся на нихъ людей, поскольку суда эти не будутъ пытаться спастись бѣгствомъ или оказывать сопротивленіе.

Далѣе выясняется желательная цѣль Германіи, что Соединенные Штаты добьются отъ Англіи уничтоженія всѣхъ преградъ къ восстановленію безпрепятственнаго морского судоходства.

„Если правительство Соединенныхъ Штатовъ не добьется желаемаго результата, то Германія будетъ поставлена лицомъ къ лицу передъ новымъ положеніемъ вещей, относительно котораго она сохраняетъ за собою полную свободу рѣшенія“.

Ну, можетъ ли быть что-либо нахальнѣе: мы, нѣмцы, можемъ дѣлать то, что хотимъ мы, и противники наши должны дѣлать то же, а если не будутъ дѣлать, то для насъ нѣтъ никакихъ обязательствъ.

25 апрѣля. Съ плѣнными у насъ обращаются сверхчужданно: одинъ нашъ унтеръ-офицеръ рассказывалъ, что не

¹⁾ „Нов. Вр.“ 24 апрѣля.

только толкнуть плѣннаго не позволяютъ, но даже воспрепятствуютъ ему сказать какую бы то ни было угрозу.

Наказаніе ему одинъ только слабый арестъ. Свобода для плѣнныхъ большая.

По другимъ даннымъ плѣнные плохо работаютъ у сельскихъ хозяевъ, портятъ имъ скотъ и убѣгаютъ съ работы, а иногда забастовываютъ, когда считаютъ, что имъ недостаточно даютъ мяса.

26 апрѣля. „Омскій Вѣстникъ“ передаетъ: по возбужденному омскимъ епархіальнымъ братствомъ вопросу о возможности разрѣшенія военноплѣннымъ вступать въ бракъ, главное управленіе генеральнаго штаба разъяснило, что разрѣшеніе вопроса о вступленіи въ бракъ военноплѣнныхъ признано соотвѣтственнымъ отложить до окончанія войны¹⁾.

Ну можно ли представить себѣ болѣе дикую фантазію, какъ ходатайство омскаго епархіальнаго братства о бракахъ военноплѣнныхъ.

27 апрѣля. „Новое Время“²⁾ сообщаетъ о саратовскомъ королѣ мукомоловъ Фридрихѣ Шмидтѣ:

Мукомоль Фридрихъ Шмидъ увѣдомилъ городской продовольственный отдѣлъ, что перемалывать городское зерно онъ болѣе не будетъ.

Свой отказъ Фридрихъ Шмидтъ мотивируетъ тѣмъ, что опредѣленное количество помола, причитающагося на его долю, закончено.

Странно: вѣдь недавно герръ Шмидтъ вмѣстѣ съ „Саратовскимъ Вѣстникомъ“ заявилъ, что у него зерна нѣтъ. Герръ Шмидту, стало быть, выгоднѣе перемалывать чужое зерно по 18 коп. съ пуда, чѣмъ оставить мельницы въ бездѣйствіи.

Всѣмъ ясно, къ чему стремится Фридрихъ Шмидтъ. Когда же, однако, это станетъ ясно и „саратофской“ администраціи?

Сегодня миновало 10 лѣтъ со дня установленія у насъ народнаго представительства.

1) „Нов. Вр.“ 26 апрѣля.

2) „Нов. Вр.“ 27 апрѣля.

28 апрѣля. Интересное показаніе плѣннаго приводитъ корреспондентъ „Новаго Времени“¹⁾.

— Мы вашихъ пушекъ не боимся,—говорилъ недавно одинъ плѣнный турецкій офицеръ,—на Галлиполи мы видали и не такія, какъ ваши, а вотъ аскеръ вашъ очень страшенъ для насъ. Они идутъ въ атаку и ихъ ничѣмъ не остано-вишь. Сколько мы стрѣляемъ въ нихъ, а они все идутъ... И не падаютъ! И при этомъ непременно норовятъ дойти, чтобы штыкомъ проткнуть.... Вотъ это для насъ самое страшное...

В. М. Дорошевичъ рассказываетъ о томъ, какъ нынѣ такъ много намъ противодѣйствующіе, курдскіе беки ѣхали въ Константинополь на поклонъ къ Абдуль-Гамиду.

„Курдскіе беки, вожди были приглашены въ Констан-тинополь.

Здѣсь они должны были увидѣть:

— Своего падишаха во всемъ его блескѣ и великолѣпіи.

Здѣсь ихъ осыпали подарками.

Здѣсь самъ халифъ долженъ былъ:

— Зажечь ихъ святымъ огнемъ.

Чтобъ они горѣли, какъ костры на границѣ.

Подъ нихъ былъ зафрахтованъ тотъ самый пароходъ Австрійскаго Ллойда „Далмація“, на которомъ шель теперь я.

„Курдскіе беки явились во всемъ великолѣпіи, съ безчи-сленной прислугой.

Съ запасомъ провизіи.

Со своими поварами.

— Чтобъ не кормили чѣмъ нечистымъ.

И въ тотъ же день помощникъ прибѣжалъ къ капитану въ ужасѣ.

— Капитанъ! Они ѣдятъ... нельзя сказать, изъ чего они ѣдятъ!

Усѣвшись на палубѣ, курдскіе беки важно и величе-ственно ѣли изъ посуды, предназначенной... предназна-ченной вовсе не для ѣды.

Они были очень довольны, найдя посуду въ ночныхъ столикахъ.

— „Франки“ молодцы! Каждому поставлена своя миска, чтобъ ѣсть!

¹⁾ „Нов. Вр. 28 апрѣля с. г.

Капитанъ, —разсказывалъ онъ мнѣ, —схватился за голову.
Что дѣлать?

Сказать?

Курды сочтутъ за насмѣшку.

И всѣхъ перерѣжутъ:

— За такое оскверненіе.

Онъ созвалъ помощниковъ и команду и строго-настрого приказалъ:

— Не обращать вниманія.

Избави Боже, не смѣяться и какъ-нибудь не дать понять ошибку.

Курдскіе беки такъ до самаго Константинополя питались изъ вазъ, не созданныхъ для такой чести“.

29—30 апрѣля. 28 апрѣля въ особомъ присутствіи Петроградской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей слушалось дѣло пастора Глезера, который обвинялся въ томъ, что призывалъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу, сдаваться въ плѣнъ германцамъ. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, приговоръ же объявленъ публично. Обвиненіе къ Глезеру было предъявлено по 1 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. Палата приговорила подсудимаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе.

Г. Курмояровъ сообщаетъ о новыхъ подлостяхъ германцевъ ¹⁾:

Нѣмецкіе аэропланы бросаютъ не только бомбы. Звѣрская „подлость“ Германіи изощряется на такія выдумки, которыя не могутъ придти въ голову честному человѣку даже по отношенію врага. Летчики кидаютъ сверху... коробки съ конфетами. Можно подумать, какая любезность, какіе милые подарки войскамъ и населенію! Но конфеты эти отравлены и не просто какимъ-нибудь ядомъ, а бациллами самыхъ тяжелыхъ заразныхъ болѣзней. Исслѣдованіе одной изъ такихъ „бомбоньерокъ“ показало, что въ ней заключены холерныя, тифозныя и другія болѣзни. Бросаютъ коньякъ, спиртъ, съ гнуснымъ расчетомъ на то, что трезвый солдатикъ или мужикъ обрадуется счастливой на-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 29 апрѣля с. г.

ходкѣ и не преминетъ ею воспользоваться. Но, слава Богу, мнѣ не пришлось слышать, чтобы солдаты поддались обману: подозрительныя бутылки сдавали по начальству, и онѣ тутъ же уничтожались.

Знаменитаго творца германскаго закона о двуподданствѣ Дельбрюка заставили выйти въ отставку.

Въ послѣднее время у насъ въ образованномъ обществѣ нѣкоторыя лица стали носить лапти.

Съ 16-го по конецъ апрѣля военныя дѣйствія протекали слѣдующимъ образомъ: на западномъ нашемъ фронтѣ обычная ружейная и артиллерійская перестрѣлка, нападенія аэроплановъ, столкновенія развѣдывательныхъ партій.

За это время непріятель практиковалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отбитыя нами контръ-атаки; такъ было на Рижскомъ фронтѣ у Рогацема, на Двинскомъ у Епукны, у о. Медмузскаго, къ югу отъ Двинска до Нароча, у Видзѣ у Постава, на Воляни у Олыка и Колки и въ Галиціи у Язловиць.

25 апрѣля „Бреслау“ бомбардировалъ Евпаторію.

На Кавказскомъ фронтѣ мы сначала продвигались впередъ на Эрзерумскомъ, Эрзинджанскомъ и Діарбекирскомъ направленіяхъ, а затѣмъ турки, получивъ подкрѣпленія, стали переходить въ наступленіе въ Байбуртскомъ, Битлисскомъ, Эрзинджанскомъ и Мамахатунскомъ направленіяхъ, но всѣ атаки были отражены.

На Багдадскомъ направленіи сначала мы потѣснили турокъ, а затѣмъ турки перешли въ наступленіе.

Въ № 104 „Рус. Инв.“ помѣщено слѣдующее оповѣщеніе Морского Генеральнаго Штаба:

На дняхъ въ Черномъ морѣ нашимъ флотомъ были затралены и подняты германскія мины загражденія. Морской Генеральный Штабъ съ чувствомъ глубокаго негодованія сообщаетъ, что, ставя эти мины на Святой недѣлѣ, непріятель счелъ для себя позволительнымъ совершить дерзкую богохульственную насмѣшку надъ православнымъ обычаемъ поздравленія со Свѣтлымъ Праздникомъ и помѣстилъ на

всѣхъ минахъ сверху бѣлой краской слѣдующую надпись въ болгарской орѳографіи: „Христово Воскресеніе!“.

Какъ сообщаютъ новѣйшія телеграммы изъ Стокгольма, въ серединѣ апрѣля въ Берлинѣ состоялся большой военный совѣтъ подѣ предсѣдательствомъ кайзера. На совѣтѣ присутствовали, кромѣ кронпринца и баварскаго престолонаслѣдника, наслѣдныи австрійскій эрцгерцогъ, баварскій принцъ Рудольфъ, маршалъ Гинденбургъ, фельд-маршалъ Макензенъ, генералы фонъ-Эмерихъ и фонъ-Беловъ и Сандерсъ и даже адмиралъ султана Сушонъ. Кромѣ того, сюда же съѣхались начальники штабовъ германскаго, австрійскаго, болгарскаго и турецкаго.

Одинъ англійскій корреспондентъ ¹⁾, побывавшій въ Константинополѣ, такъ рассказываетъ о своемъ пребываніи въ этомъ городѣ:

Константинополь наполненъ ранеными и больными солдатами; всѣ большія зданія обращены въ лазареты, изъ коихъ наибольшій въ Лицеѣ; на всѣхъ домахъ богатыхъ французскихъ и англійскихъ коммерсантовъ развѣвается флагъ „Краснаго Полумѣсяца“; раненые перевозятся городскими извозчиками, экипажи которыхъ послѣ того по распоряженію нѣмцевъ тщательно дезинфецируются.

Султанъ является только безвластною фигурою; онъ по пятницамъ ходитъ въ ближайшую мечеть, боясь посѣщать Айю-Софію изъ опасенія покушенія; на улицѣ толпа его привѣтствуетъ только, когда съ нимъ Энверъ-паша. Его полная, тяжелая фигура имѣетъ жалкій видъ, и нельзя удивляться, что турки отняли у него власть. Султанъ предоставляетъ свободу распоряжаться Талаатъ-бею и Энверъ-пашѣ. Послѣдній считаетъ себя главною силою въ имперіи, но на дѣлѣ Турціею управляетъ ловкій государственныи человекъ Талаатъ. Хотя онъ и германофилъ, но, по слухамъ, онъ вѣритъ въ конечную побѣду державъ Согласія, и возможно, что онъ не противникъ заключенія съ ними сепаратнаго мира.

Когда было объявлено въ Турціи объ эвакуаціи союзниками полуострова Галлиполи, въ столицѣ было ликованіе; на всѣхъ углахъ прибиты были афиши съ возвѣще-

¹⁾ „Рус. Инв.“ № 106.

ніемъ побѣды на турецкомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Турки рассказывали, что союзникамъ было нанесено рѣшительное поражение и они были сброшены въ море.

Авторъ замѣтокъ, однако, не особенно смущался этими рассказами, плохо довѣряя турецкимъ сообщеніямъ и тѣмъ болѣе, что не видать было плѣнныхъ, которыхъ нѣмцы и турки не замедлили бы показывать въ столицѣ.

Зато три дня спустя онъ видѣлъ прохожденіе по улицамъ около 10.000 турецкихъ войскъ съ Галлиполи; никогда не случалось ему видѣть такого жалкаго войска—исхудалые, тощіе солдаты еле плелись, многихъ тащили товарищи; ни ружей, ни снаряженія они не несли—все возилось за ними на повозкахъ, но на cadaго турецкаго офицера приходилось 2 германскихъ; эти войска нуждались несомнѣнно въ нѣсколькихъ недѣляхъ полного отдыха (они, повидимому, въ началѣ февраля были отправлены въ Малую Азію). Если принять во вниманіе выносливость турецкаго солдата, то можно представить себѣ, какое напряженіе и какія лишенія испытывали турецкія войска на Галлиполи.

Проходя по мосту черезъ Золотой Рогъ, нашъ авторъ обратилъ вниманіе на ту особенность, что съ нѣмцевъ не берутъ установленную плату въ одинъ пенни. Объясняется это тѣмъ, что когда британская подводная лодка миною повредила мостъ, турецкіе инженеры не могли его исправить и обратились по обыкновенію за помощью нѣмцевъ, которые быстро выполнили работу; но когда изъ Берлина прислали счетъ за нее, турки развели руками и въ отчаяніи заявили, что они не въ состояніи заплатить. Счетъ остался неуплаченнымъ, но зато всѣмъ германскимъ подданнымъ разрѣшено было бесплатно проходить по мосту; корреспондентъ убѣдился въ этомъ простѣйшимъ способомъ—онъ съ контролеромъ заговорилъ по-нѣмецки и тотчасъ былъ пропущенъ даромъ.

Всѣмъ извѣстна малая достовѣрность турецкихъ сообщеній, и нужно быть очень наивнымъ, чтобы вѣрить тому, что читаешь въ турецкой газетѣ. Въ Хасъ Кейулѣ на Золотомъ Рогѣ произошелъ странный взрывъ на пороховомъ заводѣ; газеты объявили, что убито 3 человѣка и ранено 6; а зданій, кромѣ самого завода, разрушено 2. Корреспондентъ пожелалъ провѣрить это извѣстіе и отправился на мѣсто взрыва въ еврейскій кварталъ—вся окрестность оказалась въ развалинахъ, погибло не менѣе 2.000 человѣкъ

и еще 2 недѣли послѣ взрыва рабочія партіи отрывали трупы изъ подъ развалинъ.

Въ Стеніи на Босфорѣ авторъ видѣлъ оба знаменитыхъ судна „Гебенъ“ и „Бреслау“. „Гебенъ“ въ очень дурномъ состояніи и поддерживается на водѣ только при помощи искусственныхъ приспособленій (это было въ январѣ 1916 г.); пробоины отъ снарядовъ въ немъ задѣланы цементомъ; его, видимо, не считаютъ болѣе годнымъ къ дѣйствіямъ, ибо нѣсколько изъ его крупныхъ орудій были свезены на берегъ. Зато „Бреслау“ былъ въ полномъ порядкѣ и, заново выкрашенный въ сѣрый цвѣтъ, казался готовымъ къ выходу въ море. Въ городѣ слышно много различныхъ версій о томъ, какъ этимъ двумъ судамъ удалось спастись въ Дарданеллы въ началѣ войны; одинъ изъ турецкихъ депутатовъ рассказывалъ, что оба судна нашли себѣ убѣжище въ Мессинѣ и въ разстояніи 3-хъ-мильной нейтральной зоны ихъ поджидали 24 союзныхъ судна. Уйти казалось невыносимымъ, и командиръ „Бреслау“ предлагалъ интернироваться въ нейтральномъ порту, но командиръ „Гебена“ стоялъ за прорывъ, и его мнѣніе, какъ старшаго, восторжествовало. Оба судна ночью вышли изъ порта и, держась возможно ближе къ берегу, благополучно ушли и достигли Дарданеллъ. Прибытіе ихъ, по мнѣнію депутата, повліяло на рѣшеніе Турціи участвовать въ войнѣ; турки полагали, что съ придачею этихъ двухъ крейсеровъ ихъ флотъ въ состояніи будетъ справиться съ русскимъ флотомъ въ Черномъ морѣ.

Ко дню отъѣзда корреспондента изъ Константинополя стали приходить первые слухи о русскомъ наступленіи на Кавказской границѣ. Онъ еще успѣлъ увидѣть, какъ были отпращены въ Арменію 5 отлично снаряженныхъ турецкихъ баталіоновъ съ новыми ружьями. Авторъ настаиваетъ на серьезномъ намѣреніи турокъ и германцевъ организовать походъ въ Египетъ.

Нѣмцы обучили 4.000 солдатъ ѣздѣ на верблюдахъ (обучались они въ Гамбургѣ въ циркѣ Гагенбека), а такой отрядъ можетъ имѣть большое значеніе въ пустынѣ. Экспедиція должна была выступить изъ Алеппо. Съ турками еще приходится серьезно считаться; хотя они и понесли большія потери, но людей у нихъ еще много и нѣмцы хорошо ихъ натаскиваютъ.

Сводя знакомство съ германскими офицерами, скучавшими за отсутствіемъ развлеченій, ибо всѣ увеселитель-

ныя мѣста въ Константинополѣ были закрыты, а также съ другими нѣмцами, корреспондентъ узнавалъ много интереснаго. Типичный нѣмецъ, старшій конструкторъ подводныхъ лодокъ съ завода „Германія“ въ Килѣ, за угощеніе пивомъ и лестные отзывы о нѣмцахъ, посвятилъ его въ тайны проникновенія германскихъ подводныхъ лодокъ въ Турцію; изъ малаго типа ихъ въ то время было не болѣе четырехъ (№ 4, 18 и 25 и еще одна); на всѣхъ на боевой рубкѣ былъ намалеванъ большой „железный крестъ“.

База ихъ 2 (15) января находилась въ Золотомъ Рогѣ, между двумя большими германскими коммерческими судами. Позднѣе прибыли еще 2 лодки. Онѣ въ разобранномъ видѣ были перевезены по желѣзной дорогѣ въ Триестъ, тамъ собраны и отправлены въ море. На лодкахъ нѣмцы одѣты въ свою форму, тогда какъ на крейсерахъ носятъ фески. Турецкихъ подводныхъ лодокъ не существуетъ, также какъ и аэроплановъ у турокъ только нѣсколько штукъ. Большая германская подводная лодка U 51, пришла моремъ изъ Киля въ 1915 г. черезъ Гибралтаръ; она имѣла очень значительные размѣры и крупное орудіе въ носовой части. Ею были потоплены британскіе броненосцы „Триумфъ“ и „Маджестикъ“. Командиръ ея, капитанъ ф. Херсингъ, рассказывалъ автору о своемъ путешествіи изъ Киля; какъ онъ въ надводномъ плаваніи прошелъ черезъ Гибралтаръ, какъ у о-ва Лемноса попалъ въ британскую заградительную сѣтку и съ трудомъ высвободился съ поврежденнымъ винтомъ и какъ онъ въ началѣ мая 1915 года прибылъ въ Константинополь. Этотъ офицеръ производитъ впечатлѣніе скромнаго и порядочнаго человѣка; онъ категорически отрицалъ, что „Лузитанія“ была потоплена его лодкою. Вообще, по мнѣнію корреспондента, хотя среди германскихъ морскихъ офицеровъ, вѣроятно, имѣются тоже варвары, но тѣ, съ которыми онъ встрѣчался въ Паласѣ Отелъ въ Перѣ, очень отличаются отъ офицеровъ сухопутныхъ войскъ—надменныхъ и грубыхъ. Большинство морскихъ офицеровъ, которые не питаютъ симпатій къ своимъ сухопутнымъ товарищамъ, сильно огорчены службою, которую имъ приходится нести по приказанію свыше. Потопленіе „Лузитаніи“ сильно критикуется въ германскомъ флотѣ.

Подводныя лодки въ Константинополѣ, помимо своего прямого назначенія, служатъ нѣмцамъ для держанія въ повиновеніи турокъ, такъ какъ даже малыя лодки имѣютъ въ носовой части орудіе, хотя и небольшого калибра, но

достаточное для внушенія страха. Иногда происходят инциденты между нѣмцами и турками. Такъ, однажды корреспондентъ „Берлинеръ Тагеблатъ“, докторъ Ледера, сообщилъ своей газетѣ, что въ виду недостатка въ артиллеріи у турокъ, пришлось съ „Гебена“ снять 2 крупныхъ орудія и установить ихъ на Галлиполи. Турки обидѣлись на такое разоблаченіе тайны, арестовали Ледера и послали его въ концентраціонный лагерь. Барону Вангенгейму съ трудомъ удалось освободить Ледера послѣ 6 недѣльнаго ареста; корреспондентъ былъ высланъ изъ Турціи.

Авторъ замѣтокъ упоминаетъ о своемъ знакомствѣ въ пути съ австрійскимъ шпиономъ, побывавшимъ 2 раза въ Англіи и открывшимъ ему уловки нѣмецкихъ шпионовъ. Чтобы попасть въ Англію, шпионъ долженъ заручиться паспортомъ въ нейтральной державѣ и рекомендаціей какой-либо торговой фирмы, въ качествѣ агента которой онъ предполагаетъ путешествовать. Для полученія паспорта нужно фальшивое метрическое свидѣтельство; такіе документы въ началѣ войны въ нейтральныхъ странахъ можно было купить за 100—120 рублей. По полученіи паспорта, нужно визировать его у британскаго консула; многіе изъ консуловъ—мѣстные жители, другіе хотя и англичане, но не могутъ провѣрить подлинности метрики—при нихъ надлежало бы для этой цѣли имѣть спеціальныхъ сыщиковъ-англичанъ. Заручившись „визой“, шпионъ свободно проникаетъ въ Англію и осторожно входитъ въ сношенія съ живущими тамъ нѣмецкими шпионами.

Далѣе этотъ же корреспондентъ „Daily Mail“ въ №№ 108 и 111 „Русскаго Инвалида“ описываетъ о своемъ пребываніи въ Болгаріи.

Въ путевыхъ замѣткахъ корреспондента далѣе описывается, какъ онъ попалъ на исторической обѣдѣ съ кайзеромъ въ Нишѣ 5-го (18-го) января 1916 г. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ замѣчать, что кто-то въ его отсутствіи въ отелѣ интересуется его бумагами и, опасаясь наблюденія со стороны полиціи, рѣшилъ уѣхать изъ Константинополя. вмѣстѣ съ тѣмъ въ турецкихъ газетахъ появилось извѣстіе, что императоръ Вильгельмъ ѣдетъ въ Бѣлградъ. Это всѣхъ очень удивило, такъ какъ и здѣсь много говорили о болѣзни кайзера. Нашъ журналистъ воспылалъ непреодолимымъ желаніемъ видѣть Вильгельма и въ то же время по-

смотрѣть Бѣлградъ. Онъ отправился вновь къ Халиль-бею. Халиль-бей принялъ его любезно и, выслушавъ цѣлый рядъ комплиментовъ и страстное желаніе просителя видѣть „Бога Войны“, далъ ему свою карточку и письмо къ начальнику полиціи въ Стамбулѣ. Съ нѣкоторой опаской корреспондентъ отправился на другой день въ полицейское управленіе, гдѣ ему объявили, что балканскій экспрессъ пойдетъ только черезъ нѣсколько дней, а пока можно ѣхать только на германскомъ воинскомъ поѣздѣ. Авторъ замѣтокъ упомянулъ о своей аудіенціи у Энвера-паши и просилъ выхлопотать у военнаго министра разрѣшеніе ѣхать на воинскомъ поѣздѣ. Обѣщали похлопотать и оставили у себя его паспортъ. На другой день паспортъ былъ ему возвращенъ съ турецкимъ клеймомъ и надписью о разрѣшеніи ѣхать въ Бѣлградъ, и, такимъ образомъ, онъ очутился на воинскомъ поѣздѣ среди чиновъ германскаго „Краснаго Креста“ и германскихъ офицеровъ и солдатъ.

По пути въ Сербію онъ могъ убѣдиться, съ какою быстротою нѣмцы возстановили разрушенные сербами при отступленіи путь, мосты и тоннели; по сторонамъ всюду лежали слѣды недавней борьбы—поломанныя повозки, трупы лошадей, съ которыхъ нѣмцы предусмотрительно содрали кожу, и предметы снаряженія всякаго рода. Ему рассказали, что нѣмцы на греческой границѣ переодѣли болгарскія войска въ прусскіе мундиры въ виду того, что греки ненавидятъ болгаръ и въ случаѣ похода на Салоники были бы очень озлоблены появленіемъ на ихъ территоріи болгарскихъ войскъ. Дѣйствительно, корреспондентъ въ Нишѣ видѣлъ большіе запасы прусскаго обмундированія, а потомъ въ печати сообщалось, что болгарскія дивизіи у Дойрана были одѣты въ прусскіе мундиры. Впрочемъ, онъ плохо вѣрилъ въ осуществленіе экспедиціи противъ Салоникъ, такъ какъ нѣмцамъ внушаетъ сильное опасеніе генераль Сарайль, съ которымъ имъ пришлось познакомиться подъ Верденомъ (въ періодъ большого сраженія на Марнѣ въ 1914 г.). Турки также съ опаской поглядываютъ на Салоники, боясь, какъ бы союзники не атаковали Константинополь съ сѣверо-запада.

Когда поѣздъ подходилъ къ Нишу, германскій унтеръ-офицеръ, выглянувъ въ окно, вскричалъ: „Нашъ кайзеръ здѣсь!“. Всѣ бросились къ окнамъ и увидели станцію, расцвѣченную германскими и болгарскими флагами. Корреспондентъ почувялъ близость исполненія своихъ желаній,

Съ трудомъ скрывая свое внутреннее волненіе, журналистъ радостно изъявилъ свое согласіе.

Затѣмъ авторъ провелъ время до обѣда въ прогулкѣ по городу съ двумя болгарскими журналистами, съ которыми его познакомилъ Ромаковъ. Нишъ находился подъ свѣжымъ покровомъ, погода была ясная, солнечная. Въ городѣ квартировалъ штабъ германской балканской арміи. Нишъ представлялъ собою настоящій арсеналъ, заваленный орудіями и боевыми припасами и особенно складами снарядовъ для тяжелой артиллеріи. Въ немъ было множество плѣнныхъ сербовъ, которые свободно бродили по улицамъ и, повидимому, сравнительно были довольны своею судьбою. Городъ очень мало пострадалъ отъ обстрѣливанія; дѣловая жизнь была очень оживленною; германскіе солдаты свободно расходовали деньги; всѣ большія зданія были превращены въ лазареты, которые получали предметы снабженія изъ окрестностей.

Когда на вокзалѣ съ главнаго пути убрали императорскій поѣздъ, къ платформѣ съ сѣвера подошелъ другой—съ боевыми припасами и монопланами Фокера; послѣдніе, отличавшіеся большими размѣрами, занимали по длинѣ каждый двѣ платформы; крылья были сложены назадъ и моторы тщательно прикрыты.

Банкетъ въ честь императора состоялся въ городской ратушѣ, столовая была обильно разукрашена флагами, въ томъ числѣ германскими и австрійскими, хотя австрійцы имѣютъ мало представителей въ Нишѣ и ихъ штабъ-квартира, повидимому, находилась въ Бѣлградѣ. Приглашенныхъ было немного; столъ, установленный покоемъ, имѣлъ только 50 приборовъ и нѣсколько мѣстъ оставались пустыми, а фактически на обѣдѣ присутствовало не болѣе 40 лицъ. Столъ былъ украшенъ розами и ранними полевыми цвѣтами, среди которыхъ преобладалъ желтый цвѣтъ. Скрытый за пальмами гвардейскій оркестръ исполнялъ музыкальную программу, въ которую входили пьесы Мендельсона, Вагнера, Шопена, Атанасова („Волшебный источникъ“) и др. и „Балканскій маршъ“ Скордева. Простота была главною отличительною чертою этой трапезы; прислуживали болгарскіе солдаты—вѣстовые. Меню, отпечатанное на нѣмецкомъ языкѣ и украшенное сверху королевскимъ гербомъ Фердинанда, заключало въ себѣ семь блюдъ: куриный супъ, форели изъ озера Охриды, пилавъ, шеврель по-кумберландски, страссбургскій пирогъ, салатъ цикорій съ укропомъ изъ

Варны и болгарское мороженое; затѣмъ слѣдовали батонны съ сыромъ и десертъ.

Для представителей печати были отведены удобныя мѣста, съ которыхъ можно было хорошо слышать рѣчи. Обѣдъ носилъ отпечатокъ обычной официальной натянутости. Императоръ сидѣлъ по правую руку Фердинанда, а по лѣвую сторону послѣдняго—генераль ф.-Фалькенхайнъ; правымъ сосѣдомъ Вильгельма былъ, повидимому, Радо-славовъ.

Авторъ замѣтокъ, сосредоточивъ свое вниманіе на кайзерѣ, не меньше былъ заинтересованъ генераломъ Фалькенхайномъ, начальникомъ германскаго генеральнаго штаба, руководителемъ гигантской германской военной машины. Трудно встрѣтить человѣка съ болѣе тонкими и красивыми чертами лица; хотя ему далеко за 50 лѣтъ, но выглядить онъ моложе. Въ немъ мало нѣмецкаго, если не считать его аккуратности. Онъ носитъ коротко остриженные сѣрые волосы, движенія его быстрыя, и онъ является олицетвореніемъ силы, мужества и живости и, повидимому, выносить тягости войны и громадную отвѣтственность ея замѣчательно легко. При видѣ его, корреспондентъ получилъ отчетливое впечатлѣніе, что этотъ человѣкъ вполне подходящій для возложенной на него задачи. Онъ свободно бесѣдовалъ съ кайзеромъ и Фердинандомъ съ видомъ непринужденности и увѣренности.

Наблюдая за Вильгельмомъ, который безпрестанно кашлялъ и имѣлъ страшно утомленный видъ, корреспондентъ удивлялся, что могло побудить этого, очевидно больного человѣка, покинуть свой дворецъ въ Берлинѣ и ѣхать двое сутокъ въ маленькій сербскій городокъ, чтобы присутствовать на обѣдѣ въ 40 кувертовъ, при свѣтѣ керосиновыхъ лампъ? Несмотря на состояніе своего здоровья, Вильгельмъ старался быть любезнымъ насколько возможно. Получалось впечатлѣніе, что онъ желаетъ чего-нибудь добиться отъ Фердинанда и отъ болгаръ вообще, иначе онъ едва-ли сталъ выносить фамиліарную манеру, съ которою къ нему обращался Кобургскій. Императоръ Вильгельмъ вообще не терпитъ такого обращенія съ собою даже со стороны равныхъ съ нимъ по положенію лицъ, если онъ не преслѣдуетъ особой цѣли. Онъ, видимо, долженъ былъ дѣлать надъ собою большія усилія, когда, временами задыхаясь отъ кашля, съ улыбкою выслушивалъ Фердинанда, наклонявшагося къ нему и что-то нашептывающаго ему въ ухо.

Авторъ замѣтокъ дивился, какія мысли рождаются въ головѣ Вильгельма при видѣ этого желтаго лица съ узкими въ щелку глазами—типичными глазами ростовщика—своего зазнавашагося сосѣда. Какъ бы ни старался Фердинандъ, онъ не въ состояніи сгладить выраженія скрытаго лукавства, составляющаго отличительную черту его фizioноміи. Эти крошечные глаза являются зеркаломъ очень темной души и за этой желтой маской, съ крючковатымъ носомъ, обрамленной бородкой съ просѣдью, скрывается очень лукавый мозгъ. Кайзеръ ничего не ѣлъ и не пилъ за обѣдомъ, быть можетъ въ виду того, что, по слухамъ, онъ обыкновенно ѣстъ раньше, а потомъ является на официальные банкеты, а можетъ быть вслѣдствіе состоянія его горла. Зато Фердинандъ ѣлъ каждаго блюда съ аппетитомъ и съ видимымъ удовольствіемъ тянулъ какое-то особенное бѣлое вино. Онъ имѣлъ видъ крайне самодовольный и, видимо, гордился тѣмъ, что больной кайзеръ пропутешествовалъ двое сутокъ, чтобы присутствовать на „его“ банкетѣ.

Когда встали изъ-за стола, еще больше бросилась въ глаза разница между двумя правителями. Хотя Вильгельмъ рядомъ съ большимъ и грузнымъ Фердинандомъ казался маленькаго роста, хотъ онъ выглядѣлъ старымъ, сѣдымъ, морщинистымъ, больнымъ и усталымъ, все же онъ держался прямо, какъ на смотру своей гвардіи, и въ немъ виденъ былъ императоръ, ярко отличаясь отъ тяжеловѣсной, неуклюжей фигуры болгарскаго правителя.

Среди приглашенныхъ находились оба болгарскихъ королевича. Наслѣдный королевичъ Борисъ является должно быть страшнымъ разочарованіемъ для своего отца; тощій, съ округленными плечами, тупымъ выраженіемъ лица, онъ выглядывалъ усталымъ и значительно старше своихъ лѣтъ; если бы не мундиръ, его можно было бы принять за прислугу. Королевичъ Кирилль выглядит нѣсколько лучше своего брата, но и имъ отецъ не имѣетъ основанія гордиться; оба принца сидѣли между германскими офицерами и совершенно стушевались своею ничтожностью.

Очень забавенъ отзывъ корреспондента одной изъ германскихъ газетъ объ историческомъ банкетѣ въ Нишѣ. Онъ увѣряетъ, что кайзеръ былъ въ веселомъ и даже игривомъ настроеніи духа, что онъ поднялъ принца Кирилла и подбрасывалъ его въ воздухъ; наконецъ посадилъ къ себѣ на колѣни и поцѣловалъ. Нѣмецкій корреспондентъ, очевидно, позабылъ о сухой рукѣ Вильгельма; онъ

не можетъ „подбрасывать“ даже ребенка, Кирилль же—взрослый молодой человекъ, а наружность его настолько непривлекательна, что даже при всей „дипломатіи“ кайзеру едва-ли пришло бы въ голову поцѣловать его. Нѣмецкій журналистъ не въ мѣру перестарался.

Рѣчи во время банкета были политическаго характера и хвастливаго содержанія; онѣ извѣстны изъ печати, и авторъ замѣтокъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы записывать ихъ, а заимствовалъ содержаніе ихъ изъ газеты „Times“. Фердинандъ говорилъ по-нѣмецки, за исключеніемъ послѣдней фразы, произнесенной по-латыни. Когда былъ поданъ кофе и „бисмарковскія“ сигары, поднялся Фердинандъ, и тотчасъ воцарилось молчаніе. Онъ говорилъ плавно на отличномъ нѣмецкомъ языкѣ и безъ помощи замѣтокъ.

Въ началѣ рѣчи онъ упомянулъ, что въ этотъ день исполнилось 250 лѣтъ со дня коронаванія перваго прусскаго короля Фридриха I-го и учрежденія имъ ордена Краснаго Ора.

Теперь императоръ, послѣ славныхъ побѣдъ своихъ войскъ, можетъ въ безопасности пребывать въ прежней римской крѣпости Нишѣ. Ораторъ благодарилъ кайзера за посѣщеніе, закрѣпляющее союзъ между обѣими странами. Миръ, продолжалъ онъ, съ удивленіемъ и восхищеніемъ одѣнываетъ мощь Германіи и ея союзниковъ и вѣритъ въ непобѣдимость германской арміи подъ руководствомъ ея кайзера. Ораторъ выразилъ надежду, что 1916 годъ принесетъ прочный миръ—священный плодъ „нашихъ“ побѣдъ, который дастъ возможность болгарскому народу впредь содѣйствовать культурной работѣ. Но если по волѣ судьбы придется продолжать войну, то болгарскій вооруженный народъ до конца будетъ готовъ исполнить свой долгъ. Тутъ Фердинанду, вѣроятно, показалось, что нѣмецкій языкъ недостаточенъ для выраженія полноты его чувствъ, а для этого нуженъ языкъ классическій, и онъ произнесъ по-латыни: „слава тебѣ, императоръ, цезарь и король, побѣдоносный и славный. Въ древнемъ Нишѣ тебя привѣтствуютъ народы Востока, тебя, искупителя, приносящаго угнетеннымъ преуспѣваніе и благодать“. Все это было сказано человеку, который съ видимымъ напряженіемъ выносилъ тягость положенія и безпрестанно кашлялъ въ свой турецкій платокъ.

Отвѣтная рѣчь императора никогда не была произнесена, а „разослана“ по распоряженію властей, по той простой причинѣ, что кайзеръ, вслѣдствіе душившаго его кашля, не могъ произнести ее.

Въ текстѣ своей рѣчи Вильгельмъ отмѣчаетъ, что онъ уже второй разъ въ теченіе войны празднуетъ годовщину учрежденія ордена Краснаго Орла и на этотъ разъ въ исторической прекрасной мѣстности, завоеванной храбростью болгаръ, принятый королемъ среди его доблестныхъ войскъ и удостоенный высокимъ орденомъ и назначеніемъ шефомъ 12-го болгарскаго пѣхотнаго полка.

„Наши враги, изъ зависти къ мирному и цвѣтущему благосостоянію Германіи и Австро-Венгріи“, говорится далѣе въ рѣчи, — „бросили намъ вызовъ и съ легкимъ сердцемъ подвергли опасности развитіе культуры всей Европы съ цѣлью нанести намъ и нашимъ вѣрнымъ союзникамъ ударъ въ самомъ корнѣ нашей мощи. Мы прошли черезъ тяжелую борьбу, которая вскорѣ получить дальнѣйшее развитіе. Когда тѣ же враги стали грозить Турціи, она присоединилась къ намъ и въ упорной борьбѣ обезпечила свое міровое положеніе.

Осторожность убѣдила ваше величество, что для Болгаріи и для васъ насталъ часъ выступить съ давними и справедливыми требованіями для открытія вашей мужественной странѣ дороги къ славной будущности. Въ истинномъ товариществѣ славное триумфальное шествіе вооруженнаго народа вашего величества подъ руководствомъ ея военнаго вождя одинъ за другимъ вплело божественные лавры славы въ исторію Болгаріи. Желая выразить мои чувства по поводу такихъ дѣяній, я просилъ ваше величество принять званіе прусскаго фельдмаршала и вмѣстѣ съ моею арміею я счастливъ, что вы, принявъ его, и въ этомъ отношеніи стали однимъ изъ нашихъ.

Съ Божьей помощью великія дѣла были совершены здѣсь и на всѣхъ другихъ фронтахъ. Я испытываю чувства глубокой благодарности Всевышнему за то, что мнѣ довелось сегодня въ этомъ историческомъ мѣстѣ, вновь освященномъ геройскою кровью, среди нашихъ доблестныхъ войскъ, пожать руку вашего величества и внимать вашимъ словамъ, въ которыхъ вы выразили твердое рѣшеніе сражаться за успѣшный и прочный миръ и продолжить вѣрность и дружбу, запечатлѣнные въ ураганѣ войны, въ вѣрной, общей работѣ къ достиженію высокой цѣли, воз-

проливать болгарскую кровь во имя моихъ нѣмецкихъ интересовъ. Въ такомъ случаѣ да здравствуетъ твоя армія и онемеченная Болгарія!". Единственнымъ ораторомъ на банкетѣ, кромѣ Фердинанда, фактически выступалъ генераль Фалькенхайнъ, коротко благодарившій Фердинанда за обращенныя къ нему лестныя слова.

Собраніе закончилось подъ звуки національныхъ гимновъ обѣихъ странъ; послѣднее впечатлѣніе отъ него было, что Фердинандъ, съ многозначительнымъ взглядомъ въ своихъ маленькихъ лисьихъ глазахъ, обѣими руками пожималъ правую руку кайзера, какъ бы подчеркивая этимъ важное соглашеніе.

Тотчасъ послѣ банкета присутствовавшіе на немъ журналисты бросились въ телеграфное бюро, но они очевидно позабыли о германской цензурѣ, которая распорядилась своевременно закрыть бюро, дабы не было распространено никакихъ извѣстій о банкетѣ до появленія официального сообщенія.

Авторъ съ трепетомъ вспоминаетъ о своемъ волненіи во время этой трапезы и грозившей ему опасности, если бы кто-либо изъ присутствующихъ узналъ его—корреспондента ненавистой нѣмцамъ британской газеты. Онъ не припомнить, ѣлъ ли онъ что-нибудь за обѣдомъ, и отмѣчаетъ, что вѣроятно даже Вильгельмъ не чувствовалъ себя хуже его самого. Онъ понялъ, что это былъ кульминаціонный пунктъ его поѣздки, и рѣшилъ, воспользовавшись балканскимъ экспрессомъ, возможно скорѣе вернуться восвояси.

• (Продолженіе слѣдуетъ).

П. В.

Въ родномъ гнѣздѣ.

(Лѣтопись рода Вугдовскихъ).

I.

Я родился въ Пятигорцахъ ¹⁾, но дѣтство свое я провелъ въ деревнѣ Пелеховщинѣ, Кременчугскаго уѣзда. Это было родовое имѣніе моего отца. Тутъ не было того, что мнѣ такъ нравилось въ Пятигорцахъ, и особенно въ Поставмукахъ. Это была гладкая, безводная степь. Ближайшія рѣки протекали верстахъ въ двѣнадцати отъ насъ; тутъ Сула впадала въ Днѣпръ, образуя безчисленные рукава. У устья Сулы раскинулось большое село или мѣстечко Чигринъ-Дуброва, хорошо извѣстное намъ потому, что тутъ же по сосѣдству были наши заливные дуга, или какъ ихъ называютъ по-малорусски „плавни“. Въ старину Чигринъ-Дуброва была мѣстомъ расположенія казачьей сотни Лубенскаго полка. Сотня такъ и называлась Чигринъ-Дубровскою.

Эта гладкая степь имѣла, однако, свои привлекательныя стороны. То тамъ, то сямъ на ней издали виднѣются малорусскіе курганы, и когда вы всходите на такой курганъ „или могилу“, передъ вами открывается необъятная перспектива. Эта головокружительная даль мѣняетъ свой характеръ, свою окраску, свою ясность не только по временамъ года, но и по часамъ дня. Весною, въ то далекое время, это было зеленое царство, испещренное яркими полевыми цвѣтами, а тамъ далеко на горизонтѣ, въ весенней мглѣ, вы замѣчали какое-то волненіе, какъ будто двигались какія-то большія стада.—„Это святой Петръ овецъ говить“, поясняли вамъ старые люди.—„Придетъ Петровъ день и не будетъ больше Петровыхъ овецъ до слѣдующей весны...“

¹⁾ См. „Прекратившіяся родъ“.

Осенью степь окрашивалась яркими тонами скошенных полей и сжатыхъ нивъ. Ёдете вы въ теплый осенній день, и вдругъ вамъ видится вдали, обыкновенно гдѣ-нибудь подъ группою деревъ, большое водное пространство; вода ярко блеститъ, какъ бы отражая солнечные лучи.. Приближаетесь, и все это вдругъ исчезаетъ: это былъ миражъ.

Но и въ теченіе дня степь нѣсколько разъ мѣняетъ свой обликъ. Выйдя раннимъ утромъ, съ восходомъ солнца, и повернувшись на западъ, вы съ изумленіемъ замѣчаете, что передъ вами открывается нѣчто такое, чего вы не видите въ другіе часы дня. Вонъ тамъ, за Сулою, тянется высокій нагорный берегъ; онъ постепенно удаляется, но глазъ вашъ можетъ далеко слѣдить за нимъ и различать стоящія на горѣ церкви, цѣлые ряды вѣтряныхъ мельницъ, иногда даже сады и избы, спускающіеся по берегу. Днемъ ничего этого не видно, а теперь вы различаете все это въ ясныхъ очертаніяхъ и въ яркой окраскѣ... Вечеромъ, когда солнце склоняется уже къ закату, повернитесь на востокъ, и передъ вами въ чудномъ освѣщеніи выступитъ панорама хуторовъ и селъ съ яркими бѣлыми хатами, рисующимися на густой зелени вишневыхъ садовъ и развѣсистыхъ украинскихъ вербъ.

Въ степи не только дальше видишь, но и гораздо дальше слышишь. Спускается темная зимняя ночь. Все затихаетъ, наступаетъ царство молчанія во всей далекой темной окрестности. Но вотъ гдѣ-то далеко раздается собачій лай. Опытный человѣкъ сейчасъ уже говоритъ вамъ, что это въ такомъ-то казачьемъ хуторѣ, верстахъ въ семи отъ насъ; и если спустя немного собаки залаютъ ближе, въ Кирьяковкѣ, то сейчасъ же дѣлается предположеніе, что кто-то ѣдетъ къ намъ.—„Некуда больше“,—догадывается Кондрать, нашъ лакей.—„Должно быть Иванъ Григорьевичъ изъ Провозовки“.

И дѣйствительно, смотришь—старый дѣдушка Иванъ Григорьевичъ, въ волчьей шубѣ, съ плотно обмотаннымъ шарфомъ и съ заиндевѣвшимъ мѣхомъ на воротникѣ.

Отецъ мой сердечно радъ дорогому гостю въ такое глухое зимнее время.—„Какъ это вы рискнули, дядюшка, такъ поздно, въ такую темноту и въ такой холодъ?...“.

Но Иванъ Григорьевичъ ничего не боится. Его характерная высокая фигура александровской эпохи показывается въ гостиной, и онъ съ шутливой серьезностью обращается

къ намъ, дѣтямъ:— „А, вотъ они, мои непримиримые партнеры въ мельника!...“

Страшной становится степная зимняя ночь въ мятель, и не то что въ настоящую мятель, а просто когда начинается зимняя мгла, даже въ лунную ночь. Свѣтло а ничего не видно, все гладко и никакихъ мѣстныхъ признаковъ. У насъ рассказывалось много случаевъ, какъ люди сбивались съ дороги въ такое время на очень небольшихъ переѣздахъ. Какъ-то разъ дядя Иванъ Ивановичъ, проведя у насъ вечеръ, выѣхалъ къ себѣ домой въ Вишеньки, всего въ верстѣ отъ насъ, часу въ одиннадцатомъ, а прибылъ домой только утромъ, когда уже стало разсвѣтать. Самъ онъ рассказывалъ, что, проплутавъ порядочно, онъ наткнулся на какія-то избы; показалось, что это хуторъ Посьмашновка, лежащій нѣскольکو въ сторонѣ отъ Пелеховщины и Вишенекъ.— „Ну, теперь дорогу знаемъ, думаемъ себѣ... Поѣхали; казалось рукой подать, а между тѣмъ ѣздили долго. Теперь, кажется, дома. Справляемся, гдѣ это мы? оказывается опять Посьмашновка... И только на этотъ разъ проѣхали, кажется, не забирая въ стороны....“.

Былъ тоже случай съ новымъ исправникомъ. Онъ знакомился съ дворянами. Просидѣвъ у насъ вечеръ, онъ довольно рано выѣхалъ въ Кирьяковку, къ тамошнему владѣльцу Адаму Алексѣевичу Кирьякову. На другой день, отецъ мой, встававшій очень рано, слышитъ дорожный колокольчикъ. Къ крыльцу подъѣзжаютъ сани, и въ комнату входитъ исправникъ. И онъ и мой отецъ обавъ изумленіи.

— „Я у Адама Алексѣевича?“ спрашиваетъ исправникъ.

— „Нѣтъ, вы у меня“, отвѣчаетъ отецъ.

Исправникъ проѣздилъ всю ночь. Но тутъ случилось и еще одно недоразумѣніе, направившее его на ложный путь: нашу Пелеховщину въ простонародіи называли „Кирьячинковъ хуторъ“, а Кирьяковку называли „Майданъ“. И вотъ подъ утро исправника вмѣсто Кирьяковки проводили въ Кирьячинковъ хуторъ.

Было разъ, что и родители мои вмѣстѣ со мною, выѣхавъ изъ Петрашовки, въ двухъ верстахъ отъ насъ, въ свѣтлую мгlistую ночь, проѣздили часа четыре и пріѣхали въ Пелеховщину совсѣмъ съ другой стороны.

Въ этой степи, такой открытой, что вы сразу обнимаете ее всю вашимъ глазомъ, есть однако своя таинственность, своя загадочность. Эти безконечные горизонты заставляютъ васъ мечтать, и въ этихъ мечтахъ всегда есть отбѣнокъ

какой-то грусти. Это настроеніе слышится и въ малорусской пѣснѣ.... Все тутъ, кажется, ровно и гладко, а между тѣмъ тутъ есть мѣста, отмѣченныя народными преданіями и розсказнями бывалыхъ людей. Вонъ тамъ къ югу, верстахъ въ двухъ отъ Пелеховщины, виднѣется могила; ее называютъ Гайдамацкою, и старыя люди разсказывали, что тутъ, въ „тернахъ“, стояла когда-то гайдамацкая шайка и наводила ужасъ на всю окрестность. Когда это было, и на какую окрестность тутъ можно было наводить страхъ, когда не такъ еще давно это была совершенно голая степь,—этого никто не можетъ объяснить:—„Дѣды наши такъ разсказывали, а такъ ли оно было, кто его знаетъ?..“

А вотъ тутъ совсѣмъ недалеко отъ Пелеховщины, къ сѣверу возвышается „Острая могила“. Есть и въ другихъ мѣстахъ Острыя могилы, но эта считается почему-то особенно замѣчательною. Когда случается произнести это названіе, то васъ непременно спросятъ:—„Это какая же Острая могила?“, и на вашъ отвѣтъ, что это по дорогѣ изъ Горбовъ въ Мозолѣвку, близъ Пелеховщины, собесѣдникъ вашъ многозначительно протянетъ:—„А!“

Тутъ не задаются розысками, что такое эти могилы, и даже мало различаютъ ихъ отъ другого рода могилъ, которыя здѣсь называются „раскопанными“. Я не буду много говорить здѣсь объ этомъ, но мнѣ такъ много приходилось видѣть этихъ раскопанныхъ могилъ, что все-таки хочется сказать о нихъ слова два. Эти могилы не имѣютъ никакого отношенія къ обыкновеннымъ могиламъ—курганамъ. Это старинныя укрѣпленные пункты, видимо различной силы и различнаго значенія. Можно различить передовые посты и укрѣпленія второй линіи, обыкновенно болѣе сложныя, состоящія изъ двухъ или трехъ ямъ, обнесенныхъ высокимъ валомъ. Думаютъ, что это казацкія укрѣпленія, и подтверждаютъ это тѣмъ, что они видимо устроены для спѣшенныхъ кавалеристовъ, такъ какъ съ тыльной ихъ стороны всегда есть довольно длинный валъ, укрывавшій привязанныхъ за нимъ лошадей; кромѣ того иногда въ ямахъ попадаются земляныя насыпи для постановки пушки.

Очень вѣроятно, что казаки пользовались такими круглыми ямами, но если разобратъся, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ находятся такія укрѣпленія, и какъ они построены, то становится еще болѣе вѣроятнымъ, что это сторожевые посты какого-то очень древняго кочевого народа, мѣнявшаго свои кочевья изъ одной степи въ другую, напримѣръ, отъ бере-

говъ Сулы къ берегамъ Псла, и окапывавшаго мѣсто своего кочевья кругомъ такими сторожевыми постами.

Особенность всякой раскопанной могилы состоитъ въ томъ, что когда вы всходите на ея валъ, передъ вами въ одну сторону открывается огромное пространство, иногда на нѣсколько десятковъ верстъ; обыкновенно это видъ на рѣку, на Днѣпръ, на Сулу и на зарѣчное пространство. Посмотрите въ стороны и непременно увидите вдали, и вправо и влѣво, такую же сторожевую могилу. Очевидно, это было основное правило ихъ расположенія.

Но и кромѣ могилъ въ степи всегда есть мѣста, отмѣченныя какими-либо происшествіями или чудесами. Вотъ тутъ около Пелеховщины есть перекрестокъ; когда возвращаешься домой въ ночное время, тамъ непременно увидишь что-нибудь несуразное. Однажды Иванъ Федорина, почтенный мужикъ, возвращался изъ Жовнина, съ ярмарки, и что же? на этомъ перекресткѣ у него выпрягли воловъ и пустили гулять въ поле, а онъ проспалъ себѣ посреди дороги въ незапряженномъ возу, къ стыду своему, чуть не до полудня. Когда онъ рассказывалъ объ этомъ сосѣдямъ, то всѣ единогласно рѣшили, что воловъ выпрягла вѣдьма, и что она не одному ему надѣлала хлопотъ: кто-то видѣлъ на этомъ перекресткѣ большую бѣлую лошадь, напугавшую воловъ, которые взяли влѣво и чуть не вывалили хозяина въ ровъ. А кто-то видѣлъ на этомъ перекресткѣ просто вѣдьму; хотѣлъ схватить ее за косу, но она во что-то превратилась, такое маленькое и быстрое, что ее никакъ и схватить нельзя было...

Говаривали у насъ и о кладахъ. Кто-то, когда-то давно, наканунѣ Ивана Купала, проходя мимо калиноваго куста въ господскомъ саду, вдругъ увидѣлъ въ полѣ, какъ разъ по направленію Острой могилы, горящую свѣчу. отошелъ немного въ сторону—свѣчи нѣтъ; вернулся къ калинѣ—опять горитъ; попробовалъ было идти къ свѣчкѣ—потухло; искалъ, искалъ того мѣста, гдѣ она горѣла, и найти не могъ... Люди рѣшили, что тамъ непременно зарытъ кладъ, да только парень не умѣлъ приняться за дѣло.

Этотъ рассказъ служилъ обыкновенно какъ бы введеніемъ къ другому, пожалуй болѣе достовѣрному. Проходилъ тутъ у насъ какой-то человекъ изъ Молдавіи или Валахій, вообще откуда-то издадека, съ юга, и услышавъ, что наша могила называется Острою, задумался. Зналъ онъ гдѣ-то тамъ одного человека, выходца изъ этихъ мѣстъ,

и тотъ человѣкъ говорилъ ему, что въ степи, между Днѣпромъ и Сулою есть Острая могила. Эту могилу нетрудно найти, ее знаютъ всѣ люди; и вотъ если взойти на эту могилу и повернуться лицомъ къ полудню, то такъ, въ разстояніи одного гона отъ могилы будетъ другая низкая могилка, едва замѣтная, не всѣ люди ее и знаютъ, такъ вотъ въ этой-то могилкѣ и зарытъ большой кладъ...

Разсказали люди объ этомъ дѣлѣ моему дѣду, Петру Кирьяковичу. Это былъ человѣкъ спокойнаго, добраго и веселаго нрава. Онъ сначала не придалъ значенія этому разсказу; но присмотрѣвшись, что въ указанномъ мѣстѣ есть дѣйствительно чуть замѣтная могилка, онъ задумалъ было разрыть ее и посмотрѣть, не найдется ли въ ней и въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь цѣннаго. Начали рыть; работали цѣлое утро; послѣ обѣда дѣдъ мой, по обыкновенію, прилегъ отдохнуть, и вотъ снится ему старый человѣкъ страннаго вида; стоитъ онъ, будто бы, у могилы и говоритъ ему: — „зачѣмъ ты тревожишь мои старыя кости, такъ долго и спокойно лежавшія въ этой могилѣ? Ты дѣлаешь большой грѣхъ, который не будетъ тебѣ прощенъ ни въ этой, ни въ будущей жизни...“

Проснулся дѣдъ, пошелъ къ рабочимъ, а тамъ ему какъ разъ и докладываютъ, что вырыли какія-то кости и что тутъ, должно быть, похороненъ какой-то человѣкъ. Это встревожило дѣда; онъ велѣлъ бережно положить кости на прежнее мѣсто и засыпать могилу. Съ тѣхъ поръ о кладѣ не было больше и разговоровъ.

Такова моя родная степь. Я записываю здѣсь мои раннія впечатлѣнія. Кто не знаетъ степи, тому едва-ли много скажутъ эти бѣглые наброски. Но тотъ, кому степь родная стихія, пожалуй, пробѣжитъ ихъ съ интересомъ и не поставитъ мнѣ въ упрекъ мои, можетъ быть, нѣсколько длинныя описанія.

II.

Я былъ первенцемъ у моихъ родителей. У насъ въ деревнѣ давно не видѣли господскихъ дѣтей, и потому, вѣроятно, всѣ наши люди, и малые и старые, относились ко мнѣ въ моемъ дѣтствѣ съ большимъ расположеніемъ. Иду, бывало, съ няней по улицѣ, и мальчишки издали провожаютъ меня съ веселыми лицами. Всѣ гладко выстри

женные, точно выбритые, съ чубомъ, оставленнымъ спереди надъ лбомъ и аккуратно обрѣзаннымъ въ видѣ четырехугольника. Тутъ и гигиена, и педагогика: на головѣ не будетъ паразитовъ, и есть за что схватить, если надо будетъ выдрать за волосы.

Встрѣчающіеся взрослые люди съ длинными усами, бритыми щеками и подбритыми висками и затылкомъ, норовили иногда подхватить меня на руки и ловко подкинуть, чтобы выросъ изъ меня высокій парень. Старики ласково смотрѣли на меня и кивали головою изъ-за своихъ плетней.

Было у насъ въ Пелеховщинѣ въ то время два древнихъ старца: дѣдъ Хома Дуброва и дѣдъ Яковъ Позывайло, или, какъ его у насъ называли, Якивецъ. Оба они были сѣдые какъ лунь и носили широчайшіе штаны „съ матнею“, собиравшіеся у ступни на завязкахъ и больше похожіе на женскую юбку, чѣмъ на штаны; на ногахъ у нихъ были „постолы“, то-есть куски кожи, обертывавшіе ступню и прикрѣпляемые ремешками. Лѣтомъ и тотъ и другой сидѣлъ у себя на завалинкѣ въ сѣрой смушковой шапкѣ и грѣлся на солнцѣ.

Дѣдъ Хома былъ какъ будто немного пониже ростомъ и больше охотникъ до бесѣды; дѣдъ Яковъ былъ покрупнѣе и не такой рѣчистый. Ничѣмъ другимъ впрочемъ они не были особенно замѣтны; просто были очень старые люди, но они передали свои имена потомству. И у того и у другого было по сыну, и cadaго изъ этихъ сыновей звали Павломъ. И вотъ, одному Павлу дали, по-уличному, названіе Павло Хоменко, а другому Павло Яковенко. Такъ съ тѣхъ поръ Хоменки и Яковенки и не выводятся у насъ въ Пелеховщинѣ.

Отъ этихъ двухъ старыхъ людей получилъ я первыя свѣдѣнія изъ исторіи Пелеховщины и изъ исторіи моего рода.

— „Вы, дѣдъ Хома, пожалуй знаете такимъ же маленькимъ и ихъ папеньку?“—спрашиваетъ кто-нибудь.

— „Папеньку?... Дмитрія Петровича?“—встрепенувшись, спрашиваетъ Хома,—„хе—е! да я помню такимъ и его дѣдушку, Петра Кирьяковича; я уже былъ полупарубкомъ, какъ онъ родился.... Мы служили еще тогда покойному нашему барину Кирьяку Александровичу и разумной нашей барынѣ Варварѣ Ивановнѣ.... Эхъ, давно это было“,—вздыхаетъ Хома,—„мы жили еще тогда въ Шуваловкѣ..“

— „И—и, разумная была барыня“,—протягиваетъ какъ бы нехотя Якивецъ. — „Отъ тожъ она, послѣ смерти Кирьяка Александровича, и выѣхала съ сыномъ своимъ Петромъ Кирьяковичемъ, жить сюда въ степь. Она часть усадьбы намъ отвела, и господскій домъ построила...“

— „Мы барыню Варвару Ивановну помнимъ“,—говорятъ слушатели, кто постарше.—„Хозяйка была покойница; сидитъ бывало въ креслѣ, на боковомъ крыльцѣ, дѣвушки тутъ около нея работаютъ, а она все видитъ и все знаетъ, что дѣлается на деревнѣ. И всѣмъ она распорядится, и никого она напрасно не обидитъ... Тутъ же она у насъ на кладбищѣ и похоронена...“

Была у насъ тогда въ Пелеховщинѣ и еще одна живая душа, не только помнившая мою прабабку Варвару Ивановну, но и ближе всѣхъ ее знавшая. Это была старая престарая баба Хотина, бывшая ея горничная. Любопытная это была старуха, совсѣмъ не дряхлая, худая, прямая, подвижная и какъ бы сохранившая еще свою дѣвическую юркость. Не было у нея ни одного зуба, и подбородокъ иногда высоко поднимался къ носу, но это не мѣшало ей быть очень говорливой. Говорила она какъ-то истово, чинно... Въ ея многоглаголаніи не все было достовѣрно и дѣльно, но иногда ея рассказы были очень любопытны. Жила она у насъ въ домѣ, на такомъ же положеніи, какъ жила въ старину при покойной своей барынѣ; никакой работы отъ нея не требовалось, но она съ чрезвычайной охотой дѣлала все, что только было ей подъ силу.

У насъ въ Пелеховщинѣ и до сихъ поръ еще есть своего рода памятникъ бабѣ Хотинѣ. Возвращалась она какъ-то, еще въ молодости, въ вербную субботу изъ Броварокъ, гдѣ мои предки были тогда прихожанами, и не далеко отъ деревни, въ полѣ, воткнула въ сырую землю одинъ изъ прутиковъ освященной вербы. Прутикъ разросся въ высокое развѣсистое дерево еще при жизни бабы Хотины. И теперь еще стоитъ эта старая верба, лѣтъ черезъ семьдесятъ послѣ смерти старой бабы... Падали отъ дряхлости ея боковые стволы, но всегда на ихъ мѣстѣ начинали зеленѣть новые побѣги.

Хотина появлялась въ комнатахъ обыкновенно въ то время, когда для нея и для моей милой няни приносили обѣдъ или ужинъ. Набожно перекрестившись, чинно сядились обѣ онѣ на полъ, передъ стоящей на полу же, на подстилкѣ мискою, и начинали ѣсть. Очень часто приса-

живался и я туда же, ко вкусному борщу съ сухими карасями и къ пшенной кашѣ на постномъ маслѣ, и слушалъ ихъ разговоры. Няня моя была тихая женщина, и болтала больше Хотина. Она посвящала свою собесѣдницу, поставмуцкую уроженку, въ наши пелеховскіе порядки. Она говорила о своей бывшей барынѣ какъ о какомъ-то верховномъ распорядителѣ всякими дѣлами. У прабабушки было два сына, Иванъ Кирьяковичъ и Петръ Кирьяковичъ, у сыновей были дѣти, и все это тяготѣло къ прабабушкѣ, какъ къ центру. Жили они въ селѣ Шушваловкѣ, верстахъ въ десяти отъ теперешней Пелеховщины. Тамъ было наследственное имѣніе моего прадѣда Кирьяка Александровича, мужа Варвары Ивановны.

Въ нашей степи между Острой и Гайдамацкой могилами, стояла одна только хатка, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь долина и большая верба въ господскомъ саду, и жилъ въ ней человѣкъ по имени Пелехъ.

Когда умеръ старый Кирьякъ Александровичъ, а сыновья Иванъ Кирьяковичъ и Петръ Кирьяковичъ поженились, выѣхала съ ними Варвара Ивановна на жительство въ степь. Петръ Кирьяковичъ поселился у долины, гдѣ жилъ Пелехъ, отъ этого и теперешнее названіе деревни Пелеховщина, а Иванъ Кирьяковичъ ближе къ Гайдамацкой могилѣ, недалеко отъ которой были небольшія заросли дикаго терна и дикихъ вишенъ. Это мѣсто такъ и называли Вишеньками.

Прабабушка поселилась у младшаго сына въ Пелеховщинѣ; но вишеньковскіе господа чуть не ежедневно прѣзжали или приходили на поклонъ къ Варварѣ Ивановнѣ и ничего не предпринимали, не испросивъ ея согласія или совѣта.

Много рассказывала Хотина и о теткѣ Настасіи Петровнѣ, и о моихъ Вишеньковскихъ дядяхъ и тетяхъ, но, кажется, не всѣ ея рассказы были достовѣрны. Многое она путала. Отъ нея я знаю однако, что дядя Иванъ Ивановичъ былъ въ свое время очень рѣзвымъ мальчикомъ, что тетка моя Настасья Петровна была довольно балованной дѣвушкой, и что отецъ мой былъ любимцемъ своей бабушки.

Въ домѣ у насъ висѣлъ портретъ Варвары Ивановны, масляными красками, погрудной. Она изображена уже старухой съ очень умнымъ, серьезнымъ лицомъ. Я бережно храню этотъ портретъ и теперь въ Пелеховскомъ домѣ. Баба Хотина рассказывала мнѣ, что писалъ этотъ портретъ бро-

варскій діаконъ, отецъ Демьянъ, и подробно описывала, какъ онъ пріѣзжалъ для этого въ Пелеховщину, и гдѣ и какъ прабабушка садилась въ кресло для сеанса. Должно быть, этотъ дьяконъ Демьянъ былъ очень одаренный художникъ, такъ какъ прабабушка смотритъ съ холста, какъ живая.

Я помню еще и это кресло Варвары Ивановны: какое-то складное изъ многихъ перекрещивающихся фигурныхъ рѣшетинъ, вообще что-то очень стародавнее. Должно быть въ такихъ креслахъ сиживали въ старину казацкіе чиновные люди. Къ сожалѣнію, это кресло куда-то безслѣдно пропало.

Остались у насъ и другія вещественныя воспоминанія о прабабушкѣ Варварѣ Ивановнѣ: это—книга „Житіе Варвары великомученицы“, старинной кievской славянскои печати, и толстый молитвенникъ, тоже кievскаго изданія, по которому она ежедневно совершала свои молитвы.

Вотъ то, что доходило до меня о моихъ предкахъ по слухамъ и по случайнымъ воспоминаніямъ. Позднѣе я гораздо основательнѣе ознакомился съ моею родословною. Этимъ вопросомъ очень интересовался мой отецъ, и онъ одинъ, кажется, изъ всѣхъ Бутовскихъ хорошо зналъ исторію нашего рода. Онъ вспомнилъ какъ-то, когда мнѣ было уже лѣтъ 13—14, и когда я учился въ корпусѣ, что въ началѣ столѣтія были собраны матеріалы о нашемъ родѣ, для утвержденія насъ, гдѣ слѣдуетъ, въ званіи родовитаго потомственнаго дворянства; онъ сталъ дѣятельно ихъ розыскивать и у себя и у другихъ представителей нашей фамиліи.

Документы нашлись. Назывались они „Списокъ, родословная и доказательства на дворянство Хорольскаго повѣта помѣщиковъ Бутовскихъ. Сочиненъ марта дня 1801 года“. Помню, что, пріѣхавъ лѣтомъ на каникулы въ 1851 году, я съ любопытствомъ ихъ разсматривалъ вмѣстѣ съ отцомъ.

Я бережно храню теперь эти старыя бумаги, и на основаніи ихъ могу дать нѣсколько несомнѣнныхъ свѣдѣній о нашихъ предкахъ.

А. Д. Бутовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Копія съ собственноручной записки Императора Александра I.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Новгородскій Гражданскій Губернаторъ Митусовъ. Снисходя на прошеніе Генераль-маіора Седморацкаго, я поручаю вамъ при случаѣ настоящей Его женитьбы заступить вмѣсто мѣня Званіе посаженаго отца. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано Собствѣнно Его Императорскаго Величества рукою тако.

Александръ.

Въ С.П.-рбургѣ
Января 19. 1802-го года.

Сообщилъ С. Н. Митусовъ.

За пятьдесятъ лѣтъ.

Глава 6.

Раннее утро вступило въ свои права. Мимо насъ шли кухарки на базаръ, мастеровые на работы. Моя голова стала какъ-то свѣжѣе, несмотря на безпокойно проведенную ночь. Желудокъ тоже подавалъ жизнь, но купить еще что-нибудь поѣсть было рано; магазины и лавки не были открыты. Я туно смотрѣла передъ собой въ ожиданіи добыть пропитанья. Затѣмъ образъ дяди всталъ передо мной, и я очень горько заплакала.

— Чего, дѣвочка, плачешь? раздался около меня женскій голосъ. Я подняла голову и увидала передъ собой простую женщину, съ добрымъ пріятнымъ лицомъ. Я хотѣла отвѣчать, но вырвавшіяся рыданія не дали говорить.

— Не плачь, дѣвонька, не плачь, милая, успокаивала женщина, поглаживая корявой, рабочей рукой мои волосы. Это что же, сестренка твоя, что ли? Я отвѣчала кивкомъ головы.

— Да гдѣ же родители-то, гдѣ фатера-то?

— У насъ теперь никого нѣту, сквозь слезы отвѣтила я.

— Вотъ тебѣ и разъ, а гдѣ же жили-то?

— Вотъ тамъ, гдѣ домъ заколоченъ досками...

— Вотъ оно что... ну, вотъ что, дѣтки, вы идите со мной, ко мнѣ, а тамъ ты все расскажешь. Я васъ чайкомъ напою, съ хлѣбцомъ, обмою, а то вы опаршивите такъ-то... Ну, идите, идите...

Ласковая рѣчь и внѣшность женщины расположили насъ, и мы пошли за ней. Жила она довольно далеко, на краю города, въ подвальномъ этажѣ. У воротъ была при-

бита самодѣльная вывѣска „стирають бѣлье и проч.“, „русская прачешная“ „снѣжинка“. Мы вошли въ низенькую комнату, пахло утюгами и горячимъ бѣльемъ. Двое женщинъ гладили крахмальные рубахи, постукивали и налегали на утюги. Проходя черезъ кухню, я замѣтила кипящій самоваръ, довольно основательной величины. Мнѣ ужасно захотѣлось теплаго чаю.

Тѣмъ временемъ женщина, подобравшая насъ, рассказала мастерицамъ, въ чемъ дѣло; тѣ участливо смотрѣли на насъ и покачивали головами. Наконецъ, подали самоваръ и заварили чай, хозяйка отрѣзала всѣмъ присутствующимъ по огромному ломтю черного хлѣба, и по небольшому куску малороссійскаго сала. Затѣмъ розлили чай въ большія глиняныя кружки. Я и сестра съ аппетитомъ пили горячую влагу, а черный хлѣбъ казался необыкновеннымъ пирожнымъ. Какъ мы ни проголодались, но одолѣть весь чай и весь хлѣбъ не могли. Когда мы кончили трапезу, хозяйка сказала:

— Крестите лбы...

Мы перекрестились.

— Ну, дѣвонька, расскажи мнѣ, какъ ты на улицу попала и гдѣ твои родители.

— Я рассказала. Хозяйка покачивала головой. Когда вся исторія была окончена, наша благодѣтельница налила теплой воды въ лохань, стоявшую въ кухнѣ, раздѣла насъ, приказала одной и другой разомъ влѣзть въ лохань и, взявши въ руки кусокъ простого сѣраго мыла, натерла имъ тѣла отъ головы до пятъ, а затѣмъ стала поливать водой. Мы послушно стояли. Когда операція была кончена, она одѣла насъ въ какое-то, чье-то чистое бѣлье, а наше приказала выстирать.

Опять потянулась жизнь новая, странная для меня. Хозяйка сестру дѣлать ничего не заставляла, а я должна была подметать комнаты, накрывать столъ и все это дѣлала съ большимъ удовольствіемъ. Съ нами она обращалась хорошо и оказалась очень хорошей женщиной...

По вечерамъ, когда работа была окончена, мастерицы пили чай, ѣли, а я имъ танцевала; восторгъ былъ полный, и каждая изъ присутствующихъ старалась отблагодарить насъ, давая то яблоко, то паточныхъ леденцовъ, то пряниковъ. Прошло недѣли три. Намъ сшили простыя ситцевыя платья съ кофточками, и мы съ сестрой стали походить на простыхъ дѣтей, сотнями бѣгающихъ по улицамъ,

населеннымъ бѣднотой. И у меня и у сестры въ косичкахъ вплетенъ былъ кумачъ, а на ногахъ были одѣты грошевыя туфли и темныя вязанныя спицами чулки. Я узнала, что наша покровительница ходила въ полицію съ заявленіемъ. Тамъ записали ея адресъ на случай, если бы поступило какое-либо заявленіе.

Въ одно изъ воскресеній мы по обыкновенію сидѣли на лавочкѣ у воротъ, рассматривая прохожихъ и проѣзжающихъ. Мальчишки играли въ чехарду и бабки. Въ это время въ концѣ улицы показался извозчикъ. Онъ довольно быстро подвигался къ нашему дому; еще минута, и съ дрожекъ соскочила наша мать. Увидя насъ, она въ истерическихъ рыданіяхъ бросилась къ намъ, обнимала, цѣловала и судорожно прижимала къ себѣ. Я никогда не забуду ея растеряннаго вида. Шляпка сбилась на бокъ, изъ-подъ нея въ беспорядкѣ торчали волосы. Глаза блуждали, губы тряслись. Послѣ перваго волненія, мама пошла съ нами домой, да ужъ было время это сдѣлать. Вокругъ насъ собралась ватага мальчишекъ и уличныхъ зѣвакъ. Мама горячо благодарила женщину и дала ей денегъ, но та отъ нихъ отказалась, говоря, что насъ ей Богъ послалъ, и когда наступилъ моментъ прощанія, горе женщины не имѣло границъ. Она прямо выла, хватала то одну, то другую на руки и все бѣгала по комнатѣ. Мы тоже привыкли къ ней, тоже были огорчены, но радость встрѣчи съ мамой уменьшала чувство разлуки съ доброй женщиной. Мать поѣхала въ магазинъ покупать намъ все необходимое. Тѣмъ временемъ наша временная мать побѣжала въ лавку и накупила разныхъ сластей и сунула намъ ихъ въ руки. Она любовно смотрѣла на насъ, то поглаживая, то сажая по очереди къ себѣ на колѣна.

Пріѣхала мать съ вещами, одѣла, насъ и мы снова обратились въ барышень. Когда туалетъ былъ совершенъ, бѣдная женщина со страхомъ и мольбой обратилась къ матери съ просьбой побыть у нея до утра. Мать согласилась, тѣмъ болѣе, что пароходъ отходилъ утромъ. Радости не было границъ. Хозяйка не знала, куда усадить маму, а когда пришло время спать, наложили ей цѣлый ворохъ перинъ и подушекъ.

На утро мы уѣхали на пристань. Хозяйка долго стояла и, провожая насъ, утирала носъ, подъ которымъ собирались слезы.

Изъ глазъ скрылось наконецъ наше мѣстопробываніе, и черезъ полчаса мы были уже на пристани. '

Мама взяла билеты, и мы вошли на пароходъ.

Мама рассказала намъ все то, что она пережила, прїѣхавъ и увидавъ заколоченный домъ и узнавъ о смерти брата. Прежде всего она кинулась на кладбище, думая, не пригрѣли ли насъ тамъ или сторожъ или священникъ. Побывавъ наскоро на могилѣ и поставивъ деревянный крестъ, она стала метаться по городу. Ей почему-то въ голову не пришло обратиться разомъ въ полицейское управленіе, и кто-то изъ постороннихъ надоумилъ ее. Она поѣхала и тамъ-то узнала, гдѣ мы находились.

Пароходъ отвалилъ. Мы стояли у борта и смотрѣли на волны. Онѣ бѣжали, и пароходъ, разрѣзывая ихъ, быстро шель впередъ.

Первые моменты встрѣчи прошли, и вотъ въ мою голову прокралась мысль: опять домой, опять къ „папашѣ“, и меня снова охватило чувство страха, боязни, отъ которыхъ за послѣднее время я отвыкла.

Я задумалась, и должно быть на моемъ лицѣ отразилось мое душевное состояніе; мама спросила:

— О чемъ ты, Машенька, задумалась?

Я прижалась къ ней и прошептала:

— Боюсь...

— Кого, глупенькая?

Я не отвѣчала, мать поняла и смолкла.

Съ этой минуты на душѣ у меня легла тоска, точно я ждала какого-то горя, несчастья.

Мама старалась меня развеселить, и чтобы успокоить ее, я улыбалась, старалась быть веселой, но все же это было сдѣлано искусственно...

Мы напились чаю, затѣмъ пообѣдали, и опять напились чаю уже вечеромъ и легли спать.

Часовъ въ восемь, въ девять утра на палубѣ забѣгали, застучали. Мы стали наскоро одѣваться и когда были готовы, то пароходъ причалилъ уже къ Одессѣ.

Намъ пришлось ждать; публики было много и насъ могли затолкать... Наконецъ толпа порѣдѣла, и мы двинулись. Вдругъ какой-то приступъ ужаса охватилъ меня, и я стала кричать: „Не пойду, не пойду“.

Мать успокаивала меня, дала воды, и мы затѣмъ сѣли на извозчика. Я была счастлива, что лошаденка нашего

возницы едва волочила ноги и встрѣча съ вотчимомъ отдалялась...

Чѣмъ ближе мы приближались, тѣмъ сердце мое билось медленнѣе и замирало, точно его кто-нибудь давилъ и сдерживалъ біеніе...

Въ городѣ пришлось пересѣсть на парнаго извозчика, и мы покатили на хуторъ въ резиденцію „папаши“.

Вотъ показался хуторъ, вотъ домъ, а вотъ и парадный подъѣздъ...

Въ немъ стоялъ „онъ“. Увидя насъ, вотчимъ не двинулся съ мѣста, а когда мы подошли ближе, ухмыляясь, произнесъ:

— А, воловья кишки, пріѣхали... Давненько не видались.

Глава 7.

Первые дни прошли довольно спокойно. Мы только были лишены игрушекъ навсегда. Вотчимъ нашель, что мы уже взрослыя барышни и должны заниматься серьезнымъ дѣломъ, особенно я. Игрушки выброшены, а первымъ серьезнымъ для меня дѣломъ было отдано приказаніе прокопать грядки съ арбузами и дынями. Я съ ранняго утра занялась этимъ дѣломъ, а вотчимъ точно плантаторъ, въ широкой соломенной шляпѣ, стоялъ надо мной, держа въ рукѣ хлыстъ, и хотя таковой въ ходъ не былъ пущенъ, но на душѣ у меня было жутко отъ ожиданія. Работа была прекращена только тогда, когда мои руки распухли, потрескались и показалась кровь. Я была отпущена. Умывшись и одѣвшись, я сѣла отдохнуть. У меня очень болѣла спина, затылокъ, ноги и руки. Послѣ завтрака я была позвана вотчимомъ и получила приказъ танцевать. Онъ взялъ въ руки гитару, игралъ русскую, это единственное, что онъ умѣлъ наигрывать, а я должна была подъ эту музыку танцевать чардашъ. Это меня сбивало, но я рѣшила не обращать вниманія на аккомпанементъ и вела свою линію. Къ моему удивленію, когда танцы были окончены, вотчимъ сказалъ:

— Здорово! Наловчилась, Машка, здорово! Будетъ толкъ, пляши!

Мать, услышавъ похвалу, расцвѣла отъ удовольствія, а сестра вдругъ вздумала было засмѣяться. Я поблагодарила вотчима, сказавъ:

— Благодарю васъ, папаша!

— Только не зазнайся, добавилъ вотчимъ, карьеру можешь сдѣлать. Не попадешь въ театръ, въ гостиницахъ въ хорѣ хорошо плясать, рублей тридцать въ мѣсяцъ сможешь получать. А будешь съ бубномъ гостей обходить и шестьдесятъ наковыряешь. Послѣ такого резюме, мать опять стала серьезной и, пожавъ плечами, рѣшилась возражать:

— И что ты только, Леличка, говоришь? Да развѣ возможно дѣвочку въ хорѣ отдавать?

— Ну не отдавай въ хорѣ, пусть поступить на Императорскую сцену, ухмыляясь, отвѣтилъ матери отецъ и пошелъ спать.

Мы пошли въ садъ и стали съ сестрой во что-то играть. Время прошло незамѣтно, и насъ позвали къ обѣду. Мы по обыкновенію молча ѣли.

Между вотчимомъ и матерью начался разговоръ, окончившійся совершенно неожиданно:

— Такъ ты говорила, Саша, что братъ твой недолго хворалъ и отдалъ Богу душу... Ну что жъ, такъ видно судьбѣ угодно, а чѣмъ онъ хворалъ?

— Тифомъ...

— Какимъ?

— Сыпнымъ...

Эффектъ былъ полный. Вотчимъ не донесъ куска мяса въ ротъ и, широко открывъ глаза, переспросилъ.

— Каки-имъ?

— Сыпнымъ, Леличка...

— Ты съ ума сошла! Отдѣлится! Зараза! Пусть живутъ въ отдѣльномъ флигелѣ.

— Но, Леличка...

— И слушать не хочу...

— Да вѣдь прошло много времени... платьица новыя... сами здоровы.

— Не возражать! Мнѣ еще жизнь дорога...

Словомъ, насъ отдѣлили, и мы жили, какъ зачумленные. Прислуга, которая подавала намъ, не смѣла войти въ комнаты. Мать тоже не должна была видѣться, но приходила украдкой... Намъ очень было скучно. Занятій не было никакихъ, игрушекъ тоже. Тогда отъ нечего дѣлать я изобрѣла игру: собирала мертвыхъ жуковъ, бабочекъ, червей, выкапывала ямки и хоронила ихъ. Изъ щечекъ устраивала заборы и ставила кресты. Все, что я выучила съ дядей, я повторяла и даже прибавляла новыя „па“. Можетъ

быть, онѣ были и не нужны, но мнѣ казались украшеніемъ, и я старалась изображать все новыя и новыя. Сочиняла какіе-то танцы и этимъ наполняла долгіе дни и вечера. Спать ложились рано, вставали рано, и такъ текли дни однообразные, надоѣдливые, бездѣльные. Наконецъ, въ одинъ изъ дней, приказано было вымыть насъ карболкой и впустить въ домъ. Все-таки было веселѣй. Мы видѣли маму...

Періодъ дѣтства я на этомъ кончаю. Впереди начинается жизнь новая, замужество, рожденіе дочери, развѣдъ съ мужемъ и поступленіе на сцену. До этого періода рассказывать болѣе нечего. Что было прежде, то было потомъ. Родину, отечество называютъ воспоминаніемъ дѣтства, у меня эти воспоминанія самыя грустныя, тяжелыя. Свѣтлымъ пятномъ промелькнули мѣсяцы у дяди, закончившіеся его смертью, и жизнь у прачки, затѣмъ образъ матери, а остальное лучше было бы не вспоминать; да я и не вспоминала, старалась не вспоминать, и вотъ только теперь, прослуживъ театру пятьдесятъ лѣтъ, я дѣлюсь этими воспоминаніями и образы далекаго прошлаго встаютъ передо мной и вереницей движутся и тянутся длинной, длинной лентой. Вспоминая свое дѣтство, мнѣ хочется иногда и плакать и смѣяться; смѣяться часто надъ трагическими положеніями, но ужъ очень они теперь кажутся дикими, несуразными и хочется думать, что ихъ не было. Что все это тяжелый сонъ, ушедшій, забытый и случайно вспомнутый. Да, все это такъ, но на закатѣ жизни все-таки вспоминается ея заря, покрытая тучками, и чувствуя, что это невозвратно... думается, думается обо всемъ, обо всемъ... вы видите, текутъ слезы, слезы двойственныя и какого-то умиленія и скорби.

Большинство умерло. Умеръ вотчимъ, умерла мать, умерла сестра... Много превратностей судьбы пришлось пережить и далѣе, но всѣ эти превратности вспоминаются съ удовольствіемъ, онѣ вели меня по пути, душой, сердцемъ избранному, вели къ театру, къ сценѣ, а театръ для меня былъ „все“... Небольшое слово „все“, а сколько въ немъ вмѣщается и сколько дорогихъ, свѣтлыхъ моментовъ онѣ давалъ мнѣ, и вотъ я старуха, я уже оставила священные подмостки, а люблю его, очень люблю, и мнѣ истинное удовольствіе доставляетъ посѣщать его, и я бываю тогда, когда вижу талантливое исполненіе, новое, свѣжее дарованіе, новыя вѣянія, но... объ вѣяніяхъ, быть можетъ, поговорю далѣе, если прійдется къ слову. Между

вышеописаннымъ и тѣмъ, о чемъ я буду говорить, прошло около четырехъ лѣтъ, а затѣмъ прошло пятьдесятъ. Въ этотъ срокъ много новаго я увидала; переиспытала и видѣла воочию ходъ театральнаго искусства на другихъ. Бывали годы, когда я чувствовала, что театръ живетъ, гигантскими шагами идетъ впередъ, а бывали такіе, когда, наоборотъ, чувствовалось иное, казалось, что онъ замираетъ, движеніе останавливается, а тамъ снова, точно по мановенію волшебной палочки, все просыпалось и казалось, что весна возвращается, что снова зацвѣли фіалки, и радостно и хорошо становилось на душѣ. Не могу воздержаться, чтобы не забѣжать впередъ и не сказать, что однимъ изъ такихъ свѣтлыхъ періодовъ было управленіе театромъ моего покойнаго мужа, незабвеннаго Николая Николаевича Соловцова. Это воспоминаніе ярко освѣщаетъ мою теперешнюю жизнь и залѣчиваетъ многое въ прошломъ. Грустно, грустно, что онъ такъ безвременно сошелъ въ могилу, полный силъ, надеждъ, таланта... Такой энергіи, такой кипучей дѣятельности, такого стремленія впередъ я мало и встрѣчала. Я смѣло это могу сказать теперь, когда пресса, когда страницы исторіи театра занесли его имя на скрижали этой исторіи, когда еще тысячи людей живы и чтутъ его. Право, меня нельзя упрекнуть въ томъ, что я это открыто заявляю. Прошло десять лѣтъ съ его смерти, десять лѣтъ, а его духъ еще живетъ, еще витаетъ дорогая мнѣ тѣнь въ стѣнахъ Кіевскаго театра. Душа моя сейчасъ полна гордостью и тоской по миломъ, дорогомъ человѣкѣ...

Но... покончу объ этомъ и постараюсь возобновить въ моей памяти рядъ долгихъ лѣтъ...

Съ дѣтствомъ, тоже какъ съ воспоминаніемъ, прощаюсь, прощаюсь навсегда...

Ну-съ, приступимъ.

Сообщилъ Б. Скуратовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Форма для священниковъ.

(Приказъ по корпусу поселенныхъ войскъ 3 октября 1820 г. № 132) ¹⁾.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ, Священникамъ поселенныхъ войскъ, имѣть рясы темно-зеленаго сукна, съ слѣдующимъ различіемъ на подбоѣ:

По пѣхотѣ.

Въ полкахъ Гренадерскихъ и Карабинерныхъ, старшимъ краснаго цвѣта, а младшимъ желтаго.

Въ полкахъ Пѣхотныхъ и Егерскихъ, старшимъ желтаго цвѣта, а младшимъ по цвѣту полковыхъ плечевыхъ погоновъ.

По кавалеріи.

Въ полкахъ Уланскихъ, старшимъ краснаго цвѣта, а младшимъ синяго.

О таковой Монаршей волѣ къ непремѣнному исполненію симъ предписываю.

Подлинный подписалъ генераль графъ Аракчеевъ.

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

¹⁾ Вибл. Мос. О. О. А. Г. III. № 2873 (печатный экземпляръ).

Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству ¹⁾.

ГЛАВА VII.

Окружный судъ и его работа по уголовному отдѣленію.

Оканчиваю свои судейскія воспоминанія. Членомъ суда я былъ назначенъ въ сентябрѣ 1897 года и сейчасъ, съ полученіемъ приказа, приготовилъ къ сдачѣ свой 2-й мировой участокъ г. Вильны, чтобы скорѣе вступить въ новую должность. Правду говоря, не безъ нѣкоторой душевной тревоги вступилъ я въ среду коллегіи общихъ судебныхъ учреждений. Привыкшій къ единоличной власти творить судъ Именемъ Его Величества и съ сознаніемъ глубины и значенія таковой власти, поступаая въ коллегіальное судебное учрежденіе, мнѣ казалось, что мой судейскій обликъ долженъ будетъ затушеваться, какъ поглощенный коллегіальнымъ вотумомъ. Кромѣ того, процессуальные законы окружнаго суда были въ большей своей части для меня новостью, такъ какъ предшествующей службой, не будучи ни судебнымъ слѣдователемъ, ни товарищемъ прокурора суда, я мало былъ знакомъ съ техникой уголовной процедуры. Смущало меня также и то, что я—фуксъ—попадаю въ среду многоопытныхъ процессуалистовъ, а потому нѣкоторая опаска за свои способности „пойти въ ногу“ съ этими испытанными работниками на нивѣ правосудія. Составъ же

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1916 г.

Виленскаго суда въ то время былъ блестящій: многихъ изъ нихъ и именно, съ которыми мнѣ пришлось „ходить въ упряжкѣ“, позволю себѣ это выраженіе, уже нѣтъ на свѣтѣ, а оставшіеся въ живыхъ разбрелись по бѣлу свѣту: кто въ Сенатѣ, кто въ судебной палатѣ, а нѣкоторые предсѣдательствуютъ, и лишь мнѣ волею судьбы приходится встрѣчать юбилейные дни судебныхъ уставовъ 1914 года, какъ старожилу суда. Первый годъ моей службы прошелъ въ уголовномъ отдѣленіи, и вотъ тутъ-то для меня начались „муки Тантала“ со строгимъ и требовательнымъ товарищемъ предсѣдателя суда г. Коссаковскимъ. Меня сейчасъ включили въ составы выѣздныхъ и городскихъ сессій и, конечно, заставили писать приговоры, а чтобы ихъ писать, мнѣ нужно было изучить тѣ печатные трафаретные бланки, которые заготовлялись судомъ на разныя категоріи дѣлъ. Первый мой выѣздъ на уѣздную сессию съ присяжными засѣдателями въ г. Ошмяны произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе. Отправлять правосудіе приходилось въ помѣщеніи мирового съѣзда, а помѣщеніе это напоминало сарай: холодное, тѣсное при жалкой внѣшней обстановкѣ и, можете себѣ представить, какое настроеніе создавала такая обстановка въ особенности, когда при ней просидишь часовъ 7—10 при испорченномъ воздухѣ. Усталый, прійдя домой, не видишь и здѣсь надлежащихъ условій для отдыха, такъ какъ номеръ, такъ называемой гостиницы, грязный съ душкомъ и обѣдъ отвратительный по своему вкусу и содержанию, и лишь вечерній чай со своими приложеніями нѣсколько облегчалъ несчастную долю Ошмянскаго сидѣнія. На судебныя засѣданія мы—судьи отправлялись до 10 часовъ, чтобы раньше открывать ихъ и раньше оканчивать. Составъ уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателей большею частью сѣрый, малоинтеллигентный, помѣщики и уѣздные интеллигенты вообще неохотно исполняли эту обязанность, но за то крестьяне свято относились къ своимъ обязанностямъ присяжнаго судьи и очень этимъ положеніемъ гордились. Отношеніе уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателей къ своимъ вердиктамъ не ровное, смотря по категоріи преступленій: такъ, напримѣръ, мошенничество, растраты, покушеніе на убійство на романической почвѣ, правонарушенія по акцизному уставу—большею частью сопровождались оправдательными приговорами; но кражи, а въ особенности лошадей и скота, влекли за собой неумолимо обвинительные приговоры и при самыхъ шаткихъ уликахъ. Такова психо-

логія крестьянской души. На вердикты уѣздныхъ присяжныхъ засѣдателей огромное вліяніе имѣлъ способъ веденія судебныхъ засѣданій предсѣдательствующимъ въ судѣ и его резюме. Въ этомъ отношеніи покойный г. Коссаковскій былъ замѣчательнымъ предсѣдательствующимъ. Хорошо ознакомившись съ дѣломъ, съ показаніями свидѣтелей, онъ велъ засѣданіе, какъ „по-писанному“: предлагалъ ясные вопросы, устранялъ разговоры свидѣтелей, начинавшіеся „отъ Адама“, и всегда добивался истины, хотя и позволялъ себѣ такіе, напримѣръ, вопросы. Вопр. „Вы какого вѣроисповѣданія?“ Отв. „польскаго“. Вопр. „какой вы вѣры?“ Отв. „польской“. Такой вѣры нѣтъ, не было и не будетъ. Вопр. „гдѣ вы,—свидѣтель, молитесь Богу“. Отв. „въ костелѣ“. Вопр. „значить, какой же вы вѣры“. Отв. „католикъ“, отвѣчаетъ свидѣтель. Вотъ это такъ, замѣчаетъ предсѣдательствующій. Странно также бравировалъ покойный со своими резюме. Онъ почему-то не долюбивалъ прокуратуры и обвинителямъ при его предсѣдательствованіи было далеко не весело, и вотъ если обвиняетъ не нравящійся предсѣдательствующему тов. прокурора, то Коссаковскій направляетъ свое резюме къ оправдательному вердикту и наоборотъ; такъ при моемъ участіи по одному дѣлу о кражѣ съ крайне шаткими уликами, когда тов. прокурора отказался отъ обвиненія, Коссаковскій произнесъ блестящее обвинительное резюме, и обвиняемымъ присяжные засѣдатели сказали: „да, виновны“. Не то бываетъ, когда ведетъ уѣздную сессию съ присяжными засѣдателями предсѣдательствующій недостаточно энергичный и не особенно способный, тогда вердикты присяжныхъ засѣдателей пріобрѣтаютъ характеръ случайности и непослѣдовательности. Такъ одинъ нашъ членъ суда, нынѣ здравствующій предсѣдатель суда г. С—нъ, велъ засѣданіе съ открытой книгой Устава уголовного судопроизводства, со вставленными въ уставъ его шпаргалками; отнимите отъ него эти шпаргалки—и онъ какъ безъ рукъ. И напутствія присяжнымъ засѣдателямъ, и резюме все онъ говорилъ по шпаргалкамъ. Судите сами, какое впечатлѣніе такой судъ можетъ произвести на присяжныхъ засѣдателей, а вѣдь человекъ болѣе десятка лѣтъ занимался этимъ дѣломъ. Въ другомъ родѣ и при иныхъ условіяхъ проходили сессіи въ г. Вильнѣ: здѣсь и составъ присяжныхъ засѣдателей интеллигентнѣе, наличность адвокатуры и составъ свидѣтелей бойчѣе и толковитѣе. Что касается свидѣтелей, то безграничный ихъ вызовъ къ

суду по просьбѣ сторонъ часто не только не помогаетъ раскрытію истины, но, муссируя дѣло, затемняетъ и тѣ улики, которыя собраны предварительнымъ слѣдствіемъ, а нерѣдко идутъ въ свидѣтели лица, лишь для того только, чтобы получить какой лишній рубль „за труды“, а труды сводятся къ тому, что по дѣлу, по которому вызванъ свидѣтель на судъ, онъ ничего не знаетъ, а денежки ему подай. И сколько этикъ казенныхъ денегъ тратится зря по всей Россіи!..

Въ общемъ, въ округѣ Виленскаго суда судъ присяжныхъ засѣдателей функционируетъ вполне удовлетворительно; населеніе съ этимъ судомъ свыклось, дорожитъ имъ и безропотно несетъ свою „судейскую тяготу“. Тяжелы выѣздныя сессіи суда для коронныхъ судей, въ виду исполненія ими своихъ обязанностей и въ трудѣ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для физическаго и душевнаго покоя, что ведетъ къ преждевременному разстройству здоровья на нервной почвѣ и на другихъ основаніяхъ. Не касаясь болѣе другихъ подробностей уголовного отдѣленія суда, я не могу, не остановиться на сенсационномъ процессѣ еврея Блондеса, парикмахера гор. Вильны, обвинявшагося въ покушеніи на убійство съ ритуальной цѣлью служившей у него молодой дѣвушки-польки. Самъ по себѣ Блондесъ—ничтожная, даже неполнѣ доброкачественная личность, но разъ тутъ замѣшанъ еврейскій ритуаль, то вопросъ пріобрѣтаетъ другое значеніе и дѣло изъ дѣла Блондеса становится дѣломъ національнымъ всего еврейства. И нужно отдать справедливость дружной защитѣ евреями своей національной, скажу, чести. Для защиты Блондеса мобилизованы были лучшія свѣтила нашей адвокатуры, вызваны были лучшіе эксперты (пр. Павловъ, Косоротовъ и Ивановскій) и масса свидѣтелей. Первоначально этотъ процессъ разбирался въ уѣздномъ городѣ Лидѣ, чтобы устранить вліяніе виленскаго еврейства на составъ присяжныхъ засѣдателей и свидѣтелей. Въ Лидѣ присяжными засѣдателями былъ вынесенъ Блондесу обвинительный приговоръ, но по кассационной жалобѣ обвиняемаго этотъ приговоръ былъ отмѣненъ и дѣло для новаго разсмотрѣнія назначено было въ Вильнѣ. Въ Вильнѣ процессъ длился 9 дней при самой торжественной обстановкѣ и при усиленномъ составѣ суда (4 человекъ). Предсѣдательствовалъ нынѣ здравствующій Г. С. Маньковскій, обвинялъ М. И. Зубовскій. Судебное слѣдствіе проведено было образ-

цово, гладко и безъ всякихъ инцидентовъ. Скамью защитниковъ занимали свѣтила адвокатуры: Спасовичъ, Миროновъ и Грузенбергъ, подѣлившіе темы защиты между собою. Обвинялся Блондесъ въ томъ, что въ одинъ прекрасный день, оставаясь глазъ на глазъ со своей прислугой дѣвушкой-полькой, лѣтъ около 20, набросился на нее, схватилъ за глотку и сталъ наносить ей острымъ орудіемъ порѣзы въ области горла, чему придано было значеніе покушенія на убійство съ ритуальной цѣлью, хотя прямо этотъ признакъ въ обвинительномъ актѣ и не былъ выраженъ. Окружный судъ, выслушавъ свидѣтелей, производилъ на мѣстѣ преступленія осмотръ, для опредѣленія, при какой обстановкѣ имѣло мѣсто преступное дѣяніе, и выслушалъ заключеніе экспертовъ о значеніи порѣзовъ—ранъ у потерпѣвшей. Затѣмъ послѣдовали пренія сторонъ. Горячо обвинялъ обвинитель въ предѣлахъ матеріала, доставленнаго судебнымъ слѣдствіемъ. Но вотъ поднимаются одинъ за другимъ защитники: Грузенбергъ подробно анализируетъ свидѣтельскія показанія и жестоко ихъ, какъ матеріаль для обвиненія, разбиваетъ. Мионовъ съ грудой книгъ подъ руками опровергаетъ цитатами изъ нихъ наличность у евреевъ даннаго ритуала, наконецъ, Спасовичъ излагаетъ сужденія о значеніи уликъ, разбираетъ улики по данному дѣлу и приходитъ къ выводу о недоказанности обвиненія. Вся эта громкая и громоздкая защита, вся длительность и детальность судебной процедуры хотя и послужило не къ обвиненію, а къ оправданію Блондеса, но суть преступленія, мотивы его такъ и остались не выясненными, и дѣло, казавшееся по началу темнымъ, такимъ и осталось въ концѣ концовъ.

Жалко было въ этомъ процессѣ слушать знаменитаго г. Спасовича; онъ напоминалъ собою знаменитаго пѣвца Тамберлика, появлявшагося на эстрадѣ на 8 десяткѣ жизни. Какое его было пѣніе?!...

ГЛАВА VIII.

Гражданское отдѣленіе и работа судей.

Освоившись съ работой уголовного отдѣленія, я чувствовалъ свое положеніе въ коллегіи довольно сноснымъ, какъ въ 1898 г. состоялся мой переходъ въ гражданское

отдѣленіе Виленскаго суда. Конечно, я радъ былъ этой перемѣнѣ въ характерѣ работы уже и потому, что устранились тягостныя повѣзки на сессіи, но съ другой стороны и здѣсь, какъ и въ уголовномъ отдѣленіи, мнѣ новичку по началу приходилось очень „туго“. Хотя служба по мировымъ учрежденіямъ и дала мнѣ общее практическое знакомство съ гражданскимъ процессомъ и Х т. ч. I, но этого знакомства было недостаточно для рѣшенія гражданскихъ дѣлъ въ окружномъ судѣ. Въ этомъ судѣ по гражданскимъ дѣламъ преобладаетъ строгій формализмъ, какъ точное исполненіе велѣній процессуальнаго закона; выработана традиціонная техника какъ въ изображеніи резолюцій, такъ и въ изготовленіи рѣшеній въ окончательной формѣ. Дѣла же въ судѣ попадались очень сложныя въ особенности земельныя и по договорамъ. Докладъ дѣлъ требовался самый тщательный, а потому тщательно нужно было ихъ прочитывать, чтобы не былъ упущенъ безъ оцѣнки какой-нибудь документъ или возбужденный той или другой стороной вопросъ. Кромѣ, такъ сказать, фактическаго изученія дѣла необходима была еще и его разработка юридическая: т. е. наведеніе справокъ по кассационной практикѣ, чтеніе соответственныхъ законовъ и т. д. Старому, опытному члену суда эта работа дается легко, но для новичка она очень трудна; но и у старыхъ членовъ суда что ни засѣданіе, то и новый казусъ, имъ еще не попадавшійся на практикѣ. Въ мое время гражданское отдѣленіе работало при наличности 5 членовъ суда и предсѣдателя. Порядокъ трудовой недѣли такой. Если моей смѣнѣ очередь въ понедѣльникъ, то въ предшествующую ему пятницу мнѣ присылаютъ докладъ около 25 дѣлъ (по наказу), а то и больше и въ этомъ числѣ 10 исковыхъ; въ пятницу же вечеромъ я читаю дѣла, въ субботу готовлю резолюціи по дѣламъ, не требующимъ состязательныхъ объясненій, въ воскресенье подготавливаю юридическія справки, а въ понедѣльникъ и вторникъ сижу въ засѣданіи (2-й день установленъ для производства повѣрочныхъ дѣйствій: допроса свидѣтелей, экспертизы и пр.), въ среду даю себѣ передышку, если нѣтъ дежурства, или не пошлютъ въ какое-либо губернское присутствіе, четвергъ цѣликомъ и часто пятницу посвящаешь изготовленію рѣшеній по доложеннымъ въ понедѣльникъ дѣламъ; тамъ опять читай новый докладъ, опять пиши и такъ до безконечности... Не видная, казалось бы, работа членовъ граждан-

скаго отдѣленія въ дѣйствительности требовала много вниманія, усидчивости и ознакомленія съ процессуальными и матеріальнаго права законами. Усугублялся трудъ членовъ „гражданъ“ главнымъ образомъ его непрерывностью, однообразіемъ и совершеннымъ отсутствіемъ досуга для чтенія не только современныхъ литературныхъ произведеній, но и новыхъ юридическихъ изслѣдованій по теоріи права и т. п., и лишь одну или двѣ газетки успѣваешь пробѣжать въ день, чтобы знать, что „живы еще „курилки“. Вотъ въ такое тягло пришлось и мнѣ окунуться и очутиться въ положеніи „бѣлки въ колесѣ“. Попалъ я въ смѣну со старыми и многоопытными членами суда г.г. Мартенсомъ и Яковлевымъ. Понятно, что новичекъ въ такой компаніи будетъ себя чувствовать стѣсненнымъ и нерѣшительнымъ, такъ какъ у него, новичка, новостью являются такіе вопросы, которые для его коллегіантовъ вещь давно извѣстная, и, кромѣ того, старые судьи не особенно считаются съ твоимъ мнѣніемъ, какъ, на ихъ взглядъ, еще незрѣлымъ. Пришлось переживать тяжелыя минуты, пока усвоилъ технику гражданскихъ дѣлъ. Не могу не помянуть здѣсь добрымъ словомъ покойнаго судью В. В. Яковлева—этотъ справочный архивъ нашего суда, удивительнаго труженика, мягкаго и доброжелательнаго человѣка, помогавшаго мнѣ въ трудныхъ случаяхъ своими указаніями и совѣтами по дѣламъ. Съ признательностью вспоминаю и достойнѣйшаго нашего предсѣдателя суда М. М. Котляревскаго, завѣдывавшаго гражданскимъ отдѣленіемъ (сенаторъ нынѣ), терпѣливаго, выдержаннаго и очень деликатнаго въ обращеніи съ членами суда. Когда, бывало, спѣшно изготавляешь резолюцію, чтобы не задерживать моихъ сочленовъ, М. М. Котляревскій всегда, бывало, говоритъ: „не спѣшите, еще успѣемъ, а то отъ поспѣшности можно впасть и въ ошибку“. Вель засѣданіе М. М. Котляревскій строго и торжественно, повѣренные его боялись, какъ огня, и не потому, чтобы онъ не корректно съ ними обращался; но М. М. часто кому-нибудь изъ нихъ ставилъ такіе вопросы и дѣлалъ такія замѣчанія къ ихъ состязательнымъ рѣчамъ, отъ которыхъ не могло поздоровиться, въ особенности, когда дѣло „скверно пахнетъ“.

Разъ зашла рѣчь о М. М. Котляревскомъ, то я продолжу о немъ свои воспоминанія. Въ нѣкоторомъ родѣ это выдающаяся личность по своимъ знаніямъ, трудоспособности, служебному такту и деликатности въ сношеніяхъ съ чле-

нами коллегіи. Нѣкоторымъ не нравилась его видимая сухость, „бюрократическая повадка“, но такимъ онъ былъ только на службѣ, а посмотрѣли бы его въ частномъ домѣ, напримѣръ, на вечеринкахъ у гг. Юршевскихъ, гдѣ мы—малороссы (но не мазепинцы) часто и весело проводили время, когда его превосходительство заиграетъ на „скрыпочкѣ“ или пустится въ плясъ, когда ведетъ остроумные и веселые разговоры съ гостями — это уже совершенно другой Мих. Мих., открывающій свою душу и свой темпераментъ. Какъ на примѣръ его деликатности служебной укажу на такой фактъ: будучи, собственно говоря, криминалистомъ и въ свое время извѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ по производству слѣдствій по политическимъ дѣламъ въ Кіевѣ, а затѣмъ проходя прокурорскія должности, онъ, вступивъ въ Виленскій окружный судъ, не потребовалъ для себя уголовного отдѣленія, гдѣ сидѣлъ г. Коссаковский, на что имѣлъ законное право, а взялъ гражданское отдѣленіе и въ скоромъ времени сдѣлался заправскимъ цивилистомъ. Вотъ какой Котляревскій! Много ли теперь такихъ предсѣдателей? Нынче здѣсь, въ этихъ должностяхъ преобладаетъ больше „стиль модернъ“, на „карьерныхъ сваяхъ“ и „политической орнаментикѣ“, хотя послѣдняя совершенно не соотвѣтствуетъ разъяснительному указу Правит. Сената. Возвращаясь къ работамъ членовъ суда, укажу здѣсь на выѣзды ихъ по производству осмотровъ и прочее. Изъѣздивъ по такимъ порученіямъ всѣ уѣзды Виленской губерніи, мнѣ приходилось претерпѣвать массу дорожныхъ неудобствъ: ночевать на сѣновалахъ, въ гумнахъ крестьянскихъ и въ помѣщичьихъ хоромахъ; питаться тѣмъ, что взято съ собой, бродить по лѣсамъ и болотамъ, писать и допрашивать свидѣтелей при самой гнетущей обстановкѣ (въ душной и грязной избѣ на скверныхъ столахъ и т. п.), тѣмъ не менѣе я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю эти псѣадки: движеніе на свѣжемъ воздухѣ, въ живописныхъ мѣстахъ, лѣсахъ, поляхъ, близъ очаровательныхъ озеръ, все это оздоравлило и освѣжало физически кабинетнаго работника и, по крайней мѣрѣ, хотъ на время сближало его съ окружающей природой, ея красотами, освѣжало психику и вливало въ жизнь струю хорошаго, не испытываемаго за кабинетной работой, настроенія. Кромѣ этого, пріятно было видѣть ту почтительность, уваженіе и радушіе, съ которымъ тебя встрѣчали какъ въ крестьянской средѣ, такъ и въ помѣщичьей. Значить, судъ

въ почетѣ, судъ въ литовскомъ краѣ уважается, хотя онъ и русскій. Но при производствѣ повѣрочныхъ дѣйствій часто огорчали меня лживые свидѣтели, заранѣе подготовленные какой-либо изъ сторонъ. Помню такой случай: проѣзжаю въ сумерки одну небольшую деревню, за которой въ верстахъ 4-хъ находится другая—цѣль моей повѣздки, и слышу шумъ, говоръ около одной изъ избъ, пиликанье скрипки и какъ бы танцы. Спрашиваю возницу—это свадьбу справляютъ? Отвѣчаетъ: „нѣтъ, паночку, тутъ гуляютъ свидѣтели, которыхъ завтра будетъ допрашивать членъ суда: вотъ Якубъ имъ и „фундуеть“ (угощаетъ)“. Я, конечно, эту новость принялъ къ свѣдѣнію. Другой случай: въ одной изъ деревень Свенцянскаго уѣзда (не помню какая) мнѣ тоже нужно было допрашивать свидѣтелей по вопросу о захватѣ земли однимъ тяжущимся у другого. Собрались въ избу всѣ свидѣтели, стороны съ адвокатами и приглашенный ксендзъ — почтенный старикъ — типичный литовецъ. Ксендзъ съ мѣста, когда я провѣрялъ наличность свидѣтелей, огорошилъ меня такимъ обращеніемъ: „знайте, судья, что свидѣтели, которыхъ Вы будете допрашивать, самые воры, мошенники и пьяницы; они несчастье моего прихода, я ихъ постоянно пробираю съ амвона, но это мало помогаетъ; позвольте мнѣ на литовскомъ языкѣ разъяснить имъ значеніе присяги, а тогда я ихъ приведу къ ней“. Конечно, я исполнилъ желаніе ксендза. И вотъ началась рѣчь ксендза съ большимъ подъемомъ, съ горячей жестикуляціей и, судя по лицамъ слушателей, съ сильными аргументами. Хотя мнѣ кое-что знакомо изъ литовскаго языка, но я содержанія рѣчи не зналъ, а по опущеннымъ глазамъ свидѣтелей и ихъ поникшимъ головамъ, я убѣдился, что рѣчь ксендза была сильная и произвела свое дѣйствіе. Послѣ рѣчи ксендза повѣренные тяжущихся просили пока свидѣтелей къ присягѣ не приводить, а они посовѣтуются со своими довѣрителями. Я сдѣлалъ антрактъ, сталъ пить чай, угощая и ксендза, и за чаемъ онъ мнѣ перевелъ свою громоносную рѣчь. Результатомъ разъясненій ксендза было то, что свидѣтели отказались лгать и подготовка доказательствъ падала, а повѣренные сторонъ заявили о прекращеніи дѣла, чему я, конечно, былъ радъ и поблагодарилъ ксендза „за рѣшеніе дѣла“. И много другихъ аналогичныхъ случаевъ понадалось при производствѣ повѣрочныхъ дѣйствій. Этотъ фактъ и другіе подобные наглядно доказываютъ силу вліянія у насъ мѣстнаго като-

лическаго духовенства на простой народъ. Въ публикѣ существуетъ мнѣніе, что отправленіе правосудія по гражданскимъ дѣламъ—скучная вещь, а потому и дни по этимъ дѣламъ мало посѣщаются сторонней публикой. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, въ гражданскомъ судѣ часто разрѣшаются очень интересныя и сложныя дѣла, интересныя какъ по своей юридической фабулѣ, такъ по своей этической подкладкѣ. Такъ какъ нашъ гражданскій процессъ много отводитъ мѣстъ словопреніямъ тяжущихся на-ряду, правда, съ документальными доказательствами, то въ силу такой конструкціи процесса, пренія тяжущихся бываютъ полны захватывающаго интереса по своей эрудиціи, освѣщенію данныхъ дѣла и интерпретаціи спорныхъ правоотношеній. Все это интересно, конечно, по стольку, по сколько защита по дѣлу находится въ рукахъ свѣдущихъ и добросовѣстныхъ повѣренныхъ, и къ чести виленской присяжной адвокатуры слѣдуетъ сказать, что среди ея имѣются прямо профессора правовыхъ институтовъ (Суморокъ, Змачинскій, Врублевскій, Струмилло и покойные Берватовичъ, С. Мееровичъ и другіе). Объединенная такъ называемой комиссіей присяжныхъ повѣренныхъ—мѣстная адвокатура представляетъ собой на рѣдкость корректный, лояльный, свѣдущій и тактичный составъ лицъ, съ которыми пріятно вести процессъ и не бесполезно выслушивать обоснованныя судебныя пренія; неблагопріятную сторону гражданского процесса нужно искать въ самихъ процессуальныхъ законахъ. Съ этой точки зрѣнія очень тормозитъ движеніе гражданскихъ дѣлъ существующій порядокъ ихъ направленія (общій, сокращенный и упрощенный), тогда какъ все это можно безъ ущерба для процессуальнаго положенія дѣла свести къ одному порядку, чѣмъ сократится время для дальнѣйшаго движенія производства по дѣлу; необходимо сократить сроки для обжалованія рѣшеній суда и устранить поводы для оттяжки рѣшенія дѣла по существу разновременнымъ представленіемъ сторонами доказательствъ по дѣлу и предъявленіемъ встрѣчныхъ исковъ. Такіе процессуальные недостатки нашего гражданского процесса обратили на себя вниманіе министерства юстиціи, которое и разрабатываетъ уже соотвѣтственныя новеллы, что давно пора было сдѣлать.

ГЛАВА ІХ.

Общія собранія отдѣленій суда.

Общія собранія отдѣленій суда представляютъ собою коллегію для отправленія судебно-административныхъ его функцій, такъ какъ къ вѣдѣнію этихъ собраній относятся вопросы по надзору за судебнымъ персоналомъ подчиненныхъ суду лицъ и ихъ дѣятельностью; разсмотрѣніе отчетностей о положеніи у нихъ дѣлъ (у судебныхъ слѣдователей, нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ), вопросы дисциплинарнаго характера и вопросы, имѣющіе значеніе для внутренняго распорядка, дѣлопроизводства въ судѣ (для наказа), министерскіе циркуляры и т. п. Прохожденіе всѣхъ этихъ вопросовъ въ общихъ собраніяхъ отдѣленій суда не сопровождалось особыми осложненіями; но вопросы, связанные съ дисциплинарными производствами, вызванные неправильными дѣйствіями кого-либо изъ членовъ адвокатуры или судебныхъ слѣдователей, часто возбуждали горячія пренія въ коллегіи. Источникомъ такой горячности были двѣ причины: по отношенію къ адвокатамъ многіе члены коллегіи, недолюбливая этотъ институтъ, старались непременно упечь попавшагося адвоката, а по отношенію къ судебнымъ слѣдователямъ коллегія всячески защищала этихъ лицъ отъ прижимокъ прокурорскаго надзора, усвоившаго себѣ почему-то совершенно незаконную точку зрѣнія на слѣдственный институтъ, какъ на нѣчто, лишенное своей воли, своей инициативы, а долженствующій пребывать въ безусловномъ его подчиненіи. Былъ у насъ, на примѣръ, такой прокуроръ, который заваливалъ судъ своими сообщеніями о неправильныхъ дѣйствіяхъ судебныхъ слѣдователей, оканчивавшихся ничѣмъ, доказывавшихъ лишь злобность прокурора и переоцѣнку имъ своего значенія. Всѣ другіе вопросы протекали мирно, скучновато, не внося никакихъ разногласій въ среду коллегіи. Отрадная сторона общихъ собраній отдѣленій суда, на мой взглядъ, заключается въ томъ, что здѣсь, въ общихъ собраніяхъ, члены коллегіи объединяются, выйдя на свѣтъ со своихъ „трудовыхъ норъ“, обмѣниваются взглядами по разнымъ занимающимъ ихъ вопросамъ служебнаго и личнаго характера. Но все тихо, мирно и благодушно идетъ въ судейской кол-

легіи, когда она представляетъ собою „лицо суда“, живетъ дружно, чуждая интригъ и нажима со стороны предсѣдателя суда. Но разъ предсѣдатель суда особа, стремящаяся къ подавленію самостоятельности суда своимъ „я“, устанавливающая пріоритетъ своей власти, пренебрежительно и съ переоцѣненной властью относящаяся къ членамъ коллегіи, тогда общія собранія отдѣленій суда представляютъ совершенно иную фізіономію, такъ какъ вмѣсто сплоченной дружеской семьи вы видите передъ собою собраніе людей недовольныхъ, измученныхъ, недовѣрчивыхъ и озлобленныхъ дѣйствующимъ режимомъ, въ основѣ котораго произволь и интрига. Слава Богу, при предсѣдателяхъ суда М. М. Котляревскомъ и Г. С. Маньковскомъ я такого режима не испытывалъ и вспоминаю ихъ и здѣсь съ самымъ теплымъ чувствомъ. Главной функціей общаго собранія отдѣленій, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать его право представлять избранныхъ ими кандидатовъ на открывающіяся судебныя должности членовъ суда, судебныхъ слѣдователей и др. Въ этомъ законѣ установленномъ правѣ суда заключается и маленькая доля его автономіи. И вотъ на почвѣ этой автономіи можно подмѣтить и характеризовать нравъ даннаго предсѣдателя суда. Тотъ изъ нихъ, который идетъ и дѣйствуетъ вѣ согласіи съ коллегіей, безусловно по даннымъ вопросамъ подчиняется общему приговору коллегіи, а тотъ, у котораго судъ—„это я“, непременно настаиваетъ на представленіи рекомендуемаго имъ кандидата, и если судъ отклонитъ его рекомендацію, то все-таки „обходными движеніями“ онъ сажаетъ на шею суду нежелательнаго коллегіанта, но вѣрнаго предсѣдательскаго клеветы.

Право избранія судомъ своихъ кандидатовъ на открывающіяся въ округѣ суда должности—это въ такой степени драгоцѣнное право суда, что къ нему надо относиться очень бережно и оберегать отъ всякихъ узурпацій со стороны предсѣдателей судовъ „стиля модернъ“. Большую помощь узурпаціи права судебныхъ коллегій на избраніе своихъ кандидатовъ на судебныя должности оказываетъ открытая выборная баллотировка. Всѣ мы люди, какъ люди, и не у всѣхъ и судей въ равной мѣрѣ развито чувство гражданского мужества, и разъ предсѣдатель суда повелительно ставитъ на баллотировку своего кандидата, то многіе изъ нежеланія стать съ предсѣдателемъ въ непріятныя отношенія даютъ свой голосъ его кандидату, къ сожалѣнію,

даже съ такимъ поясненіемъ: „какъ угодно вашему превосходительству“... Ничего подобнаго вы не можете встрѣтить при закрытой баллотировкѣ даннаго лица, тайна избирательной урны даетъ полную свободу избирателю положить бѣлый или черный шаръ данному избраннику, и хотя, какъ напр. на земскихъ или дворянскихъ выборахъ, и бывають такіе курьезы, что упросятъ челоуѣка баллотироваться, а потомъ навалятъ ему черняковъ, но вѣдь это только курьезъ, а не норма. Давно бы, казалось, пора и къ судейскимъ коллегіямъ примѣнить общепринятую систему выборовъ въ общественныхъ учрежденіяхъ Россіи; тогда не мыслимы были бы на практикѣ и такіе случаи, когда несогласную съ предсѣдателемъ коллегію по вопросу о выборахъ—имъ эта коллегія обвиняется въ подрывѣ предсѣдательской власти и чуть не въ государственномъ преступленіи. Нашъ судъ, по счастью, до самаго послѣдняго времени шелъ по пути выборовъ своихъ кандидатовъ на судебныя должности прямой дорогой, предуказанной въ законѣ, и лишь въ послѣднее время на этомъ пути поставлены „новыя вѣхи“ и намѣчена другая дорога... Тяжелая работа нашего суда съ постояннымъ увеличеніемъ дѣлъ какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ выдвинула въ 1902 г. въ общемъ собраніи его отдѣленій вопросъ объ увеличеніи наличнаго состава членовъ суда и прибавки двухъ отдѣленій. Образованы были для разработки вопроса двѣ комиссіи по уголовному и гражданскому отдѣленіямъ, изслѣдованіями которыхъ по точному цифровому матеріалу было установлено, что при дѣйствующемъ наличномъ составѣ суда нѣтъ никакой надежды на ликвидацію постепенно нарастающаго остатка нерѣшенныхъ дѣлъ, грозящаго при томъ въ будущемъ еще большимъ увеличеніемъ. Министерство юстиціи вняло ходатайству суда и увеличило составъ его только въ обрѣзъ, и если кто-нибудь изъ наличнаго состава членовъ суда заболѣетъ, или будетъ находиться во временномъ отпуску, то встрѣчается большое затрудненіе при замѣщеніи отсутствующихъ членовъ коллегіи. На мой взглядъ, чтобы не истощать силъ наличнаго состава суда, необходимо хотъ на 2 отдѣленія суда имѣть еще по одному резервному члену суда, который выручалъ бы судъ въ экстренныхъ случаяхъ, а при нормальномъ положеніи дѣла несъ другія обязанности: участвовалъ бы въ губернскихъ присутствіяхъ, докладывалъ дѣла, облегчая трудъ своихъ товарищей. Прошли и давно прошли золотые дни идейной—увлека-

тельной работы судей, какъ то было на первыхъ порахъ дѣйствія судебныхъ уставовъ; теперь эта работа усложнилась по существу и количественно, пріобрѣтая значеніе неустаннаго ежедневнаго труда, въ значительной степени и въ скоромъ времени подтачивающаго здоровье работниковъ въ особенности на нервной почвѣ и на почвѣ психоза.

ГЛАВА X.

Служба въ уѣздномъ сѣздѣ.

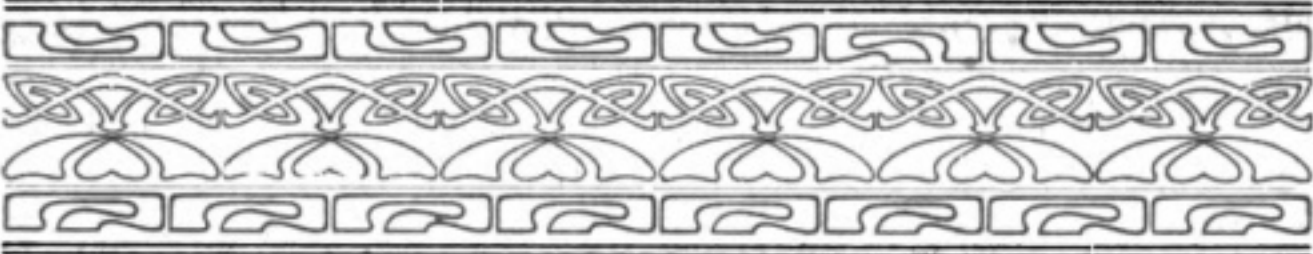
Хотѣлось бы мнѣ еще кое-что сказать и о службѣ въ качествѣ уѣзднаго члена суда; но, къ сожалѣнію, эта служба не оставила у меня особенно хорошихъ воспоминаній, какъ потому, что судебное дѣло въ этомъ судебно-административномъ учрежденіи не вызывало къ себѣ особой симпатіи, такъ и потому, что положеніе уѣзднаго члена суда въ коллегіи земскихъ начальниковъ—это „сидѣнье на двухъ стульяхъ“ поза далеко неудобная; но она,—поза, бываетъ совершенно невозможной, если вамъ поставятъ стулья не прочные, угрожающіе паденіемъ или, говоря другими словами, если вамъ придется стать въ оппозицію съ земскими начальниками, или съ предсѣдателемъ уѣзднаго сѣзда, какъ это бывало во многихъ сѣздахъ. Мнѣ и здѣсь посчастливилось. Предсѣдателемъ Виленскаго сѣзда состоялъ гр. С. С. Татищевъ, и онъ очень мило разрѣшилъ вопросъ о взаимныхъ компетенціяхъ, предоставивъ мнѣ „carte blanche“ по судебной части, а самъ занялся чисто административной. Благодаря такому „мировому соглашенію“, за все время моей службы въ уѣздномъ сѣздѣ у меня не было никакихъ недоразумѣній ни съ предсѣдателями его, ни съ земскими начальниками. Но то былъ гр. Татищевъ—человѣкъ большого такта, удивительной трудоспособности и крайне корректный, хотя и не безъ скрытныхъ „властныхъ стремленій“, чего потомъ и достигъ на разныхъ постахъ административной дѣятельности. Что касается суда земскихъ начальниковъ, то имъ населеніе не удовлетворялось, судя по жалобамъ на ихъ рѣшенія. Тѣмъ болѣе не удовлетворяли мѣстное населеніе рѣшенія волостныхъ судовъ. И въ самомъ дѣлѣ: рѣшенія этихъ судовъ подчасъ поражали то-

своей чудовищной нечестностью въ изложеніи мотивовъ рѣшеній, то отсутствіемъ этихъ мотивовъ, частымъ несоотвѣтствіемъ фактической стороны дѣла резолюціи суда и т. д. Уѣздный членъ положительно былъ заваленъ жалобами на рѣшенія волостныхъ судовъ. Большую часть рѣшеній, очевидно, измышляли волостные писаря, которые поворачивали законъ „какъ дышло“, лишь-бы по-ихнему вышло. При личныхъ объясненіяхъ съ крестьянами они высказывали глубокое сожалѣніе, что нѣтъ мирового суда, который такъ хорошо у нихъ привился и которымъ они были очень довольны и, главнымъ образомъ, потому, что правосудіе было въ чистыхъ рукахъ, а отъ рѣшеній мировыхъ судей не пахло „spiritus'омъ vini“. Такъ какъ въ настоящее время въ Государственную Думу внесенъ законопроектъ о введеніи положенія о мѣстномъ судѣ и въ Виленской губерніи, то остается только порадоваться за нашихъ селянъ, которымъ снова возвратятъ ихъ излюбленный мировой судъ.

Прослуживъ въ уѣздномъ сѣздѣ 2½ года, я опять потянулся въ мой судъ, за назначеніемъ товарищемъ председателя его въ 1906 году, и счастливъ ожиданіемъ встрѣтить юбилейные дни судебныхъ уставовъ Императора Александра II въ своей средѣ и въ своей сферѣ.

В. С. Чеважевскій

Къ исторіи Терапонтова Бѣлозерскаго монастыря (1679 г).

Государю преосвященному Симону архиепископу Вологодскому и Бѣлозерскому бѣють челомъ богомольцы твои Бѣлозерскаго уѣзду Рожества Пречистыя Богородицы Терапонтова монастыря игуменъ Афонасей з-братъею. Въ нынѣшнемъ государь во 187 году билъ челомъ великому господину святѣйшему Іоакиму патриарху Московскому и всея Росіи Терапонтова ж монастыря строитель старецъ Исаия об отставѣ строительския службы и по указу святѣйшаго патриарха, а по его строительскому челобитью, прислана къ тебѣ государь преосвященному Симону архиепископу Вологодскому и Бѣлозерскому грамота, а по той государь грамотѣ, а по его строительскому челобитью, указано ево строителя Исаию от строительския службы отставить. И нынѣ государь у нас в Терапонтовѣ монастырѣ строителя нѣтъ и монастырскихъ служекъ и служебниковъ и вотчинныхъ крестьянъ от сторонъ оберегать некому. Умилостивися государь преосвященный Симонъ архиепископъ Вологодскій и Белозерскій, пожалуй нас богомолцовъ своих, вели государь быть у нас в Терапонтове монастырѣ строителемъ Кирилова монастыря соборному старцу Корнилию Затворникову и об томъ государь вели дать свою святительскую грамоту, чтоб ему старцу Корнилию Затворникову у нас в Терапонтове монастырѣ промежа служками и служебниками и вотчинными крестьяны всякая розправа чинить и от сторонъ оберегать. Государь великіи святитель смилуйся пожалуй.

На оборотъ: К сей челобитной игумен Аѳонасей руку приложилъ. Черной поп Дионисей вмѣсто братии дѣтей своихъ духовныхъ по ихъ велѣнью руку приложилъ. Черной поп Парѳеней и вмѣсто детеі своихъ духовныхъ казначья старца Іева да старца Тарасія руку приложил. Чернецъ Митрофан руку приложил. Чернѣцъ Александръ руку приложил.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Къ исторіи рода Чайковскихъ.

(Завѣщаніе Ивана Чайковскаго 1688 г.).

Во имя Пресвятыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа. Се язъ рабъ Божіи Иванъ Аѳонасьевъ, сынъ Чайковской пишу себѣ изустную духовную память своими цѣлымъ умомъ и разумомъ бояся часа смертнаго кому что дать и на комъ что взять. Благословляю язъ Иванъ жену свою Мавру Даниловну Божиимъ милосердіемъ домовными образами да приказываю душу свою ей женѣ своей Маврѣ и дѣтемъ своимъ Ильѣ и Василью и Петру. А что моево пожитку послѣ меня останется, хлѣба и скота и рухледи, и изъ тѣхъ пожитковъ моихъ приказываю женѣ своей и дѣтемъ своимъ дать на поминовение души моей сорокоусты отцу моему духовному вдовому попу Еерѣму сорокоустъ говорить псалтырь да Пречистенскому попу Василью, что на Монзѣ, съ крылашены сорокоустъ же да Егорьевскому попу Ивану Семенову, что на Шиленгѣ, съ крылашены сорокоустъ да въ Александрову пустыню попу Никиѳору Алексѣеву съ крылашены сорокоустъ же да прежнему моему отцу духовному старцу Филарету дать сорокоустъ же говорить псалтырь. А какъ Богъ преселить душу жены моея Мавры послѣ меня, и что останется пожитковъ моихъ, и тѣ пожитки мои послѣдніе отдать на поминовение жены моей по душе на сорокоусты же въ тѣ же вышеписанныя мѣста. Да заплатить церковного долгу Пречистыя Богородицы, что на Монзѣ, пятнадцать рублевъ денегъ по заемной кабалѣ на три строки, а въ той кабалѣ писаны кресьяныя мои, а окромѣ той кабалы иново долгу никакова в тое церковь нѣтъ.

Да въ вотчинѣ Ростовскаго митрополита Шейнухоцкой волости у кресьянина у Якова Мингалева какія объявятца заемныя кабалы и памяти на меня Ивана и на дѣтей моихъ и на кресьянъ моихъ, а тѣ кабалы и памяти писаны на имя перваго мужа жены ево Яковлевы Ивана Ѳедорова сына Беляя, и по тѣмъ кабаламъ и памятемъ хлѣбной и денежной долгъ плаченъ весь сполна. Да зятьямъ моимъ за дочерми моими Ѳедору Васильеву сыну Бесѣдному, Дмитрею Тимоѣеву сыну Марину, Василью Матвѣеву сыну Сыпягину и бывшему зятю Якову Брянченинову и зятю Стефану Яковлеву сыну Пылаеву, Ивану Яковлеву сыну Толбумину противо рядныхъ записей приданое платье и кузнь серебряная и что писано в отдачу и то имъ все плачено сполна. А дѣти мои Ильѣ и Василей и Петръ подѣлены у меня Ивана до сего числа за многое время и хлѣбомъ и скотомъ и всякими пожитками надѣлены, живутъ особыми домами. А о помѣсѣхъ моихъ имъ дѣтемъ моимъ Ильѣ и Василью и Петру послѣ моего живота бить челомъ великимъ государемъ. А жену мою Мавру, а свою мать дѣтемъ моимъ послѣ меня поить и кормить и всѣмъ покоить и держать чесно по ея смерть. А какъ Богъ преселить душу ея в вѣчный покой и тако же бы помянуть, что и мою душу, и пожитки ея отдать на поменованіе душѣ. А окромѣ на мнѣ Иванѣ церковнаго долгу пятнатцети рублевъ денегъ, иныхъ никакихъ долговъ хлѣбного и денежнаго ни у кого ниндѣ нѣтъ. А будетъ гдѣ у кого на меня Ивана и на дѣтей моихъ и на кресьянъ моихъ какія крѣпости и заемныя кабалы и памяти или росписи в какой взяче и долгу и въ хлѣбномъ и денежномъ вылягутъ, и то все плачено сполна. А исправлять душу свою противъ сей духовной приказываю дѣтемъ своимъ Ильѣ и Василью и Петру, а имъ дѣтемъ моимъ промежъ себя жить въ братствѣ и в любви и буди на нихъ милость Божія и наше отчее благословленіе в семь свѣтъ и будущемъ вѣце. А у сея изусныя моя духовныя памяти седѣли священники: отецъ мой духовной вдовой попъ Еѳремъ Никитинъ да Пречистенской попъ Василей Ивановъ да бывшей мой отецъ духовной что нынѣ Феларетъ старецъ да Пречистыя Богородицы Моньской церковной староста Никита Павловъ да дѣти мои Василей да Петръ Чайковскіе. А изусную духовную память писалъ Шилегоцкіе волости Георьевской церковной дьячекъ Коземка Иосиѳовъ по ево Иванову велѣнію Чайковскаго лѣта 7196 году мѣсяца генваря въ 3 день.

На оборотѣ подлинной духовной написаны рукоприкладства: „Къ сей изусной духовной памяти вдовой попъ Ефрѣмъ по велѣнью сына своего духовнаго Ивана Аонасьева сына Чайковскаго руку приложилъ. Къ сей духовной памяти Пречистенской попъ Василей у сея духовныя седѣль и по велѣнью церковнаго старосты Никиты Павлова по его велѣнью руку приложилъ“. Далѣе идутъ подписи сыновей Василья и Петра Чайковскихъ и старца Филарета.

Примѣчаніе. Иванъ Аонасьевичъ Чайковскій умеръ 5 января 1688 года. Объ утвержденіи духовной билъ челомъ архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому Гавриилу 22 декабря того же года сынъ умершаго Василій и по указу архіепископа къ поповскому закащику Николаевскому попу Семену, что на Святой горѣ, въ Авнежской волости Вологодскаго уѣзда были вызваны сидѣльцы и писецъ духовной, и въ январѣ слѣдующаго года духовная была признана неспорною.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Изъ записной книжки „Русской Старины“.

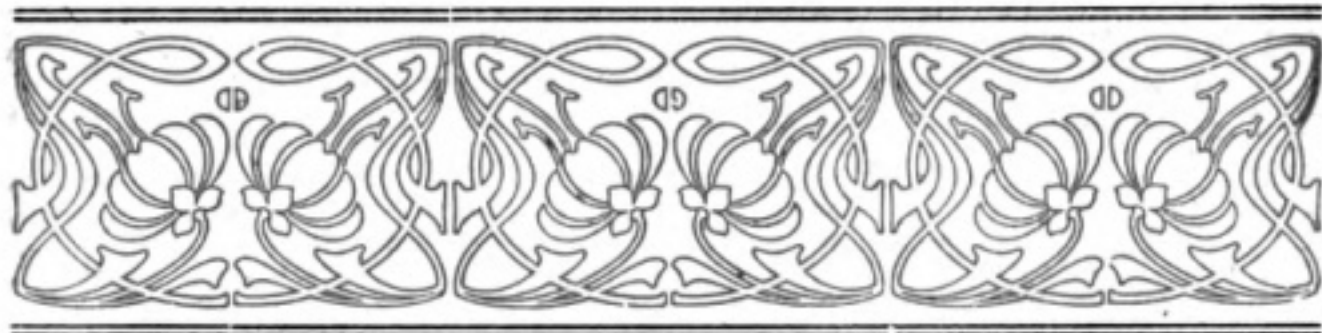
Начальницы институтовъ.

Покойная нынѣ Серафима Матвѣевна Наставина, смолянка, рассказывая однажды объ известной начальницѣ Смольнаго института Леонтьевой, упомянула о томъ авторитетѣ, которымъ Леонтьева пользовалась, и подкрѣпила это утверждениемъ, что тогда всѣхъ вновь назначаемыхъ начальницъ институтовъ возили въ Смольный поучиться у Леонтьевой, какъ надо поставить дѣло.

Одна изъ собесѣдницъ, Николаевская институтка, нынѣ тоже покойная Александра Ѳедоровна Фуксъ, на это возразила:

„Не знаю. Можетъ быть. Но только не нашу Дараганъ. Ее кучеръ Никита привезъ прямо въ Николаевскій институтъ, высадилъ и сказалъ встрѣчавшей челяди: „ну, теперь у меня смотрите—привезъ я вамъ чорта!“

Императорская Фамилія въ Крыму.

Всѣмъ извѣстно, что Оріанда, прекрасное прибрежное имѣніе въ 7 верстахъ отъ Ялты, приобрѣтено было покойнымъ Императоромъ Александромъ I, который можетъ быть мечталъ проводить въ немъ осенніе мѣсяцы; но этого не случилось. Доставшись Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, по приказанію которой воздвигнуть былъ здѣсь прекрасный трехъэтажный дворецъ, имѣніе это въ концѣ концовъ досталось Вел. Кн. Константину Николаевичу, котораго Государыня очень любила и вся Россія считала за гениальнаго и образованнѣйшаго человѣка. Естественно, что Императору Александру II и остальнымъ братьямъ также желательно было имѣть въ этомъ прелестномъ уголку свои дачи, но такъ какъ лучшія изъ нихъ принадлежали уже аристократамъ, не имѣвшимъ надобности продавать ихъ, то приобрѣтеніе ихъ откладывалось до удобнаго времени. Такое время представилось послѣ смерти графа Потоцкаго, владѣльца Ливадіи, который большинствомъ проводилъ лѣто здѣсь и любилъ Россію настолько, насколько жена его ненавидѣла эту страну. Графиня Потоцкая не замедлила предложить Государынѣ Императрицѣ (въ 1860 г.) имѣніе это и запросила за него 250 тыс. За эту ли сумму или дешевле состоялся договоръ, но Ливадія съ инвентаремъ приобрѣтена была въ томъ же году. Имѣніе это состояло изъ большого виноградника, который сохраняется до настоящаго времени, изъ дома, который отчасти перестроенъ

и служилъ помѣщеніемъ покойнаго Государя съ супругою и дѣтьми, оранжереи и двухъ, трехъ домиковъ; все остальное пространство составляло сѣнокосы и лѣсныя гущи. Первымъ управляющимъ назначенъ былъ Калбасинъ, а для перестроекъ и новыхъ сооруженій командированъ былъ профессоръ архитектуры Монигетти. По представленіямъ этихъ распорядителей открылись въ Ливадіи безконечныя работы и въ то же время приступлено было къ перестройкѣ двухъ домовъ въ Ялтѣ ¹⁾. Естественно, что министерство удѣловъ не щадило денегъ и отлично вознаграждало дальновиднаго итальянца, не презиравшаго никакими способами для живы. Такимъ образомъ въ Ливадіи, поглотившей 2—3 милліона, не явилось ни одной постройки, которая по архитектурѣ и солидности превосходила барскій домъ Потоцкаго. Не дурно вышла только придворная маленькая церковь съ византійскими орнаментами и живописью.

При всей поспѣшности работъ къ предположенному пріѣзду Царской Фамиліи въ будущемъ году, въ Ливадіи сдѣлано было очень немного, но, несмотря на это, официально сообщено мѣстнымъ властямъ о рѣшенномъ уже въ Петербургѣ переѣздѣ Августѣйшей Семьи на осенній сезонъ въ Ливадію.

7-го августа 1861 г. прибылъ въ Оріанду Вел. Кн. Константинъ. При проѣздѣ его чрезъ Байдарскую долину, обитатели которой враждебно относились къ намъ при занятіи этой мѣстности англо-французами въ Крымскую кампанію, изъ желавія пустить передъ нимъ пыль въ глаза, устроили торжественное молебствіе о здравіи и долгоденствіи Царствующей Фамиліи, послѣ чего кланялись и забавляли Его Высочество различными играми. Изъ всѣхъ представившихся къ нему обращалъ на себя вниманіе высокій стройный старикъ лѣтъ 85-ти, казакъ, Ваптъ, съ нѣсколькими медалями на шеѣ и значкомъ за отечественную войну. Этотъ татаринъ, искренно преданный Россіи, съ 1812 года участвовалъ во всѣхъ битвахъ нашихъ съ французами при казацкихъ отрядахъ, а во время осады Сева-

¹⁾ Одинъ изъ этихъ домовъ занятъ мужскою прогимназіею, а другой отдается въ наймы.

стополя служилъ волонтеромъ и указателемъ горныхъ тропинокъ нашимъ войскамъ ¹⁾).

Вел. Кн. Константинъ, говорящій не дурно по-турецки, выразилъ свое удовольствіе нѣсколькими татарскими фразами и поѣхалъ дальше. У Байдарскихъ воротъ его пригласилъ исправникъ Зофиropуло къ приготовленному заранее завтраку, состоящему изъ форели, пойманной у истока Черной рѣчки при разоренной деревнѣ Скеля. Константинъ Николаевичъ пробылъ въ имѣніи своемъ 5 сутокъ и выѣхалъ обратно на Севастополь.

Выѣздъ Государя съ Августѣйшимъ семействомъ изъ Петербурга для тѣхъ, кто слѣдилъ за газетными сообщеніями, представляетъ замѣчательное явленіе народной преданности. Всѣмъ извѣстно, что въ то время у насъ не было желѣзныхъ дорогъ и державнымъ путешественникамъ приходилось ѣхать на лошадяхъ и останавливаться на каждой почтовой станціи, куда заблаговременно стекались окрестные крестьяне съ хлѣбомъ-солью, чтобы ударить челомъ властителю, снявшему съ нихъ и дѣтей ихъ невыносимыя оковы рабства. Поднося эти дары съ слезами неизъяснимой радости и разстилая чистыя и лучшія полотенца подъ ноги Освободителю своему, эти бѣдняки сами впрягались въ царскій экипажъ, и если бы имъ дозволено было, то отъ Москвы до Крыма Его Величество проѣхалъ бы на плечахъ благодарныхъ подданныхъ. Такого народнаго желанія и такой истинной благодарности милліоновъ людей намъ не представляла исторія ни единого царя, и естественно, что съ этого времени Императоръ Александръ II долженъ былъ занять величайшее положеніе въ спискѣ благотворителей и филантроповъ земли.

Тѣмъ временемъ въ Ялтѣ установлена окончательно телеграфная станція, оконченъ бульварчикъ вдоль набережной, увеличена городская пристань и начата гранитная плотина вдоль дороги, идущей на Ливадію, которую постоянно портили морскіе прибои; прибыли въ почетный карауль рота Брестскаго полка съ эскадрономъ казаковъ. Все было готово къ приему Августѣйшей Фамиліи къ 22 му августа. 24-го числа прибыли въ Ялту два военныхъ паро-

¹⁾ Послѣ Крымской войны, казакъ Вацъ, какъ бездѣтный, терпѣлъ ужасную бѣдность. Татары не любили его и всегда совѣтовали съ насмѣшкою искать пособія у русскаго правительства. Впослѣдствіи, когда онъ ослѣпъ, жена его вынуждена была, показывая регалии мужа, выпрашивать у христіанъ подаяніе.

хода „Турокъ“ и „Пицунда“ съ царскими вещами, прислугою, фельдъегерями и казаками собственнаго конвоя Его Величества.

Получено извѣстіе что Государь прибылъ въ Севастополь, откуда, по осмотрѣ Херсонеса, не раньше какъ къ 2-мъ часамъ завтра пожалуетъ въ Ливадію. Естественно, что вѣсть эта подняла на ноги всю полицію и всѣхъ домовладѣльцевъ г. Ялты, начали бѣлить дома, подметать улицы, отдавать приказы лавочникамъ, содержателямъ питейныхъ заведеній и т. п.

Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что Его Величество, пожелавъ ознаменовать первый пріѣздъ свой въ Крымъ основаніемъ важнаго для имперіи памятника въ Херсонесѣ, задуманнаго еще Императоромъ Александромъ I, 23 августа своеручно положилъ первый камень въ фундаментъ громадной церкви вокругъ развалинъ древняго храма во имя Рожд. Пресв. Богородицы, гдѣ крестился Вел. Кн. Владиміръ, озарившій евангелическою истиною Русскую землю, При чемъ отдалъ приказаніе перенести сюда изъ малой церкви Зимняго Дворца часть мощей Св. Владиміра и отпустить 111 пуд. мѣди для отлитія перваго колокола.

На слѣдующій день въ сказанное время, несмотря на вѣтреную и дождливую погоду, Государь съ Августѣйшею Супругою Марією Александровною и младшими дѣтьми: Марією Александровною, Павломъ и Сергіемъ Александровичами прибыли въ Ливадію съ небольшою свитою и къ удивленію всѣхъ отлично размѣстились въ небольшомъ домѣ Потоцкаго. Гдѣ и какъ поселились приближенные трудно было опредѣлить. Распорядителемъ по хозяйственной части былъ какой-то Миллеръ. Лейбъ-медиками Карель и Гартманъ. Въ число послѣднихъ былъ приглашенъ и медикъ, состоявшій при графѣ Потоцкомъ, вѣроятно, въ качествѣ врача, знавшаго мѣстныя климатическія вліянія, и именно описанный мною докторъ Петерсъ.

Въ тотъ же день узнали, что завтра, 26 августа, Его Величество по случаю празднованія коронаціи и неимѣнія въ Ливадіи церкви посѣтитъ Ялту, гдѣ будетъ слушать божественную литургію. Надо знать, что въ то время Ялтинскій храмъ былъ на половину меньше и настоятелемъ его былъ протоіерей Василій Сердюковъ. Ни дьякона, ни пѣвчихъ не было.

кузнецомъ въ деревнѣ Никитѣ. Надо знать, что у татаръ всякое ремесло считается почетнымъ, въ особенности, если ремесленникъ исполняетъ его добросовѣстно, а такъ какъ Мустафа всегда дѣлалъ хорошія подковы и крѣпкіе гвозди и не требовалъ отъ бѣдныхъ немедленной уплаты денегъ за своеручные труды, то къ нему всѣ относились какъ точному исполнителю заповѣдей Магомета. Правда, нѣкоторымъ изъ строгихъ мусульманъ не нравилось въ немъ необыкновенное стремленіе къ дружбѣ съ христіанами въ предположеніи, что онъ желаетъ господствовать въ деревнѣ и служить гяурамъ шпиономъ. Лишь только выражено было это Мустафѣ, онъ распродалъ свои участки земли въ Никитѣ, бросилъ кузнечное ремесло и переселился въ Дерекой, гдѣ первый построилъ себѣ домъ въ нѣсколько европейскомъ вкусѣ. Чѣмъ онъ промышлялъ для существованія—трудно сказать. По словамъ однихъ, онъ участвовалъ въ откупѣ садовъ, по другимъ свѣдѣніямъ перепродавалъ лошадей, довольствуясь ничтожными выгодами, такъ какъ для татарскаго семейства, состоящаго изъ 5—6 душъ, въ то время достаточно было 100 руб. Мустафа былъ небольшого роста, черноглазый, чернобровый и черноусый пріятный мужчина съ матовымъ оттѣнкомъ на лицѣ. Въ его походкѣ, тѣлодвиженіи, въ глазахъ и тихой рѣчи такъ было много чего-то вызывающаго полное довѣріе, такъ много искренней почтительности, кротости и уваженія къ ближнему и въ особенности къ старшему, безъ примѣси униженія и другихъ недостатковъ, свойственныхъ людямъ съ задними идеями, что всѣ, кто однажды заговаривалъ съ нимъ, принималъ его за образецъ честнаго и нужнаго человѣка. Вотъ почему его полюбилъ съ перваго взгляда Государь Императоръ и всѣ придворные, которые обыкновенно боятся людей болтливыхъ и имѣвшихъ на умѣ личныя выгоды. При этомъ Мустафа очень хорошо понималъ, что наши вельможи любятъ блескъ, вслѣдствіе чего онъ приказалъ сдѣлать себѣ куртку съ золотыми галунами, приобрѣлъ шапку изъ лучшей мерлушки и ѣздилъ на великолѣнномъ иноходцѣ, котораго многія лошади не могли догнать на полномъ скаку. Кто обладаетъ такой лошадейю, и теперь пользуется между татарами почетомъ, а тогда это возбуждало зависть даже и у состоятельныхъ помѣщиковъ, потому что хорошіе иноходцы послѣ эмиграціи татаръ составляли рѣдкость и требовали большой заботливости со стороны владѣльца.

Ровно въ 9 часовъ показалось облако пыли со стороны Ливадіи и раздался трезвонъ колоколовъ. Вслѣдъ затѣмъ подъѣхалъ къ церковной оградѣ татаринъ и спѣшившись сталъ у воротъ. Музыка заиграла царскій маршъ; солдаты вытянулись въ струнку, и всѣ глаза обратились къ воротамъ церковной ограды. Минуту спустя подкатилъ Государь въ легкой открытой коляскѣ съ флигель-адъютантомъ, красивымъ на видъ полковникомъ Рылѣвымъ, который заботливо снялъ съ Государя шинель. Въ это время музыка заиграла народный гимнъ: Боже, Царя храни, мотивъ котораго такъ хорошо пришелся по чувствамъ русскаго человѣка и дѣйствительно вызываетъ въ каждомъ изъ насъ какое-то восторженное умиленіе. Государь подошелъ къ командиру роты, командовавшему „на плечо“ и „карауль“ и принявъ отъ него почетный рапортъ, началъ что-то говорить.

Музыка смолкла по мановенію державной руки, и воцарилось такое молчаніе, какъ-бы вся природа хотѣла слышать голосъ вѣнценосца. Священникъ появился съ крестомъ у дверей храма. Тѣмъ временемъ подъѣхала вторая коляска съ Государынею Императрицею и маленькими: Марією Александровною, Павломъ и Сергіемъ Александровичами, въ средѣ которыхъ находилась княжна Долгорукова, въ качествѣ наставницы великой княжны.

Сойдя изъ экипажа, при помощи Августѣйшаго супруга, Государыня приложилась вмѣстѣ съ нимъ и дѣтьми къ кресту и съ видимымъ благоговѣніемъ вступила въ храмъ, кланяясь направо и налево, и заняла то мѣстечко по лѣвую сторону, на которомъ красовался новенькій бархатный коверъ и соломенное стуло. Ялтинская церковь тогда не имѣла излишнихъ средствъ на пріобрѣтеніе мягкаго кресла, а у жителей не принята была такая роскошь. Лишь только царствующая чета заняла свое мѣсто, отецъ Василій чистымъ и яснымъ выговоромъ началъ богослуженіе. При первомъ его возгласѣ Императрица опустилась на колѣна и начала горячо молиться; дѣти послѣдовали ея примѣру.

Государь во все время обѣдни ни разу не оглядывался и при всѣхъ важнѣйшихъ возгласахъ становился съ супругою и дѣтьми на колѣна. Литургія длилась ровно 46 минутъ, т.-е. столько времени, сколько определено было. Въ концѣ ея отъ Василія вынесъ Августѣйшимъ прихожанамъ просфоры и по установленію поцѣловалъ имъ руки, получивъ въ отвѣтъ то же самое.

Повернувшись къ выходу, Его Величество подошелъ къ брату графа Потоцкаго, стоявшаго въ камергерскомъ мундирѣ, и съ улыбкою пожалъ ему руку. Потоцкій явился въ Ялту раньше Высочайшаго пріѣзда и не разъ останавливалъ вниманіе многими эксцентричными женообразными выходками: во-первыхъ, онъ былъ старъ и дрожалъ, какъ запоздалый осенній листъ на деревѣ, всегда одѣвался самымъ изысканнымъ образомъ по послѣдней парижской картинкѣ и тщательно прикрывалъ свою плѣшь немногими остатками волосъ съ висковъ и наконецъ до того обливался ароматами, что приближеніе его слышалось за 10 шаговъ. Къ этому прибавьте страсть заглядывать въ глаза каждой молодой женщины и окружать себя собачками рыжей, чунтуковой породы, которыхъ онъ безпрестанно подзывалъ и ласкалъ—и портретъ этого эпикурейца будетъ вполне нарисованъ.

Царское вниманіе оживило Потоцкаго настолько, что глаза его завертѣлись, какъ у юноши, и онъ, кажется, долго не могъ успокоиться отъ такой чести.

Естественно, что при выходѣ Государя всѣ разступились съ почтительными поклонами и полагали, что дѣло обойдется безъ всякихъ событій, но въ это самое время изъ среды женщинъ рванулась какая-то высокая молодая женщина и, нагнавъ монарха, громко сказала:

— Ваше Величество, соблаговолите выслушать несчастную вдову полковника . . . фамиліи я не разслышалъ.

Идущій за Государемъ министръ двора, графъ Адлербергъ схватилъ дерзкую барыню за мантилью и хотѣлъ остановить, но она рванулась впередъ и вновь заголосила. Императоръ съ неудовольствіемъ оглянулся назадъ и ускорилъ свой шагъ. Это не скрылось отъ остальныхъ придворныхъ, которые вынуждены были пресѣчь дальнѣйшее движеніе полковницы и сказать ей, что просьбы и неудовольствія неумѣстно заявлять Императору у дверей храма и что она можетъ во всякое время явиться въ Ливадію въ походную канцелярію, гдѣ ее выслушаютъ и сообщать Его Величеству по установленному порядку.

По отъѣздѣ Императорской Фамиліи войско, въ сопровожденіи игравшей музыки, стройнымъ маршемъ возвратилось въ Ливадію въ лагерныя палатки, такъ какъ для него не имѣлось отдѣльнаго помѣщенія.

Въ палатку собрались всѣ почти офицера, у которыхъ былъ ликующій видъ и кажется большія надежды на награды. Солдаты также бѣгали и рѣзвились, точно дѣти, которые въ концѣ концовъ нашли отца. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ веселили и другія побочныя обстоятельства, какъ-то бивуакъ на возвышенности, откуда представлялся великолѣпный видъ на горы, море, Ялту, дворецъ и виноградники, унизанные созрѣвшими уже кистями винограда. Предъ вечеромъ солдатикамъ этимъ приказано было идти купаться. Стали молодцы въ ряды, затаили запѣвало, и раздалась въ лѣсахъ Ливадіи чуть-ли не впервые русская военная пѣснь.

Вечеромъ всѣ городскія улицы по распоряженію полиціи были освѣщены плашками, кое-гдѣ на берегу зажжены были костры, а на военныхъ судахъ „Тигръ“, „Туркъ“ и „Пицундѣ“ устроены были иллюминаціи, фальшфейера, ракеты и т. п. Вслѣдъ затѣмъ слышались солдатскія пѣсни и музыка, не прекращавшіяся до полуночи.

Такъ какъ такіе вечера не выпадали раньше на долю изолированной Ялты, жители которой никогда дальше Симферополя не выѣзжали и слѣдовательно не имѣли понятія ни о 101 пушечномъ выстрѣлѣ, ни о значеніи царской семьи, ни о иллюминаціяхъ съ фейерверками, то естественно, что массы татаръ и грековъ изъ 4-хъ сосѣднихъ деревень наводнили набережную и удивленіямъ ихъ не было конца. Нѣкоторымъ изъ видѣвшихъ предъ глазами цѣлыя суда какъ-бы нарисованныя на темномъ фонѣ неба пылающими огненными точками вдоль всѣхъ мачтъ и канатовъ, казалось это сновидѣніемъ, а звуки музыки пѣньемъ ангеловъ. Въ болѣе изысканной и болѣе торжественной формѣ праздника этого тогда не мыслимо было устроить, во-первыхъ, потому, что въ Ливадіи была большая тѣснота и ничего не было подготовлено къ праздникамъ; во-вторыхъ, здоровье Императрицы не позволяло допускать особенныхъ зрѣлищъ, и наконецъ у насъ въ это время не было никакихъ почти военныхъ судовъ, незанятыхъ экстренными служебными обязанностями. Если-бъ къ намъ въ это время заѣхали бы какіе-нибудь иностранные посланники, не знавшіе образа жизни русскихъ царей въ Петербургѣ и Москвѣ, они составили бы себѣ незавидное понятіе о вкусѣ и потребностяхъ ихъ внѣ столицы; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой дѣйствительности никогда ни одному царствующему

дому въ Европѣ не приходилось съ такимъ удовольствіемъ и спокойствіемъ проводить свое пребываніе въ провинціи, въ бѣдной сравнительно обстановкѣ, какъ въ этотъ годъ Императору Александру II, послѣ душевной и мучительной жизни въ Петербургѣ, гдѣ его тревожили постоянныя дѣла и доклады, официальные представленія, парады, осмотры и т. п. Каждый монархъ такой обширной имперіи, какъ Россія, жаждетъ хоть на короткое время перейти въ положеніе независимаго, даже бѣднаго человѣка, чтобы придать болѣе значенія своему назначенію и набраться свѣжими силами для продолженія своего заманчиваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма тяжелаго и отвѣтственнаго предѣ исторію суда.

На слѣдующій день изъ Ливадіи проѣхали верхомъ княжна Долгорукова съ какимъ-то молодымъ офицеромъ на татарскихъ лошадяхъ, которыя доставлены были въ Ливадію туземцами за установленную мѣсячную плату. Вслѣдъ за ними подѣхалъ прославленный инженеръ-генераль Э. И. Тотлебенъ, прибывшій одновременно съ Царскою Фамиліею, но за неимѣніемъ помѣщенія въ Ливадіи, остановившійся въ Оріандѣ. Тотлебенъ въ это время страдалъ послѣдствіемъ раны, полученной имъ въ Севастополѣ, и узнавъ, что здѣсь живетъ докторъ Поспишиль, прибывшій изъ Пруссіи по вызову нашего правительства въ Крымскую кампанію, пожелалъ взять его въ свои медики.

По приходѣ Поспишиля нѣмцы заговорили на своемъ нарѣчій. Оказалось, что Тотлебенъ зналъ доктора въ Севастополѣ и желалъ ему предоставить маленькое покровительство. Вотъ какъ заботятся нѣмцы въ Россіи о единоплеменникахъ своихъ! И дѣйствительно, впоследствии малоизвѣстный Егоръ Ивановичъ не разъ встрѣчался у Тотлебена съ Государемъ Императоромъ, не разъ говорилъ съ Его Величествомъ и въ заключеніе, кромѣ хорошаго денежнаго вознагражденія, получилъ Анну 3-й степени.

27-го августа въ день Севастопольской годовщины у Государя Императора былъ обѣдній столъ, къ которому приглашены были всѣ состоящіе на лицо сановники и офицера. Солдатамъ, стоящимъ въ Ливадіи и матросамъ также приказано было устроить такое же угощеніе. За обѣдомъ Его Величество было въ отличномъ расположеніи духа и до-

вольно много говорилъ съ Императрицею и присутствующими за столомъ. Бѣдные и малоразвитые пѣхотинскіе офицера, получивъ приказаніе наканунѣ явиться къ Царскому столу въ вицъ-мундирахъ, пришли въ изумленіе отъ такой неожиданной чести и, собравшись къ ротному командиру въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ дѣлами репетиціи какъ войти во дворецъ, какъ поклониться, какъ сѣсть за столъ, какъ держать ложку, ножъ и вилку, какъ отвѣчать на случай обращенія Государя и т. п. За обѣдомъ этимъ нѣкоторые изъ важнѣйшихъ оставшихся въ живыхъ защитниковъ несчастнаго Севастополя пожалованы были орденами, а участвовавшему на немъ представителю инженернаго вѣдомства Тотлебену дарованъ Владиміръ 2-ой степени со звѣздою. Ялтинскому городничему капитанъ-лейтенанту Кондогури данъ былъ орденъ Св. Станислава 2-ой степени. Награда эта передана была послѣдному чрезъ посредство бывшаго въ то время въ Новороссійскомъ краѣ генераль-губернатора графа Строганова, человѣка довольно грубаго, разочарованнаго и не придающаго никакого значенія самолюбія ближняго. Такія качества въ этомъ хорошо образованномъ артиллерійскомъ генералѣ говорятъ зародились съ того времени, когда онъ потерялъ одновременно любимую жену и нѣсколькихъ дѣтей. Чтобъ очертить его считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его выходкахъ въ Ялтѣ въ теченіе этого сезона. Такъ на примѣръ, онъ изъявилъ желаніе занять карантинный домъ, потому что въ Ялтѣ не было болѣе приличнаго помѣщенія для генераль-губернатора и пожелалъ осмотрѣть комнаты. Строгоновъ, осмотрѣвъ ихъ, молча вышелъ не сказавъ ни одного слова и помѣстился въ плохомъ зданіи, принадлежащемъ Ливадіи. Въ тотъ-же день къ нему явились по обязанности службы городничій Кондогури и исправникъ Зофиропуло. Съ первымъ онъ не сказалъ ни слова, а къ послѣдному, не смотря на то, что онъ былъ въ полицейскомъ мундирѣ, обратился со слѣдующими отрывочными вопросами:

— Вы музыкантъ?

Илья Ивановичъ, привыкшій пользоваться особеннымъ вниманіемъ князя Воронцова и важнѣйшихъ сановниковъ Россіи, посѣщавшихъ Алупку, ужасно сконфузился и не зналъ что отвѣчать.

— Я васъ спрашиваю—повторилъ графъ обыкновеннымъ тономъ—вы не музыкантъ?

— Никакъ нѣтъ ваше сіятельство—проговорилъ изумленный исправникъ.

— Странно, что вы не музыкантъ — продолжалъ онъ, какъ-бы припоминая что-то. Затѣмъ, пройдясь по комнатѣ, онъ снова остановился предъ толстымъ исправникомъ съ выразительными свѣтло - сѣрыми глазами и большими генеральскими полусѣдыми усами и сказалъ:

— Вы не играете на ваготѣ?

— Никакъ нѣтъ в. с—ство.

— А на скрипкѣ? а на вильеншели? а на гитарѣ?

Послѣ этого онъ безцеремонно повернулся и ушелъ въ свой кабинетъ.

Во время этихъ допросовъ у Зофиропуло потъ лился ручьями и навѣрно, еслибъ эти насмѣшки продолжались еще нѣсколько минутъ, онъ упалъ-бы разбитымъ параличемъ. Къ счастью подоспѣли къ нему молодой адъютантъ графа князь Черкасскій и старшій чиновникъ особенныхъ порученій Танскій, которые вывели его на дворъ и увѣрили, что Строгановъ вѣроятно нашелъ въ немъ наружное сходство съ какимъ нибудь когда-либо извѣстнымъ ему музыкантомъ и утѣшили исправника, что графъ все это говорилъ безъ всякой цѣли и вѣроятно сейчасъ-же забылъ. Зофиропуло успокоился, но Строгановъ съ этого времени непріязненно относился къ Ильѣ Ивановичу и не забылъ этой непріязни даже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда губернаторъ Жуковскій представилъ его къ первому ордену Станислава 3-й степени. Генераль-губернаторъ, имѣвшій привычку лично распечатывать конверты и прочитывать всѣ адресованныя на имя его бумаги, при прочтеніи рапорта о Зофиропулѣ оставилъ его безъ резолюціи, что означало „оставить безъ вниманія“. Дзабановскій секретарь Строганова съумѣлъ дать ходъ этому представленію, увѣнчавшемуся успѣхомъ. Такимъ образомъ Зофиропуло, нынѣ имѣвшій массу орденовъ и Владиміра на шеѣ въ чинѣ подпоручика получилъ первый съ моей легкой руки. Но не съ однимъ только исправникомъ Строгановъ такъ странно обошелся: мнѣ рассказывали, что одна барыня, также пострадавшая и обиженная начальствомъ послѣ Крымской войны, знавшая могущество Строганова и то, что сынъ его женатъ на в. княжнѣ Маріи Николаевнѣ, обратилась къ нему съ жалобой по этому поводу и такъ краснорѣчиво описала свое бѣдственное состояніе, что графъ, увлеченный ея дикціей и

даромъ слова, вынулъ изъ бумажника 25 рублевый кредитный билетъ и отдалъ его просительницѣ.

Но всего замѣчательнѣе было то, что Строганова боялись всѣ почти придворные и въ присутствіи его соблюдали чрезвычайное почтеніе къ старшимъ. Говорили, что однажды шелъ въ присутствіи Государыни и Царскихъ дѣтей веселый разговоръ съ играми, какъ вдругъ камеръ-фрау явилась съ докладомъ о пріѣздѣ Строганова.

— Довольно, довольно, господа—сказала Императрица—Строгановъ терпѣть не можетъ шалостей, уйдите какъ можно подальше.

Въ день празднованія Севастопольской годовщины въ числѣ другихъ пожалованъ въ флигель-адъютанты и Шмидтъ, командиръ Императорской яхты „Тигръ“, впоследствии долго состоявшій подъ судомъ (въ Кронштадтѣ). Удивительно какъ такой недалъновидный человѣкъ достигъ подобнаго лестнаго званія только за то, что числился въ числѣ защитниковъ Севастополя.

Тѣмъ временемъ въ Ялту и на многія окрестныя дачи начали появляться пріѣзжіе, одни съ цѣлью исходатайствовать повышенія, другіе получить мѣста и покупаться, но всего больше явилось за пособіемъ, рассчитывая на личныя встрѣчи съ Августѣйшею Фамиліею и великія и богатая милости. Въ числѣ послѣднихъ преобладали севастопольскія жены матросовъ, имѣвшія по нѣскольکو. медалей и называвшія себя кавалерами. Несмотря на то, что прошло около 6-ти лѣтъ со времени разрушенія злополучнаго Севастополя, въ которомъ онѣ предавались пьянству, распутству и другимъ гнуснѣйшимъ порокамъ, эти отважныя женщины не разстались съ своими кое-какъ возобновленными гнѣздами и продолжали хранить свои наклонности и привычки, стараясь заразить своимъ наслѣдіемъ новыхъ поселенцевъ. Въ ожиданіи милостей со стороны правительства за то, что онѣ ради личныхъ выгодъ не разставались съ Севастополемъ чуть-ли не до послѣднихъ дней, обирая солдатъ и офицеровъ и присваивая имущество убитыхъ на бастіонахъ, онѣ и послѣ мира нашли въ Севастополѣ довольно выгодные источники къ существованію, собирая тысячами чугуныя и свинцовыя снаряды, которые сбывали выгодно правительству и массѣ посѣтителей, нарочно

пріѣзжавшихъ изъ цѣлой Европы посмотрѣть на городъ, который такъ долго и такъ геройски сопротивлялся насильственному натиску и непрестанному огню сильнѣйшихъ государствъ Европы, имѣвшихъ удобныя сообщенія съ его окрестностями. Естественно, что ни одна изъ этихъ женщинъ не выѣхала изъ Ялты до того времени, пока не получили минимумъ 25 руб. отъ Миллера, завѣдывающаго казначейскою частію при походной канцеляріи. Ни одна голодающая съ кучею дѣтей вдова солдатка или жена убитаго офицера изъ Балаклавы и другихъ военныхъ греческихъ поселеній не позволила себѣ беспокоить Государя какою-либо просьбою, считая это безчестнымъ, неприличнымъ и дерзкимъ.

29-го августа прибылъ въ Ялту для представленія Его Величеству генераль-лейтенантъ Ж., этотъ бичъ порядочныхъ людей и тайный другъ инженеровъ и подрядчиковъ, дѣлившихся съ нимъ заработками на счетъ казны. Ж., привыкшій къ раболѣпству предъ старшими, молчаливо перенесъ всѣ замѣчанія генераль-губернатора Строганова и съ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ приготовиться самому ѣхать въ Ливадію и лично представиться. Для людей честныхъ и нечувствовавшихъ на совѣсти черныхъ пятенъ представляться монарху составляетъ радость и гордость каждаго офицера, но Ж. не особенно пріятно показалось, когда Строгановъ отказался ѣхать съ нимъ. Представленіе это было обязательное, такъ какъ на другой день, т. е. 30-го августа Россія праздновала тезоименитство Государя Императора и очень многіе представители власти обязаны были пріѣхать въ Ливадію.

Въ этотъ торжественный день маленькая Ялта кое-какъ украсилась флагами, и народъ, одѣвшись въ праздничные наряды, началъ поджидать Его Величество, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Августѣйшая семья пріѣдетъ слушать обѣдню въ Ялтинскую церковь.

На этотъ разъ войска и музыка прибыли изъ лагеря немногимъ раньше, вслѣдствіе чего и благовѣсть начался въ 8 часовъ. Ровно въ 9-ть прибылъ Государь съ семействомъ, по-прежнему сопровождаемый личнымъ конвоемъ казаковъ съ Мустафою впереди. Его Величество былъ въ Кирасирскомъ мундирѣ при любимыхъ орденахъ: голубомъ на шеѣ и георгіевскомъ въ петлицѣ. Какъ и прежде, послѣ марша и гимна Онъ поздоровался съ солдатами, принялъ почетный рапортъ и послѣдовалъ въ храмъ, гдѣ народъ,

придворные и многіе начальники отдѣльныхъ частей, пріѣхавшіе изъ ближайшихъ губерній съ поздравленіями, стояли во фронтѣ, оставя въ центрѣ проходъ, затянутый краснымъ сукномъ. Отъ Василій живо отслужилъ обѣдню и молебенъ. Лишь только раздался трезвонъ, послышались пушечные выстрѣлы съ пароходовъ, стоявшихъ на рейдѣ и расцвѣтившихся разноцвѣтными флагами. При этихъ выстрѣлахъ Государь, принявъ подъ руку Императрицу и откланиваясь на обѣ стороны, на этотъ разъ вышелъ никѣмъ не встревоженный и сейчасъ же отъѣхалъ. Солдаты двинулись за нимъ подъ звуки музыки, которая при безпрестанныхъ выстрѣлахъ напоминала какую-то торжественную побѣду. У всѣхъ на лицѣ сіяло счастливое настроеніе и на каждомъ шагу слышалось, что сегодня въ Ливадіи имѣеть быть роскошный фейерверкъ и свободное гуляніе около дворца.

Ровно въ полдень Государь Императоръ вышелъ изъ дворца для пріема поздравленій отъ различныхъ генераловъ и депутацій, въ числѣ которыхъ находился и нашъ сѣдой, какъ лунь, кирпаносый Ж. Подошедъ къ каждому изъ этихъ заискивающихъ благоволенія, Государь выражалъ благодарность. Всѣмъ повидимому отлично удалось выполнить свою роль, за исключеніемъ Ж., которому захотѣлось поклониться ниже другихъ, во какъ на бѣду у него слетѣла каска, которую добрый Государь, вѣроятно изъ уваженія къ сѣдинамъ, своеручно поднялъ и подалъ ему. Покончивъ съ пріемомъ, Государь что-то сказалъ Мустафѣ, который находился около подъѣзда точно въ качествѣ тѣлохранителя, и вошелъ во дворецъ. Во все это время Царскія дѣти находились на балконѣ бель-этажа подъ наблюденіемъ княжны Долгоруковой и Тютчевой и съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось у ногъ ихъ.

Въ этотъ день матросы на судахъ и солдаты въ лагерьяхъ вторично получили обѣдъ съ чаркою водки.

Вечеромъ Ялта и военныя суда снова иллюминировались; но на этотъ разъ въ городѣ никого почти не оставалось; всѣ, начиная съ 5-ти лѣтнихъ дѣтей, направились въ Ливадію посморгнуть на небывалый никогда на южномъ берегу фейерверкъ.

Царская семья находилась на балконѣ, откуда Императоръ своеручно пустилъ по проволоку искусственнаго голубя,

подавшаго сигналъ къ началу фейерверка. При первой взвившейся съ шумомъ ракетъ народъ съ дикимъ крикомъ и визгами дѣтей такъ рванулся къ стѣнамъ и подъѣзду дворца, что часовые и жандармскій офицеръ заревѣли не своимъ голосомъ и старались отодвинуть его дальше. Съ балкона слышался хохотъ. Дальнѣйшія огненныя картины начали вызывать со стороны простонародія изумленіе и громкія похвалы.

Всѣ почти придворные, окружавшіе этого милостиваго Царя,—люди испорченные, не испытывшіе нужды и не чувствовавшіе ничего ко всѣмъ тѣмъ, которые стояли ниже ихъ по средствамъ и происхожденію. Графъ Адлербергъ корчилъ изъ себя китайскаго мандарина перваго ранга; онъ терпѣть не могъ говорить даже съ равными себѣ по чину, но не пользовавшимся особеннымъ благоволеніемъ Императора, съ которымъ онъ росъ, учился, игралъ и служилъ вмѣстѣ; этотъ неуклюжій и лѣнивый нѣмецъ считалъ себя незамѣнимымъ другомъ и министромъ двора, безпредѣльно пользовался милостями повелителя своего и кромѣ этого дѣлалъ все по личному произволу въ особенности, когда имѣлъ надобность въ деньгахъ, что случалось постоянно благодаря его нежеланію цѣнить большими вознагражденіями за сидячую службу. Изъ остальныхъ состоящихъ при Государѣ выдается честностію и усердіемъ графъ Шуваловъ, Остроградскій, Кузнецовъ, Енохинъ, Сколковъ и Тотлебенъ.

Въ теченіе этого времени прибылъ въ Ялту, чтобы представиться Его Величеству, Де-Вильневъ, завѣдующій Феодосійскимъ музеемъ древностей, который остановилъ вниманіе Государя своимъ наружнымъ видомъ. Его Величеству хотѣлось узнать, какимъ образомъ онъ попалъ въ Россію и поступилъ на службу, но Де-Вильневу что-то помѣшало отвѣчать, а такъ какъ онъ пользовался расположеніемъ нѣсколькихъ германскихъ принцевъ и состоялъ съ ними въ перепискѣ, то собравъ всѣ эти письма прибылъ съ ними, чтобы просить не оставить его за штатомъ при предстоящей реформѣ въ карантинномъ вѣдомствѣ. Императоръ, выслушавъ его, благосклонно приказалъ сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы этого ученаго писателя не оставить безъ должности.

Послѣ него представлялся только что переведенный въ Одессу изъ Петербурга греческій архимандритъ, которому давно хотѣлось создать въ Россіи отдѣльную греческую

епархію и самому стать во главѣ ея. Его Величество, выслушавъ его, отвѣтилъ, что желаніе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято, потому что у грековъ и русскихъ одна и та же вѣра и что это повело бы къ распрѣ и могло бы заставить простонародіе предполагать о различіи религій.

Послѣ 30-го августа Государь Императоръ ежедневно совершалъ прогулки по окрестностямъ Ливадіи съ семействомъ. Онъ посѣщалъ татарскія свадьбы по приглашенію кузнеца Мустафы, гдѣ пилъ вино и завтракалъ, не оставивъ новобрачныхъ безъ щедрыхъ наградъ; онъ нерѣдко освѣдомлялся о бытѣ простого татарина и узнавъ, въ чемъ онъ нуждается, приказывалъ оказать ему пособіе, приглашалъ къ себѣ во дворецъ молодыхъ татаръ для пляски и вообще дѣлалъ все то, что могло вселить довѣріе и расположенность недовѣрчиваго, полудикаго народа, который награждалъ подарками не за заслуги, а изъ цѣли убѣдить въ одинаковой расположенности. Понятно, что такое вниманіе возбудило въ мусульманскомъ народонаселеніи Крыма убѣжденіе, что русскій Государь дѣйствительно не отличаетъ національностей и ко всѣмъ подданнымъ одинаково добръ, снисходителенъ и милостивъ. Такое начало безъ сомнѣнія было поводомъ, что крымскіе татары при всякомъ пріѣздѣ въ Ливадію Государя высылали депутацію для привѣтствованія Его Величества съ пріѣздомъ и многіе изъ нихъ считали за особенное счастье доставлять въ Ливадію все лучшее, что могли имѣть.

4-го сентября Государь Императоръ въ сопровожденіи одного казака, чрезъ горы, спустился верхомъ въ греческое селеніе Аутка и пожелалъ проѣхать отсюда въ дер. Дереккой. Казакъ не зналъ дороги. Государь подъѣхалъ къ первой хатѣ и началъ спрашивать дорогу. Вышедшая гречанка не знала ни одного слова по-русски; во второй хатѣ также не оказалось мушины по случаю рабочаго времени. Въ эту минуту шелъ на службу канцелярскій чиновникъ Иванъ Ланара, служившій въ казначействѣ. Замѣтивъ на немъ чиновничій вицъ-мундиръ, Императоръ обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ.

Ланара снялъ фуражку и предложилъ Его Величеству слѣдовать за нимъ.

— Надѣнь шапку—сказалъ Государь, поровнявшись съ нимъ, и началъ спрашивать, кто онъ, гдѣ служить, сколько

получаетъ жалованья и можетъ ли существовать на эти деньги.

Ланара, какъ бѣдный человѣкъ, счастливый и тѣмъ, что получалъ какихъ-нибудь 12 руб. въ мѣсяцъ, нашелъ болѣе выгоднымъ высказать полное довольство.

— А надѣешься ли ты на повышение должности и жалованья? спросилъ Государь.

— Надѣюсь—отвѣчалъ бывший юнкеръ—при чемъ добавилъ, что онъ состоялъ въ военной службѣ и послѣ смерти отца вынужденъ былъ оставить ее, чтобы присмотрѣть за маленькимъ наслѣдствомъ.

— Ну, теперь мы сами найдемъ дорогу—сказалъ Императоръ, когда Ланара вывелъ ихъ на дерекойскую тропинку и объяснилъ, что она есть единственная къ селенію.

— Однако ты завтра явись въ мою канцелярію—прибавилъ Государь, потому что я не хочу такъ воспользоваться твоими услугами. Я прикажу пожаловать тебя золотыми часами, которые навѣрно тебѣ пригодятся для опредѣленія служебнаго времени. Сказавъ это, Государь пришпорилъ коня и ускакалъ впередъ.

Ланара предполагалъ, что Царское слово останется простымъ словомъ и не ходилъ въ Ливадію до того времени, пока его не потребовали и вручили Царское обѣщаніе.

Съ этого времени Его Величество ежедневно совершалъ небольшія прогулки въ ближайшія окрестности Ливадіи или верхомъ въ сопровожденіи одного казака или въ коляскѣ съ Императрицею и дѣтьми. Всего чаще они посѣщали Тотлебена въ Ореандѣ, доѣзжали до Алупки и катались по масандровскому парку. Купались обыкновенно одинъ разъ на Ливадскомъ берегу, завтракали въ полдень, а обѣдали въ 6 часовъ.

За обѣдомъ и вообще дома Государь всегда былъ въ отличномъ расположеніи духа и нерѣдко игралъ и забавлялся съ своими дѣтьми. Всего болѣе Августѣйшіе родители выказывали нѣжное участіе къ дочери своей, великой княжнѣ Маріи Александровнѣ, отъ которой не отходили почти княжна Долгорукова и Тютчева, а придворные считали за особенное счастье чѣмъ-либо прислужить этой прелестной дѣвчкѣ.

Со дня пріѣзда Государя въ Ливадію мѣстная административная власть, зная, что Его Величество любитъ лѣсную охоту, начала подготавливаться къ этому проложеніемъ или ремонтированіемъ горныхъ тропинокъ въ Массандрскомъ и Аутинско-Мискорскомъ лѣсахъ, но не знала, кого избрать въ распорядители или руководители охоты. Бывшій въ то время Ялтинскимъ лѣсничимъ кондукторъ Фромъ былъ постоянно пьянъ и не имѣлъ понятія объ этомъ дѣлѣ, другихъ способныхъ и главное знающихъ хорошо мѣстность полиція не могла открыть.

Поселянинъ дер. Дерекой Аметъ Мустафа Оглу, издавна занимающійся звѣроловствомъ, зналъ въ нашихъ лѣсахъ каждое логовище и каждую чащу, гдѣ скрывается дичь. Исправникъ Зофироцуло охотно взялся за этого человѣка, но такъ какъ Аметъ не пользовался расположенностію волостного головы и въ особенностяхъ Фрома, старавшихся заставить его дѣлиться съ ними тѣми выгодами, которыя онъ пріобрѣталъ изъ казенныхъ и общественныхъ лѣсовъ, то имъ удалось оттѣснить его. Кондукторъ Фромъ заявилъ, что при надобности онъ самъ съ своими полѣсовщиками поведетъ Государя. Зофироцуло не хотѣлъ спорить, но тайнымъ образомъ переговорилъ съ Аметомъ, узналъ, куда лучше направить Государя, и пригласилъ его въ качествѣ руководителя загонщиковъ.

Въ крупныхъ каменистыхъ лѣсахъ яйлыньскихъ отклоновъ невозможно охотиться съ собаками, которыя скоро выбиваются изъ силъ и ранятъ себѣ ноги. Вслѣдствіе чего принято туземцами устраивать загоны людьми, идущими цѣпью съ криками по направленію къ линіи расположенія охотниковъ. Въ загонщики обыкновенно берутъ ловкихъ татаръ, которые прикрѣпляютъ къ чарыкамъ или кожанымъ сандалямъ своимъ иглистымъ подковы и мастерски проходятъ по скользкимъ сосновымъ игламъ, глубокимъ скатамъ и осыпавшимся склонамъ. Такой способъ охоты повидимому издревле практиковался въ Крыму въ угоду ханамъ, не любившимъ большого движенія, и принятъ былъ, кажется, для истребленія волковъ, которыхъ по преданіямъ было чрезвычайно много въ горахъ Крыма.

5-го сентября дѣйствительно Его Величеству захотѣлось поохотиться на ближайшемъ къ Ливадіи яйлыньскомъ отклонѣ. Желаніе это въ тотъ же часъ передано было

исправнику, который немедленно потребовалъ отъ волостного головы способныхъ загонщиковъ и поручилъ Фрому и Амету явиться завтра къ 7-ми часамъ утра въ Ливадию, гдѣ будетъ находиться и онъ самъ.

На слѣдующій день въ назначенный часъ все было готово двинуться въ лѣсъ. Цѣлый рядъ лошадей, навьюченныхъ завтракомъ и другими необходимостями Царскаго стола и комфорта, въ сопровожденіи придворныхъ лакеевъ, потянулись впередъ, чтобы раньше занять свою позицію и подготовиться къ исполненію своихъ обязанностей; вслѣдъ за ними совершенно другимъ путемъ направились загонщики, чтобы начать свое нашествіе съ высшей точки и направить его къ центру или точкѣ засады охотниковъ.

Около 9-ти часовъ вышелъ изъ дворца Императоръ и немногіе изъ состоящихъ въ свитѣ. Всѣ они сѣли на подведенныя имъ лошади, изъ которыхъ только царская была изъ императорской конюшни, а всѣ остальные выставлены были туземцами и Коккоскимъ мирзою Али-беемъ Булгаковымъ, бывшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ уѣзднымъ предводителемъ въ Ялтинскомъ уѣздѣ. Исправникъ и казенный лѣсничій выѣхали впередъ. Государь, пославъ воздушный поцѣлуй супругѣ и дѣтямъ, вышедшимъ на балконъ, тронулъ коня, и блестящая кавалькада, сопровождаемая нѣсколькими казаками и празднично одѣтыми проводниками татарами, весело и граціозно тронулись въ путь, сначала по почтовой дорогѣ, а потомъ повернули налево къ тропинкѣ, которая въ настоящее время превращена въ шоссе, ведущее на водопадъ „Учанъ-су“. Всѣ, кто бывалъ на южномъ берегу и проѣзжалъ этою мѣстностью, безспорно согласятся, что видъ отсюда на море и горы, затянутыя какъ бы зеленымъ пушистымъ ковромъ и мѣстами испещренныя гигантскими сѣрыми выступами, изрѣзанными точно складками или морщинами, до того восхитителенъ, что Императоръ безпрестанно обращалъ вниманіе слѣдовавшихъ за нимъ на эти предметы. Когда же онъ очутился въ группѣ первыхъ величественныхъ корявыхъ приморскихъ сосенъ (*pinus taurica*), подобныхъ испанскимъ зонтикамъ и обвитыхъ чуть ли не до кроны вѣчно зеленымъ плющомъ, и въ то же время у подножія его вытянулась во всю длину свою Аутинская долина, пересѣченная бѣлѣющимъ русломъ рѣки съ садовыми окраинами и миниатюрными домиками грековъ и татаръ, Его Величество остановился и послѣ минутнаго созерцанія сказалъ:

„здѣсь такъ хорошо, что не хочется разставаться съ такимъ зрѣлищемъ“. Въ половинѣ 12-го часа Государь достигъ избраннаго для него мѣста охоты и расположился за удобнымъ камнемъ. Ровно въ 11 часовъ долженъ былъ начаться загонъ. Благодаря распорядительности и безошибочному расчету Амета все началось во время и обѣщало успѣхъ. До линіи охотниковъ порою долетали крики загонщиковъ и свидѣтельствовали, что Государю не долго придется ожидать дичи. Но вотъ наконецъ Государь слышалъ какой-то шелестъ и взвелъ курки ружья. Вдали мелькнула лисица и точно провалилась сквозь землю, но вслѣдъ за нею летѣлъ стройный дикій козелъ прямо на Царя. Его Величество пригнулся и прежде, чѣмъ быстрое животное по инстинкту хотѣло броситься въ заросшіе деревьями оврагъ, раздался выстрѣлъ и оно, пригнувъ голову къ землѣ, точно по инерціи полетѣло въ неглубокій оврагъ и, упавъ на переднія колѣна, силилось подняться. Стоявшій за Государемъ ловчій поспѣшилъ прекратить его мученія. Тѣмъ временемъ раздалось внизу еще нѣсколько выстрѣловъ, а полчаса спустя появились загонщики во главѣ Амета Мустафа оглу, который смѣло приблизился къ Императору и, отдавъ ему по своему (т.-е. по принятому и у нашихъ войскъ) честь, поздравилъ Его Величество ломаннымъ выговоромъ съ успѣхомъ. Послѣ чего здоровый Аметъ взвалилъ убитаго козла къ себѣ на плечи и поднесъ его къ монарху. Такое естественное, бездеремонное поведение съ разъясненіями, куда попала картечь, какого достоинства дичь, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ Крыма попадаются такіе экземпляры и т. п., какъ-то невольно обратило вниманіе Государя на словоохотливаго татарина съ добрымъ и наивнымъ лицомъ, постоянно прикрашивавшаго рассказы свои титуломъ „ваше императорство“.

Затѣмъ, усѣвшись преспокойно на землю, Аметъ началъ дѣлать замѣчанія остальнымъ стрѣлявшимъ, находя ихъ недостаточно опытными въ искусствѣ стрѣльбы. Все это говорилось ломаннымъ языкомъ, безъ малѣйшаго стѣсненія, точно между равными, братьями и друзьями своими, тономъ полного сознанія правды. Государь поминутно улыбался.

Тѣмъ временемъ доложили Государю, что завтракъ готовъ.

— Идемте завтракать,—сказалъ Императоръ, обращаясь къ свитѣ своей.—Иди и ты, Аметъ,—прибавилъ онъ,—я хочу угостить тебя моей водкой. Ты пьешь водку?

— Можно, ваше императорство.

Завтракъ устроенъ былъ подъ тѣнью великолѣпныхъ деревьевъ на разосланныхъ коврахъ. Императоръ расположился на складномъ стулѣ, а за нимъ Аметъ, поджавши подъ себя ноги. Свита заняла мѣста по окраинамъ ковровъ. Лакеи подали водку. Опорожнивъ свою чару, Государь приказалъ налить ее вторично и собственноручно подаль ее Амету, который не замедлилъ вскочить на ноги, поднять руку ко лбу и, пожелавъ здравія, осушилъ ее залпомъ, при чемъ не преминулъ сдѣлать гримасу, свойственную большинству татаръ послѣ чарки крѣпкой водки.

— Закуси, Аметъ, — предложилъ Императоръ, подавая ему свою тарелку съ сыромъ, икрой и хлѣбомъ.

Татаринъ принялъ тарелку и, отошедъ на нѣсколько шаговъ дальше, снялъ съ плечъ кожаный мѣшокъ свой и, выложивъ изъ него половину темнаго пшеничнаго хлѣба, нѣсколько огурцовъ и соленнаго перцу, завернутаго въ полотенце, началъ съ наслажденіемъ кушать свое.

— Что же это ты, Аметъ, не попробуешь Царскаго, а принялся за свое? спросилъ у него одинъ изъ свиты.

— Это послѣ; прежде свое надо покушать—отвѣтилъ онъ. Царское не всегда можно имѣть.

— *Il est charmant*—замѣтилъ съ улыбкою Государь и приказалъ поднести ему вторую чарку водки.

Покончивъ съ завтракомъ, въ продолженіе котораго несчастный кондукторъ-лѣсничій Фромъ напился такимъ пьянымъ, что придворные лакеи должны были доложить объ этомъ наблюдавшему за порядкомъ полковнику Кутузову, а этотъ приказалъ ему немедленно возвратиться домой.

— Ужасная свинья этотъ Фромъ,—сказалъ Аметъ, когда узналъ эту безобразную выходку отъ одного изъ камеръ-лакеевъ, при чемъ началъ описывать ему всѣ служебныя его выходки, безъ сомнѣнія въ предположеніи, что лакей этотъ пользуется какими-нибудь важными правами или въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ Государемъ, что не скроетъ отъ него слышаннаго.

— Я думаю, пора домой,—сказалъ Государь, взглянувъ на часы,—надо возвратиться къ обѣду.

Въ ту же минуту приказано было подать лошадей, и Государь, бросивъ взоръ на Амета, сказалъ, что надѣется еще разъ видѣть его на своей охотѣ. Татаринъ молча поднялъ руку подъ козырекъ и, считая миссію оконченною,

скомандовалъ загонщикамъ своимъ и, весело болтая съ ними, направился прямою линіею, лѣсомъ и оврагами въ Дерекюй. Долго и долго слышалась ихъ заунывная пѣснь въ отдаленной глубинѣ заросшаго вѣковыми соснами мисхорскаго богаза.

Съ этого времени Аметъ считалъ себя необходимымъ слугою царской фамиліи, возилъ въ Ливадію постоянно дичь, плоды изъ своихъ садовъ и настолько сблизился со всѣми придворными, что даже нелюдимый графъ Адлербергъ и канцлеръ Горчаковъ принимали и шутили съ нимъ; что касается Государя, то онъ издали узнавалъ его, осведомлялся о здоровьи и спрашивалъ объ успѣхахъ его охоты. Но при всемъ этомъ не трудно было замѣтить, что Его Величество несравненно болѣе расположенъ былъ къ Мустафѣ, кротко и спокойно исполнявшему обязанность проводника Царской Семьи безъ приглашенія къмъ-либо и безъ намека на надежду получить вознагражденіе за эти труды. На лицѣ этого человѣка, неспособнаго къ униженію и раболѣпству, никогда никто не замѣчалъ никакихъ желаній, никакихъ тревогъ, ни радостей, ни скорбей. Давали ли ему въ Ливадіи поѣсть или нѣтъ, это было для него безразлично. Онъ бродилъ, не искавши ничего и не нуждаясь ни въ комъ, вдоль дворца, отвѣчалъ каждому лакею и солдату, но лишь только Царская Семья садилась въ экипажъ, Мустафа былъ уже на своемъ иноходцѣ и несся впереди, приказывая встрѣчнымъ и поперечнымъ останавливаться или сторониться. Словомъ, онъ создалъ въ лицѣ своемъ эмблему царскаго поѣзда и каждый, замѣтивъ Мустафу, безошибочно вѣрилъ въ встрѣчу съ Государемъ или Августѣйшею супругою его.

На слѣдующій день, т. е. 7-го сентября, стало извѣстно, что Его Величество пожаловалъ полковника Кутузова въ генераль-маіоры и собирается выѣхать на Кавказъ для осмотра войскъ.

8-го числа, въ день рожденія Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Государь Императоръ прибылъ въ Ялтинскую церковь съ семействомъ въ казацкомъ мундирѣ и папахѣ, которые чрезвычайно шли къ его величавой наружности и прекрасному лицу. Послѣ здорованія съ ротою солдатъ, стоявшихъ кругомъ церковной ограды, и нѣсколькихъ словъ съ командиромъ, Его Величество въ сопровожденіи министра Двора и небольшой, но блестящей свиты, вошелъ въ церковь и занялъ свое мѣсто около

Императрицы и Августѣйшихъ дѣтей своихъ. Августѣйшая чета во все время божественной литургіи и молебна какъ-то невольно обращала на себя вниманіе искреннею молитвою къ Творцу міровъ. Дѣти почти не подымались съ колѣнъ; что касается Императрицы Маріи Александровны, то казалось, что она переселилась душою къ подножію престола Предвѣчнаго и умоляла Его сохранить и наставить на путь истинны, блага и счастья Россіи ея первенца.

Судя по необыкновенно-веселому взгляду и милостивымъ отвѣтамъ на привѣтствія присутствовавшихъ въ церкви Государь, отлично былъ настроенъ. Это свидѣтельствовало, что въ Ливадіи вновь устроенъ будетъ праздникъ для свиты и войскъ. Ожиданіе народа сбылось и снова устроены были завтраки, обѣды и ужины при звукахъ музыки и великолѣпной иллюминаціи съ фейерверкомъ, доставляющимъ неописанное наслажденіе солдатамъ, дѣтямъ и массамъ простонародья. Въ одной изъ залъ дворца давалъ концертъ Раншере.

Слабосильная Императрица въ этотъ вечеръ такъ была весела и довольна, что даже во время игры артиста обратилась къ Тотлебену и сказала: „мнѣ кажется, что на частномъ концертѣ не воспрещается никому смѣяться“.

9-го сентября Государь Императоръ послѣ продолжительной прогулки въ Ореандѣ, гдѣ онъ высказывалъ сожалѣніе о томъ, что не пріѣхалъ раньше въ прекрасный Крымъ, а Государыня прямо сообщила, что заблаговременно готовится плакать при разлукѣ съ Ливадіею,—приказалъ объявить командиру яхты, чтобы онъ готовъ былъ къ отплытію съ нимъ къ Кавказскимъ берегамъ. Лишь только послѣднее сдѣлалось извѣстнымъ, какъ все начальство начало хлопотать около пристани, которую убрали краснымъ сукномъ, флагами, зеленью, цвѣтами, площадками и фонарями.

Послѣ 9-ти часовъ вечера на пристани этой находились уже всѣ состоящіе на-лицо власти и нѣкоторые офицеры изъ свиты.

Его Величество прибылъ ровно въ 11 часовъ съ начальникомъ Черноморскаго флота Глазенапомъ, флагъ-маіоромъ Сколковымъ и нѣкоторыми другими приближенными лицами и сейчасъ же отплылъ на пароходъ, гдѣ для сокращенія времени предложилъ игру въ карты, продолжавшуюся около 2-хъ часовъ. По слухамъ, Императоръ возвратится не раньше 20 дней.

Съ отъездомъ монарха придворные медики начали хлопотать, чтобы Императрица, здоровье которой замѣтно поправилось, чаще находилась бы въ движеніи на чистомъ воздухѣ. Несмотря на то, что это не легко было въ жаркой странѣ для женщины слабосильной, Государыня изъ любви къ маленькимъ дѣтямъ, требующимъ нѣжной и незамѣнимой материнской заботы, безропотно подчинялась ихъ требованіямъ и ежедневно совершала значительныя прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ безъ всякихъ конвойныхъ и часто даже безъ усерднаго Мустафы, котораго народъ не иначе уже именовалъ, какъ княземъ.

Въ это время нашему геніальному маринисту Ив. К. Айвазовскому, постоянно посѣщавшему Ливадію, пришла фантазія нарисовать красками *à vol d'oiseau* Крымскій полуостровъ съ нѣсколькими пароходами на ходу на стѣнѣ царскаго балкона у входныхъ дверей. Картина эта съ горными цѣпами, отклонами, лѣсами, бухтами и населенными мѣстами до такой степени поражала перспективою и плескомъ игривыхъ волнъ Чернаго моря, что каждый останавливался предъ нею и цѣлые часы не отрывалъ глазъ.

Посѣтивъ всѣ ближайшія окрестности Ливадіи, Ея Величество съѣздила на пароходѣ „Турокъ“ въ татарскую дер. Гурауфъ и пробыла нѣсколько часовъ въ прекрасномъ имѣніи сенатора Фундуклея, гдѣ изволила обѣдать, гулять и разговаривать съ управляющимъ Дайбертомъ и его женою, получившими за усердіе свое довольно цѣнные подарки. Не ограничиваясь и этимъ и въ сознаніи благотворности чистаго морского воздуха, Императрица пожелала посѣтить на пароходѣ же Алуштинскую долину. Медики были очень рады такому желанію, и никому не приходило на мысль, что Государыня, прибывъ къ Алуштѣ, пожелаетъ сойти на берегъ и посѣтить тѣ мѣста, которыя чѣмъ-либо покажутся ей интересными. Всѣ думали, что Ея Величество ѣдетъ только для вдыханія морского воздуха и конечно не озаботились сдѣлать подготовленій. Къ общему удовольствію избранный день былъ вполне соотвѣтственный прогулкѣ и общалъ тихую поверхность моря.

На городской пристани всегда при прибытіи и отъездѣ членовъ Императорскаго Дома должны были находиться по крайней мѣрѣ два карантинныхъ солдата изъ гребцовъ, чтобы содѣйствовать и вообще прислуживаться при надобности. Люди эти при тогдашнемъ отсутствіи въ Ялтѣ полицейскихъ и другихъ вѣдомствъ нижнихъ чиновъ дѣйстви-

тельно работали чуть-ли не каждый Божій день до изнеможенія, перенося доставляемую изъ разныхъ городовъ провизію на подводы и т. п.

Лишь только подъѣхала къ пристани Императрица съ дѣтьми и фрейлинами и подошла къ лодкѣ, солдатики явились на помощь къ лакеямъ и снесли всѣ ручныя мелочи за ними. Нѣсколько минутъ спустя „Турокъ“, стоявшій на парахъ, зашумѣлъ колесами и скрылся изъ глазъ. Въ числѣ сопровождавшихъ Ея Величество находился и Айвазовскій, который безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду ознаменовать эту прогулку какимъ-нибудь произведеніемъ своей художнической кисти.

Отъ Ялты до Алушты сухимъ путемъ на почтовыхъ совершается переѣздъ въ 4 часа, но на пароходѣ, при благоприятныхъ условіяхъ, можно проѣхать въ три часа. Алушта въ то время, какъ и теперь, была небольшая татарская деревня, расположенная амфитеатромъ на возвышенномъ холмѣ, опоясанномъ съ двухъ сторонъ горными рѣками, берега которыхъ съ правой стороны покрыты виноградниками, а съ лѣвой фруктовыми садами. Дальше идутъ горы, сначала заросшія кустарниками, а затѣмъ по мѣрѣ отдаленія громадными темнозелеными лѣсами, упиравшимися на ребрахъ Чатырдага и въ сосѣдствѣ гигантской Демерджинской скалы, казавшейся издали точно прикрытою чешуею брони. Долина эта, богатая производительностью земли, мѣстами занята домиками русскихъ землевладѣльцевъ, посѣщающихъ ее въ лѣтній сезонъ, но, несмотря на богатство свое, не являетъ глазу ничего такого, которое воспроизводитъ отрадное впечатлѣніе. Но для жителей степи она можетъ показаться не только картинною, а даже величественною мѣстностью, окаймленною громадными горами. Какъ только пароходъ бросилъ якорь противъ Алушты, Государыня пришла въ неописанный восторгъ отъ этой долины и непремѣнно захотѣла сойти на берегъ. Естественно, что никто изъ сопровождающихъ Ея Величество не зналъ, что здѣсь не существуетъ никакой пристани для яликовъ и что невозможно найти экипажа на рессорахъ. При видѣ военнаго парохода, остановившагося невдали отъ берега, татары, солдаты пограничной стражи и русскіе чернорабочіе бросились къ морю поглазѣть на необыкновенное явленіе и конечно никому не могло прійти въ голову, что на пароходѣ находится русская Царица со своими дѣтьми. Тѣмъ временемъ къ берегу причалила лодка съ Августѣй-

шими никому неизвѣстными гостями и вперлась носомъ въ песокъ. Не представлялось никакой возможности сойти безъ смѣлаго прыжка съ значительной высоты, но все это не остановило русскую Государыню, бывшую въ веселомъ настроеніи, и она при содѣйствіи окружавшихъ ее мушкетъ и матросовъ ловко перенесена была на берегъ. Въ эту только минуту состоявшіе въ свитѣ подумали объ экипажѣ, во такового не оказалось ни у кого въ Алуштѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Когда доложили объ этомъ Ея Величеству, она поинтересовалась узнать, какимъ же способомъ сообщаются алуштинскіе жители и служащіе съ другими городами? На отвѣтъ, что туземцы вѣзятъ верхомъ или на воловьяхъ арбахъ, а чиновники на почтовыхъ телѣжкахъ, Государыня сказала:

— Отчего же и намъ не попробовать проѣхать на почтовой телѣжкѣ. Попросите кого слѣдуетъ, чтобы намъ дали эти телѣжки. И въ ожиданіи ихъ она пошла по направленію къ почтовой дорогѣ, вдоль которой красовалось нѣсколько домиковъ съ дворами, усаженными орѣховыми деревьями, розами, экзотическими растеніями.

Въ это время всѣмъ находившимся на-лицо было уже извѣстно, кто пріѣхалъ, и изъ ближайшихъ домовъ начали выносить подъ тѣнь деревъ стулья и имѣвшіеся у хозяевъ подъ рукою фрукты, цвѣты и т. п. Государыня, одѣтая въ самое обыкновенное платье безъ всякихъ дорогихъ украшеній, съ замѣтнымъ удовольствіемъ расположилась на стулѣ и съ свойственнымъ ей добрымъ выраженіемъ глазъ и улыбкою начала спрашивать и интересоваться бытомъ и занятіями поселянъ. Она не отказалась попробовать мѣстные плоды и угостила ими дѣтей и сопровождавшихъ ее лицъ. Похваливъ въ особенности груши, она не забыла поручить Тютчевой позаботиться наградить каждого изъ оказавшихъ ей какую-либо услугу. Тѣмъ временемъ послышались звонки почтовыхъ колокольчиковъ и изъ поворота выскочили почтовые телѣжки съ откормленными татарскими лошадами, которыми легко управляли великорусскіе мужички въ парадныхъ шляпахъ и форменныхъ армякахъ съ большими мѣдными бляхами. Обѣхавъ краемъ пыльной дороги, они ловко повернули подпрыгивавшіе, не окрашенные даже фургончики и остановились въ почтительномъ разстояніи отъ Матери русскаго народа. Государыня Императрица немедленно поднялась съ мѣста и, подзвавъ дѣтей, направилась къ всероссійскому народному

экипажу такимъ шагомъ и такъ увѣренно, какъ будто ей не впервые приходилось ѣздить на почтовыхъ перекладныхъ. При помощи Айвазовскаго и другихъ мужчинъ, она очень удобно безъ малѣйшаго жеманства усѣлась на веревочномъ переплетѣ, прикрытомъ сѣномъ и ковромъ, и размѣстила около себя своихъ Августѣйшихъ дѣтей. Прочіе расположились на второй телѣжкѣ и верхами. Извозчики тронули возжами.

Въ эту минуту всѣ уже алуштинскіе жители, которымъ никогда не приходилось видѣть Императрицы, высыпали на кровли домовъ и почтовую дорогу и не могли вѣрить глазамъ, чтобы Государыня рѣшилась сѣсть на обыкновенную повозку, отъ которой несетъ дегтемъ, которая трясеть всю внутренность сѣдока и набиваетъ подошвы ногъ. Ихъ не менѣе изумляло, что на обладательницѣ отъ всѣхъ почти сокровищъ міра была обыкновенная шляпа и недорогой матеріи наряды безъ всякихъ сіяющихъ украшеній.

Проѣхавъ по почтовому тракту вдоль Алуштинской долины, Августѣйшая туристка возвратилась обратно къ морскому берегу и на виду всего населенія Алушты возвратилась на пароходъ, не выразивъ ничѣмъ ни усталости, ни неудовольствія. И напротивъ, судя по ея веселому разговору, заботливости никого не оставить безъ щедраго вознагражденія и хорошему аппетиту при обѣденномъ столѣ, на суднѣ всѣ были убѣждены, что прогулка эта очень понравилась Ея Величеству и дѣтямъ.

Нѣсколько дней спустя стало извѣстно, что путешествіе Императрицы на перекладной художнически изображено было масляными красками И. К. Айвазовскимъ на холстѣ и поднесено было Государынѣ на память. Картина эта до настоящаго времени служитъ лучшимъ украшеніемъ стѣнъ Ливадскаго дворца и безъ сомнѣнія каждому будетъ напоминать покойную неприхотливую и чистосердечную Императрицу Марію Александровну, такъ сильно любившую южный берегъ Крыма, который дѣйствительно благотворно вліялъ на ея разстроенное здоровье.

Въ Ливадіи сохраняется также и та почтовая телѣжка, на которой совершала свою прогулку Государыня Императрица. Естественно, что она теперь не составляетъ предмета удивленія, но настанетъ время, когда ее будутъ осматривать съ особеннымъ вниманіемъ и воспоминаніями о золотой порѣ царствованія и жизни въ естественной простотѣ славнаго любовью къ подданнымъ безъ различія

происхожденія и званій Царя—Освободителя народовъ отъ рабскихъ оковъ.

Въ половинѣ Сентября, какъ бываетъ обыкновенно въ Крыму въ дни равноденствія, что приписывается простонародіемъ еврейскому празднику кущей, испортилась погода и начало бушевать море. Государынѣ и придворнымъ показалось, что наступала сѣверная осень и они начали съ боязнью думать объ обратномъ путешествіи Государя съ кавказскихъ береговъ; но это пасмурное настроеніе миновало очень скоро. Сѣверо-восточные вѣтры стихли, небо прояснилось и вмѣстѣ съ ними спалъ изнуряющій жаръ, проще наступило второе южнобережское лѣто, которымъ восхищаемся нерѣдко до послѣднихъ чиселъ Ноября. Вдобавокъ въ этотъ періодъ времени здѣсь созрѣваютъ окончательно всѣ почти фрукты въ фруктовыхъ и виноградныхъ садахъ и представляютъ отрадное зрѣлище для глазъ сѣвернаго жителя. Государыня снова начала выѣзжать въ установленные часы дня и веселое расположеніе ея по прежнему казалось несомнѣннымъ. По обыкновенію она никогда не пропускала божественной литургіи въ воскресные и годовые праздничные дни. 14-го Сентября въ день Воздвиженія Креста Ея Величество не смотря на вѣтренную погоду пріѣхала въ Ялтинскую церковь и простояла цѣлую архіерейскую службу, которая могла утомить даже здоровую даму.

28-го Сентября Государь Императоръ долженъ былъ возвратиться съ кавказскихъ береговъ къ часу пополудни. Въ то время ялтинская пристань была открыта и довольно неряшливо содержалась, такъ какъ была единственная для пассажировъ и грузовъ, но по распоряженію полиціи найдены средства для устилки ея краснымъ сукномъ и зеленью экзотическихъ растеній, которыми изобиловали всѣ почти окрестныя дачи. Часовъ въ 11-ть прибыла для встрѣчи Государыня Императрица съ августѣйшими дѣтьми и расположилась на креслѣ подъ зонтикомъ. Ея Величество окружали придворныя дамы и нѣсколько челоуѣкъ изъ свиты въ полныхъ мундирахъ. Тутъ же находился и угрюмый генераль-губернаторъ графъ Строгановъ. Дальше на площадкѣ къ теперешнему агентству общества пароходства у впаденія рѣчки „Бала“ расположены были: музыканты и личный конвой, состоящій изъ эскадрона казаковъ въ красныхъ мундирахъ, въ числѣ которыхъ находились и солдаты

крымско-татарскаго полуэскадрона съ офицерами изъ крымскихъ мурзъ.

Тѣмъ временемъ неожиданно вышелъ изъ-за ялтинскаго мыса „Тигръ“ во всей своей красѣ съ императорскимъ штандартомъ. Народъ не могъ удержаться, и тихій воздухъ огласился криками ура! Нѣсколько минутъ спустя къ подножью яхты спущены были по блокамъ бѣленькіе ялики съ парадно одѣтыми матросами, которые, ставъ въ линію, подъ трапомъ, картинно подняли весла въ честь монарха. Большой царскій катеръ, окрашенный въ желтый цвѣтъ съ флагъ-маіоромъ Сколқовымъ у руля, появился также у парохода и плотно присталъ къ трапу. Какъ вдругъ послышался съ парохода веселый маршъ, заставившій всѣхъ чуть не перекреститься отъ пріятнаго и такъ сказать восторженнаго состоянія. На яхтѣ поднялась суета, на трапѣ забѣгали матросики, и вслѣдъ затѣмъ музыка грянула „Боже, царя храни“. Императоръ при оглушительныхъ крикахъ пароходнаго экипажа, огласившагося и береговою массою, опустился на катеръ. Какъ только замолкли на „Тигръ“ радостные звуки и спалъ штандартъ, музыка грянула на берегу.

Гвардейцы вмгъ построились, публика разступилась, и императрица съ августѣйшими дѣтьми, сопровождаемая блестящею свитою, направилась на встрѣчу къ вѣнценосцу. Въ эту торжественную минуту слухъ всѣхъ былъ пораженъ слѣдующими словами изъ манифеста 19 февраля, громко сказанными стоящимъ мужикомъ въ суконной поддевкѣ:

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественаго“.

Слова эти произнесены были въ видѣ молитвы, и всѣ присутствующіе въ эту минуту постигли ихъ дѣйствительное значеніе для того, кто жаждалъ свободы не для разгула, но для труда независимаго и благодарнаго; кто изнемогалъ подъ ударами жестокаго владѣльца, у кого заливалось сердце кровью, когда онъ видѣлъ, какъ сластолюбивый, безбожный баринъ вырвалъ изъ семьи его только-что оперившуюся сестренку, игралъ съ нею какъ съ собачкою и проигрывалъ въ карты какъ собаку.

По мѣрѣ приближенія царскаго катера Государыня чаще махала бѣлымъ платкомъ и веселѣе улыбалась. Лишь только лодка подошла къ ступенямъ пристани, музыка

заиграла народный гимнъ, у всѣхъ обнажились головы и загремѣло ура!

Его Величество съ истиннымъ удовольствіемъ принялъ въ объятія супругу и своихъ красавцевъ дѣтокъ; многимъ дружественно пожалъ руки и многимъ дозволилъ поцѣловать себя въ плечо. Не лишенъ былъ вниманія и ялтинскій исправникъ Зофироуло, котораго назвалъ государь по имени и отчеству, а также и кузнецъ Мустафа, стоявшій у царскаго экипажа. Махнувъ рукою музыкантамъ, Государь поздоровался съ гвардейцами и сейчасъ же отбылъ съ семействомъ въ Ливадію, по дорогѣ, установленной флагами и значками, сопровождаемый радостными криками народа и преданными ему казаками. Въ числѣ пріѣхавшихъ съ Государемъ былъ молодой разжалованный въ солдаты князь Долгорукій, родной братъ фрейлины, княжны Екатерины Михайловны, состоящей при Императрицѣ и, какъ замѣтно, пользующейся особымъ вниманіемъ Императора. Онъ былъ разжалованъ, какъ говорили и писали по газетамъ, за убійство на дуэли графа Канкринна. Какимъ образомъ онъ обратилъ на себя вниманіе Императора, пригласившаго его съ собою въ Ливадію для свиданія съ сестрою, конечно знали достоверно очень немногіе изъ приближенныхъ.

Съ пріѣздомъ Государя Ливадія вновь оживилась и вновь началось большое движеніе. Придворные и курьеры не переставали посѣщать городъ. Жандармы и совершенно не нужные агенты тайной полиціи, надъ которыми издѣвались даже уличные мальчишки, зашныряли по всѣмъ закоулкамъ, чтобы показаться усердными исполнителями своихъ обязанностей.

Послѣ смерти свѣтлѣйшаго князя, генераль-губернатора Новороссійскаго края и намѣстника Кавказа, Воронцова, обожавшаго Алупку и другія дачи свои, Массандру и т. д. и употреблявшаго всѣ усилія населить этотъ край богатыми и интеллигентными представителями русской аристократіи, южный берегъ пересталъ заманивать посѣтителей на роскошныя виллы, не приносяшія никакихъ доходовъ и отчасти пострадавшія отъ миновавшей Крымской войны. Забвеніе о немъ дошло до такой степени, что отъ 1858 до 1860 года здѣсь не встрѣчали ни

одного дачевладѣльца и полагали, что край этотъ запустѣетъ и снова всецѣло перейдетъ въ руки туземцевъ. Предположеніе это казалось несомнѣннымъ въ виду того еще, что прекратилось пароходное сообщеніе съ черноморскими портами, а ѣхать въ этотъ отдаленный пунктъ по не шоссированнымъ глинистымъ дорогамъ было нелегко даже для богатыхъ туристовъ. Воронцовъ, которому хотѣлось ради своихъ удобствъ и выгодъ сдѣлать и Ялтинскій рейдъ безопаснымъ въ бурныя погоды постройкою дорогой въ то время моллы и висячей пристани, только напрасно истратилъ огромныя суммы казенныхъ денегъ. Такимъ образомъ оставленный на произволъ собственной судьбы не такъ давно высоко цѣнимый любителями природы прелестный край, попрежнему началъ питать вѣрныхъ ему аборигеновъ стадами козъ, медомъ, овощами, пшеничнымъ зерномъ и сушеными плодами. Послѣдніе ежегодно вывозились отсюда на судахъ мѣстной постройки въ Мариупольскій портъ для промѣна на хлѣбное зерно съ тѣми греками, которые были прежде жителями Крыма и не могли обходиться безъ Крымскаго табаку, вина и другихъ произведеній этой страны.

Сама Ялта въ это время состояла не болѣе какъ изъ 25—30 домовъ съ маленькими дворами, которые частью занимались подъ уѣздныя присутственныя мѣста и казенныя учрежденія въ родѣ карантинна, таможни, кордона пограничной стражи, почтовой станціи и вѣчно пустой больницы, а всѣ остальные занимались или служащими и торговцами татарами, евреями и караимами, приходившими изъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень, или харчевнями, шинками, погребами и заѣзжими дворами съ необходимыми кофейнями, въ которыхъ за пятакъ находилъ проѣзжіе чашку кофе и ночлегъ. Для проѣзжихъ съ болѣе утонченнымъ вкусомъ и требующихъ приличной обстановки содержалась въ Ялтѣ французомъ Собесъ гостинница, состоящая изъ пяти или шести отдѣльныхъ номеровъ съ рестораномъ, въ которомъ предпочиталось держать вино и сельди, любимые предметы содержателя.

Естественно, что при такой обстановкѣ здѣсь не могло быть ни подраздѣленій, ни партій, ни недовольныхъ какими либо правительственными распоряженіями. Всѣ занимались своимъ дѣломъ кое-какъ, мало интересуясь государственными и политическими событіями и еще меньше понимали значеніе крѣпостной реформы на томъ основаніи, что здѣсь

не было крѣпостныхъ и никому не были извѣстны тѣ истязанія, которымъ они подвергались въ Россіи. Пользуясь ненарушимымъ покоемъ и правительственною охраною ялтинцамъ только приходилось благодарить Бога, что они живутъ въ странѣ, гдѣ однимъ именемъ Государя и установленной имъ власти держится такая тишина, порядокъ и взаимная братская дружба. Понятно, что тѣ, которые были между ними попроще, предполагали, что цари не такъ созданы какъ остальные люди, что отъ нихъ исходятъ солнечныя лучи, что въ глазахъ ихъ сіяетъ божественная сила, что они не доступны для подданныхъ и т. п. Но каково же было ихъ разочарованіе, когда величественный осанкою и взглядомъ Императоръ Александръ II самымъ благосклоннымъ образомъ отвѣчалъ на ихъ почтительные поклоны, самъ заговаривалъ съ ними и охотно принималъ отъ поселянъ выносимые ему на рукахъ плоды изъ своихъ садовъ, не стараясь придавать ни голосу, ни выраженію глазъ своихъ ничего такого, которое наводило бы страхъ на подданныхъ.

Въ привычкахъ Государя также не выражалось ничего выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ явленій въ жизни отца семейства и обыкновеннаго человѣка. Живя въ верхнемъ этажѣ ничѣмъ неизмѣннаго дома Потоцкаго онъ обыкновенно пробуждался часовъ 7, а пилъ кофе около 8-ми. Затѣмъ слушалъ доклады и отдавалъ приказы. Къ полудню выходилъ гулять преимущественно по направленію къ морю, которое повидимому болѣе всего останавливало его взоры. Тѣмъ временемъ выходила на воздухъ и Государыня Императрица и садилась на избранное ею мѣсто у фонтана за церковью. Около Ея Величества всегда находились одна или двѣ фрейлины съ работою и книгою и нерѣдко выбѣгали дѣти съ игрушками. Приходилось видѣть эту семейную картину въ группѣ прекрасныхъ магнолій, кипарисовъ и лавровыхъ деревъ, между цвѣтами и бархатною зеленью искусственно взрощенной травы. Къ 2-мъ часамъ, а иногда и гораздо раньше Государь возвращался къ дворцу и, принимая въ объятія дѣтей, часто слѣдилъ за ихъ играми, разговаривалъ съ Императрицею и затѣмъ всѣ отправлялись къ ожидавшему ихъ завтраку въ столовую нижняго этажа, куда немедленно являлись и всѣ остальные лица, пользующіяся этимъ правомъ. Его Величество за завтракомъ, всегда почти былъ разговорчивъ и въ хорошемъ расположеніи духа.

Очень часто случалось, что послѣ завтрака предпринималась поѣздка въ окрестности, но иногда садились играть въ карты, что продолжалось часа два или три. Около 7-ми часовъ подавался обѣдъ, въ продолженіе котораго, по однажды заведенному порядку, игралъ хоръ военной музыки.

Такъ тихо и однообразно-счастливо проходила семейная жизнь нашихъ вѣнценосцевъ, которую не дерзали тревожить оффиціальными представленіями и другими надобностями столичной жизни. Единственными чужими, но освоившимися уже людьми были Мустафа и охотникъ Аметъ, которые при каждомъ появленіи привозили какой-либо подарокъ или метръ-д'отелю для царскаго стола или царскимъ дѣтямъ, а иногда лицамъ, состоявшимъ въ свитѣ или просто лакеямъ, высказывающимъ имъ благосклонность. Не стѣсняя никого и пользуясь полнымъ довѣріемъ, они чаще другихъ обращали на себя вниманіе и удостоивались разспросовъ. Люди эти, если бъ имъ вздумалось мстить кому-либо или выразить то печальное состояніе безземельныхъ татаръ, которыхъ заѣдали такъ сказать массы чиновниковъ палаты государственныхъ имуществъ и другихъ вѣдомствъ, очень легко могли бы сдѣлать многое для блага своихъ соотечественниковъ, но они совершенно основательно считали себя безправными говорить за народъ, неуполномочившій ихъ отъ себя.

Выѣздъ Августѣйшаго семейства изъ Ливадіи назначенъ 12 октября, т. е. въ лучшее время года на южномъ берегу. Всѣмъ намъ желательно было, чтобы Государь пробылъ еще по крайней мѣрѣ одинъ мѣсяцъ для личнаго убѣжденія, насколько климатъ нашего края превосходитъ сѣверный, но такъ какъ въ то время не было желѣзной дороги на югъ, а ѣхать моремъ и затѣмъ въ экипажѣ до Москвы не такъ удобно было въ осеннее время, то конечно приходилось мириться съ необходимостью.

За два дня до отъѣзда начали возить изъ Ливадіи на татарскихъ воловьихъ подводахъ царскіе сундуки, чемоданы и т. п. и сдавать ихъ на военный пароходъ.

12-го октября Императорская яхта „Тигръ“ съ двумя конвоирными паровыми судами приблизилась, насколько было возможно, къ пристани въ ожиданіи Высочайшихъ путешественниковъ, свиты и окружающихъ лицъ. Бѣдная Ялта понатужилась въ послѣдній разъ, чтобы выразить

предъ Вѣнценосцами тѣ искреннія вѣрноподданническія чувства, которыми переполнены были ихъ сердца. Убравъ флагами всю набережную улицу, а пристань краснымъ сукномъ, зеленью и букетами цвѣтовъ, всѣ жители города и 4-хъ ближайшихъ деревень съ ранняго утра появились около морского берега, чтобы удостоити.ся еще разъ взглянуть на Царскую семью, на благодѣтельнаго Царя, на добрую и милостивую Царицу. У всѣхъ на лицахъ замѣчалось грустное настроеніе и какъ бы ожиданіе какого-то чрезвычайнаго событія. Многіе не спускали глазъ съ Ливадской дороги, а нѣкоторые просили Бога, чтобы Онъ донесъ ихъ повелителя съ семействомъ здоровыми и невредимыми до столицы.

Женщины безпрестанно произносили имя Царицы, находя, что Ея Величество недостаточно еще поправилась чтобы совершить такое утомительное путешествіе. По ихъ соображеніямъ было бы необходимо Государынѣ остаться на зиму.

Тѣмъ временемъ показался на своемъ ворономъ иноходцѣ Мустафа въ нарядной, обшитой золотыми позументами курткѣ и слышался возгласъ: „Вдуть, вдуть!“

И дѣйствительно чрезъ минуту показалась коляска, съ всѣмъ извѣстными прелестными Царскими рысаками, сопровождаемая конными гвардейцами и множествомъ мѣстныхъ молодыхъ татаръ во главѣ волостного головы. Экипажъ еще находился въ 300-хъ приблизительно шагахъ, когда народъ обнажилъ голову и огласилъ воздухъ криками ура, которое не прерывалось до того времени, пока Царская семья не отплыла на далекое разстояніе отъ пристани. Народъ продолжалъ стоять, не отводя глазъ отъ „Тигра“ Точно на нихъ дѣйствовала какая-то магнитная сила, заставляющая забыть самихъ себя или точно отъ нихъ уходилъ тотъ, безъ кого они не могли существовать. Глубочайшая тишина не прерывалась ни единымъ словомъ. Но вотъ пароходъ остановилъ паръ и началъ ходъ. Многіе вторично сняли шапки и осѣнили себя крестомъ. Это была послѣдняя напутственная молитва о благополучномъ путешествіи; у другихъ показались слезы на глазахъ. Народъ разошелся только тогда, когда скрылась яхта за Ореандскимъ выступомъ. Онъ возвращался съ поникнутою головою, точно съ кладбища, похитившаго его отца, точно осиротѣвшимъ.

Съ этой минуты Ялтинскіе жители ни о комъ болѣе не вели разговоры какъ о Царской семьѣ, слѣдили за газетами и твердо надѣялись, что Ихъ Величества посѣтятъ Ливадію въ будущемъ году съ раннею весною; но ожиданіямъ этимъ не суждено было сбыться.

Сообщилъ **Е. Мелеха.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки В. Н. Виноградскаго.

Родился я въ Иркутскѣ 14 Юля 1843 года. Отецъ мой Николай Ильичъ Виноградскій, а мать Агнія Васильевна, урожденная Павлинова. Отецъ, будучи чиновникомъ и получивши образованіе только въ Иркутской гимназій, былъ очень образованнымъ и любознательнымъ человѣкомъ. Въ сохраняющейся у меня тетради его „Воспоминаній“, въ его „сборникѣ стихотвореній“ и въ его „дневникахъ“ найдется немало матеріала, могущаго послужить для исторіи мѣстнаго края, для характеристики дѣйствующихъ тогда лицъ и показать, какое вліяніе имѣла литература на кружокъ развитыхъ людей, заброшенныхъ въ отдаленный Иркутскъ. Тетрадь рукописнаго журнала „Домашній собесѣдникъ“ служитъ примѣромъ, какъ пріятно могли проводить время, съ какимъ увлеченіемъ слѣдили за развивающейся литературой Пушкинскаго періода. Отецъ прекрасно читалъ, и я помню, какъ увлекались собирающіеся къ намъ гости, когда отецъ читалъ Щедрина или Успенскаго.

Теперь, спустя лѣтъ пятьдесятъ, я уже не встрѣчаю такихъ увлекающихся литературой людей, а вижу только собирающихся поиграть въ карты или посудить о недостаткахъ ближняго. Я помню, какъ собирались знакомые въ нашемъ небольшомъ домѣ или въ домѣ дяди Иннокентія Ильича, какъ весело танцевали или играли въ фанты, какъ пѣли русскія пѣсни, какъ читали или разговаривали.

Матери я не помню, она умерла когда мнѣ было года 1½, старшій братъ Николай, я и сестра Людмила остались на попеченіи бабушки, матери отца, Марьи Ливерьевны.

Старшій братъ Николай Николаевичъ былъ ея любимцемъ и все время жилъ у нея, даже тогда, когда отецъ, женившись во второй разъ на Анисѣ Александровнѣ Заборовской, зажилъ опять семейной жизнью. Братъ оставался у бабушки и послѣ отъѣзда отца въ Томскъ.

Бабушка была замѣчательно трудолюбивая старушка. Оставшись въ очень молодыхъ годахъ вдовой съ 3 маленькими дѣтьми, она сумѣла воспитать ихъ трудами своихъ рукъ, занимаясь шитьемъ. Шить она была мастерица и до глубокой старости занималась работой, часть ея обыкновенно продавала, чтобы имѣть возможность дать въ церкви свою трудовую копеечку. Вязала она чисто механически и во время вязанья любила читать. Послѣ смерти отца, когда я снова переѣхалъ изъ Томска въ Иркутскъ и жилъ у дяди, мнѣ приходилось постоянно быть съ бабушкой, и сколько прекрасныхъ рассказовъ ея помню до сихъ поръ, воспоминанія ея о трудовой ея жизни въ молодости крѣпко вѣзались въ мою память.

Въ своей старости, окруженная уваженіемъ и любовью своихъ дѣтей и внучатъ, бабушка могла спокойно сказать, что жизнь ея была прожита на пользу родныхъ.

Отъ брака отца съ Агніей Васильевной Павлиновой родились старшій мой братъ Николай, я и младшая моя сестра Людмила. По смерти матери, отецъ женился на Анисѣ Заборовской, отъ которой были дѣти: Александръ, умершій младенцемъ, Иннокентій и дочь Александра.

Первоначальное дѣтство я провелъ въ Иркутскѣ и, говорятъ, былъ очень слабымъ ребенкомъ, мать чрезвычайно любила меня и, ухаживая за мной, сильно повредила свое здоровье. Знаю, что въ дѣтствѣ со мной была какая-то болѣзнь, отразившаяся на рукѣ, гдѣ въ локтѣ образовался нарывъ и попортилъ связки, такъ что рука сдѣлалась кривая и не могла поворачиваться ладонью вверхъ. Это осталось на всю жизнь, хотя я не ощущалъ въ рукѣ никакой боли.

Нѣсколько подросши, я сдѣлался очень бойкимъ ребенкомъ, былъ большой мастеръ бѣгать и устраивать змѣйки. Это было мое любимое занятіе. Когда я началъ учиться, не помню, знаю только, что еще въ самомъ дѣтствѣ я зналъ массу стиховъ Пушкина, любимаго писателя отца. Еще до поступленія въ гимназію я зналъ наизусть почти всего Евгенія Онѣгина, Полтаву, Графа Нулина, сказки; множество стиховъ Лермонтова и Кольцова. Зналъ большинство

басенъ Крылова и въ особенности Конька-Горбунка—Ершова. Многіе стихи отца также хорошо запомнилъ. Нужно думать, что память у меня была хорошая. Я помню, какъ еще въ студенчествѣ я брался на пари выучивать страницу стиховъ прочитавъ ихъ 5 разъ. Куда дѣвалась теперь эта память? Замѣчательно, что выученное въ дѣтствѣ я и до старости помню довольно хорошо, а между тѣмъ выученное въ болѣе позднее время—почти все улетучилось.

Систематическаго домашняго воспитанія я не получилъ, такъ какъ отецъ, занятый службой, не могъ удѣлять время на насъ, и мы, предоставленные самимъ себѣ, бѣгали и играли безъ всякаго призора. Братъ Николай былъ вообще слабѣе меня физически, но болѣе скромный и тихій, онъ чаще проводилъ время съ бабушкой и занимался основательнѣе. Его мало интересовало, какъ устроить какую-нибудь игрушку, какъ запустить выше змѣя, какъ пустить въ лужѣ корабликъ.

Меня отдали въ гимназію очень рано, едва ли не 7 лѣтъ. Въ Иркутской гимназіи директоромъ былъ Константинъ Петровичъ Бабановскій, человѣкъ очень большого роста, красивый и до чрезвычайности толстый. Его ужасно боялись, и когда онъ появлялся въ коридорѣ, то все трепетало. Бабановскій былъ очень хорошій человѣкъ и велъ гимназію прекрасно. По обычаю тогдашняго времени воспитанниковъ сѣкли порядочно, но такая мѣра взысканій нисколько не поднимала успѣховъ слабыхъ или лѣнивыхъ учениковъ, шалуны также мало смущались поркой и даже считалось, что кричать подъ розгами не слѣдуетъ и крикъ выражалъ малодушество. Были просто артисты—выдерживающіе 30—40 ударовъ безъ всякаго крика. Периодическое сѣченіе повторялось обыкновенно по субботамъ. Въ классъ являлся надзиратель Н. В. Новоселовъ и по журналу вызывалъ всѣхъ получившихъ въ эту недѣлю единицы и двойки. Такая группа учениковъ обыкновенно отводилась въ пансіонную спальню, и въ присутствіи директора или инспектора производилась торжественная порка. За каждую единицу давалось 10 ударовъ, а за двойку 2. Все это исполнялось очень точно, такъ что заранѣе ученики знали сколько кому достанется. Впечатлѣнія особаго порка не производила.

Уже тогда начиналось новое вѣяніе, и молодые учителя сильно возставали противъ розогъ. Учитель математи Геснъ, преподаватель естественной исторіи Маакъ и другіе были

противниками принятаго порядка и не дозволяли Новоселову вводить воспитанниковъ съ ихъ уроковъ на экзекуцію. Конечно эти учителя пользовались особымъ расположеніемъ всѣхъ учениковъ. Директора ученики уважали и какъ то не ставили ему въ вину его строгое исполненіе распоряженія начальства относительно порки, но инспектора Сементовскаго ученики не любили ужасно и дѣйствительно, это былъ какой-то сухой челоуѣкъ—кажется совершенно безсердечный. До сихъ поръ у меня въ памяти такой случай изъ дѣтской гимназической жизни. Когда я былъ въ 1-мъ классѣ, то однажды разнесли слухъ, что пріѣдетъ губернаторъ и, по жалобѣ Сементовскаго (директора почему, то не было), будетъ наказывать воспитанника пансіона—Лукьянчикова. Мы слышали какъ начали собирать въ залъ гимназіи всѣхъ учениковъ, но по счастью у насъ былъ урокъ Геска и когда надзиратель пришелъ за нами, то Гескъ поблѣднѣлъ и сказалъ, что не пуститъ учениковъ изъ класса. Нашъ классъ находился рядомъ съ залой и мы слышали какъ начали пороть несчастнаго Лукьянчикова, слышали какъ онъ отчаянно кричалъ, какъ крики становились все тише и тише и наконецъ замолкли, послѣ мы узнали что Лукьянчикова унесли въ больницу безъ сознанія. Не помню сколько времени спустя послѣ порки Лукьянчикова, наказаннаго за своевольный уходъ изъ пансіона, подобный же случай ухода произошелъ вновь и когда инспекторъ пригрозилъ сообщить объ этомъ губернатору, то виновный,—пансіонеръ Кривошапкинъ, убѣжалъ изъ пансіона и со страха застрѣлился. Это сильно подѣйствовало на начальство гимназіи и почти вывело изъ употребленія розги.

Изъ преподавателей того времени въ памяти у меня сохранились немногіе. Учителемъ естественной исторіи былъ молодой Маакъ (впослѣдствіи главный инспекторъ училищъ Восточной Сибири), преподавалъ онъ прекрасно и мы, мальчики 2-го класса, съ величайшимъ удовольствіемъ учились зоологіи. По указанію Маака мы дѣлали безъ учебника описаніе приносимыхъ имъ костей череповъ и тому подобное. Почти каждый изъ насъ долженъ былъ сдѣлать часть скелета, то есть кто приготовитъ ногу, кто черепъ какого-либо домашняго живстнаго, больше всего, конечно, появлялись скелеты пѣтуховъ, поросятъ и кошекъ. Маакъ былъ прекрасный педагогъ. Говорятъ, что впослѣдствіи, сдѣлавшись главнымъ инспекторомъ онъ сдѣлался

и большимъ чиновникомъ, даже нажилъ деньги и будто бы не совсѣмъ честнымъ путемъ.

Учителемъ географіи былъ Паргачевскій, впоследствии занявшійся торговыми дѣлами на Амурѣ. Паргачевскій любилъ задавать ученикамъ вопросы, какъ проѣхать изъ одного мѣста въ другое, причемъ ученикъ долженъ былъ перечислять всѣ промежуточные мѣста. Помню, что сначала дѣлалось это по картѣ, а потомъ на память. Множество географическихъ названій заучивалось довольно твердо.

Учителемъ чистописанія былъ Николай Васильевичъ Новоселовъ, онъ же и надзирателемъ, онъ же и писмоводитель канцеляріи, самъ онъ писалъ очень красиво, но по старинному училъ насъ писать съ прописей и, конечно, гусинымъ перомъ. Употребленіе стальныхъ перьевъ, тогда только появившихся, было строго запрещено и если кто-либо контрабандой приносилъ стальное перо въ классъ, а тѣмъ паче писалъ имъ, то такого не только оставляли безъ обѣда, но угрожали поркой. Необходимо было научиться самому очинить гусиное перо и отъ этого искусства много зависла отмѣтка по чистописанію. Время на очинку перьевъ тратилось масса. Иногда рѣжешь, рѣжешь перо, а оно все либо мажетъ, либо задѣваетъ за бумагу и брызжетъ чернилами, тутъ какъ разъ получишь единицу или двойку и слѣдовательно субботнюю порку.

Зданіе Иркутской гимназіи одно изъ лучшихъ въ городѣ, въ нижнемъ этажѣ помѣщался пансіонъ, были квартиры директора, инспектора и пр., а въ верхнемъ классы и громаднѣйшее зало, входъ въ которое былъ всегда запертъ и я только впоследствии видѣлъ его. Противъ гимназіи былъ домъ Главнаго управленія Восточной Сибири—очень невзрачный деревянный—одноэтажный и на видъ очень грязный. Наискось гимназіи находилось училище канцелярскихъ служителей съ маленькимъ флигелемъ, выходящимъ на поперечную улицу. Этотъ флигелекъ мнѣ очень памятенъ, такъ какъ приходилось ходить мимо него ежедневно и почти всегда кланяться знакомому смотрителю училища Петру Ивановичу Шляпникову. Судьба этого Шляпникова, всегда удивляла меня. Онъ былъ очень образованный человекъ, кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ по факультету восточныхъ языковъ, прекрасно зналъ латинскій, французскій и нѣмецкій языки и былъ секретаремъ консульства въ Ургѣ. Поступивъ на службу по министерству

иностранныхъ дѣлъ, онъ могъ бы, кажется, проложить себѣ дорогу, но вышло не такъ. Ему не понравилось почти полное отсутствіе дѣлъ въ консульствѣ, и онъ перебрался въ Иркутскъ, гдѣ и былъ назначенъ, благодаря знанію языковъ, столоначальникомъ политическаго стола и долженъ былъ просматривать всю переписку политическихъ преступниковъ-декабристовъ, изъ которыхъ многіе жили въ Иркутскѣ. Ему невольно пришлось имѣть дѣло съ такими тузами какъ Волконскіе и Трубецкой.

Черезъ его руки шли всѣ письма какъ отъ нихъ, такъ и къ нимъ. Говорятъ, что безъ всякаго послабленія, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Волконскими, а черезъ нихъ могъ имѣть громадную протекцію въ Питерѣ. Тѣмъ болѣе что тогда декабристы уже не содержались въ прежней строгости. Однако, Шляпникову не понравилась такая, по его словамъ, шпіонническая должность, и онъ вышелъ въ отставку, а затѣмъ попалъ смотрителемъ канцелярскаго училища. Послѣ закрытія этихъ училищъ, Шляпниковъ уѣхалъ въ Казань и попалъ куда-то въ уѣздъ въ становые-началь покучивать, лишился и этого мѣста, сильно бѣдствовалъ вмѣстѣ съ женой и нѣсколькими дочерьми и когда уже я служилъ въ Казанскомъ университетѣ, то чрезъ проф. Фирсова удалось пристроить дряхлаго Шляпникова въ бібліотекари профессорской комнаты, гдѣ главное его дѣло было прибирать на столѣ разбросанныя газеты. Мизерное жалованье кое какъ спасло старика отъ голодной смерти. Впослѣдствіи онъ, кажется, перешелъ на болѣе спокойное мѣсто архиваріуса университета и умеръ въ крайней бѣдности. Такова судьба этого образованнаго чело-вѣка. Я всегда смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

Шляпниковъ былъ хорошимъ знакомымъ моего отца и дяди Иннокентія Ильича и часто бывалъ у насъ въ домѣ. Изъ лицъ, посѣщающихъ отца, мнѣ хорошо помнится бурятъ Доржи-Банзаровичъ Банзаровъ, также получившій хорошее образованіе, сначала въ Казанской 1-й гимназій, гдѣ его фамилія записана на мраморную доску, а затѣмъ въ Казанскомъ университетѣ. Банзаровъ былъ, кажется, чиновникомъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ и извѣстно, что онъ очень помогалъ преосвященному Нилу въ его переводахъ священныхъ книгъ на монгольскій языкъ и въ составленіи имъ книги „о буддизмѣ“. Банзаровъ былъ ламайтъ и несмотря на всѣ убѣжденія не принялъ христіанства. Про него рассказывали, что когда, однажды, онъ былъ

посланъ къ бурятамъ для производства какого то слѣдствія, то онъ остался въ улусѣ, поселился въ кибиткѣ и не хотѣлъ возвращаться въ Иркутскъ, такъ что его едва ли не силой выручили изъ втянувшей его родной среды. Онъ умеръ довольно молодымъ и его похороны по ламайскому обряду долго были предметомъ разговоровъ въ Иркутскѣ.

При мнѣ въ гимназїи училось нѣсколько бурятъ, однако большая часть изъ нихъ, если и доходила до университета, то почти всегда рисковала здоровьемъ и по совѣту врачей возвращалась въ родныя мѣста.

Здѣсь мнѣ припоминается распоряженіе начальства, существовавшее до 60-хъ годовъ, посылать учениковъ якутовъ Якутскаго уѣзднаго училища въ Казань для обученія въ земледѣльческой фермѣ. Не знаю, какъ бы эти агрономы примѣняли свои знанія при Якутскомъ климатѣ, гдѣ и ячмень не всегда созрѣваетъ, но я слышалъ отъ завѣдывающаго Казанской фермой, что присланные якуты большею частію умирали отъ непривычнаго казанскаго климата или должны были возвращаться на родину, получивъ большею частью чахотку. Странное распоряженіе начальства.

Вслѣдствіе непріятностей по службѣ отецъ перешелъ въ *Томскъ*, куда перевели и меня въ гимназію. Служебное положеніе отца въ Томскѣ было очень хорошее. Онъ состоялъ совѣтникомъ акцизнаго или питейнаго отдѣленія казенной палаты и пользовался общимъ уваженіемъ, какъ между своими сотоварищами по службѣ, такъ и въ обществѣ. Жизнь отца сложилась такъ, что онъ былъ постоянно занятъ: утро на службѣ, вечеръ дома за бумагами или любимой его работой—чтеніемъ и письмомъ.

Въ Томскѣ отецъ началъ писать „воспоминанія“ о своей жизни, и въ этой большой тетради, особенно въ началѣ существуетъ масса разнообразныхъ свѣдѣній, какъ о личностяхъ, такъ и о событіяхъ того времени. Много есть также историческихъ данныхъ. Какъ большой любитель литературы, отецъ собиралъ автографы своихъ любимыхъ писателей и еще въ молодыхъ лѣтахъ во время своей *поѣздки въ Петербургъ* познакомился съ нѣкоторыми тогдашними литературными знаменитостями. Онъ всегда съ величайшимъ удовольствіемъ вспоминалъ время своей поѣздки и тотъ *вечеръ*, который былъ устроенъ для него, кажется, у *Одоевскаго*, гдѣ петербургскія знаменитости почтили его какъ молодого провинціальнаго писателя. Памятникомъ

этого вечера сохранился у отца листъ бумаги, на которомъ присутствующіе написали на память Сибиряку по нѣскольку строкъ; тутъ есть и строки Карамзина и Полевого и много другихъ.

Несмотря на массу служебныхъ занятій и плохое здоровье, отецъ и въ Томскѣ пописывалъ статьи для Губернскихъ вѣдомостей и сочинялъ стихи, между которыми много могло назваться хорошими.

Будучи религіознымъ человѣкомъ, отецъ любилъ религіозное чтеніе и между его стихами есть нѣсколько хорошихъ, прочувственныхъ образцовъ духовнаго содержанія: Не знаю къ какому времени относится составленіе имъ „жизни и чудесъ свят. Иннокентія, нашего Иркутскаго Чудотворца“.

Всѣ рукописи отца послѣ его смерти были отправлены къ моему старшему брату Николаю Николаевичу, но затѣмъ перешли ко мнѣ и хранятся у меня. Слѣдовало бы заняться разборомъ ихъ и составленіемъ сборника, имѣющаго можетъ быть общественное значеніе какъ запись свидѣтеля провинціальной жизни Сибири въ 30—50 годахъ. Въ Томскѣ отецъ писалъ подъ псевдонимомъ „за Ангарскій Сибирякъ“.

Въ Томскѣ отецъ переѣхалъ вмѣстѣ съ мачихой и сестрой Люмашей, а вскорѣ туда же перевезли и меня. Въ Томскѣ родился братъ Кеша и сестра Саша. Прѣбыль семьи, общественная жизнь и занятія по службѣ отнимали у отца время для наблюденія за нашимъ ученіемъ и я съ сестрой Люмой былъ предоставленъ надзору няни — привезенной отцомъ изъ Иркутска. Средства отца были достаточны только для поддержки общественнаго положенія и не могли дать намъ порядочнаго наставника, притомъ и мачиха, вообще очень хорошая хозяйка, по своему невысокому развитію, не понимала настоящей потребности въ хорошемъ обученіи и развитіи дѣтей. По правдѣ сказать, наше счастье, что она мало обращала вниманія на насъ. Ея взглядъ на дѣль воспитанія сильно отозвался на Сашѣ, для которой мать требовала только знаніе французскаго языка и танцевъ, все же остальное не признавала за нужное и даже никакъ не согласилась отдать ее въ гимназію, а отдала въ пансіонъ и воспитала барышню, которой очень трудно пришлось жить на свѣтѣ.

Меня помѣстили въ *Томскую Гимназію* въ 1-й классъ. Гимназія находилась кажется въ плохомъ положеніи, директоромъ былъ старичекъ Мещериновъ, учителя въ млад-

шихъ классахъ были плохи, и у меня осталось только воспоминаніе объ *учителѣ рисованія Кокшаровѣ*. — Это былъ дѣйствительно хорошій учитель. Никакихъ пособій по рисованію въ гимназіи не было, однако Кошкаревъ сумѣлъ заставить ребятшекъ полюбить этотъ предметъ. Преподаваніе онъ начиналъ прямо съ натуры, указывалъ на вліяніе перспективы, и ребята сразу рисовали съ большимъ увлеченіемъ.

Построивши на столѣ что-нибудь изъ книгъ, положивъ на верхъ перо или что попадетъ подъ руку, онъ требовалъ нарисовать это въ одинъ урокъ и, постоянно слѣдя за учениками, поправляя и указывая имъ на особенности перспективныхъ линій, добивался прекрасныхъ результатовъ. Мы рисовали не чисто, но ясно представляли рисунокъ. Рисовали мы и классныя окна и двери, рисовали стулъ, поставленный на столъ, наконецъ, рисовали задачи наизусть, или фантазіи: шкафъ съ открытой дверцей, бутылка, покрытая стаканомъ и пр. и пр.

Жаль, что Кокшаровъ скоро выбылъ изъ гимназіи, и мы остались только съ тѣмъ, что онъ намъ далъ. Мы плохо усвоили отдѣлку рисунка, но зато хорошо понимали нарисованное.

Въ общемъ учились очень плохо. Порки были въ ходу и въ Томской гимназіи, но только въ младшихъ классахъ и не еженедѣльно, а разъ въ мѣсяцъ, когда директоръ обходилъ классы „съ отмѣтками“. Прежде табеля выдавались ежемѣсячно, и вотъ, когда такіе табеля были готовы, являлся въ классъ директоръ съ инспекторомъ и сторожами, похваливъ хорошихъ учениковъ, онъ дѣлалъ замѣчаніе слабымъ, а затѣмъ, плохихъ учениковъ или большихъ шалуновъ тутъ же въ классѣ пороли. Часто, впрочемъ, дѣлалось снисхожденіе и порку замѣняли карцеромъ. Хожденіе „съ отмѣтками“ занимало цѣлый день и то въ томъ, то въ другомъ классѣ были слышны крики.

Туго шло мое ученіе, но я ни разу въ Томскѣ не попалъ подъ порку и, оставшись въ 1-мъ классѣ еще на годъ, началъ учиться лучше, хотя вообще далеко неуспѣшно.

Сестра Людмила училась дома — для нея нанять былъ старичекъ *учитель француз. языка*, да какой-то *французикъ* — для *обученія танцевъ*. Я могъ бы тутъ тоже поучиться француз. языку, но увы никто меня къ этому не принуждалъ, а у самого не хватало умишка понять пользу знанія фр. языка. Танцовать наострился порядочно и

частенько плясалъ съ барышнями на дѣтскихъ вечерахъ, устраиваемыхъ въ домѣ богачей Соколовыхъ. Былъ большой любитель ѣздить верхомъ и частенько участвовалъ въ кавалькадахъ, устраиваемыхъ большимъ пріателемъ отца—полицеймейстеромъ Вас. Мих. Любимовымъ. Отецъ, по совѣту врачей, почти каждый день ѣздилъ верхомъ на своей маленькой лошаdkѣ „Чернышѣ“ и за городомъ нѣсколько проходилъ пѣшкомъ. Это у отца было великое удовольствіе послѣ сидѣнія въ канцеляріи и дома за бумагами. Вечера онъ тоже обыкновенно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и, какъ бы предчувствуя свою не долгую жизнь, приводилъ въ порядокъ свои „Воспоминанія“. Часто во время прогулокъ отца и я сопровождалъ его верхомъ же на очень хорошей лошаdkѣ. Изъ этихъ частыхъ поѣздокъ мнѣ остались памятны наши путешествія верстъ за 9-ть, на дачу Поповыхъ—*Басандайсу*. Это—чудная мѣстность и прекрасная дорога. Нерѣдко ѣздили на дачу *Степановку* въ 4—5 вер. отъ города, принадлежавшую Сосулину, гдѣ вечеромъ передъ праздниками въ маленькой церкви, отдѣланной превосходно. Дача эта представляла какой-то рай. Прекрасный домъ, роскошный садъ и прелестное мѣсто. Недоѣзжая съ полверсты до Степановки былъ хорошій хуторъ, принадлежащій также къ этой дачѣ, и здѣсь жилъ сосланный въ Сибирь *декабристъ* старикъ *Батенковъ*.

Отецъ иногда заѣзжалъ къ Батенкову и бесѣдовалъ съ нимъ. Это былъ человекъ очень образованный, кругомъ него была масса книгъ и онъ постоянно читалъ. Я, будучи мальчишкой, нѣсколько боялся этого, на мой взглядъ, суроваго старика, мнѣ помнится, онъ не только никогда не смѣялся, но и не улыбался. Впрочемъ это и не мудрено послѣ страшныхъ испытаній въ жизни. Говорятъ, его забыли сослать въ каторгу вмѣстѣ съ другими декабристами и онъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости 20 лѣтъ.

Только тогда объ немъ вспомнили и уже отправили на житье въ Томскъ, гдѣ онъ и познакомился съ хорошей семьей Сосулиныхъ, предложившей ему жить у нихъ на хуторѣ. Батенковъ въ мое время никуда не выходилъ изъ дома. Впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ и умеръ, кажется, въ Ярославской г. въ имѣніи своихъ родственниковъ.

Изъ замѣчательныхъ лицъ вспоминаю еще *Бакунина*, онъ жилъ нѣкоторое время въ Томскѣ, былъ принятъ въ

обществѣ, какъ очень образованный человѣкъ и его въ Томскѣ называли, конечно, въ шутку, Саксонскимъ Королемъ. Нѣсколько разъ онъ бывалъ и у отца. Насколько помню, всѣхъ поразила вѣсть о *свадьбѣ Бакунина на полкѣ Квятковской*. Во время одного изъ проѣздовъ генерала г. Муравьева изъ Питера въ Иркутскъ, Муравьевъ, какъ я послѣ узналъ, родственникъ Бакунина, ѣздилъ на дачу Квятковскихъ и былъ сватомъ Бакунина. Это было въ 1858 году. Я это хорошо знаю потому, что два брата барышни Квятковской были моими товарищами по гимназіи и мы почти всегда вмѣстѣ возвращались домой изъ гимназіи, такъ какъ Квятковскіе жили по дорогѣ, на Большой улицѣ подъ Юртичной горой, занимая нижній этажъ довольно большого дома. Вскорѣ послѣ свадьбы, Бакунинъ былъ переведенъ въ Иркутскъ, куда уѣхали и Квятковскіе, старшій изъ братьевъ Квятковскихъ, кажется, поступилъ куда-то на военную службу, а младшій былъ вмѣстѣ со мной въ 6 и 7 кл. Иркутской гимназіи, куда я перешелъ послѣ смерти отца въ 1859 г. Въ 1861—62 учебномъ году, когда мы были въ 7 классѣ, разнеслось извѣстіе, что *Бакунинъ бѣжалъ* изъ Сибири; я помню, какъ мы, гимназисты, начали подтрунивать надъ Квятковскимъ, упрекая его въ пособничество бѣгству, въ которомъ конечно онъ совершенно не виноватъ. Мы, гимназисты, бранили Бакунина, обманувшаго новаго генераль-губернатора Корсакова и бросившаго жену. Однако, впослѣдствіи, Квятковскій сообщилъ намъ, что Бакунинъ уже въ Парижѣ и что жена туда ѣдетъ, что въ его судьбѣ принималъ участіе бывшій генераль-губернаторъ Муравьевъ-Амурскій, который былъ ктиторомъ Парижской православной церкви.

Въ числѣ учителей старшихъ классовъ вспоминаю еще *учителя исторіи Игнатьева*, онъ умѣлъ заставить насъ полюбить свой предметъ, и мы съ удовольствіемъ занимались чтеніемъ историческихъ хрестоматій. Память у меня была хорошая и я отлично помнилъ массу именъ. Зналъ греческую миѣологию и хвалился знаніемъ древней исторіи, которую изучали по *учебнику Смарагдова*. Исторія Смарагдова заключалась въ 3 большихъ томахъ, и можно удивляться, какъ мы успѣвали ихъ выучивать. Краткое, но ясное объясненіе Игнатьева давало намъ только общій смыслъ какого-нибудь историческаго событія, а всѣ подробности мы должны были найти въ книгѣ и зазубрить.

Многіе читали, кромѣ Смарагдова, еще исторію Бенера. Почти для всѣхъ насъ это былъ любимый предметъ.

Томскъ въ пятидесятихъ годахъ былъ уже довольно большимъ городомъ, но грязнымъ и малоустроенъ. Большая улица шла почти чрезъ весь городъ и пересѣкалась грязной рѣченкой Ушайкой, чрезъ которую былъ устроенъ деревянный, неказистый мостъ, съ этого мѣста Ушайка шла параллельно улицѣ, такъ что Большая улица тутъ была застроена только съ одной стороны. Здѣсь были хорошіе дома: вблизи моста былъ домъ Зах. Мих. Цибульскаго, знаменитаго богача жертвователя на Томскій университетъ. *Зах. Мих. Цибульскій* вышелъ изъ простыхъ кабацкихъ подносчиковъ-мальчишекъ и, благодаря энергіи, добился самостоятельности. Работая лично самъ, безъ всякихъ управляющихъ, онъ нажилъ на своихъ золотыхъ промыслахъ большое состояніе. Онъ выстроилъ себѣ небольшой, но роскошный домъ и на диво всѣмъ вставилъ въ окна цѣльные стекла, что тогда было величайшей рѣдкостью. Въ домѣ все было отдѣлано мраморомъ. Въ верхнемъ этажѣ жилъ самъ Зах. Мих. съ женой (дѣтей у нихъ не было), а внизу помѣщалась старушка - мать Цибульскаго, которая занималась шитьемъ для пожертвованій въ церкви и держала около себя нѣсколько дѣвушекъ, помогавшихъ ей въ работахъ. Говорятъ, она хвалилась тѣмъ, что много лѣтъ шьетъ одной и той же иглой и потеря иголки составляла несчастіе, всѣ дѣвушки должны быть искать иголку и мучились, пока не находили.

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ Цибульскій съ женой предпринялъ путешествіе въ Россію и заѣзжалъ ко мнѣ въ Казань. Масса перинъ и подушекъ, набранныхъ на дорогу, была оставлена у меня въ Казани, такъ какъ только тутъ они смекнули, что путешествовать съ такимъ багажомъ неудобно.

Одинъ изъ моихъ знакомыхъ рассказывалъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ стариковъ Цибульскихъ гдѣ-то въ Малороссіи, ѣдущихъ въ тарантасѣ и забавлявшихся заводной игрушкой—соловьемъ. Посѣтивъ святыя мѣста, Цибульскіе возвратились въ Томскъ и занялись дѣлами благотворительности. Цибульскій *пожертвовалъ очень много на устройство Томскаго университета.*

Въ одномъ кварталѣ съ домомъ Цибульскаго находился и домъ богачей Шумигиныхъ, далѣе дѣлая небольшой изгибъ улица шла къ Юрточной горѣ и тутъ направо на самомъ краю горы былъ домъ Сосулина, а налѣво домъ почтовой конторы и домъ Губернатора, затѣмъ

направо выдѣлялся домъ совсѣмъ разорившагося богача Горохова. Гороховъ нажилъ состояніе на золотыхъ промыслахъ и страшно роскошничалъ; его садъ около дома представлялъ нѣчто волшебное: спускаясь подъ гору террасами, въ которыхъ вырыты были фантастическіе гроты, садъ пересѣкался громаднымъ искусственнымъ проточнымъ прудомъ, чрезъ который были перекинуты мостики и даже цѣлое зало, отдѣланное сплошь по стѣнамъ зеркалами. Масса насыпныхъ горокъ, бесѣдокъ и т. п., все было убрано цвѣтами. Въ этомъ паркѣ и саду были олени, дикія козы и пр. Здѣсь давались знаменитые пиры. Я, пріѣхавъ въ Томскъ мальчишкой, уже не видалъ всего этого, а только частенько бѣгалъ смотрѣть на разрушенный садъ, на провалившіеся мосты, разбитыя зеркала, обвалившіеся гроты и пещеры. Все было запущено, домъ занимали квартиранты (кажется, откупщикъ Исаевъ), а самъ Гороховъ жилъ больнымъ старикомъ въ небольшомъ флигелькѣ около своего когда-то роскошнаго сада.

Подвигаясь по Большой улицѣ еще дальше, всякій дивовался на дворецъ золотопромышленника Асташева, на дворецѣ красовались золоченныя звѣзды громоотвода и вообще онъ выдѣлялся своей величиной и отдѣлкой; здѣсь жилъ старикъ Асташевъ—жилъ очень скромно, не задавалъ ни банкетовъ, ни пировъ. Онъ, кажется, постоянно хворалъ. Семьи у него не было, единственный сынъ служилъ въ Петербургѣ.

Невдалекѣ отъ дома Асташева находился громаднѣйшій недостроенный соборъ, въ которомъ во время постройки провалился куполь. Соборъ уже много лѣтъ стоялъ въ разрушенномъ видѣ и по его полусгнившимъ лѣсамъ лазали козы, да мы, гимназисты, въ компаніи съ другими ребятами. Считалось за удалство постоять на самомъ верху на стѣнѣ и даже походить на ней.

Напротивъ этого собора было громадное зданіе присутственныхъ мѣстъ, а наискосокъ начиналась городская березовая роща—паркъ. Это было любимое мѣсто гулянья для насъ, ребятъ, тутъ было много бѣлокъ и мы ихъ ловили съ шумомъ и гвалтомъ. Въ этой рощѣ былъ выстроенъ небольшой домъ для помѣщенія клуба, а теперь здѣсь построено громадное зданіе Томскаго университета. Тутъ собственно кончается городъ, дорога дальше шла къ перевозу черезъ рѣку Томъ на Московскій трактъ. Невдалекѣ находились солдатскіе лагеря, занимающіе высокій берегъ Томи. Сюда

часто ѣздили горожане послушать музыку и погулять въ окрестныхъ лѣсочкахъ лагеря.

Противъ лучшей части города, около моста черезъ Ушайку была громадная грязная площадь, на которой помѣщался базаръ, а отъ него шла улица, называемая, кажется, Милліонною, сплошь застроенная каменными домами мѣстныхъ богатыхъ купцовъ. На этой улицѣ въ 2-хъ сосѣднихъ домахъ находилась наша гимназія.

Около моста черезъ Ушайку находился весьма крутой подъемъ на Воскресенскую гору, на верху которой былъ выстроенъ католическій костелъ и довольно большая часть города, которая тянулась до кладбища, находящагося на Сибирскомъ трактѣ. За Воскресенской горой расположена была громадная часть города, населенная большею частью раскольниками (много было скопцовъ), и здѣсь же выстроенъ единовѣрческій храмъ. Съ Большой улицы почти противъ губернаторскаго дома шель спускъ въ другую низменную часть города—Татарская слобода, гдѣ высился татарскій минареть. Грязь здѣсь была непролазная. Въ противоположной сторонѣ окраину города занимала такъ называемая Солдатская слобода, тоже не менѣе грязная. Садовъ въ городѣ не было, если не считать городской березовой роши на окраинѣ и монастырской роши, представляющей скорѣе заброшенный пустырь съ нѣсколькими деревьями. Монастырь мужской помѣщался среди города и былъ окруженъ каменной стѣной. Тамъ было нѣсколько церквей, и около главной изъ нихъ похороненъ мой отецъ. Чтобы найти его могилу, приложу здѣсь небольшой планъ, авось внучата когда-нибудь попадутъ въ Томскъ и вспомнятъ своего дѣдушку или прадѣдушку, авось подправятъ и могильный памятникъ, вѣроятно, попортившійся отъ времени. Памятникъ отца представляетъ цѣльный камень длиною до 2-хъ аршинъ, а вышиною около 1 аршина; онъ окруженъ желѣзной рѣшеткой.

Изъ томской жизни сильно врѣзалось въ моей памяти мое пребываніе во время ваката на казенномъ Кирилевскомъ винокуренномъ заводѣ, гдѣ завѣдывалъ знакомый отца Наполеонъ Ивановичъ Саковичъ, обрусѣлый полякъ. У него была большая семья. Саковичъ поступилъ на заводъ уже послѣ того, какъ заводъ сгорѣлъ, и я видѣлъ только громаднѣйшій прудъ и хорошо устроенное селеніе съ деревянною церковью. Заводъ находился верстахъ въ 60-ти отъ города вблизи Оби (около версты). Рабочими на заводѣ

были ссыльно-каторжные, однако они жили совершенно свободно и почти всѣ имѣли свои домишки и свое хозяйство. Нельзя было думать, что это каторга. Рабочіе свободно вѣдили въ лѣсъ, рубили дрова, занимались посѣвомъ, косили траву, были между ними портные, сапожники и др. мастера. Военнаго караула почти не было, и все обстояло благополучно. Даже отпускали въ городъ, конечно, секретно, для продажи издѣлій. Разобранныя части сгорѣвшаго завода были сложены въ груды и, кажется, послѣ растасканы. Мнѣ памятно, какъ послѣ распоряженія объ окончательномъ прекращеніи работъ на заводѣ, пришлось отправлять всѣхъ каторжниковъ на какой-то другой заводъ. Всѣхъ ихъ раздѣлили на нѣсколько группъ, и вотъ однажды представилась такая картина. Около дома смотрителя завода собрались отправляемые, большею частію люди семейные, у большинства своя лошадь и телѣга, куда посажены ребяташки и сложенъ домашній скарбъ. Кругомъ масса провожающихъ, которымъ предстоитъ такое же переселеніе. Плачь и вопль страшные. Домишки и огороды бросались задаромъ, потому что некому было покупать. На каждого каторжнаго выданы были кандалы, которые и положены на воза, и строго приказано надѣть ихъ около городского перевоза, когда встрѣтятъ городское начальство. Смотритель вышелъ проститься, служили молебенъ, угостили всѣхъ чаркой водки. Плачь усилился, и наконецъ караванъ тронулся подъ конвоемъ 3 или 4 старыхъ солдатъ. Жаль было видѣть, какъ народъ разставался съ мѣстами, гдѣ видимо имъ жилось хорошо. Та же участь переселенія постигла всѣхъ остальныхъ. Впослѣдствіи прорвало заводскую плотину и масса воды изъ громаднѣйшаго пруда надѣлала много бѣдъ: снесла почти всѣ домишки, построенныя ниже пруда, и, кажется, при этомъ погибло много народа. Что это за происшествіе—не понятно, неужели нельзя было спустить воду изъ ненужнаго уже пруда.

Въ 1858 году проѣхалъ чрезъ Томскъ *старшій братъ*, онъ кончилъ курсъ въ Иркутской гимназіи и, какъ хорошій ученикъ, былъ *отправленъ въ Казанскій университетъ*. Отецъ очень радовался встрѣчѣ съ своимъ первенцомъ и выходомъ его на университетскую дорогу. Учениковъ сопровождалъ учитель Яковлевъ, братъ пробылъ у насъ не болѣе дня и покатишь въ Россію. Въ этотъ годъ я перешелъ уже въ 5-й классъ гимназіи и началъ заниматься порядочно. Здоровье отца становилось все хуже и хуже, у

него развивалась чахотка, и онъ страшно слабѣлъ. Занимаясь на службѣ, отецъ почти никуда уже не выѣзжалъ и вечерами усиленно переписывалъ и приводилъ въ порядокъ свои рукописи, стараясь кончить книгу „Воспоминаній“. Въ концѣ года, въ декабрѣ, онъ рѣдко уже сидѣлъ и видимо постепенно угасалъ. Его еще поддерживала надежда на лѣтній отпускъ въ степь на кумысъ, что обѣщаль ему выхлопотать губернаторъ, но надежда не оправдалась и въ 1859 году 14 января въ часовъ 7 утра, онъ тихо умеръ, исполнивши весь христіанскій долгъ. Соборовали ночью, потомъ онъ благословилъ всѣхъ насъ и тихо умеръ. Въ послѣднія минуты его жизни у его постели были я и В. М. Любимовъ, другъ отца. Мачиху и маленькихъ Кету и Сашу увели изъ комнаты. Что-то такое оборвалось во мнѣ, когда я понялъ, что теперь начинается для меня новая жизнь, что уже нѣтъ отца, который сильно любилъ насъ и могъ насъ поддержать. Панихиды и самыя похороны отца я помню какъ-то смутно. У меня все перемѣшалось тогда въ головѣ. Передъ смертью отецъ позаботился объ устройствѣ семьи. Еще за годъ до этого выхлопоталъ принять сестру Люмашу въ Иркутскій институтъ, затѣмъ высказалъ желаніе, чтобы и меня перевести въ Иркутскую гимназію на казенный счетъ, и тутъ ему удалось такъ подѣйствовать на генераль-губернатора Муравьева, что *меня приняли въ Иркутскій пансіонъ въ неочередь*. Отецъ убѣдилъ пріѣхать въ Томскъ отца мачихи Забаровскаго, который жилъ въ Иркутскѣ на пенсіи и, пристроивъ всѣхъ дѣтей, былъ теперь одинокимъ, такъ какъ жена уже умерла. Такимъ образомъ я долженъ былъ уѣхать въ Иркутскъ, а мачиха съ маленькими дѣтьми осталась въ Томскѣ со своимъ отцомъ. Средствъ у отца никакихъ не осталось, мачиха получила очень маленькую пенсію и только благодаря тому, что у ней были деньжонки отъ своего отца—Забаровскаго, да и его помощь, она могла жить безбѣдно. Черезъ нѣсколько лѣтъ она вышла замужъ за В. М. Любимова, имѣющаго порядочныя средства и большую дочку Полину. Онъ женился уже въ 3-й разъ. У нихъ родился сынъ Иванъ, который кончилъ курсъ въ Симбирскомъ кадетскомъ корпусѣ и, послуживъ немного въ военной службѣ, занимается теперь сельскимъ хозяйствомъ въ Симбирской губерніи.

Въ Иркутскую гимназію я поступилъ прямо въ 6-й кл. и долженъ былъ жить въ гимназическомъ пансіонѣ. Дн-

ректоромъ состоялъ все тотъ же Константинъ Петровичъ Бабановскій, живущій холостякомъ въ зданіи гимназіи.

Изъ учителей хорошо помню Петра Ивановича Полынцова—математика. Онъ на первомъ же урокъ, желая узнать мои познанія по математикѣ, началъ меня спрашивать изъ курса 5 и 4-го класса, оказалось, что я ничего не знаю, это просто удивило его, и онъ махнулъ на меня рукой. Полынцовъ былъ очень умный и серьезный человекъ, его рассказъ перваго урока былъ для меня удивительно понятенъ, и я ясно представилъ себѣ всю суть урока, то же было и при дальнѣйшихъ разсказахъ Полынцова, и я отвѣчалъ ему всегда очень хорошо, однако зады я зналъ плохо, и потому Полынцовъ посоветовалъ мнѣ прочитать краткій курсъ алгебры Погорѣльскаго, и вотъ, прочитавши эту небольшую книжку, я съ величайшей любовью началъ заниматься математикой и сдѣлался первымъ ученикомъ въ классѣ по всѣмъ математическимъ предметамъ. Прочиталъ полный курсъ математики Бурдони (очень старое изданіе) и довольно хорошо рѣшалъ классныя задачи. Словомъ, прослылъ знающимъ математику. Это помогло мнѣ получить кое-какія льготы по другимъ предметамъ, въ особенности по языкамъ.

Учителемъ латинскаго языка былъ Мессъ (въ 70 годахъ онъ, кажется, получилъ мѣсто директора Красноярской гимназіи). Фигура этого нѣмца была удивительная: длинный, очень худой, онъ имѣлъ и лицо очень длинное, а пальцы его представляли какія-то тонкія, длинныя палки. Ходилъ онъ очень большими шагами, прикрывая лицо книгами. Входя въ классъ, онъ со второго шага былъ уже на каедрѣ и, держа растопыренными пальцами книгу, закрывался ею отъ учениковъ, изрѣдка выглядывалъ изъ-за нея то съ одной, то съ другой стороны. Мессъ былъ очень хорошій учитель, и его ученики хотя боялись, но уважали и прекрасно знали латинскій языкъ. Между моими товарищами 6-го класса я помню нѣсколькихъ, которые довольно свободно читали и даже говорили по-латыни, а вѣдь начинали учиться съ 3-го класса и число недѣльныхъ уроковъ было небольшое, далеко не то, какъ впоследствии въ классическихъ гимназіяхъ, гдѣ морили учениковъ латинскимъ и греческимъ языками и приводили къ тому результату, что, по окончаніи курса, классики сжигали на первой пирушкѣ всѣ свои классическія книги,

а филологическіе факультеты опустѣли до того, что иногда на нихъ не было въ курсѣ ни одного студента.

Я не учился у Месса, товарищи же рассказывали, что способъ его былъ таковъ: въ 3-мъ классѣ, приходя въ первый разъ на урокъ, онъ прямо заставлялъ учениковъ читать латинскую книгу и сейчасъ же переводить. Объясняя правила чтенія, онъ такъ умѣлъ заинтересовать учениковъ, что они очень скоро читали вполнѣ бойко и, безъ всякаго труда и зазубриванія, знали много словъ. Изученіе латинскаго языка шло такъ легко, что всѣ ученики не считали его за трудный предметъ.

Поступивъ въ 6-й классъ, я рѣшительно ничего не зналъ изъ латинскаго языка и на первомъ же урокѣ Мессъ заявилъ, что онъ не считаетъ меня ученикомъ и дѣйствительно никогда не спрашивалъ и не ставилъ никакихъ отмѣтокъ. При переходѣ въ 7-й классъ мнѣ разрѣшили сдать экзаменъ изъ латинскаго языка при окончаніи курса. Однако на мое счастье Месса уже не было, когда я кончалъ курсъ, а былъ другой учитель—Стратаницкій, человекъ очень слабый здоровьемъ и не пользующійся уваженіемъ со стороны учениковъ.

Къ окончательному экзамену въ 7-мъ классѣ я выучилъ кое-какіе переводы, но совершенно не зналъ грамматикки и на экзаменѣ получилъ единицу. Благодаря хорошимъ отмѣткамъ по другимъ предметамъ мнѣ назначили черезъ недѣлю переэкзаменовку, но я, придя къ Стратаницкому, заявилъ опять о своемъ незнаніи и указывалъ на желаніе свое поступить на математическій факультетъ, гдѣ дескать не нужно латинскаго языка, и Стратаницкій согласился поставить мнѣ тройку.

Спасибо ему. При теперешнихъ порядкахъ я былъ бы выброшенъ за бортъ и конечно влачилъ бы свое существованіе гдѣ-нибудь въ глуши Сибири мелкимъ чиновникомъ, а можетъ быть и совсѣмъ погибъ бы. Только одинъ разъ на своемъ вѣку мнѣ понадобился латинскій языкъ, это было тогда, когда я готовился къ министерскому экзамену по астрономіи и профессоръ Ковальскій указалъ мнѣ на необходимость познакомиться съ сочиненіемъ Бесселя „Fundamenta Astronomiae“. Пришлось обратиться къ знакомому студенту Порфирію Петровичу Гвоздеву, прекрасно знающему латинскій языкъ, и онъ, ничего не понимая въ математикѣ, переводилъ мнѣ текстъ, перевирая конечно математическіе термины. Этотъ переводъ, почти подстроч-

ный, сохранился у меня до сихъ поръ и если бы книга Бесселя не устарѣла, то можно бы издать ее на русскомъ языкѣ, конечно обдѣлавши переводъ Гвоздева какъ слѣдуетъ.

Изъ сочиненія Бесселя я вынесъ мало знаній, и знакомство съ нимъ было для меня не болѣе какъ знакомство съ историческимъ памятникомъ, написаннымъ великимъ астрономомъ - математикомъ и великимъ наблюдателемъ. Мое незнаніе латинскаго языка и тутъ мнѣ не помѣшало.

Учителемъ нѣмецкаго языка былъ пасторъ Косманъ, плохо знающій русскій языкъ, и ученики худо занимались этимъ предметомъ и часто вышучивали Космана, пользуясь его незнаніемъ русскаго языка.

Учитель естественной исторіи Кибальчичъ — хохолъ, былъ надзирателемъ пансіона и состоялъ въ большой дружбѣ съ директоромъ, его ученики не особенно любили, но онъ, кажется, былъ порядочный человекъ, хотя далеко не изъ умныхъ и знающихъ. Онъ почти каждую фразу начиналъ словами: „Да у скаже, у мой другъ, у тотъ, у тотъ“, такъ что гимназисты между собой звали его „Утотъ“. Въ 6-мъ классѣ онъ училъ насъ минералогіи, а въ 7-мъ физиологіи; эти предметы я зналъ довольно порядочно, но вотъ была бѣда, когда въ 7 классѣ пришлось сдавать экзаменъ не только по зоологіи, которую я еще мало-мало зналъ, минералогіи, физиологіи, но и ботаникѣ; этотъ послѣдній предметъ я совсѣмъ не проходилъ въ Томской гимназій, и мы никакъ не ожидали, чтобы его назначили на экзаменъ, предполагая, что дѣло ограничится только одной физиологіей. Просмотрѣвъ двѣ довольно толстыя книги по ботаникѣ (имя автора сейчасъ забылъ), я всталъ втупикъ, какъ тутъ вывернуться. И вотъ одинъ изъ товарищей взялся научить меня отвѣчать на экзаменъ у Кибальчича. Нужно было бойко перечислять разные ботаническіе термины, характеризующіе семейства растений, хотя эти термины и не относились бы къ тому семейству растений, о которомъ спрашиваютъ. Весь фокусъ основывался на томъ, что Кибальчичъ, собираясь останавливать вранье ученика, начиналъ свою фразу: да у скаже, у мой другъ..., а тутъ можно было наврать три короба, остальные же депутаты, не зная конечно ботаники, предполагали, что ученикъ отвѣчаетъ хорошо, и послушавъ немного, заявляли, что такого знающаго ученика нечего долго спрашивать. Кибальчичъ соглашался, и отмѣтка являлась хорошею, только

послѣ Кибальчичъ успѣвалъ доказать ученику его незна-
ніе, но это было домашнее дѣло.

Такъ случилось и со мной—я хорошо сдалъ экзаменъ
по батаникѣ.

Законоучитель—свящ. Карташовъ былъ довольно строгъ
и требовалъ отчетливыхъ знаній. У него учились хорошо.
Онъ почти всегда ходилъ по классу, такъ что про него сло-
жено было стихотвореніе, начинающееся такъ:

Ходить попъ по классу,
Съ длинной бородой,
Расправляя рясу
Жилистой рукой.

Учитель исторіи Иванъ Онисифоровичъ... (забылъ фа-
милію) увлекалъ насъ разсказами и чтеніемъ историч.
книгъ. Хорошій былъ учитель.

Русскій яз. намъ почти не преподавали, и мы сами
зубрили учебники: теорія прозы, теорія поэзіи, исторія об-
щей литературы, ист. рус. литерат. Зубрили ужасно. Учи-
телемъ считался Никоновъ. Это былъ замѣчательный че-
ловѣкъ. Будучи мальчикомъ-сиротой, онъ былъ воспитанъ
нашимъ директоромъ Бабановскимъ и по окончаніи курса
въ гимназіи, на счетъ же Бабановскаго, учился въ Казанскомъ
университетѣ, гдѣ и получилъ кандидата филологическихъ
наукъ, затѣмъ былъ опредѣленъ учителемъ русс. яз. въ Ир-
кутскую гимназію. Какая-то причина вызвала у него нелад-
къ своимъ воспитателямъ, и онъ началъ покучивать, а глав-
ное совсѣмъ бросилъ занятія съ учениками. Если онъ при-
ходилъ въ классъ, то только для того, чтобы почитать ка-
кую-либо книгу, а надо замѣтить, онъ читалъ превосходно.
Его чтеніе Гоголя, Успенскаго, Щедрина и др. просто при-
водило въ восторгъ всѣхъ учениковъ и, общаясь вызу-
брить всѣ учебники, ученики просили его только читать.
Для учениковъ онъ былъ какимъ-то идеальнымъ человѣ-
комъ. Всѣмъ намъ было извѣстно, что Никоновъ, вмѣсто
того чтобы идти въ гимназію, уходилъ версты за 3 отъ
города на берегъ рѣчки Каи и тамъ цѣлые дни лежалъ
на травѣ и читалъ, кормилъ его мельникъ-толчейсть, у
котораго онъ училъ читать ребенка лѣтъ 7—8. Рѣдко,
очень рѣдко заходилъ Никоновъ къ знакомому чиновнику
Ивану Флегонтовичу Голдобину, который на Каѣ нанималъ
дачу у какихъ-то захудалыхъ однодворцевъ. Теперь вѣ-
роятно будутъ понятны стихи, написанные Никоновымъ

На крутомъ пригоркѣ, лѣпится помѣстье
 Бывшихъ сынъ боярскихъ,—одинодворцевъ даже,
 Въ казаки .попавшихъ въ силу воли вражей.
 Сами землю пашутъ, но и все жъ дворяне,
 Грамоту имѣютъ, „копія въ чуланѣ“.
 Тутъ четыре дома, вотъ и вся деревня.
 Двѣ избушки новыхъ, двѣ постройки древнихъ
 Три семьи родныя въ трехъ семьяхъ витаютъ,
 А четвертый домикъ лѣтомъ нанимаютъ
 Какъ бы видѣ дачи,—городскіе люди
 Ради поправленья исхудалой груди,
 Или, въ общемъ смыслѣ, для восстановленья
 Силъ изнеможенныхъ въ жизни тревоженьяхъ.

Вотъ и нынче тоже тутъ живетъ съ
 супругой

Съ замарашкомъ сыномъ, съ лошадыю, прислугой,
 Рыболовъ извѣстный, старый мой знакомый,
 За глаза Флегонтычъ попросту зовомый,
 И охотникъ тоже онъ не изъ послѣднихъ,
 Говорять, бекасовъ настрѣлялъ намедни
 Столько, что ужъ больше и стрѣлять не хочетъ
 И ружье повѣсилъ, лучше не промочить
 Ногъ, какъ вотъ Косыгинъ ¹⁾ промочилъ въ
 ту осень,

Отчего недавно нездоровъ былъ очень.

Дальше, за помѣстьемъ, разлеглись поляны,
 Десятины пашень, тучныя саванны
 Съ яркими цвѣтами, березнякъ, малина
 И тѣнистыхъ кущей мягкая картина.
 Въ ихъ роскошной сѣни спряталось стыдливо
 Озеро большое, изогнувшись криво.
 Озеру Синюшкинъ далъ свое прозванье,
 Атаманъ разбойникъ (говорить преданье).

Все это пространство, прямо предо мною
 Замкнуто, какъ цѣпью, горною грядою;
 Тянется синѣя горная громада...
 Люди не напрасно порожденьемъ ада
 Назвали ту гору—Чертовой Горой,
 Озеромъ нечистымъ—озеро кривое.

На экзаменъ Апол. Ал. Никоновъ не явился, и директоръ,
 знатокъ русскаго яз. и словесности, сильно насъ нарѣзалъ

*) Косыгинъ—былъ молодой уч. гимназіи, преподав. законовѣдѣнія

и отложилъ экзаменъ на недѣлю. Конечно, желая выручить Никонова, какъ любимаго человѣка, мы сильно зубрили и умоляли его прійти на экзаменъ, однако онъ снова не явился, а прислалъ намъ письмо, которое, я помню, начиналось такъ:

„Питомцы мои милые, дѣти мои Богоданные“... въ этомъ письмѣ онъ высказывалъ соболѣзнованія, что сложившіяся обстоятельства невольно заставили его поставить насъ въ скверное положеніе. Мы плакали, читая это письмо. Директоръ, какъ добрый и хорошій человѣкъ, самъ выручилъ насъ, и экзаменъ прошелъ благополучно.

Къ письму Никоновъ приложилъ стихи на букву ъ. Конечно, ихъ сейчасъ же выучили, жаль, что нѣкоторыя строфы улетучились у меня изъ памяти. Вотъ та часть, которую я еще помню.

Б. = Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсъ

Убѣжалъ голодный въ лѣсъ,
Долго по лѣсу онъ бѣгалъ
И орѣхомъ не бѣдалъ,
Но за этотъ онъ обѣдъ
Даль обѣтъ не дѣлать бѣдъ.

В. = Вѣди вѣдать вѣлый вѣкъ

Долженъ каждый человѣкъ.
Вотъ возьмемъ хоть для примѣра
Съ вѣди пишутъ вѣсъ и вѣра.
Вѣна—Австріи вѣнокъ
Онъ столичный городокъ.
Вѣтеръ вѣетъ, вѣтки гнетъ,
Вѣникъ комнату мететъ,
А какъ вспомнимъ о медвѣдѣ
Такъ поймемъ, что значить вѣди.

Г. = Гнѣвъ гнѣдка легко смирить,

Гнѣзда птичьи грѣхъ зорить,
Говоритъ нашъ кучеръ Глѣбъ,
Разрѣзая черный хлѣбъ.

Д. = Изъ большой рѣки Днѣпра

Дѣти тащутъ осетра.
Съ ними дѣдушка хлопочетъ,
Внучка дѣвушка хохочетъ,
Рыбу въ избу принесли,
Раздѣлили на куски,
Мать имъ сдѣлала пирогъ,

Всякій кушалъ, сколько могъ.
 А въ другой рѣкѣ Днѣстрѣ,
 Отъ Днѣпра невдалекѣ,
 Мальчикъ маленькій купался
 И Богъ вѣсть куда дѣвался:
 Утащилъ ли царь лѣсной,
 Утопилъ ли водяной.
 Сколько люди ни искали
 Только время потеряли.

Ж.= Желѣза, желѣзо съ ять
 Такъ ужъ принято писать.

З. =

Л. = Лѣтомъ лекаръ въ лѣсъ пошелъ
 И нелѣпый грибокъ нашелъ,
 Онъ хотѣлъ залѣзть на пенекъ
 Да забираться было лѣнь.
 Глядь, налѣво тутъ въ лѣсу
 Мальчикъ вѣтъ себѣ лесу.

М. =

Мѣломъ цифры выставляють,
 Мѣркой мѣряють портной,
 Мѣстомъ хвалится иной,
 Наконецъ мѣситъ, мѣшатъ
 Нужно также съ ять писать.

Р. = Рѣшето не то что сито,—
 Нѣтъ, рѣшительно не то.
 Мелкой рѣшетью покрыто,
 А не частой,—рѣшето.

Х.— Буква хѣръ стоитъ крестомъ
 И Андреевскимъ притомъ.
 Хлѣбъ—для пищи намъ дается,
 Хлѣвъ—жилище для скота,
 Хрѣвъ—съ холоднымъ подается
 И съ горячимъ иногда.

Подпись. Подписалъ Сергѣй Фадѣевъ,
 А Матвѣй слышъ Алексѣевъ,
 За него черкнулъ злодѣй
 Алексѣевъ сынъ, Матвѣй.
 Ужъ у дяди у Сергѣя
 Пожурили мы Матвѣя.

Жаль, что эти стихи улетучились у меня изъ памяти.
 Авось кто-нибудь и имѣетъ списокъ ихъ, и тогда можно

бы дополнить. Ученики быстро заучивают ихъ и скоро знакомятся съ массой словъ, пишущихся черезъ ять. Вѣдь это камень преткновения для учащихся.

Нельзя не пожалѣть, что Петръ Великій, переламявая русскую грамоту, не вычеркнулъ буквы ять и не измѣнилъ кое-что другое. Видимо, онъ самъ не зналъ русской грамматики и не предвидѣлъ трудности ея изученія, не ожидалъ, что родится на свѣтъ Божій Гротъ, который своимъ обязательнымъ „русскимъ правописаниемъ“ въ 80-хъ годахъ окончательно спутаетъ юношество, которое будетъ знать, что по-школьному надо писать такъ, а въ жизни придется писать иначе. Знаменитаго правописанія Грота не придерживается ни литература, ни публика, даже учебники пишутъ, не руководствуясь Гротомъ.

Я не понимаю, чѣмъ руководствовался Гротъ; онъ иногда говоритъ, что писать нужно такъ, потому что это вѣрно по происхожденію слова, въ другомъ мѣстѣ, отбрасывая происхожденіе—основываетъ правильность письма на принятомъ обычаѣ. Такъ же странны его поясненія, напримѣръ, слово куралесить (можетъ быть куролесить) онъ производитъ отъ греч. киріелейсонъ,—поясняя, что это значитъ „Господи помилуй“. Удивительная связь!!

Слова Владиміръ (по Гроту—Владимиръ), идти (по Гроту итти) и масса другихъ словъ такъ и остались съ своимъ правописаниемъ, и только несчастные школьники, благодаря Гроту, получаютъ единицы. Я знаю случай, когда нѣсколько учениковъ, кончающихъ курсъ въ гимназіи, получили въ маѣ неудовлетворительныя отмѣтки по рус. языку и должны были выйти изъ гимназіи, а между тѣмъ въ августѣ ввели правописаніе Грота, по которому оказалось, что исключенные ученики писали по Гроту. Ихъ правописаніе, конечно случайно, совпало съ правилами Грота.

Очень интересна брошюра, приложенная къ отчету Московской жен. гимназіи Перепелькиной, составленная въ 80-хъ годахъ учителемъ русскаго языка В. Шереметьевскимъ, гдѣ онъ разбираетъ методы и правила Грота. Советую всякому почитать. Курьезнѣе всего—само Мин. Нар. Просвѣщенія пишетъ бумаги и даже печатаетъ свой журналъ, не вполне руководствуясь Гротомъ.

Чтобы окончательно покончить съ этимъ преобразователемъ русскаго правописанія, приведу еще курьезъ. Ученики могутъ пользоваться книгами только изъ учениче-

скихъ библиотекъ, и вотъ Мин. Нар. Пр. издаетъ въ началѣ 90-хъ годовъ каталогъ книгъ, которыя можно имѣть въ ученическихъ библиотекахъ.

Требуется мнѣніе Пед. Совѣта, какія книги добавить въ этотъ обязательный каталогъ, какъ ихъ распредѣлить и пр. и пр. Годика черезъ два издается новый, якобы дополненный и исправленный каталогъ книгъ. Конечно, Гротъ „Правописаніе“ стоитъ на своемъ мѣстѣ, и ученики берутъ его для руководства и справокъ. Проходитъ еще годика два, и изъ Министерства присылается второе изданіе каталога ученич. библиотекъ, исправленное и дополненное, но къ удивленію „Правописанія“ Грота нѣтъ. Конечно, это опечатка, грубая ошибка, однако нѣтъ, совсѣмъ не то: въ числѣ книгъ, изъятыхъ изъ ученическихъ библиотекъ и обозначенныхъ номерами стараго каталога, значится номеръ, подъ которымъ было въ каталогѣ „Правописаніе Грота“; значить, тутъ не ошибка, а прямо Гротъ изъятъ изъ ученическихъ библиотекъ. Спрашивается, какъ тутъ быть. Будучи директоромъ, я хотѣлъ написать запросъ, да махнулъ рукой. Авось, думаю, когда-нибудь найдется умный человѣкъ и выяснитъ русское правописаніе безъ всякихъ мудрствованій, а главное упроститъ его.

Мнѣ кажется, что правописаніе Грота будетъ въ послѣдствіи разбираться какъ желаніе запутать русскую грамоту, затруднить обученіе, ну, словомъ, система „Катковъ и Толстой“.

Однако возвратимся къ Никонову. Этотъ очень способный человѣкъ долженъ былъ читать пробную лекцію въ Казанскомъ университетѣ и хотя ему назначали время два раза, однако онъ не явился на лекціи, пьянствуя. Конечно, выяснилась его непригодность къ ученому дѣлу, и онъ больше не могъ рассчитывать на университетскую карьеру. Говорятъ, Никоновъ очень бѣдствовалъ и наконецъ былъ назначенъ учителемъ на Кавказъ, но вскорѣ тамъ умеръ. Жаль, что не нашлись добрые люди и не поддержали Никонова.

Изъ другихъ учителей припоминаю учителя французскаго языка Яковлева (въ послѣдствіи директоръ Иркутской гимназіи). Это былъ лѣнивый человѣкъ, и мы у него учили какіе-то французскіе стихи и больше ничего. Прекраснымъ учителемъ физики былъ Гессъ, онъ преподавалъ шикарно, рассказывалъ ясно и требовалъ отчетливыхъ знаній. Физику учили по Ленцу, всѣ теоріи были старыя, и теплоту счи-

тали за жидкость, магнитизмъ тоже. Ученики, услыхавшіе новыя теоріи колебаній, совсѣмъ становились въ тупикъ и не признавали ихъ.

Гескъ открылъ въ Иркутскѣ пансіонъ. Пансіонъ этотъ помѣщался въ очень большой квартирѣ, въ которой, кажется, ранѣе былъ клубъ. Помѣщеніе было прекрасное, въ нижнемъ этажѣ была квартира Геска, гдѣ онъ жилъ со своей семьей, кромѣ того внизу помѣщались холостые учителя гимназіи: Полынцевъ, учитель математики, и Косыгинъ, учитель законовѣдѣнія. Самъ Гескъ занимался съ учениками языками и физикой, Полынцевъ—математикой, а Косыгинъ—исторіей и вообще словесными науками. Классныя комнаты находились тоже въ нижнемъ этажѣ. Въ большомъ мезонинѣ были спальни пансіонеровъ. Хозяйствомъ завѣдывала жена Геска, все обставлено было очень шикарно, конечно, и цѣна въ этомъ пансіонѣ была очень дорогая—кажется, отъ 400 до 600 руб.

Пансіонеровъ было человѣкъ 15, и почти всѣ они учились въ гимназіи. Надзоръ прекрасный и какъ самъ Гескъ, такъ и его товарищи строго соблюдали свои дежурства и никогда не оставляли пансіонъ безъ надзора. Вообще пансіонъ Геска славился.

Пробывъ въ 7 классѣ годъ, я не могъ попасть на Сибирскую стипендію въ университетъ и потому долженъ былъ остаться на 2-й годъ.

Лѣтомъ 1861 года, живя у дяди, я началъ сильно заниматься, многое прочиталъ, беря книги изъ городской бібліотеки. Между прочимъ мнѣ попалось хорошее изданіе астрономіи Хотинскаго, и я съ увлеченіемъ не только прочиталъ эти 4 томика, но сдѣлалъ массу выписокъ и даже сравнивалъ приводимыя тамъ цифры съ цифрами Гумбольда, въ его Космосѣ, который я считалъ самой замѣчательной книгой на свѣтѣ. Увлекаясь популярной астрономіей, я выпросилъ себѣ изъ гимназіи небольшую трубу и цѣлыя ночи смотрѣлъ на звѣзды. Я былъ чрезвычайно радъ, что мнѣ удалось по сравненію неба съ картой отыскать планеты Венеру, Юпитера и Сатурна. Бывшую тогда комету я наблюдалъ, записывая примѣрно положеніе ядра относительно звѣздъ и отмѣчая направленіе хвоста. Цѣлые вечера просиживалъ, стараясь, хотя приблизительно, найти математическую связь между цифрами и дѣйствительно хорошо изучилъ космографію. Уже послѣ

начала уроковъ, директоръ Бабановскій, встрѣтивъ меня въ коридорѣ пансіона, вдругъ сказалъ: „я слышалъ, что вы звѣзды считаете“. Мнѣ показалось это намекомъ на мое ничего-недѣланіе, и я объяснилъ ему все простымъ любопытствомъ, не мѣшающимъ моимъ занятіямъ другими предметами. Такъ какъ это былъ день распуска на какой-то праздникъ, то я еще болѣе смутился, когда директоръ сказалъ: зайдите ко мнѣ послѣ классовъ на квартиру, я еще съ вами поговорю. Ну, думаю себѣ, задасть онъ мнѣ говку, а пожалуй не пустить домой на праздникъ.

Скрѣпя сердце отправился я къ нему, и онъ очень любезно похвалилъ мои занятія и далъ только-что полученныя имъ для библіотеки 4 тома общепонятной астрономіи Араго. Это было для меня большой наградой. Я просто не отрываясь прочиталъ это сочиненіе и удивлялся массѣ фактовъ, приводимыхъ въ немъ. Я чувствовалъ, однако, недостатокъ своей математической подготовки къ изученію части математическихъ сочиненій по астрономіи, но, не имѣя подъ руками какого-либо руководителя, я не представлялъ себѣ, сколько нужно было знать, чтобы имѣть возможность познакомиться съ теоретической астрономіей.

Добывъ какую-то старинную химію Гессе, я дѣлалъ кое-какіе простенькіе опыты, но мало пріобрѣлъ знаній по химіи.

Старуха бабушка Марья Ливерьевна частенько ворчала на меня за мои, по ея мнѣнію, не только бесполезныя занятія, но даже противорелигіозныя, т. к., говорила она, грѣхъ узнавать будущее, а ты толкуешь, что можно предсказать впередъ даже затменіе солнца. Часто, съ двоюродной сестрой Анютой Щукиной (замуж. за Думанскимъ) мы сердили старуху, увѣряя ее, что умѣемъ предсказывать небесное явленіе, на примѣръ, можемъ предсказать, что завтра будетъ день, а если ночью не будетъ облаковъ, то видны будутъ звѣзды. Старуха добродушно смѣялась и называла насъ глупыми ребятами, мы тоже были довольны своими выдумками и весело проводили время въ праздничные дни, когда меня отпускали изъ пансіона.

Въ концѣ 1861 года случилось въ Иркутскѣ сильное землетрясеніе. Я его хорошо помню. Хотя въ Иркутскѣ землетрясенія не составляютъ особенно рѣдкаго явленія, но обыкновенно бываютъ слабыя и многими совершенно не замѣчаются. Землетрясеніе 30 и 31 декабря 61 года было очень сильное. Послѣ обѣда 30 декабря, я отправился смѣ-

трѣть какую-то панораму, устроенную въ домѣ бывшаго канцелярскаго училища, наискосокъ гимназіи. Это было около 4-хъ часовъ вечера. Я и нѣсколько человѣкъ какой-то публики спокойно смотрѣли картинки, какъ вдругъ, установленныя въ комнатахъ перегородки начали шевелиться и трещать. Я сначала думалъ, что это просто перестановка картинъ, но задвигались стѣны, и кто-то крикнулъ: землетрясеніе! Всѣ бросились къ выходу и только тогда опомнились, когда очутились во дворѣ. Морозъ былъ сильный (градусовъ 25), и чувствовалось какое-то угнетенное состояніе. Раздавшійся звонъ колокола къ вечерни звучалъ какъ-то уныло. Было уже не до осмотра панорамы, и я скорѣе побѣжалъ домой, т. е. къ дядѣ. Тамъ, конечно, всѣ чувствовали бывшее землетрясеніе, но особаго значенія ему не придавали. Часовъ въ 7 я, переходя изъ одной комнаты въ другую, отворилъ дверь, и въ это время какъ будто что-то толкнуло меня, оказалось, это былъ новый ударъ землетрясенія, слабѣе перваго.

31 декабря многіе наши родные собрались на обѣдъ къ моей теткѣ Ал. Ильин. Щукиной въ ея домѣ, почти противъ церкви Благовѣщенія. Около 2¹/₂ ч. всѣ гости направились въ залу, гдѣ накрытъ былъ большой обѣденный столъ. Какъ только вошли въ залу, то раздалось дребезжаніе посуды, закачались старинныя зеркала и лампадки,— всѣ бросились бѣжать. Выскочивъ на дворъ безъ всякаго теплаго платья, несмотря на страшный холодъ, всѣ были поражены, увидѣвъ, что свалился крестъ съ церкви и что сама церковь качается. Двоюродная сестра моя Маша Красильникова вспомнила, что въ домѣ остался ея ребенокъ Саша, я бросился за нимъ и когда вбѣжалъ въ домъ, то нашелъ его сидящимъ на полу; я видѣлъ, какъ качались лампадки, сыпалась штукатурка, и, схвативъ Сашу, бросился бѣжать съ нимъ во дворъ, захвативъ въ прихожей какую-то шубку. Долго стояли всѣ во дворѣ, пораженные грозными явленіями, и затѣмъ уже было не до обѣда. Всѣ скорѣе торопились по домамъ, чтобы узнать, не случилось ли тамъ несчастія.

Я тоже поѣхалъ домой, улицы были пусты. Впечатлѣніе тяжелое. По дорогѣ видѣлъ, какъ повернулся крестъ на Тихвинской церкви. Дома у дяди было все благополучно. Онъ самъ прихварывалъ и во время удара сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Его мало поразило землетрясеніе, и онъ начал только спасать бутылъ съ какой-то рѣдкостной наливкой, снявъ ее съ гардероба, гдѣ она стояла. Въ городѣ земле-

трясеніе надѣлало не мало бѣдъ. Куполь Крестовской церкви упалъ, многія зданія дали трещины. Наша гимназія дала трещину вдоль всего верхняго корридора.

Во время землетрясенія 31 декабря осѣло довольно значительное пространство земли около Байкала, и на другой день, т. е. 1 января, воды Байкала залили такъ называемыя Кударинскую или Цыганскую степь. Погибло много скота, сѣна и пострадало бурятское населеніе. Кажется, никто изъ людей не погибъ.

Въ январѣ, февралѣ и далѣе удары землетрясенія повторялись почти ежедневно, хотя въ слабой степени. Населеніе начало трусить, и по ночамъ всѣ спали не раздѣваясь.

Припоминаю очень странное, скорѣе опасное распоряженіе архіерея, приказавшаго ежедневно служить какія-то молебствія во время вечерни. Народъ собирался въ церквахъ, т. е. въ самыхъ опасныхъ зданіяхъ во время землетрясенія.

Потомъ уже начали устраивать крестные ходы по городу, что конечно было благоразумно во всѣхъ отношеніяхъ, вызывая народъ изъ домовъ на улицу и площади.

Постепенно удары землетрясеній ослаблялись и въ мартѣ уже на нихъ не обращали вниманія.

Во время святокъ, благодаря землетрясеніямъ, отпустили институтокъ по домамъ, и сестра моя Люмаша пріѣхала къ дядѣ и бабушкѣ. Это былъ для всѣхъ насъ большой праздникъ. По заведенному порядку, институтокъ не отпускали по домамъ во все время 6-ти лѣтняго курса и онѣ жили тамъ, совершенно не зная своей домашней жизни и выходя изъ института были какими-то странными барышнями, — такъ, что названіе институтки было синонимомъ не развитой, не практичной дѣвушки. Посѣщеніе институтокъ родными происходило подъ особымъ надзоромъ классныхъ дамъ и выходило какъ-то торжественно. Я ходилъ къ сестрѣ въ институтъ почти каждое воскресенье и носилъ отъ бабушки какія-нибудь булочки и конфекты. Институтъ помѣщался тогда въ большомъ деревянномъ домѣ, съ громадными дворомъ и садомъ около Ушаковки на самомъ краю города. Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ Иркутскѣ институтъ перевели въ хорошій, выстроенный для него, домъ, на берегу Ангары, противъ дома генераль-губернатора.

Послѣ святокъ занятія въ гимназіи начались позднеобычнаго и даже вскорѣ (на масляницѣ), насъ, т. е. 7-й классъ,

совсѣмъ отпустили готовиться къ экзамену. Классныхъ занятій окончательно не было и только были выданы программы. Въ другихъ же классахъ уроки шли по обыкновенному; что была за причина разрѣшить намъ самостоятельно готовиться, я не знаю, но во всякомъ случаѣ нельзя объяснить это тѣмъ, что зданіе пострадало отъ землетрясенія.

Опасаясь за верхній этажъ, давшій трещину, туда перенесли кабинеты и вывели классныя комнаты, которыя размѣстились въ нижнемъ этажѣ. Инспекторъ Михаилъ Ивановичъ Орловъ перешелъ въ сосѣдній домъ, принадлежащій гимназіи, директоръ и надзиратель Кибальчичъ тоже. Пансіонъ, т. е. спальная и комната для занятій были прежнія.

Обычная жизнь въ пансіонѣ начиналась съ 6^{1/2} часовъ утра, когда раздавался звонокъ. Въ громадной спальнѣ, гдѣ помѣщалось до 70 человѣкъ пансіонеровъ, начиналось движеніе. Вставать было лѣнь, всякій старался улучшить еще нѣсколько минутъ для сна, и часто выходили неприятности, когда надзиратель усиленно приказывалъ вставать. Порядокъ существовалъ только при дежурствѣ Кабальчича, у другихъ надзирателей обыкновенно вставаніе воспитанниковъ тянулось долго и иногда съ приключеніями. Я помню, какъ какой-то озорникъ ночью перемѣшалъ сапоги, и утромъ стоило не мало трудовъ разобрать ихъ. Отправляясь въ маленькую комнату, гдѣ были два небольшихъ умывальника, пансіонеры сначала чистили себѣ сапоги какой-то удивительно тусклой ваксой и умывались при помощи нерастворимаго мыла. Затѣмъ, навянули куртки съ красными воротниками и, сунувъ въ рукавъ пестрый платокъ, отправлялись на молитву, которую читалъ одинъ изъ учениковъ а затѣмъ въ столовую пить чай.

Чай заваривался въ самоварѣ и наливался въ небольшія кружки, къ чаю полагалась четверть небольшой пшеничной булки. Послѣ чая въ той же столовой, которая служила и комнатой для занятій, повторяли уроки и около 9 часовъ отправлялись въ классъ; послѣ двухъ уроковъ, продолжавшихся каждый по 1^{1/4} часа съ промежутками въ 1/4 часа, была большая перемѣна въ 1/2 часа и снова 2 урока, т. ч. вообще уроки кончались въ 3 часа.

Въ большую перемѣну пансіонерамъ давали опять 1/4 пшеничнаго хлѣба или круглые (въ 1^{1/2} вер. въ діам.), очень твердые хлѣбцы, чаю не полагалось, а воды сколько хочешь.

Тотчасъ же послѣ классовъ обѣдали. Разнообразіе въ кушаньяхъ заключалось въ слѣдующемъ: щи съ кислой капустой или супъ съ разными крупами. Мяса въ этихъ кушаньяхъ не полагалось, а его вынимали, разрѣзывали на ломтики и подавали на второе блюдо, иногда съ капустой, иногда съ тертымъ картофелемъ. 3-е кушанье была каша: или просовая, или ячменная, или гречневая. На каждого полагалась ложка масла. Вотъ постоянный обѣдъ пансіонеровъ, другого я не вѣдалъ, проживъ въ гимназическомъ пансіонѣ 3 года. Чернаго хлѣба было сколько угодно. Послѣ обѣда до 5^{1/2} часовъ ученики гуляли въ небольшомъ залѣ, толкотня была порядочная и многіе изъ старшихъ воспитанниковъ ухитрились подъ разными предлогами отпроситься якобы къ роднымъ или знакомымъ, либо, неотложнымъ дѣламъ. Читать было нечего. Лѣтомъ отпускали въ садъ—гимназ. садъ былъ порядочный.

Послѣ чая, съ 6 часовъ пансіонеры сѣли за приготовленіе уроковъ. За каждымъ изъ 3-хъ столовъ сѣдѣло по 20 человѣкъ, а на четвертомъ остальные. На каждыхъ 20 человѣкъ полагалось по 3 сальныхъ свѣчи и 3-е щипцовъ для снятія нагара. За четвертымъ столомъ сѣдѣлъ надзиратель, наблюдающій за порядкомъ, но не принимающій никакого участія въ занятіяхъ учениковъ.

Всякій занимался какъ ему угодно и взаимной помощи было мало. Старшіе совсѣмъ не помогали младшимъ. Можетъ быть, эта самостоятельность была полезна.

Инспекторъ посѣщаль пансіонъ очень рѣдко, а директоръ едва-ли бываль въ немъ разъ—другой въ годъ.

Въ 8 ч. вечера кончались занятія, и воспитанники уходили погулять въ зало. Черезъ полчаса начинался ужинъ, и въ 9 часовъ всѣ отправлялись на молигву и спать. Ужинъ былъ такой же, какъ обѣдъ, но безъ каши. Было большое счастье захватить ломоть чернаго хлѣба и протащить его въ спальню, гдѣ, на сонъ грядущій, съѣсть.

Костюмъ состоялъ изъ синихъ брюкъ, безъ прорѣза впереди, затягивающихся сзади ремешкомъ, и черной однобортной куртки съ краснымъ стоячимъ воротникомъ. У своекоштныхъ, вмѣсто куртки, были двухбортные съ мѣдными пуговицами сюртуки,—форма была довольно красивая,—у своекоштныхъ и безобразная у пансіонеровъ.

Особенно она выглядывала неприлично у старшихъ неряшливыхъ воспитанниковъ. Верхнимъ костюмомъ служила шинель синяго сукна со стоячимъ синимъ же ве-

ротникомъ, подкладка была фланелевая. Фуражка съ краснымъ околышемъ, безъ всякихъ значковъ. Башлыковъ тогда совсѣмъ не знали, и воспитанники прыгали въ этой шинели и курткѣ безъ галошъ по морозу градусовъ въ 30, (что въ Иркутскѣ не рѣдкость). Частенько знобили носъ и уши, но на это никто не обращалъ вниманія. Для своекоштныхъ форменное верхнее платье было необязательно.

Почти всѣ воспитанники, имѣющіе родныхъ въ городѣ, имѣли и частное платье, на это не обращалось вниманіе начальства.

Бѣлье было довольно хорошаго холста и мѣнялось еженедѣльно.

Жилось въ пансіонѣ не худо, время проходило незамѣтно и недостатки не чувствовались. Всѣ къ нимъ привыкли и считали за невозможное какое-либо улучшеніе, да едва-ли оно и было возможно, когда на содержаніе воспитанниковъ отпускалось по 11 коп. въ день.

Занятія шли довольно успѣшно, шалостей было мало. Мы, считающіеся уже старшими воспитанниками, никогда не слыхали, чтобы ученики гимназіи что-либо напроказили въ городѣ, или можетъ быть это происходило оттого, что начальство не обращало вниманія на нихъ, но вѣдь ученики скорѣй начальства могли знать проступки своихъ товарищей, однако мы ничего не знали. Весьма вѣроятно, что въ тѣ времена жизнь семейная и общественная были инныя и не было повода къ соблазну юношества.

Никакихъ классныхъ наставниковъ, ни квартирныхъ надзирателей, ни обязательныхъ посвѣщеній церковныхъ службъ, ни даже классныхъ дневниковъ не было, но я убѣжденъ, что ученики были религіознѣе, благовоспитаннѣе и вели себя несравненно лучше учениковъ конца столѣтія. Семья съ большимъ уваженіемъ относилась къ учебному заведенію, смотрѣла на учителей какъ на лицъ, стоящихъ выше окружающей среды, и я, будучи мальчишкой, никогда не слыхалъ, чтобы кто-либо изъ старшихъ бранилъ порядокъ гимназіи или учителей. На гимназію смотрѣли какъ на авторитетъ въ дѣлѣ ученія.

Въ тѣ времена воспитаніе не лежало на обязанности учебнаго заведенія, а предоставлялось семьѣ. Наваленная впослѣдствіи Толстымъ обуза воспитанія чрезвычайно усложнила дѣло учебныхъ заведеній и совершенно разстроила добрыя отношенія школы къ семьѣ.

Родители попадали въ какіе-то тиски, съ нихъ требо-

вали еженедѣльной подписи въ журналѣ, т. е. требовали, чтобы они слѣдили за своими дѣтьми, но такъ какъ не всякій родитель можетъ это дѣлать, то во избѣжаніе вызововъ къ класснымъ наставникамъ, точно къ судебному слѣдователю, родители поручали подписывать дневники кому-либо изъ домашнихъ. Какъ только ученикъ получалъ плохую отмѣтку, сейчасъ требованіе помощи родителей; не пришелъ мальчикъ въ классъ, и у семьи некого послать увѣдомить о причинѣ неявки—отправляется помощникъ класснаго наставника на квартиру съ запросомъ: что, какъ и почему. Назначено ходить въ церковь, гдѣ учебное начальство, а родители желаютъ, чтобы дѣти ходили въ свой приходъ — цѣлая исторія, сейчасъ нужно узнать, былъ ли ученикъ дѣйствительно въ церкви. Бѣжитъ мальчишка въ 7 часовъ вечера, а тутъ какъ на смѣхъ вывертывается изъ-за угла надзиратель — куда, зачѣмъ, какъ смѣлъ идти не въ показанное время. У ученика все запрещено. Родители не смѣютъ имѣть даже книгъ, не разрѣшенныхъ въ ученической библіотекѣ.

Сообщилъ А. Робушъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ рисунку „Русская подводная лодка“.

Тяжела служба родинѣ нашихъ подводныхъ лодокъ. Прилагаемая къ книгѣ фотографія нашей подводной лодки, вернувшейся изъ плаванія, наглядно показываетъ читателю тяжесть этого служенія.

В. П.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1916 года

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ
ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯВРЬ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

I. За пятьдесятъ лѣтъ (воспоминанія Глѣбовой). Сообщилъ Б. Скуратовъ . . . 22—32,
161—170,	375—382
II. Воспоминанія о Рыбаковѣ. Д. Проскурнина	33—35
III. Изъ воспоминаній о службѣ по судебному вѣдомству. В. С. Чеважевскаго . . . 64—95	384—398
IV. Воспоминанія о Н. А. Вишнеградскомъ. Н. Авенариуса	144—145
V. Записки В. Н. Виноградскаго	441—474

Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. Императоръ Александръ I въ Голландіи и Саардамѣ. А. С. Лацинскаго	3—21
II. Свидѣтельство, данное Н. Ю. Акацатову дворянами Ольвіопольскаго уѣзда, М. М. Киріакова	36—38
III. Московскій Звенигородскій и Саввинъ Сторожевскій монастырь. Б. А. С.	39—47
IV. Вѣнокъ на гробъ Пушкина. Н. Лернера	48—58

V. О портретъ фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. П. М. Майкова	59—68
VI. Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П.	96—143, 262—318, 321—363
VII. Александръ I въ Архангельскѣ. П. Едемскаго	146—149
VIII. Дневникъ. И. И. Шамшина	150—157
IX. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 2-го по 16-е декабря 1915 г.	158—160
X. Изъ разсказовъ объ архіереѣ Смарагдѣ. В. Гайдукова	171—174
XI. Авантюристъ начала XVIII вѣка. (Изъ исторіи приѣма иностранцевъ на русскую службу). К. Арцѣльди	175—191
XII. Старинное слово о живомъ словѣ. Н. Сентюриной	192—202
XIII. Изъ размышленій историка (литература о П. И. Сумароковѣ). С. Разумовскаго	203—208
XIV. Земская реформа 1864 года и ея послѣдующія измѣненія. В. Смирнова	209—242
XV. Тому сто лѣтъ. В. Ключаревой	243
XVI. Казанская старина. Павелъ I въ г. Козмодемьянскѣ. В. П. Грузинцева	244—246
XVII. Казанскіе лашманы А. П. Залѣскаго	247—261
XVIII. Къ портрету рядового Турубаева	319
XIX. Въ родномъ гнѣздѣ (лѣтопись рода Бутовскихъ): А. Д. Бутовскаго	364—373
XX. Копія съ собственноручной записки Императора Александра I. Сообщилъ С. Н. Митусовъ	374
XXI. Форма для священниковъ. Сообщ. В. П. Федоровъ	383
XXII. Къ исторіи Ферапонтова Бѣлозерскаго монастыря. Сообщ. Ив. Суворовъ	399—400
XXIII. Къ исторіи рода Чайковскихъ. Сообщ. Ив. Суворовъ	401—403
XXIV. Изъ записной книжки „Русской Старины“. Начальницы институтовъ	404
XXV. Императорская Фамилія въ Крыму. Сообщ. В. Мелека	405—440
XXVI. Къ рисунку: Русская подводная лодка	475

Приложенія:

- I. Портретъ рядового Турубаева (при 8-й книгѣ).
- II. Фотографія русской подводной лодки (при 9-й книгѣ).

Библиографическій листокъ.

1. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 16 по 31 декабря 1915 г. (на обложкѣ іюльской книги).

2. К. А. Военскій. Пріѣздъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь 28 сентября 1812 г. Неизданное письмо очевидца. Пгр. 1915 г. (на обложкѣ августовской книги).

3. Вѣнокъ Врангелю отъ Общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. Пгр. 1916 г. (тамъ же).

4. Великорусскія сказки Вятской губерніи съ приложеніемъ текста вотяцкихъ сказокъ. Сборникъ Д. К. Зеленчука. Пгр. 1916 г. (тамъ же).

5. С. Ф. Либровичъ. Загадочный фельдмаршалъ русской службы. Пгр. 1915 г. (тамъ же).

6. Записки Е. Метаксы. Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Ильинскаго. Пгр. 1915 г. (на обложкѣ сентябрьской книги).

7. Публицистъ-гражданинъ. Литературный сборникъ, посвященный памяти Г. К. Градовскаго. Изданіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Пгр. 1916 г. (тамъ же).

8. Труды Тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга II. Тула. 1915 г. (тамъ же).

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ЭЛЕКТРО-МЕХАНИЧЕСКИХЪ СООРУЖЕНІЙ
„ДЕЖА“

бывш. Т-ва ДЮФЛОНЪ, КОНСТАНТИНОВИЧЪ и К^о.

Правленіе и Заводъ въ Петроградѣ, Аптекарскаго Острова,
Лопухинская ул., 8. Телефоны: 406-26, 123-02.

Представительство и сотрудничество:

Anciens Etablissements Sautter-Harlé, Paris.

Société Française Radio-Electrique, Paris.

J. Cocard, constructeur, Lille.

Société pour l'Exploitation des Brevets Bellem & Bregeras, Paris.

I. Отдѣлъ электрическихъ машинъ.

Динамо, электродвигатели и трансформаторы всѣхъ родовъ тока и мощностей.

Электрическіе насосы, вентиляторы и лебедки.

Распределительныя устройства.

II. Отдѣлъ судовой электротехники.

Разныя электрическія машины и приборы специальныхъ судовыхъ типовъ.

III. Радиотелеграфный отдѣлъ.

Полное оборудование радиотелеграфныхъ станцій стационарныхъ, судовыхъ, аэропланыхъ и кавалерійскихъ.

Радиостанціи большой мощности.

Радиостанціи на автомобиляхъ.

Динамо и динамо-двигатели специальныхъ типовъ (частота отъ 1000 до 100000 періодовъ въ секунду).

IV. Отдѣлъ прожекторовъ.

Прожектора стационарные, передвижные и судовые типа Гарле и К^о, съ

металлическими и стеклянными отражателями.

V. Отдѣлъ тепловыхъ двигателей.

Бензиновые двигатели.

Керосиновые двигатели съ пускомъ на бензинъ и керосинъ.

Керосино и бензино-динамо.

Керосино и бензино-насосы стационарные и передвижные для различныхъ цѣлей.

VI. Отдѣлъ магнето.

Магнето новѣйшихъ типовъ для двигателей стационарныхъ, судовыхъ и авіаціонныхъ всѣхъ системъ.

VII. Отдѣлъ измерительныхъ приборовъ.

Тепловые амперметры и вольтметры.

VIII. Воздухоплавательный отдѣлъ.

Предметы оборудования воздухоплавательныхъ парковъ.

Всякаго рода аппараты для добыванія водорода; конныя, паровыя и моторныя лебедки для привязныхъ шаровъ и всѣ принадлежности для военного воздухоплавательнаго дѣла.

Смѣты высылаются по требованію.

Этимъ сборникомъ достойна почтена память скончавшагося въ прошломъ году писателя (воспоминанія Градовскаго нѣсколько лѣтъ назадъ печатались въ „Русской Старинѣ“). Какое имя оставилъ по себѣ въ литературѣ Г. К. Градовскій, объ этомъ можно судить по однимъ заглавіямъ статей о немъ: „Ревнитель писательскихъ нуждъ“ (Я. Н. Колубовскаго), „Борецъ за старыя идеалы“ (Ольги Шапирь), „Добрый товарищъ“ (Вас. Ив. Немировича-Данченко), „Принципистъ“ (Н. Д. Боборыкина)... О личности и литературной и общественной дѣятельности Градовскаго рассказываютъ также Р. И. Сементковскій („Ближе къ жпзни“), В. А. Апушкинъ („Градовскій, гласность и война“), Е. П. Карповъ („Публицистъ-драматургъ“), Ип. Ф. Василевскій („На отдыхѣ“), В. К. Кузнецовъ („Градовскій и сѣзды русскихъ писателей“). Кромѣ того, въ сборникъ вошли отрывки изъ переписки Градовскаго съ Л. Н. и съ С. А. Толстыми, его автобіографія, его воспоминанія „О русской печати“, его рассказъ о поѣздкѣ въ Ясную Поляну къ Толстому и обзоры: „45 лѣтъ литературной дѣятельности“ и „Печать о Г. К. Градовскомъ“.

Труды Тульской губернской ученой архивной комиссіи. Книга II. Тула. 1915. Цѣна 2 р. 50 к.

В. Чернопятовъ публикуетъ рядъ кладбищенскихъ записей, относящихся къ составляемой имъ исторіи Тульского дворянства и вообще къ „Всероссійскому Некрополю“, Ю. В. Арсеньевъ—„Дѣдиловскія отказныя книги XVII вѣка (1664—1702)“, В. Базилевичъ—„Нѣсколько документовъ къ исторіи веневскихъ засѣкъ въ XVII вѣкѣ“. Очень интересна статья Н. А. Шестакова „Археологическій очеркъ г. Бѣлева и его древностей“. Мѣстность эта такъ богата памятниками прошлаго, что одному собирателю, свящ. Михаилу Бурцеву, удалось въ теченіе восьми лѣтъ собрать въ Бѣлевѣ и окрестностяхъ пять тысячъ предметовъ каменнаго вѣка. Историко-литературное значеніе имѣетъ письмо Державина къ С. П. Жихареву отъ 4 іюля 1811 г., котораго поэтъ благодаритъ за заботу „о снабженіи меня именами аглинскихъ лирическихъ поэтовъ“ и проситъ: „попекитесь о доставленіи мнѣ формъ триолета, рондо и станса“... Историкамъ пригодятся матеріалы для исторіи родовъ Арсеньевыхъ, князей Назаровыхъ, Полѣновыхъ, Сониныхъ. Напечатанные г. Е. Скебаллановичъ документы „Къ біографіи М. Е. Салтыкова-Щедрина“ (1867 г.) относятся къ его служебной дѣятельности, когда онъ управлялъ Тульской казенной палатой, и рисуютъ его настойчиво дѣловой и суровый характеръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ДВѢНАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ Петроградъ, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитная, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 гг. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913, 1914 г.г. по 9 рублей. 1915 г.—10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„Михаиль Ивановичъ Семевскій,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул. 7.